II

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ВТОРАЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

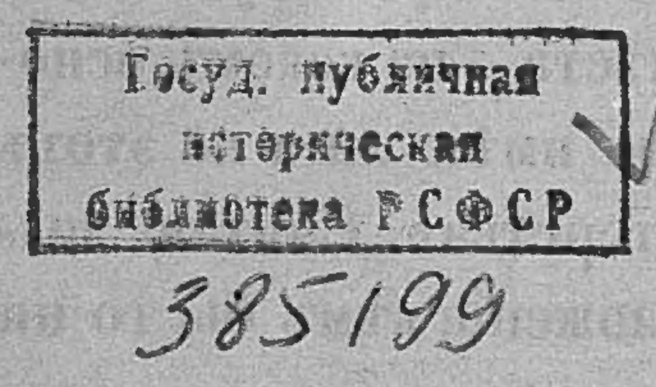
С.-Петербургъ.

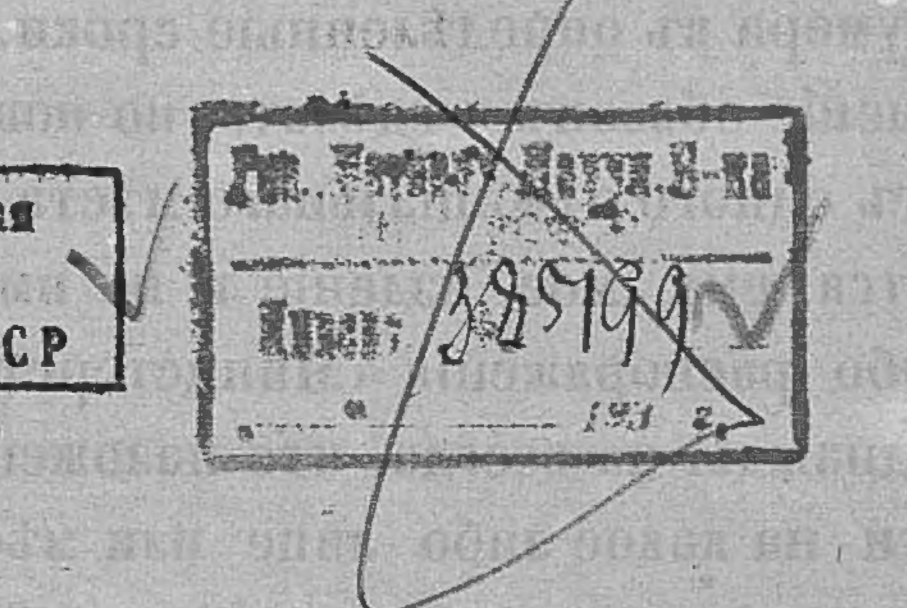
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, мая 29-го дня 1859 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.





Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Нѣкоторые изъ подписчиковъ на «Архивъ» сѣтуютъ, какъ я слышалъ, что онъ не выходитъ аккуратно, «въ опредѣленные сроки». Считаю долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что кромѣ сдѣланнаго мною обѣщанія въ программѣ этого Журнала *издать въ теченіи года шесть книгъ*—я никакого другаго обязательства на себя не принималъ и не могъ принять по слѣдующей причинѣ. Содержаніе Архива, какъ изданія историко-юридическаго, тѣсно связано съ моими занятіями по двумъ различнымъ службамъ; но служба, доставляя мнѣ возможность издавать Журналъ въ томъ видѣ, именно съ тѣми статьями и матеріалами, какіе я считаю общеполезными, вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ мнѣ заниматься имъ исключительно, что̀ необходимо для того, чтобы выпускать нумера въ опредѣленные сроки.

Другое объясненіе обязанъ я сдѣлать по поводу полученнаго мною запроса отъ одного оффиціальнаго мѣста—на какомъ основаніи присылается ему мое изданіе и не имѣю ли я на этотъ счетъ какого-либо распоряженія «Министерства». Считаю долгомъ объявить однажды на всегда, что наложеніе кѣмъ бы то ни было обязанности на какое либо лице или мѣсто получать извѣстный Журналъ, по моему убѣжденію, крайне оскорбительно для его Редактора. Поэтому я никогда не просилъ и не буду просить никакое Министерство содѣйствовать мнѣ къ увеличенію числа моихъ подписчиковъ. Съ другой стороны никому не посылаю я мое изданіе *за деньги* безъ особеннаго на то требованія; но еслибъ книгопродавецъ или кто другой, подписавшись на Архивъ, сталъ разсылать его по своему усмотрѣнію, то за такого *доброжелателя* я отвѣчать не могу

Редакторъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА СОДЕРЖАНІЯ И РАСПОЛОЖЕНІЯ СВОДА ЗАКОНОВЪ ГРАЖДАНСКИХЪ. *

ВВЕДЕНІЕ.

Во всѣхъ государствахъ законы образовались постепенно и возникали большею частію не изъ началъ умозрительныхъ, но изъ дѣлъ, изъ случаевъ и частныхъ рѣшеній, коимъ власть законодательная сообщала общую обязательную силу. Смѣшеніе, разнорѣчія и противоположности, при семъ неизбѣжныя, исправляемы были отъ времени до времени, то по частямъ, то въ цѣломъ ихъ составѣ, Уложеніями.

Въ Россіи, какъ и вездѣ, законы по временамъ приводимы были въ порядокъ.

Въ отдаленной древности составлены были два Уложенія: одно подъ названіемъ Русской Правды; другое подъ именемъ Судебника. Въ 1649 году, въ Соборномъ Уложеніи законы наши снова приведены были въ единство; но сіе единство не могло быть продолжительно: распространеніе промышленности и имуществъ, перемѣны во нравахъ,

(*) Считаемъ долгомъ замѣтить, что подъ этимъ заглавіемъ мы соединяемъ два, можетъ быть, различные труда графа М. М. Сперанскаго, найденные нами въ его бумагахъ, именно: «Введеніе къ Своду Гражданскихъ Законовъ», находящееся въ рукописи во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и Обозрѣніе книгъ и главъ того же Свода, находящееся (начиная со второй книги) въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которое помѣщается здѣсь съ разрѣшенія Начальника сей послѣдней, его высокопревосходительства барона М. А. Корфа. *Редакторъ*.

измѣненіе въ самомъ существѣ земскаго помѣстнаго владѣнія, общее и быстрое расширеніе всѣхъ жизненныхъ силъ въ государствѣ возрастающемъ, требовали и въ законахъ перемѣнъ, дополненій, изъятій и поправленій. Все сіе у насъ, какъ и вездѣ, не могло быть безъ смѣшенія, безъ многосложности, а иногда и безъ противорѣчій. Въ 1701 году, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ прежняго, новое Уложеніе законовъ признаваемо уже было необходимымъ.

Въ своемъ мѣстѣ представлены въ подробности всѣ начинанія, кои къ составу его съ того времени въ теченіи цѣлаго вѣка тщетно или съ малымъ успѣхомъ были употребляемы.

Въ началѣ 1826 года благоугодно было Государю Императору, преобразовавъ прежнюю Коммисію Законовъ, принять дѣло сіе въ собственный Свой надзоръ и попеченіе (указъ 31 генваря 1826 г.)

Съ того времени учрежденъ новый порядокъ. Все дѣло раздѣлено на три части: 1) собраніе законовъ; 2) своды или приведеніе законовъ въ порядокъ, и 3) составленіе Уложеній. Опытъ указалъ необходимость сего раздѣленія. При подробномъ обозрѣніи прежнихъ работъ найдено, что онѣ, часто прерываясь и потомъ возобновляясь, всегда почти начинаемы были съ конца, т. е. или начинали сочинять Уложеніе безъ Свода Законовъ существующихъ, или составлять Своды безъ полнаго ихъ собранія и безъ твердаго плана. Уложеніе безъ Свода есть умозрѣніе безъ практики; Уложенія не изобрѣтаются, но слагаются изъ прежнихъ законовъ съ дополненіемъ и исправленіемъ ихъ сообразно нравамъ и обычаямъ и дѣйствительной потребности государства.

I. Собраніе законовъ.

Извѣстно, сколь частныя наши собранія законовъ недостаточны и невѣрны. Архивъ бывшей Коммисіи мало представлялъ способовъ къ ихъ дополненію: въ немъ также многихъ указовъ не доставало; другіе состояли въ выпискахъ и отрывкахъ, никѣмъ не скрѣпленныхъ и не имѣющихъ никакой достовѣрности. Слѣдовательно надлежало начать дѣло сіе съ самыхъ первыхъ его основаній. Для сего изъ всѣхъ государственныхъ, сенатскихъ и коллежскихъ архивовъ, посредствомъ особенныхъ Коммисій, собраны были сперва реестры всѣхъ узаконеній. Изъ сравненія ихъ составленъ одинъ

общій полный реестръ, и по оному отъискиваемы были изъ разныхъ мѣстъ самыя узаконенія. Въ семъ изысканіи постановлено общимъ правиломъ восходить для достовѣрности къ первымъ источникамъ; для сего болѣе трехъ тысячъ книгъ сенатскихъ протоколовъ осмотрѣно и нужное изъ нихъ взято. Важнѣйшія узаконенія свѣрены съ самыми подлинниками, изъ Кабинета Его Императорскаго Величества и отъ Сенатскаго Архива доставленными. Уложеніе 1649 года сведено съ подлинникомъ его, въ Московской Оружейной Палатѣ хранившимся. Такимъ образомъ по 1 генваря 1828 года окончено Собраніе Законовъ до 1760 года—разстояніе, болѣе ста лѣтъ заключающее и по многосложности изысканій самое затруднительное. Остальная часть сего труда совершится въ теченіи сего года. Между тѣмъ устроена при Второмъ Отдѣленіи особая типографія. Въ теченіе мая она должна воспріять свое дѣйствіе.

Въ семъ собраніи будетъ заключаться самый текстъ закона съ оглавленіями и алфавитами во всей его полнотѣ и достовѣрности, и симъ положено будетъ первое основаніе всѣхъ Сводовъ и Уложеній.

II. Своды.

Вторая часть работъ состоитъ въ Сводѣ Законовъ. Всѣ указы и постановленія, на пространствѣ 176 лѣтъ разсѣянныя, привести по каждому ихъ разряду въ одинъ составъ, дать имъ систематическую связь, такъ чтобъ они представляли одно цѣлое, одну книгу, какъ бы однимъ пріемомъ и въ одно время сочиненную, безъ повтореній и противорѣчій, въ семъ состоитъ дѣло Свода.

Изъ разныхъ родовъ законовъ признано нужнымъ прежде всего составить Сводъ Законовъ Гражданскихъ.

Законы Гражданскіе отдѣляются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что главнымъ предметомъ ихъ суть частныя пользы, права и обязанности частныхъ людей между собою.

Сводъ сихъ законовъ раздѣленъ на двѣ главныя части, изъ коихъ въ *первой* излагаются законы о пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ и о разныхъ ихъ измѣненіяхъ; во *второй* законы о защищеніи гражданскихъ правъ въ случаѣ ихъ нарушенія. Первая часть содержитъ въ себѣ четыре книги: 1) о состояніяхъ; 2) о правѣ на

*

имущества по разнымъ укрѣпленіямъ; 3) о правѣ на имущества по обязательствамъ; 4) объ актахъ, коими укрѣпленія и обязательства совершаются. Вторая часть содержитъ въ себѣ три книги: 1) о взысканіяхъ за нарушеніе правъ; 2) объ устройствѣ гражданскихъ судебныхъ мѣстъ; 3) о судопроизводствѣ.

Въ сихъ семи книгахъ содержится, *во первыхъ*, все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ собственный предметъ Гражданскаго Уложенія (Code civil, bürgerliches Gesetzbuch); *во вторыхъ*, все то, что въ нихъ разумѣется подъ именемъ Коммерческаго Уложенія (Code de commerce); *въ третьихъ*, все то, что составляетъ предметъ Судебнаго Уложенія (Code de procédure, bürgerliche Gerichtsordnung), и сверхъ того, *въ четвертыхъ*, въ сихъ книгахъ заключается обширная и многосложная часть совершенія всякаго рода гражданскихъ и даже межевыхъ актовъ, и устройство судебныхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ планъ сей заключаетъ въ себѣ не только весь кругъ законовъ гражданскихъ, но и всѣ законы тяжебные межевые, не касаясь только технической части межеванія, какъ предмета, къ другому роду законовъ принадлежащаго.

Цѣль Свода Гражданскихъ Законовъ, такъ какъ и всѣхъ сводовъ вообще, есть представлять всѣ законы, по сей части существующіе, въ естественной ихъ связи безъ повтореній и противорѣчій. Но сего достигнуть было не возможно, не пройдя прежде всѣ сіи законы въ видѣ историческомъ. На одинъ и тотъ же случай представляется пять, шесть, десять законовъ, въ разныя времена состоявшихся; какой изъ нихъ должно считать дѣйствующимъ и какой отмѣненнымъ и чѣмъ именно отмѣненнымъ? Для сего надлежало обратиться къ самому началу гражданскаго законодательства, раздѣлить его на періоды, осмотрѣть каждый изъ нихъ отдѣльно и въ каждомъ опредѣлить, какіе законы въ немъ были дѣйствующими по каждому предмету, чѣмъ и какъ они измѣнились въ послѣдующемъ періодѣ, что въ немъ осталось изъ предъидущаго и что къ тому прибавлено, и такимъ образомъ довесть все до времени настоящаго. Слѣдовательно надлежало составить два Свода — одинъ, въ коемъ изложены гражданскіе законы *въ видѣ историческомъ* со всѣми ихъ измѣненіями, а другой Сводъ Законовъ въ настоящемъ ихъ дѣйствіи. Первый представляетъ, какъ законы наши образова-

лись, возрастали, измѣнялись; а послѣдній представляетъ то, что въ нихъ осталось неизмѣннымъ и нынѣ сохраняетъ свою силу и дѣйствіе. Оба Свода основаны на одномъ планѣ, и не только книги, но и раздѣлы книгъ и самыя главы съ нѣкоторымъ токмо необходимымъ изъятіемъ поставлены въ точномъ соотвѣтствіи. Особенности каждаго Свода состоятъ главнѣйше въ слѣдующемъ.

Въ сводѣ историческомъ все время гражданскаго законодательства раздѣлено на четыре періода. Первый изъ нихъ ограничивается Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г. Отсюда начинается второй періодъ—время, въ коемъ дѣйствовали такъ называемыя новоуказныя статьи совокупно съ Уложеніемъ, а частію и противъ Уложенія: оно продолжается до 1714 года, когда статьи сіи отмѣнены во всемъ, что въ нихъ могло быть противно Уложенію. Періодъ третій начинается съ 1714 года и продолжается до 1762 года: разныя части гражданскихъ законовъ получили другое направленіе, многія усовершены и всѣ почти болѣе или менѣе измѣнились. Четвертый періодъ съ 1762 года продолжается до времени настоящаго и достигаетъ до половины 1827 года.

Сводъ законовъ существующихъ заключаетъ въ себѣ около семи тысячъ статей. Въ сихъ статьяхъ, извлеченныхъ болѣе нежели изъ двадцати тысячъ указовъ, содержится все наше гражданское законодательство.

Сей сводъ долженъ служить основаніемъ составленію Уложенія. Для сего онъ долженъ имѣть два главныя свойства: полноту и точность.

Для достиженія первой цѣли, при составленіи подробнаго оглавленія предметовъ, въ Сводъ входящихъ, съ одной стороны пріемлемы были въ соображеніе лучшіе въ семъ родѣ образцы въ Римскомъ, Французскомъ, Прусскомъ и Австрійскомъ законодательствѣ; а съ другой прилагаемо было все попеченіе, дабы ничего не пропустить, что въ нашихъ законахъ къ гражданскому порядку относиться можетъ.

Для достиженія второй цѣли, точности, каждая статья въ Сводѣ многократно была повѣряема съ законами, на коихъ она основана; при чемъ тщательно избѣгаемы были всѣ повторенія и, по крайней силѣ и возможности, соглашаемы были противорѣчія (*).

(*) Есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ. Такъ напр. много было противорѣчій въ зако-

Впрочемъ, до какой степени обѣ сіи главныя цѣли, полнота и точность, достигнуты, предлежитъ сужденію Комитета, собственно для сего учрежденнаго.

Слѣдующее общее примѣчаніе здѣсь кажется неизлишнимъ.

Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что есть въ законахъ; но онъ не есть ни дополненіе ихъ, ни толкованіе. При подробномъ разсмотрѣніи статей его, легко можно замѣтить множество случаевъ, законами нашими необъятыхъ и неопредѣленныхъ, и замѣчанія сіи еще усиливаются сравненіемъ статей Свода со статьями, имъ соотвѣтствующими въ иностранныхъ уложеніяхъ. Такъ напр. у насъ, какъ и вездѣ, есть глава о духовныхъ завѣщаніяхъ; но у насъ она вся заключается въ 90 статьяхъ, а во Французскомъ Уложеніи она составляетъ 161, въ Австрійскомъ 175, въ Прусскомъ 616, и всѣ сіи статьи не суть мелкія какія либо подробности, но правила важныя, необходимыя. Другой примѣръ: глава объ опекѣ и попечительствѣ у насъ составляетъ 35 статей, а во Французскомъ Уложеніи 126, въ Австрійскомъ 97, въ Прусскомъ 1007. Подобные сему примѣры можно указать если не въ каждой главѣ, то почти въ каждомъ раздѣлѣ. Слѣдовательно, сколько объемъ Свода нашего обширенъ и полонъ, столько составныя его части недостаточны и скудны.

Сіе и быть иначе не могло. Гражданскіе Законы нигдѣ не были произведеніемъ умозрѣнія: они вездѣ возникали отъ дѣлъ и случаевъ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе дѣлъ, чѣмъ жизнь государства была продолжительнѣе, чѣмъ кругъ его дѣйствія обширнѣе, тѣмъ гражданскіе его законы обильнѣе, тѣмъ составъ ихъ полнѣе. Сто семьдесятъ восемь лѣтъ гражданскаго нашего законодательства (*) есть

нахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ Сводѣ всѣ они соглашены и подведены подъ одинъ послѣдній законъ единообразный; но въ основаніи сего самаго закона есть противорѣчіе: дозволено выкупать проданное родовое имѣніе въ теченіе двухъ лѣтъ; между тѣмъ, другимъ закономъ, каждому купившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно; по сему закону купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его и слѣд. выкупъ сдѣлать невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ о дозволеніи выкупа и закономъ о дозволеніи залога есть очевидное противорѣчіе. Но противорѣчія сего никакимъ Сводомъ исправить невозможно: тутъ самый законъ требуетъ исправленія.

(*) Началомъ дѣйствующаго у насъ законодательства пріемлется Соборное Уложеніе 1649 г.

эпоха весьма краткая въ сравненіи съ другими (*). Прибавить къ сему должно, что другіе народы вступили въ гражданскую жизнь съ великимъ наслѣдствомъ; мы, напротивъ, ничего почти не наслѣдовали отъ Римлянъ и весьма мало отъ Грековъ. Все богатство наше въ семъ родѣ есть наше собственное, благопріобрѣтенное. Справедливѣе можно дивиться тому, что мы имѣемъ, нежели тому, чего у насъ нѣтъ. Дополнить недостающее, довершить недоконченное, дать каждому предмету законодательства надлежащую его полноту и пространство, есть дѣло Уложенія. Оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ Своды, на коихъ оно основано, будутъ совершеннѣе.

КНИГА ВТОРАЯ. **

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ ИМУЩЕСТВЪ, О РАЗЛИЧІИ ПРАВЪ НА ОНЫЯ И ЛИЧНОЙ СПОСОБНОСТИ КЪ ИХЪ ПРІОБРѢТЕНІЮ.

Книга сія должна въ себѣ содержать все, что есть общаго въ двухъ послѣдующихъ: объ имуществахъ и обязательствахъ; она есть необходимое къ нимъ введеніе. Предметъ ея составляютъ три слѣдующіе вопроса:

(*) Законодательство многихъ Европейскихъ державъ начинается съ VII вѣка и слѣдовательно объемлетъ почти XII столѣтій.

(**) При первоначальномъ приступѣ во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи къ составленію Свода Законовъ, графъ Сперанскій собственноручно написалъ для каждаго чиновника предварительное обозрѣніе и главныя раздѣленія ввѣренныхъ ему частей. Слѣдующій за симъ текстъ представляетъ одну изъ такихъ предварительныхъ работъ. Разумѣется, что въ послѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшей разработки источниковъ къ разнымъ частямъ, и эти планы неоднократно измѣнялись. *Примѣчаніе барона М. А. Корфа.*

Къ крайнему сожалѣнію, конспекта первой книги Свода Законовъ Гражданскихъ я не нашелъ между бумагами графа М. М. Сперанскаго ни въ Императорской Публичной библіотекѣ, ни во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Впрочемъ, баронъ М. А. Корфъ, занимавшійся редакціей первой книги Свода Законовъ Гражданскихъ изданія 1832 года, сообщилъ мнѣ, что особой предварительной записки на порученную ему книгу графъ Сперанскій ему не передавалъ, почему очень можетъ быть, что она и не была составлена. *Редакторъ.*

1) Какіе суть роды имуществъ, подлежащіе дѣйствію гражданскихъ законовъ—о родахъ имуществъ, de divisione rerum.

2) Какія права можно имѣть на имущества—права полныя, неполныя, право собственности, право пользованія, и проч.

3) Кто и въ какомъ пространствѣ правъ можетъ пріобрѣтать имущество. Это есть третій видъ права состояній. Первое состояніе есть политическое (законы о состояніи лицъ въ Государствѣ); второе гражданское семейственное (книга первая Гражданскихъ Законовъ, о состояніи лицъ въ семействѣ); третье состояніе гражданское по имуществамъ, личная способность къ пріобрѣтенію имуществъ. Отсюда три главы въ сей книгѣ; въ ней нѣтъ раздѣловъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О разныхъ родахъ имуществъ.

I. Имущества суть наличныя или долговыя (bona corporalia et incorporalia).

Сіе раздѣленіе есть главное и коренное; его легко можно основать на нашихъ законахъ о наслѣдствѣ, объ описи имуществъ, о конкурсахъ, гдѣ именно различаются два рода имуществъ и называются одни *наличными*, другія *долговыми*, или въ долгахъ и обязательствахъ на другихъ состоящими. На семъ различіи имуществъ основаны и двѣ послѣдующія книги: объ имуществахъ наличныхъ (dingliches Recht, jus rerum) и объ имуществахъ долговыхъ, или обязательствахъ (jus ad rem, obligationes, Forderungen), и два процесса: одинъ крѣпостной или вотчинный, другой исковой. Здѣсь впрочемъ надлежитъ только дать одно правильное опредѣленіе того и другаго рода имуществъ, не входя въ подробности.

Выраженіе: имущества вещественныя и право вещественное не могутъ быть допущены въ нашемъ языкѣ, и въ практикѣ неизвѣстны.

Наличными имуществами считаются тѣ, кои дѣйствительно намъ принадлежатъ, или о принадлежности коихъ происходитъ споръ и тяжба въ мѣстахъ, для сего установленныхъ. Въ первомъ случаѣ они именуются *безспорными*, во второмъ *спорными*.—Все сіе можно основать на множествѣ законовъ, гдѣ упоминается объ имуществахъ спорныхъ и безспорныхъ.

Къ наличнымъ имуществамъ причисляются: 1) произведенія ихъ, и 2) произведенія собственно нашихъ силъ.

Къ наличнымъ имуществамъ также причисляется право на *безмездное пользованіе опредѣленными выгодами или угодьями (*) въ чужихъ имуществахъ*, какъ-то: право въѣзда въ лѣса, и тому подобныя. Это servitutes; но слово: «повинность» у насъ имѣетъ другое значеніе, и въ семъ смыслѣ не употребительно. Комитетъ правильно сіе замѣтилъ.

Посему всѣ наличныя имущества раздѣляются на четыре главные рода: 1) имущества, силами природы или силами нашими уже произведенныя, цѣльныя имущества; 2) произведенія сихъ имуществъ, какъ-то: плоды и приплоды; 3) произведенія собственныхъ нашихъ силъ; 4) угодья наши, состоящія въ чужихъ имуществахъ (servitutes).

Долговыми имуществами считаются всѣ тѣ обязанности, въ какихъ по долгамъ, по договорамъ и всякаго рода обязательствамъ состоятъ къ намъ другіе. Они также суть спорныя или безспорныя; въ первомъ случаѣ они называются *исками*. Все сіе можно легко вывести изъ законовъ.

Къ долговымъ имуществамъ причисляются иски по обидамъ и ущербамъ въ имуществѣ (obligationes ex quasi contractu).

II. Имущества суть недвижимыя или движимыя.

Къ движимымъ имуществамъ причисляются всѣ имущества долговыя. Сюда также причисляются и права на работы и повинности крѣпостныхъ людей. NB. Здѣсь должно удостовѣриться, на чемъ сіе послѣднее правило основано: если на указѣ Сенатскомъ, то нельзя его вводить, ибо на постановленіе столь важнаго правила, чтобы людей назвать движимостью, нуженъ именный указъ.

Къ недвижимымъ имуществамъ причисляются акты, планы и крѣпости на владѣніе оными. См. прежніе законы объ описи недвижимыхъ имуществъ 1745 г. и новое Положеніе объ описи, оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ, какое на сихъ дняхъ состоится.

Недвижимое имущество есть населенное или ненаселенное— означить примѣрами. Это различіе есть во многихъ указахъ и особливо въ финансовыхъ и межевыхъ.

(*) Слово *угодьи* въ старину точно значило нѣчто близкое къ servitutes, ибо они не составляли собственности совершенной, но были usus in bonis alienis.

III. Имущество какъ недвижимое, такъ и движимое, есть родовое или наслѣдственное и благопріобрѣтенное — опредѣленіе легко можно вывести изъ законовъ о выкупѣ и поворотѣ въ родъ. Впрочемъ здѣсь не должно приводить никакихъ правилъ, а нужно дать только одно законное опредѣленіе. NB. Въ указѣ о предъявленіи споровъ по духовнымъ завѣщаніямъ 1828 или 1829 капиталы не считаются родовыми — замѣтить сіе изъятіе изъ родовыхъ имуществъ. NB. Не должно раздѣлять роды имуществъ по принадлежности ихъ казнѣ, церквамъ, обществамъ, и проч.; сіе войдетъ въ третью главу сей книги.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О различіи правъ на имущество и пространствѣ ихъ.

I. Право собственности (dominium).

Право собственности имѣетъ: 1) тотъ, кто можетъ доказать, что онъ пріобрѣлъ имущество въ такомъ состояніи, въ коемъ оно никому не принадлежало (res nullius), и слѣдовательно онъ былъ самымъ первоначальнымъ. Сей образъ пріобрѣтенія именуется первообразнымъ.

Или 2) тотъ, кто можетъ доказать, что имущество дошло къ нему отъ перваго пріобрѣтателя послѣдственно посредствомъ законныхъ передачъ, вмѣстѣ съ доказательствомъ первоначальнаго его пріобрѣтенія. Сей образъ пріобрѣтенія именуется производнымъ.

Назовемъ для краткости всѣ доказательства сего первоначальнаго пріобрѣтенія *первоначальнымъ укрѣпленіемъ* (titulus), тогда сіе укрѣпленіе будетъ составлять существо собственности (*).

Сіе понятіе о правѣ собственности есть одно строгое, юридическое; всѣ другія суть или ложныя (**) или поверхностныя; отсюда смѣшеніе и споры между юристами нескончаемые. Сіе понятіе

(*) Въ древнемъ Римѣ первоначальный пріобрѣтатель былъ auctor; отсюда aeterna auctoritas—auctoritas Senatus; l'initiative des lois.

(**) Такъ напр. опредѣленіе Французскаго Уложенія: La propriété est le droit de jouir et de disposer des choses de la manière la plus absolue—есть совершенно ложно. Австрійское не много лучше.

должно всегда имѣть въ виду, какъ догму, хотя и нельзя выразить его тѣми же словами въ текстѣ закона.

Въ правѣ собственности заключается: 1) пользованіе, 2) распоряженіе или передача; но самое право собственности не состоитъ ни въ пользованіи, ни въ передачѣ, ибо оно можетъ быть отъ нихъ отдѣлено. Можно уступить другому пользованіе, можно ввѣрить другому распоряженіе имуществомъ и оставаться однакоже въ правѣ собственности. Это называется dominium nudum, и однакоже dominium; доколѣ не передано другому первоначальное укрѣпленіе, дотолѣ остается dominium penes dominum.

Право собственности есть полное, когда пользованіе и распоряженіе остаются съ нимъ соединенными; неполное, когда они отдѣляются.

Право собственности на имущество, когда оно соединено съ правомъ державнымъ, droit de souveraineté, составляетъ особеннаго рода право, именуемое dominium supereminens. Таково есть право, какое принадлежитъ Государству на его имущества, на всѣ земли, имъ обладаемыя,—*право верховнаго обладанія.* Сіе право можно вывести изъ нѣкоторыхъ статей основныхъ законовъ. Здѣсь надлежитъ о немъ упомянуть, потому что впослѣдствіи будетъ о немъ рѣчь.

Пространство полнаго права собственности на землѣ — подъ землею, foetura, insula in flumine nata, adluvio, etc. etc. §§ 545—577. Code civil съ выборомъ.

Примѣчаніе. Не должно смѣшивать право собственности съ собственностію. Собственность objective есть всякое имущество; и вексель есть моя собственность; собственность въ семъ смыслѣ не противопоставляется пользованію: ибо usus и usus-fructus есть моя собственность; но противополагается имуществамъ общимъ, каковы суть воздухъ и всѣ вещи extra commercium.

II. Право пользованія (usus).

Оно имѣетъ три вида:

1) Въ недвижимыхъ имуществахъ оно есть *владѣніе* (possessio est usus).

Владѣніе имѣетъ два степени: incipere possidere et habere possidere.

Первый степень есть отрицательный: онъ состоитъ единственно въ томъ, чтобъ исключать всѣхъ другихъ отъ пользованія.

Вторый степень состоитъ въ самомъ пользованіи, въ собираніи или извлеченіи пользъ отъ имущества, exercitium possessionis.

Въ обоихъ степеняхъ владѣніе можетъ быть двояко: ему или предшествуетъ первоначальное укрѣпленіе, или же оно стоитъ само по себѣ, не опираясь на семъ укрѣпленіи.

Въ первомъ случаѣ владѣніе есть самое ближайшее, необходимое послѣдствіе предшествующаго ему укрѣпленія и означаетъ самое сіе укрѣпленіе, или право собственности въ его дѣйствіи. Отсюда вводъ во владѣніе; отсюда также выраженіе: пріобрѣсть въ свое владѣніе, и владѣлецъ, вмѣсто собственника.

Въ семъ видѣ владѣніе не составляетъ особаго права и сливается съ правомъ собственности.

Во второмъ случаѣ, когда владѣніе самостоятельно, когда нѣтъ еще доказательствъ на то, чтобъ имущество было пріобрѣтено въ состояніи совершенно независимомъ (res nullius), когда не было предшествующаго укрѣпленія, когда лицо или само вступило или было введено прямо въ первый или вторый степень владѣнія: тогда владѣніе, бывъ отдѣлено отъ права собственности, именуется *простымъ владѣніемъ*, и имѣетъ два различныя значенія: 1) Оно есть factum, когда состоитъ просто въ физическомъ одержаніи вещи (detentio et incubatio), такъ, что вещь потолику состоитъ во власти лица, поколику оно ее держитъ (possessio physica); 2) оно есть право, когда посредствомъ оглашенія, признанія или прещенія (per interdictum), сверхъ защиты собственныхъ физическихъ силъ, владѣніе получаетъ защиту установленной власти (possessio civilis). Въ семъ состояніи право владѣнія не есть право собственности, понеже нѣтъ предшествующаго укрѣпленія, нѣтъ еще достовѣрности, что вещь владѣемая есть res nullius; но оно сближается съ собственностію, можетъ быть передано другому, получаетъ особое названіе—dominium bonitarium, или dominium in bonis, и даже при извѣстныхъ условіяхъ, per usucapionem, можетъ обратиться въ настоящую собственность, т. е. время тутъ замѣнитъ первоначальное укрѣпленіе. Оно есть низшій періодъ собственности. Сіе право получается или по согласію того, кому принадлежитъ право собственности, условно или безусловно, безъ передачи однако же укрѣпленія (per traditionem sine titulo), или же непосредственнымъ вступленіемъ во владѣніе оставленнаго имущества (bonum vacuum).

2) Второй видъ пользованія относится къ движимымъ имуществамъ, когда пользованіе соединено съ предшествующимъ укрѣпленіемъ, съ правомъ собственности. Въ семъ видѣ оно, также какъ и владѣніе, не составляетъ особаго права, но есть послѣдствіе самаго укрѣпленія. Сіе послѣдствіе совершается передачею (traditio) и значитъ тоже, что и укрѣпленіе — dans les meubles la possession vaut titre.

3) Третій видъ пользованія въ движимыхъ и недвижимыхъ есть пользованіе отдѣльное отъ права собственности. Въ семъ видѣ оно составляетъ особое право, и получается, также какъ владѣніе, двоякимъ образомъ: или по согласію владѣльца, или безъ его согласія, непосредственно.

Право пользованія есть полное, когда всѣ произведенія имущества принадлежатъ содержателю; неполное, когда нѣкоторыя изъ нихъ изъяты.

Пространство права пользованія опредѣляется договоромъ.

III. Право распоряженія (dispositio).

Оно состоитъ или во власти отчуждать имущества продажею, мѣною и проч., или же отдавать ихъ въ пользованіе посредствомъ найма, ссуды и проч.—Сіе право не отдѣляется отъ собственности иначе какъ или по довѣрію владѣльца, или по закону, когда имущество подвергается секвестру. Посему-то оно часто сливается съ правомъ собственности и служитъ его выраженіемъ.

Право распоряженія есть полное, когда уполномоченному или содержателю ввѣрено совершенное отчужденіе имуществъ; неполное, когда ввѣрена одна отдача въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ.

Всѣ сіи понятія здѣсь означены единственно для того, чтобъ, имѣя ихъ въ виду, пріискать въ законахъ опредѣленія, сколь можно близкія—и одни опредѣленія безъ всякихъ правилъ, ибо предметъ сей главы есть только опредѣлить, что законъ разумѣетъ подъ именемъ права собственности, пользованія и распоряженія.

IV. Право общаго владѣнія и право единственнаго владѣнія. Р. I. Гл. V.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О способности къ пріобрѣтенію имуществъ по различію состояній.

Общій предметъ сей главы есть опредѣлить, кто можетъ пріобрѣтать имущества; а какъ имущества суть наличныя и долговыя, то онъ раздѣляется на два вопроса:

1) Кто можетъ пріобрѣтать имущества наличныя;

2) Кто можетъ пріобрѣтать имущества долговыя или вступать въ обязательства.

Сверхъ сего, поелику пріобрѣтателями имуществъ могутъ быть сословія лицъ и лица частныя: то каждый изъ предыдущихъ вопросовъ раздѣляется еще на два. Отсюда слѣдующія отдѣленія:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О ПРІОБРѢТЕНІИ НАЛИЧНЫХЪ И ДОЛГОВЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ СОСЛОВІЯМИ ЛИЦЪ.

1) *Казна.* Она можетъ пріобрѣтать всякаго рода наличныя имущества и во всѣхъ видахъ права, т. е. въ собственность и въ пользованіе. Она можетъ принимать и давать всякаго рода обязательства.

Указы для примѣра, ибо здѣсь дѣло идетъ о возможности, а что дѣлается, то и возможно.

2) Удѣлы—всякаго рода наличныя имущества во всѣхъ видахъ права—принимать и давать обязательства.

3) Дворцовыя управленія—тоже.

4) Дворянскія, городскія и сельскія общества—роды имуществъ—виды права—какъ могутъ принимать и давать обязательства.

5) Церкви и монастыри—роды имуществъ—виды права—обязательства.

6) Кредитныя установленія — роды имуществъ—виды права—ограниченіе случаевъ—обязательства.

7) Богоугодныя заведенія: тоже—обязательства.

8) Конкурсы—могутъ выкупать заложенное.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О пріобрѣтеніи наличныхъ и долговыхъ имуществъ частными лицами.

I. Положенія общія.

1) О произволѣ и согласіи.

§ (*). Никто не можетъ законно пріобрѣтать имущества, ни входить въ обязательства безъ собственнаго произвола или безъ взаимнаго согласія.

§. Свойства непринужденнаго произвола.

§. Что должно считать принужденіемъ и когда заявлять о немъ.

§. Свойства согласія—conventionis verbum generale est ad omnia pertinens, de quibus negotii contrahendi transigendique causa consentiunt qui inter se agunt — nam et stipulatio, quae verbis fit, nisi habeat consensum, nulla est. 1. XIV. L. 2 D.

Сюда перенесть все, что сказано о согласіи въ договорахъ. Р. I. Гл. I, Отд. II.

2) О совершеннолѣтіи, малолѣтствѣ, безуміи, и проч.

§ Къ законному пріобрѣтенію имуществъ и ко вступленію въ обязательства потребенъ опредѣленный закономъ возрастъ, здравый умъ и твердая память.

§ Свойства сіи опредѣлены уже въ Законѣ о Состояніяхъ. Здѣсь должно изчислить только послѣдствія ихъ относительно къ имуществамъ.

Имущества малолѣтными, безумными и проч. пріобрѣтаются не иначе, какъ посредствомъ Опеки.

Сіи лица вступаютъ въ обязательства не иначе, какъ чрезъ опекуновъ.

Недѣйствительность пріобрѣтеній и обязательствъ, данныхъ ими лично.

(*) Параграфы въ подлинномъ спискѣ не означены цифрами, и для послѣднихъ оставлены пробѣлы. *Примѣч. Редакціи.*

II. Положенія особенныя по различію состояній.

Дворяне могутъ пріобрѣтать всякаго рода имущества и вступать во всѣ роды обязательствъ, кромѣ векселей и обязательствъ, торговому состоянію исключительно присвоенныхъ.

Городскіе обыватели не могутъ пріобрѣтать населенныхъ имуществъ кромѣ наслѣдства; но и въ семъ случаѣ они не могутъ владѣть, а должны продать—въ отношеніи къ торговымъ обязательствамъ ссылка на Уставъ о торговлѣ.

Такимъ образомъ надлежитъ пройти всѣ состоянія, и въ каждомъ опредѣлить: 1) какіе роды наличныхъ имуществъ оно можетъ пріобрѣтать; 2) какими можетъ владѣть; 3 и 4) какія обязательства можетъ принимать и какія давать.

Тоже опредѣлить объ иностранцахъ.

Все сіе должно быть соглашено со Сводомъ о Состояніяхъ и повторено тѣми же словами, какъ тамъ находится, или же помѣщено здѣсь, а тамъ ссылка. Имѣть всегда въ виду, что въ Сводѣ о Состояніяхъ опредѣляется состояніе людей въ отношеніи ихъ къ Государству (политическое состояніе); а здѣсь гражданское, по имуществу.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОБЪ ИМУЩЕСТВАХЪ НАЛИЧНЫХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ (JUS RERUM, DINGLICHES RECHT.)

Содержаніе книги.

Выше были означены четыре рода наличныхъ имуществъ; два изъ нихъ не пріобрѣтаются, но принадлежатъ намъ по силамъ, ихъ производящимъ; нельзя сказать о плодахъ моего дерева, о приплодѣ моихъ животныхъ: я пріобрѣлъ; нельзя сказать о картинѣ, мноюна писанной, или о книгѣ, мною сочиненной: я пріобрѣлъ ее: произведенія сіи заключаются въ пространствѣ права собственности на силы, ихъ производящія, и слѣдовательно всѣ подробности de foetura, fructificatione, specificatione, confusione и проч. и

даже accessione и adluvione—подробности, кои впрочемъ по мелкости своей такъ безобразятъ начало сей книги, должны быть помѣщены въ главѣ 2-й предыдущей книги, о пространствѣ права собственности, какъ то сдѣлано и во Французскомъ Уложеніи. Въ настоящей же книгѣ должны заключаться правила тѣхъ имуществъ, кои дѣйствительно пріобрѣтаются; а пріобрѣтаются или res nullius—пріобрѣтеніе первообразное, или res alterius—пріобрѣтеніе производное.

Общее содержаніе сей книги есть опредѣлить законность пріобрѣтенія, пользованія и распоряженія какъ тѣхъ, такъ и другихъ; но здѣсь должно примѣтить: 1) изъ началъ, въ предыдущей книгѣ (гл. 2) изложенныхъ, видно, что пользованіе есть или послѣдствіе права собственности, нераздѣльно съ нимъ соединенное, или оно составляетъ отдѣльное право.

Въ первомъ случаѣ правила, его опредѣляющія, суть самыя правила пріобрѣтенія въ собственность, и въ семъ видѣ они не составляютъ особаго предмета сей книги; кто законно пріобрѣлъ имущество въ собственность: тотъ пріобрѣлъ его и во владѣніе и въ пользованіе.

Во второмъ случаѣ, когда пользованіе отдѣлено, и когда оно составляетъ особенное право, оно имѣетъ два вида: 1) видъ простаго владѣнія, и сей видъ долженъ быть опредѣленъ въ сей книгѣ; 2) видъ пользованія по согласію и договору; а какъ слѣдствіе договора есть обязательство: то пользованіе въ семъ видѣ принимаетъ особенное, опредѣленное качество найма, ссуды и проч., и слѣдовательно принадлежитъ уже не къ наличнымъ, но къ долговымъ имуществамъ, и мѣсто его должно быть въ книгѣ послѣдующей.

2) Изъ началъ вышеизложенныхъ также видно, что распоряженіе бываетъ двояко: 1) совершенное отчужденіе; 2) отдача въ наймы, въ оброкъ, въ содержаніе.

Въ первомъ случаѣ то, что есть отчужденіе для одного, есть пріобрѣтеніе для другаго, слѣдовательно предметъ сей входитъ въ число правилъ пріобрѣтенія, и составляетъ часть его подъ названіемъ пріобрѣтенія производнаго. Сюда принадлежатъ: даръ, раздѣлъ, завѣщаніе, наслѣдство, купля и продажа. Во второмъ случаѣ распоряженіе предполагаетъ договоръ и обязательство,

и слѣдовательно предметъ сей принадлежитъ къ имуществамъ долговымъ и мѣсто его въ книгѣ послѣдующей.

На семъ основаны слѣдующія раздѣленія сей книги:

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О первоначальномъ пріобрѣтеніи наличныхъ имуществъ.

Предметъ сего Раздѣла есть пріобрѣтеніе rerum nullius. Но res nullius суть двоякаго рода: absolute res nullius суть тѣ имущества, кои никому не принадлежатъ, ни Государству, ни частнымъ лицамъ; таковы суть земли и острова вновь открываемыя; relative res nullius, кои не принадлежатъ никому частно, но принадлежатъ вообще Государству. Посему и способы пріобрѣтенія сихъ имуществъ суть двояки: одни для Государства, другія для частныхъ лицъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О способахъ первоначальнаго пріобрѣтенія для Государства и частныхъ лицъ.

§. Всѣ имущества, дѣйствію гражданскихъ правъ подлежащія, принадлежатъ или Государству, или частнымъ лицамъ, или сословіямъ лицъ.

Ср. кн. 2, гл. 3.

§. Государству принадлежатъ имущества первоначально по праву верховнаго обладанія.

Ср. гл. 2, кн. 2, о правѣ собственности ст.

Частными лицами и сословіями лицъ первоначально пріобрѣтаются имущества пожалованіемъ отъ верховной власти и куплею изъ казны (*).

(*) Сюда обыкновенно причисляется находка; но предметъ находки не есть res nullius; напротивъ, очевидно, онъ есть res alterius, но неизвѣстно чей. Право находки въ существѣ своемъ есть тоже, что и самовольное владѣніе. Сіе послѣднее покрывается временемъ, а находка покрывается неявкою хозяина въ срокъ по объявленіи. Посему настоящее мѣсто находки есть въ главѣ о владѣніи.

Примѣчаніе. Произведенія собственныхъ силъ не пріобрѣтаются, но принадлежатъ въ собственность ихъ производителей. См. гл. 2 предыдущей книги.

§. Всѣ имущества, не принадлежащія частнымъ лицамъ и сословіямъ лицъ, принадлежатъ къ составу государственныхъ или казенныхъ имуществъ. Таковы суть—здѣсь помѣстить валовое изчисленіе сихъ имуществъ, какъ недвижимыхъ (какъ то: земель (но не крестьянъ), населенныхъ и ненаселенныхъ, пустопорожнихъ и проч., зданій, какъ публичныхъ, такъ и казенныхъ), такъ и движимыхъ, къ нимъ принадлежащихъ, заключивъ словами: и другія тому подобныя.

§. Къ государственнымъ имуществамъ, по первоначальному праву обладанія, принадлежатъ земли и острова, вновь открываемыя, когда порядкомъ, для сего установленнымъ, они пріемлются именемъ Государства въ дѣйствительное его обладаніе.

§. Къ государственнымъ имуществамъ принадлежатъ военныя и морскія добычи—здѣсь помѣстить подробности. Р. II, Гл. II, Отд. II. Сюда же принадлежатъ имущества выморочныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О пожалованіи.

Глава I, Разд. II., Отд. I; но 2-е отдѣленіе той же главы надлежитъ отнести къ главѣ о владѣніи. Здѣсь NB сдача вотчинъ и земель неправильно названа актомъ: это есть обрядъ, а не актъ; актъ пожалованія есть указъ и грамота. Какъ выдается грамота, въ какой формѣ, съ какою пошлиною—сіе относится къ актамъ; обрядъ же сдачи имуществъ принадлежитъ ко вводу во владѣніе и долженъ имѣть свое мѣсто въ главѣ о владѣніи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О пріобрѣтеніи имуществъ куплею отъ казны.

§. Имущества пріобрѣтаются куплею изъ казны при продажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ по общимъ правиламъ о куплѣ и продажѣ имуществъ и по особенному обряду для сего установленному.

См. гл. о куплѣ и продажѣ и гл. о публичной продажѣ имуществъ.

*

§. Имущества, купленныя съ публичныхъ торговъ, хотя бы они прежде были и частныя, и поступили въ продажу по частнымъ долгамъ и взысканіямъ, считаются пріобрѣтенными первоначально изъ казны, и потому пріобрѣтаются безповоротно.

Указы о безповоротности таковыхъ продажъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О переходѣ имуществъ отъ одного лица къ другому (о производномъ пріобрѣтеніи) по произволу владѣльца, при жизни его.

Гл. I, гл. II, гл. III, гл. IV.

NB. Въ главѣ о рядной записи смѣшаны запись и роспись. Роспись прилагается къ рядной записи, какъ inventaire; иногда же служитъ вмѣсто записи—это надобно различить.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О переходѣ имуществъ по смерти владѣльца.

Гл. V. О завѣщаніяхъ.

Главу сію надлежитъ составить: 1) изъ послѣдняго Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ слово въ слово, замѣнивъ имъ первыя два отдѣленія; 2) изъ отдѣленія III.

NB. Подъ именемъ явки духовныхъ завѣщаній надлежитъ разумѣть не первую, но послѣднюю явку къ исполненію, чинимую по смерти завѣщателя.

Гл. IV. О наслѣдствѣ.

Здѣсь должно только наблюсти различіе трехъ понятій: 1) процессъ или обрядъ, коимъ наслѣдство поступаетъ къ наслѣдникамъ; 2) вводъ во владѣніе по наслѣдству, и 3) актъ наслѣдства, т. е. свидѣтельство о совершившемся поступленіи. Сіе свидѣтельство есть отказная книга. Первое принадлежитъ къ сей главѣ; второе къ Раздѣлу о владѣніи; третье къ актамъ.

Гл. III. О выкупѣ.

Послѣднее отдѣленіе VIII главы, о вѣдомствѣ дѣлъ по выкупамъ, надлежитъ отнести къ судопроизводству; а здѣсь упомянуть кратко гдѣ нибудь въ примѣчаніи.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О переходѣ наличныхъ имуществъ по обоюдному согласію.

ГЛАВА I.

О мѣнѣ наличныхъ имуществъ на имущества.

Сюда надлежитъ перенести всѣ предметы, въ коихъ постановляются правила, какъ мѣняются имущества наличныя одни на другія, изъ Книги о договорахъ, 2 Раздѣла гл. I; тамъ же оставить только мѣну имуществъ на обязательства и обязательствъ на обязательства.

ГЛАВА II.

О куплѣ.

Здѣсь должно различить договоръ о продажѣ или запродажный договоръ отъ самой продажи. Запродажный договоръ производитъ обязательство продать въ извѣстный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ. Продажа, напротивъ, есть дѣйствіе, factum, основанное на согласіи, на словесномъ уговорѣ, который никакими законами не опредѣляется; она не производитъ обязательства, но есть или совершеніе или свидѣтельство состоявшагося уже и вступившаго въ исполненіе обязательства. Купчая крѣпость никогда не считалась обязательствомъ: это traditio symbolica. Она производитъ не искъ (actio), и процессъ по ней не принадлежитъ къ исковымъ процессамъ, но къ вотчиннымъ или крѣпостнымъ (vindicatio).

По симъ понятіямъ надобно раздѣлить гл. II-ю 2-го Раздѣла о договорахъ, и все то, что собственно не принадлежитъ къ договору запродажному, отнести сюда. Причемъ надлежитъ имѣть въ виду не одну продажу недвижимыхъ, но и движимыхъ, и посему раздѣлить сію главу умственно на двѣ части, изъ коихъ въ первой помѣстить правила продажи, общія какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществамъ; а во второй крѣпостныя. Имѣть въ виду Titre sixième de Code civil, начиная съ § 1582, исключая того, что у нихъ купля есть договоръ, а у насъ послѣдствіе состоявшагося согласія.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Объ угодьяхъ въ чужихъ имуществахъ (de servitutibus).

Раздѣленіе сего рода имуществъ; образъ ихъ пріобрѣтенія и пользованія. Гл. VI, гл. VII Раздѣла I-го.

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

О владѣніи, пользованіи и земской давности.

Общій предметъ сего Раздѣла.

Владѣніе имѣетъ три главные вида:

1) Когда оно есть послѣдствіе права собственности, съ нимъ соединенное.

2) Когда оно есть отдѣльное право, не предшествуемое первоначальнымъ укрѣпленіемъ—владѣніе простое.

3) Когда оно отдѣляется по произволу, обоюдному согласію или договору.

Изъ сихъ трехъ видовъ послѣдній принадлежитъ къ обязательствамъ найма, ссуды и проч.

Владѣніе въ двухъ первыхъ видахъ принадлежитъ къ настоящему Раздѣлу, ибо оно относится къ наличнымъ имуществамъ.

То, что владѣніе въ недвижимыхъ, то пользованіе (usus) въ движимыхъ имуществахъ.

Пользованіе имѣетъ также три вида:

1) Когда оно есть послѣдствіе права собственности, соединенное съ укрѣпленіемъ.

2) Когда оно есть право отдѣльное, безъ укрѣпленія — простое пользованіе.

3) Когда оно отдѣляется по произволу или согласію. Въ семъ послѣднемъ видѣ оно принадлежитъ къ обязательствамъ; а въ двухъ первыхъ къ наличнымъ имуществамъ.

Какъ простое владѣніе, такъ и простое пользованіе превращаются въ право собственности протеченіемъ времени или давностію.

Давность двояка: 1) земская. Она имѣетъ два вида: одинъ относится къ имуществамъ наличнымъ—здѣсь она превращается въ право (usucapio, Ersitzung); другой къ долговымъ—здѣсь она пресѣкаетъ токмо искъ (praescriptio),

2) судебная—это суть разные сроки (termini peremptorii).

Въ настоящемъ Раздѣлѣ дѣло идетъ о земской давности, относящейся къ наличнымъ имуществамъ (de usucapionibus, nam in obligationibus nulla est usucapio).

На семъ основаны слѣдующія раздѣленія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О владѣніи по праву собственности.

Въ сей главѣ должно собрать все, что принадлежитъ до ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Двоякій вводъ во владѣніе по крѣпостямъ; врученіе крѣпости и дѣйствительный вводъ съ отказомъ—все сіе должно провести чрезъ всѣ обряды и довести до отказныхъ книгъ, что принадлежитъ уже къ актамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О владѣніи простомъ, безъ укрѣпленія.

Завладѣніе насильственное — подложное — произвольное — безгласное—гласное.

Владѣніе—тѣже раздѣленія: что есть владѣніе спокойное, безспорное—какъ прерывается—usurpatio.

Кому принадлежитъ владѣніе до рѣшенія спора о собственности; какъ охраняется простое владѣніе въ теченіи спора, напр. о духовныхъ завѣщаніяхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О пользованіи по праву собственности въ движимыхъ имуществахъ.

Начало пользованія есть передача имущества. Она соотвѣтствуетъ вводу во владѣніе; de traditionibus symbolicis.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О пользованіи простомъ.

Находка вещей оставленныхъ; thesaurus.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О земской давности

въ значеніи usucapionis.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОБЪ ИМУЩЕСТВАХЪ ДОЛГОВЫХЪ ИЛИ О ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

§. Обязательства происходятъ или изъ особенныхъ договоровъ (а), или изъ общаго закона, по коему всякая обида личная и всякій ущербъ чужему имуществу подвергаетъ виновнаго обязанности удовлетворенія и вознагражденія (б).

Послѣ сего слѣдуютъ раздѣлы о договорахъ.

Здѣсь примѣтить должно:

1) Что въ самомъ началѣ должно упомянуть о раздѣленіи договоровъ торговыхъ отъ прочихъ и указать ссылкою о первыхъ на Уставъ о Торговлѣ.

2) Что поручительствомъ и залогами могутъ быть обезпечиваемы не только займы, но и всякаго рода договоры и между прочимъ откупы. Слѣдовательно нельзя сего отнесть къ однимъ займамъ. Есть мнѣніе, что залоги принадлежатъ къ наличнымъ имуществамъ, jus rerum. Въ Австрійскомъ Уложеніи они отнесены къ обязательствамъ, но особеннымъ раздѣломъ подъ названіемъ Befestigung etc. и сіе кажется удобнѣе. Посему послѣ Раздѣла III можно сдѣлать особенный раздѣлъ IV объ укрѣпленіи договоровъ: 1) условіемъ неустойки, 2) поручительствомъ, 3) залогомъ, 4) закладомъ (pignus). Здѣсь собрать все, что принадлежитъ къ симъ предметамъ.

3) Не писать о договорѣ подрядѣ, о договорѣ займѣ, ибо заемъ есть обязательство, а договоръ ему предшествуетъ—лучше просто писать: о займѣ, о подрядѣ и проч.

Окончивъ обязательства, возникающія изъ договоровъ, и ихъ укрѣпленіе, послѣдній раздѣлъ сей книги составить изъ книги о взысканіяхъ. Названіе сего раздѣла будетъ: О *обязательствахъ удовлетворенія и вознагражденія по обидамъ личнымъ и по ущербу имуществъ*. Сюда отнести всю работу о взысканіяхъ, но ограничить ее точнымъ смысломъ *de obligationibus ex quasi delictis*, не касаясь самаго взысканія, *de executione*, что сюда принадлежать не можетъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ОБЪ АКТАХЪ.

Извѣстно, что *acta* суть книги, установленныя Правительствомъ: 1) для записки всего что въ Судѣ происходитъ; сюда принадлежатъ журналы, опредѣленія, и проч. и проч.; 2) для записки (insinuatio negotiorum) всего, что добровольно между частными людьми, по произволу ихъ или по взаимному договору, предъ Правительствомъ, *coram magistratu*, а не *coram judice*, совершается—*jurisdictio voluntaria*.

Отъ сихъ послѣднихъ книгъ самыя записи, въ нихъ вносимыя, получили названіе актовъ.

Слѣдовательно точные предѣлы книги актовъ заключаются въ вопросахъ: 1) какъ вносятся записи въ книги, Правительствомъ установленныя, или порядокъ ихъ совершенія крѣпостной, явочный и домашній? 2) Какія записи подлежатъ внесенію въ книги, и какимъ порядкомъ? 3) Какую онѣ должны имѣть форму? — а какъ у насъ нѣтъ полнаго формуляра, то должны быть означены на каждый родъ актовъ закономъ опредѣленныя непремѣнныя условія.

Вообще Книга объ актахъ составлена правильно; надобно только пересмотрѣть и отдѣлить отъ нея все, что принадлежитъ не къ актамъ, но къ самому обряду дѣла, *processus rei*, напр. о вводѣ во владѣніе—тутъ актъ одинъ: это есть книга отказная или вводная, а обрядъ дѣло другое.

КНИГА ШЕСТАЯ.

О МѢРАХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ВЗЫСКАНІЙ.

Содержаніе сей Книги можно назвать sanctio civilis, подобно тому какъ есть sanctio poenalis.

Мѣры взысканія суть или предохранительныя или рѣшительныя. Предохранительныя:

1) Воспрещеніе отлучки отъ мѣстопребыванія.
2) Судебное поручительство о явкѣ въ Судъ.
3) Обезпеченіе иска поручительствомъ.

4) Запрещеніе на недвижимое имѣніе.

Рѣшительныя:

5) Опись (арестъ) движимаго.

6) Опека въ смыслѣ секвестра.

7) Выводъ изъ имущества (exproprіatio).

8) Продажа имущества (licitatio).

9) Личное задержаніе.

Здѣсь должно только означить: 1) въ чемъ каждая изъ сихъ мѣръ состоитъ, сдѣлать правильное ея описаніе, не касаясь того, какъ она приводится въ дѣйствіе, что̀ принадлежитъ уже ad processum executionis; 2) въ какихъ случаяхъ употребляется. Случаи сіи всѣ раздѣлить можно на два главные рода:

1) Случаи неплатежа или неисполненія обязательствъ.

2) Случай несостоятельности.

Здѣсь надлежитъ описать, въ чемъ состоитъ несостоятельность земская, подобно тому, какъ описана въ Уставѣ о торговлѣ несостоятельность торговая, заимствуя законы изъ II части Банкрутскаго Устава.

Книга сія необходима. Ее можно раздѣлить на главы безъ раздѣловъ: нѣчто подобное есть и во Французскомъ Уложеніи.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ИЗМѢНЕНІЙ ВЪ ПРАВѢ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВЪ СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ. *

Два вопроса составляютъ предметъ настоящаго историческаго обозрѣнія: 1) *о правѣ поземельной собственности*, т. е. кто могъ по закону пріобрѣтать право собственности на земли?—2) *о состояніи крестьянъ*, т. е. въ какомъ отношеніи къ владѣльцу поземельной собственности состояли крестьяне, на ней живущіе? Два сіи вопроса столь связаны между собою, что нельзя разрѣшить одного безъ другаго.

Всѣ измѣненія въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ съ удобностію можно раздѣлить на четыре періода: *первый* отъ основанія Россійскаго Государства до изданія Судебника Великаго Князя Іоанна Васильевича III, или до 1497 года, когда узаконенъ былъ общій срокъ перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому; *второй* отъ изданія Судебника до Уложенія 1649 года; *третій* періодъ отъ сего времени до соединенія помѣстій съ вотчинами подъ однимъ названіемъ *недвижимаго имущества*, или до 1731 года; *четвертый* періодъ отъ 1731 года до настоящаго времени.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ,

ОТЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ВРЕМЕНЪ ДО 1497 ГОДА.

I. О ПРАВѢ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

При самомъ вступленіи въ историческія изысканія, неизлишне будетъ опредѣлить точное понятіе права поземельной собственности.

(*) Подлинная рукопись этого сочиненія, писаннаго графомъ М. М. Сперанскимъ въ 1836 году, съ собственноручными его поправками, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. *Ред.*

Подъ симъ разумѣется здѣсь право гражданское, а не право державное. Великіе Князья имѣли державное право на всѣ земли, въ удѣлѣ ихъ состоящія, и по праву сему они могли ихъ жаловать въ частную собственность; но сверхъ сего общаго, державнаго права они имѣли еще частное, исключительное право на нѣкоторыя села и волости, особенно имъ принадлежащія (1): они располагали ими какъ при жизни, такъ и на случай смерти, духовными завѣщаніями, неограниченно. Словомъ, они имѣли на нихъ *полное право* собственности въ настоящемъ смыслѣ сего слова.

Бояре, княжіе мужи, дѣти боярскіе и дворяне имѣли также право собственности на земли, но право ихъ подлежало ограниченію и не было право полное. Волости, села и деревни, жалованныя отъ Князей для содержанія бояръ съ ихъ дружинами на службѣ, не могли быть отчуждаемы, но поступали къ наслѣдникамъ настоящаго владѣльца тогда только, когда они оставались на службѣ того же Князя.

Земли купленныя состояли въ полномъ владѣніи пріобрѣтателя и могли быть имъ отчуждаемы какъ при жизни, такъ и на случай смерти, своимъ родственникамъ и чужеродцамъ. Но какъ жалованныя, такъ наслѣдственныя и купленныя земли дотолѣ оставались за владѣльцемъ, доколѣ онъ оставался на службѣ удѣльнаго князя; когда же переходилъ къ другому, тогда лишался всей недвижимой собственности въ пользу княжеской казны (2) и сіе лишеніе было тогда почитаемо законнымъ послѣдствіемъ оставленія службы, а не наказаніемъ за побѣгъ, какъ сіе нынѣ признается; ибо тогда бояре и дѣтскіе свободно могли переходить отъ одного князя къ другому, и государственною измѣною почиталось тогда только предательство во время войны.

II. СОСТОЯНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Состояніе людей, извѣстное нынѣ подъ названіемъ сельскихъ обывателей, раздѣлялось въ семъ періодѣ на два рода: на свободныхъ и несвободныхъ.

Свободными почитались всѣ крестьяне, водворенные на земляхъ общественныхъ, княжескихъ и владѣльческихъ; они несли государственныя и общественныя повинности, а за землю платили оброкъ

деньгами, хлѣбомъ или работою (3). Они, по силѣ добровольныхъ условій, не только могли съ одной земли переходить на другую; но и могли сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться оными также какъ и прочіе владѣльцы (4). Сіи земли они могли и продавать, но только подданнымъ тѣхъ же, а не другихъ удѣльныхъ княжествъ. Впрочемъ сіе ограниченіе простиралось на всѣхъ вообще владѣльцевъ; даже сами владѣтельные Князья обязывались между собою договорами: «въ удѣлахъ другихъ земель и селъ не купити (5).»

Классъ *несвободныхъ людей* (6) состоялъ: изъ *холопей полныхъ*, т. е. вѣчныхъ и потомственныхъ, и *неполныхъ*, или временныхъ *закуповъ*, которые въ послѣдствіи названы *кабальными*.

Полные холопи составляли собственность господина, и потому не подлежали ни податямъ, ни повинностямъ государственнымъ; даже частныя взысканія по долгамъ обращались не на нихъ, но на господъ ихъ.

Состояніе полнаго холопства установлялось: 1) по рожденію, 2) по добровольному условію, 3) за преступленіе, въ видѣ наказанія, и наконецъ 4) чрезъ плѣнъ на войнѣ, когда Правительство дозволяло продавать военноплѣнныхъ и записывать въ вѣчное холопство (7). Не излишне будетъ сіи четыре рода холопства разсмотрѣть подробнѣе.

1. Дѣти, рожденныя отъ рабы, принадлежали господину, исключая незаконныхъ дѣтей самого господина отъ его рабыни; сіи получали свободу и съ матерью. Потомственные холопи назывались *старинными* для отличія отъ новопріобрѣтенныхъ куплею и другими способами.

2. По добровольному условію свободные люди становились полными холопами: а) укрѣпленіемъ себя навсегда въ холопство (8); б) неустойкою по долговымъ обязательствамъ; в) вступленіемъ въ бракъ съ рабою безъ всякаго условія; г) принятіемъ должности сельскаго тіуна, ключника или посельскаго, т. е. управителя, прикащика или эконома (9).

3. Полное холопство опредѣлялось въ видѣ наказанія за слѣдующія преступленія: за убійство безъ всякой предварительной ссоры съ убитымъ, за побѣгъ закупа (наемнаго работника) отъ его господина, за пожегъ гумна и жилыхъ строеній, за кражу княжескаго

коня. Иногда люди свободные, за преступленія, выдавались Князю *на потокъ*, т. е. въ рабство (10).

4. Военноплѣнные въ сіе время рѣдко освобождались безъ выкупа, но раздѣлялись между ратными людьми, которые ихъ или оставляли у себя въ полномъ холопствѣ или продавали другимъ; въ томъ и другомъ случаѣ они могли освободиться отъ рабства только чрезъ выкупъ (11).

Изъ сего раздѣленія нижняго класса людей въ Россіи явствуетъ, что одни изъ нихъ, яко люди свободные, могли переходить отъ одного владѣльца къ другому, не нарушая только заключенныхъ условій. Другіе, яко люди несвободные, оставались во владѣніи господъ постоянно, исполняя домовыя прислуги и сельскія работы, по ихъ назначенію.

Въ состояніи свободныхъ людей, *живущихъ на земляхъ общественныхъ*, произошла важная перемѣна со времени введенія Татарами народной переписи въ 1257 году; внесенные въ оную, какъ городскіе, такъ и сельскіе жители, должны были оставаться на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застала ихъ перепись. Съ сего времени постановлено было общимъ закономъ, чтобъ *численныхъ людей не принимать ни въ домовую услугу, ни на частныя земли для поселенія*. Даже самые Князья въ договорахъ между собою поставляли правиломъ: *а численные люди блюсти ны съ одиного и земель ихъ не купити и закладней не принимати* (12).

Но свободные люди, *жившие на земляхъ* частныхъ, сохраняли и послѣ сей переписи право переходить съ одного помѣстья на другое.

Полные и кабальные холопи и послѣ народной переписи остались *обѣльными*, т. е. изъятыми отъ всѣхъ общественныхъ повинностей и отъ черной татарской дани (13).

Съ сего времени произошло различіе и между княжескими вотчинами (дворцовыми имѣніями) *издѣльными* и *черными*. Первыя занимались разными промыслами въ пользу Князя и несли разныя повинности относительно звѣриной и птичьей охоты, рыбной ловли, скотоводства, и проч. Они также занимались работами для частной экономіи князя и не подлежали *черному бору*. Но крестьяне, жившіе на черныхъ земляхъ, т. е. внесенные въ перепись и раздѣленные на сохи, подлежали общимъ податямъ и повинностямъ и назывались черносошными, а волости ихъ—*черными волостями* (14).

Между тѣмъ татарскіе баскаки, темники и другіе чиновные люди начали заводить въ Россіи, преимущественно при городахъ, собственныя деревни, населяя оныя своими единоплеменниками и еще болѣе русскими бѣглецами всякаго званія (15). Сіи новые поселенцы были подсудны однимъ только владѣльцамъ тѣхъ деревень, а отъ мѣстныхъ властей и отъ самыхъ Князей были независимы, такъ что не только *черной дани*, но и никакихъ общественныхъ податей и повинностей не несли. Отъ того деревни сіи получили общее названіе *свободъ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ назывались *посадами*, отъ слова *посадить*, что значило тогда поселить, водворить. Отсюда произошло въ послѣдствіи времени названіе *посадскихъ*.

Какъ при таковой льготѣ слободы (свободы) и посады татарскіе вскорѣ сдѣлались богатѣйшими селеніями, то и самые Князья начали призывать *гулящихъ людей*, т. е. нигдѣ въ тягло и соху не записанныхъ, для поселенія ихъ также по близости городовъ и съ тѣми же льготами, каковыми пользовались жители слободъ татарскихъ, ограничивая оныя только временемъ (16). Примѣру Князей послѣдовали монастыри, а можетъ быть и нѣкоторые частные владѣльцы изъ бояръ и другихъ людей сильныхъ (17).

Такимъ образомъ въ состояніи крестьянъ, сверхъ прежнихъ двухъ, основался третій родъ людей: слобожанъ или посадскихъ. По соединеніи удѣльныхъ княжествъ въ одно Государство и по уничтоженіи татарскаго владычества, сіи слободы и посады отчасти присоединены къ городамъ, отчасти поступили въ общій разрядъ казенныхъ и удѣльныхъ селеній.

Былъ ли опредѣленъ въ семъ періодѣ единообразный срокъ перехода свободныхъ крестьянъ съ одного помѣстья на другое или же могли они переходить во всякое время съ расчетомъ, по условію, изъ дошедшихъ до насъ актовъ не видно. Съ вѣроятностію однакоже предполагать можно, что если и былъ срокъ, то, во первыхъ, въ разныхъ удѣлахъ онъ былъ опредѣляемъ различно; а во вторыхъ, нигдѣ съ точностію не былъ наблюдаемъ. Отъ внѣшнихъ бѣдствій и отъ внутренняго угнетенія, народонаселеніе Россіи переливалось, такъ сказать, отъ одного края до другаго. Древнія законныя книги, грамоты и уставы наполнены постановленіями о бѣглыхъ, но сіи самыя постановленія доказываютъ, что крестьяне были тогда, можно сказать, въ безпрестанномъ движеніи или побѣгахъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ,

отъ 1497-го до Уложенія 1649 года.

I. О ПРАВѢ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Въ семъ періодѣ собственность поземельная получила болѣе опредѣлительное значеніе.

Земли, принадлежавшія самому Государю и членамъ царской фамиліи названы *дворцовыми* и составляли полную собственность Государя, его супруги и дѣтей ихъ.

Земли, принадлежавшія боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и разныхъ чиновъ служилымъ людямъ раздѣлялись на помѣстныя и вотчинныя. Первыми владѣльцы могли сами пользоваться, но отчуждать ихъ права не имѣли, ибо онѣ считались государственными землями. Самая передача ихъ во временное пользованіе другимъ, въ видѣ роста за долги или въ наемъ, считалась незаконною (18).

Вотчины раздѣлялись на купленныя и родовыя. Купленными вотчинами каждый владѣлецъ могъ располагать свободно, при жизни и на случай смерти. Вотчины родовыя дозволено было продавать только родственникамъ. Въ случаѣ ихъ отказа отъ покупки дозволялось продавать и чужеродцу, но въ теченіи 40 лѣтъ онѣ могли быть возвращены въ родъ посредствомъ выкупа. Кто родовую вотчину выкупилъ, тотъ не могъ уже отчуждать оную чужеродцамъ мимо родственниковъ, и еслибы обстоятельства того востребовали, то ему дозволялось продать и заложить оную чужеродцу, не иначе однако же, какъ по справедливой оцѣнкѣ (19), дабы тѣмъ не преградить возможности выкупа.

Въ 1557 г. мая 1 Царь Іоаннъ Васильевичь IV запретилъ монастырямъ брать въ закладъ и покупать вотчины безъ доклада Государю и отданныя монастырямъ *въ вѣчной поминокъ* узаконилъ выкупать родственникамъ по цѣнѣ, назначенной въ отказѣ или завѣщаніи. Въ 1581 г. января 15 постановлено: вотчинъ въ монастыри не отдавать, но вмѣсто оныхъ вносить деньги не только ближнимъ, но и дальнимъ родственникамъ; когда же и дальнихъ родственниковъ не будетъ, то вотчины брать на Государя, а деньги въ монастыри платить изъ казны.

Бездѣтный владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни въ монастырь по душѣ отдать вотчины родовой, если у него была

купленная вотчина, а если не было, то ему дозволялось уступить половину родовой вотчины.

По соединеніи удѣловъ, право свободнаго перехода бояръ и дѣтей боярскихъ отъ одного Князя къ другому само собою прекратилось; вмѣстѣ съ тѣмъ и вотчины постоянно оставались во владѣніи тѣхъ же родовъ. Если же кто бѣжалъ въ Литву, Польшу или другое иностранное Государство, то его помѣстья и вотчины отписывались на Государя, въ видѣ наказанія за государственную измѣну (20).

Нижняго класса люди, не принадлежавшіе къ дворянскому званію и не состоявшіе въ службѣ, также какъ и въ предшествующемъ періодѣ, могли пріобрѣтать и владѣть землями и угодьями въ собственность (21).

II. СОСТОЯНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Крестьяне и въ семъ періодѣ раздѣлялись на людей свободныхъ и несвободныхъ. Первые состояли изъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ дворцовыхъ, казенныхъ, называемыхъ черными или черносошными, на земляхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ и на собственныхъ участкахъ.

Несвободные люди состояли, по прежнему, изъ холопей полныхъ и кабальныхъ. Состояніе тѣхъ и другихъ опредѣлялось согласно съ прежними законами; къ нимъ въ Судебникѣ положены слѣдующія дополненія:

1) *О полномъ холопствѣ.*

По добровольному условію могли поступать въ полное холопство всѣ свободные люди, даже дѣти боярскіе, если находились въ отставкѣ или не способны были къ государственной службѣ. Родители свободнаго состоянія могли продавать дѣтей своихъ въ холопство и возвращать изъ онаго, если дѣти продали себя безъ ихъ согласія. Но ни тѣмъ, ни другимъ правомъ не могли пользоваться родители, которые сами состояли въ холопствѣ или монашествѣ въ разсужденіи дѣтей ихъ, оставшихся на свободѣ (22).

Военноплѣнные оставались въ пожизненномъ холопствѣ у тѣхъ, кому они достались, но дѣти ихъ были уже свободными. Военно-

плѣнный, женившійся на рабѣ или давшій на себя крѣпость, дѣлался чрезъ то полнымъ холопомъ (23).

Обращеніе свободныхъ людей въ рабство за преступленія и отдача Князю *на потокъ* въ семъ періодѣ вышли изъ употребленія. За нѣкоторые роды воровства и за утрату чужой собственности виновный отдавался истцу головою, но только до искупа и состоялъ въ его власти на ряду съ кабальными холопами (24).

2) *О кабальномъ холопствѣ.*

Кабальное холопство означено въ Судебникѣ съ большею опредѣлительностію. Всякому свободному человѣку, кромѣ состоящихъ на службѣ дѣтей боярскихъ, дозволено было давать на себя служилыя кабалы, но совершающій таковую запись долженъ быть не моложе 15 лѣтъ, въ противномъ случаѣ кабала не имѣла силы. Въ каждой кабалѣ надлежало означать долговую сумму, за которую вольный человѣкъ обязывался служить другому. Сумма сія не должна была превосходить ни въ какомъ случаѣ 15 рублей (25). При существованіи вольнаго перехода крестьянъ владѣльцы укрѣпляли посредствомъ кабалъ людей, поселившихся на земляхъ ихъ. Крестьянину свободному во всякое время дозволялось вступить даже въ полное холопство къ помѣщику земли или къ постороннему владѣльцу. Но по искамъ и за долги постановлено было въ 1561 году отдавать отвѣтчиковъ только въ кабальные, а не въ полные холопы.

Къ роду кабальныхъ людей относились такъ называемые закладни (26). Они происходили изъ торговыхъ или ремесленныхъ людей, которые, записавшись въ личную зависимость самаго Князя, или боярина, или монастыря, выходили чрезъ то изъ городскаго тягла и считались оброчниками или ремесленниками того лица, отъ котораго кто зависѣлъ.

3) *О срокѣ для перехода крестьянъ.*

Выше было показано, что до изданія перваго Судебника, т. е. до 1497 г., не было общаго срока для перехода крестьянъ съ одного помѣстья на другое и весьма вѣроятно, что обычаи въ разныхъ удѣльныхъ княжествахъ были по сему предмету различны. Въ Судебникѣ въ первый разъ назначенъ одинъ срокъ и для расчета между крестьянами и помѣщикомъ установлена опредѣленная мѣра платежа.

Хотя платежъ сей существовалъ и прежде, но онъ зависѣлъ отъ взаимныхъ условій, а потому и былъ предметомъ безчисленныхъ исковъ и тяжбъ. Назначеніемъ опредѣленной его мѣры правительство желало сократить сіи тяжбы и избавить крестьянъ отъ излишнихъ притязаній.

Въ семъ состояли важнѣйшія дополненія Судебника въ прежнемъ порядкѣ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Отъ изданія его, т. е. отъ 1497 до 1597, чрезъ сто семь (?) лѣтъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ замѣчательныхъ по сему предмету измѣненій.

Въ 1597 г. при Царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ состоялся указъ (27), коимъ велѣно возвратить на свои мѣста тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали за пять лѣтъ до того года, а которые бѣжали раньше сего, тѣхъ оставить на мѣстѣ ихъ настоящаго жительства. Истинный смыслъ сего указа состоялъ въ томъ, чтобъ возвратить бѣглыхъ, т. е. тѣхъ, кои оставили прежнее ихъ жительство или не въ положенный срокъ или не раздѣлавшись съ владѣльцами земли установленнымъ въ Судебникѣ порядкомъ. Сіе явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія. По Судебнику (28) крестьянинъ могъ оставить помѣщика, заплативъ ему пожилыя деньги, возвративъ скотъ, хлѣбъ и другія вещи, у него занятыя и удовлетворивъ его деньгами, взятыми на расплату съ прежнимъ помѣщикомъ и для новаго хозяйственнаго обзаведенія (29). Кто не исполнивъ сихъ обязанностей уходилъ съ помѣстья, тотъ считался бѣглымъ и подлежалъ возврату на прежнее жилище. Иски о семъ возвратѣ были безсрочные или сорокалѣтніе. Легко себѣ представить сколь они были многочисленны и сколь разборъ ихъ былъ многосложенъ и затруднителенъ. Дабы положить предѣлъ симъ безпорядкамъ и уменьшить количество дѣлъ сего рода, указъ 1597 отсѣкъ и прекратилъ всѣ иски, возникшіе за пять лѣтъ предъ тѣмъ и далъ ходъ тѣмъ только изъ нихъ, кои были не старѣе сего срока. Къ постановленію сего срока принято было то основаніемъ, что *въ 1593 году учреждены были переписныя книги.*

Не взирая на сіе, слова указа: «тѣхъ (т. е. бѣжавшихъ за пять лѣтъ назадъ) оставить въ настоящемъ мѣстѣ ихъ жительства» протолкованы были такъ, какъ бы ими повелѣвалось укрѣпить всѣхъ крестьянъ къ землѣ и навсегда лишить ихъ перехода. Должно ли было попустить сіе неправильное толкованіе или возста-

новить силу прежняго закона? Разрѣшеніе сего вопроса въ тогдашнихъ обстоятельствахъ было весьма затруднительно. Владѣльцы большихъ помѣстій, монастыри и бояре естественно желали укрѣпить свои владѣнія запрещеніемъ перехода; мелкопомѣстные напротивъ желали, пользуясь переходомъ, населять сколь можно болѣе свои пустопорожнія земли. Колебаясь между сими двумя желаніями, Царь Борисъ (1598—1605) искалъ средины и, въ слѣдствіе того, указомъ 1601 г. пріостановилъ переходъ крестьянъ вообще (30); въ послѣдующемъ 1602 году (31) онъ раздѣлилъ вопросъ на двѣ части: въ большихъ помѣстьяхъ, т. е. въ церковныхъ, боярскихъ и дворянъ большихъ онъ запретилъ переходъ крестьянъ, но запретилъ его только на одинъ настоящій годъ (въ нынѣшнемъ 7111 году) и запретилъ переселять крестьянъ какъ *промежъ себя*, такъ и у постороннихъ, т. е. запретилъ переманивать ихъ къ большимъ помѣщикамъ отъ малыхъ; напротивъ, въ малыхъ помѣстьяхъ, во владѣніяхъ дѣтей боярскихъ и т. п., онъ подтвердилъ силу прежняго закона и не только дозволилъ переходъ, но и грозилъ *опалою тому, кто учнетъ крестьянъ изъ за себя не выпускати*.

Изъ сего видно, сколь неосновательно мнѣніе тѣхъ, кои, судя объ узаконеніяхъ Царя Бориса по однимъ невѣрнымъ выпискамъ, заключали, что при немъ такъ называемый Юрьевъ день былъ отмѣненъ, между тѣмъ какъ въ подлинномъ актѣ переходъ крестьянъ былъ пріостановленъ на одинъ только 1602 годъ и пріостановленъ не вездѣ, но въ однихъ только большихъ помѣстьяхъ.

Пять лѣтъ спустя послѣ того, въ 1607 г., при Царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ снова подтвержденъ прежній порядокъ, т. е. велѣно возвращать крестьянъ по переписнымъ книгамъ 1593 года, но крестьянъ бѣжавшихъ, а не тѣхъ, кои перешли установленнымъ въ Судебникѣ порядкомъ.

Въ Уложеніи (гл. XI ст. 1, 2, 3, 10) дополнены сіи указы тѣмъ, что бѣглыхъ крестьянъ повелѣно возвращать помѣщикамъ, безъ урочныхъ лѣтъ, по писцовымъ книгамъ 1626 года и по переписнымъ книгамъ, т. е. не наблюдая сроковъ, постановленныхъ указами 1597 и 1607 г.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ Уложенія 1649-го до 1731 года.

I. О ПРАВѢ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Въ семъ періодѣ порядокъ наслѣдованія родовыхъ вотчинъ опредѣленъ съ большею точностію, нежели прежде (32). Для сего, во первыхъ, постановлены точныя правила выкупа, а во вторыхъ послѣдовало совершенное запрещеніе отдавать родовыя вотчины въ монастыри, наконецъ, для поддержанія дворянскихъ родовъ, указами 1714 и 1725 годовъ учреждено право единонаслѣдія во всѣхъ недвижимыхъ имуществахъ.

Владѣніе населенными землями и угодьями воспрещено людямъ всѣхъ сословій (33) кромѣ дворянства; симъ отмѣнены древніе законы, коими право владѣнія присвоялось всѣмъ сельскимъ жителямъ свободнаго состоянія.

Обладаніе помѣстьями въ началѣ сего періода приведено было въ соразмѣрность съ службою назначеніемъ помѣстныхъ окладовъ (34), но потомъ сей родъ временнаго и ограниченнаго владѣнія обращенъ въ полную и потомственную собственность. Перемѣна сія произведена постепенно. Во первыхъ, указомъ 1684 г. марта 21 повелѣно было всѣ помѣстья послѣ умершаго раздѣлять, по равнымъ частямъ, между его сыновьями и ихъ потомками, чѣмъ отмѣнено прежнее правило, по которому сыновья получали изъ отцовскихъ помѣстій только части по ихъ окладамъ, а остатокъ возвращался въ казну и былъ назначаемъ постороннимъ лицамъ, въ ихъ оклады. Отъ сей перемѣны помѣстья, подобно вотчинамъ, оставались уже въ томъ же родѣ. Указомъ о единонаслѣдіи 1714 года помѣстья долженствовали составлять общую массу наслѣдства подъ названіемъ *недвижимыхъ добръ*. Наконецъ Императрица Анна Іоанновна въ 1731 году, возвративъ прежній порядокъ наслѣдованія, повелѣла считать помѣстья наравнѣ съ вотчинами подъ однимъ наименованіемъ *недвижимыхъ имуществъ*. Такимъ образомъ сей видъ неполной собственности совершенно прекратился.

II. О СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

Въ семъ періодѣ совершились два важныя измѣненія въ состояніи крестьянъ, водворенныхъ на землѣ помѣщичьей: 1) укрѣпленіе ихъ землѣ, и 2) укрѣпленіе ихъ лицу помѣщика.

1) Укрѣпленіе землѣ.

Порядокъ перехода крестьянъ съ одного помѣстья на другое, опредѣленный въ Судебникѣ, заключалъ въ самомъ существѣ своемъ препятствія, почти непреодолимыя. Крестьянинъ обязанъ былъ расчесться съ помѣщикомъ во всѣхъ ссудахъ его, заплатить пожилыя деньги и возвратить скотъ, хлѣбъ и проч.

Кто былъ судьею въ семъ расчетѣ?—Никто, или самъ помѣщикъ. Какимъ актомъ крестьянинъ былъ обезпеченъ въ томъ, что расчетъ точно былъ оконченъ? — Никакимъ. Слѣдовательно, каждый крестьянинъ, перешедшій съ одного помѣстья на другое, могъ считаться бѣглымъ; а бѣглыхъ велѣно возвращать сперва со срокомъ, а потомъ безсрочно, по переписнымъ книгамъ. Слѣдовательно самая перепись 1593 года лишила уже крестьянъ, если не права, то возможности къ переходу. Право оставалось въ народномъ преданіи, но оно было дѣйствительнымъ для тѣхъ только крестьянъ, коихъ помѣщики отыскать не могли, или отыскивать не хотѣли, отыскавъ же они всегда могли доказать, что люди сіи были бѣглые. Слѣд. по мѣрѣ того, какъ пустопорожнія земли населялись и способы къ отысканію бѣглыхъ становились легче, переходъ крестьянъ самъ собою затруднялся и наконецъ совсѣмъ пресѣкся.

Такъ постепенно и нечувствительно, самъ собою, совершился важный переворотъ въ положеніи крестьянъ. Они стали *крѣпкими землѣ*.

Но сіе укрѣпленіе не заключало еще въ себѣ ничего личнаго. По Уложенію (гл. XX, ст. 113) запрещено было помѣщикамъ на крестьянъ своихъ брать служилыя кабалы, т. е. укрѣплять ихъ себѣ лично, даже и пожизненно, а дозволено было только на вольноотпущенныхъ и другихъ свободныхъ людей, пожелавшихъ вступить въ крестьянство, писать ссудныя записи, которыя прежде всѣ вновь принимаемые крестьяне давали своимъ помѣщикамъ. Какимъ же образомъ укрѣплены стали крестьяне лицу помѣщика?

2) Объ укрѣпленіи личномъ.

Первая черта сего рода укрѣпленія проведена была въ самомъ Уложеніи. Въ 8 статьѣ XI главы признаны законными поступныя записи на бѣглыхъ крестьянъ, но признаны таковыми только запи-

си, прежде совершенныя; на будущее же время постановлено отдавать бѣглыхъ натурою (ст. 10).

Но въ малолѣтство Царей Іоанна и Петра Боярская Дума, по домогательству помѣщиковъ и вотчинниковъ, поступила далѣе и приговоромъ 1688 г. марта 30 (1293) признала законными поступныя записи не только на бѣглыхъ, но и вообще на продажу вотчинныхъ крестьянъ съ тѣмъ только, чтобъ онѣ явлены были не въ Холопьемъ, но въ Помѣстномъ Приказѣ.

Симъ положено было первое основаніе продажи крестьянъ отдѣльно отъ вотчинъ и слѣдовательно положено начало личнаго ихъ укрѣпленія. Великая разность: возвратить бѣглаго къ землѣ—это означаетъ, что онъ крѣпокъ землѣ, или взять за него деньги—это означаетъ, что онъ крѣпокъ лицу.

Въ послѣдствіи то, что начато было боярскимъ приговоромъ, довершено двумя законодательными актами: 1) постановленіемъ о ревизіи и 2) положеніемъ о рекрутской повинности.

1. *Ревизія.* Извѣстно, что два рода было у насъ переписей: одна поземельная (писцовыя книги), другая, введенная позже — подворная. Первая учреждена была для податей, другая для воинской службы. Въ 1721 году введенъ третій родъ—перепись поголовная, и съ сего времени не количество земли и не число дворовъ, но число душъ сдѣлалось основаніемъ всѣхъ налоговъ и служебныхъ повинностей. Такимъ образомъ вопросъ о недвижимомъ имуществѣ какъ для правительства, такъ и для помѣщика и вотчинника измѣнился: не спрашивали уже сколько у помѣщика земли, но сколько за нимъ душъ. Слѣдовательно, вмѣсто одного совокупнаго имущества, земли съ людьми, у каждаго помѣщика стало два отдѣльныя имущества: земля и люди. Къ сему присоединилось другое важное обстоятельство: въ поголовную перепись велѣно вносить не однихъ крестьянъ, но и всѣхъ дворовыхъ людей, т. е. холопей и кабальныхъ людей, и тѣ и другіе обложены одинаковою съ крестьянами податью. Симъ изгладилось различіе между крестьянами и холопами: крестьяне поровнялись съ холопами тѣмъ, что стали крѣпки лицу, а не землѣ; и холопы поровнялись съ крестьянами тѣмъ, что перестали быть полною собственностію владѣльца, пріобрѣли личность и вошли въ составъ Государства, ибо обязаны стали податью и службою Государю, независимо отъ воли помѣщика.

2. *Рекрутская повинность.* Она была прежде располагаема съ дворовъ. По составленіи поголовной переписи она располагалась уже съ числа душъ. Тотъ кто не имѣлъ полнаго числа душъ для поставки рекрута вступалъ въ складку съ другими, т. е. платилъ деньгами. Слѣдовательно душа оцѣнена; независимо отъ земли помѣщикъ платилъ за нее деньги, слѣдовательно самъ имѣлъ право продать ее другому. Она была крѣпка ему.

Такъ основалось въ отечествѣ нашемъ постепенно укрѣпленіе крестьянъ сперва землѣ, потомъ лицу владѣльца.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ 1731 года до настоящаго времени.

I. О поземельной собственности.

Выше мы видѣли, что 1731 годъ составляетъ эпоху въ исторіи нашей поземельной собственности. Въ семъ году владѣніе помѣстное сравнено съ вотчиннымъ, т. е. каждый помѣщикъ пріобрѣлъ вдругъ право продавать и закладывать, по своему усмотрѣнію, тѣ самыя деревни, коими сначала онъ владѣлъ только пожизненно, потомъ владѣлъ потомственно, но всегда съ ограниченіемъ въ продажѣ и залогѣ.

Сія важная перемѣна, впрочемъ, была послѣдствіемъ измѣненія въ самомъ существѣ поземельнаго владѣнія. Земли раздаваемы были дворянамъ въ помѣстья для службы; но когда въ службу стали брать всѣхъ обывателей безъ различія и не по количеству земли, ими владѣемой, но по числу душъ, положенныхъ въ ревизію, когда подати также всѣ перешли съ земли на лица, то ясно, что не было уже никакой государственной выгоды различать помѣстья отъ вотчины.

Съ тѣхъ поръ вотчинное владѣніе содѣлалось владѣніемъ въ Россіи общимъ и сей родъ собственности сохранился и донынѣ безъ измѣненія. Указъ 1731 года дополняемъ только былъ по временамъ нѣкоторыми подробностями.

II. Состояніе крестьянъ.

Въ состояніи крестьянъ въ семъ періодѣ до 1797 года не происходило никакихъ важныхъ измѣненій. Замѣчательно только: 1) что Правительство, разными постановленіями, всемѣрно благопріят-

ствовало добровольному ихъ освобожденію отъ крѣпостнаго владѣнія; 2) что слово *рабъ* въ 1786 году запрещено употреблять; 3) что въ учрежденіяхъ дана Генералъ-Губернаторамъ власть пресѣкать притѣсненія крестьянъ непомѣрными работами и жестокостями. Но въ 1797 году послѣдовало весьма важное и существенное о крѣпостномъ состояніи постановленіе, а именно ограничено право крѣпостной повинности трехдневною работою на помѣщика такъ, что половина времени и силъ крестьянина оставлены въ собственное его полное распоряженіе. Сей законъ считается нынѣ основнымъ въ крѣпостномъ состояніи, основнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ можно основать, не колебля настоящаго порядка, законное крѣпостное право столь же выгодное для помѣщиковъ, какъ и справедливое для крестьянъ.

Между тѣмъ въ теченіи предыдущаго и настоящаго царствованія послѣдовали слѣдующія замѣчательныя по сему предмету постановленія: 1) строго запрещено не только продавать и закладывать, но и всякими иными сдѣлками укрѣплять въ услуженіе крѣпостныхъ людей разночинцамъ, 2) запрещено крестьянъ безъ земли продавать по одиначкѣ съ отлученіемъ отъ семействъ ихъ, 3) установлено особое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, 4) запрещено людей безъ земли закладывать и продавать за долги ихъ помѣщиковъ, 5) запрещается продавать землю изъ подъ крестьянъ, когда количество ея составляетъ неболѣе 4½ десятинъ на душу, 6) запрещается продавать крестьянъ, доставшихся по наслѣдству разночинцамъ: они въ семъ случаѣ поступаютъ въ казну съ возмездіемъ отъ нея наслѣдникамъ.

ОБЩІЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I. Въ древности крестьяне не были крѣпки ни землѣ ни лицу.

II. Лицу были крѣпки рабы.

Но рабы не причислялись къ состоянію крестьянъ и составляли сами по себѣ особое состояніе. Они не только были крѣпки лицу, но были полною собственностію ихъ пріобрѣтателя; пріобрѣтателями же ихъ могли быть не только дворяне, но всѣ лица свободныхъ состояній.

III. Крестьяне въ первобытномъ ихъ состояніи, какъ жившіе на земляхъ казенныхъ, такъ и на земляхъ помѣщичьихъ, имѣли одина-

кія права, и несли одинакія повинности. Тѣ и другіе имѣли право *перехода.*

IV. Но переходъ съ земель помѣщичьихъ ограниченъ былъ двумя условіями: 1) расчетомъ съ помѣщикомъ въ повинностяхъ, 2) однимъ срокомъ въ году. Тѣ, кои переходили не разочтясь или не въ срокъ, считались бѣглыми, а бѣглыхъ дозволено было отыскивать и велѣно возвращать.

V. Переходъ крестьянъ до первой ревизіи, т. е. 1721 года, не былъ воспрещаемъ, ни отмѣняемъ закономъ общимъ и положительнымъ; но ограниченіе сего права расчетомъ и срокомъ, ограниченіе впрочемъ необходимое, послужило поводомъ къ уничтоженію самаго права. Крестьянину противъ помѣщика не чѣмъ было доказать правильность его перехода: письменныхъ договоровъ не было; онъ всегда могъ считаться бѣглымъ и въ семъ видѣ возвращаемъ былъ помѣщику. Такимъ образомъ всякій переходъ даже и правильный, могъ быть признаваемъ бѣгствомъ, и право перехода, хотя общимъ закономъ неотмѣненное, отмѣнилось само собою на дѣлѣ. Крестьянинъ сталъ крѣпокъ землѣ,—*первый степень укрѣпленія.*

VI. *Второй степень укрѣпленія* послѣдовалъ съ первой поголовной переписи (1721 года) и съ перваго рекрутскаго набора. Каждый долженъ былъ вносить подать и отправлять рекрутскую повинность тамъ, гдѣ онъ былъ записанъ. За неполнаго рекрута помѣщикъ вносилъ складочныя деньги, слѣдовательно душа была оцѣнена независимо отъ земли; помѣщикъ платилъ за нее деньги, слѣдовательно и самъ могъ уступить ее другому за деньги. Крестьянинъ сталъ крѣпокъ не только землѣ, но и помѣщику.

VII. Такъ состояніе крестьянъ, прежде единообразное, раздѣлилось на три сословія: на сословіе крестьянъ совершенно свободныхъ, сословіе крестьянъ, крѣпкихъ землѣ, и сословіе крестьянъ, крѣпкихъ землѣ и лицу; такъ возникло въ отечествѣ нашемъ сословіе крѣпостныхъ людей. Оно возникло не злоупотребленіемъ, не произволомъ владѣльцевъ, не безъ содѣйствія Правительства, но основалось сперва обычаемъ, а потомъ закономъ, и слѣдовательно *состояніе сіе столь же законно, какъ и всѣ другіе.*

VIII. Чѣмъ различается крѣпостное состояніе отъ рабства? *Рабъ* весь, душою и тѣломъ, принадлежалъ господину. Запрещено только было его уродовать, но и за сіе никакого наказанія не назначе-

но. Онъ не считался въ Государствѣ, не былъ ни въ податяхъ, ни въ службѣ. Онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, какъ движимое имущество и могъ принадлежать не только дворянину, но лицу духовному, обывателю городскому и сельскому. Рабъ не могъ имѣть никакой собственности, бывъ самъ полною собственностію другаго. *Крѣпостный крестьянинъ* принадлежитъ прежде всего Государю; онъ принадлежитъ ему податью, имъ лично платимою, онъ принадлежитъ ему еще болѣе рекрутскою повинностію; онъ обязанъ въ свою очередь стать въ рядахъ государственной воинской службы не по волѣ помѣщика, но по закону, наравнѣ съ другими государственными сословіями. За симъ уже, т. е. по исполненіи всѣхъ сихъ главныхъ обязанностей, онъ принадлежитъ помѣщику; но и тутъ принадлежитъ онъ ему не весь, по одною трехдневною работою, т. е. одною только половиною рабочихъ силъ его; остальная же половина его силъ и слѣдовательно все произведеніе сей половины есть неотъемлемая, законная собственность крестьянина. Еще болѣе, даже и та половина силъ, которая неоспоримо принадлежитъ помѣщику, принадлежитъ ему не даромъ. Вмѣстѣ съ правомъ на трехдневную работу помѣщикъ обязанъ доставлять крестьянину средства къ пропитанію съ его семействомъ, т. е. обязанъ надѣлить его землею и обязанность сія столько положительна, что помѣщикъ не можетъ продать собственной своей земли, не оставивъ крестьянину, на той же землѣ водворенному, до четырехъ десятинъ съ половиною (1827 [т. IX ст. 631]). Помѣщикъ имѣетъ власть отчуждать крестьянина съ землею и безъ земли съ его семействомъ; но отчуждая онъ передастъ другому (и то дворянину, а не разночинцу) не болѣе, какъ то право, которое онъ самъ на него имѣлъ, т. е. право трехдневной работы; и—примѣтить должно, — вмѣстѣ съ симъ правомъ, онъ передастъ и обязанность, на немъ лежащую, надѣлить крестьянина землею.

IX. Посему *законное крѣпостное состояніе* въ существѣ своемъ есть состояніе крестьянина, водвореннаго на землѣ помѣщичьей съ потомственною и взаимною обязанностію: *со стороны крестьянина*—обращать въ пользу помѣщика половину рабочихъ своихъ силъ; *со стороны помѣщика*—надѣлять крестьянина такимъ количествомъ земли, на коей могъ бы онъ, употребляя остальную половину рабочихъ его силъ, трудами своими снискивать себѣ и своему

семейству достаточное пропитаніе. Сія взаимная обязанность можетъ быть разнымъ образомъ измѣняема, а именно: 1) по волѣ помѣщика она можетъ быть передаваема отъ одного владѣльца другому или прекращаема по его усмотрѣнію освобожденіемъ крестьянина отъ повинности; 2) *по взаимному согласію помѣщика и крестьянина* она можетъ быть замѣняема: *со стороны крестьянина* — вмѣсто трехдневной работы оброкомъ за землю или личными услугами за пропитаніе; *со стороны помѣщика* — надѣленіемъ крестьянина, вмѣсто земли, другими средствами пропитанія за услуги.

Въ семъ состоитъ, въ точномъ и буквальномъ смыслѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ, истинное законное крѣпостное право въ Россіи. Были и теперь могутъ быть отъ сего законнаго порядка нѣкоторыя отступленія; но, *во первыхъ*, есть надежда, что сіи отступленія, и нынѣ довольно уже рѣдкія, въ послѣдствіи, при содѣйствіи времени, отъ общаго смягченія нравовъ, отъ лучшихъ понятій о распредѣленіи труда и наконецъ отъ простаго расчета обоюдныхъ выгодъ постепенно, день отъ дня содѣлаются еще рѣже. *Во вторыхъ*, какъ отступленія отъ закона большею частію происходятъ отъ неполноты самаго закона, то и законъ крѣпостной повинности постепеннымъ и благоразумнымъ его дополненіемъ, безъ всякаго въ сущности измѣненія, можетъ быть въ теченіи времени приведенъ въ такую ясность и полноту, что отступленія отъ него сами собою должны будутъ прекратиться.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Духовное завѣщаніе великаго князя Василія Дмитріевича, 1423 года: «а тѣ волости и села (завѣщанные супругомъ) княгинѣ моей до ее живота; а по ее животѣ, ино сыну моему Князю Василью, опроче Гжели да Семцыньскаго села; да ее прикупа. А во Гжелѣ, да въ Семцыньскомъ селѣ, да въ своемъ примыслѣ вольна княгини моя, кому хочетъ дати, тому дастъ.»

2) Догов. грамота вел. князя Дмитрія Іоаннов. съ двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 года: «а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля. А кто будеть бояръ и слугъ къ тобѣ, брату моему молодшему, отъ мене отъѣхалъ до сего докончанья (до сего договору), или по семь докончаньи къ тобѣ пріѣдеть, на тѣхъ ми нелюбья не держати. Такоже и отъ тобѣ, брата моего молодшего, ко мнѣ бояръ и слугъ кто пріѣхалъ до сего докончанья, или по семь докончаньи, или по семь докончаньи ли кто пріѣдеть, тобѣ, брату моему молодшему, на тыхъ ти нелюбья не держати. А который бояринъ поѣдеть изъ кормленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ, а любо служба отслужити ему.» Догов. грамота князя Георгія Дмитріев. Галицкаго съ великимъ князсмъ Васильемъ Васильевичемъ, 1433 года: «А князей ми твоихъ служебныхъ съ вотчинами въ службу собѣ не пріимати, а которыи князи мнѣ имутъ служити, и имъ въ вотчину свою (т. е. въ удѣлъ другаго князя) не вступатися, а вотчины лишены.» См. также Никоновск. лѣтоп. ч. III стр. 101 подъ годомъ 1304. Духовн. завѣщаніе князя Владиміра Андреев. 1410 года: «а бояромъ и слугамъ кто будетъ не подъ дворьскимъ, волнымъ воля. А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ ни отъ сотниковъ. А кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». Духовное завѣщаніе князя Василія Борисовича Волоцкаго, 1477 года: «А что есмь пожаловалъ бояръ своихъ князя Андрея Ѳедоровича и князя Петра Микитича, подавалъ есмь имъ отчину въ ихъ отчины мѣсто, далъ есмь князю Андрею Ѳедоровичу Скирманово, да Фроловское, да Кореневское съ деревнями, а князя Петра Микитича пожаловалъ есмь Шорсною съ деревнями, доколѣ служатъ мнѣ и моимъ дѣтемъ и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ и есть. А не имутъ служити моему сыну, ино ихъ отчина моему сыну».

3) Духовное завѣщаніе великаго князя Іоанна Іоанновича, 1356 года: «Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрію и князю Ивану, а братаничу моему князю Володимеру на Москвѣ въ намѣстничствѣ (въ доходахъ намѣстничьихъ) треть, и въ тамзѣ и въ мытѣхъ (торговыхъ и проѣзжихъ пошлинахъ) и въ пошлинахъ городьскихъ треть, что потягло (принадлежитъ) къ городу, и что медъ оброчный Васильцева стану,

и что отца моего купленые бортници подъ вѣчные варяхъ (медовыхъ), и кони ставити по станомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все на трое. А численные люди (государственныхъ крестьянъ) вси три князя блюдуть сопча съ единого.» Договорная грамота великаго князя Дмитрія Іоанновича съ двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 года: «а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, такоже и численыхъ людей.» Договорная грамота великаго князя Дмитрія Іоаннов. съ двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ, 1388 года: «а сель ти не купити въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. А кто будетъ покупилъ земли данные, служки, или черныхъ людей, по отца моего животѣ, по князя великого по Ивановѣ, и тѣ хто взможетъ выкупити, и нѣ выкупитъ; а не взмогутъ (продавцы) выкупити, и нѣ (и они, т. е. покупщики) потянутъ къ чернымъ людемъ; а кто не всхочетъ тянути и нѣ ся (и тѣ) земель съступятъ (отъ земель отступятся), а земли чернымъ людемъ даромъ. Также и мнѣ и моимъ дѣтемъ и моимъ бояромъ сел не купити въ твоемъ удѣлѣ; а кто будетъ покупилъ, а то потому же.» Духовное завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, 1410 года: «А сына князя Ивана благословляю на старѣйшей путь (т. е. даю ему главную часть доходовъ): ему въ Москвѣ и въ станѣхъ: конюшей путь, бортницы, садовници, псари, бобровники, бараши и дѣлюи (всѣ сіи званія сельскихъ людей несли по означеннымъ промысламъ повинности въ пользу князя), а тѣхъ бортниковъ или садовниковъ или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не всхочетъ (кто) жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану ненадобѣ, на которого грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану.»

4) Истор. Госуд. Росс. Карамзина, т. III, стр. 507, примѣч. 186.

5) Договорн. грам. великаго князя Дмитрія Іоанновича съ двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 года: «а тобѣ брату моему молодшему въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати, такоже и мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ, ни закладневъ ми, ни оброчниковъ не держати.»

6) Русская Правда.—Собр. госуд. грам. № 28 и 76: «А на холопѣхъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ.» При сборѣ податей княжескими даньщиками (сборщиками) управители селъ и волостей показывали подъ присягою кто свободный крестьянинъ и кто холопъ.

7) Русская Правда, ст. о холопствѣ. Духовное завѣщаніе великаго князя Іоанна Іоанновича, 1356 года: «А кто будетъ моихъ казначеевъ, или тивуновъ, или посельскихъ или кто будеть моихъ дьяковъ, что отъ мене будеть вѣдали прибытокъ (доходы) ли которой, или у тыхъ кто будетъ женился (на дочерѣ кого либо изъ нихъ), тѣ люди не надобни

моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю. Также кто будетъ моихъ людей купленыхъ, грамотныхъ (доставшихся по крѣпостнымъ актамъ), полныхъ, далъ есмь имъ свободу, куда имъ любо, а дѣтемъ моимъ ни моей княгини не надобни.»

8) Истор. Росс. іерархіи ч. III, стр. 124. Духовное завѣщаніе Антонія Римлянина: «и се возвѣщаю: да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони семдесятъ гривенъ, на селѣ есмь далъ гривенъ сто, на Волховскомъ. Тудоръ съ женою и съ дѣтьми одеренъ, Волосъ съ женою и съ дѣтьми одеренъ, и проч.» О грамотахъ одерноватыхъ или крѣпостяхъ на холопей см. Собраніе государствен. грам. № 13 и другіе. Слово *одеренъ* означаетъ человѣка, отдавшагося въ потомственное холопство.

9) Русская Правда о холопствѣ.

10) Русск. Правда.—Духовное завѣщаніе великаго князя Семіона Іоанновича, 1353 г. «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или кто ми ся будетъ въ винѣ досталъ (кто достался князю въ наказаніе за вину), также мои тивуни и посельскіе и ключники и старосты или кто ся будетъ у тыхъ людей женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо.»

11) Догов. грам. князя Бориса Тверскаго съ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ, 1437 года: «А кто купилъ полоняника, и онъ возметъ цѣну по цѣлованью.» См. Истор. Карамз. т. V, стр. 542.

12) Духовн. завѣщаніе Іоанна Данил. Калиты, 1328 года: «А числьныи люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдуть (ихъ) вси съодиного. А что мои люди купленіи въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои.» Догов. грам. великаго князя Дмитрія Іоаннов. съ двоюроднымъ братомъ его княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1388 года: «а численыхъ людей блюсти ны съ одиного, а земль ихъ не купити.»

13) Собр. госуд. грам. № 128: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христьяномъ межъ насъ вольнымъ воля». Догов. грам. великаго князя Московскаго Дмитрія Іоаннов. съ велик. княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александров., 1368 года: «А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи или въ твоей вотчинѣ въ Твери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопѣхъ не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ. А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ». Тарханная грам. Ярославскому Спасскому монастырю, 1340 года: «А кого перезоветъ игуменъ изъ иныя волости, то люди св. Спаса, а мнѣ (князю) ся въ нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половницы (которые изъ людей княжескихъ будутъ на земляхъ монастырскихъ половниками), а тѣ потянуть ко мнѣ данью и виною (подлежатъ моей дани и моему суду по уголовнымъ дѣламъ)». О раздѣленіи крестьянъ на сохи и о черномъ борѣ см. Истор. Карамз. т. V стр. 525.

14) Какія подати въ сіе время взимались съ крестьянъ, явствуетъ изъ тарханной грамоты, данной Ярославскимъ княземъ Василіемъ Давыдовичемъ Ярославскому Спасскому монастырю: «ненадобѣ имъ (крестьяномъ Спасскимъ) никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни восьминчее, ни бобровое, ни стану не чинятъ въ селѣхъ спасскихъ, ни дворскаго не емлютъ».

15) Истор. Карамз. т. IV стр. 127. Никон. лѣтоп. ч. III стр. 78.—Новгородцы не хотѣли, чтобы князья заводили слободы на ихъ земляхъ. Въ договорн. грамотѣ съ Тверскимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, 1327 года, сказано: «а свободы и мытъ на Новгородьской волости не ставити». Договор. грам. великаго князя Василія Дмитріевича съ двоюроднымъ его братомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1389 года: «а что слобода противъ Боровска (въ удѣлѣ князя Владиміра), та ны слобода свести, туто намъ слободы не держати».

15 *) Догов. грам. великаго князя Димитрія Іоаннов. и двоюроднаго брата его Владиміра Андреев. съ великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1368 года: «А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ, въ великомъ княженіи (Московскомъ), или въ твоей отчинѣ, во Твери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости». Догов. грам. вел. князя Дмитр. Іоаннов. съ двоюродн. его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1388 года: «А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ также по кормленью и по путемъ да дати мнѣ.» Догов. грам. великаго князя Василія Дмитріев. съ двоюродн. дядею его Владиміромъ Андреевичемъ, 1389 года: «а кто живетъ твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ, въ великомъ княженьи, а тѣхъ ны блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тыхъ тобѣ блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ.... А коли намъ взяти на своихъ боярѣхъ на путныхъ, и тобѣ взяти на своихъ боярѣхъ по десяти (путными боярами назывались, которымъ пожалованы были разные доходы и пошлины въ княжескихъ удѣлахъ. Въ древнія времена бояре для сбора сихъ доходовъ чинили объѣзды въ опредѣленные въ году сроки; оттого и самые сборы сіи въ древнихъ грамотахъ назывались *путями*).

16) Привилегія рыбацкой слободѣ (тонникамъ) подъ Старою Русою, 1564 года: «погоста имъ не платити, ни въ черной боръ имъ не тянути; а Литовскому послу подводъ имъ не давати, ни на дворѣ у нихъ не стояти, ни Новогородскому послу у нихъ на дворѣ не стояти, ни корму, ни подводъ имъ не давати; а сотной соли писчей имъ не платити Рушаномъ, а даютъ мнѣ по три берковски меду черезъ годъ; а не будетъ меду, ино по

(*) Примѣчаніе это не соотвѣтствуетъ тексту, къ которому относится, и потому, вѣроятно, въ подлинной рукописи отмѣчено особымъ знакомъ. *Ред.*

три рубли. А въ виру имъ съ Рушаны не тянути... А съ Рушаны имъ въ ихъ потугъ (тягло, повинность) не тянути, ни подвойскимъ Руськимъ ихъ не позывати, ни посаднику Руському ихъ не судити, ни съ поличнымъ; или ихъ скуютъ въ Русѣ, ино взяти у него дворянину (приставу) пять кунъ.. А дворяномъ моимъ съ Городища (изъ Новгорода), ни подвойскимъ Новогородскимъ, ни биричемъ, ни софьяномъ владычнымъ (приставамъ архіерейскимъ) моихъ тонниковъ Руськихъ не позывати ни въ какомъ дѣлѣ. А кому будетъ до нихъ каково орудіе (искъ), ино ѣхати на нихъ отъ меня отъ великого князя ловчему, а отпущеннику не ѣхати, въ его мѣсто никому не позывати. А безъ меня, безъ великого князя, не судити, или безъ моего намѣстника. А звати ихъ (т. е. назначать имъ ставку къ суду) съ осеннего Николина дни до середохрестья; а позовнику ѣзду взяти у нихъ гривна.»

17) Жалованная грамота великаго князя Василія Васильевича Глушицкому монастырю, 1448 марта 4: «и язъ ихъ (монаховъ) князь великій пожаловалъ, кого собѣ игуменъ и его братья призовутъ жить людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моее отчины вел. княженья и тѣмъ ихъ людемъ монастырскимъ на десять лѣтъ ненадобѣ моя никоторая дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни коня моего кормить, ни явка, ни гостиное, ни къ сотскимъ, ни къ дворскимъ не надобѣ имъ тянуть ни въ проторп, ни въ разметы, ни въ иные ни въ которые пошлины... а отсидятъ тѣ ихъ люди указные лѣта, и они потянутъ въ мою дань по силѣ.» Росс. Вивліоѳ. ч. 15, стр. 8. Жалованная грам. боярину Ознобишину, 1486 марта 6: «Се-язъ князь великій Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василья Ознобишу угодьемъ его, пожаловалъ въ Суздалѣ своимъ селомъ великаго князя Ярышевымъ, да Муровнинымъ, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за Олешкомъ за Костинымъ, и кто у него въ томъ селѣ въ Ярышевѣ и въ Муровниномъ пыетъ жити людей и старожилцовъ, и тѣмъ его людемъ не надобь моя великого князя дань на годъ. А кого къ собѣ перезоветъ (крестьянъ) жить людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моее вотчины (княженья) изъ великого князя, и тѣмъ его людемъ пришлымъ ненадобь имъ дань на пять лѣтъ. А старожильцомъ и пришлымъ людемъ ненадобе имъ ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ (это называется въ княжескихъ регаліяхъ или доходахъ конюшій путь), ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ соцкому, ни къ дворецкому, ни къ десяцкому не тянутъ ни въ которые проторп, ни въ разметы, ни иные имъ никоторые пошлины ненадобе. А намѣстницы мои Суздальскіе и ихъ тіуни Ознобиша и его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что. А праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ. А вѣдаетъ и судитъ Ознобиша тѣхъ своихъ людей самъ или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людемъ съ городскими людьми, и намѣстницы мои Суздальскіе и ихъ тіуни су-

дятъ, а Ознобиша съ ними судитъ, или его приказчикъ, а прибыткомъ (пошлинами судебными) ся дѣлятъ на полы. И коли поѣдутъ его люди на которой городъ съ какимъ житомъ, и нѣ ся являютъ, а явки, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ не даютъ въ моей вотчинѣ великого князя, опричь церковныхъ пошлинъ. А кому будетъ чего искати на самомъ Ознобишѣ, или на его приказчикѣ, ино его сужу язъ князь великій, или мой бояринъ введеной (ленной). А письменныхъ (тоже что численныхъ) ему тяглыхъ моихъ великого князя людей къ себѣ не принимати.»

18) Судебникъ царя Іоанна Васильевича ст. 127.

19) Тамъ же, ст. 85.

20) Запись князя Владиміра Андреевича Старицкаго двоюродному брату его, великому князю Іоанну Васильевичу и его наслѣдникамъ, 1553 года: «А князей ми служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ не прімати, также ми и всякихъ вашихъ служебныхъ людей безъ вашего велѣнья не прімати къ себѣ никого.» Запись князя Андрея Старицкаго, данная племяннику его, великому князю Іоанну Васильевичу, 1537 года: «а кто захочетъ отъ тобя ко мнѣ ѣхати, князь ли, или бояринъ, или діакъ, или сынъ боярской, или кто ни буди на ваше лихо, и мнѣ того никакъ не приняти, а сказати мнѣ то тобѣ великому князю Ивану и твоей матери въ правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѣлованію.»

21) Судебникъ, изд. Татищевымъ, ст. 84, 88.

22) Тамъ же, ст. 76, 81, 149, 150.

23) Тамъ же, ст. 121.

24) Ст. 55, 90.

25) Ст. 78, 82, 149, 150.

26) Ст. 158.

27) (*) Договорная грамота великаго князя Дмитрія Іоанновича съ двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 года: «а тобѣ, брату моему молодшему, въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати; такоже и мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ, ни закладневъ ми, ни оброчниковъ не держати.» Догов. грам. велик. князя Димитрія Іоанновича съ велик. княземъ Тверскимъ Михайломъ Александровичемъ, 1368 года: «а закладней ти въ Новѣгородѣ въ Великомъ и въ Торжку и въ пригородахъ не держати».

27) Судебникъ ст. 164.

28) Тамъ же, ст. 88.

29) Что крестьяне состояли въ долгахъ у своихъ помѣщиковъ, то явствуетъ изъ слѣдующихъ грамотъ. Духовн. завѣщаніе великой княгини Софіи, вдовствующей супруги князя Василія Дмитріевича, матери великаго князя Василія Васильевича, 1453 года: «а даю свои села къ тѣмъ Божіимъ церквамъ, со всѣмъ съ своимъ, какъ было за мною за великою кня-

(*) Въ подлинной рукописи и это примѣчаніе отмѣчено особымъ знакомъ, хотя въ немъ указывается на закладней, о которыхъ упоминается въ текстѣ. *Ред.*

гинею, и съ хлѣбомъ со всѣмъ и съ животиною, да съ половиною издѣлного серебра (розданнаго въ долгъ подъ издѣлье) что на людѣхъ, а половину издѣлного серебра христіаномъ серебреникомъ (крестьянамъ, деньгами одолженнымъ: см. Судебникъ, ст. 78) отдавати, оприсно и страдниковъ (кабальныхъ работниковъ), страдники пойдутъ на слободу. А что есмь которыи села свои подавала своему сыну великому Князю Василью и своей сносѣ, великой княгинѣ Марьѣ, и своимъ внучатомъ, и язъ имъ тѣ села подавала потомужъ, съ половиною издѣлного серебра и съ животиною, да съ хлѣбомъ съ тѣмъ, который въ земли; а другую половину издѣлного серебра велѣла есмь христіаномъ серебреникомъ отдавати, да оприсно и страдниковъ, страдники пойдутъ на слободу жъ... Кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины того издѣлного серебра заплатити не взможетъ, и сынъ мой великій князь тому велитъ отдати, за мою душю, все издѣлное серебро; а который будетъ издѣлный серебреникъ изможенъ въ животѣ, а не охудѣлъ, взможетъ заплатити и все серебро, и на томъ сынъ мой великій князь велитъ все издѣлное серебро взяти.» Духовное завѣщаніе князя Андрея Васильевича, 1481 года: «А что въ моихъ селѣхъ на Вологдѣ и въ Торусѣ на христіанехъ мое серебро издѣлное и ростовое и мое жито на нихъ заемное и оброчное и которые мои села и деревни за моими дѣтми боярскими съ моимъ серебромъ, и язъ то свое серебро и жито все отдалъ христіаномъ.» Духовное завѣщаніе князя Михайла Андреевича Верейскаго, 1486 года: «а что у страдныхъ у моихъ людей моя животина и у кого что будетъ моей животины, тому то и есть.»

30) Судебникъ, ст. 166.

31) Сей указъ 1602 года недавно отысканъ и напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1834 года, декабря, на стр. 415.

32) Улож. гл. XVII.

33) Улож. гл. XVI ст. 67; гл. XVII ст. 37, 41; гл. XIX ст. 5, 9, 15, 16.

34) Улож. гл. XVI; ук. 1676 марта 10 (633) и 1678 авг. 10 (700).

35) (*) указъ 1681 мая 23 (869).

36) Улож. гл. XI ст. 30; ук. 1689 февр. 1. (1334) и авг. 7 (1370).

37) Улож. гл. XI ст. 7, 8; ук. 1688 март. 30 (1293).

38) Улож. гл. XIX ст. 1, 5, 9.

39) Тамъ же, гл. XIX ст. 13, 18.

(*) Какъ на это, такъ и на слѣдующія четыре примѣчанія ссылокъ въ текстѣ подлинной рукописи нѣтъ, и кажется, что они сюда нейдутъ. Вѣроятно они относились къ тексту настоящаго сочиненія въ его первоначальномъ или же въ другомъ, болѣе полномъ видѣ. Это подтверждается тѣмъ, что всѣ прилагаемыя здѣсь примѣчанія найдены нами въ Императорской Публичной библіотекѣ не въ связи съ издаваемымъ нами текстомъ, а между другими бумагами графа М. М. Сперанскаго, и что въ публикѣ этотъ текстъ обращался безъ примѣчаній; но другаго текста мы до сихъ поръ отыскать не могли. Впрочемъ, помѣщаемыя нами примѣчанія въ подлинной рукописи также исправлены собственноручно графомъ Сперанскимъ. *Редакторъ.*

ОПЫТЪ
ЮРИДИЧЕСКАГО КОММЕНТАРІЯ
НА НѢКОТОРЫЯ СТАТЬИ ЗАКОНОВЪ О ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на случай его смерти (ст. 1010-я X т. Св. Зак. Гражд.)

Законное, то есть должно и въ существѣ своемъ быть согласно съ постановленіями Закона о пространствѣ правъ на имущество и о правахъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно соотвѣтствовать формѣ, установленной Закономъ именно для актовъ сего рода.

Объявленіе воли... Воля завѣщателя, стѣсняясь только высшею волею общественною, выраженною въ Законѣ, не приходитъ ни въ какое столкновеніе, не нуждается ни въ какой *сдѣлкѣ* съ волею того лица, къ которому простирается. Завѣщаніе есть *актъ* свободный и односторонній, объявленіе *одной* только воли, воли завѣщателя. Этимъ оно отличается отъ контракта, въ которомъ выражается воля каждой изъ сторонъ, его заключающихъ. Воля эта, сама себя опредѣляющая, можетъ поэтому и сама себя разрушить: отсюда слѣдуетъ, что завѣщаніе во всякое время можетъ быть уничтожено самимъ завѣщателемъ.

Владѣльца о его имуществѣ. Этими словами выражается существенное юридическое понятіе о томъ, что всякій въ правѣ распорядиться только *своимъ* имуществомъ и не можетъ распоряжаться чужимъ. Слово *владѣлецъ* конечно употреблено здѣсь въ смыслѣ собственника, вотчинника, лица, имѣющаго исключительное право на имущество (ср. ст. 513, 541 Зак. Гр.) и въ этомъ смыслѣ распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія можетъ только то лицо, которое въ правѣ вообще отчуждать его однимъ изъ тѣхъ способовъ, кои указаны въ примѣчаніи къ 699 ст. (ср. ст. 1018).

Имущество... Подъ этимъ словомъ должно разумѣть не только вотчинное и вещественное право на имущество, но и право на дѣй-

ствія лицъ, право договорное, право пользованія имуществомъ, принадлежащимъ въ собственность другому. Въ такомъ случаѣ смыслъ слова: владѣлецъ, необходимо долженъ расшириться. Всякое право, принадлежащее мнѣ, поколику оно не прекращается съ моею смертью, — составляетъ мое имущество, которымъ я могу распорядиться въ законныхъ границахъ на случай смерти. Въ этихъ границахъ, которыя въ дальнѣйшемъ изложеніи яснѣе обозначатся, я въ правѣ завѣщать все свое имущество, или часть его, условно или безусловно.

На случай смерти... Отсюда слѣдуетъ, что не ранѣе какъ со смертью завѣщателя завѣщаніе его пріобрѣтаетъ силу и дѣйствіе, а прежде смерти завѣщателя избранный имъ наслѣдникъ не пріобрѣтаетъ рѣшительно никакого права на завѣщанное не только безусловнаго, но и условнаго, ожидаемаго права.

Завѣщаніе въ составленіи своемъ подчинено нѣкоторымъ формальностямъ. И такъ можно опредѣлить его еще слѣдующими словами: завѣщаніе есть *формальный* актъ, посредствомъ коего владѣлецъ самъ установляетъ по себѣ порядокъ наслѣдства.

Завѣщаніе, по законамъ нашимъ (ст. 1104), противополагается законному наслѣдству; но очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ существенное значеніе перехода одно и тоже: въ обоихъ случаяхъ права и обязанности умершаго владѣльца по имуществу переходятъ на то лицо, которое почитается *по праву* представителемъ умершаго; только въ одномъ случаѣ право сіе опредѣляется закономъ, въ другомъ—волею самого умершаго владѣльца. Въ томъ и другомъ случаѣ оправдывается опредѣленіе наслѣдствъ, какъ *совокупности* имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго: въ наслѣдствѣ по закону слово *совокупность* не означаетъ того, что все имѣніе умершаго должно сдѣлаться достояніемъ одного лица, что вся юридическая личность умершаго должна во всей цѣлости своей осуществиться по смерти его на одной физической личности: физическихъ личностей—наслѣдниковъ —можетъ быть нѣсколько, и въ такомъ случаѣ, при равенствѣ правъ ихъ, открывается между ними конкурсъ; но личность юридическая—наслѣдство, остается при семъ во всей своей цѣлости. Такъ точно и при завѣщаніи наслѣдство можетъ дробиться въ физическомъ своемъ составѣ; можетъ быть конкурсъ между нѣсколькими лицами, которыхъ завѣщатель

избралъ по себѣ преемниками или между ними и законными наслѣдниками въ томъ имѣніи, на которое завѣщаніе не простирается; но и этотъ конкурсъ не препятствуетъ наслѣдству, открывающемуся по смерти лица, которое оставило по себѣ завѣщаніе, быть тоюже совокупностью имуществъ, правъ и обязанностей, оставшихся послѣ умершаго. Такимъ образомъ, кажется, можно безошибочно употреблять выраженіе: наслѣдство, говоря о преемствѣ послѣ умершаго по завѣщанію, тѣмъ болѣе, что и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Свода Законовъ (напр. въ ст. 1066, 1300, 1302) встрѣчается выраженіе: *наслѣдникъ по завѣщанію.*

Всѣ завѣщанія какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и въ частяхъ могутъ быть перемѣняемы и измѣняемы по усмотрѣнію завѣщателя. Всякое завѣщаніе, по усмотрѣнію завѣщателя, при жизни его можетъ подлежать отмѣнѣ или измѣненію (ст 1030, 1032).

РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ ЗАВѢЩАНІЕМЪ И ДАРЕНІЕМЪ.

Завѣщаніе, такъ же какъ и даръ, относится къ дарственному способу пріобрѣтенія правъ на имущества. Но между тѣмъ и другимъ способомъ есть различіе существенное:

1) Нельзя не признать, что въ дареніи необходимо участвуютъ *двѣ* воли: воля дающаго и воля принимающаго даръ. Для того, чтобы дареніе совершилось, дѣйствіе той и другой воли должно быть совмѣстное. Въ дареніи предполагается соглашеніе, безъ котораго даръ не имѣетъ мѣста. Дареніе можетъ быть произведено подъ *условіями*, которыя взаимно принимаютъ обѣ стороны,—по свободному соглашенію. Дареніемъ возбуждается съ одной стороны право, съ другой обязанность: какъ скоро дареніе совершилось, даритель можетъ принудить одареннаго къ принятію и удержанію вещи по силѣ акта: одаренный въ правѣ требовать отъ дарителя того, что подарено. Напротивъ, въ завѣщаніи дѣйствуетъ одна воля. Правда, что по смерти завѣщателя можетъ вступить въ права своя воля наслѣдника, который въ правѣ не принять завѣщаннаго; но эта послѣдняя воля выражается въ отдѣльномъ моментѣ независимо отъ воли завѣщателя: никакая сдѣлка, никакое совмѣстное дѣйствіе той и другой воли здѣсь уже невозможны. Завѣщатель не входитъ ни

въ какое соглашеніе съ избраннымъ наслѣдникомъ, и если завѣщаетъ имущество не безусловно, то при этомъ не условіе заключаетъ съ наслѣдникомъ, а *постановляетъ правила* владѣнія или пользованія завѣщаемымъ имуществомъ, или налагаетъ на него повинность. Между завѣщателемъ и наслѣдникомъ по завѣщанію ни когда не можетъ возникнуть такое отношеніе, въ которомъ право съ одной стороны противополагается обязанности съ другой, ибо такое отношеніе возможно только тамъ, гдѣ участвуетъ двойственная воля.

2) Дареніе осуществляется немедленно и непосредственно (hic et nunc); какъ скоро совершилось соглашеніе,—начинается для пріобрѣтающей стороны дѣйствительное право. Здѣсь при самомъ совершеніи акта даритель отнимаетъ у себя право на даримое имущество и облекаетъ имъ лице одаренное. Каково-бъ ни было это право, вѣрное или невѣрное, безусловное или условное, случайное, ожидаемое, оно во всякомъ случаѣ принадлежитъ одаренному, который можетъ имъ распорядиться, передать его наслѣдникамъ, можетъ объявить и защищать его. Напротивъ, завѣщаніе осуществляется только со смертію завѣщателя; при совершеніи завѣщанія завѣщатель ничего не лишается, никакого права не утрачиваетъ, а назначенный наслѣдникъ никакого права не пріобрѣтаетъ. Пріобрѣтаетъ онъ только *надежду* на полученіе завѣщаннаго ему по смерти завѣщателя; но эта надежда состоитъ внѣ круга юридическихъ понятій и не даетъ наслѣднику ровно никакого, даже условнаго права: не можетъ онъ ни уступить ее, ни передать своимъ наслѣдникамъ (ср. 1222, 709 ст. Зак. Гражд.).

3) Дареніе, по существу своему, есть дѣйствіе невозвратное (ст. 974—977): даръ, принятый тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даритель можетъ потребовать обратно подаренное, но и эти случаи нисколько не нарушаютъ существа даренія: ни въ которомъ изъ нихъ возвращеніе дара не совершается исключительно дѣйствіемъ свободной воли одного дарителя: даритель можетъ потребовать обратно даръ свой, но не иначе какъ при наступленіи условій, предвидѣнныхъ Закономъ: въ одномъ случаѣ поводомъ къ возвращенію служитъ поступокъ одареннаго, свидѣтельствующій о явной его неблагодарности, слѣдовательно такое обстоятельство, которое зависитъ отъ воли получившаго даръ; въ другомъ—поводомъ служитъ неисполненіе со стороны

одареннаго условія, подъ которымъ онъ получилъ даръ; если представимъ себѣ, что возвращеніе дара поставлено дарителемъ въ зависимость отъ событія внѣшняго, случайнаго (напр. если у дарителя родятся дѣти, если отыщется безъ вѣсти пропавшій сынъ и т. п.), то и въ такомъ случаѣ поводомъ къ возвращенію будетъ обстоятельство, не зависящее отъ воли дарителя. Наконецъ, если бы даритель предоставилъ себѣ полную и неограниченную волю потребовать имущество обратно во всякое время, то актъ сего рода, какъ лишенный существенной принадлежности даренія, не могъ бы въ собственномъ смыслѣ почитаться дарственнымъ актомъ.

Напротивъ того сущность завѣщанія состоитъ именно въ томъ, что оно можетъ быть уничтожено завѣщателемъ во всякое время, когда ни пожелаетъ. Если въ составленіи завѣщанія, въ актѣ положительномъ, воля завѣщателя должна еще ограничиваться требованіями Закона, то въ уничтоженіи онаго, въ актѣ отрицательномъ, воля сія ничѣмъ существенно уже не стѣсняется и вполнѣ свободна.

О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, НИЧТОЖНОСТИ И ИЗМѢНЯЕМОСТИ ЗАВѢЩАНІЙ ВООБЩЕ.

Въ минуту смерти завѣщателя открывается право назначеннаго наслѣдника на завѣщанное имущество; съ тѣмъ вмѣстѣ и лицо сіе пріобрѣтаетъ право иска объ имуществѣ, предоставленномъ ему, право просить о признаніи его наслѣдникомъ по завѣщанію. Но завѣщаніе только тогда почитается актомъ, пришедшимъ въ законную силу, тогда только принимается законнымъ основаніемъ наслѣдственнаго права, когда, бывъ предъявлено по смерти завѣщателя въ надлежащее присутственное мѣсто, объявляется подлиннымъ, законно составленнымъ и дѣйствительнымъ.

Завѣщаніе бываетъ дѣйствительно:

въ матеріальномъ отношеніи:

когда въ содержаніи своемъ соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ Закона;

когда завѣщатель лично способенъ изъявлять свою волю посредствомъ завѣщанія, а наслѣдникъ, имъ избранный, лично способенъ пріобрѣтать по завѣщанію;

когда есть положительное удостовѣреніе о томъ, что завѣщаніе

есть подлинный актъ того самаго лица, отъ имени котораго оно составлено.

въ формальномъ отношеніи:

когда по смерти завѣщателя завѣщаніе его явлено и удостовѣрено въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ;
когда оно пришло въ окончательную законную силу, то есть, когда въ теченіе установленнаго срока не было никѣмъ оспорено;
когда возникшій споръ объявленъ неосновательнымъ по рѣшенію судебнаго мѣста, пришедшему въ окончательную законную силу.

Завѣщаніе недѣйствительно:

Или само по себѣ, въ матеріальномъ отношеніи:

когда оно составлено, хотя бы и въ законной формѣ, особою, лично неспособною изъявлять свою волю посредствомъ завѣщанія;
когда обнаружилось, что оно не есть подлинное выраженіе воли завѣщателя;
когда оно, бывъ составлено, уничтожено или измѣнено потомъ по волѣ самого составителя, не подверженной сомнѣнію.

Завѣщательное *распоряженіе* само по себѣ недѣйствительно:
когда завѣщанное имущество не подлежало завѣщанію вообще;
когда лицо, коему завѣщано имѣніе, юридически неспособно къ пріобрѣтенію по завѣщанію.

Въ формальномъ отношеніи завѣщаніе недѣйствительно:

если составлено съ нарушеніемъ законныхъ формъ, хотя бы по содержанію своему и не представляло ничего противозаконнаго;
если осталось по смерти завѣщателя въ безгласности, не бывъ явлено, гдѣ слѣдуетъ, въ теченіе опредѣленнаго срока или бывъ явлено, признано неформальнымъ по опредѣленію надлежащаго мѣста, получившему непререкаемую силу;
если, бывъ оспорено, уничтожено по рѣшенію суда, вступившему въ окончательную законную силу.

Воля завѣщателя признается недѣйствительною, какъ незаконная въ самомъ существѣ своемъ, или какъ выраженная въ такомъ актѣ, который самъ по себѣ былъ и не переставалъ быть незаконнымъ, самъ по себѣ заключалъ начало разрушительное; но могутъ быть случаи, когда воля завѣщателя, сама по себѣ законная и вы-

раженная въ актѣ законномъ, *теряетъ свою силу* въ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ, которыя зависѣли не отъ воли завѣщателя, въ завѣщаніи выраженной; напримѣръ, если въ минуту смерти его, а не во время составленія завѣщанія, избранный наслѣдникъ оказывается юридически неспособнымъ къ пріобрѣтенію завѣщаннаго, или завѣщанное имущество оказывается не существующимъ или не принадлежащимъ завѣщателю; наконецъ, если самъ завѣщатель въ минуту своей смерти утратилъ общее гражданское право изъявлять свою волю посредствомъ завѣщанія.

Внутреннія условія для дѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій.

(ст. 1016—1021 Зак. Гражд.)

Условія, требуемыя Закономъ для дѣйствительности завѣщанія, относятся или къ лицу завѣщателя, либо преемника по завѣщанію (личныя), или къ завѣщаемому имуществу (предметныя): соотвѣтственно сему, личная неспособность проистекаетъ: 1) отъ того, что Законъ воспрещаетъ нѣкоторымъ лицамъ имѣть собственность или располагать имуществомъ при жизни, либо на случаѣ смерти; независимо отъ всѣхъ другихъ условій признаетъ нѣкоторыя лица неспособными получить имущество по завѣщанію. 2) Неспособность послѣдняго рода происходитъ отъ того, что Законъ признаетъ нѣкоторыя имущества вовсе не подлежащими завѣщанію.

Воля, по *существу своему*, свободна и безгранична, сама себя опредѣляетъ, сама собою управляется. Но какъ скоро приходитъ она въ прикосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, такъ вступаетъ въ кругъ правъ и обязанностей, гдѣ дѣйствуетъ независимо отъ нея законъ юридической необходимости. Здѣсь уже свойствомъ правъ и обязанностей опредѣляется отношеніе воли къ различнымъ предметамъ. И такъ для того, чтобъ воля могла осуществиться въ дѣйствительности юридическаго міра, необходимо: 1) чтобъ она имѣла право выразиться относительно даннаго предмета; 2)чтобъ она сама по себѣ находилась въ нормальномъ положеніи, имѣла свойство разумно-свободной воли.

Право владѣть своимъ имуществомъ и передавать его другому есть вообще принадлежность юридической *личности* гражданина.

Посему всякій, кто признается за лицо въ Государствѣ и обладаетъ полнотою всѣхъ правъ своего состоянія, обладаетъ въ числѣ ихъ правомъ отчуждать свою собственность при жизни и правомъ изъявить объ ней свою волю на случай смерти. Всякій гражданинъ имѣетъ это право дотолѣ, пока не будетъ объявлено противное, то есть, доколѣ онъ не признанъ, въ установленномъ порядкѣ, лишеннымъ общихъ правъ гражданскихъ, правъ состоянія. И такъ первое условіе для дѣйствительности завѣщанія въ отношеніи къ лицу завѣщателя есть *цѣлость правъ его по имуществу*. Люди, лишенные по суду всѣхъ правъ гражданскихъ, какъ скоро приговоръ имъ объявленъ, не могутъ уже составлять завѣщаніе.

Но независимо отъ этой *чисто-юридической* способности завѣщателя, Законъ требуетъ еще отъ него способности, которую, въ отличіе отъ первой, можно назвать *фактическою*. При всей цѣлости общихъ гражданскихъ правъ его, матеріальное его положеніе можетъ быть таково, что онъ лишенъ способности свободно употреблять эти права, свободно ими воспользоваться: въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая неспособность прямо предполагается Закономъ И такъ, второе условіе для дѣйствительности завѣщанія, въ отношеніи къ лицу завѣщателя, есть такое положеніе его, въ которомъ онъ предполагается способнымъ—свободно и съ разсужденіемъ изъявить послѣднюю свою волю. Для того, чтобъ завѣщаніе было дѣйствительно, необходимо совокупное дѣйствіе той и другой способности. Завѣщатель въ данную минуту можетъ быть вполнѣ способенъ изъявлять свою волю свободно и съ разсужденіемъ; но если онъ не обладаетъ вполнѣ *правомъ* на имущество, то воля его, какъ бы свободно ни была выражена, не имѣетъ среды, въ которой могла бы обращаться и дѣйствовать, и потому не дѣйствительна. Завѣщатель обладаетъ полнотою правъ на имущество; но если въ данную минуту воля его признается неспособною опредѣлить себя, неспособною отнестись свободно и разумно къ предмету, то какъ бы положительно ни была выражена, она не можетъ ни къ чему приразиться и также не достигаетъ своей цѣли.

Способность, какъ нормальное состояніе, какъ свойство положительное, вообще предполагается; неспособность, какъ состояніе не нормальное, какъ свойство отрицательное и исключеніе изъ общаго правила, должна быть обнаружена. Всѣ предполагаются способными

изъявлять свою волю посредствомъ завѣщанія, доколѣ противное не будетъ обнаружено.

Способности завѣщать, съ одной стороны, соотвѣтствуетъ, съ другой, способность пріобрѣтать по завѣщанію. Та и другая можетъ быть *безусловная* или *относительная*: безусловная, когда она не зависитъ отъ взаимныхъ отношеній между завѣщателемъ и тѣмъ лицомъ, въ пользу коего дѣлается распоряженіе; относительная, когда между тою и другою стороной существуетъ необходимое отношеніе. Безусловно неспособными почитаются лица, не могущія распорядиться какимъ бы то ни было имуществомъ въ чью бы то ни было пользу, или пріобрѣсть что бы и отъ кого бы ни было по завѣщанію. Иные, напротивъ того, хотя вообще имѣютъ право завѣщать или пріобрѣтать завѣщанное имъ, но лишены этого права только въ отношеніи къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ лицамъ или имуществамъ. Поэтому при относительной способности одного лица завѣщать или пріобрѣтать по завѣщанію всегда предполагается другое лицо, соотвѣтственно тому неспособное пріобрѣтать или завѣщать. Изъ сего не слѣдуетъ однакоже (если Законъ не объявилъ положительно), чтобы лице, не имѣющее власти завѣщать въ пользу другаго, не могло пріобрѣтать отъ него по завѣщанію, и обратно, чтобъ не имѣющій права пріобрѣтать по завѣщанію отъ другаго не могъ дѣлать завѣщаніе въ пользу сего послѣдняго.

Юридическая способность завѣщателя зависитъ отъ условій личныхъ, временныхъ и случайныхъ, и потому можетъ измѣниться съ теченіемъ времени и съ перемѣною обстоятельствъ: лице способное можетъ сдѣлаться неспособнымъ, а неспособное—пріобрѣсть способность въ послѣдствіи. Между тѣмъ въ завѣщаніи составленіе самаго акта неодновременно со вступленіемъ его въ дѣйствительную силу. Поэтому вопросъ о томъ: съ какою минутою завѣщательнаго процесса должна совпадать юридическая способность завѣщателя—имѣетъ особую важность и требуетъ разсмотрѣнія.

Воля, выразившаяся въ завѣщаніи, подлежитъ еще измѣненію до тѣхъ поръ, пока можетъ дѣйствовать свободно: только въ минуту смерти завѣщателя завѣщаніе пріобрѣтаетъ силу акта безвозвратнаго. Отсюда видно, что въ завѣщательномъ процессѣ два момента рѣшительныхъ, безусловно-необходимыхъ: составленіе завѣщанія и смерть завѣщателя; въ первомъ совершается выраженіе воли, во вто-

ромъ—достигается цѣль ея, совершается передача права, пріобрѣтеніе имущества избраннымъ наслѣдникомъ. Очевидно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ моментѣ одинаково необходимо положительное дѣйствіе воли завѣщателя: для того, чтобы достигнуть цѣли своей, воля, первоначально выраженная завѣщателемъ, должна, не переставая, сохранить свой начальный характеръ, быть тою же самою волею.

Мы упоминали выше о различіи между юридической способностію завѣщателя и способностью воли его въ данную минуту. Посмотримъ, какое значеніе имѣетъ та и другая способность въ различные указанные нами моменты. Человѣкъ, не имѣющій права владѣть имуществомъ и передать его, очевидно, не имѣетъ права дѣлать завѣщаніе. И такъ, при составленіи завѣщанія необходимое условіе есть полнота правъ завѣщателя, юридическая его способность. Въ минуту смерти завѣщателя воля его приводится въ дѣйствіе,—совершается переходъ имущества отъ одного лица къ другому. Этотъ переходъ возможенъ въ такомъ только случаѣ, если лице передающее имѣетъ право передать; слѣдовательно и въ послѣднюю минуту, — въ минуту усовершенія и передачи правъ, завѣщатель необходимо долженъ имѣть туже юридическую способность въ отношеніи къ имуществу, какую имѣлъ при составленіи завѣщанія.

Съ другой стороны, лице, обладающее правомъ на свое имущество, почитается неспособнымъ располагать имъ, если воля его находится въ состояніи, лишающемъ ее свободы разсужденія. И такъ, въ минуту составленія акта воля завѣщателя необходимо должна быть въ здравомъ состояніи.

Воля завѣщателя, выразившись въ первомъ моментѣ, совершила уже все, что отъ нея зависѣло,—высказалась. Моментъ ея выраженія принадлежитъ прошедшему, приведеніе ея въ дѣйствіе—будущему; но и оставаясь въ бездѣйствіи до времени, она остается все тою же непремѣнною волею, нисколько не теряя своего значенія. Сохранившись въ цѣлости до смерти завѣщателя, она въ эту послѣднюю минуту также не измѣняется въ существѣ своемъ и является тою же волей, не въ эту минуту, *но прежде того и одинъ разъ* выраженною. И такъ, достаточно, если завѣщатель въ минуту составленія завѣщанія пользовался полною свободою воли и здравымъ разсудкомъ: какія бы ни произошли послѣ того перемѣны въ умственномъ

и душевномъ его состояніи, каково бъ ни было оно въ минуту его смерти,—воля его, правильно выраженная, должна сохранить вою свою силу.

Такимъ образомъ юридическая способность лица и способность воли должны дѣйствовать совокупно въ минуту составленія завѣщанія. Способность лица необходима въ минуту смерти завѣщателя; но способность воли, разъ уже выраженной, не составляетъ въ этотъ послѣдній моментъ необходимаго условія. Среднее пространство между двумя моментами завѣщательнаго процесса не имѣетъ здѣсь существеннаго значенія.

Чтобы удостовѣриться ближе въ справедливости этихъ положеній представимъ себѣ:

Во первыхъ, завѣщаніе, составленное человѣкомъ, не имѣвшимъ юридической къ тому способности. Такое завѣщаніе ничтожно съ самаго начала и останется навсегда ничтожнымъ, хотя бы завѣщатель пріобрѣлъ въ послѣдствіи право, котораго не имѣлъ въ минуту составленія. Такъ напр. завѣщаніе, составленное человѣкомъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, недѣйствительно, хотя бы онъ былъ въ послѣдствіи помилованъ и возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ.

Во вторыхъ, завѣщаніе человѣка, имѣющаго права, но не обладающаго волею, способною свободно выразиться. Оно также ничтожно въ самомъ началѣ и не можетъ быть возстановлено. Такъ завѣщаніе, составленное сумасшедшимъ, почитается навсегда ничтожнымъ, хотя бы завѣщатель въ послѣдствіи пришелъ въ разсудокъ.

Въ третьихъ, завѣщаніе человѣка, имѣвшаго юридическую способность въ минуту составленія, но не имѣвшаго ея въ минуту смерти. Въ такомъ случаѣ неполнота правъ умирающаго, въ минуту его смерти, препятствуетъ совершиться переходу имущества, опредѣленному завѣщаніемъ. Въ примѣръ можно привесть testamentum irritum у Римлянъ, когда завѣщатель, бывшій юридически способнымъ лицомъ въ минуту составленія акта, умиралъ рабомъ или въ ссылкѣ. Въ нашемъ юридическомъ бытѣ трудно представить себѣ подобный случай, потому что политическая смерть, лишающая человѣка правъ состоянія, производитъ у насъ непосредственно то же дѣйствіе, какъ и смерть естественная, то есть сама по себѣ открываетъ наслѣдство послѣ осужденнаго.

Въ четвертыхъ, завѣщаніе такого лица, которое во время составленія его пользовалось свободою воли, но было лишено ея въ минуту смерти (напр. умерло въ сумасшествіи). Оно должно почитаться дѣйствительнымъ, потому что воля, однажды правильно выраженная, могла измѣниться только въ слѣдствіе свободнаго акта той же самой воли.

Лицо, въ пользу котораго дѣлается завѣщаніе, должно быть способно пріобрѣтать имущество по завѣщанію. Въ первый моментъ завѣщательнаго процесса, въ моментъ составленія завѣщанія, эта способность не имѣетъ существенной важности, не представляется безусловно необходимою. Въ самомъ дѣлѣ мы знаемъ, что завѣщаніе при жизни завѣщателя не имѣетъ никакой силы, что однимъ составленіемъ завѣщанія, лицо, въ пользу коего оно составлено, не пріобрѣтаетъ рѣшительно никакого права на завѣщанное имущество, и по существу акта не принимаетъ никакого участія въ его составленіи. Самое завѣщаніе, хотя бы и не оставалось тайною, хотя бы даже составленіе его оглашено было, не имѣетъ и передъ закономъ дѣйствительной силы до самой смерти завѣщателя. При жизни завѣщателя никакая общественная власть не въ правѣ входить въ разсужденіе о правильности его распоряженій, ни одно частное лицо не можетъ ихъ оспоривать. И такъ, если завѣщаніе въ минуту составленія представляется актомъ, не имѣющимъ дѣйствительной силы, то нѣтъ необходимости требовать, чтобы въ эту минуту преемникъ по завѣщанію былъ дѣйствительно способенъ къ пріобрѣтенію завѣщаннаго ему имущества. О способности къ пріобрѣтенію не можетъ быть рѣчи въ такую минуту, когда нѣтъ еще никакого пріобрѣтенія: въ минуту составленія завѣщанія завѣщатель еще не даетъ, а объявляетъ только волю свою, намѣреніе отдать, но эта воля можетъ еще вовсе не перейти въ дѣйствіе, покуда не облечется въ силу безвозвратнаго акта смертью завѣщателя.

Моментъ пріобрѣтенія по завѣщанію ни въ какомъ случаѣ не можетъ наступить прежде смерти завѣщателя, слѣдовательно съ этого только момента способность пріобрѣтателя по завѣщанію представляется условіемъ, необходимымъ для дѣйствительности завѣщательнаго распоряженія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что со смертію завѣщателя, для лица, которому сей послѣдній назначаетъ имущество, открывается

право; но право это открывается не во всѣхъ случаяхъ въ одинаковой полнотѣ. Имущество можетъ быть завѣщано или безусловно или подъ условіемъ. Въ первомъ случаѣ со смертію завѣщателя пріобрѣтается во всей полнотѣ право, предоставленное имъ избранному лицу: ему остается только вступить въ матеріяльное владѣніе завѣщаннымъ предметомъ: внутренняя, духовная часть пріобрѣтаемаго права не требуетъ уже никакого дополненія. Во второмъ случаѣ, со смертію завѣщателя открывается только *условное* право: право получить завѣщанный предметъ, *какъ скоро совершится или будетъ выполнено условіе.* Здѣсь пріобрѣтеніе полнаго права на вещь зависитъ еще отъ *внѣшняго событія*: покуда это событіе не совершится, и переходъ права на имущество отъ завѣщателя къ избранному преемнику не признается еще совершившимся: *право по завѣщанію* открылось; но остается еще пріобрѣсть *дѣйствительное право* на *завѣщанное имущество.*

Мы указали выше на два главные момента въ завѣщательномъ процессѣ: изъявленіе воли—составленіе завѣщанія, и дѣйствіе воли—переходъ права, смерть завѣщателя. Представляется вопросъ: въ какомъ отношеніи къ каждому изъ сихъ моментовъ состоитъ способность пріобрѣтать по завѣщанію, яснѣе сказать: долженъ ли преемникъ по завѣщанію быть способенъ пріобрѣтать въ минуту составленія завѣщанія? или эта способность требуется отъ него только въ минуту пріобрѣтенія?

Нѣтъ нужды требовать, чтобы и въ первый моментъ завѣщательнаго процесса, въ минуту составленія завѣщанія, преемникъ по завѣщанію былъ способенъ пріобрѣтать; ибо, какъ изъяснено выше, въ эту минуту нѣтъ еще никакого пріобрѣтенія. Завѣщательное распоряженіе вовсе не теряетъ своей силы въ самомъ началѣ потому только, что при составленіи завѣщанія избранное лицо было неспособно къ пріобрѣтенію: дѣйствіе воли, выраженной въ завѣщаніи, еще не наступило; оно удерживается до кончины завѣщателя. Если въ эту послѣднюю минуту избранное лицо продолжаетъ быть неспособнымъ, тогда только можно признать не дѣйствительнымъ обращенное къ нему распоряженіе; если оно успѣло сдѣлаться юридически способнымъ къ пріобрѣтенію до наступленія той минуты, когда совершается дѣйствіе воли завѣщателя и переходъ права, то ничто не препятствуетъ волѣ завѣ-

щателя осуществиться. Правда, что въ первый моментъ своего выраженія она встрѣтила лице неспособное; но не отразилась отъ него, а продолжалась непрерывно до самой смерти завѣщателя, и въ послѣдній моментъ своего выраженія встрѣтила это лицо способнымъ къ пріобрѣтенію. Такимъ образомъ завѣщаніе, составленное въ пользу лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія или еще не зачатаго, въ ту минуту, когда завѣщаніе состоялось, можетъ быть дѣйствительно, если въ минуту смерти завѣщателя это лицо оказывается уже зачатымъ или возстановленнымъ въ гражданскихъ правахъ своихъ (*).

Въ отношеніи къ пріобрѣтенію по завѣщанію мы различили два случая: случай безусловнаго и условнаго назначенія. 1) Имущество завѣщается безусловно: наслѣдникъ долженъ имѣть полную способность въ минуту смерти завѣщателя; если онъ не способенъ въ эту минуту (напр. если оказывается лишеннымъ по суду всѣхъ правъ состоянія, если указанное завѣщателемъ лицо не только не рождено еще на свѣтъ, но и не зачато), — то завѣщательное распоряженіе оказывается недѣйствительнымъ. Оно останется недѣйствительнымъ навсегда, не смотря ни на какую перемѣну въ лицѣ назначенномъ къ наслѣдованію, хотя бы это лицо въ послѣдствіи, послѣ смерти завѣщателя и пріобрѣло ту способность, которой было лишено въ минуту его смерти. Послѣдній моментъ выраженія воли завѣщателя есть минута его смерти: это минута рѣшительная, и если при наступленіи ея воля завѣщателя встрѣтила лице неспособное, то, отразившись отъ него однажды, уже не можетъ опять къ нему возвратиться. Между смертію завѣщателя и тою минутой, когда избранное имъ лицо получило способность къ пріобрѣтенію, здѣсь существуетъ промежутокъ, въ коемъ дѣйствіе

(*) Мнѣнію этому нисколько не противорѣчитъ извѣстная юридическая формула: Quod vitiosum initio est, tractu temporis convalescere non potest. потому что завѣщательное распоряженіе въ пользу неспособнаго лица нельзя почитать въ самомъ существѣ неправильнымъ, такъ какъ въ минуту составленія своего завѣщаніе не имѣетъ еще никакого дѣйствія и никакихъ гражданскихъ послѣдствій не влечетъ за собою. Разумѣется, впрочемъ, если законъ постановилъ положительно, что завѣщатель и при составленіи акта необходимо долженъ имѣть въ виду лицо юридически способное, то и вышеизложенная формула вступаетъ во всю свою силу.

воли завѣщателя было прервано неспособностію преемника. Этотъ перерывъ могъ быть уничтоженъ только новымъ выраженіемъ новой воли; но живой источникъ этой воли уже не существуетъ, слѣдовательно невозможно и новое ея выраженіе.

2) Завѣщательное распоряженіе сдѣлано подъ условіемъ. Прежде всего скажемъ, что и здѣсь, также какъ въ предыдущемъ случаѣ, преемникъ по завѣщанію долженъ быть способенъ пріобрѣтать въ минуту смерти завѣщателя, такъ какъ въ эту минуту онъ хотя не вполнѣ пріобрѣтаетъ право на имущество, но все таки пріобрѣтаетъ право условное, предоставленное ему завѣщателемъ. Одного этого однако же недостаточно. Онъ необходимо долженъ быть способенъ и въ ту минуту, когда совершается событіе, долженствующее по волѣ завѣщателя облечь его полнымъ правомъ на имущество. Представимъ себѣ, напримѣръ, что владѣлецъ завѣщалъ свое имѣніе воспитаннику, если чрезъ десять лѣтъ по смерти завѣщателя у роднаго сына его не будетъ дѣтей мужескаго пола. Если въ минуту смерти завѣщателя воспитанникъ его пользуется полнотою правъ гражданскихъ, то онъ пріобрѣтаетъ въ эту минуту право получить завѣщанное имѣніе подъ опредѣленнымъ условіемъ. Наступаетъ срокъ, назначенный завѣщателемъ, и внуковъ у него не родилось, но воспитанникъ его лишенъ правъ состоянія; до срока онъ не успѣлъ еще пріобрѣсть дѣйствительное право по завѣщанію, а въ срокъ оказался неспособнымъ пріобрѣтать, слѣдовательно распоряженіе завѣщателя не можетъ быть приведено въ дѣйствіе, и наслѣдники воспитанника не могли принять отъ него такое право, котораго самъ онъ еще не пріобрѣлъ окончательно. Съ другой стороны, если воспитанникъ въ минуту смерти завѣщателя лишенъ былъ способности пріобрѣтать, то и въ этомъ случаѣ распоряженіе завѣщателя будетъ недѣйствительно въ отношеніи къ этому воспитаннику и его наслѣдникамъ, хотя бы онъ успѣлъ возвратить потерянную способность къ тому сроку, въ который долженствовало бы окончательно перейти къ нему право на имущество. И такъ преемникъ по условному завѣщанію долженъ быть способенъ и при смерти завѣщателя, въ минуту условнаго пріобрѣтенія, и въ минуту пріобрѣтенія дѣйствительнаго.

Статьи 1018, 1019. «Всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣю-

щими по Законамъ право отчуждать свое имущество. Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ; 2) людей, лишенныхъ по суду всѣхъ гражданскихъ правъ, когда приговоръ имъ объявленъ».

Здѣсь, очевидно, Законъ говоритъ исключительно о личной (субъективной) способности завѣщателя, о той способности, которую имѣютъ всѣ лица, обладающія полнотою гражданскихъ правъ, о правѣ отчуждать имущество *вообще*, а не въ частности, о правѣ отчуждать то или другое имущество. Соображеніе статьи 1018 съ 1019-й показываетъ, что общее правило, содержащееся въ первой, имѣетъ именно тотъ смыслъ, который мы ему приписываемъ (посему недѣйствительны и пр.) Несовершеннолѣтніе, при всей полнотѣ правъ собственности на имѣніе, признаются лично неспособными отчуждать какое бы то ни было имущество; лишенные правъ состоянія не имѣютъ вовсе права на имущество, слѣдовательно ничего не могутъ отчуждать. Здѣсь необходимо указать на точный смыслъ Закона, потому что въ противномъ случаѣ могутъ возникнуть важныя недоумѣнія. Выраженіе: право отчуждать, если отнесемъ его не къ лицу завѣщателя, а въ особенности къ опредѣленному имуществу, можетъ ввести насъ въ заблужденіе. Отсюда иной могъ бы, напр., заключить, что завѣщать можно только такое имущество, которое можно продать или заложить, что нельзя завѣщать имущество, состоящее подъ запрещеніемъ и т. под. Но передача правъ по завѣщанію, кромѣ общихъ признаковъ отчужденія, имѣетъ особые, ей только свойственные. И по существу акта, получающаго силу только со смертію завѣщателя, и по внутренней аналогіи съ наслѣдствомъ, — завѣщаніе отличается отъ простаго отчужденія имущества. Продавая или закладывая, я *тѣмъ самымъ* не переношу еще на лицо покупщика или залогодержателя всей совокупности правъ и обязанностей, нераздѣльно соединенныхъ съ имуществомъ продаваемымъ или закладываемымъ; поэтому Законъ и не дозволяетъ продавать имущество изъ подъ запрещенія. Но завѣщать такое имущество могу я, потому что преемникъ мой по владѣнію имуществомъ является послѣ моей смерти представителемъ изчезнувшей моей личности, облекается во всѣ, принадлежавшія мнѣ права и принимаетъ всѣ лежавшія на мнѣ обязанности по завѣщанному имуществу: я изчезаю, а онъ является на мое мѣсто и отвѣ-

чаетъ за все то, за что долженъ былъ я отвѣчать по этому имуществу. И такъ, вышеуказанная статья Закона имѣетъ прямо въ виду вопросъ не о томъ: можетъ ли быть отчуждаемо то или другое *имущество*, а о томъ: въ правѣ ли то или другое *лицо* отчуждать свое имущество?

Статья 1029: «Если въ завѣщаніи допущены распоряженія, законамъ противныя: то сіи распоряженія суть недѣйствительны; но при семъ всѣ распоряженія, законамъ не противныя, остаются въ своей силѣ».

Смыслъ этого закона не допускаетъ никакихъ сомнѣній, если завѣщаніе содержитъ въ себѣ простое только распредѣленіе имущества между назначенными лицами, безъ всякихъ условій, и если распоряженія завѣщателя не состоятъ между собою во взаимной связи, такъ что удобно могутъ быть отдѣлены одно отъ другаго и исполнены, каждое въ отдѣльности. Напримѣръ, если завѣщатель распорядился не только благопріобрѣтеннымъ, но и родовымъ имѣніемъ въ пользу чужеродца, — для всѣхъ будетъ очевидно, что распоряженіе объ одномъ имѣніи, какъ законное, останется въ силѣ, а о другомъ, какъ незаконное, должно быть уничтожено.

Но нерѣдко случается, что воля завѣщателя относительно одного и того же лица и того же имущества выразилась въ такомъ распоряженіи, которое въ одной своей части законно, а въ другой, по волѣ завѣщателя, неразрывно связанной съ первою, незаконно. Въ этомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ: подлежитъ ли уничтоженію такое распоряженіе во всемъ своемъ составѣ, какъ выражающее нераздѣльную волю завѣщателя, или только въ одной части, признаваемой незаконною?

Нѣкоторые полагаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ раздѣлять волю завѣщателя значило бы измѣнять ее произвольно. По нашимъ законамъ завѣщатель имѣетъ право распоряжаться своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ какъ ему угодно, и если воля его объ имуществѣ выразилась условно, то исполнительная власть не въ правѣ превратить эту условную волю въ безусловную. Напримѣръ, онъ назначилъ свое имѣніе въ полную собственность племянницѣ, съ тѣмъ, чтобы по смерти ея оно перешло къ другому указанному имъ лицу. Послѣдняя часть этого распоряженія составляетъ

нарушеніе Закона и потому не можетъ быть приведена въ дѣйствіе. Или, завѣщатель назначаетъ стороннему лицу денежную выдачу съ тѣмъ, чтобъ это лицо обязалось къ дѣйствію, запрещенному Закономъ, напримѣръ женѣ съ тѣмъ, чтобы не жила съ своимъ мужемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ обѣ части распоряженія составляютъ совокупно единое дѣйствіе воли завѣщателя: владѣлецъ назначаетъ имѣніе племянницѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ назначаетъ его послѣ нея другому лицу; онъ имѣлъ въ виду предоставить двумъ лицамъ послѣдовательно право собственности на свое имѣніе: перенесть это право исключительно на одно лицо, значило бы истолковывать волю завѣщателя не въ томъ смыслѣ, въ какомъ она выражена. Денежная выдача сама по себѣ—распоряженіе не противное законамъ, но она поставлена въ необходимую связь съ исполненіемъ незаконнаго дѣйствія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ясно видна *цѣль* завѣщателя, и въ этой цѣли состоитъ сущность распоряженія; а какъ эта цѣль незаконна, то все распоряженіе, во всей своей цѣлости, должно быть уничтожено, а не одна часть его, съ оставленіемъ въ силѣ другой, что было бы несогласно съ волею завѣщателя.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться: мы думаемъ что оно не соотвѣтствуетъ ни духу, ни буквальному смыслу Закона. Завѣщаніе не есть договоръ. При сужденіи о законной дѣйствительности договора обращается главное вниманіе на цѣль его (ст. 1529 Зак. Гр.). Если побудительная причина къ заключенію договора есть достиженіе цѣли, запрещенной Закономъ, то весь договоръ признается ничтожнымъ въ цѣломъ составѣ: тоже должно разумѣть объ условіи, имѣющемъ незаконную цѣль и составляющемъ отдѣльную часть контракта: оно уничтожается вполнѣ и нераздѣльно. Внутренній смыслъ этого постановленія состоитъ конечно въ томъ, что договоръ заключается по обоюдному согласію сторонъ, и каждая сторона предполагается виновною—одна въ томъ, что предложила, другая въ томъ, что приняла условіе незаконное; разрушеніемъ одной части условія и оставленіемъ въ силѣ другой было бы нарушено единство цѣлаго акта, которое безъ новаго свободнаго соглашенія обѣихъ сторонъ, безъ новой сдѣлки, не можетъ быть возстановлено. Напротивъ того, въ завѣщаніи дѣйствуетъ воля одного завѣщателя; при жизни его, она не имѣла нужды ни въ какой сдѣлкѣ, а по смерти,

не имѣетъ возможности сама себя истолковать и исправить. Наслѣдникъ, не принимающій участія въ составленіи акта, не долженъ и отвѣчать за помѣщенныя въ немъ незаконныя условія, не долженъ за чужую вину лишаться выгодъ, предоставляемыхъ ему да́ромъ. Основательно предполагать, что завѣщатель, назначая ему этотъ даръ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ выгоду его, а не ущербъ, желалъ сдѣлать ему добро, слѣдовательно назначеніе имущества составляло главную, существенную часть распоряженія. Поэтому, въ отношеніи къ завѣщанію, Законъ говоритъ не объ общей цѣли всего акта, и не о цѣломъ распоряженіи, касающемся одного лица или имущества, но просто о *распоряженіи*, постановляя безусловно, что распоряженіе законное остается въ силѣ, а незаконное уничтожается: и такъ, когда въ одномъ и томъ же распоряженіи незаконная часть его, относясь къ законной какъ прибавокъ къ цѣлому или какъ случайное къ существенному, можетъ быть отъ нея отсѣчена, не уничтожая матеріальной или формальной возможности исполненія,—то нѣтъ и препятствія приступить къ исполненію распоряженія въ законной его части. Напротивъ, если незаконное составляетъ въ завѣщательномъ распоряженіи главную, существенную часть, такъ что безъ исполненія ея не можетъ быть приведена въ дѣйствіе и другая часть, сама по себѣ непротивузаконная, то все распоряженіе разрушается въ цѣломъ своемъ составѣ. Наприм., если по завѣщанію крестьяне съ землею увольняются въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ съ обязанностію платить ежегодно вдовѣ завѣщателя опредѣленную сумму,—первая часть завѣщанія недѣйствительна, какъ незаконная,—но и послѣдняя также ничтожна, ибо безъ соблюденія первой не можетъ быть исполнена. Такой же результатъ, т. е. уничтоженіе цѣлаго распоряженія, будетъ въ томъ случаѣ, когда завѣщатель положительно выразился, что имущество не можетъ сдѣлаться достояніемъ избраннаго наслѣдника, если исполненіе условія окажется юридически невозможнымъ: здѣсь обѣ части распоряженія неразрывно связаны волею завѣщателя, прямо выраженною. Совершенно иное видимъ въ примѣрахъ, приведенныхъ нами въ началѣ. Завѣщатель ясно выразилъ тутъ волю свою предоставить имѣніе племянницѣ въ *полную собственность;* но съ этимъ однимъ выраженіемъ завѣщатель, такъ сказать, исчерпалъ всю полноту вотчинныхъ правъ своихъ на завѣ-

щанное имѣніе, и не могъ идти далѣе, не могъ уже ничего убавить изъ нихъ или прибавить къ нимъ; сказавъ, что передаетъ племянницѣ все свое вотчинное право, не могъ въ тоже время ограничить его опредѣленіемъ дальнѣйшаго перехода. Здѣсь вторая часть распоряженія не есть дополненіе первой, а *противорѣчіе* первой, и притомъ такое, которое въ юридическомъ смыслѣ устоять не можетъ. Нельзя въ одно и тоже время и подарить безусловно и отнять, дать полную волю и ограничить её. Здѣсь въ сущности два распоряженія объ одномъ и томъ же имѣніи: одно изъ нихъ существенное, полное, исключительное, согласное съ закономъ, остается въ своей силѣ; другое, какъ незаконное противорѣчіе первому, отсѣкается.

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

НУЖНО ЛИ ОБЛАГАТЬ ПОШЛИНАМИ ПРОИЗВЕДЕНІЯ МЕХАНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА, ВВОЗИМЫЯ ВЪ РОССІЮ (*)?

Безпошлинный привозъ машинъ всякаго рода, земледѣльческихъ орудій, разныхъ принадлежностей механическаго производства, какъ то: кардъ, бердъ, металлическихъ полотенъ, веретенъ и т. п., также морскихъ и рѣчныхъ судовъ съ давнихъ поръ допускается по нашимъ таможеннымъ постановленіямъ. Мѣра эта доселѣ признавалась у насъ одною изъ самыхъ существенныхъ, какъ для развитія въ государствѣ мануфактурной промышленности, такъ и для содѣйствія успѣхамъ земледѣлія и первоначальной обработки сырыхъ матеріаловъ, а равно и для распространенія рѣчнаго и морскаго плаванія. Въ то самое время, какъ Правительство наше изъ видовъ развитія мануфактуръ, постановляло и поддерживало запретительный тарифъ на всѣ иностранные фабрикаты, оно не только

(*) Помѣщая настоящую статью, искренно желаемъ вызвать возраженія по обсуждаемому нами важному предмету, въ случаѣ несогласія съ мнѣніями и фактами, въ ней приводимыми.

избѣгало всякаго затрудненія привоза машинъ и усовершенствованныхъ орудій, но, напротивъ, всѣми средствами старалось содѣйствовать водворенію внутри Государства улучшенныхъ механическихъ способовъ, нерѣдко прибѣгая для того къ прямымъ пособіямъ и особеннымъ поощреніямъ. Такъ, многіе учредители фабрикъ получили для этой цѣли немаловажныя денежныя пособія или безмездныя ссуды; множество машинъ разнаго рода выписаны на счетъ казны и розданы частнымъ лицамъ для ихъ испытанія и примѣненія къ дѣлу въ примѣръ другимъ; неоднократно также были выписываемы на иждивеніе Правительства иностранные мастера и механики для объясненія нашимъ фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ механическихъ способовъ производства. Вообще, начиная съ 1822-го года, Правительство постоянно старалось знакомить наше промышленное сословіе съ выгодами механическихъ способовъ и съ наилучшими машиностроительными заводами за границею, указывая всегда наиудобнѣйшіе пути къ ихъ пріобрѣтенію и введенію въ Россію.

Не смотря на всѣ эти старанія Правительства, употребленіе новыхъ механическихъ способовъ и улучшеніе старыхъ распространялось весьма медленно въ нашей промышленности. Приверженность къ старому, заученному порядку, недовѣріе къ нововведенію по части технической, особенная неохота къ замѣну ручной выдѣлки механическою и упорное непризнаніе преимуществъ первой сильно противодѣйствовали успѣхамъ всѣхъ мѣръ, какія приняты были съ этою цѣлью. Многія изъ машинъ, выписанныхъ на казенный счетъ и безмездно предоставленныхъ нѣкоторымъ фабрикантамъ, оставлены ими безъ всякаго употребленія и пришли въ ихъ заведеніяхъ въ ветхость отъ ржавчины и бездѣйствія. Весьма мало успѣха имѣли также совѣты и указанія иностранныхъ мастеровъ и механиковъ, собственно для того выписанныхъ, съ большими издержками, изъ за-границы.

Первыя попытки введенія механическаго производства въ Россіи обнаружились первоначально въ бумагопрядильняхъ, но и эти заведенія, не смотря на высокую пошлину, которою ограждены были съ самаго начала, не прежде стали показывать быстрые успѣхи въ отношеніи техническомъ, какъ по снятіи въ Англіи запрещенія на вывозъ машинъ.

Еще въ 1843 году специальный Комитетъ, наряженный Министромъ Финансовъ, для обслѣдованія положенія главныхъ вѣтвей нашей мануфактурной промышленности, по случаю Московской выставки того года, нашелъ только на нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, фабрикахъ Московской губерніи порядочное устройство механическихъ аппаратовъ. Въ отзывахъ своихъ, которые напечатаны въ журналѣ мануфактуръ въ 1843 и 1844 годахъ, онъ на каждомъ шагу указываетъ на предосудительное отсутствіе улучшеній по этой части, на преобладаніе устарѣлыхъ ручныхъ орудій и на необходимость усвоенія нашими фабриками механическихъ способовъ, составлявшихъ уже тогда главное и огромное преимущество иностранныхъ мануфактуръ.

Тѣ же самые недостатки, едва-ли еще не въ бо̀льшей степени, обнаруживаются въ положеніи нашей земледѣльческой промышленности, на техническое улучшеніе которой обращается Правительствомъ особенное вниманіе съ самаго учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ ней еще болѣе господствуетъ приверженность къ стариннымъ ручнымъ способамъ и еще труднѣе принимаются техническія улучшенія по части механической. Свидѣтельствомъ тому могутъ служить отчеты Департамента Сельскаго Хозяйства, многочисленныя статьи о земледѣльческихъ промыслахъ, помѣщаемыя въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, а всего болѣе донесенія специальныхъ Коммисій, на которыя возлагаемо было обслѣдованіе положенія многихъ отраслей земледѣлія.

Въ періодъ времени съ 1844 по 1854 годъ и преимущественно въ послѣдніе пять лѣтъ этого десятилѣтія стало однако замѣтно нѣкоторое пробужденіе нашей промышленности относительно усвоенія улучшенныхъ механическихъ способовъ производства. Мысли нашихъ фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ о машинной работѣ замѣтно исправляются: они перестаютъ чуждаться механическихъ аппаратовъ и начинаютъ признавать ихъ пользу. Тому не мало способствовали въ послѣднее время посѣщенія нашими промышленниками иностранныхъ выставокъ и вообще чужихъ краевъ, гдѣ промыслы все болѣе и болѣе снискиваютъ силы и выгодъ въ примѣненіи механическихъ способовъ, а также ихъ вступленіе въ выгодныя для нихъ сношенія съ иностранными производителями. Въ теченіи

этого времени, и особенно съ 1849—50 годъ, видъ многихъ старинныхъ фабрикъ совершенно измѣнился. На нѣкоторыхъ набивныхъ теперь можно видѣть всѣ улучшенные механическіе аппараты по части отбѣливанія, просушки и набивки тканей, а также по части гравированія; на нѣкоторыхъ суконныхъ можно полюбоваться превосходнымъ механическимъ устройствомъ чесальныхъ и ткацкихъ аппаратовъ. Число писчебумажныхъ машинныхъ фабрикъ и бумагопрядиленъ размножилось, и можно указать также на нѣсколько большихъ бумаготкацкихъ заведеній, занимающихъ сотни самоткацкихъ становъ со всѣми механическими принадлежностями. Въ сельскомъ хозяйствѣ начинаютъ появляться молотилки, вѣялки и другія земледѣльческія машины, прежде весьма мало извѣстныя. На разныхъ пунктахъ Имперіи учреждены замѣчательныя мукомольныя заведенія, приводимыя въ движеніе паровыми машинами. Благодаря такимъ примѣрамъ, эта важная отрасль народнаго хозяйства начинаетъ исторгаться у насъ изъ невыгодной зависимости отъ природныхъ двигателей: вѣтра и воды, которыхъ содѣйствіе столь непостоянно и притомъ не вездѣ встрѣчается. На главнѣйшихъ рѣкахъ нашихъ, а также для береговаго плаванія устроено нѣсколько пароходовъ, и въ Главное Управленіе Путей Сообщенія поступило много новыхъ проектовъ съ тою же цѣлью.

Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть учредителей такихъ предпріятій, усвоившихъ этимъ послѣднимъ различныя механическія улучшенія, ведутъ дѣла свои весьма удовлетворительно и служатъ завиднымъ примѣромъ для своихъ собратій. Вотъ почему число тѣхъ, которые отвращаются отъ механическихъ способовъ, по недовѣрчивости къ нимъ, съ каждымъ годомъ уменьшается, и, на оборотъ, число ихъ приверженцевъ постоянно усиливается, и одни только огромные расходы на устроеніе механическихъ приборовъ удерживаютъ отъ того многихъ по недостатку капиталовъ.

Такое счастливое направленіе промышленности отразилось въ усиленіи привоза иностранныхъ машинъ, а также и въ учрежденіи нѣкоторыхъ механическихъ заведеній внутри Государства. Эти послѣднія занимаются преимущественно построеніемъ земледѣльческихъ и паровыхъ машинъ, гидравлическихъ прессовъ, ремонтомъ и по-

чиниками фабричныхъ механическихъ аппаратовъ, и пр. ([1]). Не смотря на сравнительную дороговизну чугуна и желѣза и на еще слабое развитіе искусства и познаній по части механики между рабочими и мастерами работы идутъ успѣшно. Изъ видовъ внѣшней торговли за 1846—1855 года, привозъ иностранныхъ машинъ по цѣнѣ простирался до слѣдующихъ суммъ:

Годы.	Морсмъ.	Сухопутно.		Итого.
		Въ Имперіи.	Въ Царствѣ Польскомъ.	
	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Въ 1846	1.227.466	64.052	—	1.291.518
— 1847	1.190.677	153.158	—	1.343.835
— 1848	1.164.203	80.574	—	1.244.777
— 1849	1.794.669	84.121	—	1.878.790
— 1850	2.046.018	84.612	—	2.130.630
— 1851	2.182.501	91.138	613.406	2.887.045
— 1852	1.470.930	52.040	355.259	1.878.229
— 1853	4.354.403	55.507	386.382	4.796.292
— 1854	154.821	89.921	250.082	494.824
— 1855	—	158.235	301.878	460.113

Всего въ десять лѣтъ на 18, 406,053, что въ среднемъ выводѣ, въ которомъ усиленный привозъ 1853 года уравновѣшивается малозначущимъ привозомъ годовъ 1854 и 1855, дастъ годовой привозъ, не превышающій 1,840,605 рублей. За года 1851—1853 цифра средняго привоза выше и простирается до 2,602,611 руб.; но это возвышеніе происходитъ отъ необыкновенно усилившагося привоза за 1853 годъ, который, какъ явленіе случайное, не можетъ быть принятъ въ расчетъ для болѣе точнаго опредѣленія нормальнаго хо-

([1]) Въ Москвѣ въ Ремесленномъ Учебномъ Заведеніи дѣлаются: паровыя машины, гидравлическіе прессы, кардовыя машины, ситценабивныя, самоточки, и пр. На Костромскомъ заводѣ Шипова построены недавно паровыя машины до 150 силъ, постоянныя и пароходныя, гидравлическіе прессы, металлострогальныя машины, сверлильныя, самоточки, и пр. Въ большомъ размѣрѣ отливаются чугунныя вещи и склепываются желѣзныя корпуса пароходовъ отъ 30 до 120 силъ.

да вещей. Впрочемъ въ послѣднее время (1857 г.) привозъ машинъ усилился на сумму до 7,600,000 рублей.

По оффиціально собраннымъ въ 1854 году свѣдѣніямъ, въ Россіи (безъ Царства Польскаго) находилось 38 машиностроительныхъ и литейныхъ заведеній, занимавшихъ 4,803 работника, коихъ годовое производство оцѣнивалось въ 2, 520, 462 рубл. (¹), или, съ округленіемъ, до 2, 500, 000 руб. И такъ, уже до 1855 г. привозъ иностранныхъ машинъ составлялъ не много болѣе ⅔ внутренней выдѣлки, хотя эта послѣдняя ограничивалась еще только второстепенными механическими работами.

Если совокупить внутреннее производство машинъ, по вышеприведенному показанію, съ цифрами привоза машинъ изъ-за границы, то годовой итогъ всего потребленія машинъ въ Имперіи не превышалъ по цѣнности 4,350,000 руб.; а если положить 1 пудъ машинъ въ 6 руб., то придется въ годъ не болѣе 725,000 пудовъ,— количество, весьма незначительное въ сравненіи съ общимъ итогомъ одного мануфактурнаго производства Россіи, которое по приблизительнымъ расчисленіямъ простирается до 486 милліоновъ рублей серебромъ (²).

И дѣйствительно, если послѣднее десятилѣтіе ознаменовалось замѣтнымъ улучшеніемъ, по части механической, нѣкоторыхъ отраслей промышленности, особенно бумагопрядильной, бумаготкацкой, писчебумажной, суконодѣльной, набивной и сахароварной, то сколько еще можно указать и въ этихъ отрасляхъ заведеній, отличающихся самымъ неудовлетворительнымъ устройствомъ. Болѣе половины изъ нихъ еще вовсе не обзавелись порядочными машинами и продолжаютъ работать безъ убытка потому только, что прикрыты высокими пошлинами; если же хозяева ихъ и помышляютъ о пріобрѣтеніи хорошихъ машинъ, то единственно потому, что начинаютъ убѣждаться въ томъ, что ихъ барыши усту-

---

(¹) Эта цифра, безъ сомнѣнія, ниже настоящей. Одинъ Шиповскій заводъ сработалъ въ 1857 году на 550 тысячь. Заводы Шепелевыхъ дали чистаго дохода въ 1853 году—300 тысячь. Мастерская Городищенскаго свеклосахарнаго завода (Кіевск. губ., Черкасскаго уѣзда) произвела издѣлій и починокъ въ 1857 году на сумму 135, 168 рублей 24 коп. *Примѣчаніе. А. С. Ершова.*

(²) См. Études des forces productives de la Russie, т. 3, стр. 264.

паютъ барышамъ ихъ собратiй лишь по причинѣ неудовлетворительности ихъ способовъ производства.

Примѣры отличнаго механическаго устройства, до нѣкоторой степени размножившiеся въ исчисленныхъ выше отрасляхъ промышленности, становятся весьма рѣдки въ другихъ отрасляхъ. Такъ, напримѣръ, доселѣ еще въ Россiи не болѣе двухъ или трехъ прядильней льна и такое же число гребенно-шерстопрядильныхъ заведенiй. Обработка льна и пеньки почти вездѣ еще производится посредствомъ отсталыхъ ручныхъ способовъ. Шелкоразмотное искусство, служащее основанiемъ фабрикацiи шелковыхъ матерiй, которыя поддерживаются у насъ высокими пошлинами, находится еще понынѣ въ самомъ грубомъ младенчествѣ, такъ что едва можно указать одно или два настоящихъ шелкоразмотныхъ заведенiй. Кожевенное дѣло, выдѣлка деревянныхъ и металлическихъ издѣлiй едва только показываютъ нѣкоторые слѣды тѣхъ многочисленныхъ примѣненiй механики, которыми эти отрасли обогатились уже давно въ чужихъ краяхъ. Вся наша ремесленная промышленность въ обширномъ значенiи слова находится въ отсталомъ положенiи въ сравненiи съ иностранными государствами, преимущественно по неимѣнiю или неупотребленiю улучшенныхъ механическихъ средствъ въ видѣ множества самодѣйствующихъ орудiй, приспособленныхъ паровыхъ движителей и машинъ всякаго размѣра. Въ нашемъ земледѣлiи, не смотря на нѣкоторые примѣры, на каждомъ шагу ощущается недостатокъ въ хорошихъ орудiяхъ и машинахъ. Мукомольныя мельницы, маслобойни, винокурни почти всѣ болѣе или менѣе нуждаются въ улучшенныхъ аппаратахъ, и, слѣдуетъ замѣтить, что значительное число помѣщиковъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ, безпрестанно освѣдомляются, гдѣ бы удобнѣе и дешевле прiобрѣсть такiе аппараты, если не въ натурѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ модели. Металлургическая промышленность наша еще далеко не обзавелась всѣми необходимыми для нея механическими средствами, и тоже самое должно замѣтить о бурильныхъ и горныхъ работахъ, предпринятыхъ на разныхъ точкахъ Имперiи, равно какъ о предпрiятiяхъ рѣчнаго и береговаго плаванiя, которыя доселѣ еще только изъ-за границы могутъ получать съ надлежащею точностiю и исправностiю желѣзныя суда, паровыя и другiя машины, въ ко-

ихъ онѣ нуждаются. Наконецъ и тѣ немногія машиностроительныя заведенія, которыя основаны въ Россіи, никакъ не могутъ обойтись безъ орудныхъ машинъ заграничной выдѣлки и всѣ безъ исключенія нуждаются въ ихъ выпискѣ, отъ которой воздерживаются только по неимѣнію достаточныхъ капиталовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, изобличающихъ явную и сильную потребность всей нашей промышленности, въ обширномъ значеніи слова, въ пріобрѣтеніи улучшенныхъ способовъ механическаго производства, въ ту самую минуту, какъ значительное множество нашихъ промышленныхъ дѣятелей, постигнувъ наконецъ пользу и необходимость этихъ улучшеній, соображаютъ свои средства и готовятъ свои капиталы для заказа всякаго рода машинъ за границею, можно ли признать благовременнымъ отступленіе отъ принятаго доселѣ правила допуска къ безпошлинному привозу всякаго рода фабричныхъ, земледѣльческихъ и движительныхъ машинъ въ Россію; основательна ли мысль обложить болѣе или менѣе значительною пошлиною эти необходимыя орудія производства, къ употребленію коихъ Правительство такъ долго и съ такими пожертвованіями побуждало нашихъ фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ, горныхъ заводчиковъ и кораблестроителей?

Считаемъ нужнымъ разсмотрѣть эти вопросы, потому что существуетъ мнѣніе, будто обложеніе иностранныхъ машинъ пошлинами даже отъ 20 до 30 проц. ихъ стоимости должно послужить къ поддержанію и развитію въ нашемъ отечествѣ машиностроительнаго промысла. Признавая такое правило необходимымъ вообще, допускаютъ изъ него исключеніе только въ отношеніи къ нѣкоторымъ машинамъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ мысль, что въ свободномъ допускѣ чугуна и желѣза по привозу моремъ безпошлинно или съ умѣренными пошлинами нѣтъ надобности для развитія въ Россіи машиностроительнаго промысла, ибо на это мы имѣемъ весьма достаточно собственныхъ средствъ.

Намъ кажется, что не трудно доказать всю невѣрность этого мнѣнія и, напротивъ, изъ разсмотрѣнія доводовъ, на которыхъ оно основано, придти къ тому заключенію, что обложеніе машинъ пошлинами, въ какой бы мѣрѣ ни было оно постановлено, обратится въ пагубное стѣсненіе нашей фабричной и земледѣльческой промышленности (уже и безъ того терпящей отъ дороговизны желѣза

безъ всякой существенной пользы) и даже во вредъ для нашихъ машиностроительныхъ заведеній. Мы убѣждены, что этимъ путемъ отнюдь не отвратятся главныя препятствія къ ихъ преуспѣянію, заключающіяся въ рѣдкости чугуна и въ чрезмѣрной дороговизнѣ желѣза, а только затруднится распространеніе всякаго рода предпріятій, употребляющихъ машины. Вообще, не можетъ быть даже рѣчи о наложеніи малѣйшей пошлины на иностранныя машины, пока не облегчены пошлины съ чугуна и желѣза (*). Но и при этомъ послѣднемъ условіи обложеніе машинъ, выписываемыхъ изъ-за границы, представляется опаснымъ и безполезнымъ, *во первыхъ*, потому, что оно отразилось бы весьма невыгодно на развитіи и дальнѣйшемъ преуспѣяніи отечественной промышленности, еще не довольно созрѣвшей для того, чтобы вынести подобное обремененіе ея главныхъ орудій производства, и, *во вторыхъ*, потому что такое обложеніе не есть необходимое условіе къ достиженію желаемаго результата, т. е. поддержанія и развитія у насъ машиностроительнаго дѣла. Разсмотримъ оба эти обстоятельства нѣсколько подробнѣе.

1) *Вредное вліяніе обложенія пошлиною машинъ на внутреннюю промышленность.*

Наша мануфактурная промышленность находится теперь въ

(*) Удивительно, какъ можно утверждать, что Россія не только въ состояніи обойтись безъ иностраннаго чугуна и желѣза при народонаселеніи въ 56 милл. душъ и при желѣзодѣлательномъ производствѣ, которое, по достовѣрнымъ выводамъ, не можетъ превзойти 14 милл. пудъ чугуна въ годъ (что̀ представляетъ не болѣе 10 милл. пудъ желѣза или 7 фунтовъ на душу), но и снабжать этимъ металломъ значительныя машиностроительныя заведенія, тогда какъ доселѣ еще ⁴/₅ Государства лишены чугуна и желѣза для самонужнѣйшей потребности. Факты говорятъ совершенно противное: значительнѣйшія изъ нашихъ машиностроительныхъ заведеній расположены близь С.-Петербурга (³/₄ всего машиннаго производства въ Россіи); всѣ эти заведенія получали доселѣ большую часть потребнаго для нихъ чугуна изъ Финляндіи, которая доставляла едва 60 т. пудъ въ годъ, и гдѣ главная изъ разработокъ (Громовская) теперь отошла въ казну, что̀ по необходимости еще болѣе затруднитъ снабженіе С.-Петербурга чугуномъ; при томъ, почти всѣ эти заведенія и въ особенности ни одно значительное казенное предпріятіе, требующее большаго количества желѣза, не могли обойтись доселѣ безъ выписки этого металла изъ-за границы. *Прим. А. С. Ершова.*

отношеніи примѣненія механическихъ способовъ производства въ томъ переходномъ положеніи, когда облегченія въ доставленіи потребныхъ машинъ особенно необходимы. Не достигнувъ еще полнаго убѣжденія въ пользѣ улучшенныхъ механическихъ аппаратовъ, многіе изъ нашихъ фабрикантовъ начинаютъ однако о нихъ помышлять, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если привозная пошлина вдругъ усилитъ предстоящіе для полученія ихъ расходы, то это можетъ отвратить ихъ отъ пріобрѣтенія означенныхъ аппаратовъ. Тѣ, которые предлагаютъ обложить пошлиною машины вообще, дѣлаютъ исключеніе въ пользу машинъ льно-и гребенно шерстопрядильныхъ, льноткацкихъ, снарядовъ для свеклосахарнаго и табачнаго дѣла, и еще въ пользу машинъ вновь изобрѣтенныхъ, привозимыхъ въ видѣ образцовъ. Исключеніе въ пользу свеклосахарныхъ и табачныхъ фабрикъ основано на томъ, что эти заведенія обложены акцизомъ и что несправедливо было бы возвышать цѣны необходимыхъ имъ снарядовъ. Другія же исключенія оправдываются новизною и сложностію механизмовъ и необходимостію поощрять введеніе ихъ въ Россіи. Но съ этой послѣдней точки зрѣнія нельзя не распространить исключенія и на многія другія фабричныя машины, для которыхъ не думаютъ дѣлать изъятія; таковы бумагопрядильныя, суконодѣльныя, самоткацкіе станы, шелкоразмотные и шелкосучильные аппараты, писчебумажныя, разныя сушильныя и набивныя, машины для самыхъ машиностроительныхъ заведеній и многія другія, которыхъ теперь нельзя у насъ пріобрѣсть иначе, какъ путемъ выписки изъ-за границы.

Нельзя не принять въ уваженіе и того, что наложеніе пошлины на паровыя машины, какъ фабричныя или заводскія, такъ и пароходныя, было бы весьма тягостно для промышленныхъ заведеній, сильно нуждающихся въ нихъ, и для предпріятій пароходнаго плаванія, повсюду нынѣ у насъ возникающихъ. Если, до нѣкоторой степени, этого рода машины, а также и нѣкоторыя другія малосложныя, какъ-то: гидравлическіе прессы, перегонные кубы, водяные насосы, терки, и т. п. изготовляются внутри Россіи, то во всякомъ случаѣ заведенія, занимающіяся ихъ выдѣлкою, слишкомъ малочисленны, разбросаны на слишкомъ большихъ разстояніяхъ отъ мѣстъ потребленія этихъ машинъ и при возра-

стающей въ нихъ потребности, которая начинаетъ оказываться, не могли бы выполнять успѣшно всѣхъ предстоящихъ заказовъ. Притомъ машиностроительное дѣло еще такъ мало успѣло у насъ по части технической, что во множествѣ случаевъ можно предполагать явный ущербъ отъ предоставленія имъ значительныхъ заказовъ. Всякому неоднократно случалось слышать жалобы на убыточные просрочки въ доставкѣ заказныхъ машинъ нашими строителями и на неисправность самыхъ машинъ. Многіе фабриканты и заводчики не смотря на крайнюю нужду и сознаваясь, что выгоднѣе было бы сдѣлать заказъ на русскихъ заведеніяхъ, не рѣшаются на то изъ опасенія такихъ просрочекъ и неисправностей, сопряженныхъ всегда съ потерею времени, убытками и непріятностями. Постановленіе привозной пошлины на паровыя двигатели при такихъ обстоятельствахъ обратилось бы въ премію неудовлетворительнаго, а частію и безпечнаго производства, въ ущербъ истинно полезнымъ и необходимымъ для края предпріятіямъ.

Что же касается земледѣльческихъ машинъ и орудій, то хотя по малосложности большая часть изъ нихъ доступны для внутренней выдѣлки, тѣмъ не менѣе обложеніе пошлиною привозимыхъ изъ за-границы машинъ и орудій этого рода было бы весьма невыгодно для нашего сельскаго хозяйства, которое стѣснилось бы чрезъ то въ выборѣ наиболѣе пригодныхъ для него предметовъ. На западѣ Европы въ послѣднее время изобрѣтенія по части земледѣльческой механики слѣдуютъ одно за другимъ съ удивительною быстротою, и часто эти изобрѣтенія состоятъ въ нѣкоторыхъ мало замѣтныхъ на глазъ, но весьма важныхъ улучшеніяхъ. Пошлина постигла бы всѣ эти улучшенные орудія и аппараты, которые по большей части выписываются какъ модели, для строенія по нимъ подобныхъ у насъ хозяйственными средствами.

Еще слѣдуетъ замѣтить, что паровые двигатели, по примѣру другихъ странъ, могутъ проникнуть и уже начинаютъ проникать и въ нашу земледѣльческую промышленность; а посему и въ этомъ отношеніи предполагаемое обложеніе можетъ тоже имѣть неблагопріятныя послѣдствія. И тутъ оно создастъ препятствіе тамъ, гдѣ есть еще потребность въ самыхъ существенныхъ поощреніяхъ и облегченіяхъ.

Московскіе фабриканты, какъ намъ извѣстно, выражаютъ свои опасенія относительно наложенія пошлинъ на иностранныя ма-

шины. Они жалуются на огромные расходы, и безъ того сопряженные съ устройствомъ механическаго производства на фабрикахъ, при чемъ изъявляютъ мнѣніе, что такое обложеніе обратилось бы имъ въ ущербъ, не оказавъ существеннаго содѣйствія машиностроительному дѣлу. Это послѣднее, по словамъ ихъ, развивается у насъ чрезвычайно медленно въ сравненіи съ другими отраслями мануфактуръ, и они справедливо заключаютъ, что мѣра, принятая въ пользу производства, занимающаго не много рукъ и небольшіе капиталы и долженствующая обратиться въ обремененіе такихъ производствъ, коихъ ежегодный оборотъ въ Россіи простирается на сотни милліоновъ рублей серебромъ, принесетъ болѣе вреда, нежели пользы.

Эти возраженія противъ охранительныхъ пошлинъ, поступающія отъ Московскихъ фабрикантовъ, наиболѣе къ нимъ склонныхъ, изобличаютъ явное убѣжденіе въ невыгодности для нихъ такой мѣры. Но они имѣютъ еще и другое болѣе практическое значеніе: значительное число нашихъ фабрикантовъ, какъ уже замѣчено выше, намѣрены въ непродолжительномъ времени обзавестись новыми машинами; нѣкоторые уже сдѣлали даже заказы за границею; весьма понятно, что обложеніе машинъ и аппаратовъ, на безпошлинный ввозъ коихъ они полагались, должно причинить не маловажное разстройство въ ихъ расчетахъ (1).

По всѣмъ приведеннымъ нами основаніямъ должно думать, что обложеніе привозной пошлиной иностранныхъ машинъ, не смотря на снятіе запрещенія съ привоза чугуна и желѣза моремъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, по незрѣлости и по неподготовленности отечественной промышленности къ такой мѣрѣ, было бы неблаговременно.

2) Незначительность вліянія, какое можетъ имѣть обложеніе привозныхъ машинъ пошлиной на развитіе машино-строительнаго дѣла въ Россіи.

Нѣтъ ни одной отрасли техническаго производства, которая требовала бы столько познаній, навыка, смѣтливости и точности,

(1) Справедливость этихъ соображеній подтверждается тѣмъ, что въ 1857 году, какъ сказано выше, привезено машинъ слишкомъ на 7½ милліоновъ рублей: [illegible]

какъ машиностроительное дѣло, и потому машинныя заведенія могутъ процвѣтать лишь тамъ, гдѣ не только соединены всѣ условія къ успѣшному ходу промышленности вообще, но гдѣ на дѣлѣ процвѣтаютъ фабрики и заводы всякаго рода.

Машиностроительныя заведенія должно считать какъ бы послѣднею ступенею фабричнаго производства вообще и при естественномъ теченіи дѣла ихъ появленіе и развитіе должно сопутствовать, а не предшествовать водворенію и преуспѣянію другихъ отраслей промышленности. Искуственное неблаговременное завлеченіе капиталовъ въ предпріятія этого рода путемъ тарифныхъ постановленій можетъ остановить успѣхи всѣхъ прочихъ отраслей промышленности, не обезпечивъ твердаго водворенія машиностроительнаго дѣла. Сіе послѣднее дѣйствительно находится въ положеніи совершенно исключительномъ: отъ него требуютъ съ самаго начала совершенства во всѣхъ его произведеніяхъ, хотя всѣ соглашаются притомъ, что совершенство это можетъ быть достигнуто лишь при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ, встрѣчающихся въ весьма немногихъ странахъ. Механическимъ заведеніямъ не можетъ быть дано время образоваться, возмужать и потому невозможно воспитывать ихъ подъ покровительствомъ охранительныхъ пошлинъ. Цѣлый народъ можетъ быть приговоренъ къ ношенію линючихъ ситцевъ и къ употребленію хрупкаго стекла, но нельзя заставить фабрикантовъ выдѣлывать пряжу на машинахъ, которыя не вертятся, или пароходы двигаться посредствомъ неудовлетворительныхъ и ненадежныхъ снарядовъ.

Поэтому всѣ правительства, желавшія водворить фабричную промышленность въ своемъ государствѣ и признавшія нужнымъ охранять ее отъ состязанія иностранныхъ издѣлій, въ то же время признавали необходимость заимствовать механическіе снаряды, какъ средство вспомогательное для фабричнаго дѣла, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ построеніе находится въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, и тогда только рѣшались затруднять привозъ машинъ изъ-за границы для поддержанія туземныхъ механическихъ заведеній, когда вполнѣ убѣждались, что отъ того не пострадаютъ интересы отечественной промышленности. Что же касается собственно машиностроительнаго дѣла, то для его развитія внутри государства ограничивались только наивозможнымъ удаленіемъ всѣхъ мѣстныхъ къ тому препятствій.

Въ Россіи доселѣ придерживались частію той же самой системы, но, какъ выше объяснено, мы еще не находимся въ томъ положеніи, чтобъ можно было у насъ расчитывать на мѣстныя механическія заведенія, и по нашему мнѣнію, основанному на нижеизложенныхъ соображеніяхъ, эта несостоятельность внутренняго машиностроительнаго промысла происходитъ болѣе отъ важныхъ мѣстныхъ препятствій къ его развитію, нежели отъ безпошлиннаго привоза иностранныхъ машинъ. Дѣйствительно, не смотря на этотъ привозъ, какъ и въ другихъ государствахъ, такъ и у насъ возникли нѣкоторыя машиностроительныя заведенія не только для ремонта и починокъ привезенныхъ изъ-за границы, но также и для строенія нѣкоторыхъ машинъ, въ особенности паровыхъ двигателей и такихъ земледѣльческихъ, которыя по громоздкости и тяжести выгоднѣе теперь же изготовлять внутри государства, нежели выписывать изъ-за границы. Если же подъ охранительнымъ вліяніемъ значительной преміи, которая заключается въ расходахъ провоза машинъ изъ-за границы, промыслъ этотъ не получилъ болѣе развитія, то причина тому кроется въ мѣстныхъ препятствіяхъ, объ отвращеніи коихъ должно озаботиться прежде, чѣмъ приступить къ постановленію охранительныхъ пошлинъ.

Въ числѣ этихъ препятствій первое мѣсто занимаетъ дороговизна желѣза и чугуна. Мы думаемъ, что было бы возможно сбавить пошлину на желѣзо, привозимое по морскому и по сухопутному пути, до такой степени, чтобы, охраняя достаточно внутренній желѣзодѣлательный промыселъ, она не мѣшала привозу по умѣреннымъ цѣнамъ чугуна и тѣхъ сортовъ желѣза, въ коихъ нуждается наиболѣе машиностроительное дѣло и коихъ у насъ не выдѣлываютъ въ достаточномъ количествѣ. Мѣра эта содѣйствовала бы развитію машиностроительнаго дѣла въ Россіи гораздо существеннѣе всякихъ пошлинъ на иностранныя машины, ибо не должно терять изъ вида, что тогда пониженіе въ цѣнѣ чугуна и желѣза присоединилось бы къ преміи отъ провозныхъ расходовъ, обременяющихъ машины, выписываемыя изъ-за границы. Если исчислить всѣ эти расходы, въ которые входятъ: упаковка весьма сложная и тщательная, издержки доставки машинъ въ ближайшій портъ, фрахтъ значительный для такого громоздскаго товара, требующаго особенныхъ предосторожностей во время морской перевозки, стра-

ховые расходы, также немаловажные при большой цѣнности машиннаго товара, издержки коммисіонные, наконецъ нагрузки и перегрузки, то окажется, что доставка машинъ въ какой либо изъ портовъ Россіи уже возвышаетъ ихъ цѣнность на 25 или 30 %. Къ вышеисчисленнымъ расходамъ слѣдуетъ еще присоединить часто неизбѣжныя издержки на выписку при нихъ искусныхъ уставщиковъ или механиковъ и, наконецъ, весьма значительный расходъ на перевозку машинъ гужемъ часто на весьма отдаленныя разстоянія во внутрь Имперіи, чего не можетъ избѣжать большая часть нашихъ фабрикъ и заводовъ. Если сложить всѣ эти расходы, то совокупность ихъ составитъ до 50% и рѣдко менѣе 40% покупной цѣны машинъ на мѣстѣ. Не ужели въ этой преміи нѣтъ уже достаточнаго охраненія отъ иностраннаго совмѣстничества для машиностроительныхъ заведеній, которыя, при пониженіи цѣны на чугунъ и желѣзо, основались бы по близости главныхъ центровъ нашей промышленности, въ надлежащихъ условіяхъ раціональнаго устройства.

Другое мѣстное препятствіе къ дальнѣйшему преуспѣянію у насъ машиностроительнаго промысла заключается въ отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, безъ коихъ невозможно скоро и во всякое время отправлять большія тяжести, въ слѣдствіе чего механическія заведенія часто лишаются многихъ заказовъ. Сознавая вполнѣ всю важность этого неудобства, не должно забывать однако, что въ настоящее время Правительство наше принимаетъ самыя существенныя мѣры къ его отвращенію. Уже образовалась сильная Компанія для устроенія обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая должна надѣлить въ скоромъ времени быстрымъ и удобнымъ взаимнымъ сообщеніемъ отдаленнѣйшія края Имперіи. Это предпріятіе по необходимости отразится также весьма благопріятно въ положеніи машино-строительныхъ заведеній. Впрочемъ неудобство внутреннихъ сообщеній не можетъ быть принимаемо въ расчетъ при опредѣленіи соперничества, угрожающаго машинамъ внутренней выдѣлки отъ иностранныхъ машинъ, потому что оно еще обременительнѣе для послѣднихъ, нежели для первыхъ. Можно даже сказать, что для инаго завода, расположеннаго въ Кременчугѣ или Кіевѣ, дурныя дороги служатъ огражденіемъ, ибо въ соразмѣрности съ ихъ неудобствомъ возвышается цѣнность машинъ, выписываемыхъ туда изъ другихъ мѣстъ.

Третье затрудненіе, которому приписываютъ въ Россіи слабое развитіе машиностроительнаго дѣла, заключается въ недостаткѣ опытныхъ мастеровъ. Притомъ всѣ фабриканты въ Россіи жалуются на неимѣніе постоянныхъ рабочихъ. Поработавъ нѣсколько времени на фабрикахъ или заводахъ, они возвращаются въ свои деревни для свиданія съ родными или по требованію обществъ и помѣщиковъ, въ особенности пока стоятъ на рекрутской очереди. Хотя, пробывъ въ деревнѣ нѣкоторое время, они часто опять возвращаются на фабрики, но, отвыкнувъ отъ работы, не скоро снова намѣтаются. Это препятствуетъ у насъ образованію сословія фабричныхъ людей вообще, но менѣе вредитъ ходу прядильныхъ или ткацкихъ фабрикъ, чѣмъ механическихъ заведеній, требующихъ бо́льшаго навыка и коихъ слишкомъ немного для образованія въ достаточномъ числѣ работниковъ, способныхъ замѣнять одни другихъ.

Объясненныя здѣсь неудобства, хотя и существенны, но не имѣютъ никакой связи съ тарифнымъ огражденіемъ. Не постановленіе болѣе или менѣе высокой пошлины можетъ тутъ пособить: отвращенія этихъ недостатковъ слѣдуетъ ожидать только отъ времени и постепеннаго вліянія техническаго образованія, распространяемаго путемъ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеній и частныхъ примѣровъ. Впрочемъ не должно преувеличивать важности этого препятствія: съ нѣкоторыхъ поръ у насъ образовалось порядочное число свѣдущихъ механиковъ и искусныхъ мастеровыхъ; притомъ недостатокъ своихъ мастеровъ отвращается наймомъ иностранныхъ, которые служатъ къ образованію и нашего фабричнаго сословія. Что же касается непостоянства нашихъ рабочихъ, то это относится только до сельскихъ обывателей, приходящихъ на заработки въ города. Впрочемъ отъ этого непостоянства не могли терпѣть доселѣ поссессіонныя заводы, при коихъ безотлучно находится одна и та же рабочая населенность, и машиностроительныя заведенія въ городахъ, гдѣ всегда есть возможность найти достаточное число хорошихъ работниковъ въ городскомъ ремесленномъ сословіи.

Вышеизложенныя соображенія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: во 1) что дальнѣйшее преуспѣяніе машиностроительнаго дѣла въ Россіи зависитъ преимущественно отъ пониженія цѣнъ на чугунъ и желѣзо, отъ улучшенія путей сообщенія и отъ

техническаго образованія мастеровъ и рабочихъ; что этотъ промыселъ внутри Имперіи и Царства Польскаго весьма достаточно уже прикрытъ противу иностраннаго соперничества огромнымъ провознымъ расходомъ, обременяющимъ машины изъ-за границы привозимыя, и что наложеніе умѣренной пошлины не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на его развитіе, и обратится только въ безполезное отягощеніе всѣмъ другимъ вѣтвямъ промышленности; во 2) что постановленіе высокихъ пошлинъ на иностранныя машины и въ особенности на паровыя морскія и рѣчныя суда неминуемо остановитъ преуспѣяніе нашихъ мануфактуръ, развитіе предпріятій внутренняго плаванія и тѣ улучшенія, которыя начинаютъ быть вводимы въ наше сельское хозяйство, а чрезъ то разстроитъ главное основаніе самаго машиностроительнаго дѣла, которое, какъ выше замѣчено и какъ подтверждается опытомъ всѣхъ другихъ государствъ, заключается въ мѣстномъ процвѣтаніи фабрикъ, заводовъ и предпріятій всякаго рода; что такое обложеніе всѣхъ или только нѣкоторыхъ иностранныхъ машинъ едва ли доставитъ нынѣ шаткую и невѣрную опору немногимъ заведеніямъ, въ послѣднее время возникшимъ близь С.-Петербурга, а между тѣмъ можетъ подорвать будущность самаго того промысла, объ огражденіи коего озабочиваются; въ 3) что раціональнѣе и согласнѣе съ выгодами государства ограничиться принятіемъ сколь можно существенныхъ мѣръ для удаленія вышеобъясненныхъ препятствій и затрудненій къ преуспѣянію этого промысла, и что пониженіе цѣны чугуна и желѣза, принадлежитъ къ числу самыхъ существенныхъ мѣръ для оживленія нашихъ машиностроительныхъ заведеній; когда же эти заведенія улучшатъ и расширятъ свои операціи, когда они снабдятся всѣми необходимыми орудіями, пріобрѣтутъ хорошихъ мастеровъ и работниковъ и вообще поставятъ себя въ надлежащія условія для исправной отдѣлки машинъ, то явятся для нихъ и достаточные заказы, ибо самая простая разсчетливость заставитъ это сдѣлать; въ 4) что тогда только будетъ благовременно заявлять мысль о наложеніи нѣкоторой пошлины на иностранныя машины, и то скорѣе изъ видовъ открытія новой отрасли дохода для казны, нежели для огражденія внутренняго машиностроительнаго дѣла, которое никогда въ такомъ огражденіи не будетъ нуждаться, какъ достаточно прикрытое значительнымъ прово-

знымъ расходомъ; и въ 5) что сколь ни желательно было бы видѣть въ Россіи блестящее развитіе машиностроительнаго производства, тѣмъ не менѣе всякое побужденіе къ такому развитію посредствомъ возвышенія цѣнъ машинъ было бы сопряжено съ существеннымъ вредомъ для промышленности вообще, и не обратилось бы въ пользу самаго этого промысла.

X.

ОСТРОВЪ САРА.

(Посвящается соединенному обществу Кавказъ и Меркурiй).

Островъ Сара находится въ виду Ленкорани верстахъ въ 12 отъ этого города, а по кратчайшему разстоянiю до берега въ 5. Его составляетъ не широкая, но длинная (до 15 верстъ) полоса земли, имѣющая дугообразное очертанiе, подобно островамъ Кулалы и Чечню. Южная оконечность суха и довольно возвышенна; сѣверная низменна. Эта послѣдняя распространяется по NW, противъ устья Кизлагачскаго залива, и подъ нею мелко, а южная, протягиваясь косою на W, образуетъ хотя необширную, но спокойную бухту съ хорошей глубиной 2,2½ саж. и у самаго берега отъ 6 до 7 футовъ.

Господствующiе вѣтры, дующiе здѣсь отъ NO чрезъ O до SO, разводятъ сильный бурунъ у матераго берега; но они совершенно безопасны для судовъ, стоящихъ въ бухтѣ: NW, къ которому она открыта, не можетъ разводить большаго волненiя, по причинѣ близости матераго берега, съ котораго онъ дуетъ, и малой глубины въ Кизлагачскомъ заливѣ; но за то, дѣйствiемъ этого вѣтра, роетъ западную сторону острова, тогда какъ вѣтры морскiе, выбрасывая на восточный берегъ песокъ, ракушу и морскую траву, способствуютъ къ его распространенiю.

Островъ Сара, подобно островамъ Кулалы, Чечню, Тюленьему и многимъ другимъ на Каспiйскомъ морѣ, образовался отъ осадка землянистыхъ частицъ, несомыхъ теченiями, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина моря была сравнительно меньше. На этотъ первоначальный осадокъ напластывалась ракуша, въ свою очередь накрытая пескомъ и иломъ, и такъ далѣе; когда же островъ вышикъ изъ моря, то къ элементамъ почвы стала прибавляться морская трава, выбра-

сываемая моремъ, и пометъ морскихъ птицъ, первоначальныхъ обитательницъ пустынныхъ островов (*).

Изъ этой смѣси, болѣе или менѣе плотно соединенной и разложившейся, образовался растительный слой почвы, которая, подъ благотворнымъ вліяніемъ Каспійскаго солнца и частыхъ дождей въ этой мѣстности, сдѣлалась весьма производительной, такъ что всякаго рода насажденія, огородныя и древесныя, принимаются на ней отлично.

Такимъ образомъ разведены на Сарѣ виноградъ, гранаты; были и персиковыя деревья, въ дикомъ же состояніи; кромѣ неувядающихъ во всѣ времена года злаковъ, растетъ очень много диризы (въ родѣ ежевики), кусты которой такъ велики и густы, что составляютъ совершенно непроницаемую стѣну и для человѣка и для большаго животнаго. Хорошо бы акклиматизировать это растеніе въ Россіи и разсаживать его вмѣсто плетней и изгородей на поляхъ, огородахъ и вокругъ садовъ. Недаромъ малаканы, эти русскіе Марониты, просятъ дозволенія селиться на Сарѣ (**). Опыта хлѣбныхъ посѣвовъ здѣсь еще не было; но безъ всякаго сомнѣнія и они удадутся. Впрочемъ по сосѣдству съ земледѣльческимъ Ленкоранскимъ уѣздомъ это вовсе не нужно; переселенные же сюда малаканы еще болѣе усилили эту промышленность и развили огородничество, которое у туземцевъ было въ ограниченномъ состояніи. Поэтому на островѣ Сарѣ всего выгоднѣе содержать скотоводство, какъ предметъ промышленности, хорошіе виноградники для улучшеннаго винодѣлія и развести марену; но плантаціи для воздѣлыванія риса, хлопчатой бумаги и сахарнаго тростника, требующихъ въ извѣстные періоды напуска на нихъ воды, заводить здѣсь не слѣдуетъ (***). Сосѣдство такихъ плантацій чрезвычайно вредно для здоровья.

(*) Стоитъ только вырыть яму, глубиною ниже морскаго уровня, чтобы увидѣть всѣ эти пласты.

(**) Съ переводомъ отсюда нашей морской станціи, островъ этотъ остался безъ жителей.

(***) Ленкоранскіе жители—Русскіе и Армяне—выдѣлываютъ изъ мѣстнаго винограда, растущаго въ лѣсу, многіе сорты столовыхъ винъ, очень недурныхъ, но не для сбыта, а собственно для себя,—бутылка вина обходится 1½ и 2 коп. сереб.

Рѣкъ и озеръ съ пресной водой на островѣ нѣтъ; но морская, просачиваясь сквозь почву, дистиллируется и становится уже пресной. На вкусъ она гораздо лучше Куталинской, Ново-Петровской, Чеченской, Бакинской и Ашуръ-а-дэ-ской. Означенные на картѣ (съ описи 1823 года) заливы, за исключеніемъ южнаго, давно пересохли. Сей же послѣдній, еще въ двадцатыхъ годахъ служившій бассейномъ для починки военныхъ судовъ, находившихся у Сары, хотя обмелѣлъ, но еще можетъ быть расчищенъ для той же цѣли. Въ 1852 году одна изъ шкунъ Каспійской флотиліи, сидѣвшая въ грузу до 8 ф., входила въ него безъ затрудненія. Но отъ пересышки заливовъ и болотъ островъ сдѣлался удобнѣе для жительства и для земледѣльческой промышленности.

Изъ животныхъ здѣсь водятся: джейраны и курочки (вывезенные изъ Астрабада), одичавшія кошки и разумѣется многіе виды морскихъ птицъ.

Хотя Сара находится въ жаркой полосѣ Каспія, но сосѣдство высокихъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, пересѣкающихъ теченіе облаковъ, приноситъ прохладу и дожди. Отъ этого климатъ острова теплый и влажный, и лѣтніе жары, такъ несносные въ Баку, Сальянахъ, на Ашуръ-а-дэ и даже въ Ново-Петровскѣ (хотя это мѣсто гораздо сѣвернѣе Сары) здѣсь уже не такъ ощутительны. Но есть время года истинно несносное и тяжкое для здоровья: начиная съ исхода іюля и до половины сентября или около того идутъ почти непрерывно дожди, такъ что по мѣсяцу не видятъ солнца!... Въ октябрѣ небо проясняется и воздухъ становится пріятно свѣжимъ. Позднѣе бываютъ морозы до 7° (*), отъ которыхъ образуются у береговъ довольно твердыя закраины. Но такая температура не вредитъ растительности, поддерживаемой теплыми испареніями моря и присутствіемъ въ почвѣ просачивающейся изъ него воды, которая, по закону волостности, достигая корней, согрѣваетъ ихъ и тѣмъ въ свою очередь поддерживаетъ жизнь растеній. Поэтому съ Ленкоранскаго берега, гдѣ зимою трава бываетъ хуже, свозятъ на Сару рогатый скотъ и лошадей для пастьбы. Въ февралѣ уже весна во всемъ блескѣ южнаго климата.

(*) Такіе морозы стали замѣчаться съ 1820 года.

*

Въ прежнее время, когда здѣсь была главная морская станція на Каспійскомъ морѣ, очень много умирало людей, что относили безъусловно къ вліянію климата, и потому станція была въ 1842 году переведена въ Баку и въ Астрабадскій заливъ къ острову Ашуръ-а̀-дэ (*). Но эту сильную смертность на островѣ Сарѣ за то время можно объяснить между прочимъ тѣмъ, что: 1) людей съ судовъ эскадры посылали въ сырые болотистые лѣса для вырубки дровъ, которыя на себѣ же нужно было таскать къ берегу; при этомъ, кромѣ изнуренія, люди подвергались простудѣ и заражались вредными міазмами отъ испаренія болотъ и лѣсной травы (въ родѣ той, которую въ Россіи простой народъ называетъ «боли-голова»). 2) Въ сырое, холодное время, люди не имѣли ни такой одежды, ни такой обуви, которыя бы достаточно предохраняли ихъ отъ мокроты и отъ стужи. 3) Регламентская порція матросовъ была не по жаркому климату: она была слишкомъ груба, однообразна и неудобоварима для желудка, который отъ вліянія продолжительныхъ жаровъ вообще слабѣетъ. 4) Умершихъ погребали не довольно далеко отъ жилья и обыкновеннымъ образомъ, тогда какъ нужно было, *уподобляя островъ кораблю*, бросать ихъ въ море; если же непремѣнно хотѣли хоронить въ землѣ, то слѣдовало засыпать могилы негашеной известью, которая бы препятствовала распространенію въ воздухѣ вреднаго зловонія отъ разлагающихся труповъ. Наконецъ 5) казармы береговой команды и лазаретъ были построены изъ бакинскаго известняка, у болотъ. Отъ этого въ нихъ была постоянная сырость, а лѣтомъ зараженный болотными испареніями воздухъ.

Примѣчаніе. Слѣдовало бы строить жилыя помѣщенія не у болота, но на южной оконечности острова, сухой и довольно возвышенной, и притомъ не на глухомъ фундаментѣ, а на высокихъ сваяхъ, дабы воздухъ свободно проходилъ между ними и разсѣевалъ испа-

(*) Въ Баку злокачественныхъ лихорадокъ нѣтъ, и въ этомъ отношеніи климатъ хорошъ, но онъ слишкомъ сухъ и слѣдовательно вреденъ для расположенныхъ къ грудной болѣзни и т. п.; лѣто въ Баку пренесносное отъ сильныхъ жаровъ и мошекъ. Недостатокъ же хорошей пресной воды составляетъ существенное неудобство тамошней жизни. Что касается до острова Ашуръ а̀-дэ, то это мѣсто вовсе не отличается здоровымъ климатомъ и для жизни не представляетъ рѣшительно никакихъ удобствъ.

ренія почвы. А чтобы еще болѣе предохранить жилыя строенія отъ вліянія сырости, слѣдовало дѣлать въ нихъ двойные полы, наполняя пространство между половицами толченымъ углемъ, и сверху покрывать кыромъ (*); стѣны же снаружи обмазывать дегтемъ или нефтью. При изобиліи лѣсовъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, по дешевизнѣ бакинскаго кыра и нефти, къ устройству такимъ образомъ деревянныхъ домовъ представлялась полная возможность.

И такъ неосновательно относить бывшую здѣсь сильную смертность къ исключительному вліянію климата; было много другихъ причинъ, которыя при бо́льшей заботливости могли бы быть устранены.

Положеніе острова Сары для торговли съ Персіею, Кавказомъ и другими прикаспійскими мѣстами самое счастливое, а для устройства здѣсь порта или факторіи самое удобное.

Островъ лежитъ на пути изъ Баку въ Энзели, откуда чрезъ г. Рештъ можно получать всѣ произведенія богатой Гилянской провинціи, преимущественно же шелкъ. Море, никогда не замерзающее, представляетъ удобное сообщеніе какъ съ этимъ, такъ и съ прочими прикаспійскими портами Персіи и заливами на восточномъ берегу (замѣтимъ, что къ каждому изъ нихъ можетъ направиться дорога изъ Средней Азіи), а къ сѣверу съ Сальянами, Баку и Дербентомъ. Чрезъ Ленкорань, эти города и по Курѣ могутъ быть получаемы продукты со всего Кавказа и тѣми же путями развозимы русскія произведенія. Кромѣ того, сосѣдство богатыхъ рыбныхъ промысловъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Сальянскихъ, и такихъ же на р. Сфидъ-Рудѣ, очень важно. Еще, здѣсь представляется возможность учрежденія новыхъ родовъ промышленности: 1) перомъ и пухомъ дикихъ морскихъ птицъ, которыя изъ далекаго сѣвера слетаются на зиму въ Кислогачскій заливъ (на русское теплое море); и 2) вывозомъ въ Россію драгоцѣннаго гуано, находящагося въ изобиліи на необитаемыхъ каменистыхъ островахъ, лежащихъ между Баку и Сарой; удобство же пріобрѣтенія строительныхъ матеріаловъ, которыми такъ богатъ Ленкоранскій уѣздъ и Персидскій берегъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

(*) Такъ называется земля, пропитанная нефтью. Катранъ и нефтакиль суть продукты однородные съ кыромъ.

Наконецъ, въ случаѣ разлада съ Персіей и безпокойствъ на Кавказѣ, островъ Сара совершенно безопасенъ отъ нечаяннаго нападенія, которому въ 1827 году подвергались Сальянскіе промыслы, а въ 1847 году Сулакскіе (*).

Достойно сожалѣнія, что Баку, а не Сара была избрана для центральнаго военнаго порта на Каспійскомъ морѣ; но можно будетъ и порадоваться, если богатая компанія (Соединеннаго Общества пароходства и торговли подъ фирмою «Кавказъ и Меркурій»), такъ много обѣщающая пользы отечеству, изберетъ этотъ островъ основнымъ пунктомъ для своихъ дѣйствій на Каспійскомъ морѣ. Здѣсь у нее будетъ все подъ руками.

Н. БОЧЕЧКАРОВЪ.

О ДѢЛОВОМЪ МНОГОПИСАНІИ. **

Разрѣшеніе самаго ничтожнаго обстоятельства требуетъ у насъ часто многосложной и разнородной переписки, въ формѣ указовъ, предписаній, предложеній, отношеній, представленій, рапортовъ, подтвержденій, журналовъ, протоколовъ, дослѣдованій, переслѣдованій, и проч. Послѣдствіе дѣловаго многописанія не одна только медленность съ тратой бумаги; нѣтъ, зло, могущее произойти отъ него, гораздо важнѣе. Дѣловое многописаніе даетъ поводъ къ

(*) Печальная исторія богатаго Индуса Магундасова, тогдашняго содержателя въ Сальянахъ, страдальческая кончина Давыдова, управлявшаго рыбными промыслами на Сулакѣ, взятаго въ плѣнъ и зарѣзаннаго Горцами, весьма поучительны и доказываютъ то, что для русскихъ заведеній на азіятскомъ материкѣ необходима защита пушекъ, которыя коммерческимъ людямъ имѣть не всегда удобно; а потому благоразумнѣе устроивать складочные пункты на островахъ.

(**) Не смотря на то, что убѣжденіе, выраженное въ этой статьѣ, принадлежитъ не одному автору, сказанное г. Бунге въ его статьѣ объ устройствѣ нашихъ Университетовъ (Русск. Вѣстн. N 19 стр. 451) въ отношеніи къ существенной причинѣ дѣловаго многописанія въ Россіи показываетъ, что еще не всѣ раздѣляютъ это убѣжденіе. Вотъ почему было бы весьма полезно обсужденіе этого послѣдняго, и съ такою цѣлью мы рѣшились дать ему печатную гласность. *Ред.*

личному произволу въ управленіи, къ нарушенію и неисполненію законовъ, къ безотвѣтности за преступленія; оно составляетъ широкое поле для лихоимства; затрудняетъ часто возстановленіе правъ частныхъ лицъ; ослабляетъ иногда умственныя силы у служащихъ и служитъ къ нравственному ихъ паденію. Неудивительно послѣ этого, что вопросъ о причинѣ дѣловаго многописанія и средствахъ къ его уничтоженію принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ.

Дѣловое многописаніе не есть произведеніе одной какой либо причины. Причинъ напротивъ весьма много. Это еще болѣе усложняетъ вопросъ о средствахъ къ прекращенію зла. Но намъ кажется, что задача состоитъ пока въ отысканіи главной и существенной его основы, и въ противодѣйствіи ей. Ошибка въ этомъ отношеніи можетъ повести къ принятію недѣйствительныхъ мѣръ, и дать ложное направленіе всему административному преобразованію. Понятно послѣ этого, какъ важно правильное опредѣленіе существенной причины дѣловаго многописанія. По нашему убѣжденію, она заключается въ смѣшеніи полицейской и судебной власти, или лучше сказать — въ предоставленіи всего управленія страною одной полиціи, съ присвоеніемъ только ея органамъ различныхъ, неизмѣняющихъ сущности дѣла наименованій.

Судебная власть, имѣющая такое важное значеніе въ государствѣ, составляетъ у насъ принадлежность не только судовъ въ собственномъ смыслѣ слова, но почти всѣхъ полицейскихъ лицъ и управленій. Она предоставляется: Становымъ Приставамъ, Земскимъ Исправникамъ, Городничимъ, Полицеймейстерамъ, Земскимъ Судамъ, Городническимъ Правленіямъ, Управамъ Благочинія, Губернскимъ Правленіямъ, Гражданскимъ Губернаторамъ, Словеснымъ Судамъ, Сельскимъ Расправамъ, Волостнымъ Правленіямъ, Сельскимъ Приказамъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ, Таможеннымъ и Карантиннымъ Правленіямъ, Горнымъ начальникамъ и помѣщикамъ. Кромѣ того, могутъ иногда давать заключенія о судебныхъ рѣшеніяхъ Предсѣдатели Казенныхъ Палатъ, Казенныя Палаты, Палаты Государственныхъ Имуществъ и Духовныя Консисторіи. Прибавимъ къ этому, что у насъ нерѣдко составляются чисто военные или смѣшанные военные суды даже для сужденія

лицъ гражданскаго вѣдомства. Словомъ, право суда или какого либо участія въ отправленіи правосудія расплылось почти по всей массѣ русскихъ чиновниковъ, и такимъ образомъ во многихъ случаяхъ соединилось съ несродными ему элементами.

Но что сказать о нашихъ собственно такъ называемыхъ судебныхъ мѣстахъ, т. е. Ратушахъ, Магистратахъ, Уѣздныхъ Судахъ и Судебныхъ Палатахъ. Они не представляютъ собою вполнѣ самостоятельныхъ органовъ правосудія. Ихъ правильнѣе можно назвать особыми канцеляріями высшей полицейской власти въ губерніи. Члены такъ называемыхъ Судовъ или совершенно подчинены этой власти, или находятся въ такой отъ нея зависимости, что при малѣйшей попыткѣ къ рѣшенію дѣлъ несогласно съ выраженною ею волей могутъ поплатиться всею своею будущностію. Уголовные Суды находятся еще въ большей зависимости отъ полиціи, чѣмъ Гражданскіе. Слѣдствія, составляющія основу судебныхъ рѣшеній, производятъ полицейскіе чиновники, и производятъ ихъ часто въ произвольномъ направленіи или по собственному своему побужденію, или по приказанію. Судъ лишенъ всякой возможности удостовѣриться въ справедливости добытыхъ изслѣдованіемъ фактовъ, и безмолвно основываетъ на нихъ свой приговоръ, хотя нерѣдко изъ общей молвы знаетъ, что они несогласны съ дѣйствительностію. Говорить послѣ этого о независимости мнѣній въ нашихъ Судахъ все равно, что приписывать ее человѣку, обязанному, по высказаннымъ напередъ главнымъ посылкамъ силлогизма, сдѣлать окончательное, необходимо изъ нихъ вытекающее, умозаключеніе. Если бы напр. кому нибудь предложили такой вопросъ: всякій человѣкъ плутъ, Иванъ Сидоровъ человѣкъ, слѣдовательно что? Безъ сомнѣнія каждый, спрошенный такимъ образомъ, былъ бы поставленъ въ необходимость отвѣчать: слѣдовательно Иванъ Сидоровъ плутъ. Въ такомъ точно положеніи находятся большею частію и наши Уголовные Суды. Слѣдствія, произведенныя вдали отъ нихъ, часто навязываютъ имъ такія посылки, изъ которыхъ можетъ быть только одинъ напередъ предусмотрѣнный полиціею выводъ. Но если бы неожиданно выводъ оказался не такимъ, какой предполагался, то полицейская власть, и по постановленіи Судомъ приговора, имѣетъ полное право обратить дѣло къ переслѣдованію, т. е. къ измѣненію фактовъ дѣла

сообразно своимъ видамъ и желаніямъ, и такимъ образомъ совершенно уничтожить смыслъ судебнаго приговора. Но этимъ еще не оканчивается зависимость уголовной юстиціи отъ полицейской власти. Ни одинъ приговоръ Палаты Уголовнаго Суда, подписанный всѣми ея членами и пропущенный Прокуроромъ, не имѣетъ самъ по себѣ никакой силы безъ полицейскаго утвержденія. Такое утвержденіе выражается, какъ извѣстно, надписью Начальника Губерніи. Внутренній составъ нашихъ судебныхъ мѣстъ также имѣетъ недостатки. Наружно они составляютъ коллегіи, но въ собственномъ смыслѣ коллегіальности нѣтъ, потому-что нѣтъ нераздѣльной съ нею совѣщательности. Да и съ кѣмъ совѣщаться. Большинство членовъ по выборамъ сословій пришло бы, можетъ быть, въ затрудненіе отъ предложенія высказать какое либо мнѣніе по тому или другому дѣлу. Если и есть между выборными членами Судовъ кто нибудь, имѣющій понятіе о дѣлахъ, то часто дѣйствуетъ не въ духѣ общаго для всѣхъ правосудія, а въ духѣ узкихъ, сословныхъ интересовъ, да и не можетъ иначе дѣйствовать. Но какъ бы то ни было, судебныя дѣла почти постоянно рѣшаются у насъ не въ слѣдствіе коллегіальнаго совѣщанія, а по личнымъ мнѣніямъ одного или двухъ членовъ, а иногда и одного только секретаря, т. е. въ нашихъ Судахъ, не смотря на ихъ численный составъ, господствуетъ не начало коллегіальное, а начало личное. Изъ всего сказаннаго нами, каждый можетъ убѣдиться, что наша губернская уголовная юстиція находится въ зависимости отъ полиціи.

Такое то подчиненіе судебной власти полиціи составляетъ, по нашему мнѣнію, существенную причину дѣловаго многописанія. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ у насъ, гдѣ судъ не имѣетъ самостоятельной силы? Прямымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является отсутствіе въ гражданахъ чувства личной безопасности со стороны полиціи, и въ слѣдствіе того подавленіе духа народной предпріимчивости, господство произвола вмѣсто законовъ, и потому неуваженіе къ послѣднимъ, справедливое недовѣріе къ чиновникамъ не только въ самомъ обществѣ, но и въ высшемъ правительствѣ. Такое недовѣріе къ исполнительной власти, завѣдывающей всѣми дѣлами страны, и нечувствующей надъ собою узды самостоятельнаго суда, породило необходимость контроля, и въ слѣдствіе то-

го явились многочисленныя присутственныя мѣста и должностныя лица, надзирающія надъ властями низшими и контролирующія ихъ дѣйствія, и сами подлежащія такому же контролю сверху. Такимъ образомъ, мало по малу установилась многосложная іерархическая лѣстница разныхъ учрежденій, такъ что на одного дѣйствительнаго производителя дѣлъ приходится по нѣскольку мѣстъ и лицъ только надзирающихъ. При такомъ порядкѣ вещей дѣловое многописаніе неизбѣжно. Указы, предписанія, подтвержденія, подтвержденія на подтвержденія,—летятъ со всѣхъ сторонъ, но не смотря на то медленность въ производствѣ дѣлъ не уничтожается, а многосложность переписки только увеличивается. Самый огромный матеріалъ для многописанія доставляютъ у насъ дѣла судныя. Они навѣрное занимаютъ три четверти всего русскаго письмоводства. Если вспомнимъ теперь, что при множествѣ чиновниковъ разныхъ іерархическихъ степеней, являющихся какъ необходимое слѣдствіе отсутствія вполнѣ самостоятельнаго суда, всѣ они пишутъ и почти каждый изъ нихъ имѣетъ право вмѣшиваться въ отправленіе правосудія, то причина многописанія вообще и по суднымъ дѣламъ въ частности становится очевидною. — Представимъ для большей ясности нашей мысли нѣсколько примѣровъ. — Положимъ, что въ казенномъ лѣсу самовольно вырублено какимъ нибудь крестьяниномъ два или три дерева. Что̀ можетъ произойти при этомъ? Лѣсная стража доноситъ Лѣсничему. Лѣсничій, освидѣтельствовавъ мѣсто порубки и опредѣливъ количество казеннаго убытка, увѣдомляетъ о преступленіи мѣстный Земскій Судъ для производства слѣдствія, и доноситъ о томъ же Палатѣ Государственныхъ Имуществъ. Не успѣетъ еще Земскій Судъ сдѣлать распоряженіе по требованію Лѣсничаго, какъ получаетъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ подтвержденіе о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и посылаетъ ей въ отвѣтъ донесеніе. Но вотъ Становому Приставу поручено заняться изслѣдованіемъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, начинается переписка между Становымъ и Лѣсничимъ. Первый приглашаетъ послѣдняго явиться на такое то число туда то, и быть депутатомъ при слѣдствіи. Лѣсничій нерѣдко отвѣчаетъ, что онъ обремененъ дѣлами службы и на назначенное число явиться не можетъ, а иногда и вовсе отказывается отъ депутатства по болѣзни или по какой либо другой причинѣ. Такое обстоятельство,

послѣ довольно-продолжительныхъ письменныхъ сношеній между Становымъ и Лѣсничимъ, представляется наконецъ на разрѣшеніе начальства, самое же дѣло еще и не начиналось. Между тѣмъ, Губернское Правленіе, въ слѣдствіе отношенія Палаты Государственныхъ Имуществъ, посылаетъ указъ Земскому Суду о скорѣйшемъ окончаніи дѣла о порубкѣ лѣса. Земскій Судъ подтверждаетъ Становому Приставу и въ тоже время отправляетъ отвѣтный рапортъ въ Правленіе; Становой же въ свою очередь доноситъ Земскому Суду. По всѣмъ такимъ бумагамъ вновь составляются журналы и посылаются на просмотръ Стряпчихъ или Прокуроровъ, и вслѣдствіе этихъ журналовъ являются новыя, строжайшія подтвержденія, порождающія опять новую переписку, и т. д. Наконецъ, по истеченіи нерѣдко года и болѣе, и по исписаніи до сотни листовъ бумаги, начинается изслѣдованіе. Подсудимый допрашивается, даются ему съ кѣмъ слѣдуетъ очныя ставки, дѣлается о немъ повальный обыскъ и проч. Но это далеко не все. Весьма часто случается, что подсудимый безъ всякаго повода откровенно сознается въ блудной жизни съ какою нибудь Малашкой. За это обстоятельство слѣдователь хватается съ особенною энергіею и стремится разслѣдовать его самымъ тщательнымъ образомъ. Бѣдную Малашку ведутъ къ допросу, иногда изъ другой деревни подъ карауломъ, даютъ ей очную ставку съ подсудимымъ, производятъ о ней повальный обыскъ, и проч. Если въ дѣлѣ окажется нѣсколько подобныхъ обстоятельствъ, не относящихся къ главному предмету слѣдствія, тогда производство его замедляется на многіе годы. Но вотъ слѣдствіе окончено и представлено въ Земскій Судъ. Земскій Судъ нерѣдко находитъ его неполнымъ и обращаетъ къ Становому Приставу для дослѣдованія. Затѣмъ дѣло вновь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ, является въ Земскомъ Судѣ, и оттуда представляется въ Уѣздный Судъ. Изъ этого послѣдняго оно опять можетъ предпринять обратное путешествіе къ Становому и новое восхожденіе къ Суду первой степени. Наконецъ приговоръ постановленъ, и дѣло вмѣстѣ съ нимъ представляется на разсмотрѣніе Палаты Государственныхъ Имуществъ. Палата дѣлаетъ критическій разборъ рѣшенію, находитъ его неправильнымъ, не изъявляетъ на него своего согласія, и при указѣ возвращаетъ дѣло въ Уѣздный Судъ. Уѣздный Судъ, вслѣдствіе этого, составивъ журналъ по получен-

ному указу, представляетъ подлинное производство съ своимъ рѣшеніемъ на ревизію въ Палату Уголовнаго Суда. Между тѣмъ, во все время такихъ многократныхъ восхожденій и нисхожденій дѣла, потокъ подтвержденій о скорѣйшемъ его разрѣшеніи не прекращается. Онъ не прекращается и по поступленіи дѣла въ Уголовную Палату. Не успѣютъ его еще распечатать и помѣтить, какъ уже со всѣхъ сторонъ летятъ отношенія и предложенія или съ понужденіемъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, или съ просьбою увѣдомить о положеніи его, или съ требованіемъ о присылкѣ копіи съ рѣшенія. По всѣмъ такимъ бумагамъ составляются журналы и посылаются отвѣты. Если вспомнимъ, что такого рода предложенія и отношенія вступаютъ въ судебныя мѣста не по одному какому либо дѣлу, то легко себѣ представить какая масса переписки обременяетъ наши суды, кромѣ собственно судопроизводства. Но вотъ, по наступленіи очереди, дѣло о лѣсной порубкѣ рѣшено Палатою Уголовнаго Суда и представлено вмѣстѣ съ протоколомъ на разсмотрѣніе къ Гражданскому Губернатору, копія же съ рѣшенія въ то же время отослана для критической оцѣнки въ Палату Государственныхъ Имуществъ. Эта послѣдняя можетъ не согласиться и съ приговоромъ Уголовной Палаты, и дѣло въ такомъ случаѣ восходитъ въ Правительствующій Сенатъ, нерѣдко послѣ восьми и болѣе лѣтъ производства въ губерніи. Какой же практическій результатъ всего этого многописанія? Подсудимый умеръ, не дождавшись рѣшенія; одна только бѣдная Малашка, сознавшаяся въ блудной связи съ умершимъ, и къ концу дѣла уже замужняя и съ нѣсколькими дѣтьми, присуждается за давнозабытый грѣхъ юности, можетъ быть омытый исповѣдью, на церковное покаяніе. Для назначенія грѣшницѣ эпитеміи дѣло отсылается въ Духовную Консисторію, и тамъ составляется новое, строгое рѣшеніе о Малашкѣ. Будь мировые суды, дѣло о порубкѣ нѣсколькихъ деревъ продолжалось бы не восемь или десять лѣтъ, а оканчивалось въ два, много въ три дня, и несчастная Малашка не подверглась бы незаконнымъ стѣсненіямъ и страданіямъ.—Возьмемъ еще примѣръ. Положимъ, въ Палатѣ Уголовнаго Суда производится арестантское дѣло о какомъ нибудь конокрадѣ. Оно разсмотрѣно и разрѣшено журнальнымъ постановленіемъ, но окончательный приговоръ (протоколъ) еще не составленъ и не подписанъ. Въ это время вдругъ получается отъ полиціи донесеніе,

что подсудимый, отданный ею на поруки, совершилъ новое преступленіе. Такимъ образомъ, вся работа по разсмотрѣнію дѣла пропала даромъ: оно вновь отсылается въ Уѣздный Судъ или Магистратъ съ предписаніемъ по полученіи слѣдствія о новомъ преступленіи подсудимаго разсмотрѣть оба дѣла въ совокупности, и постановить рѣшеніе, не стѣсняясь прежнимъ. Этимъ распоряженіемъ рѣшеніе участи подсудимаго замедляется иногда на нѣсколько лѣтъ, и все потому, что полиція дозволяетъ себѣ часто по произволу или брать кого либо подъ стражу или освобождать изъ подъ стражи. Такія дѣйствія полиціи весьма выгодны для подсудимаго: ему остается только совершать съ нѣкоторыми промежутками одно преступленіе за другимъ, и при безпрерывномъ производствѣ слѣдствій, пользоваться полною безнаказанностію или весьма долгое время, или до самой смерти. Весьма нерѣдко взятіе подъ стражу и потомъ освобожденіе преступника дѣлается именно въ слѣдствіе тайнаго покровительства полиціи конокрадскимъ и всякимъ другимъ воровскимъ шайкамъ, составляющимъ для нея иногда весьма выгодную оброчную статью. Къ сожалѣнію, это не вымыселъ, а весьма грустный, извѣстный многимъ, фактъ. По-видимому все дѣлается такъ, какъ слѣдуетъ: изслѣдованіе производится, преступникъ отсылается въ тюрьму; но спустя нѣкоторое время освобождается на поруки. На свободѣ онъ совершаетъ иногда новое преступленіе. Его опять берутъ къ допросу, сажаютъ въ тюрьму, производятъ слѣдствіе. Вотъ почему въ наши судебныя мѣста часто поступаютъ къ разсмотрѣнію дѣла, собственно соединенныя изъ сорока и болѣе отдѣльныхъ, и притомъ самыхъ поверхностныхъ слѣдствій объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, часто, во время присылки дѣла въ Судъ, уже умершихъ. Эти дѣла, заключая въ себѣ цѣлый рядъ разновременныхъ преступленій, изъ коихъ первыя восходятъ иногда за десять и болѣе лѣтъ назадъ, содержатъ огромное количество исписанной бумаги, даже до 12,000 листовъ. Всю эту подавляющую своею массивностію переписку нужно въ судебномъ мѣстѣ прочесть и составить докладную записку. Между тѣмъ все окончится очень благополучно: объ однихъ сужденіе прекратится за смертію, а другіе, отъявленные негодяи, благодаря поверхностности слѣдствія, останутся въ подозрѣніи,—и только. Но постановленіе судебнаго заключенія по такому громад-

ному дѣлу не всегда еще его вполнѣ оканчиваетъ. Случается, что въ него входятъ обстоятельства о крестьянахъ, допустившихъ по своей оплошности побѣгъ арестанта. Такія обстоятельства не подлежатъ вѣдѣнію гражданскаго суда, и потому дѣло отсылается куда слѣдуетъ для рѣшенія ихъ въ смѣшанномъ военномъ Судѣ. Начинается новая переписка, сперва о созваніи Суда, а потомъ и въ самомъ Судѣ.

Изъ всего сказаннаго нами, кажется, легко убѣдиться, что отсутствіе самостоятельныхъ и вполнѣ независимыхъ органовъ суда съ одной стороны породило у насъ необходимость въ установленіи, въ самой средѣ исполнительной власти, многихъ контролирующихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, а съ другой стороны—узаконило для этихъ самыхъ мѣстъ и лицъ право вмѣшательства въ отправленіе правосудія, а все это вмѣстѣ взятое, при смѣшеніи полиціи и суда, произвело существующее у насъ многописаніе, преимущественно по суднымъ дѣламъ, какъ болѣе многосложнымъ и многочисленнымъ. Опредѣливъ такимъ образомъ главную и существенную причину дѣловаго многописанія, легко придти къ заключенію о средствахъ къ прекращенію зла. Эти средства, по нашему мнѣнію, заключаются въ совершенномъ отдѣленіи исполнительной власти отъ судебной, въ предоставленіи послѣдней полной самостоятельности, въ установленіи суда преимущественно словеснаго, всѣмъ доступнаго, и въ дозволеніи всякій судебный приговоръ свободно обсуживать въ газетахъ и журналахъ. Притомъ, по нашему убѣжденію, преобразованіе судебной части должно предшествовать всякой административной реформѣ. Правильное устройство суда практически и самымъ явственнымъ образомъ укажетъ возможность уничтоженія нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ и должностей, а въ другихъ мѣстахъ обозначитъ необходимость значительнаго сокращенія числа чиновниковъ. Словомъ, мы думаемъ, что безъ предварительнаго правильнаго устройства суда, реформа въ организаціи исполнительной власти не всегда приведетъ къ полезнымъ результатамъ. Но если при этомъ не примется въ основаніе начало совершеннаго раздѣленія суда и полиціи, то преобразованіе, вѣроятно, не искоренитъ вполнѣ многописанія.

Н. ЛАНГЕ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ.

Статья первая.

Въ настоящее время, когда крестьяне готовятся получить юридическую самостоятельность, готовятся быть гражданами въ настоящемъ значеніи этого слова, намъ кажется было бы особенно полезно собрать и изучить тѣ ихъ обычаи, которыми доселѣ, не смотря на тяготѣвшее надъ ними крѣпостное право, опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія, ихъ бытъ домашній и общественный. Извѣстно, что во многихъ, очень многихъ мѣстностяхъ крестьяне постоянно держали въ памяти и даже при каждомъ удобномъ случаѣ проявляли на практикѣ убѣжденіе, что они могутъ нѣкоторыя дѣла̀ рѣшать сами, своимъ приговоромъ, своимъ судомъ. Дѣла эти касались не только отношеній личныхъ и по имуществамъ, но и отношеній къ самимъ властямъ, которыми они ограничивались, и даже значенія, правъ и обязанностей крестьянскаго сословія въ сферѣ государственной. Хотя въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ такіе обычаи и дѣлавшіеся подъ вліяніемъ ихъ приговоры помѣщиками и другими властями признавались ничтожными; но между самими членами селенія или волости они имѣли полную юридическую силу и имъ охотно подчинялись какъ непреложному закону. За то въ другихъ имѣніяхъ сами помѣщики считали возможнымъ принимать ихъ къ свѣдѣнію и ими руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ. «Какъ скажутъ *старики*»; «что̀ присудитъ *міръ*»—вотъ обычная формула, которая повторялась въ томъ и другомъ случаѣ. И торжественно собирались старики на свою сходку, говорили разумно и осторожно и послѣ долгихъ сужденій постановляли наконецъ приговоръ, въ самомъ дѣлѣ безобидный и по ихъ понятіямъ и по понятіямъ тѣхъ, которые должны были ему подчиниться. Пусть по временамъ на этихъ сходкахъ такъ называемые *горланы* брали верхъ и не только нарушали порядокъ, но и основанія, на коихъ долженъ былъ утверждаться приговоръ, — тѣмъ не менѣе идея правды, сознаніе, что

въ такомъ-то случаѣ должно было поступить такъ, а не иначе, оставались въ силѣ и неизмѣнными. И вотъ эти-то обычаи, эти-то понятія о гражданскихъ и общественныхъ отношеніяхъ между членами отдѣльныхъ селеній было бы полезно имѣть въ виду для того, чтобы, давая юридическую самостоятельность крестьянамъ, оставить, по возможности, и то, что они считали справедливымъ, чѣмъ руководствовались и въ то время, когда находились въ крѣпостной зависимости. Во всякомъ случаѣ, если бы даже, подъ вліяніемъ новыхъ условій гражданскаго быта, эти обычаи были уничтожены силою новыхъ отношеній или положительнаго закона, любопытно сохранить ихъ какъ *историческій памятникъ юридическихъ понятій, жившихъ и развивавшихся самобытно въ крѣпостномъ сословіи.*

Мы слишкомъ мало знакомы съ крестьянскимъ бытомъ, чтобы имѣть притязаніе собрать съ предполагаемой цѣлью что нибудь полное и цѣлое. Но, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ нами въ деревнѣ, намъ удавалось иногда выслушивать сужденіе и приговоры *стариковъ* или *міра*, и въ такихъ случаяхъ мы, разумѣется, всякій разъ старались вникать въ ихъ значеніе и смыслъ. На этомъ основаніи мы признаемъ чрезвычайно важнымъ дѣломъ заявить нашу мысль объ изученіи юридическихъ обычаевъ крестьянъ и указавъ на то, что намъ самимъ изъ нихъ извѣстно, пригласить другихъ къ полному осуществленію этой мысли.

Начнемъ съ семьи, какъ основы гражданскаго общества. Въ крестьянскомъ быту она сознается подъ формою *хозяйства.* Мужъ—*хозяинъ;* жена—*хозяйка*; дѣти—*хозяйскій сынъ, хозяйская дочь.* Но семейство разростаетъ нерѣдко въ маленькую общину, гдѣ нѣсколько мужей и женъ, слѣдовательно нѣсколько хозяевъ и хозяекъ. Послѣдніе удерживаютъ и въ такомъ случаѣ свое названіе; но надъ ними, выше ихъ, является *старшій*—глава дома. Имъ бываетъ *отецъ* въ отношеніи къ своимъ взрослымъ, тягольнымъ сыновьямъ, или *дѣдъ* въ отношеніи къ взрослымъ, тягольнымъ дѣтямъ этихъ послѣднихъ. Точно также изъ женщинъ въ домѣ одна бываетъ настоящей хозяйкой и называется *старшая, самà, коренная стряпка.* Титулъ этотъ и власть принадлежатъ при жизни свекрови ей самой, а въ случаѣ ея смерти—старшей изъ невѣстокъ. Но бѣда, если *старикъ,* потерявъ первую жену, возьметъ другую. И съ свекровью иногда не ладятъ *молодыя,* а съ мачихой у нихъ по-

стоянная, вѣчная вражда. По смерти отца власть его переходитъ или къ его младшему брату, т. е. *дядѣ* его сыновей (если онъ къ тому способенъ) или къ старшему изъ самихъ сыновей. Но между тѣмъ какъ разумный отецъ въ большей части случаевъ держитъ строго, почти деспотически всѣхъ членовъ дома въ своихъ рукахъ, при *старшемъ братѣ* проявляется обыкновенно стремленіе семейныхъ къ *дѣлежу*. Однимъ изъ видимыхъ къ тому поводовъ бываетъ почти всегда несогласіе между невѣстками, которыя никакъ не могутъ покоряться одной изъ среди себя, хотя бы она и была женой *старшова*; но мы думаемъ, что настоящая тому причина есть тайное желаніе каждаго семьянина быть самостоятельнымъ, имѣть свою отдѣльную собственность, почему они охотно берутъ сторону своихъ женъ, какъ предлогъ, который прямо указываетъ на то, что въ большой семьѣ не можетъ быть мира и лада. Вотъ почему, не смотря на всѣ сопротивленія этому стремленію къ дѣлежу со стороны предержащихъ властей, которыя обыкновенно твердятъ, что *бабъ легко унять*, задушевная мысль членовъ семьи наконецъ достигается и они рано или поздно *расходятся* и *разводятся* по разнымъ домамъ.

Пока отецъ бываетъ главою дома, члены семьи, въ личныхъ отношеніяхъ, подчинены ему совершенно. Онъ распредѣляетъ между ними занятія, разбираетъ ихъ ссоры и вообще учитъ ихъ *добру-разуму*, не смотря на ихъ лѣта. Исключеніе бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ самъ, *по старости*, какъ говорится, *выживаетъ изъ ума*: тогда права его и власть переходятъ къ другому. Но, не смотря на преобладаніе въ семейномъ быту главы дома, мужъ сохраняетъ свое значеніе въ отношеніи къ женѣ: по понятіямъ крестьянъ, онъ можетъ учить ее *добру*, обязанъ *не давать ей воли* (на худое) и *защищать ее отъ обидъ*. Также въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ онъ удерживаетъ естественныя права родителя, хотя во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ подчиняется въ этихъ правахъ совѣту и волѣ *своего старика*. Наконецъ *пріемышъ*, если онъ взятъ въ домъ однимъ изъ членовъ *въ замѣнъ сына* или *дочери* (*), совершенно заступаетъ мѣсто этихъ послѣднихъ и слѣдоват. *рав-*

(*) У крестьянъ существуетъ обычай, въ случаѣ безплодія въ бракѣ, брать къ себѣ пріемышей для того, чтобы родились дѣти. Очень часто случается, что за тѣмъ безплодіе прекращается, и такимъ образомъ пріемышъ дѣлается *старшимъ* въ потомствѣ усыновившихъ его супруговъ.

няется съ сыновьями и дочерьми тѣхъ, которые ихъ приняли. Но *подкидыши*, если они выростаютъ въ домѣ какъ *чужіе*, что впрочемъ бываетъ рѣдко, и по достиженіи совершеннолѣтія могутъ надѣяться лишь на *милость* и *помощь* вскормившихъ ихъ *хозяевъ* за свое *сиротство*, *безотвѣтность* и *радѣнье*.

Имущество, при нераздѣльности членовъ дома, состоящаго изъ нѣсколькихъ семействъ, признается *общимъ*. Все *движимое*, кромѣ одежды,—домашняя утварь и посуда, земледѣльческія орудія и скотъ не принадлежатъ никому въ отдѣльности, и всѣ денежныя заработки членовъ дома (за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ скажемъ ниже) идутъ въ общую сумму, хранящуюся у *старика* или *старухи* (жены его, даже иногда и по его смерти), и сюда же поступаютъ всѣ доходы отъ разныхъ домашнихъ статей. На оборотъ глава дома заботится о томъ, чтобы отдѣльные члены каждаго семейства имѣли все нужное, не различая въ этомъ отношеніи одного отъ другаго. Впрочемъ *каждая хозяйка*, получая на долю своей семьи нужное количество *прядева* и *шерсти*, имѣетъ свои заботы: она прядетъ, ткетъ, бѣлитъ и краситъ холстъ и нитки для своего мужа и дѣтей, стираетъ имъ бѣлье, обшиваетъ ихъ, вяжетъ на нихъ чулки, варишки, и проч. Имущество *недвижимое*—строеніе, огородъ, гумно и поле, хотя бы въ домѣ было нѣсколько тяголъ, надѣленныхъ каждое надлежащимъ участкомъ земли отъ помѣщика или отъ общества—считается также принадлежащимъ всѣмъ вмѣстѣ: ими пользуются *сообща*, и огородъ или поле обработываются, а на гумнѣ убирается и молотится хлѣбъ, также на дворѣ производятся необходимыя стройки, починки и поправки, *по приказанію старика*, безъ всякаго различія.

Но понятіе общности и нераздѣльности имѣнія оказывается непримѣнимымъ къ имуществу, которое приносятъ съ собою въ *чужой* домъ лица женскаго пола, вступившія въ бракъ. Нерѣдко *молодая* награждается своимъ отцемъ или братьями не только одеждой, деньгами, но и *скотинкой*—коровой, телкой, овцами, случается даже и какимъ нибудь строеніемъ. Нельзя же лишить ее собственности въ домѣ мужа; не всегда однако возможно и отдѣлить эту собственность въ общей массѣ имѣнія безобидно для другихъ членовъ, въ особенности когда такое приданое, какъ случается обыкновенно, состоитъ въ коровѣ, телкѣ или овцѣ, которыя требуютъ корма, ибо

этотъ кормъ пошелъ бы изъ общаго. Вотъ почему молодая оставляетъ свое имущество, въ томъ числѣ нерѣдко самое платье и деньги, въ завѣдываніи своего отца, а въ случаѣ его смерти—одного изъ своихъ братьевъ, которые, если приданое состоитъ въ какой либо скотинѣ, иногда держатъ ее у себя, а еще чаще отдаютъ на сторону на особыхъ условіяхъ, какъ увидимъ ниже. Кромѣ того въ домашнемъ быту для каждой хозяйки есть возможность пріобрѣтать кое что и для себя. По вечерамъ и въ другое время, свободное отъ полевыхъ и прочихъ домашнихъ общихъ работъ, каждая баба занимается тѣмъ, что необходимо для ея собственной семьи, и тутъ-то трудолюбивая пряха выгадываетъ себѣ подъ часъ лишній холстъ или же, взявшись что нибудь сдѣлать на сторону, получаетъ за это деньги, которыя и употребляетъ на покупку себѣ платка, башмаковъ и проч., что уже не входитъ въ составъ общаго имущества. Иногда и мужъ помогаетъ ей своимъ вечернимъ трудомъ (если онъ напр. умѣетъ шить сапоги или портничать) добыть свою копѣйку; если же онъ употребитъ заработанныя ими деньги на одежду себѣ, то и она считается ихъ отдѣльною собственностью.

Имѣя въ виду сдѣланный нами очеркъ отношеній личныхъ и по имуществамъ между членами семействъ, живущихъ нераздѣльно, мы не можемъ не сознаться, что едва ли при этомъ возможно столь желанное процвѣтаніе семейныхъ добродѣтелей. Неограниченное право старшаго въ домѣ, его деспотическая воля суть также крѣпостное начало своего рода; а если взять во вниманіе, что по идеѣ это право, эта воля не должны никогда умирать, ибо въ отношеніи къ нимъ глава дома имѣетъ своего преемника, на котораго они и переходятъ, то очевидно, что такое начало проявляется здѣсь во всей своей абсолютной строгости: при нераздѣльности имущества отъ него нельзя избавиться никакой сдѣлкой; оно не допускаетъ никакой льготы. Нельзя поэтому не видѣть необходимости, чтобы подчиненные члены дома, достигшіе извѣстныхъ лѣтъ и удовлетворяющіе извѣстнымъ условіямъ для самостоятельнаго значенія въ обществѣ, получили это значеніе въ возможно широкомъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили возможность трудиться вполнѣ свободно для себя и для своей семьи. Не смотря на то, нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что и при раздѣльности семействъ значеніе *старшаго* въ домѣ было бы полезно съ одной стороны какъ *посредника* между тѣми членами, которые, по

строгому началу его власти, должны бы находиться у него въ подчиненіи, особенно въ отношеніи къ занимаемому ими общему участку земли, когда они пользуются имъ въ раздѣлъ; съ другой же стороны какъ *представителя* ихъ передъ обществомъ и мѣстными властями.

Но и теперь, какъ мы сказали выше, раздѣльность составляетъ цѣль, къ которой стремится каждое семейство. И странное дѣло: старики, которые въ своемъ дому такъ ревностно охраняютъ право старшинства и такъ деспотически проявляютъ его на дѣлѣ, какъ скоро соберутся на сходку толковать о томъ, слѣдуетъ ли отдѣлить брата отъ брата, племянника отъ дяди, даже иногда сына отъ отца, въ бо́льшей части случаевъ покапчиваютъ свои совѣщанія тѣмъ, что ихъ *надо роспустить!* Не выражается ли въ этомъ сознаніе, что въ чужомъ дѣлѣ легче, нежели въ своемъ, допускается начало общаго блага и справедливости? Или, можетъ быть, въ старикахъ воскресаетъ при этомъ память о томъ, какъ имъ самимъ было когда то невыносимо подчиняться гнету, налагаемому тяжелой рукой старшаго въ домѣ на всѣхъ его подвластныхъ? Какъ бы то ни было, семейный раздѣлъ утверждается стариками, и на него мы должны обратить здѣсь вниманіе въ отношеніи къ тѣмъ правиламъ, по которымъ онъ происходитъ, какъ обычай.

Любопытны, а подъ часъ и трогательны рѣчи, съ коими обращаются старики къ требующимъ раздѣла, и на оборотъ патріархальной простотой и глубокой, хотя бы и не вполнѣ сознательной, преданностью Провидѣнію отзываются слова самихъ дѣлящихся. «Вспомни, говоритъ бѣлый какъ лунь *дядя Аѳонасій* уже пожилому, но еще здоровому и бодрому мужику, стоящему съ своими двумя младшими братьями въ кругу стариковъ, составляющихъ сходку,—вспомни, братъ Тарасъ, какъ умиралъ твой отецъ; вспомни что онъ тебѣ наказывалъ на смертномъ одрѣ: не обижай братьевъ, будь имъ вмѣсто отца, и Богъ тебя не оставитъ: такъ не обидь же ихъ и въ этотъ часъ, дай имъ, братецъ мой, что слѣдуетъ по совѣсти. А вы, Карнуха да Ванюха, не забудьте, что онъ трудился въ домѣ, въ потѣ лица пахалъ землю, когда вы еще не родились; а какъ старикъ умеръ, взялъ васъ на свои руки, не покинулъ, а возрастилъ да вывелъ въ люди. Такъ имѣйте къ нему уваженіе, и если что къ нему и перепадетъ, то не грѣшно вамъ будетъ передъ Богомъ.»—«Нѣтъ дядюшка, говоритъ Тарасъ, грѣхъ былъ бы мнѣ передъ Богомъ,

если бы за свои труды и раденье къ братьямъ я думалъ попользоваться хотя чѣмъ малымъ. Раздѣлите насъ по Божески—я радъ покориться—вы насъ не обидите.»—«Вѣстимо, что не обидите,» повторяютъ, низко кланяясь, Карпуха и Ванюха. «Что и говорить, продолжаетъ самодовольно дядя Аѳонасій, на то мы и старики, чтобы разсудить какъ слѣдуетъ. Такъ пойдемъ, братцы, оканчиваетъ онъ, обращаясь къ старикамъ, на мѣсто, да посмотримъ все какъ быть. А вотъ съ нами пойдетъ и дядя Антонъ: онъ какъ разъ намъ разцѣнитъ, что чего стоитъ!»—Тутъ въ самомъ дѣлѣ начинается разцѣнка имѣнія, какая можетъ быть сдѣлана только сосѣдями, знающими досконально всѣ достоинства, всѣ свойства и качества каждаго предмета, подлежащаго дѣлежу. Послѣ долгихъ и добросовѣстныхъ соображеній старики опредѣляютъ, что изъ имѣнья взять Тарасу, что Карпухѣ и что Ванюхѣ. Доля каждаго не всегда опредѣляется жеребьемъ, потому что при дѣлежѣ очень часто принимаются въ разсчетъ и лишніе труды въ домѣ старшаго и работа его жены и сыновей, также на оборотъ умѣнье его вести хозяйство, а съ другой стороны—*глупость* младшаго, который *не дюжъ работать* да и не съумѣетъ еще свести дома. Отсюда видно, что хотя и предполагается, что изъ общаго дѣлимаго имущества всѣ *тягольные* члены должны получить одинаковую долю; но это правило очень часто измѣняется подъ вліяніемъ разныхъ условій. Такъ особенно племянники получаютъ иногда не только долю, слѣдовавшую ихъ умершему отцу отъ его братьевъ, но больше, чѣмъ каждый изъ находящихся въ живыхъ дядей. Соображеніе обстоятельствъ и положенія отдѣльнаго лица даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ старикамъ основаніе приговорить, чтобы самый младшій изъ братьевъ оставался жить вмѣстѣ съ первымъ или же со вторымъ братомъ, и *малышъ* повинуется этому приговору безпрекословно: бываетъ такъ, что онъ за тѣмъ навсегда остается неотдѣленнымъ; но онъ знаетъ также, что если придется ему со временемъ слишкомъ жутко, то, *собравшись съ умомъ*, станетъ опять просить раздѣла и даже можетъ быть увѣренъ, что на этотъ разъ старики *разведутъ* его съ братомъ (*). Вообще

(*) Впрочемъ младшій изъ братьевъ или племянниковъ всегда присуждается жить вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ братьевъ, если онъ еще не въ тяглѣ, развѣ мать его будетъ просить о томъ, чтобы ее отдѣлили вмѣстѣ съ нимъ и обѣщается сама его *вывести въ люди*.

однако въ большей части случаевъ доли назначаются поровну, особенно когда братья близко подходятъ другъ къ другу лѣтами. Для этого все имущество дѣлится стариками на равныя части, которыя достаются *съ жеребья*, вынимаемаго изъ шапки или же опредѣляемаго слѣдующимъ болѣе употребительнымъ и народнымъ способомъ. Каждая доля получаетъ условное названіе: *первой*, *другой третьей*, и такъ далѣе, до *остальной* или послѣдней, которую приходится взять тому изъ братьевъ, кому не досталось доли съ жеребья. Послѣ такого разбора одинъ изъ стариковъ беретъ палку и поднимаетъ ее вверхъ. Братья подходятъ къ ней по очереди и охватываютъ ее рукой другъ за другомъ по старшинству, начиная съ нижняго конца отъ руки того, кто ее держитъ. Чья рука останется у самаго верхняго конца палки, тому слѣдуетъ *первый* жеребій. За тѣмъ повторяется тоже самое между прочими братьями, и такимъ образомъ опредѣляется кому изъ нихъ должна достаться вторая доля, потомъ третья и т. д. до послѣдней, которую беретъ тотъ, кому уже не съ кѣмъ жеребьеваться.

Сравнивая это начало дѣлежа—принимать въ разсчетъ, кромѣ близости къ родоначальнику, и другія отношенія, особенно болѣе или менѣе продолжительный трудъ, положенный на составленіе имущества, которое подлежитъ раздѣлу, мы думаемъ, что нельзя будетъ и при дарованіи крестьянамъ правъ личныхъ и по имуществамъ не обратить на него вниманія. Общія правила, постановленныя для наслѣдства въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ, могутъ и должны быть примѣняемы къ потомкамъ умершихъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти послѣдніе имѣли не только юридическую личность, но и отдѣльную собственность. Напротивъ, пока въ крестьянскомъ быту, какъ въ настоящее время, имущество принадлежитъ не одному отцу семейства, а всѣмъ членамъ дома, живущимъ вмѣстѣ; пока и ими и всею собственностію распоряжается одинъ, стоящій надъ всѣми, было бы не всегда справедливо лишь означенныя правила принимать въ основаніе раздѣловъ, ибо при этомъ пришлось бы сдѣлать предположеніе, что все имущество принадлежитъ *главѣ семейства*, между тѣмъ какъ имъ признается не только отецъ, но также дядя, старшій братъ и проч.; доходить же до родоначальника всего дома въ большей части случаевъ бываетъ невозможно. Поэтому такъ долго, какъ будетъ оставаться въ крестьянскомъ быту не-

раздѣльность семействъ, соединенныхъ по кровнымъ отношеніямъ *въ одинъ домъ*,—рядомъ съ общими постановленіями о раздѣлѣ наслѣдства на основаніи Законовъ Гражданскихъ должны имѣть силу и раздѣлы на основаніи *обычаевъ* подъ вліяніемъ *стариковъ* или другихъ равныхъ имъ посредниковъ. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что всякое стремленіе внести эти обычаи въ какой либо законодательный кодексъ, давъ имъ опредѣленную форму, уничтожило бы съ разу живое начало, выражающееся въ примѣненіи къ даннымъ случаямъ общаго понятія справедливости, которымъ однимъ руководствуются старики, не стѣсняясь въ своихъ соображеніяхъ никакими заранѣе придуманными основаніями.

Мы говорили до сихъ поръ о значеніи общаго имущества въ раздѣлѣ его между лицами мужескаго пола. Посмотримъ теперь, какое участіе принадлежитъ въ немъ съ одной стороны *дѣвкамъ*, выходящимъ замужъ, въ другой домъ, или остающимся незамужними—*вѣкоушами* (*), какъ выражаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а съ другой стороны—*вдовамъ*, которыхъ мужья, бывшіе членами дома, умерли не оставивъ по себѣ дѣтей.

Если отецъ выдаетъ дочь при своей жизни, то она *награждается* по усмотрѣнію главы дома съ приговора прочихъ семейныхъ членовъ. Награжденіе это конечно незначительно; но если вспомнить, что часто изъ двухъ-трехъ лошадей, двухъ-трехъ коровъ и какого нибудь десятка овецъ, которыя составляютъ почти все достояніе нѣсколькихъ тяголъ, живущихъ нераздѣльно, невѣстѣ дается корова или хоть двѣ овцы, то надо сознаться, что и это что нибудь да значитъ. Точно также и по смерти отца братья надѣляютъ сестру чѣмъ могутъ. Отсюда видно, что крестьянскій обычай не признаетъ опредѣленной доли, которая бы слѣдовала дочери отъ отца или сестрѣ отъ братьевъ. Это и понятно: какъ опредѣлить долю, когда нѣтъ данныхъ для того, чтобы обозначить наглядно какая часть изъ общаго имущества принадлежитъ отцу невѣсты или каждому изъ ея братьевъ, и т. д. Если бы слѣдовало ей выдѣлить четырнадцатую долю изъ отцовской части, то пришлось бы заняться для этого предварительно раздѣломъ всего имущества и такими соображеніями, которыя преждевременно и безъ

(*) Отъ словъ *вѣкъ*—жить вѣчно.

всякой пользы внесли бы ссору въ домъ и разстроили семейное единство. Да и что̀ наконецъ досталось бы въ такомъ случаѣ невѣстѣ? Можетъ быть ровно ничего! И вотъ по обычаю она получаетъ конечно несравненно больше, чѣмъ бы ей слѣдовало по закону, а между тѣмъ миръ между членами дома остается ненарушеннымъ и выданная замужъ всегда принимается въ немъ какъ желанная гостья, всегда находитъ здѣсь пріютъ и утѣшеніе отъ невзгодъ, какія терпитъ подъ часъ въ домѣ мужа отъ свекрови, мачихи или золовокъ.

Но еще прежде чѣмъ настаютъ въ домѣ заботы о томъ, чѣмъ наградить невѣсту, отпускаемую въ чужіе люди, важный предметъ размышленія въ крестьянской семьѣ составляетъ вопросъ о томъ, выдавать ли ее за мужъ, а если выдать *надо*, то когда именно и за кого? (*) Хорошая, здоровая и расторопная *дѣвка* въ крестьянскомъ хозяйствѣ—сущій кладъ: она *злая работница*, и руки у нея *золотыя*. Вотъ почему, смотря на нее какъ на рабочую силу, въ семьѣ дорожатъ ею, особенно въ *страдную* (лѣтнюю) пору. Такую невѣсту неохотно выдаютъ за мужъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, имѣя въ виду предстоящій оттого убытокъ въ хозяйствѣ, выговариваютъ, чтобы она прожила рабочее время въ домѣ, откуда ее выдаютъ, или жѐ чтобы семейство жениха внесло за нее выкупъ, извѣстный подъ названіемъ *кладки*. Конечно съ этой стороны дѣло нетрудно уладить, особенно когда женихъ состоятеленъ. Но если онъ бѣденъ, а между тѣмъ полюбилъ дѣвушку, да и ей приглянулся? Бѣдность жениха составляетъ для него важное препятствіе къ пріисканію невѣсты. Богатый отецъ отказываетъ ему наотрѣзъ, тѣмъ болѣе, что и самъ неохотно женитъ своего сына на *голи* (**), хотя вообще въ крестьянскомъ быту невѣстъ бѣдныхъ и даже *сиротъ*, лишь были бы хорошія работницы, *не обѣгаютъ*. Если въ деревнѣ много зажиточныхъ

(*) Считаемъ долгомъ напомнить читателямъ, что, говоря здѣсь о брачныхъ дѣлахъ у крестьянъ, мы при этомъ отрѣшаемся отъ мысли, что, на основаніи крѣпостнаго права, жениху назначается невѣста самимъ помѣщикомъ (что впрочемъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія) и для разсмотрѣнія обычаевъ предполагаемъ тѣ случаи, когда помѣщикъ не вступается ни въ сватовство, ни въ брачную сдѣлку.

(**) *Голью* называютъ богатые какъ неимущихъ жениховъ, такъ и бѣдныхъ невѣстъ, и вообще тѣхъ, у кого не водится денегъ или нѣтъ тѣхъ достатковъ, безъ которыхъ мужикъ—не мужикъ, крестьянинъ— не крестьянинъ.

крестьянъ, которые, по простонародному выраженію, *ломаются* при дѣлаемыхъ предложеніяхъ о выдачѣ *дочерей замужъ*, то для мѣстнаго населенія и развитія въ немъ благосостоянія, при существованіи крѣпостнаго права, это имѣетъ важныя и весьма вредныя послѣдствія: бѣдные женихи, не находя себѣ невѣстъ въ кругу богатыхъ и не имѣя возможности взять ихъ даже изъ неимущихъ семействъ, которыя дорожатъ своими *дѣвками*, какъ работницами, должны оставаться холостыми, и когда накладывается на нихъ тягло, не только не бываютъ въ состояніи справиться, но еще болѣе упадаютъ и силами и духомъ. Вотъ почему помѣщики для облегченія этого зла прибѣгали къ другому—принужденіямъ къ браку, выдавая самовольно богатыхъ невѣстъ за бѣдныхъ жениховъ и наоборотъ женя богатыхъ на бѣдныхъ. Міръ и старики смотрѣли на такую мѣру какъ на необходимое зло и не только не порицали ее, а признавали даже полезной. Поэтому въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ отказывался добровольно отъ подобнаго права, они переносили его на себя, и порѣшали иногда браки на своихъ сходкахъ. Особенно казалось имъ даже долгомъ пристроивать сиротъ, *которымъ міръ вмѣсто отца и матери*. Обычай рѣшать участь такихъ невѣстъ на сходкѣ относится въ глубокой древности. До сихъ поръ, на крестьянскихъ свадьбахъ, дружка, въ числѣ своихъ прибаутокъ, повторяетъ:

Ѣдетъ нашъ новобрачный князь
. . . .
Сужену взять, ряжену взять
По Божьему велѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору (*).

Но зло необходимое есть все таки зло. Съ уничтоженіемъ его основы—крѣпостнаго права, принужденіе помѣщиками подвластныхъ имъ къ вступленію въ бракъ окончательно прекратится, и въ этомъ отношеніи значительно облегчена будетъ бѣдному возможность пріискивать себѣ невѣсту. Вмѣсто своей деревни, которою онъ былъ доселѣ ограниченъ, ему откроется для той же цѣли свободный до-

(*) Снегирева: Русск. простонар. праздники и суевѣрн. обряды, ч. IV, стр. 133, 134, 140, 141.

ступъ и во всѣ другія селенія, и помѣщичьи, и казенныя. Но слѣдуетъ ли при этомъ устранить также на брачныя дѣла вліяніе стариковъ или міра? Нѣтъ сомнѣнія, что всякое стѣсненіе или принужденіе къ вступленію въ союзъ, который можетъ быть прочно основанъ лишь на взаимномъ расположеніи и согласіи обѣихъ сторонъ, должны быть безусловно отвергнуты. Тѣмъ не менѣе очевидно, что и послѣ дарованія крестьянамъ правъ свободнаго сословія, многія прежнія понятія въ ихъ кругу еще надолго останутся въ силѣ. По прежнему богатый не станетъ обращать вниманія на домогательство бѣднаго жениться на его дочери; по прежнему бѣдный, по необходимости, будетъ ему отказывать, чтобы не лишиться хорошей работницы. Поэтому вмѣсто предложеннаго выше вопроса, правильнѣе спросить: не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ на первую пору по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставить сельскимъ властямъ имѣть наблюденіе, чтобы родительская власть и матеріальные разсчеты не были рѣшительнымъ препятствіемъ къ заключенію браковъ, а въ случаѣ бѣдности и крайней нужды со стороны жениха, который дѣйствительно въ своемъ быту не можетъ обойтись безъ хозяйки въ домѣ, или наоборотъ со стороны семейства невѣсты, принимать какія нибудь мѣры къ облегченію ихъ положенія? Мы не рѣшаемся отвѣчать на этотъ вопросъ; но онъ кажется намъ не совсѣмъ лишеннымъ основанія.

Наконецъ, какъ бы то ни было, бракъ состоялся: невѣста вступаетъ въ новый домъ, въ новыя отношенія. Имущество ея не переходитъ однако вмѣстѣ съ ней, за исключеніемъ, и то не всегда, платья, которое тщательно хранится въ особомъ сундукѣ. Корова или овца, данныя ей отцемъ и братьями, остаются пока у нихъ; но они, зная, что сестра уже отрѣзанный ломоть, что она *имъ больше не работница*, не станутъ долго кормить и холить ея скотину. И такъ первая забота ихъ послѣ отдачи дочери или сестры за мужъ— пристроить и то, что осталось у нихъ на рукахъ изъ ея имущества, требующаго расходовъ. Они идутъ къ сосѣду или другому зажиточному мужику и просятъ его взять корову или овцу новобрачной *изъ-полу*, т. е. за уходъ за ними и ихъ прокормленіе получать половину приплода и другой доставляемой ими прибыли. Впрочемъ молоко отъ коровы иногда выговаривается въ пользу *хозяйки;* также безъ ея разрѣшенія и согласія не можетъ быть ничего продано

изъ ея собственности. Иногда бываетъ однако, что семейство, въ которое вступила *молодая,* за ея *покорность* и *работу*, рѣшается принять ея скотину въ свой домъ, и въ такомъ случаѣ эту послѣднюю кормятъ наравнѣ съ прочимъ домашнимъ скотомъ, хотя она продолжаетъ считаться отдѣльной собственностью *невѣстки.* Но какъ въ чужомъ домѣ, такъ и въ этомъ на корову или овцу кладется особая *мѣта*, чтобы онѣ не мѣшались съ *хозяйскимъ* скотомъ. Цѣлые годы, не смотря на бывшій приплодъ, остается этотъ скотъ отдѣленнымъ, и при выходѣ по какому-нибудь случаю его собственницы изъ семейства, въ которомъ она была въ замужствѣ, ей не мѣшаютъ взять съ собою ея корову или овцу и даже весь приплодъ ихъ, за удержаніемъ развѣ нѣкоторой его части за прокормъ.

Что касается до невѣстъ, засидѣвшихся въ родительскомъ дому, то, оставаясь у отца или братьевъ, онѣ не пользуются ничѣмъ особеннымъ; но еслибъ по какой либо причинѣ (кромѣ замужства) отдѣлились отъ нихъ, то по обычаю могутъ получать *награжденіе* изъ общаго имущества лишь на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и невѣста, вступающая въ бракъ.

Остановимся теперь на томъ случаѣ, когда женщина, взятая въ домъ со стороны, т. е. для брака, лишается своего мужа. Что̀ съ ней дѣлается; куда идетъ она; что̀ получаетъ изъ мужниной доли? На первый вопросъ отвѣтить нетрудно. Она не охотно остается въ чужомъ домѣ, если нѣтъ у нея дѣтей отъ мужа, бывшаго членомъ этомъ дома; напротивъ того, дѣти привязываютъ ее по неволѣ къ ихъ дѣду или дядьямъ до тѣхъ поръ, пока не подростутъ и пока имъ не представится возможности выдѣлиться. Если же вдова осталась бездѣтной, то обыкновенно она идетъ опять въ свою родную семью—къ отцу или братьямъ и опять дѣлается имъ работницей; но, если она хорошая помощница въ домѣ, они теперь особенно берегутъ ее, ибо знаютъ, что ей легко найти жениха, пока она еще молода, какъ женщинѣ самостоятельной. Что касается до ея надѣла изъ мужнина дома, то разумѣется, что ей не мѣшаютъ взять ея собственность; но наградить ее чѣмъ либо *за ея работу* въ домѣ свекра или деверей уже вполнѣ въ ихъ волѣ: они даютъ ей что могутъ или что признаютъ необиднымъ и для себя и для нея; въ случаѣ же жалобы ея, дѣло рѣшается и здѣсь *стариками.*

Съ своей стороны мы замѣтимъ, что пока начало нераздѣльности тягольныхъ членовъ въ семейномъ быту нашихъ простолюдиновъ остается въ силѣ, общіе законы о выдѣлѣ женѣ опредѣленной доли изъ имущества мужа не могутъ быть въ отношеніи къ нимъ примѣняемы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имущество цѣлой семьи слишкомъ ничтожно, т. е. состоитъ лишь изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства, а въ другихъ случаяхъ приложеніе ихъ оказалось бы мѣрою крайне стѣснительною по изложенной выше причинѣ, именно по необходимости опредѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ ту часть, какую имѣетъ право получить каждый тягольный изъ общаго имущества крестьянскаго дома, что неминуемо поселило бы преждевременно раздоръ и неудовольствіе въ семействѣ и нарушило бы тѣсную связь и единство между его членами.

Н. КАЛАЧОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБОЗРѢНІЕ НОВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Второе продолженіе свода законовъ.—Правила о прекращеніи силы довѣренностей.— Значеніе актовъ, составленныхъ съ нарушеніемъ правилъ о гербовой бумагѣ.— О выдачѣ ссудъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія подъ залогъ ненаселенныхъ земель и каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ строеній.—Правила о государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ.—Учрежденіе редакціонныхъ коммиссій для составленія проекта общаго положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Узаконенія, относящіяся къ улучшенію быта поселянъ вообще.— Положеніе о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ.—Объ опредѣленіи на высшія военно-медицинскія должности врачей, имѣющихъ высшую ученую степень.—Право, предоставленное евреямъ.—О порядкѣ преданія суду служащихъ по выборамъ городскихъ обществъ и о наложеніи опеки на имѣнія расточителей изъ городскихъ сословій.—О послѣдствіяхъ неявки тяжущихся въ совѣстномъ судѣ.—Облегченія въ закавказскомъ краѣ въ отношеніи прошеній и другихъ бумагъ, подаваемыхъ въ судебныя мѣста.—О допросѣ свидѣтелей по завѣщаніямъ въ Сибири.—Предоставленіе князю Васильчикову преобразованій въ кіевской губерніи.

———

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы давали нашимъ читателямъ отчетъ въ законодательной дѣятельности Правительства за послѣднее время. Какъ ни коротокъ этотъ срокъ, но слишкомъ много новыхъ постановленій пришлось бы намъ занести въ нашу лѣтопись, еслибъ мы не поставили себѣ цѣлью ограничиться здѣсь лишь тѣми изъ нихъ, которыя представляютъ наиболѣе практическаго значенія. Принявъ такое правило въ основаніе нашихъ отчетовъ, мы остановимся и въ настоящей книгѣ на узаконеніяхъ, принадлежащихъ по преимуществу къ гражданской сферѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся не оставить безъ вниманія и тѣ изъ нихъ, въ коихъ болѣе или менѣе выражается стремленіе Правительства внести новыя живительныя начала въ общественную дѣятельность и проложить дорогу къ дальнѣйшему развитію какъ государственнаго, такъ и частнаго быта.

Источникъ, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о новыхъ узаконеніяхъ, составляютъ, какъ и прежде, Сенатскія Вѣдомости, начиная съ № 96-го 1858 г., на которомъ мы остановились въ предыдущемъ отчетѣ, и оканчивая № 30 нынѣшняго года; но кромѣ того какъ на важное пособіе, должно указать на обнародованное уже во всеобщее свѣдѣніе указомъ Правительствующаго Сената отъ 21 марта *Второе Продолженіе Свода Законовъ*, въ которомъ собраны постановленія, вышедшія, въ дополненіе, измѣненіе или отмѣну прежнихъ законовъ, отъ 12-го мая 1858 г. по 1-е января 1859 года.

Первое мѣсто по своему значенію въ гражданскомъ правѣ принадлежитъ двумъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта 22 декабря 1858 года, изъ коихъ одно установляетъ въ подробности порядокъ и способы прекращенія дѣйствія такъ называемыхъ вѣрющихъ именъ или довѣренностей, а другое относится къ актамъ, составленнымъ съ нарушеніемъ опредѣленныхъ въ законахъ правилъ о гербовой бумагѣ (*). Новымъ узаконеніемъ о довѣренностяхъ замѣнены статьи 2330—2334 Свода Законовъ Гражданскихъ (изд. 1857 г.), которыя заключали въ себѣ лишь общее опредѣленіе, что довѣренность прекращается смертію довѣрителя и истеченіемъ срока, на который дана, или же можетъ быть уничтожена подачею о томъ прошенія въ мѣсто, гдѣ она совершена и куда представлена. На основаніи же новой редакціи означенныхъ статей довѣренность теряетъ силу: 1) окончательнымъ исполненіемъ порученія, возложеннаго ею на повѣреннаго; 2) истеченіемъ срока, на который она дана; 3) уничтоженіемъ ея по распоряженію довѣрителя; 4) объявленіемъ повѣреннаго о желаніи сложить съ себя принятую имъ по довѣренности обязанность; 5) смертію довѣрителя или повѣреннаго, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію тому и другому присвоенныхъ, или же признаніемъ одного изъ нихъ безумнымъ, сумасшедшимъ, несостоятельнымъ, или пропавшимъ безъ вѣсти (Прод. II ст. 2330). Изъ этихъ основаній 3-е опредѣляется точнѣе правиломъ, что для уничтоженія довѣренности по своему усмотрѣнію довѣритель долженъ подать прошеніе о томъ или въ то судебное мѣсто, гдѣ должны быть совер-

(*) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 11.

шены дѣйствія повѣреннаго, если довѣренность дана именно съ этою цѣлью, или въ какой либо Уѣздный Судъ или Гражданскую Палату, если довѣренность дана на совершеніе какихъ либо дѣйствій вообще безъ ограниченія ихъ опредѣленнымъ судебнымъ мѣстомъ. Въ послѣднемъ случаѣ объ уничтоженіи довѣренности дѣлается публикація въ вѣдомостяхъ, почему довѣритель обязанъ вмѣстѣ съ прошеніемъ представить въ судебное мѣсто и слѣдующія на публикацію деньги. Независимо отъ этого онъ имѣетъ право требовать, чтобы повѣренный возвратилъ ему его довѣренность и въ случаѣ какого либо замедленія въ томъ со стороны послѣдняго, просить содѣйствія земской или городской полиціи или же Губернскаго Правленія. Наконецъ довѣритель можетъ еще заявить непосредственно отъ себя объ уничтоженіи довѣренности во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, на основаніи ея, повѣренный долженъ былъ за него дѣйствовать. Точно также означенное выше 4-е основаніе, служащее къ прекращенію дѣйствія довѣренности, опредѣляется точнѣе правиломъ, что повѣренный, желающій сложить съ себя принятую имъ по довѣренности обязанность, долженъ увѣдомить объ этомъ намѣреніи своемъ довѣрителя, съ возвращеніемъ подлинной довѣренности и сверхъ того объявить о своемъ отказѣ тому присутственному мѣсту, въ коемъ дѣйствовалъ по довѣренности, указавъ и мѣсто жительства довѣрителя. Въ связи съ этими правилами новый законъ установляетъ, что всѣ сдѣлки, заключенныя повѣреннымъ и всѣ совершенные имъ акты до полученія имъ извѣстія о прекращеніи силы данной ему довѣренности или до полученія публикаціи объ ея уничтоженіи въ мѣстѣ его пребыванія, признаются законными, всѣ же прочіе считаются недѣйствительными (*).

Кромѣ приведенныхъ постановленій, статьи въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ о довѣренностяхъ подлежатъ еще дополненію на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 1858 года декабря 29 (**), которымъ постановлено, что если довѣренность дана на залогъ или продажу не одного, а нѣсколь-

---

(*) Подлинный текстъ закона о прекращеніи дѣйствія довѣренностей см. ниже, въ Приложеніи I.

(**) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 16.

кихъ имѣній, или на исполненіе вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ порученій, то, по совершеніи по этой довѣренности акта на какое либо имѣніе, съ нея оставляется при дѣлахъ засвидѣтельствованная копія, а подлинная возвращается повѣренному для дальнѣйшихъ дѣйствій по той же довѣренности, съ надписью какой именно актъ по ней совершенъ въ томъ мѣстѣ, куда она была представлена.

Что касается до новаго узаконенія объ актахъ, писанныхъ съ нарушеніемъ правилъ о гербовой бумагѣ, то оно весьма важно въ томъ отношеніи, что ослабляетъ строгое примѣненіе для обязательной силы такихъ актовъ фискальнаго начала. До сихъ поръ какъ въ томъ случаѣ если актъ совершался крѣпостнымъ порядкомъ, такъ и въ томъ, если онъ являлся къ засвидѣтельствованію, всякое отступленіе въ отношеніи къ нему отъ Устава о пошлинахъ дѣлало его недѣйствительнымъ, и даже акты, составленные домашнимъ порядкомъ, должны были для своей силы быть писаны на гербовой бумагѣ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, именно въ законахъ означенныхъ. Соблюденіе такихъ правилъ требуется и теперь, но съ тою разницею, что если актъ совершенъ крѣпостнымъ порядкомъ или же, по его содержанію, засвидѣтельствованъ у маклера или въ присутственномъ мѣстѣ, то недостатки его въ формальномъ отношеніи не могутъ служить препятствіемъ къ осуществленію его на дѣлѣ. Такой актъ во всей его цѣлости приводится въ исполненіе, какъ и всякій другой, вполнѣ законный; но чиновники присутственнаго мѣста и другія лица, которыя обязаны были совершить или засвидѣтельствовать его не иначе, какъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, установленныхъ въ этомъ отношеніи въ законахъ о пошлинахъ, подвергаются отвѣтственности на основаніи Уложенія о Наказаніяхъ (ст. 634 и 635). Съ другой стороны и акты, совершенные на дому, которые писаны не на гербовой бумагѣ или на гербовой, но ненадлежащаго достоинства, въ случаѣ взысканія по нимъ, также подлежатъ удовлетворенію, если только не предъявлено противъ самого содержанія ихъ никакого спора; но составители ихъ, виновные въ несоблюденіи означенныхъ выше правилъ, подвергаются за это двоякой невыгодѣ: во-первыхъ уплатѣ за употребленіе вмѣсто гербовой простой бумаги тройной суммы противъ цѣны той бумаги, на которой слѣдовало бы написать актъ, а за употребленіе гербовой бумаги ненадлежащаго достоинства

обязаны заплатить втрое противъ разности между цѣною этой бумаги съ тою, какую надлежало употребить; во вторыхъ при взысканіи по такимъ актамъ, какъ по обязательствамъ, они подчиняются порядку, постановленному въ прежнихъ законахъ для домовыхъ заемныхъ писемъ и для договоровъ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, неявленныхъ, какъ слѣдовало, у нотаріуса или маклера или въ присутственномъ мѣстѣ (ст. 2039 и 1702 Зак. Гражд.), т. е. проценты съ такихъ обязательствъ считаются только съ того времени, когда они предъявлены будутъ ко взысканію и заимодавцы лишаются процентовъ, постановленныхъ за неустойку, а при конкурсѣ получаютъ удовлетвореніе только изъ того имѣнія, которое останется послѣ полнаго удовлетворенія всѣхъ обязательствъ, совершенныхъ законнымъ образомъ (¹).

Вслѣдъ за приведенными узаконеніями въ Государственномъ Совѣтѣ были разсмотрѣны и утверждены (29 декабря 1858 г. (²)) новыя правила, относящіяся до выдачи ссудъ изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ залогъ незаселенныхъ земель и каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ строеній. На основаніи этихъ правилъ изъ ненаселенныхъ земель въ губерніяхъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ могутъ быть по прежнему закладываемы въ Приказахъ земли удобныя и нечрезполосныя, съ тѣмъ, чтобы выдаваемая подъ залогъ ихъ сумма не превышала половины той, въ которую имѣніе оцѣнено; но, въ ограниченіе количества ссудъ, постановлено, чтобы подъ залогъ каждаго отдѣльнаго имѣнія Приказъ не выдавалъ болѣе 30,000 руб. сер. Поэтому владѣльцамъ, коихъ земля превышаетъ стоимостію болѣе чѣмъ вдвое эту сумму, разрѣшено дѣлить землю на отдѣльные участки, изъ коихъ каждый можетъ быть закладываемъ порознь (³). Законъ этотъ дополненъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 5 января 1859 года, опредѣлившимъ, что Приказы могутъ производить ссуду также подъ залогъ

(¹) Подлинный текстъ закона о силѣ обязательствъ, писанныхъ на простой бумагѣ или на гербовой, но ненадлежащаго достоинства, см. ниже, въ Приложеніи II.

(²) См. Сенатск. Вѣдом. 1858 г. №№ 11 и 13.

(³) Подлинный текстъ закона объ ограниченіи размѣра ссудъ изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ незаселенныя земли, см. ниже, въ Приложеніи III.

казачьихъ и крестьянскихъ земель, разумѣя подъ послѣдними земли, принадлежащія въ полную собственность государственнымъ крестьянамъ ([1]). При выдачѣ заемщикамъ свидѣтельствъ подъ залогъ такихъ земель Гражданскими Палатами должно быть наблюдаемо, чтобъ представляемыя имъ опись и оцѣнка произведены были сосѣдними государственными крестьянами и казаками, имѣющими собственныя земли; а еслибъ такихъ владѣльцевъ не оказалось, то и владѣющими землями на правѣ общественнаго пользованія, съ удостовѣреніемъ о благонадежности этихъ оцѣнщиковъ сельскимъ и волостнымъ начальствами. Кромѣ того при такихъ залогахъ должны быть соблюдаемы правила, опредѣленныя въ статьяхъ 780—783 Зак. Гражд. для совершенія актовъ всякаго рода на передачу государственными крестьянами, однодворцами и Малороссійскими казаками земель, принадлежащихъ имъ въ собственность. — Что касается до каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ строеній, то къ нимъ примѣнены правила, постановленныя для залога каменныхъ зданій въ Уставѣ Общественнаго Призрѣнія (т. XIII-го Свода Законовъ), ст. 116, п. 2; ст. 125, п. 2, 3, 4; ст. 126 и 127, съ тѣмъ 1) чтобы размѣръ ссуды не превышалъ третьей части той суммы, въ которую строеніе оцѣнено въ однихъ несгараемыхъ матеріалахъ, безъ орудій и прочей заводской и фабричной движимости, и 2) чтобы ссуда выдавалась въ такомъ только случаѣ, когда продажа закладываемаго строенія, по его мѣстоположенію и другимъ обстоятельствамъ, признана будетъ удобною. Впрочемъ такая выдача ссудъ должна производиться подъ залогъ заводскихъ и фабричныхъ строеній лишь въ тѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ коихъ дозволено Приказамъ принимать въ залогъ каменныя зданія.

На ряду съ узаконеніями о ссудахъ мы считаемъ полезнымъ указать нашимъ читателямъ на правила, Высочайше утвержденныя 13 марта 1859 г., о пріобрѣтеніи изъ кредитныхъ установленій такъ называемыхъ *государственныхъ непрерывно доходныхъ билетовъ* ([2]). Эти билеты, по достоинству своему въ 250, 500, 1000,

([1]) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 19.

([2]) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 24, Прилож. Въ томъ же № помѣщенъ и Высочайшій указъ того же дня, данный Правительствующему Сенату для приведенія этихъ правилъ въ исполненіе.

5000, 10,000 и 100,000 рублей, приносятъ по четыре процента въ годъ и потому болѣе выгодны, чѣмъ билеты самихъ кредитныхъ установленій, которые, какъ извѣстно, даютъ въ настоящее время по вкладамъ только три со ста. Они пріобрѣтаются, по подпискѣ, изъ Банковъ: Заемнаго и Коммерческаго и изъ Конторъ этого послѣдняго, также изъ Сохранныхъ Казенъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, какъ на имя лица или мѣста, такъ и безъ означенія того и другаго, т. е. на предъявителя. При подпискѣ на нихъ, въ уплату могутъ быть вносимы не только наличныя деньги, но и билеты кредитныхъ установленій. Послѣдніе могутъ быть или представляемы лично или присылаемы по почтѣ для обмѣна на государственные непрерывно-доходные билеты, при чемъ къ капитальной суммѣ ихъ присоединяются и наросшіе на нихъ проценты, хотя бы капиталъ обращался въ кредитныхъ установленіяхъ менѣе срока, опредѣленнаго для полученія процентовъ. Для подписки назначается шесть мѣсяцевъ, считая съ 13 марта. Подписавшемуся кредитное установленіе выдаетъ свидѣтельство на внесенную сумму (которую Государственная Коммисія Погашенія Долговъ записываетъ въ государственную долговую книгу), а по окончаніи срока подписки (впрочемъ не ранѣе 1 октября) эти свидѣтельства предъявляются въ томъ мѣстѣ, гдѣ кто подписался и, въ замѣнъ ихъ, выдаются государственные непрерывно-доходные билеты. По такимъ билетамъ непрерывный доходъ получается въ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ и въ Уѣздныхъ Казначействахъ всѣхъ губернскихъ городовъ ежегодно въ два срока, съ 1 мая по 1 іюня и съ 1 ноября по 1 декабря; эта выдача означается штемпелемъ, который прикладывается на билетѣ при каждомъ платежѣ. Но и до полученія самыхъ билетовъ проценты выдаются по означеннымъ выше свидѣтельствамъ, въ тѣ же сроки, въ уѣздныхъ казначействахъ всѣхъ губернскихъ городовъ: на этомъ основаніи предъявитель свидѣтельства получаетъ проценты со дня его выдачи по день срока, считая по одной копѣйкѣ на 100 рублей за каждый день мѣсяца. Выданная сумма отмѣчается прописью на оборотѣ свидѣтельства, съ приложеніемъ черной печати.

Государственные непрерывно-доходные билеты могутъ быть передаваемы владѣльцемъ ихъ другому. Правила для такой передачи, равно какъ и постановленныя, на случай потери билетовъ, объ

объявленіи ихъ утраты и замѣнѣ новыми, читатели могутъ найти въ самихъ прилагаемыхъ нами узаконеніяхъ (¹) и потому было-бы излишне исчислять ихъ. Но мы остановимся на преимуществахъ, которыя усвоиваетъ Правительство этимъ билетамъ во взысканіяхъ, обращенныхъ на ихъ владѣльцевъ. Именно, Законъ постановляетъ, что общее запрещеніе на имѣніе не распространяется на капиталъ, заключающійся въ непрерывно-доходномъ билетѣ; изъ этого допускается только исключеніе въ томъ случаѣ, если онъ былъ предъявленъ въ залогъ по подрядамъ и другимъ сдѣлкамъ съ казною. Также отъ самого вкладчика зависитъ предоставить непрерывно-доходный билетъ въ обезпеченіе иска или на удовлетвореніе кредиторовъ, и тогда онъ подлежитъ общимъ законамъ о взысканіяхъ. Разумѣется также, что при спорѣ между наслѣдниками о правахъ на такой билетъ должны имѣть силу въ отношеніи къ нему общія правила о раздѣлѣ наслѣдства. Но при переходѣ его въ другія руки по духовному завѣщанію и по передачѣ онъ не подлежитъ платежу ни крѣпостныхъ, ни актовыхъ пошлинъ. Наконецъ, въ случаѣ продажи по взысканію, если выручено будетъ что либо сверхъ капитальной суммы, которая билетомъ была обезпечена, излишекъ возвращается тому, кому эта сумма принадлежала.

Вотъ тѣ узаконенія, которыя относятся ко всѣмъ сословіямъ и лицамъ въ Государствѣ. Перейдемъ теперь къ обозрѣнію тѣхъ, которые имѣютъ, по видимому, далеко не столь общее значеніе, и даже отчасти въ Продолженіяхъ къ Своду Законовъ получатъ мѣсто лишь въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ или даже пунктамъ этихъ статей. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не придать и такимъ узаконеніямъ столь же важнаго значенія, какъ и предыдущимъ, имѣя въ виду, что въ своей совокупности они не только выражаютъ, но и осуществляютъ на дѣлѣ высокую мысль объ общественной пользѣ, объ общественномъ благѣ, которую связываетъ съ ними Правительство, не смотря на частный характеръ того или другаго постановленія. Поэтому съ своей стороны мы считаемъ себя обязанными указать нашимъ читателямъ на живительное начало, соединяющее эти отдѣльныя узаконенія, тѣмъ болѣе, что въ Сводѣ Законовъ, согласно съ строгой системой, принятой для ихъ размѣщенія, они

(¹) См. ниже, Прилож. IV.

разойдутся по разнымъ томамъ, книгамъ и раздѣламъ, откуда если и извлечетъ и опять соединитъ ихъ со временемъ пытливый ученый, то уже конечно для другой цѣли, для другихъ соображеній...

Здѣсь опять, какъ и въ предыдущей книгѣ, вниманіе наше обращается съ полнымъ сочувствіемъ къ дальнѣйшему развитію великаго дѣла объ уничтоженіи крѣпостнаго сословія въ Россіи. Твердымъ шагомъ идетъ оно впередъ и въ тоже время всѣ тѣ, которые еще недавно заявляли сомнѣнія на счетъ его пользы или даже правомѣрности, уже переходятъ на сторону своихъ противниковъ и объ руку съ ними стремятся сообразовать съ новымъ бытомъ, ожидающимъ крестьянъ, также свои личныя предпріятія и занятія. Явленіе въ высшей степени отрадное! Оно служитъ въ нашихъ глазахъ ручательствомъ, что на пути своего дальнѣйшаго развитія крестьяне, какъ свободное сословіе, найдутъ полезное участіе и поддержку въ томъ классѣ, который столь значительно опередилъ ихъ въ образованіи и усвоеніи себѣ нравственныхъ понятій. Мы вполнѣ этому вѣримъ и потому примемъ за правило въ нашемъ журналѣ указывать, хотя въ краткихъ чертахъ, на тѣ законодательныя мѣры, какія установляетъ Правительство для пользы сельскаго сословія вообще, въ надеждѣ, что помѣщики, все-таки оставаясь въ главѣ своихъ освобожденныхъ крестьянъ, найдутъ возможность распространить и утвердить эти мѣры въ особенности въ тѣхъ селеніяхъ, съ которыми они остаются тѣсно связанными не только по своимъ прежнимъ, но и будущимъ отношеніямъ.

Самый важный шагъ къ достиженію окончательной цѣли въ отношеніи къ помѣщичьимъ крестьянамъ есть учрежденіе Редакціонныхъ Коммисій для составленія проекта Общаго положенія объ устройствѣ ихъ быта (1). Основаніемъ такого проекта должно служить подробное, самое тщательное и добросовѣстное разсмотрѣніе Коммисіями проектовъ, составленныхъ съ тою же цѣлью въ Губернскихъ Комитетахъ по крестьянскому дѣлу, почему проектъ Общаго положенія долженъ быть начертанъ лишь по совокупномъ обсужденіи всѣхъ предположеній, заключающихся въ этихъ послѣднихъ, съ примѣненіемъ его однако и къ особымъ условіямъ разнообразныхъ мѣстностей Имперіи. На этомъ основаніи и учреж-

(1) См. Сенатскія Вѣдомости 1859 г. № 26.

дены, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Ростовцова, двѣ Коммисіи, изъ коихъ одна должна заняться составленіемъ Общаго положенія, а другая тѣхъ постановленій для отдѣльныхъ мѣстностей, которыя не могутъ имѣть повсемѣстнаго примѣненія. Для тѣхъ и другихъ работъ, кромѣ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ высшаго управленія, призваны также, съ Высочайшаго соизволенія, опытные помѣщики, какъ эксперты въ этомъ дѣлѣ. По окончаніи своихъ занятій Редакціонныя Коммисіи должны представить составленное ими Положеніе въ Коммисію, учрежденную при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, которая, съ своей стороны, представитъ его, съ своими заключеніями, въ Главный Комитетъ. Мы знаемъ, что въ настоящее время работы Редакціонныхъ Коммисій идутъ съ большимъ успѣхомъ и съ тѣмъ вниманіемъ къ проектамъ Губернскихъ Комитетовъ, которое можетъ успокоить всѣхъ помѣщиковъ, что ихъ труды въ составленіи этихъ проектовъ не только будутъ оцѣнены по достоинству, но даже напротивъ, если что либо въ нихъ будетъ признано неудобнымъ къ осуществленію и приведенію въ дѣйствіе Коммисіями, то не иначе какъ послѣ долгихъ и глубокихъ соображеній. Впрочемъ это самое нѣсколько задержитъ Редакціонныя Коммисіи въ окончаніи ихъ работъ, такъ какъ эти послѣднія не могутъ быть заключены и представлены Главному Комитету прежде разсмотрѣнія проектовъ всѣхъ вообще Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ, изъ коихъ нѣкоторые доставятъ свои проекты не ранѣе конца 1859 года [1].

Къ узаконеніямъ, имѣющимъ связь съ улучшеніемъ быта крестьянъ, должно отнести и слѣдующія Высочайшія повелѣнія: 1) отъ 24 Декабря 1858 года о продолженіи десятилѣтняго срока, который окончился 3 марта 1858 г., на совершеніе безпошлинно, на гербовой бумагѣ низшаго достоинства, купчихъ крѣпостей, выдаваемыхъ помѣщиками своимъ крестьянамъ на имущества, купленныя ими до распубликованія Высочайшаго указа 3 марта 1848 года, на имя помѣщиковъ, съ распространеніемъ этого правила и на тѣ случаи, еслибъ крестьяне, какимъ бы то ни было образомъ, уже воспользовались свободою [2].—2) Отъ 7 дека-

[1] Подлинный текстъ указа Правительствующаго Сената объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій см. ниже, въ Приложеніи V.

[2] См. Сенатскія Вѣдомости 1859 г. № 18

бря 1858 года о передачѣ крестьянъ Павловской волости (состоящей при казенной Павловской суконной фабрикѣ Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ) въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, со всею принадлежащею волости землею ([1]). — 3) Отъ 2-го февраля 1859 г. о перечисленіи въ мѣщанское сословіе города Умани живущихъ въ слободкѣ близь этого города поселянъ, которые были обязаны исполнять разныя работы по Уманскому саду. Они обложены повинностями по новому своему званію и имъ предоставлено пользоваться усадебной землею которою надѣлены; но при этомъ разрѣшено имъ также, если кто изъ нихъ пожелаетъ, остаться въ прежнемъ сословіи и переселиться въ то селеніе, къ которому приписанъ ([2]).

Для Государственныхъ же крестьянъ издано положеніе о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ. Оно было введено 7-го іюня 1852 г. въ видѣ опыта на три года, но теперь, какъ законъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія въ исправленномъ и дополненномъ видѣ ([3]). Важное значеніе застрахованія даетъ намъ право обратить особенное вниманіе на правила, положенныя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ основаніе обезпеченія такимъ способомъ крестьянъ отъ понесенныхъ ими убытковъ. Правила эти заключаются въ слѣдующемъ. Застрахованіе признается взаимнымъ; посему каждый домохозяинъ обязанъ застраховать свой домъ каменный не ниже какъ въ 24 р., со взносомъ преміи 12 коп., и деревянный не менѣе какъ въ 15 р., со взносомъ преміи 15 к.; впрочемъ всякому предоставляется на волю страховать свое строеніе и выше этой суммы по опредѣленнымъ для того разрядамъ губерній. Въ первомъ случаѣ дома не подвергаются никакой предварительной оцѣнкѣ, во второмъ же наблюдается, чтобы сумма страхованія не превышала двухъ третей стоимости строенія, которая назначается Волостнымъ Головой съ сельскимъ старшиною и добросовѣстными Сельской Расправы, примѣняясь къ мѣстнымъ цѣнамъ. Оцѣненныя тѣмъ или другимъ способомъ строенія вносятся въ изготовленный съ этою цѣлью для каждаго селенія печатный бланкъ страховыхъ вѣдомо-

([1]) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 10. — ([2]) Тамъ же, № 19. — ([3]) Тамъ же, № 11.

стей, съ означеніемъ именъ домохозяевъ, суммы, въ какую оцѣнено и въ какую принято строеніе каждаго изъ нихъ на страхъ и наконецъ суммъ ежегодныхъ страховыхъ платежей, слѣдующихъ за отдѣльныя строенія. Такія вѣдомости составляются на три года, съ окончаніемъ коихъ онѣ возобновляются. Съ своей стороны каждый домохозяинъ получаетъ на застрахованное строеніе свидѣтельство, гдѣ выставляются какъ сумма оцѣнки и застрахованія его дома, такъ и суммы ежегодныхъ лежащихъ на немъ платежей; эти свидѣтельства подписываются волостнымъ головой и скрѣпляются писаремъ. Для взысканія платежей страховыя вѣдомости по обществамъ, подобно приговорамъ о мірскихъ сборахъ, прилагаются въ подлинникахъ къ окладнымъ листамъ, а количество страховыхъ суммъ, слѣдующихъ съ каждаго домохозяина, вносится въ податныя тетради, въ отдѣленіе, назначенное для мірскаго сбора, впрочемъ особою статьею отъ этого послѣдняго. По полученіи же страховыхъ платежей, онѣ вносятся въ Волостныя Правленія, которыя записываютъ ихъ на приходъ въ шнуровую книгу, выдаютъ сборщикамъ въ пріемѣ печатную квитанцію, для приложенія документомъ къ податной тетради, и за тѣмъ собранныя деньги отсылаютъ въ Уѣздныя Казначейства. Въ самихъ обществахъ сумма страховыхъ платежей распредѣляется на каждаго домохозяина соотвѣтственно суммѣ, въ которой строеніе его застраховано, включается въ выдаваемыя крестьянамъ платежныя книжки и вносится домохозяевами вмѣстѣ съ податью.

Въ случаѣ пожара, вознагражденіе выдается на основаніи вѣдомости, которая составляется сгорѣвшимъ строеніямъ, съ означеніемъ именъ домохозяевъ и суммъ, какія имъ слѣдуютъ сообразно съ вѣдомостями застрахованія. Если строенія не вполнѣ истреблены пожаромъ, то оцѣнку пожарнымъ убыткамъ дѣлаетъ сельскій мірскій сходъ. Этотъ сходъ составляется изъ домохозяевъ того селенія или деревни, въ которыхъ произошелъ пожаръ, за исключеніемъ самихъ погорѣвшихъ; сверхъ того къ нимъ приглашаются до 12 человѣкъ добросовѣстныхъ крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень, отъ которыхъ и берется письменное показаніе, при Сельскомъ Старшинѣ и Волостномъ Головѣ, о томъ, на какую именно сумму хозяинъ понесъ убытка. Вознагражденіе это, по представленію Волостнаго Правленія, получается Палатою Государствен-

ныхъ Имуществъ изъ Уѣзднаго Казначейства и выдается Волостнымъ Правленіемъ, при сельскомъ старшинѣ и добросовѣстныхъ, домохозяевамъ подъ ихъ росписки, вполнѣ, не смотря на то, состоитъ ли на нихъ какая либо недоимка по сборамъ, или нѣтъ (¹).

Къ этимъ частнымъ узаконеніямъ примыкаетъ нѣсколько другихъ, относящихся къ совершенно инымъ предметамъ, но имѣющихъ съ исчисленными постановленіями внутреннюю связь, на которую мы указали выше. Сюда относятся:

1) Высочайшее повелѣніе отъ 29 января 1859 г. о принятіи *за непремѣнное правило*, чтобы врачи, опредѣляемые на высшія военно-медицинскія должности, какъ-то корпусныхъ штабъ-докторовъ, дивизіонныхъ докторовъ, главныхъ докторовъ госпиталей и ихъ помощниковъ, *имѣли высшую ученую степень*: доктора медицины, или доктора медицины и хирургіи, и извѣстны были какъ по ихъ глубокимъ теоретическимъ и практическимъ познаніямъ во врачебной наукѣ, такъ и по способности и опытности въ администраціи. Для доставленія же возможности полковымъ и госпитальнымъ врачамъ пріобрѣтать означенныя степени и свѣдѣнія Высочайше разрѣшено посылать ихъ, съ цѣлью усовершенствованія, въ высшія медицинскія заведенія въ Россіи и за границу, учредить медицинскія библіотеки при полковыхъ штабахъ, и наконецъ постоянные военные госпитали *высшихъ классовъ*, гдѣ встрѣчается наиболѣе случаевъ къ производству наблюденій, изслѣдованій и опытовъ, снабдить *всѣми снарядами, инструментами и пособіями*, которые признаются необходимыми по нынѣшнему состоянію врачебныхъ и естественныхъ наукъ. На такіе расходы Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства будетъ получать ежегодно 12000 р. въ продолженіи трехъ лѣтъ, по истеченіи коихъ должна быть опредѣлена необходимая сумма (²).

2) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 16 марта сего года, о предоставленіи Евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и Евреямъ иностраннымъ подданнымъ права жительства и торговли внѣ черты постоянной осѣдлости Евреевъ. На основаніи этого уза-

---

(¹) Подлинный текстъ Положенія о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ, см. ниже, въ Прилож. VI.

(²) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 22.

коненія Евреи-купцы 1-й гильдіи могутъ приписываться въ купечество же 1-й гильдіи ко всѣмъ вообще городамъ Россійской Имперіи, если они, принадлежа къ этой гильдіи, до изданія настоящаго разрѣшенія пробыли или пробудутъ въ ней не менѣе двухъ лѣтъ, а по поступленіи въ нее послѣ 16 марта будутъ состоять въ ней не менѣе пяти лѣтъ. За тѣмъ они получаютъ всѣ права, присвоенныя коренному русскому купечеству 1-й гильдіи и не только могутъ сами переселяться въ тѣ города, въ которые перечислятся, но и брать съ собою членовъ своей семьи, записанныхъ съ ними въ одномъ капиталѣ, и даже, на извѣстныхъ ограниченіяхъ, прикащиковъ и прислугу своей націи. Тѣ изъ Евреевъ, которые послѣ приписки къ городамъ, находящимся внѣ черты постоянной ихъ осѣдлости, пробудутъ въ нихъ, съ состояніемъ по 1-й гильдіи, десять лѣтъ, получаютъ право постояннаго жительства въ этихъ городахъ, хотя бы впослѣдствіи и выбыли изъ этой гильдіи; право же собственности и распоряженія имуществомъ, пріобрѣтеннымъ въ означенныхъ городахъ, остается и за тѣми Евреями, которые, бывъ въ 1-й гильдіи менѣе десяти лѣтъ, должны будутъ возвратиться въ прежнія мѣста своего жительства. Что касается до Евреевъ-иностранныхъ подданныхъ, то тѣмъ изъ нихъ, которые извѣстны по общественному своему положенію и обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволяется, съ разрѣшенія Министровъ Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банковыя конторы на основаніи общихъ узаконеній о правахъ иностранныхъ гостей, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по 1-й гильдіи (¹).

3) Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта 3 ноября и 8 декабря 1858 года и 5 января 1859 года постановлено: *первымъ*—что порядокъ преданія суду, временнаго удаленія и отрѣшенія отъ должности служащихъ по выборамъ дворянства (изложенный въ т. III Свода Зак., въ статьяхъ 265 и 266 Устава о выборахъ), примѣняется и къ лицамъ, служащимъ по выборамъ городскихъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы о временномъ удаленіи кого либо изъ нихъ отъ должности, губернское начальство сообщало для свѣдѣнія городскому головѣ (²); *вторымъ*—чтобы въ С.-Петербургѣ

(¹) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 30.—(²) См. Сен. Вѣд. 1858 г. № 97.—

публичные нотаріусы, городовые и частные маклера были избираемы всѣми городскими сословіями въ Общей Думѣ; (¹) *третьимъ*— чтобы надъ имѣніями почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ за расточительность учреждаема была опека. Порядокъ, какой долженъ быть при этомъ соблюдаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы доходящія до начальниковъ губерній свѣдѣнія о расточителяхъ своихъ имѣній городскаго сословія, были предъявляемы на совѣщаніе, Думою, Ратушею или Магистратомъ, купеческому или мѣщанскому обществу (по принадлежности), которое и постановляетъ приговоръ о наложеніи опеки; приговоры эти, по разсмотрѣніи ихъ Думою, Ратушей или Магистратомъ, представляются въ Губернское Правленіе, а оно разрѣшаетъ ихъ къ исполненію съ утвержденія такого разрѣшенія главнымъ начальникомъ губерніи; самимъ же лицамъ, обвиняемымъ въ расточительности, дозволяется приносить жалобу на распоряженіе губернскихъ начальствъ 1-му Департаменту Сената (²).

4) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 17 ноября 1858 года, которымъ опредѣляется, какъ поступать въ случаѣ неявки, по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ между родителями и дѣтьми, одной изъ тяжущихся сторонъ въ Совѣстный Судъ. Этимъ опредѣленіемъ измѣняется 1 пунктъ статьи 1228 Т. X Законовъ о Судопр. Гражд., въ которомъ слова: «въ случаѣ неявки, должны (тяжущіеся) быть побуждаемы судомъ къ явкѣ чрезъ полицію», надлежитъ замѣнить слѣдующими: «въ случаѣ неявки лично въ Совѣстный Судъ въ назначенный срокъ, безъ достаточныхъ къ тому законныхъ препятствій, истецъ признается нежелающимъ доказывать предъявленный искъ, который и оставляется безъ послѣдствій, а отвѣтчикъ считается нежелающимъ оспоривать требованія истца, и посему дѣло разрѣшается по представленнымъ симъ послѣднимъ объясненіямъ и доказательствамъ (³)».

5) Высочайшимъ указомъ Сенату 7 декабря 1858 г. постановлено, что въ Закавказскомъ краѣ прошенія могутъ быть подаваемы безъ точнаго соблюденія всѣхъ формъ, установленныхъ въ статьѣ 267 Т. X Зак. о Суд. Гражд., съ тѣмъ только, чтобы излагаемы были доказательства, безъ означенія коихъ прошенія должны быть

(¹) См. Сен. Вѣд. 1859 г. № 13. — (²) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 16. — (³) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 г. № 11.

возвращаемы. Въ случаѣ же несоблюденія прочихъ условій, необходимыхъ для полноты прошенія, именно: означенія цѣны иска, указанія мѣста жительства и имѣнія отвѣтчика, означенія имени сочинителя и переписчика просьбы, присутственныя мѣста, не возвращая такихъ прошеній, должны лишь требовать дополненія этихъ условій. Кромѣ того, всѣмъ жителямъ Закавказскаго края дозволено какъ прошенія, такъ и объясненія и отзывы по нимъ и всякаго рода бумаги, подлежащія судебному разсмотрѣнію, подавать и на простой бумагѣ вмѣсто гербовой, но со взысканіемъ за нее, равно какъ и за употребленіе гербовой ненадлежащаго достоинства, слѣдующихъ за надлежащую гербовую бумагу денегъ въ двойномъ размѣрѣ ([1]).

6) Положеніемъ Сибирскаго Комитета 1 ноября 1858 г. разрѣшено въ Сибири лица, подписавшіяся свидѣтелями на домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, если они имѣютъ пребываніе на золотыхъ пріискахъ (по причинѣ отдаленности нѣкоторыхъ изъ такихъ мѣстностей отъ городовъ) допрашивать чрезъ горныхъ исправниковъ ([2]).

7) На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета гг. Министровъ (сообщеннаго Министромъ Юстиціи Сенату 25 марта) предоставлено Кіевскому Военному, Подольскому и Волынскому Генералъ-Губернатору Князю Васильчикову, по его ближайшему усмотрѣнію, всѣ состоящія въ Кіевѣ губернскія учрежденія вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, кромѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія и Комитета о тюрьмахъ, соединить въ одно Общее Губернское Управленіе относительно дѣлопроизводства ихъ канцелярій, съ тѣмъ, чтобы означенныя учрежденія, по своей цѣли, степени и объему ихъ власти и обязанности, сохранили существующія объ нихъ постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено ему: *освободить Кіевское Губернское Правленіе отъ разсмотрѣнія судебныхъ и другихъ дѣлъ*, кромѣ дѣлъ о корчемствѣ; *соединить*, по его усмотрѣнію, въ Кіевской губерніи *Магистраты съ Уѣздными Судами*, а Уѣзднымъ Судамъ разрѣшить совершеніе крѣпостныхъ актовъ на сумму до 600 рублей ([3]).

Сдѣланный нами въ этихъ 7 пунктахъ перечень узаконеній приводитъ очевидно къ слѣдующимъ выводамъ: не иное что какъ сознан-

([1]) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 года № 3.—([2]) См. Сенатск. Вѣдом. 1858 года № 6.—([3]) См. Сенатск. Вѣдом. 1859 года № 29.

ное въ практикѣ превосходство, которое даетъ наука спеціалистамъ по извѣстной части, послужило основаніемъ съ одной стороны къ утвержденію этой истины путемъ законодательства въ отношеніи къ лицамъ, получающимъ высшія военныя медицинскія должности, а съ другой стороны—къ принятымъ въ слѣдствіе этого мѣрамъ къ развитію ученаго образованія въ медикахъ, столь важнаго, по значенію этихъ послѣднихъ, и для всѣхъ другихъ членовъ общества. Право, дарованное Евреямъ-купцамъ и иностраннымъ подданнымъ переходить въ сословіе купцовъ 1-й гильдіи Имперіи и съ тѣмъ вмѣстѣ переселяться за черту ихъ постоянной осѣдлости, не есть ли шагъ къ признанію за лицами, принадлежащими къ этой націи, тѣхъ правъ, какія давно уже предоставляются подданнымъ другихъ государствъ и которыхъ Евреи такъ настойчиво добиваются на западѣ Европы подъ вліяніемъ начала общей справедливости?—Примѣненіе правъ, дарованныхъ дворянству, къ лицамъ городскихъ сословій, относительно преданія суду служащихъ по выборамъ; разрѣшеніе купеческимъ и мѣщанскимъ обществамъ постановлять самимъ приговоры о расточителяхъ имѣній, и наконецъ сліяніе разныхъ сословій въ общемъ для нихъ интересѣ по избранію нотаріусовъ и маклеровъ въ С.-Петербургѣ,—всѣ эти указанія, вытекающія прямо изъ постановленій, собранныхъ нами подъ пунктомъ 3, многознаменательны какъ доказательства, что привилегіи отдѣльныхъ сословій, вмѣстѣ съ установленіемъ въ обществѣ тѣхъ здравыхъ понятій, которыя служатъ признакомъ его успѣшнаго развитія, не могутъ не подчиниться идеѣ о правѣ всякаго вообще сословія на законныя привилегіи другихъ сословій и что въ дѣлахъ, равно близкихъ всѣмъ классамъ въ государствѣ, они должны идти объ руку, ставя общественное благо, общественную пользу выше своихъ частныхъ интересовъ.—Ослабленіе строгихъ формальныхъ условій для принятія прошеній въ Закавказскомъ краѣ въ связи съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о обязательной силѣ актовъ, составленныхъ съ нарушеніемъ правилъ о гербовой бумагѣ, весьма важно какъ выраженіе того понятія, что фискальное начало, имѣющее свое полное основаніе, хотя и должно быть охраняемо для своей дѣйствительности, тѣмъ не менѣе стоитъ ниже общаго начала справедливости, которое требуетъ, чтобы всякій актъ, не подлежащій спору, имѣлъ самъ по себѣ юридическую силу.—Положе-

ніе Сибирскаго Комитета о допросѣ свидѣтелей по духовнымъ завѣщаніямъ, по причинѣ ихъ отдаленности, въ мѣстѣ ихъ пребыванія—имѣетъ значеніе по своей связи съ осуществленіемъ мысли, занимающей Правительство, о томъ, чтобы суды и расправы приблизить къ тѣмъ лицамъ, которымъ оставленіе ихъ мѣста жительства и занятій на болѣе или менѣе продолжительный срокъ не можетъ не приносить существеннаго ущерба.—Наконецъ, преобразованія, предоставленныя Князю Васильчикову въ разныхъ мѣстахъ его вѣдомства не составляютъ ли первый опытъ улучшеній, ожидающихъ нѣкоторыя части нашей администраціи и судопроизводства, осуществленіе коихъ, какъ извѣстно, предпринято свыше?

И такъ начала, выработанныя наукой послѣ долгой и трудной борьбы, начала общей справедливости, общаго блага и признаніе самой науки, какъ главнаго рычага и въ практической дѣятельности, легли въ основу всѣхъ этихъ узаконеній, и вотъ ихъ тѣсная неразрывная между собою связь, и вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное указаніе для тѣхъ, кто посвящаетъ себя серьозному изученію права или другой отрасли знанія, какъ науки, что труды ихъ въ настоящее время и у насъ не только могутъ быть оцѣнены по достоинству, но уже приносятъ свои плоды въ практическихъ результатахъ, которые все болѣе и болѣе начинаютъ къ нимъ обращаться, и все болѣе и болѣе черпать изъ этого вѣчно свѣжаго, здороваго источника.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О дополненіи законовъ относительно прекращенія дѣйствія довѣренностей.

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, о дополненіи законовъ относительно прекращенія дѣйствія довѣренностей, *мнѣніемъ положилъ:* въ измѣненіе и дополненіе статей 2330—2334 Зак. Гражд. (Св. Зак. Т. X-го част. 1-й изд. 1857 года) постановить: I. Дѣйствіе довѣренности прекращается: 1) Окончательнымъ исполненіемъ порученія, возложеннаго оною на повѣреннаго. 2) Истеченіемъ срока, на который она дана. 3) Уничтоженіемъ довѣренности по распоряженію довѣрителя. 4) Объявленіемъ повѣреннаго о желаніи сложить съ себя принятую имъ по довѣренности обязанность. 5) Смертію довѣрителя или повѣреннаго, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію тому или другому присвоенныхъ, или же признаніемъ одного изъ нихъ безумнымъ, сумасшедшимъ, несостоятельнымъ, или пропавшимъ безъ вѣсти. II. Прошеніе объ уничтоженіи довѣренности подается: 1) Въ то судебное мѣсто, гдѣ должны быть совершены дѣйствія повѣреннаго, если довѣренность дана на совершеніе какихъ либо дѣйствій въ опредѣленномъ судебномъ мѣстѣ. 2) Въ Уѣздный Судъ или Гражданскую Палату по усмотрѣнію довѣрителя, если довѣренность дана на совершеніе какихъ либо дѣйствій вообще безъ ограниченія ихъ опредѣленнымъ судебнымъ мѣстомъ. При таковой просьбѣ довѣритель обязанъ представить слѣдующія на учиненіе публикаціи объ уничтоженіи довѣренности деньги. III. Въ первомъ случаѣ, судебное мѣсто дѣлаетъ постановленіе объ уничтоженіи довѣренности, во второмъ—дѣлается публикація объ уничтоженіи довѣренности. Въ обоихъ случаяхъ судебное мѣсто сообщаетъ объ уничтоженіи довѣренности, для надлежащей отмѣтки, въ то судебное мѣсто, гдѣ довѣренность совершена. Если дѣйствіе довѣренности ограничивалось одною опредѣленною губерніею, то объ уничтоженіи оной публикуется въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ той губерніи; когда жъ дѣйствіе оной не ограничено никакою мѣстностію, то въ Сенатскихъ объявленіяхъ и вѣдомостяхъ С.-Петербургскихъ Академическихъ и Московскихъ Университетскихъ. Сіи публикаціи повторяются три раза. IV. Довѣритель имѣетъ право требовать, чтобы повѣренный возвратилъ

данную ему довѣренность, и въ случаѣ какого либо въ томъ замедленія со стороны сего послѣдняго, просить содѣйствія Земской или Городской Полиціи, или Губернскаго Правленія о понужденіи его къ сему. Губернское Правленіе, въ случаѣ отсутствія повѣреннаго, дѣлаетъ повсемѣстную публикацію о обязанности его возвратить довѣренность. Независимо отъ сего, довѣритель можетъ заявить непосредственно отъ себя объ уничтоженіи довѣренности во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣренный его можетъ за него дѣйствовать. Присутственное мѣсто, въ которое будетъ представлена довѣренность, объ уничтоженіи коей сдѣлана публикація, обязано не только оставить ее безъ дѣйствія, но препроводить оную въ то мѣсто, которое публиковало объ ея уничтоженіи, для возвращенія довѣрителю.—V. Повѣренный можетъ сложить съ себя принятую имъ по довѣренности обязанность, но при семъ онъ долженъ увѣдомить о своемъ намѣреніи довѣрителя, съ возвращеніемъ подлинной довѣренности, и объявить тому присутственному мѣсту, въ коемъ онъ по довѣренности дѣйствовалъ, указавъ и мѣсто жительства довѣрителя.—VI. Акты, совершенные повѣреннымъ, и другія его по довѣренности дѣйствія, до полученія имъ извѣстія о прекращеніи силы ея, или же полученія публикаціи объ уничтоженіи довѣренности въ мѣстѣ пребыванія повѣреннаго признаются законными. Всѣ заключенныя послѣ полученія сей публикаціи сдѣлки признаются недѣйствительными; если же будетъ доказано, что объ уничтоженіи довѣренности было уже извѣстно лицамъ, заключившимъ такую сдѣлку, то виновные наказываются по законамъ о подлогахъ; и VII. Безсрочная довѣренность не теряетъ силы своей и по истеченіи земской давности, если она не уничтожена довѣрителемъ. Сверхъ того къ ст. 2329-й присовокупить слѣдующія слова: «но съ тѣмъ вмѣстѣ на самой довѣренности означается: когда, кому и на какой предметъ совершена повѣреннымъ передача оной». На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о дополненіи законовъ, относительно прекращенія дѣйствія довѣренностей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ*. 22 декабря 1858 г.

II.

О силѣ обязательствъ, писанныхъ на простой бумагѣ или на гербовой, но ненадлежащаго достоинства бумагѣ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, о силѣ обязательствъ, писанныхъ на простой бумагѣ или на гербовой, но не над-

лежащаго достоинства бумагѣ, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) обязательства, договоры и всякаго рода акты, какъ домашніе, такъ и явочные, или же крѣпостнымъ порядкомъ совершаемые, писанные, вопреки установленнымъ объ употребленіи гербовой бумаги правиламъ, на простой или ненадлежащаго достоинства гербовой бумагѣ не признаются, по сей одной причинѣ, недѣйствительными. 2) Тѣ изъ сихъ актовъ, кои совершены явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, подлежатъ полному удовлетворенію наравнѣ съ актами, совершенными съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ о гербовой бумагѣ правилъ; но присутствующіе и секретари, надсмотрщики, писцы крѣпостныхъ дѣлъ, нотаріусы и маклеры, допустившіе нарушеніе сихъ правилъ, подвергаются установленному за сіе въ статьяхъ 634 и 635 Улож. о Наказ. (Св. Зак. Т. XV изд. 1857 г.) взысканію. 3) Всѣ прочіе изъ упомянутыхъ въ ст. 1-й актовъ хотя и подлежатъ равнымъ образомъ удовлетворенію, когда не опровергается дѣйствительность подписи должника и вообще не будетъ предъявлено противъ самаго содержанія акта никакого спора; но проценты съ такихъ обязательствъ считаются только съ того времени, когда они предъявлены будутъ ко взысканію, и заимодавцы лишаются процентовъ, постановленныхъ за неустойку, а при конкурсѣ получаютъ удовлетвореніе только изъ того имѣнія, которое останется послѣ полнаго удовлетворенія всѣхъ обязательствъ, законнымъ образомъ совершенныхъ. Независимо отъ сего какъ выдавшій обязательство съ нарушеніемъ установленныхъ объ употребленіи гербовой бумаги правилъ, такъ и принявшій оное подвергаются, когда такое нарушеніе откроется, денежному взысканію: за употребленіе, вмѣсто гербовой, простой бумаги втрое противъ цѣны той бумаги, которую слѣдовало употреблять, а за употребленіе гербовой ненадлежащаго достоинства бумаги втрое противъ разности между цѣною сей бумаги съ тою, которую употребить слѣдовало. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о силѣ обязательствъ, писанныхъ на простой бумагѣ или на гербовой, но ненадлежащаго достоинства бумагѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ*. 22 декабря 1858 года.

III.

Объ ограниченіи размѣра ссудъ изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ незаселенныя земли.

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Экономіи и Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ ограниченіи размѣра ссудъ изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ не-

заселенныя имѣнія, *мнѣніемъ положилъ:* 1) Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: «Ссуды изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ залогъ удобныхъ и нечрезполосныхъ земель, въ губерніяхъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ, производить, по существующимъ нынѣ правиламъ, хотя въ размѣрѣ не свыше половины той суммы, въ которую имѣніе оцѣнено, но во всякомъ случаѣ въ количествѣ не болѣе 30 тысячъ рублей сереб. подъ залогъ каждаго имѣнія порознь. За тѣмъ заемщикамъ, коихъ земли превышаютъ стоимостію болѣе, чѣмъ вдвое означенную сумму, предоставить размежевывать закладываемыя земли на отдѣльные участки для полученія подъ каждый изъ нихъ особой ссуды.» 2) Мѣстнымъ губернскимъ начальствамъ предоставить наблюсти за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ данныхъ нѣкоторыми заемщиками добровольныхъ записокъ въ томъ, что въ теченіи года они раздѣлятъ залоги на такіе участки, чтобы ни подъ одинъ изъ нихъ не причиталось ссуды болѣе 30 тысячъ рублей и чтобы каждый участокъ удобно могъ быть впредь закладываемъ и, въ случаѣ надобности, поступать въ продажу отдѣльно. На семъ мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта объ ограниченіи размѣра ссудъ изъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія подъ незаселенныя земли Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ.* 29 декабря 1858 года.

IV.

Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ.

Указомъ 20 іюля 1857 года признали Мы полезнымъ уменьшить проценты на вносимые въ банковыя установленія вклады, дабы дать празднымъ капиталамъ направленіе, соотвѣтственное пользамъ государства.

Цѣль эта достигнута, промышленность оживилась и значительные капиталы, остававшіеся безъ дѣйствія въ Банкахъ, поступили въ оборотъ на разныя предпріятія.

Между тѣмъ доходы вкладчиковъ, которые не пожелали требовать капиталовъ своихъ изъ кредитныхъ установленій, уменьшились четвертою частью, чѣмъ многіе поставлены въ затруднительное положеніе.

Желая предоставить банковымъ вкладчикамъ возможность болѣе выгоднаго и столь же вѣрнаго помѣщенія капиталовъ, Мы утвердили разсмотрѣнное установленнымъ порядкомъ представленіе Министра Финансовъ о выпускѣ четырехъ - процентныхъ государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ, по назначенной Нами формѣ. Образцы сихъ билетовъ Министерство Финансовъ представитъ въ Правительствующій Сенатъ, для опубликованія.

На семъ основаніи всѣмъ желающимъ обезпечить себя полученіемъ на капиталъ свой дохода по четыре со ста въ годъ, разрѣшается пріобрѣтать означенные билеты, какъ на наличныя деньги, такъ и на билеты государственныхъ кредитныхъ установленій.

Утвердивъ составленныя Министерствомъ Финансовъ правила о государственныхъ четырехъ-процентныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ и препровождая правила сіи въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ сдѣлать распоряженіе къ приведенію оныхъ въ исполненіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ,
13-го Марта 1859 года.

Высочайше утвержденныя правила о государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ.

ГЛАВА I.

Достоинство билетовъ.

§ 1. Достоинство государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ опредѣляется въ 250, 500, 1000, 5000, 10000 и 100,000 руб.; они приносятъ непрерывнаго дохода по четыре на сто въ годъ.

§ 2. Билеты сіи изготовляются по особой Высочайше утвержденной формѣ.

§ 3. Означенные билеты, по желанію пріобрѣтателя, выдаются на имя лица, или мѣста, или же безъ означенія оныхъ, т. е. на предъявителя.

§ 4. Въ пріобрѣтеніи государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ могутъ участвовать какъ Россійскіе подданные, такъ и иностранцы. Казенныя мѣста требованія свои по сему предмету предъявляютъ Министру Финансовъ.

Подписка на полученіе билетовъ.

§ 5. Подписка на государственные непрерывно-доходные билеты открывается въ Банкахъ: Заемномъ и Коммерческомъ и его Конторахъ, а также въ Сохранныхъ Казнахъ и Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, съ предоставленіемъ Министру Финансовъ допустить, въ послѣдствіи, подписку и въ нѣкоторыхъ Уѣздныхъ Казначействахъ.

§ 6. Въ уплату, при подпискѣ, могутъ быть вносимы какъ наличныя деньги, такъ и билеты Кредитныхъ Установленій. Посему вышеозначенныя Кредитныя Учрежденія принимаютъ, для обмѣна на государственные непрерывно-доходные билеты, какъ непосредственно отъ предъявителей, такъ и высылаемые имъ по почтѣ собственные, выданные ими билеты на капиталы, въ нихъ обращающіеся, съ присоединеніемъ и процентовъ, начисляя сіи послѣдніе и въ такомъ случаѣ, когда капиталъ обращался въ

кредитномъ установлепіи менѣе шести мѣсяцевъ. Излишнія по банковымъ билетамъ деньги могутъ, буде не потребуются вкладчикомъ, оставаться по прежнему въ обращеніи кредитнаго установленія, съ выдачею на нихъ новыхъ билетовъ. Билеты Кредитныхъ Установленій на капиталы, которые, до изданія Высочайше утвержденныхъ 20 іюля 1857 года правилъ о вкладахъ и ссудахъ въ Банковыхъ Установленіяхъ, внесены на вѣчное время, или съ условіемъ возврата на опредѣленный срокъ, могутъ также быть обращаемы въ государственные непрерывно-доходные билеты, на всякія суммы, въ банковыхъ билетахъ заключающіяся, въ рубляхъ, безъ копѣекъ, съ соблюденіемъ правила, ниже сего постановленнаго въ § 15-мъ.

§ 7. Срокъ подписки на государственные непрерывно-доходные билеты опредѣляется шестимѣсячный, считая со дня состоянія Высочайшаго о томъ указа, съ предоставленіемъ Министру Финансовъ въ послѣдствіи продлить сей срокъ, по его усмотрѣнію.

Свидѣтельства для полученія билетовъ.

§ 8. Подписавшіеся на полученіе помянутыхъ билетовъ снабжаются свидѣтельствомъ, на которомъ отмѣчается годъ, мѣсяцъ, число выдачи, нумеръ, Кредитное Учрежденіе, выдавшее свидѣтельство, сумма вноса, количество и достоинство билетовъ, а если билетъ требуется именной, то выставляется имя вкладчика, или мѣста, или же того, на чье имя билетъ долженъ быть написанъ.

§ 9. Поступившіе по свидѣтельствамъ капиталы въ наличныхъ деньгахъ и въ банковыхъ билетахъ Государственная Коммисія Погашенія Долговъ вноситъ въ Государственную долговую книгу.

§ 10. По окончаніи срока подписки, т. е. не ранѣе 1 октября сего года, вкладчики предъявляютъ выданныя имъ свидѣтельства въ томъ мѣстѣ, гдѣ подписались, и получаютъ, въ замѣнъ ихъ, государственные непрерывно-доходные билеты.

Непрерывный доходъ по билетамъ и проценты по свидѣтельствамъ.

§ 11. Непрерывный доходъ по означеннымъ билетамъ уплачивается предъявителю билета въ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ и въ Уѣздныхъ Казначействахъ всѣхъ губернскихъ городовъ ежегодно, въ два срока, съ 1 Мая по 1 Іюня и съ 1 Ноября по 1 Декабря. Для означенія, что доходы по билету выданы, прикладывается на билетѣ, при каждомъ платежѣ, штемпель.

§ 12. Для полученія процентовъ на внесенный по свидѣтельствамъ капиталъ, таковыя свидѣтельства, прежде предъявленія для обмѣна на непрерывно-доходный билетъ, и не ранѣе однако же, какъ по наступленіи одного изъ означенныхъ двухъ сроковъ, предъявляются въ Уѣздныхъ Казначействахъ всѣхъ губернскихъ городовъ, которыми проценты вы-

даются предъявителю со дня выдачи свидѣтельства по день срока, считая по одной копѣйкѣ на 100 рублей за каждый день мѣсяца. Выданная сумма отмѣчается прописью на оборотѣ свидѣтельства, съ приложеніемъ черной печати. За тѣмъ теченіе процентовъ по непрерывно-доходнымъ билетамъ начинается съ того срока, по который уплачены проценты по свидѣтельству.

§ 13. Непрерывный доходъ по означеннымъ билетамъ производится и въ мирное и въ военное время, безъ всякаго различія, къ дружественной, или непріязненной націи принадлежитъ владѣлецъ билета. Коммисія, бывъ обязана наблюдать съ ненарушимою точностію постановленные сроки для платежей, ни въ какомъ случаѣ не платитъ процентовъ на проценты.

Передача билетовъ.

§ 14. Владѣлецъ Государственнаго непрерывно-доходнаго именнаго билета можетъ передать оный другому лицу, по уступочной надписи. Для сего онъ пишетъ на оборотѣ билета: уступаю такому-то, годъ, мѣсяцъ, число, и подписывается. Таковая уступочная надпись для лицъ, жительствующихъ въ Россіи, свидѣтельствуется въ Палатахъ Гражданскаго Суда, или въ Уѣздныхъ Судахъ, или же у городовыхъ Маклеровъ, а для пребывающихъ за границею удостовѣряется Россійскими Консулами. Если владѣлецъ билета, или его повѣренный, не извѣстны мѣсту, или лицу, удостовѣряющему передачу билета, то предъявляютъ свидѣтельства о своей личности, которыя выдаются для лицъ, состоящихъ въ службѣ,— отъ Начальства ихъ, неслужащимъ же—отъ Городской и Земской Полиціи.

§ 15. На капиталы, внесенные въ Кредитныя Установленія на вѣчное время, или съ условіемъ возврата на опредѣленный срокъ, выдаются «Государственные непрерывно-доходные билеты, безъ права передачи по уступочной надписи,» дабы преждевременно не нарушить условія вкладчика. Передача же сихъ билетовъ производится не иначе, какъ посредствомъ трансферта или перевода самаго капитала по Государственной долговой книгѣ, согласно тѣмъ условіямъ, съ которыми вкладъ внесенъ въ Кредитное Установленіе.

§ 16. Капиталы по именнымъ непрерывно-доходнымъ билетамъ могутъ быть передаваемы по трансферту или переводомъ по Государственной долговой книгѣ, отъ одного лица другому, всею суммою, или по частямъ, съ тѣмъ однако же, чтобы капиталы не были раздробляемы на части менѣе суммъ, опредѣляемыхъ нарицательнымъ достоинствомъ непрерывно-доходныхъ билетовъ.

§ 17. Для сего владѣлецъ именнаго непрерывно-доходнаго билета представляетъ въ Коммисію Погашенія Долговъ таковой билетъ, для трансферта, при письменномъ объявленіи (прилож. № 1) о томъ, что онъ весь, или часть капитала, внесеннаго на его имя въ Государственную

долговую книгу, передаетъ такому-то. Если вкладчикъ подачу таковаго объявленія съ билетомъ и полученіе новаго билета поручитъ кому либо другому, то онъ о семъ долженъ объяснить въ самомъ объявленіи.

§ 18. Въ случаѣ пребыванія владѣльца непрерывно-доходнаго билета внѣ столицы, или за границею, означенное объявленіе свидѣтельствуется въ Гражданской Палатѣ той губерніи, или въ Уѣздномъ Судѣ того уѣзда, гдѣ онъ имѣетъ жительство, или въ Россійскомъ Посольствѣ, или же Консулами, пребывающими въ той странѣ, гдѣ вкладчикъ находится. Трансфертное объявленіе, съ приложеніемъ билета, можетъ быть прислано вкладчикомъ, или повѣреннымъ его по почтѣ, прямо въ Коммисію Погашенія Долговъ.

ГЛАВА II.

Порядокъ возобновленія утраченныхъ билетовъ.

§ 19. Въ случаѣ утраты именнаго билета, выдается вкладчику новый билетъ изъ Коммисіи Погашенія Долговъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для билетовъ Коммисіи. Для сего владѣлецъ билета, утраченнаго въ предѣлахъ Россіи, подаетъ о томъ объявленіе въ Коммисію Погашенія Долговъ, къ которому должно быть приложено удостовѣреніе въ личности просителя и о мѣстѣ его жительства. Объ утраченномъ въ чужихъ краяхъ билетѣ объявляется мѣстному начальству, свидѣтельство коего о семъ владѣлецъ отсылаетъ въ Коммисію Погашенія Долговъ. Въ объявленіи, поданномъ въ Коммисію о потерѣ билета, владѣлецъ онаго обязанъ обозначить, если помнитъ, и нумеръ билета.

§ 20. Коммисія налагаетъ на билетъ запрещеніе и объявляетъ объ утратѣ онаго въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ вѣдомостяхъ той губерніи, гдѣ потерянъ билетъ, а если билетъ утраченъ за границею,—въ одной изъ газетъ того государства, гдѣ сдѣлалась пропажа. Издержки на публикацію падаютъ на счетъ утратившаго билетъ.

§ 21. Если въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ со времени объявленія въ вѣдомостяхъ никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія объ утраченномъ непрерывно-доходномъ билетѣ доставлено не будетъ, то билетъ считается уничтоженнымъ, и на мѣсто его выдается другой.

§ 22. Еслибы утраченный именный билетъ, съ передаточною надписью, былъ представленъ въ Коммисію Погашенія Долговъ прежде полученія ею увѣдомленія объ утратѣ билета, и въ слѣдствіе того былъ учиненъ трансфертъ по Государственной долговой книгѣ, то трансфертъ сей остается дѣйствительнымъ и Коммисія не выдаетъ новаго билета утратившему, но онъ имѣетъ право требовать отъ Коммисіи свидѣтельства объ учиненномъ трансфертѣ, для предъявленія онаго въ судебномъ мѣстѣ, и начать искъ съ новымъ пріобрѣтателемъ его капитала.

§ 23. Если именный непрерывно-доходный билетъ, послѣ объявленія объ утратѣ онаго, будетъ представленъ въ Коммисію Погашенія Долговъ,

то оный удерживается, а представившему выдается квитанція. Если же билетъ представленъ будетъ за границею Россійскому Консулу, то сей послѣдній препровождаетъ оный въ Коммисію Погашенія Долговъ. Получившій квитанцію можетъ вѣдаться съ объявившимъ объ утратѣ билета формою суда; новый же билетъ выдается сему послѣднему, если въ теченіе 18 мѣсяцевъ со дня публикаціи не будетъ извѣщена Коммисія о томъ, что объ утраченномъ билетѣ начатъ споръ установленнымъ порядкомъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ новый билетъ выдается тому, кому оный присужденъ.

§ 24. Утраченные непрерывно-доходные билеты, о которыхъ отъ Коммисіи Погашенія Долговъ объявлено было въ вѣдомостяхъ, хотя бы отысканы были и самимъ тѣмъ, кому оные принадлежатъ, должны быть непремѣнно отсылаемы въ Коммисію, для уничтоженія ихъ и замѣна новыми, дабы тѣ нумера, объ утратѣ которыхъ было уже публиковано, не могли никогда вновь появиться въ обращеніи.

Посему, и въ случаѣ предъявленія въ Казначейство, для полученія непрерывнаго дохода, билета, объявленнаго утраченнымъ, Казначейство, не выдавая дохода, самый билетъ задерживаетъ и отсылаетъ въ Коммисію.

§ 25. Объявленія объ утраченныхъ безъименныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ не допускаются, но утратившій таковой билетъ можетъ отыскивать свою собственность посредствомъ полицейскихъ, или судебныхъ мѣръ; если же таковой билетъ истребленъ будетъ пожаромъ, наводненіемъ, кораблекрушеніемъ, или другимъ гибельнымъ случаемъ, то, по представленіи о томъ ясныхъ доказательствъ, Коммисія, по учиненіи надлежащей публикаціи объ истребленіи билета и по прошествіи постановленнаго § 21 срока, выдаетъ новый билетъ.

ГЛАВА III.

Преимущества государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ.

§ 26. Общее запрещеніе на имѣніе не распространяется на капиталъ, заключающійся въ Государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ. Запрещеніе на сей капиталъ можетъ быть допущено тогда только, когда владѣлецъ предъявитъ оный въ залогъ по подрядамъ и другимъ сдѣлкамъ съ казною, или въ обезпеченіе иска, или предоставитъ на удовлетвореніе своихъ кредиторовъ, или наконецъ при спорѣ между наслѣдниками о правахъ каждаго на оный. Въ сихъ случаяхъ помянутый капиталъ подлежитъ общимъ законамъ о залогахъ, о взысканіяхъ и раздѣлѣ наслѣдства.

§ 27. Въ случаѣ смерти иностранца, владѣющаго непрерывно-доходнымъ билетомъ, капиталъ по сему билету и доходъ съ онаго поступаютъ

къ его наслѣдникамъ, по порядку и правамъ наслѣдія того государства, къ которому владѣлецъ принадлежалъ.

§ 28. Капиталы по Государственнымъ непрерывно-доходнымъ билетамъ, при переходѣ ихъ, по смерти вкладчика, въ другія руки по духовному завѣщанію, не подлежатъ платежу крѣпостныхъ пошлинъ. Равнымъ образомъ капиталы сіи освобождаются отъ крѣпостныхъ и актовыхъ пошлинъ при засвидѣтельствованіи передачь билетовъ отъ одного лица другому.

§ 29. Владѣльцамъ непрерывно-доходныхъ билетовъ предоставляется право переписывать въ одинъ билетъ капиталъ, заключающійся въ нѣсколькихъ билетахъ, на имя одного, или нѣсколькихъ лицъ, напр. супруговъ, цѣлыхъ семействъ и разныхъ обществъ. Также предоставляется имъ право дѣлать распоряженія, на случай смерти, о назначеніи капитала, или выдачи непрерывнаго дохода, какъ наслѣдникамъ, такъ и другимъ лицамъ, или назначать выдачу дохода по истеченіи извѣстнаго времени; о чемъ объявляется въ Коммисіи Погашенія Долговъ.

§ 30. Кураторамъ конкурсной массы предоставляется право требовать перевода на свое имя капиталовъ по непрерывно-доходнымъ билетамъ, впредь до законнаго опредѣленія о раздѣлѣ сего капитала между кредиторами.

§ 31. Государственные непрерывно-доходные билеты принимаются въ залогъ казенными мѣстами по нарицательной цѣнѣ, т. е. рубль за рубль; между частными же людьми—по взаимному соглашенію. Присутственнымъ мѣстамъ поставляется въ обязанность, при пріемѣ въ залогъ непрерывно-доходныхъ билетовъ, въ тоже время требовать отъ владѣльцевъ оныхъ объявленіе на имя Коммисіи Погашенія Долговъ (прилож. № 2) и оное доставлять прямо отъ себя, при извѣщеніи о принятыхъ въ залогъ билетахъ (прилож. № 3), для наложенія на оные запрещенія.

§ 32. Равномѣрно непрерывно-доходные билеты допускаются къ учету въ Коммерческомъ Банкѣ и его Конторахъ въ томъ размѣрѣ, который установленъ для 4% билетовъ Коммисіи Погашенія Долговъ.

§ 33. Если взысканіе падаетъ на капиталъ, заключающійся въ непрерывно-доходномъ билетѣ, представленномъ въ залогъ, или въ обезпеченіе иска, то билетъ доставляется въ Коммисію Погашенія Долговъ, для продажи по биржевой цѣнѣ. Если выручено будетъ что либо сверхъ той суммы, которая билетомъ была обезпечена, то излишекъ возвращается тому, кому капиталъ принадлежалъ.

§ 34. Освобожденіе изъ подъ залога капитала, заключающагося въ непрерывно-доходномъ билетѣ, совершается возвращеніемъ онаго залогодателю и извѣщеніемъ о томъ Коммисіи Погашенія Долговъ, для снятія запрещенія (прилож. № 4).

§ 35. Владѣльцамъ билетовъ на предъявителя (безъименныхъ) предо-

ставляется право, во всякое время, предъявлять свои билеты Коммисіи Погашенія Долговъ, для перемѣны на именные.

§ 36. За поддѣлку Государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за поддѣлку другихъ Государственныхъ бумагъ.

§ 37. По истеченіи двадцати лѣтъ со дня утвержденія настоящихъ правилъ, Правительство объявитъ способъ и порядокъ выкупа билетовъ.

§ 38. Могущія встрѣтиться недоумѣнія, при исполненіи сихъ правилъ, разрѣшаются Министромъ Финансовъ.

Подписалъ: Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*

Формы объявленій и извѣщеній по государственнымъ непрерывно-доходнымъ билетамъ.

№ 1 (къ § 17).

Въ Государственную Коммисію Погашенія Долговъ.

Прилагая при семъ непрерывно-доходный билетъ (или столько-то билетовъ подъ №№ 00 на капиталъ 000 р., записанный на мое имя, или такого-то, переданный мнѣ по уступочной надписи на билетѣ, или же на основаніи приложенной при семъ довѣренности), прошу капиталъ сей перевести по Государственной долговой книгѣ, съ выдачею билета на имя *такого-то* въ 0000 р. *Если владѣтель билета дѣйствуетъ чрезъ другое лице, то заключаетъ такъ:* объявленіе сіе подать, трансфертъ учинить и новые билеты вѣрю получить *(такому-то).*

Подпись объявителя.

Засвидѣтельствованіе подписи.

Подпись свидѣтельствующихъ.

Подписалъ: Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*

№ 2 (къ § 31).

Представя въ залогъ *туда-то* по контракту, заключенному на поставку *такую-то* со мною, или съ NN (или же въ обезпеченіе иска, въ такомъ-то мѣстѣ производящагося) государственные непрерывно-доходные билеты за №№ 00 на капиталъ 000 р., симъ извѣщаю о томъ Коммисію Погашенія Долговъ.

Подпись.

Подписалъ: Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*

№ 3 (къ § 31).

Казенная Палата (или такое-то присутственное мѣсто) извѣщаетъ Коммисію Погашенія Долговъ, что NN, по *такому-то* подряду или контракту съ нимъ (или съ другимъ кѣмъ заключенному, или же въ обезпеченіе иска, въ такомъ-то судѣ производящагося), представилъ въ залогъ госу-

дарственные непрерывно доходные билеты на капиталъ 000 р. за №* 00. При семъ прилагается и подлинное объявленіе владѣльца билета.

Подпись.

Подписалъ: Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*

№ 4 (къ § 34).

«*Такой-то, или такое-то мѣсто* извѣщаетъ Коммисію Погашенія Долговъ, что представленные въ залогъ, или въ обезпеченіе иска *такимъ-то* государственные непрерывно-доходные билеты за №№ 00 на капиталъ 000 р. отъ залога освобождены и ему возвращены».

Подпись.

Подписалъ: Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*

V.

Указъ Правительствующаго Сената объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій для составленія проекта Общаго положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Господина Министра Юстиціи, Статсъ-Секретаря, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера, Графа Виктора Никитича Панина, отъ 27-го сего марта за № 5817, въ которомъ изъяснено: Вслѣдствіе изъявленнаго дворянствомъ желанія улучшить и упрочить бытъ своихъ крѣпостныхъ людей, Высочайшими Его Императорскаго Величества рескриптами повелѣно: въ губерніяхъ, гдѣ находятся крѣпостные люди, учредить особые, изъ среды дворянъ, Комитеты для составленія проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы составленные Комитетами проекты были препровождены къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія на Высочайшее усмотрѣніе. Въ послѣдствіи Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ: 1) предоставить Губернскимъ Комитетамъ, по составленіи въ каждомъ Комитетѣ проекта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему Правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ разсмотрѣніи каждаго проекта, и 2) для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ проектовъ, образовать, при состоящемъ въ непосредственномъ Высочайшемъ вѣдѣніи и подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, особую Коммисію изъ Членовъ сего Комитета: Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ: Ланскаго и Графа Панина, Генерала отъ Инфантеріи Муравьева и Генералъ-Адъютанта Ростовцова. Нынѣ нѣкоторые, изъ Губерн-

скихъ Комитетовъ кончили свои занятія, и составленные ими проекты внесены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ учрежденную при Главномъ Комитетѣ Коммисію. Государь Императоръ, въ постоянной заботливости объ успѣшномъ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу, изволилъ принять во вниманіе, что поступающіе изъ Губернскихъ Комитетовъ проекты требуютъ подробнаго, тщательнаго разбора и сличенія между собою, дабы, по совокупномъ обсужденіи всѣхъ заключающихся въ нихъ предположеній, составить, на основаніи Высочайше указанныхъ началъ, проектъ общаго положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ надлежащимъ примѣненіемъ сего общаго положенія къ особымъ условіямъ разнообразныхъ мѣстностей Имперіи. По важности, обширности и разнородности предметовъ сего труда, Его Императорское Величество изволилъ признать необходимымъ возложить исполненіе онаго на особыя Редакціонныя Коммисіи, составивъ ихъ изъ чиновъ подлежащихъ вѣдомствъ и призвавъ къ участію въ работахъ Коммисій опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ разныхъ мѣстностей Россіи. Въ сихъ видахъ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ и для начертанія проектовъ: общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, учредить двѣ Редакціонныя Коммисіи. 2) Предсѣдателемъ и непосредственнымъ Начальникомъ обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій назначить Члена Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу Генералъ-Адъютанта Ростовцова. 3) Редакціонныя Коммисіи составить изъ Членовъ: а) избранныхъ, съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, изъ опытныхъ помѣщиковъ, и б) назначенныхъ отъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ и II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ обѣихъ Коммисіяхъ быть непремѣнными Членами: Управляющему дѣлами Коммисіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Жуковскому и состоящему при этой Коммисіи Коллежскому Совѣтнику Соловьеву; и 4) работы Редакціонныхъ Коммисій, по мѣрѣ окончанія оныхъ, вносить въ Коммисію, учрежденную при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, которая и представляетъ такія работы, съ своими заключеніями, въ Главный Комитетъ. При этомъ порядкѣ, возложенныя на Редакціонныя Коммисіи работы не могутъ быть ими кончены и представлены Главному Комитету по крестьянскому дѣлу прежде поступленія въ сіи Коммисіи и разсмотрѣнія въ оныхъ проектовъ всѣхъ вообще Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ, изъ коихъ нѣкоторые представятъ свои проекты не ранѣе конца нынѣшняго года. О всемъ вышеизложенномъ, сообщенномъ г. Министру Юстиціи Государственнымъ Секретаремъ отношеніемъ отъ 25-го сего марта, по Высочайшему Его Импера-

торскаго Величества повелѣнію, онъ, г. Министръ Юстиціи, предлагаетъ Правительствующему Сенату. Приказали: объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи всѣмъ Губернскимъ, Войсковымъ и Областнымъ Правленіямъ дать знать указами, каковыми увѣдомить гг. Министровъ, Военныхъ Генералъ-Губернаторовъ, Генералъ-Губернаторовъ, Военныхъ-Губернаторовъ, управляющихъ гражданскою частію, и Гражданскихъ Губернаторовъ; въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить вѣдѣнія, а въ Департаментъ Министерства Юстиціи копію съ опредѣленія, и припечатать въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ (По 1-му Департаменту).

(Подписалъ: *Исправляющій должность Оберъ-Секретаря Швахгеймъ).*

VI.

Положеніе о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ.

Положенія общія.

§ 1. Для доставленія государственнымъ крестьянамъ и лицамъ другихъ состояній, имѣющимъ въ казенныхъ селеніяхъ собственныя строенія, возможности, въ пожарныхъ случаяхъ, получать скорое и соотвѣтственное убыткамъ денежное вознагражденіе для постройки новыхъ жилищъ, учреждено, повсемѣстно въ казенныхъ селеніяхъ, взаимное застрахованіе строеній.

§ 2. Строенія принимаются къ застрахованію на основаніяхъ нижеизложенныхъ, со взносомъ за сіе ежегодно страховыхъ платежей. Сумма сихъ платежей и сумма вознагражденій, въ случаѣ истребленія пожаромъ строенія, опредѣляется въ прилагаемой у сего табели № 1.

§ 3. Общественныя зданія въ селеніяхъ, какъ-то: выстроенные на мірской счетъ дома для помѣщенія Волостныхъ и Сельскихъ Правленій, приходскія училища, хлѣбные запасные магазины и т. п. равномѣрно должны быть непремѣнно застрахованы въ размѣрѣ, на основаніи общей оцѣнки, тою же табелью опредѣленномъ.

Отдѣленіе 1-е.

О порядкѣ застрахованія строеній.

§ 4. Палаты Государственныхъ Имуществъ, по заготовленіи печатныхъ, по прилагаемой при семъ формѣ, № 2 й, бланковъ страховыхъ вѣдомостей, для вписыванія въ нихъ, подъ особыми нумерами, именъ домохозяевъ, суммы, въ которую оцѣнено и страхуется строеніе и суммы ежегодныхъ страховыхъ платежей, разсылаютъ въ Волостныя Правленія по 4-е таковыхъ бланка на каждое сельское общество, т. е. по два бланка для крестьянскихъ строеній и по два для строеній лицъ другихъ сословій.

Примѣчаніе. Расходы на заготовленіе бланковъ производятся изъ хозяйственнаго капитала и возмѣщаются, впослѣдствіи, изъ общихъ остатковъ отъ пожарнаго капитала.

§ 5. Волостные Головы, по полученіи бланковъ, отправляются, безъ потери времени, въ селенія, собираютъ домохозяевъ и въ присутствіи сельскаго старшины и добросовѣстныхъ Сельской Расправы прочитываютъ во всеуслышаніе крестьянамъ правила сего положенія, объясняютъ имъ пользу онаго и спрашиваютъ каждаго домохозяина, во сколько кто желаетъ обезпечить свое строеніе.

§ 6. Каждый домохозяинъ, участвуя по правиламъ сего положенія, во взаимномъ застрахованіи, обязанъ застраховать свой домъ каменный не менѣе какъ въ 24 р., со взносомъ преміи 12 коп., и деревянный не менѣе какъ въ 15 р., со взносомъ преміи 15 коп., но всякому предоставляется на волю страховать свое строеніе и выше 15 и 24 р., и именно: по губерніямъ: Владимірской, Казанской, Калужской, Курской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, С.-Петербургской, Саратовской, Тамбовской и Тульской, деревянныя до 125 р., а каменныя до 200 р., а въ остальныхъ губерніяхъ деревянныя до 250 р., а каменныя до 400 р., сообразно съ расчетомъ, въ табели подъ № 1-мъ опредѣленнымъ. Впрочемъ, Министру Государственныхъ Имуществъ предоставляется перечислять губерніи изъ одного разряда въ другой, соотвѣтственно большей или меньшей опасности отъ огня, коей подвергаются строенія.

Примѣчаніе 1. Дома изъ сырцоваго кирпича и дома, въ которыхъ одинъ этажъ каменный, а другой деревянный, принимаются къ застрахованію, какъ деревянныя строенія.

Примѣчаніе 2. Размѣръ застрахованія домовъ, принадлежащихъ сиротамъ, зависитъ отъ опекуновъ.

Примѣчаніе 3. Въ послѣдствіи, отъ усмотрѣнія Министра Государственныхъ Имуществъ зависѣть будетъ, соображаясь съ средствами пожарнаго капитала, изъ взносовъ страховыхъ платежей составиться имѣющаго, въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ дѣйствительная стоимость крестьянскихъ строеній значительно выше опредѣляемой въ табели нормы, разрѣшать страхованіе до суммы въ два раза болѣе, но съ тѣмъ же непремѣннымъ условіемъ, чтобы сумма вознагражденія ни въ какомъ случаѣ не превосходила двухъ третей истинной цѣнности строенія.

§ 7. Строенія, страхуемыя въ 15 и 24 руб. (§ 6), не подвергаются никакой предварительной оцѣнкѣ; но если страхованіе производится выше, въ такомъ случаѣ наблюдается, чтобы сумма страхованія не превышала двухъ третей стоимости строенія; для сего Волостной Голова съ сельскимъ старшиною и добросовѣстными Сельской Расправы должны произвесть оцѣнку строенія, примѣняясь къ мѣстнымъ цѣнамъ и, удостовѣрясь, что сумма страхованія не превышаетъ двухъ третей стоимости строенія, обязаны засвидѣтельствовать о семъ на страховой вѣдомости, подъ собственною ихъ отвѣтственностію за вѣрность оцѣнки.

§ 8. Въ печатный бланкъ страховыхъ вѣдомостей, вносятся имена домохозяевъ, сумма, въ которую оцѣнены и въ которую приняты на

страхъ ихъ строенія, и сумма страховыхъ платежей, которую должны уплачивать ежегодно. Вѣдомости сіи составляются въ двухъ экземплярахъ и подписываются Волостнымъ Головою, старшинами и добросовѣстными.

§ 9. Страховыя вѣдомости составляются на три года. Съ окончаніемъ сего срока, помянутыя вѣдомости возобновляются порядкомъ, въ §§ 5—11 постановленнымъ.

Примѣчаніе. Крестьяне могутъ въ концѣ каждаго года застраховывать вновь устроенныя, въ продолженіе дѣйствія составленныхъ на три года страховыхъ вѣдомостей, строенія, на общемъ основаніи, и, въ такомъ случаѣ, вновь застрахованныя строенія вносятся дополнительною статьею въ страховыя вѣдомости, въ январѣ слѣдующаго года.

§ 10. По внесеніи домохозяевъ въ страховыя вѣдомости, выдается каждому на застрахованное строеніе свидѣтельство, по формѣ № 3, съ показаніемъ въономъ суммы, въ которую оцѣнено и застраховано строеніе и суммы ежегодныхъ платежей. Свидѣтельства подписываются Волостнымъ Головою и скрѣпляются писаремъ.

Примѣчаніе. Печатные бланки сихъ свидѣтельствъ, равно какъ бланки страховыхъ вѣдомостей (§ 4), заготовляются Палатами Государственныхъ Имуществъ и своевременно разсылаются въ Волостныя Правленія. Расходъ на заготовленіе относится на счетъ тѣхъ же источниковъ, какъ о бланкахъ страховыхъ вѣдомостей сказано (§ 4 примѣчаніе).

§ 11. Одинъ экземпляръ страховой вѣдомости остается у сельскаго старшины, для свѣдѣнія, а другой отправляется Волостнымъ Головою прямо въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

§ 12. Страховыя вѣдомости по обществамъ, подобно приговорамъ о мірскихъ сборахъ, прилагать въ подлинникахъ къ окладнымъ листамъ, а количество страховыхъ платежей съ каждаго домохозяина вносить въ податныя тетради, въ отдѣленіе, предназначенное для мірскаго сбора, но особою статьею отъ послѣдняго. Страховые платежи, по примѣру мірскаго сбора, вносятся сборщиками податей въ Волостныя Правленія, которыя записываютъ ихъ на приходъ въ шнуровую книгу, выдаютъ сборщикамъ въ пріемѣ печатную квитанцію, для приложенія документомъ къ податной тетради и, за тѣмъ, самыя деньги отсылаютъ въ Уѣздныя Казначейства, по мѣрѣ ихъ поступленія, отнюдь не допуская накопленія суммъ этого рода въ Правленіяхъ свыше 100 р. серебромъ.

Примѣчанія. Если, по принадлежащему въ Остзейскихъ губерніяхъ крестьянамъ праву переходить изъ одного имѣнія въ другое, равно и на земли частныхъ владѣльцевъ, подобное обстоятельство случится въ теченіи трехлѣтняго срока, на который простирается дѣйствіе страховыхъ таблицъ, то взносъ страховыхъ премій, равно и право вознагражденія за пожарный убытокъ, переходятъ на новаго хозяина. При чемъ Сельское Управленіе дѣлаетъ, тогда же, отмѣтку на страховой вѣдомости въ означеніи хозяина двора и надпись въ выданномъ на оный свидѣтельствѣ, которая подписывается тѣми же должностными лицами, какъ и самое свидѣтельство.

§ 13. Въ сельскихъ обществахъ сумма страховыхъ платежей распредѣ-

ляется на каждаго домохозяина соотвѣтственно суммѣ, въ которую строеніе его застраховано, включается въ выдаваемыя крестьянамъ платежныя книжки и вносится домохозяевами вмѣстѣ съ податью.

§ 14. Уѣздныя Казначейства, принимая страховые платежи, вписываютъ ихъ на приходъ особою статьею, подъ наименованіемъ: «страховые платежи».

Отдѣление 2-е.

О строеніяхъ, подлежащихъ страхованію.

§ 15. Обязательному страхованію, по правиламъ сего положенія (§ 6), подлежатъ строенія домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій, въ томъ числѣ и поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, а также пріобрѣтенныхъ въ казну, но оставленныхъ, впредь до возмѣщенія употребленныхъ на покупку ихъ суммъ, на помѣщичьемъ положеніи, состоящихъ на льготѣ, по случаю переселенія ихъ изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи, и отставныхъ нижнихъ чиновъ, водворенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ. Не изъемлются отъ обязанности взаимнаго страхованія и тѣ изъ крестьянъ, которые застраховали или пожелаютъ застраховать свои дома въ частныхъ страховыхъ обществахъ; но, во избѣжаніе двойныхъ платежей, отъ воли каждаго домохозяина зависитъ, страховать въ страховомъ обществѣ только ту часть стоимости строенія, которая, по его соображеніямъ, будетъ оставаться не обезпеченною, сверхъ принятаго по селенію оклада, если то не противно уставамъ общества.

Примѣчаніе. Обязанность застрахованія строеній распространяется и на крестьянъ Остзейскихъ губерній, живущихъ въ казенныхъ селеніяхъ, а равно и на Евреевъ земледѣльцевъ, какъ на казенныхъ, такъ и на собственныхъ земляхъ водворенныхъ.

§ 16. Дома крестьянъ, приписанныхъ къ одному селенію, но выстроенные или пріобрѣтенные ими въ другихъ селеніяхъ, принимать на страхъ по симъ послѣднимъ селеніямъ на общемъ основаніи. Равнымъ образомъ принимать на страхъ, на изъясненномъ въ семъ положеніи основаніи, дома, выстроенные крестьянами въ пригородныхъ слободахъ, но тѣ крестьянскіе дома, которые состоятъ собственно въ городахъ, къ застрахованію не пріемлются.

Примѣчаніе 1. Если крестьянинъ застрахованный имъ въ одномъ селеніи домъ, перенесетъ въ другое селеніе, то въ послѣднемъ долженъ страховать оный непремѣнно къ началу слѣдующаго за переносомъ дома года, каковой домъ вносится по новому селенію въ страховыя вѣдомости дополнительною статьею, согласно примѣчанію къ § 9, и въ тоже время дѣлается распоряженіе объ исключеніи помянутаго дома изъ страховой вѣдомости по прежнему селенію, за точнымъ исполненіемъ чего мѣстное сельское начальство обязано имѣть наблюденіе. Крестьянинъ, перенесшій домъ изъ одного селенія въ другое, если бы даже таковой переносъ сдѣланъ былъ и въ первой половинѣ года, обязанъ въ прежнемъ селеніи заплатить сполна страховую премію по 1-е января слѣдующаго года, съ котораго домъ его будетъ за-

страхованъ въ новомъ селеніи, въ случаѣ же, если въ новомъ селеніи перенесенный домъ сгоритъ прежде застрахованія его въ семъ селеніи, пособіе домохозяину выдается соотвѣтственно внесенной имъ по прежнему селенію страховой преміи.

Примѣчаніе 2. Страховыя преміи за строенія, оставляемыя крестьянами, переходящими въ другія мѣстности или сословія, на прежнемъ мѣстѣ жительства, если строенія сіи не переданы ими другимъ лицамъ, или же проданы на сносъ, должны быть исключаемы изъ оклада одновременно съ перечисленіемъ означенныхъ крестьянъ. Но если строенія сіи переданы или проданы перечисляющимися другимъ крестьянамъ, безъ переноса въ другую мѣстность, то обязанность уплачивать за оныя страховыя преміи, до истеченія срока страховымъ вѣдомостямъ, переходитъ на новыхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ сельское начальство должно отбирать о семъ обязательство при переходѣ къ нимъ сихъ строеній.

§ 17. При пріемѣ крестьянскихъ домовъ на страхъ, всѣ строенія, въ одномъ дворѣ состоящія, т. е. домъ со всѣми надворными постройками, слѣдуетъ принимать за одинъ дворъ. Отдѣльные дома, составляющіе особые дворы, принадлежатъ ли они одному и тому же хозяину, или различнымъ членамъ одного семейства, принимать къ страхованію отдѣльно и писать послѣ общихъ нумеровъ каждаго селенія.

Примѣчаніе. Бани, овины, кузницы и дѣйствующіе силою огня крестьянскіе фабрики и заводы, а также крестьянское имущество, къ застрахованію не принимаются. По Остзейскимъ губерніямъ могутъ подлежать страхованію жилыя строенія, состоящія въ неразрывной связи съ овинами. Мѣра сія, однако, допускается не иначе, какъ съ согласія крестьянскаго общества, засвидѣтельствованнаго мірскимъ приговоромъ, въ установленномъ порядкѣ, и съ увеличеніемъ страховой платы за таковыя строенія вдвое противъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ подобнаго соединенія овиновъ съ жильемъ; притомъ это изъятіе распространяется только на постройки, возведенныя до состоянія о семъ Высочайшей воли, 16 февраля 1858 года, по прежнимъ обычаямъ края, съ условіемъ, что при возобновленіи или капитальныхъ исправленіяхъ въ строеніяхъ означеннаго рода, овины непремѣнно должны быть отдѣляемы; на будущее время такія постройки вовсе не могутъ имѣть мѣста въ казенныхъ селеніяхъ.

§ 18. Къ застрахованію, на вышеизъясненныхъ основаніяхъ, могутъ быть принимаемы: 1-е, отдѣльные отъ надворныхъ крестьянскихъ строеній, но находящіеся, однако же, въ самыхъ селеніяхъ амбары, мельницы, фабрики, ткацкія, въ коихъ работы производятся не силою огня; 2-е., строенія лицъ другихъ сословій, постоянно въ казенныхъ селеніяхъ водворившихся, или состоящихъ въ должностяхъ, какъ то: священно и церковно-служителей, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ; 3-е., строенія вдовъ, не имѣющихъ въ своихъ семействахъ наличныхъ душъ мужескаго пола; и 4-е., казенныя и мірскія строенія оброчныхъ статей, находящихся въ содержаніи частныхъ лицъ по контрактамъ.

Примѣчаніе 1. Содержатели оброчныхъ статей должны быть обязываемы контрактами застраховывать строенія сихъ статей не ниже той суммы, въ какую представляются ими, для обезпеченія цѣлости строеній, залоги, которые, за симъ, оставаясь обезпеченіемъ собственно исправнаго содержанія строеній, въ такомъ только случаѣ могутъ быть обращены на покрытіе расходовъ по исправленію или возобно-

вленію строеній, подвергшихся пожару, когда для сего окажется недостаточною сумма, въ какую строенія были застрахованы.

Примѣчаніе 2. Священно и церковно-служители, купцы, мѣщане и разночинцы, желающіе застраховать принадлежащія имъ въ казенныхъ селеніяхъ строенія, обязаны предъявить о томъ мѣстному сельскому старшинѣ, который немедленно дѣлаетъ распоряженіе о произведеніи ихъ строеніямъ, установленнымъ въ § 7 для крестьянскихъ строеній порядкомъ, оцѣнки. За тѣмъ, по окончаніи таковой оцѣнки, страхуемыя строенія, на основаніи § 8, вносятся, особо отъ крестьянскихъ строеній, въ страховыя вѣдомости подъ № 2., составляемыя въ двухъ экземплярахъ, изъ числа коихъ одинъ экземпляръ остается въ Сельскомъ Правленіи для свѣдѣнія, а другой отправляется Волостнымъ Головою, въ январѣ мѣсяцѣ, прямо въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

Примѣчаніе 3. Помянутыя лица, подлежащую, за отданныя ими на страхъ строенія, годовую страховую премію обязаны внесть сполна, при самомъ застрахованіи ихъ строеній, въ Сельское Правленіе, которое выдаетъ имъ, въ полученіи денегъ, печатное свидѣтельство, по прилагаемой у сего формѣ, подъ № 4, за подписомъ сельскаго старшины, сборщика податей и скрѣпою сельскаго писаря и деньги, по запискѣ ихъ въ книгу пересылочныхъ суммъ, чрезъ сборщика податей, представляетъ въ Волостное Правленіе, подъ квитанцію, которая пріобщается къ остающейся въ Сельскомъ Правленіи страховой вѣдомости. Волостное Правленіе поступаетъ съ этими страховыми преміями по правиламъ, изъясненнымъ въ § 12 сего положенія.

Отдѣленіе 3-е.

О порядкѣ страхованія строеній общественныхъ.

§ 19. Волостной Голова, при объѣздѣ селеній для пріема къ застрахованію крестьянскихъ строеній, оцѣниваетъ, совмѣстно съ сельскимъ старшиною, и строенія общественныя, и составивъ имъ особыя, въ двухъ экземплярахъ, страховыя вѣдомости, общія по каждой волости, съ показаніемъ суммы застрахованія и суммы страховыхъ платежей, соотвѣтственно табели подъ № 1, одинъ экземпляръ представляетъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ, за своею подписью, а другой оставляетъ при дѣлахъ Волостнаго Правленія. Возобновленіе сихъ вѣдомостей производится въ одинъ срокъ съ возобновленіемъ страховыхъ вѣдомостей крестьянскимъ страхованіямъ (§ 9).

Примѣчаніе. Изъ сего общаго правила изъемлются, однакоже, дома, выстроенные для чиновъ лѣсной стражи: оцѣнка и представленіе о нихъ страховыхъ вѣдомостей зависятъ отъ мѣстнаго лѣснаго начальства.

§ 20. Палата, разсмотрѣвъ сдѣланную Волостнымъ Головою оцѣнку, по сношенію, буде нужнымъ признаетъ, съ Окружнымъ Начальникомъ, или утверждаетъ оную, или дѣлаетъ необходимое, по существу сего положенія, измѣненіе, и, за тѣмъ поставляетъ въ извѣстность Волостное Правленіе о количествѣ ежегодныхъ страховыхъ платежей, слѣдующихъ за общественныя строенія.

§ 21. Взносъ страховыхъ платежей за общественныя строенія производится Волостнымъ Правленіемъ изъ процентовъ съ мірскихъ капиталовъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, изъ остатковъ отъ мірскаго сбора на другіе предметы, или изъ остатковъ отъ суммъ на содержаніе Волостныхъ и Сельскихъ Правленій, или, наконецъ изъ мірскаго сбора. Расходъ по застрахованію домовъ лѣсной стражи покрывается изъ вспомогательнаго капитала сей стражи.

Примѣчаніе. По оброчнымъ имѣніямъ Западныхъ губерній преміи за застрахованныя общественныя строенія вносятся изъ общественнаго сбора, изъ котораго, до введенія застрахованія, производились расходы на пособія погорѣвшимъ крестьянамъ.

Отдѣленіе 4-е.

О выдачѣ вознагражденія въ случаѣ пожара.

§ 22. Въ случаѣ пожара, Волостное Правленіе немедленно приводитъ въ извѣстность количество погорѣвшихъ строеній и составляетъ онымъ вѣдомость.

§ 23. Въ вѣдомости прописываются, по сгорѣвшимъ строеніямъ, имена домохозяевъ и суммы, какія слѣдуетъ выдать за сгорѣвшія строенія, сообразно съ вѣдомостями застрахованія, а по сгорѣвшимъ общественнымъ строеніямъ селеніе, въ которомъ тѣ зданія были, и сумма причитающагося вознагражденія. Если строенія несовершенно истреблены пожаромъ, а повреждены только частію, или сломаны во время пожара, въ видахъ прекращенія распространенія огня, въ такомъ случаѣ сельскій мірскій сходъ дѣлаетъ оцѣнку пожарнымъ убыткамъ.

§ 24. Сельскій сходъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія пожарныхъ убытковъ по несовершенно истребленнымъ пожаромъ и сломаннымъ во время онаго строеніямъ, составляется изъ домохозяевъ того селенія или деревни, въ которыхъ произошелъ пожаръ, за исключеніемъ самихъ погорѣвшихъ, съ приглашеніемъ къ нимъ, во всякомъ случаѣ, до 12 человѣкъ добросовѣстныхъ крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень, отъ которыхъ и брать письменное показаніе, при сельскомъ старшинѣ и Волостномъ Головѣ, о томъ, на какую именно сумму въ строеніи, не совершенно истребленномъ пожаромъ, сгорѣло и на какую сумму понесъ убытка хозяинъ сломаннаго строенія.

Примѣчаніе 1. По тѣмъ несовершенно сгорѣвшимъ и разломаннымъ, во время пожара, строеніямъ, кои приняты на страхъ въ двѣ трети противу настоящей ихъ стоимости, опредѣлять въ вознагражденіе двѣ трети той суммы, въ какую пожарный убытокъ оцѣненъ будетъ.

Примѣчаніе 2. По тѣмъ несовершенно сгорѣвшимъ и разломаннымъ, во время пожара, строеніямъ, которыя, по желанію крестьянъ, приняты на страхъ въ меньшей суммѣ, какъ напримѣръ, въ четвертой части противу истинной стоимости, опредѣлять въ вознагражденіе такую же часть и изъ опредѣленнаго оцѣнкою убытка.

Примѣчаніе 3. По тѣмъ несовершенно сгорѣвшимъ и разломаннымъ, во время пожара, строеніямъ, которыя, по § 7 положенія, безъ производства оцѣнки, приняты на страхъ, согласно желанію крестьянъ, только въ 15 р., опредѣлять въ вознагражденіе ту часть, которая соотвѣтствуетъ убыткамъ, по отношенію оныхъ къ стоимости всего строенія, именно: если убытокъ равняется половинѣ стоимости всего строенія, то выдавать 7 р. 50 к., если равняется трети, то выдавать 5 р. и т. д.

§ 25. Если пожаръ произошелъ отъ злоумышленнаго намѣренія и злоумышленность будетъ доказана письменнымъ приговоромъ сельскаго мірскаго схода, то изобличенному въ томъ домохозяину Волостное Правленіе никакого вознагражденія не назначаетъ и, кромѣ того, злоумышленника представляетъ къ суду для сужденія по законамъ.

Примѣчаніе. Если обвиненный сходомъ домохозяинъ будетъ, въ послѣдствіи, оправданъ по суду, то ему немедленно должно быть выдано вознагражденіе за причиненный пожаромъ убытокъ, по правиламъ сего положенія.

§ 26. По составленіи вѣдомости погорѣвшимъ строеніямъ (§§ 22—25), Волостное Правленіе изготовляетъ донесеніе въ Палату Государственныхъ Имуществъ и отправляетъ оное вмѣстѣ съ вѣдомостью, въ конвертѣ на имя мѣстнаго Окружнаго Начальника.

§ 27. Окружный Начальникъ, удостовѣрясь лично, или чрезъ Помощниковъ своихъ, въ правильности показанія Волостнаго Правленія о числѣ сгорѣвшихъ строеній и вообще о послѣдствіяхъ бывшаго пожара, свидѣтельствуетъ достовѣрность вѣдомости собственноручною подписью и отправляетъ оную, вмѣстѣ съ рапортомъ Волостнаго Правленія, въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

Примѣчаніе. За отсутствіемъ Окружнаго Начальника по дѣламъ службы, засвидѣтельствованіе достовѣрности вѣдомостей Волостныхъ Правленій, для предупрежденія медленности, дѣлать Помощнику Окружнаго Начальника, съ указаніемъ, въ самомъ засвидѣтельствованіи, что Окружный Начальникъ находится въ отсутствіи.

§ 28. Палата Государственныхъ Имуществъ, разсмотрѣвъ представленныя ей свѣдѣнія и удостовѣреніе Окружнаго Начальника или его Помощника, равно повѣривъ вѣдомость объ убыткахъ съ вѣдомостями страховыми, немедленно даетъ знать подлежащему Уѣздному Казначейству и Волостному Правленію о количествѣ вознагражденія, причитающагося за сгорѣвшія строенія и предписываетъ Волостному Правленію принять тѣ деньги изъ Уѣзднаго Казначейства и изъ нихъ: причитающіяся за строенія крестьянскія, выдать погорѣвшимъ; слѣдующія же за строенія общественныя—записать на приходъ по книгамъ Волостнаго Правленія и хранить впредь до распоряженія объ обращеніи оныхъ или на возведеніе вновь, или на поправку поврежденныхъ пожаромъ общественныхъ строеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Палата Государственныхъ Имуществъ увѣдомляетъ Казенную Палату о количествѣ денегъ, разрѣшенныхъ Волостному Правленію къ принятію изъ Уѣзднаго Казначейства.

§ 29. Уѣздныя Казначейства, для ускоренія удовлетворенія погорѣльцевъ, обязаны, по полученіи предписаній Палаты Государственныхъ Имуществъ и требованій отъ Волостныхъ Правленій, при первой явкѣ

лица, уполномоченнаго послѣднимъ на принятіе денегъ, выдавать ему оныя, подъ надлежащую росписку, за чѣмъ Окружный Начальникъ долженъ имѣть наблюденіе.

§ 30. По полученіи изъ Уѣзднаго Казначейства суммъ, причитающихся погорѣвшимъ и по запискѣ оныхъ на приходъ и въ расходъ Волостное Правленіе немедленно выдастъ оныя по принадлежности, при сельскомъ старшинѣ и добросовѣстныхъ, съ росписками, и объ исполненіи доноситъ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ.

§ 31. Вознагражденіе за пожарные убытки выдается домохозяевамъ вполнѣ, не смотря на то, состоитъ ли на нихъ какая либо недоимка по сборамъ, или нѣтъ.

§ 32. Погорѣвшимъ крестьянамъ, а также отставнымъ нижнимъ чинамъ и священно и церковно-служителямъ, застраховавшимъ принадлежащіе имъ въ казенныхъ селеніяхъ дома, въ случаѣ пожара, производить отпускъ лѣса, на существующихъ въ Лѣсномъ Уставѣ правилахъ.

Примѣчаніе. При отпускѣ лѣса погорѣвшимъ домохозяевамъ изъ казенныхъ дачъ за попенную плату, взиманіе оной по Западнымъ губерніямъ должно производиться по уменьшенной таксѣ, для сихъ губерній изданной.

§ 33. Палаты Государственныхъ Имуществъ о всѣхъ производимыхъ отпускахъ суммъ на пожарныя вознагражденія ведутъ особый счетъ.

§ 34. По окончаніи года, Палаты соображаютъ сей счетъ со счетами Казенныхъ Палатъ и представляютъ въ подлежащіе Департаменты Министерства Государственныхъ Имуществъ.

§ 35. Министерство Государственныхъ Имуществъ, по полученіи донесеній отъ всѣхъ Палатъ, дѣлаетъ общій расчетъ съ Министерствомъ Финансовъ и остатки отъ страховыхъ взносовъ, за уплатою сдѣланныхъ позаимствованій изъ хозяйственнаго капитала на пожарные случаи, обращаетъ на составленіе запаснаго пожарнаго капитала.

Примѣчаніе. Министерство Государственныхъ Имуществъ, если, по окончаніи имъ расчета съ Министерствомъ Финансовъ въ отпущенной послѣднимъ изъ казны, для пособій погорѣльцамъ, ссудѣ, окажется, что въ Уѣздныя Казначейства, въ теченіи года, внесено страховыхъ премій въ количествѣ, превышающемъ сдѣланную ссуду, требуетъ отъ Министерства Финансовъ излишекъ, который, за пополненіемъ, на основаніи § 35, позаимствованій изъ хозяйственнаго капитала на пожарные случаи, отсылаетъ, подъ наименованіемъ запаснаго пожарнаго капитала, въ Кредитное Установленіе для приращенія процентами, съ тѣмъ, что проценты съ сего капитала, и, въ случаѣ недостатка ихъ, самый капиталъ, могутъ быть употребляемы на покрытіе сдѣланной Министерствомъ Финансовъ для пособій погорѣльцамъ ссуды, если послѣдняя, въ какой либо годъ не будетъ пополняться внесенными въ Уѣздныя Казначейства страховыми преміями.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ.*

№ 1.

Табель ежегодныхъ страховыхъ платежей и единовременныхъ пожарныхъ вознагражденій за сгорѣвшія строенія, застрахованныя по правиламъ взаимнаго обезпеченія.

Ежегодные страховые платежи съ домохозяина.		Сумма вознагражденія въ случаѣ пожара.			
		За строенія деревянныя.		За строенія каменныя.	
Рубли.	Копѣйки.	Рубли.	Копѣйки.	Рубли.	Копѣйки.
—	12	—	—	24	—
—	15	15	—	30	—
—	20	20	—	40	—
—	25	25	—	50	—
—	30	30	—	60	—
—	35	35	—	70	—
—	40	40	—	80	—
—	45	45	—	90	—
—	50	50	—	100	—
—	60	60	—	120	—
—	70	70	—	140	—
—	80	80	—	160	—
—	90	90	—	180	—
1	—	100	—	200	—
1	20	120	—	240	—
1	40	140	—	280	—
1	60	160	—	320	—
1	80	180	—	360	—
2	—	200	—	400	—
2	25	225	—	—	—
2	50	250	—	—	—

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта ***Князь Орловъ.***

№ 2.

Страховая вѣдомость такой-то губерніи, такого-то уѣзда, такой-то волости, такого-то сельскаго общества.

№ дома.	Названіе селъ и деревень и имена домохозяевъ.	Названіе строеній.	Сумма, въ которую оцѣнены строенія при застрахованіи.		Сумма, въ которой обезпечивается строеніе.		Сумма страховыхъ платежей, которую должно уплачивать ежегодно.	
			Серебромъ.					
			Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
	Села Ивановскаго.							
	Карпа Никитина.	деревянные: домъ . . .	224	—				
		амбаръ . .	80	—				
		сарай . . .	32	—	224	—	2	24
	И такъ далѣе.							
	Села Евлащовъ.							
	Терентія Григорьева	каменный домъ . . .	1000	—	360	—	1	80
		деревянные: амбаръ . .	140	—				
		сарай . . .	50	—	120	—	1	20
	И такъ далѣе.							

Всѣ строенія, застрахованныя по сей вѣдомости выше 15 рублей, по оцѣнкѣ нашей стоятъ противу суммы страхованія на одну треть и болѣе, въ чемъ и удостовѣряемъ.

Волостной Голова

Сельскій Старшина

Добросовѣстный

Добросовѣстный

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ.*

№ 3.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Государственный крестьянинъ такого-то сельскаго общества, такой-то деревни или села (имя и прозваніе), принадлежащій ему домъ, оцѣненный во столько-то рублей, застраховалъ по страховой вѣдомости подъ № такимъ-то въ столько-то рублей, срокомъ съ 1-го января 185 года по 1-е января 186 года. За страхованіе онъ долженъ вносить въ теченіи каждаго года столько-то дня 185 года.

Подпись Волостнаго Головы

Скрѣпа Писаря

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ.*

№ 4.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Выданное изъ такого-то Сельскаго Правленія такому-то въ томъ, что принадлежащія ему, въ такомъ-то селеніи или въ такой-то деревнѣ, такія-то строенія, оцѣненныя въ столько-то рублей, приняты на страхъ въ столько-то рублей, срокомъ на одинъ годъ, именно съ такого-то числа 185 по такое то 186 года и что подлежащая съ него за эти строенія годовая страховая премія, всего столько-то, получена и на приходъ по книгѣ пересылочныхъ суммъ Сельскаго Правленія записана подъ № такимъ-то. Декабря дня 185 года.

Подпись Сельскаго Старшины

——— Сборщика Податей

Скрѣпа Сельскаго Писаря

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ.*

ЗАКОНЫ И АКТЫ, УСТАНОВЛЯЮЩІЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ КРѢПОСТНОЕ СОСТОЯНІЕ (*).

Вообще изъ исторіи человѣческихъ обществъ мы знаемъ, что кромѣ войны, плѣна, въ древнія времена къ развитію рабства сильно способствовала нужда, крайняя бѣдность,—отцы продавали дѣтей, неоплатные должники дѣлались рабами своихъ кредиторовъ, бѣдняки сами продавали себя въ рабство, только бы прокормиться, обезпечить свое жалкое существованіе. Личность, свобода, самостоятельность у людей неразвитыхъ стояли на второмъ планѣ; ими пользовались только люди достаточные, а у остальныхъ на первомъ планѣ стояла жизнь, какова бы она ни была; для людей неразвитыхъ ужаснѣе всего голодъ, медленное, томительное угасаніе физической жизни, въ нихъ прежде и сильнѣе всего говоритъ животный инстинктъ самосохраненія. Все это было и на Руси въ древнія времена. По лѣтописямъ мы знаемъ, что въ страшные голода отцы продавали дѣтей, а иные сами продавались, что свобода и самостоятельность не такъ высоко цѣнились, какъ жизнь самая несчастная и безотрадная. Бѣдняки сами напрашивались въ рабство, искали себѣ господъ и отдавались имъ въ полную собственность со всѣмъ семействомъ и потомствомъ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ. Но далеко не такъ смотрѣло на этотъ предметъ само русское общество въ древности: оно старалось, по возможности, поставить препятствія къ развитію рабства между своими членами.

(*) Предлагая читателямъ это изслѣдованіе И. Д. Бѣляева, считаемъ долгомъ оговориться, что нѣкоторые изъ его выводовъ не совпадаютъ съ нашими собственными и съ выводами нашихъ другихъ сотрудниковъ. Но для пользы истины мы съ удовольствіемъ открываемъ нашъ журналъ для всѣхъ взглядовъ и убѣжденій, и тѣмъ охотнѣе печатаемъ настоящую статью, что она заслуживаетъ полнаго вниманія по сообщаемымъ въ ней важнымъ матеріаламъ. *Редакторъ.*

Одинъ изъ древнѣйшихъ обычаевъ, по всему вѣроятію, существовавшій въ русскомъ обществѣ еще задолго до принятія христіанства, полагаетъ уже важное ограниченіе развитію рабства по бѣдности. Этотъ обычай, уже въ X вѣкѣ записанный въ древнѣйшемъ законодательномъ кодексѣ, имѣвшемъ у насъ практическое значеніе, подъ именемъ «Закона Суднаго людемъ», говоритъ, что мужчина или женщина, поступившіе въ рабство во время голода, по минованіи голоднаго времени дѣлаются свободными, могутъ идти, куда хотятъ, только должны заплатить за прокормъ три гривны, и не требовать съ господина платы за свою работу во время голода. «Аще ся дасть человѣкъ утошна времени (въ голодное время), или жена, дернь (полное рабство) ему ненадобѣ, а поидетъ прочь—дастъ три гривны, а служилъ даромъ». Такимъ образомъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ обычаевъ уже полагалъ ограниченіе рабства въ случаѣ весьма важномъ, въ случаѣ голода, въ то самое время, когда въ другихъ юныхъ обществахъ сотни свободныхъ людей обращались въ рабовъ, безъ всякаго ограниченія со стороны общества и закона. И должно замѣтить, что правило, выраженное въ Законѣ Судномъ, не было отрывочнымъ явленіемъ въ древней Русской жизни; а напротивъ имѣетъ тѣсную связь съ послѣдующимъ законодательствомъ, и получило въ немъ свое развитіе. Но прежде нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, какія принимаемы были въ древнемъ русскомъ обществѣ къ ограниченію рабства, постараемся опредѣлить начало и значеніе этого послѣдняго. Оно вытекало изъ самой свободы членовъ и изъ свободныхъ ихъ отношеній къ обществу. Русское общество, признавши за каждымъ своимъ членомъ свободу распоряжаться своею личностію, естественно, должно было признать и полное рабство. Свободный человѣкъ, по собственному избранію признавшій за лучшее быть рабомъ, признавался таковымъ и отъ общества. Общество, чтобы не посягнуть на свободу своего члена, естественно не могло останавливать его и въ продажѣ этой свободы, если не видало стѣсненія ея независящими отъ человѣка обстоятельствами; ибо въ противномъ случаѣ, не признавая произвольнаго рабства, оно тѣмъ самымъ уничтожило бы свободу своихъ членовъ, и обратило бы ихъ въ рабовъ общества, какъ дѣйствительно и было почти у всѣхъ народовъ древняго міра. Но древнее русское общество, не знавшее рабства общественнаго и не могшее признать его по самому своему

устройству, чисто общинному, основанному на свободномъ согласіи членовъ, естественно должно было признать рабство частное во всей его полнотѣ съ полнымъ отрицаніемъ правъ личности въ рабѣ и съ исключеніемъ раба изъ членовъ общества. Поэтому полное признаніе частнаго рабства, какъ и должно было ожидать, мы уже встрѣчаемъ въ первой редакціи Русской Правды, принадлежащей Ярославу Великому, слѣдовательно относящейся къ первой половинѣ XI вѣка. Здѣсь мы находимъ уже указанія, хотя не вездѣ ясныя, и на право купли и продажи рабовъ, и на право отысканія бѣглыхъ, и на совершенное прекращеніе отношеній раба къ обществу, простирающееся до полнаго отрицанія правъ личности въ рабѣ. Такъ 10-я статья Ярославовой редакціи Русской Правды даетъ господину полное право отыскивать бѣжавшаго раба, куда бы онъ ни скрылся. «Аще челядинъ скрыется, либо у Варяга, либо у Колбяга, а его за три дни не выведутъ, а познаетъ и въ третій день, то изымати ему свой челядинъ, а три гривнѣ за обиду». Далѣе въ 15-й статьѣ указывается на право продавать и покупать рабовъ по вольной цѣнѣ, и мѣнять одного раба на другаго. «Аще кто челядинъ пояти хощетъ, познавъ свой, то къ оному вести, у кого то будетъ купилъ; а той ся ведетъ къ другому, даже доидетъ до третьяго; то рцы третьему: вдай ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота (т. е. денегъ, употребленныхъ на покупку раба) ищи при видоцѣ». Наконецъ 16-я статья представляетъ раба въ значеніи животнаго, такъ что рабъ, осмѣлившійся ударить свободнаго человѣка, даже не подлежалъ общественному суду, а напротивъ обиженный имѣлъ право убить его при первой встрѣчѣ, даже тогда, когда бы господинъ раба заплатилъ за обиду положенную закономъ пеню. «Или холопъ ударитъ свободна мужа, а бѣжитъ въ хоромъ (убѣжитъ въ домъ господина), а господинъ начнетъ не дати его, то холопа пояти да платитъ господинъ зань 12 гривнѣ, а за тымъ, гдѣ его налѣзутъ ударенный той мужъ, да бьютъ его».

Послѣдующія редакціи Русской Правды, признавая всѣ статьи первой редакціи относительно рабовъ, мало по малу доводятъ до полнаго и яснаго юридическаго опредѣленія то значеніе рабовъ, какое имъ давало тогдашнее русское общество, и о которомъ мы только одни намеки встрѣчаемъ въ первой редакціи. Такъ Правда сыновей Ярослава опредѣляетъ законную цѣну раба, какъ вещи, которую долженъ платить хозяину тотъ, кто уведетъ или скроетъ

у себя чужаго раба: «А оже уведетъ чужъ холопъ или робу, платити ему за обиду 12 гривнѣ.» Здѣсь отрицаніе человѣческой личности въ рабѣ простирается до того, что законъ не иначе представляетъ раба внѣ господской власти, какъ или бѣглымъ или уведеннымъ, какъ обыкновенно уводятъ домашнихъ животныхъ, или перехватываютъ убѣжавшихъ изъ дома. Но еще полнѣе и яснѣе безотрадное положеніе раба въ Русскомъ обществѣ изображаетъ Русская Правда XII столѣтія: она не признаетъ за рабомъ ни правъ личности, ни правъ собственности; она видитъ въ рабѣ одинъ только типъ полной и самой строгой частной собственности господина, не придавая ему даже значенія лица; для русскаго общества, по Русской Правдѣ XII столѣтія, рабъ не существуетъ какъ человѣкъ, онъ весь безъ ограниченія принадлежитъ своему господину. Поэтому законъ говоритъ о рабѣ только тогда, когда или нарушается въ немъ собственность господина, или когда самъ рабъ дерзнетъ нарушить права господина, или когда наконецъ господинъ имѣетъ нужду въ помощи общества и закона, чтобы оградить свои права на раба. Русская Правда XII столѣтія, постоянно стараясь опредѣлить отношенія господина къ закупу, ни слова не говоритъ объ отношеніяхъ его къ рабу, слѣдовательно явно предоставляетъ раба въ полное и произвольное распоряженіе господина: ему дается такимъ образомъ возможность не только бить, но и убить своего раба, и обществу до этого нѣтъ дѣла; оно не въ правѣ вмѣшиваться съ своею опекою, для которой логически нѣтъ мѣста въ отношеніи къ полноправному лицу господина.

Русская Правда XII столѣтія, признавая холопа полною собственностію господина и не признавая за нимъ правъ личности, естественно должна была исключить его изъ всякой отвѣтственности предъ обществомъ и предъ закономъ. Поэтому, по Русской Правдѣ, рабъ, чтобы онъ ни сдѣлалъ, ни въ чемъ не отвѣчаетъ предъ закономъ, за его поступки отвѣчаетъ господинъ. Въ законѣ прямо сказано: «аже будутъ холопи таті, ихъ же князь продажею не казнитъ, зане суть несвободни: то двоиче платить ко исцю за обиду (ст. 42)». Здѣсь холопи не подлежатъ наказанію и отвѣтственности передъ закономъ именно потому, что они несвободны, не имѣютъ личности; ихъ личность вполнѣ поглощена личностію господина, который по сему за вредъ, причиненный рабомъ другому

лицу, и обязывается платить вдвое. Тоже почти повторяетъ законъ въ случаѣ, если холопъ въ бѣгахъ возметъ у кого деньги обманомъ, выдавая себя за свободного человѣка; здѣсь по закону отвѣчаетъ также не холопъ, а самъ господинъ,—онъ или долженъ отдать раба тому, у кого обманомъ взяты деньги, или заплатить самыя деньги. Но если кто дастъ деньги холопу, зная, что даетъ холопу, то не имѣетъ права на искъ, деньги его пропали: холопу, какъ неимѣющему личности, не довѣряй денегъ; а если довѣрилъ, то не имѣешь права искать ихъ судомъ. Если однако холопъ ведетъ торговлю отъ имени господина, ѣздитъ по городамъ съ его товарами, то всѣ дѣлаемые имъ долги выкупаетъ самъ господинъ и не имѣетъ права отказаться отъ холопа, т. е. не можетъ сказать: «дѣлалъ долги не я, а холопъ, дѣлайте съ нимъ, что хотите, я вамъ выдаю его.» Или въ случаѣ, если холопъ, бѣгая отъ господина, дѣлаетъ какое либо пріобрѣтеніе, выработаетъ что или иначе пріобрѣтетъ, то господинъ, при возвращеніи его, беретъ себѣ и все то, что онъ пріобрѣлъ во время бѣговъ. Въ законѣ сказано: «Аче холопъ (въ бѣгахъ) гдѣ куны выльжетъ, а онъ будетъ не вѣдая вдалъ: то господину выкупати, али лишитися его; вѣдая ли будетъ далъ, а кунъ ему лишитися. Аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаетъ: то выкупати его господину, а не лишитися его. Оже холопъ бѣгая добудетъ товара: то господину же холопъ и долгъ, господину же и товаръ». Мало этого: господинъ отвѣчаетъ за холопа и въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя онъ надѣлалъ во время бѣговъ отъ господина: «Аже кто бѣжа, а поиметъ сусѣдне что, или товаръ: то господину платити зань урокъ, что будетъ взялъ». Вообще по Русской Правдѣ XII столѣтія строгое отрицаніе личности въ рабѣ простирается до того, что господинъ отвѣчаетъ за раба и въ то время, когда онъ временно не владѣлъ рабомъ, когда рабъ былъ внѣ его надзора. Законъ не знаетъ ни вмѣненій, ни наказаній рабу: рабъ, точно также какъ и животное, можетъ нанести кому нибудь вредъ; но въ этомъ вредѣ по закону нѣтъ преступленія, законъ не вмѣняетъ это рабу, какъ несвободному, и не назначаетъ наказанія, а требуетъ только, чтобы господинъ платилъ за вредъ, причиненный рабомъ точно также, какъ онъ платитъ за вредъ, причиненный его домашнимъ животнымъ, сбѣжавшимъ со двора.

Отрицаніе человѣческой личности въ рабѣ Русская Правда XII-го

столѣтія простирается до того, что даже убійство раба постороннимъ лицемъ преслѣдуется не какъ убійство, а какъ нарушеніе правъ собственности; ибо по Русской Правдѣ за безвинное убійство холопа платится не вира, положенная за убійство человѣка, а только продажа,—пеня, назначенная за нарушеніе собственности. Въ законѣ сказано: «А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины убіенъ, то за холопъ урокъ платити или за робу (т. е. господину убитаго раба заплатить, чего стоилъ ему рабъ), а князю 12 гривенъ продажѣ». Такимъ образомъ рабъ, какъ человѣкъ, какъ лицо, стоитъ внѣ закона, законъ не наказываетъ и не защищаетъ его; законъ знаетъ его только какъ собственность господина, и въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ ограждаетъ, но собственно ограждаетъ не его, а заключающееся въ немъ право собственности господина.

Древнее русское общество, по закону Русской Правды допустивши такое ужасное всестороннее отрицаніе человѣческихъ правъ въ рабѣ, признавши полное уподобленіе раба животному, вещи, принадлежащей въ полную собственность господина, кажется тѣмъ самымъ хотѣло воспрепятствовать развитію рабства между своими членами, и отстранить ихъ отъ покушеній по собственной волѣ продаваться въ рабство. Эту мысль вполнѣ подтверждаетъ то обстоятельство, что Русская Правда, не считая себя въ правѣ стѣснять воли свободнаго человѣка поступать въ полное рабство, требуетъ, чтобы поступающій самъ изъявилъ согласіе на поступленіе въ рабы. Такъ изъ трехъ видовъ поступленія въ рабство между самими членами русскаго общества, допущенныхъ Русскою Правдою XII столѣтія, ни въ одномъ видѣ законъ не исключаетъ права русскаго человѣка уклониться отъ рабства.

Такъ въ первомъ видѣ, въ правѣ пріобрѣтенія рабовъ куплею, купля по закону должна совершаться въ присутствіи послуховъ и самаго раба, чтобы онъ видѣлъ своими глазами, что за него даютъ деньги, что его продаютъ. «Холопство обѣльное, оже кто купитъ хотя до полугривны, а послухи поставитъ, а ногату дастъ передъ самѣмъ холопомъ». Здѣсь личность свободнаго человѣка достаточно обезпечена закономъ: продать или купить свободнаго нельзя, если онъ самъ на это несогласенъ; ибо продажа или покупка совершает-

ся въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей и того, кого продаютъ; слѣдовательно продаваемый, если онъ не холопъ и не желаетъ поступить въ холопство, всегда имѣетъ полное право и возможность остановить насильственную продажу; а если не останавливаетъ, то значитъ самъ признаетъ себя холопомъ или желаетъ поступить въ холопство.

Второй видъ вступленія въ холопство по Русской Правдѣ составляетъ вступленіе свободнаго въ бракъ съ рабою. Здѣсь также нисколько не стѣсняется свобода выбора; законъ даетъ свободному человѣку, вступающему въ бракъ съ рабою, право условія или ряда, въ которомъ свобода можетъ быть выговорена и при вступленіи въ бракъ съ рабою; и если членъ общества, человѣкъ полноправный, вступая въ бракъ съ рабою, не выговариваетъ себѣ и своей женѣ условія свободы, значитъ—самъ добровольно, по собственному выбору, принимаетъ на себя рабство. Въ законѣ сказано: «А второе холоньство: поиметъ робу безъ ряду; поиметъ ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ (ст. 103)».

Третій видъ вступленія въ холопство, допущенный Русскою Правдою, состоитъ въ принятіи на себя должности тіуна или ключника безъ ряду; здѣсь вступленіе также, какъ и во второмъ видѣ, совершенно зависитъ отъ свободнаго выбора. Принимающій на себя должность ключника или тіуна имѣетъ полное право рядиться или условливаться съ господиномъ и въ своемъ условіи выговаривать себѣ право свободы и личности; и если не выговариваетъ, значитъ—самъ по собственной волѣ признаетъ за лучшее быть рабомъ такого-то господина. «А се третіе холопство, говоритъ законъ, тіунство безъ ряду, или привяжетъ ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ (ст. 104)».

Такимъ образомъ всѣ три вида поступленія въ холопство, допущенныя Русской Правдой XII столѣтія, представляютъ прямый непосредственный выводъ изъ основнаго начала общественнаго устройства въ древней Руси, по которому общество признаетъ полную свободу и независимость своихъ членовъ и не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ распоряженія относительно самихъ себя. Общество, признавши своихъ членовъ свободными и полноправными, явно уклоняется отъ всякой опеки надъ ними; оно вполнѣ признаетъ ихъ свободныя распоряженія, и съ своей сторо-

ны только заботится, чтобы по возможности оградить эту свободу отъ постороннихъ стѣсненій и дать своимъ членамъ средства даже въ нуждѣ не принимать рабства.

Но какъ ни строгость рабства по закону, ни стараніе общества и закона оградить свободныхъ людей отъ стѣсненія и принужденій къ рабству не могли удержать отъ поступленія въ рабы людей бѣдныхъ и неразвитыхъ, всегда готовыхъ продать свою свободу, чтобы сохранить и обезпечить себѣ хотя рабскую, почти животную жизнь: то древнее Русское общество обратилось къ другой мѣрѣ противъ рабства, мѣрѣ болѣе дѣйствительной,—къ закупничеству, или къ временному условному полу-рабству, неотрицающему ни правъ личности, ни правъ собственности, хотя и не всѣхъ. Этою мѣрою древнее Русское общество достигало двухъ весьма желанныхъ цѣлей: съ одной стороны оно обезпечивало сносную, а иногда и безбѣдную жизнь бѣдняковъ, неимѣющихъ средствъ къ собственному прокормленію; а съ другой стороны оно тѣхъ же бѣдняковъ ограждало отъ полнаго безповоротнаго рабства и сохраняло имъ возможность, при помощи труда и бережливости, опять воротиться въ общество вполнѣ свободными, съ возможностію жить собственными средствами.

Первое извѣстіе о закупахъ мы встрѣчаемъ только въ Русской Правдѣ XII столѣтія. Она раздѣляетъ закуповъ на два разряда;— на закуповъ, получавшихъ деньги отъ своихъ заимодавцевъ, обезпечивая долгъ залогомъ своей личности и труда впредь до уплаты, и на закуповъ, садившихся на чужой землѣ, или ролейныхъ, которые обязывались за ссуду и за землю, взятую въ пользованіе, обработывать извѣстную долю земли на землевладѣльца. По Русской Правдѣ оба разряда закуповъ хотя не признаются свободными людьми на время закупства; но не теряютъ правъ личности и не перестаютъ быть членами Русскаго общества и состоять подъ защитою закона. Они стоятъ на рубежѣ между полною свободою и полнымъ рабствомъ.

Закупъ, представившій свою личность, свою свободу, въ обезпеченіе уплаты занятыхъ въ долгъ денегъ, считается, на основаніи Русской Правды, несвободнымъ до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ занятыхъ денегъ; но онъ и въ самой своей несвободѣ не теряетъ правъ личности и даже имѣетъ полное право искать судомъ на

самомъ своемъ господинѣ, или заимодавцѣ, если этотъ послѣдній въ чемъ нибудь его обидитъ. Но, находясь на рубежѣ между свободою и рабствомъ, онъ близокъ къ тому и другому состоянію; онъ дѣлается совершенно свободнымъ въ слѣдъ за уплатою долга, и наоборотъ продолжаетъ быть въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ долга, и даже совершенно теряетъ право на свободу и обращается въ обѣльнаго раба, въ полную собственность своего заимодавца, если осмѣлится бѣжать отъ него не заплативъ долга. «Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, говоритъ законъ, то обѣль; идетъ ли искать кунъ, а явлено ходитъ, или ко князю или къ судіямъ бѣжитъ обиды дѣля своего господина: то про то не роботятъ его, но дати ему правду (судъ)».

Свободный человѣкъ, поселившійся на чужой землѣ съ обязанностію работать на господина земли, или, какъ въ Правдѣ сказано, ролейный закупъ, имѣлъ еще болѣе свободы, чѣмъ закупъ, взявшій въ займы деньги. Онъ могъ отойти отъ господина, оставить его землю, когда угодно, только долженъ былъ возвратить ему ссуду, состоявшую обыкновенно изъ земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота. При этомъ господинъ не могъ требовать отъ закупа орудій или скота, утраченныхъ имъ на господской работѣ, или пропавшихъ изъ запертаго хлѣва. Въ Правдѣ сказано: «Аже у господина ролейный закупъ, а погубитъ войскій конь: то не платити ему. Но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же копу емлетъ: то то погубивше платити. Аже ли господинъ его отшлетъ на свое орудье (по своимъ дѣламъ), а погибнетъ безъ него: то того ему не платити. Аже изъ хлѣва выведутъ: то закупу того не платити. Но оже погубитъ на поли, и въ дворъ не вженетъ и не затворитъ, гдѣ ему господинъ велитъ, или орудья (работу) своя дѣя, а то погубитъ: то то ему платити».

Закупы какъ перваго разряда, такъ и втораго, въ общественномъ значеніи, за исключеніемъ временнаго лишенія свободы, пользовались всѣми правами личности, какъ члены общества; они не имѣли характера безгласной частной собственности какъ полные рабы. Закупа общество признавало въ числѣ своихъ членовъ, хотя и на низшей ступени; оно допускало его даже въ свидѣтели на судѣ, хотя не въ значительныхъ дѣлахъ, и только тогда, когда не было свидѣтелей вполнѣ свободныхъ. Въ законѣ

сказано: «А послушества на холопа не складають; но оже не будеть свободна, а въ малѣ тяжѣ, по нужи, взложити на закупа.» Отношенія же закупа къ своему господину были совершенно условныя, и въ случаѣ нарушенія взаимныхъ условій со стороны господина, закупъ имѣлъ полное право судебнаго иска на немъ; и господинъ по суду также отвѣчалъ закупу, какъ и совершенно свободному человѣку. По Русской Правдѣ за неисполненіе по условію, за удержаніе цѣны или платы закупу, за уменьшеніе условленной доли земли, господинъ не только возвращалъ закупу слѣдующее по условію, но и подвергался пени за обиду. А если бы господинъ осмѣлился отдать закупа въ залогъ, или продать какъ обѣльнаго раба, то не только лишался своихъ денегъ въ пользу закупа (т. е. тѣхъ денегъ, которыя господинъ далъ закупу при его поступленіи въ закупство), но и платилъ закономъ установленную пеню и сверхъ того закупъ получалъ полную свободу. Равнымъ образомъ, если бы господинъ понапрасну сталъ бить закупа, то подлежалъ суду и пени точно также, какъ еслибы билъ свободнаго человѣка. «Аже господинъ преобидитъ закупа, а увидитъ (увередитъ, испортитъ, убавитъ) копу его (цѣну, плату) или отарицю (долю земли): то то ему воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. Паки ли пріиметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему три гривны продажи. Продастъ ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажи. Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; біетъ ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежъ, такоже и въ закупѣ.»

Но и при видимой свободѣ отношеній закупа къ господину, основанной на взаимныхъ условіяхъ, общество и законъ, не признавая еще за господиномъ правъ собственности на закупа, тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ даютъ господину преимущественныя права на закупа, указывающія на то, что закупъ до нѣкоторой степени носилъ въ себѣ характеръ господской собственности. Такъ господинъ имѣлъ право наказывать закупа, провинившагося предъ нимъ, и не отвѣчалъ за это предъ закономъ: «Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть.» Закупъ, укравшій что либо у господина, обращался въ обѣльнаго

раба; а закупъ, уличенный въ кражѣ на сторонѣ, не могъ быть наказанъ безъ согласія господина. Господинъ имѣлъ право такого закупа или обратить въ обѣльные, полные, холопи, заплативши напередъ то, что было покрадено закупомъ; или, въ случаѣ нежеланія платить, господинъ имѣлъ право продать закупа, и изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ напередъ долженъ выплатить обиженному, а остальное взять себѣ. «Аже закупъ уведетъ что (украдетъ у своего господина), то господинъ въ немъ (т. е. господинъ получаетъ полное право собственности на закупа, дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ). Но оже кдѣ и налѣзутъ (поймаютъ закупа въ кражѣ на сторонѣ): то преди заплатить господинъ его конь, или что будетъ иное взялъ, ему холопъ обѣльный. Паки ли господинъ не хотѣти начнетъ платити зань, а продастъ ѝ; отдастъ же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будетъ чужаго взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ.»

Но считая и закупство очень тяжелымъ для свободнаго человѣка, русское древнее общество и законъ ввели новую слабѣйшую степень порабощенія, на опредѣленный взаимно условленный срокъ, вовсе уже безъ характера собственности, и за условленное жалованье. Русская Правда XII столѣтія говоритъ: «а въ дачѣ не холопъ, ни по хлѣбѣ роботятъ, ни по придатцѣ, но оже не доходятъ года (срока), то ворочати ему милость, отходитъ ли, то не виноватъ есть». Это постановленіе, очевидно вытекшее первоначально изъ статьи Суднаго Закона людемъ, по которой человѣкъ, поступившій въ рабство во время голода, имѣетъ право свободно отойти отъ своего господина, въ развитіи своемъ породило новую ступень порабощенія на опредѣленный срокъ, на годъ или больше или меньше, смотря по условію. Эта ступень слабѣйшаго порабощенія въ послѣдствіи была въ большомъ употребленіи, и частію сохранилась до настоящаго времени. Здѣсь свобода человѣка подлежитъ меньшему стѣсненію противъ прежнихъ видовъ неполнаго порабощенія, ибо человѣкъ, поступающій во временное рабство, не только обезпечиваетъ свою свободу истеченіемъ, опредѣленнаго, напередъ ему извѣстнаго срока; но даже всегда и до срока имѣетъ право оставить своего господина, только въ послѣднемъ случаѣ обязанъ возвратить то, что получилъ отъ него.

Такимъ образомъ Русская Правда, имѣя постоянно въ виду одну цѣль,—ограничить развитіе полнаго рабства по нуждѣ, успѣла выработать всѣ виды неполнаго условнаго порабощенія, съ удержаніемъ правъ личности въ порабощенныхъ, и съумѣла строго опредѣлить каждый видъ и рѣзко отличить ихъ отъ полнаго рабства или обѣльнаго холопства, въ которомъ право личности раба совершенно поглощалось правомъ частной собственности господина.

Послѣдующее законодательство продолжало разработывать тѣже начала полнаго рабства и неполнаго порабощенія, которыя уже высказаны въ Русской Правдѣ. И когда съ теченіемъ времени въ Русскомъ законодательствѣ выработалось и развилось требованіе письменныхъ доказательствъ или крѣпостей по всѣмъ дѣламъ суда и расправы, то и дѣла о рабствѣ и разныхъ степеняхъ порабощенія также получили свои письменныя крѣпости, для каждаго вида порабощенія отдѣльно. Но это новое требованіе закона въ сущности не измѣнило прежняго порядка, завѣщаннаго Русскою Правдою. Законы Судебниковъ, постоянно требовавшіе въ судебныхъ дѣлахъ письменныхъ актовъ, съ такою же строгостію, какъ и Русская Правда, отдѣляютъ полное рабство отъ условнаго временнаго порабощенія, и также постоянно заботятся о томъ, чтобы оградить свободу членовъ Русскаго общества отъ незаконныхъ на нее посягательствъ и дать средства свободнымъ людямъ укрываться временнымъ условнымъ порабощеніемъ отъ полнаго рабства.

Какъ первый, такъ и второй Судебники, почти согласно съ Русскою Правдою, признаютъ полное рабство только по купчимъ или по полнымъ грамотамъ, по сельскому тіунству или ключу и по браку свободнаго съ рабой, и свободной съ рабомъ. Въ Судебникѣ 1497 года сказано: «по полной грамотѣ холопъ, по тіуньству и по ключю по селскому холопъ, съ докладомъ и безъ докладу, и съ женою и съ дѣтми, которые у одного государя; а которыя его дѣти у иного, или себѣ учнутъ жити, то не холопи; а по городскому ключю не холопъ; по робѣ холопъ, по холопѣ роба, приданой холопъ, по духовной холопъ». Тоже почти повторяетъ и Царскій Судебникъ, только съ важными дополненіями, ближе подходящими къ Русской Правдѣ. Въ этомъ Судебникѣ сказано: «По полной грамотѣ холопъ, по ключю по селскому съ докладною холопъ, съ женою и съ дѣтми, которые у одного государя съ нимъ

въ одной крѣпости, и которые породилися въ холопствѣ; а которые его дѣти родилися до холопства, а учнутъ жити у иного государя, или собѣ учнутъ жити, то не холопи. А по городскому ключю не холопъ. По робѣ холопъ, по холопѣ роба, по духовной холопъ, по приданой робѣ холопъ, по холопѣ роба. А по тіуньству безъ полныя и безъ докладныя не холопъ; а по селскому ключю безъ докладныя не холопъ (Суд. ст. 76.)». Такимъ образомъ и съ появленіемъ письменныхъ крѣпостей полное рабство осталось въ прежнихъ границахъ, и также, какъ и въ Русской Правдѣ, зависѣло отъ свободной воли тѣхъ, которые поступали въ холопство; отъ воли каждаго зависѣло дать ли на себя полную или докладную, или не дать, отъ воли же зависѣло вступить ли въ бракъ съ рабою, не выкупивъ ее напередъ, или не вступить. Судебникъ 1497 года до нѣкоторой степени отступилъ было отъ Русской Правды, зачисливъ во второй разрядъ полнаго холопства всѣхъ свободныхъ людей, принимавшихъ на себя должность сельскаго тіуна или ключника, не допуская никакихъ условій съ докладу и безъ доклада; но Царскій Судебникъ правильно обратился къ Русской Правдѣ и принялъ старый порядокъ, по которому тотъ только тіунъ или ключникъ признавался полнымъ холопомъ, который самъ по своей волѣ давалъ на себя полную или докладную крѣпость, не давшій же на себя такой крѣпости и при должности тіуна или ключника оставался свободнымъ. Слѣдовательно здѣсь уже признавалось старое правило: съ рядомъ или безъ ряду принимать должность ключника или тіуна. Видимо новые разряды полнаго холопства, указанные Судебниками,—холопство по приданому и по духовной грамотѣ, въ сущности не были новыми разрядами; ибо относились къ тѣмъ же полнымъ холопямъ, уже давшимъ по своей волѣ полную или докладную крѣпость, или къ ихъ потомкамъ, родившимся въ холопствѣ; приданой или духовной грамоты ни въ какомъ случаѣ нельзя было дать на свободнаго человѣка; слѣдовательно этими крѣпостями свидѣтельствовалось не поступленіе свободнаго человѣка въ рабство, а переходъ раба отъ одного господина къ другому.

Судебники, согласно съ Русскою Правдою, ограничивши полное рабство только тремя разрядами, не отступили отъ правилъ Русской Правды и относительно того, чтобы поступленіе въ рабство вполнѣ зависѣло отъ свободной воли поступающаго, и чтобы тутъ не

было ни насилія, ни обмана. Русская Правда требовала, чтобы продажа и покупка холопа совершались въ присутствіи свидѣтелей и самого холопа; тоже самое приводится и въ Судебникахъ, только въ новой формѣ, съ бо́льшими строгостями и обезпеченіями. Судебники уже не довольствуются присутствіемъ одинхъ свидѣтелей; они требуютъ, чтобы поступленіе въ рабство, для большаго огражденія свободы отъ насилій и обмановъ, совершалось предъ оффиціальнымъ лицомъ, въ присутственномъ мѣстѣ, при чемъ съ поступающаго снималось показаніе,—по своей ли волѣ онъ поступаетъ въ рабство, даетъ на себя полную и докладную крѣпость, и изъ оффиціальныхъ лицъ только тѣ могли выдавать полныя и докладныя грамоты, которыя имѣли право боярскаго суда; въ Царскомъ Судебникѣ прямо сказано: «А намѣстникомъ и волостелемъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, полныхъ и докладныхъ не давати, и холопа и робы безъ доклада не выдати, ни грамоты бѣглые не дати. А которой намѣстникъ или волостель безъ боярского суда выдастъ холопа или робу безъ докладу, и правую грамоту дастъ, и та грамота не въ грамоту (Царск. Суд. ст. 66)». Свидѣтелями при выдачѣ полной или докладной со стороны холопа должны быть люди свободные, самостоятельные, а отнюдь не рабы, не пользующіеся по закону правами лица, даже отецъ и мать дающаго на себя полную или докладную не могли быть свидѣтелями, если они сами состояли въ рабствѣ. Въ Царскомъ Судебникѣ сказано: «А полному и докладному холопу сына своего свободного, который ся у него родилъ до холопства, не продати; а продастся онъ самъ, кому хочетъ. А отцу его и матери у полныя не стояти и изъ холопства не взяти, потому что отецъ его и мати сами въ холопѣхъ; да и въ полныхъ и докладныхъ то писати, что у него отецъ и мати есть, а у полные не стояли, потому что сами въ холопѣхъ (ibid. ст. 76)». А въ дополнительныхъ статьяхъ къ Царскому Судебнику, именно въ статьѣ 1558 года, положена смертная казнь тому, кто осмѣлится обманомъ написать свободнаго человѣка въ полные холопи. Въ этой статьѣ сказано: «А которые люди впредь учнутъ наряжати на волныхъ людей полные и докладные, стакався съ таможники, а въ томъ на нихъ доведутъ, и тѣхъ людей и таможниковъ казнити смертною казнью, какъ и головного татя (А. И. т. I, стр. 266)». Такимъ образомъ законъ со всею строгостію защищалъ неприкосновенность свободы свобод-

ныхъ людей; слѣдовательно государство и во время Судебниковъ, точно также, какъ и въ прежнее время, хотя не препятствовало свободнымъ людямъ поступать въ рабство по своей волѣ, но тѣмъ не менѣе дорожило свободою членовъ Русскаго общества, и защищало ее отъ обмановъ и насилій.

Допустивши и оградивши свободное вступленіе въ полное холопство на основаніи началъ, указанныхъ Русскою Правдою, Судебники, согласно съ Русскою же Правдою, допустили и тѣ степени временнаго условнаго порабощенія, которыя мы видѣли уже прежде. Такъ по Судебникамъ мы встрѣчаемъ и *кабальныхъ холоповъ,* т. е. прежнихъ закуповъ, представившихъ себя въ залогъ и обезпеченіе уплаты занятыхъ денегъ и въ платежъ процентовъ; и *крестьянъ*, прежнихъ ролейныхъ закуповъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, съ обязанностію обработывать условленную долю земли на господина, или платить ему оброкъ; и *наймитовъ*, поступающихъ въ услуженіе на опредѣленный срокъ. Всѣ эти разряды полусвободныхъ людей и по Судебникамъ, также какъ и по Русской Правдѣ, не теряли правъ личности, и считались членами русскаго общества, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями.

По Царскому Судебнику въ кабальные холопи могли поступать только люди вольные, а не полные холопи, и не состоящіе въ разрядѣ государевыхъ служилыхъ людей. Въ кабалахъ дозволялось писать сумму не свыше пятнадцати рублей, и кабалы должны были записываться въ присутственныхъ мѣстахъ, и утверждаться печатью боярина, начальника присутственнаго мѣста, за подписью дьяка. Въ Царскомъ Судебникѣ сказано: «А которые люди волные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ и всякимъ людемъ, а станутъ на собя давати кабалы за ростъ служити, и болѣ пятинадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати. И тѣмъ людемъ тѣ кабалы приносити къ бояромъ; и бояромъ къ тѣмъ кабаламъ печати свои прикладывати, а дьякомъ подписывати (ibid. ст. 78)». Притомъ по Судебнику не всѣ должники считались кабальными холопами, а только тѣ, которые написали въ кабалѣ *служити за ростъ.* Должники же, въ своей кабалѣ не написавшіе этого условія, должны были платить и капиталъ и проценты деньгами, а не работою, и не считались кабальными людьми. Статья 82 Царскаго Судебника такихъ должниковъ прямо запре-

щаетъ заимодавцамъ держать въ услуженіи: «А кто займетъ сколько денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ, а деньги имъ въ ростъ давати. А кто дастъ денегъ въ заемъ въ ростъ, да того человѣка станетъ держати у себя, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ покрадчи, и что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ.» По Судебнику, также какъ и по Русской Правдѣ, кабальные холопи состояли въ крѣпости у своихъ господъ или заимодавцевъ только до уплаты долга. На это довольно ясно указываетъ дополнительная статья къ Судебнику, изданная въ 1560 году октября 15, въ которой даже бѣглыхъ кабальныхъ людей запрещается отдавать въ полные холопи, а только дозволяется выдавать истцамъ головою до искупа, т. е. пока выплатятъ долгъ. Въ этой статьѣ сказано: «кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ, или за ростъ служити, да сносовъ: и которые заимщики учнутъ въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ и въ сносѣхъ винитися, и доправити на нихъ будетъ исцовыхъ исковъ не мочно, и поруки и переводу по нихъ въ исцовыхъ искѣхъ не будетъ, и тѣхъ отвѣтчиковъ велѣлъ Государь исцомъ выдавати въ искѣхъ головою до искупа, а въ полные и въ докладные тѣмъ отвѣтчикомъ исцомъ своимъ не продаватись (А. И. т. I, стр. 267)». Здѣсь законъ идетъ уже далѣе Русской Правды относительно свободы кабальныхъ холоповъ; онъ и бѣглыхъ возвращаетъ господамъ только до искупа, до уплаты долга и процентовъ, тогда какъ по Русской Правдѣ бѣглые закупы обращались въ обѣльныхъ, полныхъ холоповъ.

Крестьяне по Судебникамъ имѣютъ тоже значеніе, какое имѣли ролейные закупы по Русской Правдѣ; ихъ свобода ограничивается только тѣмъ временемъ, въ которое они живутъ на господской землѣ, и всѣ отношенія къ господину условливаются ссудою и земельнымъ участкомъ, на которомъ живетъ крестьянинъ; оставивши землю и возвративъ ссуду, крестьянинъ получаетъ полную свободу и нисколько не зависитъ отъ господина. Судебники противъ Русской Правды сдѣлали только то ограниченіе, что крестьянинъ не могъ отойти отъ господина не въ урочное время въ году. Срокъ крестьянскаго выхода по Судебникамъ ограничивается двумя недѣлями въ году: недѣля до Юрьева дни осенняго, и недѣля по Юрьевѣ дни, и притомъ крестьянинъ при выходѣ обязывается платить узаконенную сумму за пожилое и повозъ. Въ Царскомъ Судебникѣ

сказано: «А крестьяномъ отказыватися изъ волости въ волость, и изъ села въ село, одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дни осенняго и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ. А дворы пожилые платить: въ полѣхъ за дворъ рубль да два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А которой крестьянинъ живетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два годы поживетъ, и онъ платитъ полдвора; а три годы поживетъ, и онъ платитъ три четверти двора, а четыре годы поживетъ, и онъ платитъ весь дворъ, рубль и два алтына. А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ. А останется у которого крестьянина хлѣбъ въ земли, и какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, и онъ съ того хлѣба, или съ стоячего дастъ боранъ два алтына. А по кои мѣста была рожь его въ земли, и онъ подать цареву платитъ со ржи, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати (Суд. ст. 88)». Такимъ образомъ крестьяне по Судебникамъ получили только болѣе опредѣленности въ своихъ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ; но въ сущности они остались при томъ же значеніи, при какомъ были ролейные закупы по Русской Правдѣ; они по прежнему оставались членами русскаго общества, платили государевы подати и пользовались всѣми правами личности; они не составляли частной собственности землевладѣльца, а были только жильцами и тяглецами на господской землѣ, обязанными за землю и ссуду обработывать долю земли на господина, или платить ему оброкъ. Лучшимъ доказательствомъ, что крестьяне не составляли частной собственности господина, служитъ узаконеніе Судебника, по которому крестьяне имѣли право продаваться въ полные холопы. Въ Судебникѣ сказано: «А который крестьянинъ съ пашни кому продается въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ (ibid)».

Наймиты, поступающіе въ услуженіе или въ неполное рабство на опредѣленный срокъ, на урочные годы, имѣли совершенно тѣ же права и обязанности по Судебникамъ, какъ и по Русской Правдѣ. Въ Царскомъ Судебникѣ сказано: «А наймитъ не дослужитъ у государя своего уроку своего, да пойдетъ прочь, и онъ найму лишенъ. А которой государь не захочетъ наймиту дати найму, и уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое» (Суд.

ст. 83). Вся разница здѣсь состоитъ въ томъ, что по Русской Правдѣ наймитъ получалъ хлѣбъ или полную ссуду и жалованье впередъ, и потомъ ихъ заживалъ въ опредѣленный срокъ; а по Судебнику жалованье выдавалось наймиту по истеченіи срока. Но эта разница нисколько не измѣняла значеніе наймита: и по Русской Правдѣ и по Судебнику наймитъ былъ полусвободнымъ лицомъ на опредѣленное время и не терялъ правъ личности. А самая практика, какъ увидимъ въ послѣдствіи, еще болѣе представляла одинаковости значенія наймита по Русской Правдѣ и по Судебнику; житейскія или жилыя записи XVII вѣка прямо свидѣтельствуютъ, что наймитъ и по Судебнику иногда получалъ деньги впередъ и заживалъ ихъ въ урочные годы.

Такимъ образомъ и по Судебникамъ, какъ и по Русской Правдѣ, виды полнаго рабства и степени неполнаго временнаго порабощенія были одни и тѣже, а также и значеніе ихъ было одинаково,— полный рабъ терялъ личность и дѣлался полною собственностію господина, а неполный порабощенный не терялъ личности и только временно и на взаимныхъ условіяхъ принадлежалъ своему господину, не переставая въ то же время быть и членомъ русскаго общества. Равнымъ образомъ и основаніе такого порядка по Судебникамъ было тоже какъ и по Русской Правдѣ. Законъ и общество не принимая на себя опеки надъ полноправными и свободными членами общества, т. е. не принуждая никого удерживать свою свободу, по возможности старались оградить свободу и личность людей и дать имъ средства удовлетворять своимъ крайнимъ нуждамъ, не поступленіемъ въ полное рабство, а принятіемъ на себя временнаго условнаго порабощенія съ удержаніемъ правъ личности и съ правомъ на свободу при первой возможности уплатить долгъ, или удовлетворить другимъ требованіямъ по условію. И такъ было на Руси почти до конца XVI вѣка, пока Московская централизація не вздумала принять на себя опеки надъ свободными членами русскаго общества и тѣмъ проложить дорогу къ развитію рабства въ послѣдствіи.

Въ тысяча пятьсотъ девяностыхъ годахъ въ степеняхъ временнаго порабощенія произошла важная и существенная перемѣна, положившая начало будущему развитію рабства въ Россіи. Государство изъ финансовыхъ видовъ придумало всѣхъ полусвободныхъ

взять подъ свою опеку и силою закона и власти преградить имъ путь къ полученію свободы или къ поступленію въ полное рабство; для этой цѣли оно сперва прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, а потомъ кабальныхъ холопей къ личности господъ съ запрещеніемъ продаваться въ полные холопи.

Указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, по всему вѣроятію, былъ изданъ между 1591 и 1592 годами. Этимъ указомъ крестьяне были прикрѣплены къ той землѣ, на которой онъ ихъ засталъ, безъ различія была ли то земля частная, владѣльческая, или черная, государственная. До насъ этотъ указъ не дошелъ; но изъ послѣдующихъ, дошедшихъ до насъ, распоряженій мы знаемъ, что на основаніи его крестьяне хотя потеряли право свободнаго перехода съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца къ другому, тѣмъ не менѣе не потеряли еще правъ личности, и не составляли безгласной собственности своихъ землевладѣльцевъ, а напротивъ считались еще членами русскаго общества, платили государственныя подати и несли разныя повинности, имѣли право суда даже противъ своихъ господъ, право вступленія въ договоръ и съ своими господами и съ посторонними лицами и съ казною, могли имѣть и имѣли свою собственность и даже на свое имя крѣпостныхъ дворовыхъ людей или полныхъ холоповъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя дошедшія до насъ поступныя записи и другія сдѣлки крестьянъ объ ихъ крѣпостныхъ людяхъ. Но, благодаря этому указу, крестьяне потеряли важное право выхода изъ полусвободнаго состоянія, и такимъ образомъ по закону лишились возможности и права распоряжаться своею личностью.

О прикрѣпленіи кабальныхъ холопей мы также не имѣемъ указа, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ послѣдовалъ въ 1596 году; въ этомъ насъ увѣряетъ указъ отъ 25 апрѣля 1597 года, въ которомъ есть ссылка на Государево уложеніе отъ 1-го іюня 1596 года. Изъ этой ссылки видно, что хотя служилыя кабалы по прежнему состояли въ томъ, чтобы должнику за проценты съ занятаго капитала служить у заимодавца; но по новому указу возвращеніе занятаго капитала отмѣнено, и вмѣсто службы до уплаты долга, должникъ обязывался состоять въ холопствѣ до смерти заимодавца. Въ указѣ сказано: «и тѣмъ всѣмъ людемъ и женамъ ихъ и дѣтемъ, которые жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ

своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ; а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу, до смерти. А которого записного кабалного человѣка которая кабала, старая или новая, по новому уложенью записана въ книгѣ, а въ томъ кабалномъ холопствѣ у него родится сынъ или дочь, и тѣ ихъ дѣти тѣмъ своимъ государемъ въ холопи, противъ докладныхъ людей, и до государевѣжъ смерти, какъ и отцы ихъ. А женамъ послѣ мужей своихъ и дѣтемъ послѣ отцовъ своихъ, до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ будутъ писаны и которые дѣти въ томъ кабальномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати» (Акт. И. т. I. стр. 419.). Такимъ образомъ кабальные холопи или закупы въ деньгахъ, изъ должниковъ, служившихъ у кредиторовъ до уплаты долга, обратились въ крѣпостныхъ слугъ, обязанныхъ служить до смерти кредитора; уплата же долга совершенно отмѣнена, и служилая кабала, бывшая доселѣ кредитнымъ актомъ, потеряла свое прежнее значенiе и осталась только при характерѣ временной крѣпости. Но тѣмъ не менѣе кабальные холопи не обратились еще въ полную собственность своихъ господъ,—ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни подарить, ни отдать въ наслѣдство; они были крѣпки только лицу господина, которому дали кабалу, а по смерти его получали свободу по закону. Даже, еслибы кабальный холопъ желалъ дать на себя новую кабалу сыну своего господина, то не могъ этого сдѣлать иначе, какъ получивши напередъ отпускную отъ отца. Впрочемъ кабальный холопъ, потерявшiй значенiе должника, кажется не потерялъ права продать себя въ полные холопи своему же господину; по крайней мѣрѣ въ указѣ отъ 25 апрѣля 1597 года сказано: «А которые кабалные люди учнутъ на себя полные и докладные давати, и тѣхъ кабалныхъ людей отсылать съ памятьми и съ кабалами къ постелничему.» Но это право въ послѣдствiи, по всему вѣроятiю, было отмѣнено; по крайней мѣрѣ о немъ не упоминается въ послѣдующихъ узаконенiяхъ.

Указъ 1597 года не ограничился прикрѣпленiемъ кабальныхъ хо-

лопей, но распространилъ эту крутую мѣру и на вольныхъ людей, состоявшихъ у кого либо въ услуженіи безъ служилыхъ кабалъ. Указъ относительно сихъ людей назначилъ полугодичный срокъ: «А кто скажетъ послужилъ у кого доброволно съ полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочетъ, и на тѣхъ волныхъ холопей служилыя кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати.» Но это узаконеніе, надѣлавшее много безпорядковъ и развившее бродяжническую жизнь вольныхъ людей, указомъ отъ 9 марта 1608 года было отмѣнено, и велѣно «по прежнему уложенью имати записи на волныхъ людей всякимъ людемъ на урочные годы (А. И. т. II стр. 116).»

Узаконенія послѣднихъ годовъ XVI столѣтія о полусвободныхъ людяхъ, послѣ долгихъ колебаній и полумѣръ, наконецъ были утверждены Уложеніемъ 1649 года, которое окончательно признало крестьянъ крѣпкими землѣ, кабальныхъ холоповъ крѣпкими ихъ господамъ, до смерти господъ, и дающихъ на себя запись на урочные годы крѣпкими своимъ хозяевамъ до истеченія срока, написаннаго въ записи. Но симъ прикрѣпленіемъ по Уложенію, также какъ и по прежнимъ законамъ, полусвободные не потеряли правъ личности и не сдѣлались еще безгласною собственностію своихъ владѣльцевъ. Самыя формы прикрѣпленія по Уложенію для полусвободныхъ были тѣже, какія были и до Уложенія, именно: для крестьянъ порядныя и ссудныя записи, для кабальныхъ людей служилыя кабалы, для временно на урочные годы поступающихъ въ службу житейскія или жилыя записи. Уложеніе 1649 года сдѣлало только нѣкоторыя перемѣны относительно формальностей при совершеніи сихъ крѣпостей; такъ 72 статья XX главы требуетъ, чтобы служилыя кабалы воеводы и всякіе приказные люди въ городахъ утверждали собственноручною подписью, а не приложеніемъ печати; по 73 статьѣ той же главы требуется, чтобы кабальныя записныя книги каждогодно присылались въ Москву за воеводскими подписями, а 76 статьею узаконено, чтобы, при выдачѣ служилыхъ кабалъ, въ предупрежденіе споровъ, прописывались примѣты того, на кого дается кабала. Тѣже самыя формальности наблюдались и при выдачѣ крестьянскихъ порядныхъ, а также въ житейскихъ или жилыхъ записяхъ.

Вотъ образцы старинныхъ крѣпостей, которыми утверждалось

право на полусвободныхъ людей; изъ нихъ всего лучше видно, какъ съ постепеннымъ измѣненіемъ значенія и правъ полусвободныхъ людей, постепенно измѣнялись и самыя формы прикрѣпленія, хотя носили одинаковое названіе, и на сколько правительство принимало участія въ этомъ дѣлѣ.

Первымъ классомъ полусвободныхъ конечно были крестьяне, или ролейные закупы по Русской Правдѣ. Классъ этотъ былъ зажиточнѣйшій и болѣе самостоятельный изъ всѣхъ полусвободныхъ; каждый крестьянинъ имѣлъ хоть чужой участокъ земли и свое хозяйство. Форма поступленія въ крестьянство, по крайней мѣрѣ со времени Судебниковъ, состояла въ ссудной записи или въ порядной во крестьяне. Это былъ чисто гражданскій актъ, основанный на взаимномъ согласіи договаривающихся сторонъ; въ прежнее время, по крайней мѣрѣ до Царскаго Судебника, для этого акта не требовалось даже свидѣтелей: для дѣйствительности его достаточно было одной печати землевладѣльца, къ которому рядился крестьянинъ; притомъ порядная кажется болѣе нужна была для крестьянина, нежели для землевладѣльца, ибо она собственно охраняла крестьянина на занятой имъ землѣ, по крайней мѣрѣ бѣловыя порядныя за владѣльческою печатью хранились у крестьянъ, а не у землевладѣльцевъ. Такъ на одной порядной около 1547 года на оборотѣ отмѣчено: «Списки черные съ порядныхъ, а бѣлые порядные даны Воллозерскимъ крестьянамъ за келарскою печатью.» Это надписано на одной порядной монастыря съ крестьянами (А. Юр. № 176.) Со времени Царскаго Судебника для дѣйствительности порядной, какъ крѣпостнаго акта, требовались уже свидѣтели, которые обыкновенно прописывались въ концѣ порядной, а на оборотѣ прикладывали руки. Такъ, напримѣръ, въ одной порядной во крестьянство, писанной въ 1585 году, въ концѣ сказано: «А на то послуси Кузма Дороѳіевъ, да Григорей Васильевъ сынъ Ушаковъ, да Сава Семеновъ. А запись писаль Васюкъ Карцовъ, лѣта 7093 генваря въ 10 день». А на оборотѣ: «Послухъ Сава и руку приложилъ; послухъ Кузма руку приложилъ; послухъ Гриша руку приложилъ.» До прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ въ порядныхъ обыкновенно писались неустойки, на случай если крестьяне не поселятся на поряженной землѣ; такъ въ приведенной выше порядной 1585 года сказано: «А не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ и не поставимъ хо-

ромъ въ девятдесятъ третьемъ году, и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти игумену Іонѣ съ братьею за убытки и за волокиту десять рублевъ Московскую и подможные деньги» (Ак. Юр. № 183). Вообще до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ порядныя во крестьянство носили характеръ наемнаго контракта, что продолжалось нѣсколько времени даже и по прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, когда прикрѣпленіе еще не совсѣмъ утвердилось; но къ концу первой половины XVII вѣка крестьянскія порядныя приняли чистый характеръ крѣпостей, и посему для совершенія порядныхъ требовалось уже болѣе формальностей: въ порядныхъ не только писались свидѣтели, но и нужно было, чтобы порядная была записана въ особыхъ крѣпостныхъ книгахъ въ приказной или съѣзжей избѣ, передъ городскимъ воеводою или передъ губнымъ старостою, при чемъ съ поступающаго въ крестьянство снимался допросъ, кто онъ родомъ, дѣйствительно ли вольный человѣкъ, и добровольно ли вступаетъ въ крестьянство и даетъ порядную; тутъ же прописывались и примѣты поряжающагося. Самое писаніе порядныхъ кажется принадлежало площаднымъ подьячимъ, стариннымъ публичнымъ маклерамъ, которые обыкновенно и носили порядныя въ съѣзжіе избы для записки въ крѣпостныя книги, гдѣ при этомъ сбирались слѣдующія по закону пошлины съ рубля; и порядныя уже выдавались не крестьянамъ, а землевладѣльцамъ, какъ крѣпостные акты. А иногда порядныя писались въ самой съѣзжей избѣ, или на дому.

Вотъ образчикъ всѣхъ формальностей при написаніи и запискѣ крестьянской порядной, относящійся къ 1647 году: «Марта въ 13 день воеводѣ (Новгородскому) князю Семену Андреевичу Урусову да дьяку Лукьяну Талызину Еремѣй Пущинъ подалъ крестьянскую порядную запись, а въ записи пишетъ. «Се азъ Галахтіонъ Кондратьевъ сынъ, прозвище Роспута, порядился есми за Еремѣя да за Ондрея Ждановыхъ дѣтей Пущина въ государево жалованье, а въ ихъ отцовское помѣстье, въ Шелонскую пятину на погостъ на Илемно во крестьяне на полчети выти, на крестьянской участокъ въ готовые хоромы. А подмоги я Галахтіонко взялъ у Еремѣя да у Ондрея Пущиныхъ на тотъ свой участокъ: лошадь мерина рыжа, а цѣна три рубли, да корову красну, полтора рубли, да овцу, да свинью, цѣна полтина, да въ землѣ сѣяной ржи ко 155-му году осмину, да на ѣмена взялъ хлѣба и на сѣмена всякаго хлѣба пять четвертей;

а лготы мнѣ Галахтіонку Еремѣй да Ондрей пожаловали съ нынѣшнего со 155 году марта съ третьяго надесять числа да впредь на годъ. И мнѣ Галахтіонку въ тотъ волготной годъ того своего участка пашня роспахать, и сѣно роскосити и около пашни по своему участку изгороды розгородить. И послѣ лготныхъ лѣтъ и впредь мнѣ Галахтіонку жити за государи своими за Еремѣемъ да за Ондреемъ на томъ своемъ крестьянскомъ участкѣ во крестьянѣхъ, и того своего участка не запустошити, и съ того участка государевы подати платити и помѣщицкіе доходы давати, издѣлье всякое дѣлати по своему участку со крестьяны вмѣстѣ, и изъ за государей своихъ изъ за Еремѣя и изъ за Ондрея Ждановыхъ дѣтей Пущина не выходить, и въ Софѣйскую и въ манастырскіе вотчины, и за дворяны и за дѣтей боярскихъ во крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядитца и не задаватца. А не учну я Галахтіонко жити за государи своими за Еремѣемъ да за Ондреемъ на томъ своемъ крестьянскомъ участкѣ во крестьянѣхъ, учну съ того своего (участка) сходить и задаватца въ Софѣйскую и въ манастырскіе вотчины, и за дворянъ и за дѣтей боярскихъ рядитца и задаватца во крестьяне и въ бобыли, и не учну за ними жити во крестьянѣхъ на своемъ крестьянскомъ участкѣ: и государемъ моимъ Еремѣю да Ондрею Ждановымъ дѣтемъ Пущина и за свою подмогу взять пять рублевъ Московскимъ числомъ, а впредь таки я Галахтіонко на томъ своемъ крестьянскомъ участкѣ во крестьянствѣ, и имъ Еремѣю да Ондрею Пущинымъ крестьяниnъ. А на то послухъ Василей Пентелѣевъ. А порядную крестьянскую запись писалъ площадной подьячей Гаврилка Васильевъ, лѣта 7155 году марта въ 13 день.» А назадѣ у записи написано: къ сей порядной записи Покровской попъ Данилъ Ларіоновъ вмѣсто Галахтіонка, по его велѣнью, руку приложилъ, да послухова рука. А въ роспросѣ Галахтіонко сказался: Волной человѣкъ, родомъ Каргополецъ, работного человѣка сынъ, и отца де и матери онъ остался малъ, а послѣ отца и матери бродилъ по волостемъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, переходя кормился работою, а во дворѣ де онъ въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, ни во крестьянехъ ни въ бобылѣхъ ни за кѣмъ не живалъ, а у Еремѣя да у Ондрея Пущиныхъ жилъ онъ доброволно два года; а нынѣ имъ же билъ челомъ во крестьяне, и порядную запись имъ на себя даетъ своею волею. Ростомъ середней человѣкъ, въ лицо скудоликъ, волосы на головѣ

и брови и усъ и бородецо гораздо свѣтлорусо, голобрудъ (sic), глаза свѣтло-сѣры, носъ прямъ, сказалъ себѣ двадцать пять лѣтъ.

И съ тое крестьянские ссудные записи по государеву указу съ пяти рублевъ пошлинъ пять алтынъ (Рук. Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Новгор. каб. кн. № 35, л. 75—78 об.)».

Или вотъ другая подобная запись, писанная въ томъ же 155 году, гдѣ порядная во крестьянство названа *ссудною порядною* записью.

«155 году сентября въ 1 день привелъ предъ губного старосту Степана Завалишина Тихонъ Гавриловъ сынъ Бровцынъ крестьянина своего Ѳомку Карпова, и положилъ на него ссудную порядную запись, чтобъ та запись въ крѣпостныя крестьянскія книги записать. А въ записи пишетъ:

«Се азъ Ѳомка Карновъ, волной человѣкъ, порядился есми за Тихона Гаврилова сына Бровцына въ государево жалованье, а въ его помѣстье, въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Деревской пятинѣ въ Усть-Воломскомъ погостѣ, въ деревню Середнюю. А подмоги я у него взялъ лошадь, да корову, да свинью, да двѣ овцы, да хлѣба ржи и овса пять четвертей; а на лготѣ мнѣ Ѳомкѣ жити за нимъ государемъ своимъ Тихономъ Гавриловичемъ три годы; а въ тѣ лготные годы мнѣ дворъ поставить, и поля разгородить и розчистить, и сѣнной покосъ роскосить, и гумно устроить, и тое подмогу заплатить всю сполна. А какъ лготные годы отойдутъ, и мнѣ Ѳомкѣ жити за нимъ государемъ своимъ Тихономъ Гавриловичемъ, государевы подати платить, и на него издѣлье дѣлать, и оброкъ платить, чѣмъ меня пожалуетъ ни пооброчитъ. А жити мнѣ Ѳомкѣ за нимъ государемъ своимъ безъотходно, никуды не сбѣжать; а не учну я Ѳомка за нимъ государемъ своимъ Тихономъ Гавриловичемъ во крестьянѣхъ жити, куды сбѣгу, или за кого поряжусь, и на мнѣ Ѳомкѣ взять ему Тихону по сей записи пять рублевъ Московскимъ числомъ, а впредь таки я за нимъ государемъ своимъ Тихономъ Гавриловичемъ во крестьянствѣ крестьяниномъ, и ся запись въ запись. А порядную запись писалъ земской дьячекъ Деревскія пятины Аѳонка Авдѣевъ, лѣта 7155 году сентября въ 1-й день.

«А въ роспросѣ Ѳомка сказался: уроженецъ Псковитинъ, волной человѣкъ, отца и матери, остался малъ, не помнитъ, а послѣ отца кормился Христовымъ именемъ и роботою, во дворѣ и въ холопяхъ не у кого не служивалъ, и во крестьянѣхъ ни за кѣмъ не

живалъ; а у Тихона живетъ другой годъ, и нынѣ бьетъ челомъ Тихону Бровцыну потомужъ во крестьяня, и ссудную порядную запись даетъ на себя волею. Ростомъ Ѳомка середней, волосомъ русъ, глаза сѣры, носъ прямъ, усъ и борода высѣдаетъ свѣтло-руса, сказалъ себѣ двадцать лѣтъ. И съ тое порядные записи пошлины взяты по Государеву указу пять алтынъ» (Рук. Арх. М. И. Д., тамъ же, л. 165—166).

Вторымъ классомъ полусвободныхъ были кабальные холопы, или закупы по Русской Правдѣ. Они, какъ мы уже знаемъ, первоначально были не больше какъ должники, живущіе въ службѣ у заимодавца въ обезпеченіе долга и для уплаты своею работою процентовъ, ибо кабала значила ничто иное какъ заемное письмо; кабалы писались въ займахъ и безъ поступленія въ службу къ заимодавцу. Характеръ должниковъ принадлежалъ кабальнымъ людямъ долгое время и послѣ Судебниковъ, и только съ 1596 года они по закону обратились въ холоповъ по смерть заимодавца. Конечно, на практикѣ, въ жизни, кабальный человѣкъ и въ древнее время большею частію оставался въ холопствѣ у своего заимодавца, ибо мудрено представить, чтобы бѣднякъ, занявши деньги и отдавши себя въ работу заимодавцу только за одни проценты, удобно могъ найти средства для уплаты самаго капитала; но онъ по крайней мѣрѣ по закону прежде имѣлъ на это право, и при случаѣ могъ пользоваться имъ. Но съ указа 1596 года кабальный потерялъ право уплаты долга и освобожденія отъ холопства до смерти заимодавца; въ указѣ прямо сказано: «отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати.» Тѣмъ не менѣе форма кабальныхъ записей и послѣ 1596 года оставалась почти прежняя, какая была по Судебникамъ. Изъ Царскаго Судебника мы знаемъ, что служилыя кабалы представлялись въ присутственныя мѣста для приложенія печати боярамъ и для подписи дьякамъ, при чемъ вѣроятно съ дающаго кабалу снимался допросъ,—кто онъ, вольный ли человѣкъ, и добровольно ли даетъ кабалу, и конечно при этомъ требовались свидѣтели, ибо въ Судебникѣ прямо сказано, что кабалы могутъ давать только вольные люди. Тѣже самыя формы наблюдались и въ XVII вѣкѣ послѣ указа 1596 года, только вмѣсто пятнадцати рублей, назначенныхъ по Судебнику, въ XVII вѣкѣ въ кабалахъ не дозволялось писать выше трехъ рублей, и притомъ въ XVII вѣкѣ въ кабалахъ

прямо писалось: служить по смерть господина; а по Судебникамъ этого условія не было.

Вотъ нѣсколько образчиковъ кабальныхъ записей XVII вѣка со всѣми формальностями, какія тогда наблюдались.

«Октября въ 12 день къ дьяку къ Лукьяну Талызину площадные дьячки Архипка Юрьевъ да Михалка Ивановъ принесли къ запискѣ служилую кабалу. А въ кабалѣ пишетъ:

«Се язъ Дмитрейко Савастьяновъ сынъ, Бѣлского города уроженецъ, волной человѣкъ, занялъ есми у Волексѣя Ильина сына Глѣбова денегъ три рубли Московскимъ числомъ октября со втораго надесять числа нынѣшнего сто пятдесятъ пятаго году, да впредь на годъ октября по второежъ на десять число; а за ростъ мнѣ Дмитрейку у государя своего у Волексѣя Ильича служити по вся дни во дворѣ; а полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ Дмитрейку у государя своего у Волексѣя Ильича такоже служити по вся дни во дворѣ по сей служилой кабалѣ. А на то послухъ Архипъ Юрьевъ. А служилую кабалу писалъ площадной подьячей Михалко Ивановъ, лѣта 7155 году октября въ 12 день.

«А въ роспросѣ Дмитрейко сказался: родомъ Бѣлского города изъ уѣзду, съ Соловковъ, гулящего человѣка сынъ, отца и матери нѣтъ, а онъ де послѣ отца и матери все жилъ на Крестецкомъ яму, кормился черною работою, а во дворѣ де онъ въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, и во крестьянѣхъ и въ бобылѣхъ ни у кого не живалъ, а какъ у Волексѣя Глѣбова живетъ, тому нынѣ другой годъ; а нынѣ бьетъ челомъ во дворъ ему же и служилую кабалу на себя даетъ волею. Ростомъ полной человѣкъ, собою плоскъ, въ лицо кругголикъ, волосы на головѣ русы, носъ прямъ, борода и бруди (sic) всучермне, глаза сѣры, сказалъ собѣ тридцать семь лѣтъ. И съ тое служилые кабалы у Олексѣя Глѣбова съ трехъ рублевъ пошлинъ три алтына взяты» (Рук. Арх. М. И. Д., тамъ же, л. 2—3 об.).

Форма настоящей кабалы совершенно древняя, по Судебнику: здѣсь еще какъ бы допускается платежъ капитала и съ тѣмъ вмѣстѣ свобода кабальнаго холопа по уплатѣ долга, и только назначается, чтобы долгъ былъ уплаченъ въ написанный въ кабалѣ годичный срокъ: *«занялъ три рубли впредь на годъ, а за ростъ мнѣ служити по вся дни; а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ такоже служити по вся дни по сей кабалѣ»*. Но въ послѣдствіи эта

форма служилыхъ кабалъ измѣнилась, и о деньгахъ, согласно съ указомъ 1596 года, въ кабалахъ даже не писалось, хотя кабальныя люди, согласно съ указомъ, состояли въ холопствѣ только по смерть господина и нисколько не составляли полной собственности. Этотъ новый порядокъ ясно видѣнъ въ слѣдующей кабалѣ.

«Іюля въ 16 день столнику и воеводѣ (Нижегородскому) князю Василію Васильевичу Кропоткину да дьяку Артемью Степанову столника Семена Θедорова сына Плещѣева человѣкъ его Васка Колчановъ объявилъ вольного человѣка Ивашка Никитина сына Шулындина. И онъ Ивашко подалъ сказку и служилую на себя кабалу, а въ сказкѣ и въ кабалѣ пишетъ:

«195 году іюля въ 16 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, въ приказной избѣ передъ столникомъ и воеводою, передъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Кропоткинымъ, да передъ дьякомъ Артемьемъ Степановымъ, волной человѣкъ Ивашко Никитинъ сынъ Шулиндинъ сказалъ: въ службѣ великихъ государей не бывалъ, и въ кабальномъ холопствѣ ни у кого не служивалъ, и за помѣщики и за вотчинники и во крестьянствѣ въ посадѣ въ тяглѣ не живалъ, послѣ отца своего и матери остался малъ и кормился въ мірѣ черною работою; а нынѣ я Ивашко билъ челомъ съ воли государю своему столнику Семену Θедоровичу Плещѣеву во дворъ, и служилую кабалу на себя ему далъ волею своею. То моя и сказка. А подлинную сказку писалъ площадной подьячей Стенка Никифоровъ. У той же сказки назади пишетъ: Къ сей сказкѣ вмѣсто Ивана Никитина Шулиндина, по его велѣнію, Нижегородскіе площади подьячей Игошка Гарасимовъ руку приложилъ».

А вотъ и кабала.

«Се язъ волной человѣкъ Иванъ Микитинъ сынъ Шулындинъ въ нынѣшнемъ во 195 году іюля въ 16 день билъ челомъ я Иванъ въ кабалное холопство столнику Семену Θедоровичю Плещѣеву и служилую кабалу я Иванъ ему государю своему Семену Θедоровичю даю на себя волею своею, и служить мнѣ Ивану у него государя своего Семена Θедоровича во дворѣ по его животъ. А на то послуси.

Нижегородскіе площади подьячіе, Прокофей Смирновъ, Алексѣй Ивановъ. А служилую кабалу писалъ Нижегородскіе площади подьячей Ѳедка Андреевъ, лѣта 7195 іюля въ 16 день.

«У подлинной служилой кабалы назади пишетъ: къ сей служилой кабалѣ вмѣсто Ивана Никитина, по его велѣнью, площадной подьячей Гришка Филиповъ руку приложилъ, да послуховы руки. У сей же кабалы въ лицѣ помѣта діака Артемья Степанова: «195 году іюля въ 16 день Ивашко сказался волной и подалъ сказку; осмотря его—записать». И противъ сей помѣты Ивашко Микитинъ досматриванъ, а по осмотру онъ Ивашко ростомъ середней, волосомъ голова руса, глаза сѣры въ ямѣ, носъ продолговатъ, немного вскоросъ, съ горбинкою, лицемъ продолговатъ, скуденъ скулинками, борода шиломъ, не велика, свѣтлорусенка, малобрудъ, у правой руки персты всѣ кривы, у лѣвой руки меньшіе два перста кривыжъ, отъ роду сказался тридцети пяти лѣтъ. Пошлинъ по указу три алтына взято. Принялъ денги подьячей Михайло Бедаревъ (Рук. Арх. М. И. Д., зап. кн. Нижн. Новг. №41 л. 119 об.—121 об.).

Была еще и иная форма поступленія въ кабальное холопство, когда поступали въ холопство не по собственной волѣ, а отдавались дѣти родителями; хотя условія этого холопства были тѣже,—служить по смерть господина, но запись называлась уже не кабалою, а данною записью. Вотъ ея образчикъ, относящійся къ 1647 году.

«Маія въ 5 день воеводѣ князю Семену Андреевичу Урусову да дьяку Лукьяну Талызину Новгородскіе гости Семенъ да Иванъ Стояновы били челомъ рѣчью и подали къ докладу, къ запискѣ даную запись, чтобъ та запись велѣти въ записные кабалные холопьи книги записать. И воевода князь Семенъ Андреевичь Урусовъ да дьякъ Лукьянъ Талызинъ, Семена да Ивана Стояновыхъ словеснаго челобитья и даной записи слушавъ, велѣли тое запись въ записные кабалные холопьи книги записати. А въ записи пишетъ: «Се язъ Никула Леонтіевъ сынъ огородникъ, Новгородецъ, далъ есми запись Новгородскимъ гостемъ Семену да Ивану Ивановичемъ Стояновымъ въ томъ, что есть мнѣ Никулѣ отдать имъ кабалнаго и безкабалнаго долгу пятдесятъ рублевъ, и мнѣ Никулѣ того своего долгу пятидесяти рублевъ платить имъ нечимъ. И я Никула за тотъ свой долгъ за пятдесятъ рублевъ имъ Новгородскимъ гостемъ Семену Ивановичу, Ивану Ивановичу Стояновымъ

отдалъ во дворъ дѣтей своихъ сына своего Сенку, да другаго маленкого на другомъ году Ивашка, да трехъ дочерей своихъ Наталку, да Оксюшку, да Овдотьицу, служить имъ дѣтемъ моимъ всѣмъ у нихъ во дворѣ до ихъ смерти и всякая работа работати, чего они заставятъ, и быти имъ дѣтемъ моимъ у нихъ въ послушаніи и въ покореніи. Волно имъ Семену Ивановичу и Ивану Ивановичу тѣхъ дѣтей моихъ смирять всякимъ смиреньемъ за вину, и ото всякого дурна унимати; а мнѣ Никулѣ въ тѣхъ своихъ дѣтей ни въ одного не вступаться, и объ нихъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи не бити челомъ ни на которомъ городѣ. А мнѣ тѣхъ своихъ дѣтей поить и кормить и одѣвать и обувать нечимъ. А учну я Никула о тѣхъ своихъ дѣтехъ государю бити челомъ и въ нихъ вступатца, и Новгородскимъ гостемъ Семену Ивановичу, Ивану Ивановичу Стояновымъ взяти на мнѣ Никулѣ по сей записи сто рублевъ Московскихъ, а впредь таки дѣти мои по сей даной записи имъ крѣпки во дворѣ служити. А въ спосѣ и въ побѣгѣ порука имъ я Никула по дѣтехъ своихъ по всѣхъ. Да въ томъ я Никула и сю даную на дѣтей своихъ далъ. А на то послуси: Григорей Степановъ, Ѳедотъ Никифоровъ. А даную запись писалъ площадной подьячей Васка Охапатковъ, лѣта 7155 маія въ 5 день.» А назадѣ у подлинной даной записи написано: «Къ сей даной записи вмѣсто Никулы огородника, по его велѣнью, посадской человѣкъ Гришка Тимофѣевъ сынъ Декша руку приложилъ. Послухъ Гришка руку приложилъ. Послухъ Ѳедотко руку приложилъ. А въ примѣты тѣ Никулкины дѣти: Сенка въ лицо круглоликъ, носъ прямъ, волосы на головѣ темнорусы, исподняя щека на двое, уши круглы повелики, глаза темнокари, сказалъ себѣ тринадцать лѣтъ; а братъ его Ивашко въ лицо круглоликъ, бѣлъ, волосы на головѣ свѣтлорусы, глаза свѣтлосѣры, носъ перелукъ; а сестра ихъ дѣвка Натальица ростомъ середняя, въ лицо круглолика, бѣла, глаза темнокари, волосы на головѣ русы, брови свѣтлорусы, сказала себѣ шестнадцать лѣтъ; а сестра еѣ Оксеньица въ лицо круглолика, глаза свѣтлосѣры, носъ прямъ, волосы на головѣ темнорусы, сказала себѣ одиннадцать лѣтъ; а другая сестра еѣ Натальицына Овдотьица въ лицо круглолика же, носъ прямъ, волосы на головѣ русы; а про брата своего меншого Ивашка и про сестру свою Овдотьицу сестра ихъ Натальица сказала: Ивашка де нынѣ на другомъ году,

а Овдотьицѣ нынѣ восмой годъ. И съ тое записи у гостей у Семена да у Ивана Стояновыхъ, по Государеву указу, съ заряду со ста рублевъ, съ рубля по алтыну, всего три рубли» (Арх. М. И. Д. Новг. каб. кн. № 35, л. 40 об.—43 об.).

Такимъ образомъ во всѣхъ формахъ крѣпостей на кабальное холопство мы видимъ одинъ характеръ долговаго обязательства съ уплатою процентовъ, а иногда и капитала работою должника или его дѣтей; но до 1596 года работа должника оканчивалась уплатою долга, послѣ же указа 1596 года объ уплатѣ долга не было уже и помину: и работа и крѣпость должника продолжались до смерти заимодавца. Формальности при написаніи кабалы были тѣ же самыя, какъ и при написаніи крестьянской порядной или ссудной записи: требовалось, чтобы при написаніи кабалы присутствовали свидѣтели, чтобы кабала была предъявлена въ приказной избѣ и записана въ крѣпостныя книги съ взятіемъ казенныхъ пошлинъ; при запискѣ кабалы въ крѣпостныя книги или дѣлался допросъ дающему на себя кабалу, кто онъ, вольной ли человѣкъ, и добровольно ли даетъ на себя кабалу? или дающій кабалу вмѣстѣ съ кабалою подавалъ о себѣ сказку. Кабала могла быть написана или дома, или у площаднаго подьячаго, или въ приказной избѣ; но безъ доклада и безъ записки въ крѣпостныя книги она не имѣла силы на судѣ, какъ актъ незасвидѣтельствованный, неутвержденный оффиціально. Еще по Царскому Судебнику требовалось, чтобы на кабалѣ была подпись дьяка и печать боярина; но по Уложенію вмѣсто печати требовались уже подпись городскаго воеводы или губнаго старосты.

Третій разрядъ полусвободныхъ людей, какъ мы уже видѣли, составляли тѣ люди, которые поступали въ крѣпость на опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ: въ нихъ характеръ должниковъ соединялся съ характеромъ наймитовъ; крѣпости, по которымъ они жили у своихъ хозяевъ, назывались житейскими или жилыми записями. Вотъ для большей ясности нѣсколько образчиковъ такихъ крѣпостей, писанныхъ въ XVII вѣкѣ до Уложенія и послѣ Уложенія, со всѣми формальностями, какія тогда наблюдались.

«Декабря въ 20 день (155 года) дьяку Лукьяну Талызину Новгородецъ посадцкой человѣкъ, Игнашко солодожникъ подалъ житецкую запись, а въ записи пишетъ: «Се язъ Ѳедоръ Степановъ сынъ Вологжанинъ, прозвище Рукавовыхъ, волной человѣкъ, далъ есми

на себя запись въ Великомъ Новѣгородѣ Новгородцу торговому человѣку, Игнатью Григорьеву солодовнику, по своему полюбовному договору, что жити Өедору у него Игнатья съ нынѣшнего 155 году да впредь по его Игнатьеву смерть. И живучи мнѣ Өеодору у него Игнатья ѣсть и пить, и платье верхнее и исподнее и обувь носити все его Игнатьево, и его Игнатья во всемъ слушать, и всякое дворовое дѣло дѣлати; и живучи мнѣ Өеодору у него Игнатья, надъ его Игнатьевымъ животомъ хитрости во дворѣ и въ лавкѣ, или гдѣ онъ Игнатей меня съ своимъ животомъ пошлетъ, никакіе не чинить и собины ни въ чемъ себѣ не копить, и его Игнатьева живота не покрасть, и покрадчи съ его Игнатьевымъ животомъ на иной городъ не сбѣжати, и никакимъ воровствомъ не воровати и дурна никакого не дѣлати, и на кабакъ не ходить и не бражничать, и никакою костарною игрою не играть, и его Игнатьева живота не пропивать, и беречи накрѣпко, и во всѣмъ ему радѣть. А не учну я Өедоръ у него Игнатья въ послушаніи жити или не учну его Игнатья въ чемъ слушати, или не учну всякаго двороваго дѣла дѣлати, или живучи у него Игнатья учну надъ его животомъ во дворѣ или въ лавкѣ, или въ отъѣздѣ, гдѣ онъ меня съ своимъ животомъ пошлетъ, и учну какову хитрость чинить, или учну изъ его Игнатьева живота въ чемъ нибуди собину себѣ копить, или на кабакъ ходить, и учну пить и бражничать, или какою костарною игрою играть, или какимъ воровствомъ воровать; и ему Игнатью волно меня смирять, и отъ глупости унимати безъ боязни. Или покрадчи его Игнатья съ его животомъ на иной городъ куда сойду, и ему Игнатью волно меня, на которомъ городѣ или въ какомъ присудѣ ни буди поймавъ, къ себѣ привести и свои животы у меня взять. А мнѣ Өедору отъ него Игнатья не отъиматься отъ сей записи ни казачествомъ, ни стрѣлечествомъ, ни пушкарствомъ, и никакою задачею, ни княженецкимъ, ни боярскимъ, ни патріаршимъ, ни монастырскимъ, ни градскимъ тягломъ, и никакими слободами, и никакими крѣпостными дѣлы. Гдѣ ся запись на меня ни ляжетъ на которомъ городѣ нибуди или въ каковѣ присудѣ, или въ волостѣхъ: тутъ по ней судъ, волно ему править на мнѣ животы свои и убытки любымъ приставомъ передъ любымъ судьею по сей записи. А ся ему Игнатью на меня запись въ съѣзжіе избы въ книги записать. А на то послуси Өедотъ Кузминъ сынъ Бовыкинъ да Михайла Ивановъ. А запись писалъ

площадной подьячей Ѳедка Томиловъ, лѣта 7155 году ноября въ 4 день. А назадѣ у подлинной записи написано: «къ сей записи Ѳедка Стефановъ сынъ Рукавовыхъ руку приложилъ, да послуховы руки». «А въ роспросѣ Ѳедка сказался: родомъ Вологжанинъ посадцкаго человѣка сынъ, отца и матери остался двунадцати лѣтъ, а родъ де у него и племя на Вологдѣ есть, а съ Вологды онъ сошелъ на Колмогоры и ходилъ къ морю, кормился работою, и во дворѣ де онъ въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, и во крестьянѣхъ ни въ бобылѣхъ ни за кимъ не живалъ; а нынѣ онъ пришелъ въ Новгородъ и билъ челомъ во дворъ Новгородцу посадцкому человѣку Игнашку Григорьеву сыну солодовнику по своему договору, и житецкую запись ему на себя даетъ своею волею. Ростомъ середней человѣкъ, въ лицо кругололикъ, бѣлъ, глаза сѣры, волосы на головѣ и брови свѣтлорусы, носъ прямъ, сказалъ себѣ семнадцать лѣтъ.» (Арх. М. И. Д. Новг. каб. кн. № 35, л. 5—8 об.).

Въ настоящей житейской записи срокъ назначенъ по смерть хозяина; а вотъ другая запись, гдѣ срокъ положенъ въ 15 лѣтъ.

Марта въ 16 день (1686) столнику и воеводѣ князю Василью Васильевичу Кропоткину да дьяку Артемью Степанову Вязниковца Ѳедора Иванова сына Суворова человѣкъ его Гурка Ѳедоровъ сынъ Широковъ подалъ жилую запись, а въ ней пишетъ.

Се азъ великихъ государей дворцовой Ярополческой волости Горнего Николскаго стану, Горной пятины деревни Холщевы безтяглой гулящей человѣкъ Гаврило Игнатьевъ сынъ, прозвище Лукинъ, въ нынѣшнемъ во 194 году генваря въ 10-й день занялъ есми азъ Гаврило у Вязниковца у Ѳедора Иванова сына Суворова на росплату долговъ отца своего и на свою нужду пятдесятъ рублевъ денегъ; а за тѣ заемные денги жить мнѣ Гаврилу у него Ѳедора во дворѣ десять лѣтъ съ сего числа впредь по тожъ число. И тѣ годы живучи мнѣ Гаврилу у него Ѳедора во дворѣ, и всякая дворовая и отъѣзжая работа работать, и не пить и не бражничать, зернью и карты не играть, и съ воровскими людми не знатца и за бляднею и за корчмою не ходить, и покрадчи животовъ его хозяйскихъ не сбѣжать и не съѣхать и никакой хитрости и порухи надъ его хозяйскимъ домомъ и животомъ не учинить, и его хозяина и жены его и дѣтей во всемъ слушатца и почитать. А какъ я Гаврило живучи у него Ѳедора во дворѣ и похочю у него женитца на его

крѣпостной дѣвкѣ или на вдовѣ, и мнѣ Гаврилу сверхъ тѣхъ десяти лѣтъ жить у него Ѳедора во дворѣ съ женою своею и съ дѣтми за свадбу и за дворовую его дѣвку и за всякіе его Ѳедоровы харчи пять лѣтъ. А буде я Гаврило съ женою своею и съ дѣтми у него Ѳедора жить не стану, или стану пить и бражничать, или зернью и карты играть, или его хозяина и жены его и дѣтей его слушатца не стану, или не доживъ за тѣ заемные денги и за свадьбу урочныхъ пятнадцати лѣтъ, отъ него я Гаврило съ женою и съ дѣтми своими съ двора сбѣгу или сойду, и ему Ѳедору взять на мнѣ Гаврилѣ и на женѣ моей и на дѣтяхъ моихъ по сей записи тѣ свои денги сполна и сносные животы и харчи съ убытки по его Ѳедоровѣ сказкѣ. А гдѣ ся запись въ коихъ градѣхъ и мѣстѣхъ ни застижетъ, тутъ по ней и правежъ, и сію запись ни въ чемъ не спорить и не лживить. А какъ я Гаврило съ женою своею и съ дѣтми у него Ѳедора тѣ пятнадцать лѣтъ отживу, и ему Ѳедору дать мнѣ воля и съ двора меня съ женою моею и съ дѣтьми отпустить, и одеждою меня и жену мою и съ дѣтьми надѣлить. А буде я Гаврило и впредь похочу у него Ѳедора жить, и мнѣ по сей записи также жить и всякая его хозяйская (работа) работать. А верхняя и исподняя одежда носить все его хозяйское. А на то послуси: Василей Ивановъ сынъ Кондаковъ, Аѳонасей Ивановъ сынъ Кашниковъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Суморовъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Власовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Малаховъ. А заемную и жилую запись писалъ, по его Гаврилову велѣнію, Ярополческой площади подьячей Ивашко Андрѣевъ сынъ Кузнецовъ, лѣта 7194 году генваря въ 10 день.» У подлинной записи назади написано: къ сей заемной жилой записи Вязниковской слободы Введенского дѣвича монастыря попъ Иванъ Стефановъ вмѣсто сына своего духовнаго Гаврила Игнатьева, по его челобитью, руку приложилъ, да послуховы руки. У той же записи въ лицѣ помѣта дьяка Артемья Степанова: 195 года марта въ 16 день, записать и пошлины взять по указу. А женка Ульянка Васильева дочь Ганкина жена Игнатьева, на котораго ся запись писана, досматривана; а въ примѣты она Ульянка ростомъ высока, въ лицѣ кругла, смугла, носъ не великъ, прямъ, скоросъ, глаза сѣры, сказалась двадцати лѣтъ. Пошлинъ, по указу, съ той записи съ денегъ съ пятидесяти рублевъ, по алтыну съ рубля, и того полтора рубли взято. Принялъ деньги подьячей Михайло Бедаревъ. Запись

Өедоровъ человѣкъ Суворова Гурько Өедоровъ къ себѣ взялъ, а въ его мѣсто росписался Вязниковецъ Якушка Мачковской (Рук. Арх. М. И. Д. Зап. кн. Нижн. Нов. № 41, л. 85 об.—89).

А вотъ и еще жилая запись срокомъ на пять лѣтъ, по которой отецъ отдаетъ сына въ заработку долга.

«Се язъ Костромитинъ, посадцкой человѣкъ, Григорей Игнатьевъ сынъ Жилкинъ да съ женою своею Фетиньею Никитиною дочерью дали сію запись въ Нижнемъ Новѣгородѣ преосвященнѣйшаго Павла, митрополита Нижегородскаго и Алаторскаго, духовнаго его приказу дьяку Алексѣю Степанову сыну Богданову, въ томъ: взяли мы Григорей съ женою своею Фетиньею у него дьяка Алексѣя денегъ его десеть рублевъ на росплату долговъ своихъ; а за тѣ его Алексѣевы деньги жить у него во дворѣ сыну нашему Никитѣ съ нынѣшняго сто девятдесять пятаго года генваря съ перваго числа да впредь пять лѣтъ до сроку до такогожъ числа. И живучи сыну нашему тѣ урочные лѣта во дворѣ его всякая работа работать по вся дни безъ ослушанья. И будучи въ дому его сыну нашему ни надъ чѣмъ никаковы хитрости и кражи не чинити, и не пити и не бражничать и ни за какимъ дурнымъ дѣломъ не ходить, и съ воровскими людми не знатися и подъ домъ его воровскихъ людей не подвести; и не отживъ тѣхъ урочныхъ лѣтъ сыну нашему съ двора отъ него дьяка Алексѣя не соіти, и покрадчи не сбѣжати. А какъ сынъ нашъ у него дьяка Алексѣя во дворѣ тѣ урочные пять лѣтъ отживетъ, и ему дьяку Алексѣю сына моего Никиту изъ двора отъ себя выпустить, и дать сыну моему платья шубу баранью, кафтанъ сермяжной, шапку, рукавицы, сапоги и сія запись выдать безденежно. А живучи сыну нашему у него дьяка Алексѣя пить, ѣсть, платье и обувь носить все его дьяка Алексѣя. А порукою по сынѣ своемъ Никитѣ противъ сей записи въ доживкѣ годовъ, въ сносѣ и въ побѣгѣ во всемъ ручаюся я Григорей съ женою своею Өетиньею, да Нижегородскіе съѣзжіе избы подьячей Сава Савинъ сынъ Хомяковъ, да Нижегородцы посадскіе люди Игнатей Герасимовъ, Іевъ Кузминъ сынъ Бѣлилниковъ; а буде сынъ нашъ, живучи у него дьяка Алексѣя, въ дому его учнетъ какую хитрость чинить, или за какимъ дурнымъ дѣломъ ходить и съ воровскими людми знатися или подъ домъ его воровскихъ людей подведетъ, или, не отживъ тѣхъ урочныхъ лѣтъ, съ двора сойдетъ и покрадчи что снесетъ или

въ чемъ убытокъ учинитъ, и ему дьяку Алексѣю на насъ порутчикахъ или на сынѣ нашемъ Никитѣ, которой изъ насъ въ лицахъ, взяти тѣ его дьяка Алексѣя денги десеть рублевъ, и протори его и убытки и сносъ, что покрадчи снесетъ, все сполна, по его сказкѣ, что скажетъ, тому вѣрить. А на то послуси, Нижегородской площади подьячіе, Иванъ Юровской, Дмитрей Калистратовъ, Василей Декшинъ, Еремѣй Ерофѣевъ. А запись писалъ тоежъ площеди подьячей Ивашко Никитинъ, лѣта 7195 году декабря въ 31 день. У подлинной записи назади пишетъ: Григорей Игнатьевъ сынъ Жилкинъ десеть рублевъ взялъ и сына своего родного Никиту за тѣ деньги въ заживъ на пять лѣтъ отдалъ, и въ свое мѣсто и жены своей и вмѣсто сына своего Никиты руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто порутчика Іева Кузмина, по его велѣнью, площадной подьячей Микитка Корнаковъ руку приложилъ. Къ сей записи Нижегородцкіе приказные избы подьячей Сава Савинъ сынъ Хомяковъ Микитку Жилкина ручалъ и руку приложилъ, Игнатей Гарасимовъ ручалъ и руку приложилъ, да послуховы руки. Пошлинъ по указу десеть алтынъ взято. Принялъ подьячей Михайло Бедаревъ (ibid. л. 112—115)».

Всѣ эти записи ясно отличаются отъ служилыхъ кабалъ, кромѣ урочныхъ лѣтъ, еще тѣмъ, что въ нихъ сбираются не поголовныя пошлины, три алтына, какъ въ служилыхъ кабалахъ, а пошлины съ заемныхъ денегъ, а гдѣ займа нѣтъ, какъ въ житейской записи отъ 20 марта 155 года, тамъ не сбирается и пошлинъ. Относительно другихъ формальностей при жилыхъ записяхъ, также какъ и при другихъ крѣпостяхъ, требовались свидѣтели, жилыя записи также писались или площадными подьячими, или въ самыхъ съѣзжихъ и приказныхъ избахъ, и непремѣнно представлялись къ докладу городскимъ воеводамъ и дьякамъ, и записывались въ городскія крѣпостныя книги.

Изъ всѣхъ трехъ разрядовъ крѣпостныхъ актовъ на неполное прикрѣпленіе въ первой половинѣ XVIII столѣтія остались только «житейскія или жилыя записи на урочные годы», о которыхъ еще упоминается въ росписаніи 1738 года отъ 8-го іюня. Въ этомъ реестрѣ, подъ №8 назначена особая жилая книга, въ которую записывать «жилыя въ годы, на торговыхъ сидѣльцовъ, и при всякихъ промыслахъ и въ сплавныхъ путяхъ на прикащиковъ и работниковъ и домов-

ныхъ, и въ мастерствахъ на учениковъ» (Полн. Собр. Зак. № 1594). Порядныя же во крестьянство и служилыя кабалы, съ обращеніемъ крестьянъ и кабальныхъ холоповъ въ полные крѣпостные рабы, съ правомъ продажи, изчезли сами собою еще въ началѣ XVIII вѣка, и съ 1719 года ихъ уже болѣе не встрѣчается ни въ одной росписи крѣпостныхъ актовъ.

Для полнаго рабства крѣпостными актами были: полныя, докладныя, купчія или дерныя грамоты, поступныя записи и данныя.

Первыхъ двухъ формъ, т. е. полныхъ и докладныхъ грамотъ до насъ не дошло; но, судя по указаніямъ Царскаго Судебника, эти крѣпости для своей юридической силы нуждались въ посредствѣ оффиціальныхъ лицъ по назначенію правительства. Полныя и докладныя, чтобы имѣть юридическую силу, по Судебнику должны быть непремѣнно за печатью намѣстника съ боярскимъ судомъ и за подписью его дьяка, при чемъ взыскивались пошлины,—отъ печати съ головы по полутретья алтына, а отъ письма съ головы по три деньги (ст. 65). Какъ у полной, такъ и у докладной при ихъ утвержденіи должны стоять свидѣтели, которыхъ имена и прописывались въ самой крѣпости (ст. 76). Прямаго различія между полною и докладною древніе памятники не представляютъ; но, кажется, можно допустить, что полною назывался тотъ крѣпостной актъ, по которому кто либо прямо поступалъ въ полные холопы, съ прописаніемъ, что онъ даетъ на себя полную, точно также какъ прописывалось въ служилыхъ кабалахъ: даю на себя сію служилую кабалу. Докладными же назывались тѣ крѣпостные акты, въ которыхъ полнаго холопства не прописывалось отъ имени самаго холопа, но которые обращались въ полную крѣпость отъ доклада намѣстнику съ боярскимъ судомъ; таковы были крѣпостные акты на поступающихъ въ сельскіе ключники или тіуны, на вступающихъ въ бракъ съ рабомъ или рабою. Здѣсь собственно актъ самъ по себѣ не представлялъ еще крѣпости на полное холопство, и только тогда дѣлался крѣпостью, когда дающій на себя такой актъ изъявитъ согласіе, чтобы онъ былъ представленъ къ докладу намѣстнику и утвержденъ его печатью и подписью дьяка, что, вѣроятно, и прописывалось въ самомъ актѣ.

Формы древнихъ купчихъ или дерныхъ грамотъ на людей до

насъ также не дошли; но почти нельзя сомнѣваться, что эти купчія писались также, какъ и купчія на землю и на строенія, ибо такія купчія на людей выражали только переносъ уже утвержденнаго права собственности отъ одного владѣльца къ другому: здѣсь актъ совершался не на свободнаго человѣка, а на полнаго раба, который уже крѣпокъ продавцу по другимъ актамъ.

А вотъ форма поступной памяти и порядокъ при ея совершеніи. «Октября въ 19 день въ Нижнемъ Новѣгородѣ въ съѣзжей избѣ столнику и воеводѣ князю Василью Васильевичу Кропоткину да дьяку Артемью Степанову Иванъ Михайловъ сынъ Трескинъ подалъ на бѣглого своего крестьянина на Куземку Иванова незаписную поступную память за рукою Аврама Васильева сына Волкова. И съ той поступной взять къ дѣлу списокъ; и по приказу столника и воеводы Князя Василья Васильевича Кропоткина и по помѣтѣ на дѣлѣ дьяка Артемья Степанова, крестьянина Куземку велѣно отдать по поступной ему Ивану Трескину, а та поступная память записать въ книги, и съ той поступной памяти и съ отдачи взять пошлины по указу. А въ поступной памети пишетъ:

«Паметь мнѣ Авраму Васильеву сыну Волкову: въ нынѣшнемъ во 174 году билъ челомъ я Аврамъ великому государю въ Нижнемъ Новѣгородѣ въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ Дмитрію Ивановичу Плещѣеву о бѣгломъ своемъ крестьяннѣ Вологодскаго уѣзду, деревни Трофимова, о Куземкѣ Ивановѣ на Лва да на Тимофѣя Трескиныхъ, что тотъ мой крестьянинъ, бѣгаючи отъ меня, жилъ за ними въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Каработовѣ, а ихъ бѣглой крестьянинъ Ивашко Васильевъ живетъ за мною Аврамомъ въ Вологодскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ватаринѣ; и я Аврамъ того своего бѣглого крестьянина Куземку Иванова поступился имъ Льву да Тимофѣю вмѣсто ихъ бѣглого крестьянина, что кой ихъ бѣглой крестьянинъ за мною живетъ, и впредь мнѣ Авраму на него Льва и Тимофѣя о томъ своемъ бѣгломъ крестьянинѣ великому государю не бити челомъ и не искать, и женѣ моей и дѣтямъ моимъ и роду моему и племяни. А буде я Аврамъ учну впредь о томъ своемъ крестьянинѣ Куземкѣ Ивановѣ бить челомъ на него Льва и Тимофѣя, и имъ Льву и Тимофѣю взять на мнѣ Аврамѣ по сей памяти пятдесятъ рублевъ денегъ. А память писалъ Нижегородецъ Приказу сыскныхъ дѣлъ площадной подьячей Юрка Юрьевъ, лѣта 7174 году марта въ 17 день.«У

подлинной памети назади пишетъ: «къ сей памяти Аврамъ Волковъ руку приложилъ.» Пошлинные деньги полтора принялъ подьячей Михайло Бедаревъ (ibid., л. 11—13).

А вотъ и форма данной на крѣпостнаго человѣка и порядокъ ея совершенія.

«Марта въ 15 день воеводѣ князю Семену Андреевичу Урусову да дьяку Лукьяну Талызину князь Аѳонасей Бѣлоселской билъ челомъ рѣчью и положилъ къ докладу къ запискѣ даную, и чтобъ та даная велѣти въ записные кабальные холопьи книги записать. И воевода князь Семенъ Андреевичь Урусовъ да дьякъ Лукьянъ Талызинъ, выслушавъ даной, велѣли тое даную въ Новгородскіе въ записные въ кабалные холопьи книги записать. А въ даной пишетъ:

«Се язъ Семіонъ Ѳѳонасьевъ сынъ Базанинъ далъ есми за дочерью своею Анною Семеновою дочерью зятю своему князю Ѳѳонасью Петровичю Бѣлоселскому малого своего Васку Петрова сына да дѣвку Дарку Матѳѣеву дочь, крѣпосныхъ своихъ людей, и кто въ тѣхъ людей станетъ вступатца, малого моего Васку и дѣвку Дарку, и мнѣ Семену Ѳѳонасьеву сыну тѣхъ людей очищать. А будетъ язъ Семенъ тѣхъ людей не очищю, и мнѣ дать голова за голову. А на то послуси Богословскаго монастыря дьячекъ Кирило Ѳедотьевъ сынъ. А даную писалъ Богословскаго монастыря дьячекъ Васка Семеновъ сынъ Бабинъ, лѣта 7151 году августа въ 28 день. А назадѣ у даной написано: «Къ сей даной Богословскаго монастыря черной попъ Никодимъ, отецъ мой духовной, вмѣсто меня руку приложилъ. Къ сей даной Передолскаго погоста Николской попъ Гаврилище въ сына духовнаго Семеново мѣсто по его велѣнью и руку приложилъ. Послухъ Кирилка Ѳедотьевъ руку приложилъ». И съ тое даной у князя Ѳѳонасья Бѣлоселскаго съ дву головъ по государеву указу пошлинъ шесть алтынъ (Арх. М. И. Д., Новгор. каб. кн. N 35, л. 25 об.—27)».

Такимъ образомъ и крѣпостные акты на полныхъ крѣпостныхъ людей совершались такимъ же порядкомъ, какъ и крѣпостные акты неполнаго прикрѣпленія: для сообщенія имъ юридической силы требовалось заявленіе актовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, записка въ крѣпостныя книги, присутствіе свидѣтелей и ихъ рукоприкладство, равнымъ образомъ рукоприкладство и того лица, которое даетъ крѣпость, и взятіе крѣпостныхъ пошлинъ. Вѣроятно въ полныхъ и

докладныхъ грамотахъ, при ихъ явкѣ и запискѣ въ крѣпостныя книги, снимались допросы съ того, кто даетъ на себя полную крѣпость, гдѣ допрашиваемый показывалъ, что онъ вольный человѣкъ, ни за кѣмъ не укрѣпленъ, и даетъ на себя крѣпость по своей волѣ. Но въ купчихъ, поступныхъ и данныхъ съ холопей допросовъ не снималось, ибо здѣсь не вольные люди давали на себя крѣпость, а крѣпостное право на полнаго холопа отъ одного господина переходило къ другому; здѣсь одинъ владѣлецъ свою безгласную собственность передавалъ другому, а съ безгласной собственности нѣтъ надобности снимать допросъ: безгласная собственность передъ закономъ не имѣетъ никакихъ правъ, слѣдовательно и спрашивать ее нечего; допросы снимаются только съ лицъ, а полный холопъ передъ закономъ не имѣетъ личности: онъ вещь, не больше.

Этотъ порядокъ совершенія купчихъ, поступныхъ и данныхъ, соблюдавшійся въ XVII вѣкѣ, ясно показываетъ, что значеніе полнаго холопа, раба, и въ XVII вѣкѣ, по Уложенію, было то же самое, какое было по Русской Правдѣ и по Судебникамъ; полные холопи, рабы, какъ въ XI вѣкѣ, такъ и въ XVII, по свидѣтельству законовъ того и другаго времени, были только частною собственностію своихъ владѣльцевъ и не имѣли никакихъ личныхъ правъ ни передъ обществомъ, ни передъ закономъ. Шесть вѣковъ, протекшіе отъ Ярославовой Правды до первой ревизіи, нисколько не прибавили правъ рабамъ; единственное измѣненіе въ значеніи рабовъ по Уложенію 1649 года состояло въ томъ, что въ случаѣ преступленія рабъ отвѣчалъ передъ закономъ, но и здѣсь онъ отвѣчалъ только тогда, когда по закону требовалось тѣлесное наказаніе или смертная казнь, въ случаѣ же денежныхъ взысканій за раба отвѣчалъ господинъ; въ 66 статьѣ XXI главы Уложенія прямо сказано: «А которые языки говорятъ на чьихъ нибудь людей (что они грабили и разбивали), и доведется на нихъ взять выти, и за тѣхъ людей класти выти на тѣхъ людей, кому кто служитъ». Полные рабы даже не писались въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, какъ частная собственность, до которой государству нѣтъ и дѣла. Въ первый разъ рабы должны были попасть въ общую народную перепись по указу отъ 22 января 1719 года; но это повелѣніе государя такъ было ново и необычно для русскаго общества, что владѣльцы рабовъ при подачѣ ре-

визскихъ сказокъ подали сказки только о крестьянахъ, рабовъ же, какъ составлявшихъ частную собственность и по смыслу всѣхъ прежнихъ законовъ не подлежавшихъ народной переписи, вовсе не включили въ свои сказки, такъ что Петръ Великій 5 января 1720 года вынужденнымъ нашелся издать новый указъ съ повелѣніемъ, чтобы, согласно съ первымъ указомъ, въ ревизскія сказки были включены и рабы. Такимъ образомъ время, въ которое полусвободные окончательно сравнены съ рабами, обращены въ частную собственность владѣльцевъ, было временемъ нѣкотораго возвышенія въ значеніи рабовъ, такъ что полусвободные съ потерею своихъ исконныхъ правъ сообщили нѣкоторыя права своимъ новымъ товарищамъ, исконнымъ невольникамъ. Исконные невольники, полные холопи, теперь попали и въ народную перепись и въ тяглые люди, законъ сталъ уже заботиться о нихъ, какъ о членахъ русскаго общества: начали выходить указы о лучшемъ обращеніи владѣльцевъ съ крѣпостными; но это уже относится не къ старой, а къ новой Россіи....

И. Бѣляевъ.

Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?

Въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1858 г. помѣщена подъ этимъ названіемъ статья съ новымъ оригинальнымъ взглядомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Русской допетровской исторіи. До сихъ поръ царю Борису приписывали прекращеніе перехода крестьянъ въ юрьевъ день и тѣмъ самымъ начало введенія крѣпостнаго права. Авторъ статьи, г. Погодинъ, не только оправдываетъ Бориса предъ судомъ исторіи, но доказываетъ, что личное крѣпостное право не возникало юридически, а образовалось само собою, вытекая изъ обстоятельствъ народной жизни, подобно многимъ учрежденіямъ въ англійской исторіи, о которыхъ напрасно было бы доискиваться, когда именно онѣ возникали. Метода изслѣдователя состоитъ въ томъ, что авторъ собираетъ всѣ извѣстные акты, на которые обыкновенно упираются, когда доказываютъ прикрѣпленіе крестьянъ при Борисѣ, подлинность однихъ подвергаетъ сомнѣнію, въ другихъ видитъ не тотъ смыслъ, какой видѣли прежніе изслѣдователи.

Обыкновенно привыкли думать, что первое прекращеніе перехода крестьянъ послѣдовало въ 1592 году. Указъ по этому предмету не дошелъ до насъ, но мы вѣрили въ его существованіе въ свое время на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Смыслъ указа 1597 года ноября 21 тотъ, чтобы въ имѣніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ были возвращаемы бѣглые, которые убѣжали за пять лѣтъ предъ тѣмъ, тѣхъ же, которые удалились съ мѣста жительства ранѣе, оставить на новыхъ мѣстахъ свободно. Изъ этого заключаютъ, что за пять лѣтъ предъ тѣмъ должна была послѣдовать важная перемѣна относительно перехода крестьянъ. 2) Указъ царя Василія Шуйскаго, въ которомъ говорится, что царь Ѳеодоръ, по наговору Бориса, *выходъ крестьянамъ заказалъ*. 3) Указы 1601 и 1602 годовъ, которыми позволялось одного рода владѣльцамъ отпускать отъ себя и принимать крестьянъ, владѣльцамъ другаго рода запрещалось.

Изъ этого видѣли, что въ то время законъ Судебника, предоставлявшій общее право перехода повсемѣстно, потерялъ свою силу и что въ предыдущіе годы послѣдовало его отмѣненіе. 4) Приговоръ боярскій 1605 г., который, относясь собственно до бѣглыхъ, въ главныхъ чертахъ сообразенъ съ указомъ 1597 и вообще можетъ считаться только второстепеннымъ источникомъ, служащимъ для подтвержденія главныхъ.

Г. Погодинъ находитъ, что указъ 1597 года не относится къ запрещенію крестьянскаго выхода, что слова указа назначаютъ только крайній срокъ, послѣ котораго помѣщики не могутъ отыскивать своихъ крестьянъ. «Это указъ о бѣглыхъ,»—говоритъ изслѣдователь—«подобный многимъ прежнимъ, старшимъ и младшимъ, указъ, безпрестанно возобновлявшійся (какъ при Іоаннахъ, такъ и при Романовыхъ) и не имѣющій никакого отношенія къ крѣпостному праву». Первый, показавшій ученымъ дорогу выводить изъ этого указа существованіе прежняго о воспрещеніи перехода, былъ Татищевъ, столь заклейменный подозрѣніями въ подлогахъ и произвольныхъ заключеніяхъ; за нимъ тоже повторилъ Карамзинъ и, основываясь на словахъ «до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ», изрекъ такой историческій приговоръ: «слѣдственно тогда, въ 1592 и 1593 г., былъ запрещенъ переходъ крестьянъ».

Указъ царя Василія Шуйскаго въ 1607 году говоритъ ясно и прямо: «при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ крестьяне выходъ имѣли вольный, а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ и у кого колико крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начались многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому судъ вершити, и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія и многимъ разоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣлашася и содѣваются».

Въ началѣ, какъ легко видѣть изъ этого отрывка, можно заключить, какъ и заключаетъ г. Погодинъ, что правительство, издавшее этотъ указъ, не оправдывало мѣры укрѣпленія крестьянъ, внушенной царю Ѳеодору Борисомъ. Но вмѣсто того, чтобъ отмѣнить такое зло, въ томъ же указѣ излагаются далѣе правила стро-

жайшаго укрѣпленія крестьянъ: «которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 г. положены и тѣмъ быти за тѣми, за кѣмъ писаны, а буде тѣ крестьяне пошли за кого иного и въ томъ есть крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье и тѣ дѣла не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми животы ихъ тѣмъ, за кѣмъ они писаны до сроку Рождества Христова 116 г. безъ пожилаго, а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріемъ и за пожилое по сему уложенію. А не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити. А буде которые отнынѣ изъ за кого вышедъ перейдутъ къ иному кому бы то ни было и тотъ приметъ противъ сего нашего уложенія, и у того крестьянина взявъ перевезти ему со всѣми того крестьянина пожитки откуда онъ перебѣжалъ».

Кромѣ этого противорѣчія г. Погодинъ находитъ въ указѣ Шуйскаго еще другое противорѣчіе историческимъ обстоятельствамъ того времени. Въ указѣ говорится, что крестьяне должны оставаться за помѣщиками, за которыми были назадъ тому пятнадцать лѣтъ, то есть въ 7101 г. или отъ Р. Хр. 1592. Но указъ 1601 (7110) показываетъ, что въ этотъ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени торжественно бывалъ разрѣшаемъ переходъ крестьянамъ, и притомъ въ боярскомъ приговорѣ 1605 г. сказано, что бѣжавшихъ въ 110, 111, 112 г. по причинѣ сильнаго голода, тогда свирѣпствовавшаго, слѣдуетъ оставлять на новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, если они докажутъ, что убѣжали по причинѣ голода. Спрашивается—говоритъ г. Погодинъ—какимъ образомъ перешедшіе тогда по закону могли быть возвращаемы? и какъ можетъ быть подобное противорѣчіе въ оффиціальныхъ бумагахъ, столь между собою близкихъ? Въ подтвержденіе своего сомнѣнія въ подлинности указа, приписываемаго царю Василію Шуйскому, г. Погодинъ приводитъ подобное сомнѣніе, высказанное Карамзинымъ: «Признаюсь, что сей указъ Шуйскаго, даже и Өеодоровъ, о крестьянахъ кажется мнѣ сомнительнымъ, по слогу и

выраженіямъ, необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени: оставляю будущимъ розыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ татищевскаго списка: пусть найдутъ другой! Татищевъ говоритъ, что онъ списалъ законы Ѳеодоровы и Борисовы съ манускрипта Бартеневскаго, Голицынскаго и Волынскаго, а законъ царя Василія Ивановича Шуйскаго получилъ отъ Казанскаго губернатора, кн. Сергія Голицына».

Указъ 1601 года также имѣлъ несчастіе сдѣлаться извѣстнымъ ученому міру отъ Татищева, но его спасаетъ отъ участи указа Шуйскаго во первыхъ то, что о немъ упоминается въ указѣ 1602, и во вторыхъ существованіе другаго списка въ одномъ изъ сборниковъ погодинскихъ. Объ этомъ указѣ г. Погодинъ замѣчаетъ, что онъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) однимъ помѣщикамъ (малоземельнымъ) позволяется возить крестьянъ между собою; 2) другимъ знатнымъ, большимъ, не позволяется; 3) наконецъ еще *какимъ-то*, о которыхъ сказано, что имъ въ 110 г. «промежъ собою срокъ возити,» позволяется только подъ условіемъ слѣдующаго ограниченія: «И тѣмъ по государеву цареву указу возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина или двухъ, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити».

Авторъ изслѣдованія находитъ, что вообще этотъ указъ относится не къ крестьянамъ, а къ помѣщикамъ; одни помѣщики противопоставляются другимъ: одни получаютъ право возить промежъ себя крестьянъ, а другіе не получаютъ его; крестьяне и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ сторонѣ. Еслибъ, замѣчаетъ г. Погодинъ, сказано было теперь, что военные могутъ пріобрѣтать крестьянъ, а гражданскіе чиновники нѣтъ, то развѣ мы увидѣли бы въ такомъ позволеніи распоряженіе въ пользу крестьянъ? Задавая себѣ вопросъ: какое положеніе дѣла предполагаетъ этотъ *помѣщичій* указъ? что предъ нимъ было: запрещеніе или дозволеніе? г. Погодинъ предполагаетъ вѣроятнѣе запрещеніе, но не общее, постоянное, а временное, только для одного года, и это, по его мнѣнію, подтверждается указомъ слѣдующаго 1602 года. Такимъ образомъ г. Погодинъ, допуская предположеніе, что подобныя распоряженія о переходѣ и непереходѣ крестьянъ дѣлались ежегодно, выводитъ, что «общаго закона, какъ запретительнаго, равно какъ и позволи-

тельнаго о переходѣ крестьянъ при Борисѣ, кольми паче при Θеодорѣ еще не было, а бывали ограниченія въ частности, по времени и мѣсту, по обстоятельствамъ, разныя позволенія и разныя запрещенія». «Что не было общаго запрещенія—разсуждаетъ далѣе изслѣдователь—то подтверждается непреоборимо еще слѣдующимъ постановленіемъ или выраженіемъ этого указа: «которымъ людямъ срокъ возити»; изъ этихъ словъ ясно видно, что были еще условія, порядныя, по которымъ крестьяне жили; если бъ они были окончательно прикрѣплены къ землѣ, то ни объ какихъ срокахъ толковать было бы неумѣстно: всѣ сроки были бы уничтожены запрещеніемъ».

Указъ 1602 года г. Погодинъ называетъ самымъ важнымъ въ этомъ дѣлѣ; дѣйствительно, найденный въ Софійской библіотекѣ г. Строевымъ, напечатанный въ Актахъ, издаваемыхъ Археографическою Коммисіею, этотъ указъ не можетъ подвергаться подозрѣнію, которымъ гг. ученые отпечатываютъ акты, на которые указывалъ Татищевъ: на этотъ разъ самъ Татищевъ очищается отъ своего пятна, потому что, какъ выше сказано, указъ 1602 г. доказываетъ подлинность существованія указа 1601 года. Этотъ указъ есть вообще подтвержденіе прошлогодняго, но для 1602 года, съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Г. Погодинъ видитъ въ немъ новое разительное доказательство, что запрещенія переходить, «что прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ тогда еще не было» и что «вообще, разсматривая этотъ указъ 1602 года, должно заключить, что распоряженія о переходѣ и непереходѣ крестьянъ дѣлались ежегодно».

Основываясь на такомъ взглядѣ на современные акты, служившіе до сихъ поръ доказательствами мнѣнія, что крѣпостное право введено при царѣ Θеодорѣ «по наущенію Бориса», г. Погодинъ хочетъ очистить Бориса отъ нареканія и допускаетъ, что Борисъ не болѣе какъ временно, по случаю голода, оставилъ крестьянъ безвыходно у богатыхъ владѣльцевъ, которые имѣли средства прокормить ихъ въ тяжелое время, и дозволилъ переходъ по прежнему тамъ, гдѣ, по незначительности состоянія владѣльцевъ, не было ручательства въ обезпеченіи крестьянъ. Что же касается до указа Василія Шуйскаго, гдѣ прямо говорится объ укрѣпленіи, то г. Погодинъ, сомнѣваясь, какъ выше сказано, въ его подлинности, готовъ заподозрить

въ вымыслѣ его Татищева, но болѣе склоняется къ такому мнѣнію, что этотъ указъ принадлежитъ къ сонму подложныхъ указовъ, выдуманныхъ дьяками въ XVII вѣкѣ изъ потачки распространившемуся между помѣщиками желанію узаконить для себя крѣпостное состояніе крестьянъ. Воспользовавшись, говоритъ онъ, временными распоряженіями, помѣщики пожелали увѣковѣчить временную мѣру, удержать за собою навсегда прежнихъ крестьянъ по праву. Тогда-то явились, благодаря какому нибудь дьяку, заинтересованному въ дѣлѣ и боярину, его патрону, узаконеніе и освященіе желаннаго права и эти подложные указы и двусмысленныя фразы въ подлинныхъ указахъ (если не самъ Татищевъ, прости, тѣнь почтенная, ихъ вставилъ для исполненія какой нибудь любимой своей мысли). Съ больной головы да на здоровую и вся вина взвалена была на Бориса людьми, которые, продолжая пользоваться крестьянами съ землею, якобы въ силу его запрещенія, не думали его уничтожить, а ставили даже избранному Владиславу непремѣннымъ условіемъ запрещеніе крестьянскаго перехода. Сочинить или подправить и распространить подложный указъ въ то время не значило ничего. Кому же и какъ было обнаружить обманъ и подлогъ? Ни въ какомъ приказѣ не было настольнаго реестра, не было реестровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ; справиться было негдѣ, особенно среди смутъ. Въ Уложеніе не попалъ уже законъ Судебника объ отказѣ крестьянскомъ, потому ли что обычай этотъ измѣнился самъ собою, потому ли что заправлявшіе дѣлами бояре и редакторы уступали господствующему образу мыслей?

При этомъ г. Погодинъ для сравненія указываетъ, по свидѣтельству Маколея, на подобное образованіе многихъ институцій въ Англіи, возникшихъ не по какому нибудь законодательному акту, а по стеченію обстоятельствъ и потребностей народной жизни.

Приступая къ разсмотрѣнію изслѣдованія г. Погодина, прежде всего нужно сказать, что вопросъ, которымъ озаглавилъ г. Погодинъ свою статью и который мы, подобно ему, приняли заглавіемъ нашего замѣчанія на его изслѣдованіе, вопросъ: должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? справедливость требуетъ разрѣшить, согласно съ г. Погодинымъ, въ пользу Бориса отрицательнымъ отвѣтомъ: нѣтъ. Крѣпостное право въ русской исторіи слѣдуетъ принимать въ двухъ значеніяхъ: въ обширномъ и

болѣе тѣсномъ. Въ обширномъ—въ кругъ его входитъ всякое стѣсненіе свободной дѣятельности человѣка въ общественной и семейной жизни произволомъ сильнаго надъ слабымъ; въ такомъ смыслѣ крѣпостному праву подлежалъ и купецъ, у котораго лучшіе товары оцѣнивали и брали въ царскую казну, и посадскій, или крестьянинъ, котораго сѣкли за то, что напился не казеннаго вина, не платя втрое за такое количество, какое онъ могъ получить гораздо дешевле, и раскольникъ, которому рѣзали языкъ за то, что не хотѣлъ говорить три раза аллилуйа вмѣсто двухъ разъ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ крѣпостное право обнимаетъ произволъ владѣльца земли надъ земледѣльцемъ, заимодавца надъ должникомъ, произволъ, который выработался въ привилегію одного сословія держать въ рабствѣ другое. Минуя крѣпостное право въ обширномъ смыслѣ, мы остановимся на послѣднемъ. Право перехода въ срокъ юрьева дня не даетъ намъ повода воображать себѣ какого нибудь правильнаго развитія гражданской свободы крестьянина до воспрещенія этого перехода. Крѣпостное право въ смыслѣ произвола землевладѣльцевъ въ сношеніяхъ съ земледѣльцами существовало и прежде, и мы по чистой совѣсти скажемъ съ г. Погодинымъ: съ больной головы да на здоровую и вся вина взвалена на бѣднаго Бориса тѣми, которые готовы обвинять его одного! Въ грамотахъ того времени, когда былъ дозволенъ переходъ, землевладѣльцамъ въ законной формѣ давался совершенный произволъ надъ повинностями крестьянъ, въ родѣ слѣдующихъ выраженій: «и вы-бъ того Посниковскаго помѣстья Спячего всѣ крестьяне Шестого Лупахина чтили и слушали во всемъ, и пашню на него пахали и оброкъ ему денежный платили, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ по сей нашей грамотѣ (въ грамотѣ же нѣтъ никакихъ правилъ и ограниченій о томъ, какъ ему вѣдать и судить)». Изъ иностранныхъ извѣстій, относящихся до того времени, когда еще существовалъ переходъ или только что прекращался, не видно, чтобъ русскій крестьянинъ жилъ, какъ говорится, въ Аркадіи. Гдѣ господствовалъ произволъ съ верху до низу, гдѣ личное достоинство человѣка цѣнилось только по отношенію къ высшему человѣку, тамъ слабый непремѣнно долженъ быть въ рабствѣ у сильнаго, такъ или иначе развязать ихъ между собою. Не только многое, но все, что составляетъ сущность крѣпостнаго права для селя-

нина, все, кромѣ прекращенія ограниченнаго права перехода, было и до Бориса, какъ послѣ Бориса, также точно какъ въ наше время, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права на бумагѣ, оно долго еще будетъ на дѣлѣ, если останется что-нибудь изъ его аттрибутовъ, если по прежнему будутъ процвѣтать понятія и условія общественнаго порядка, совмѣстныя съ нимъ. Поэтому Бориса также мало можно порицать за введеніе крѣпостнаго права, какъ и восхвалять въ наше время многихъ, думающихъ, что они уничтожатъ его однимъ разомъ.

Скажемъ еще болѣе: воспрещеніе Борисомъ перехода могло даже улучшить бытъ нѣкоторыхъ крестьянъ того времени въ сравненіи съ прежнимъ ихъ положеніемъ при переходѣ. Какъ въ наше время еще не скоро уничтожится произволъ, составляющій сущность крѣпостнаго права, такъ и Борисъ не произвелъ этого произвола: онъ существовалъ до Бориса, какъ, вѣроятно, будетъ существовать и послѣ нашей эпохи.

Такимъ образомъ не о введеніи крѣпостнаго права должна идти рѣчь, когда призывается на историческій судъ тѣнь Бориса, а просто о прекращеніи перехода крестьянъ въ юрьевъ день. Нельзя не признать всей истины слѣдующаго выраженія г. Погодина: «Самый юрьевъ день былъ, вѣроятно, уже ступенью въ послѣдовательномъ ограниченіи большаго и безусловнаго перехода; въ три недѣли (одну предъ юрьевымъ днемъ осенью, другую послѣ него) далеко не уйдешь!» Но дѣйствительно ли сдѣлано Борисомъ при царѣ Өеодорѣ распоряженіе, которое, прекращая и юрьевъ день, послужило началомъ правила, что земледѣлецъ, живущій на землѣ владѣльца, не могъ уже переходить отъ него ни при какихъ условіяхъ?

Самъ г. Погодинъ не отрицаетъ этого, ибо не только относитъ эту мѣру къ позднѣйшему времени, около 1601 и 1602 годовъ, когда уже есть явныя доказательства воспрещенія перехода, но допускаетъ, что подобныя запрещенія существовали и въ предыдущіе годы, только полагаетъ, что это была мѣра временная, которую впослѣдствіи богатые помѣщики увѣковѣчили для себя, употребляя для того и подлоги.

Допустимъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что указъ Василія Шуйскаго подложенъ. Впрочемъ, правду сказать, тѣ недостатки, которые нѣкогда соблазняли Карамзина и теперь побуж-

даютъ г. Погодина искать въ немъ подлога, еще не даютъ полнаго права отрицать его подлинность. Г. Погодина смущаетъ противорѣчіе въ немъ, ибо, по мнѣнію г. Погодина, «въ оффиціальномъ правительственномъ актѣ такого противорѣчія быть не можетъ и ни одного примѣра ни изъ котораго времени во всей старой администраціи нашей, отличавшейся толковитостію, привести нельзя».

Странно, что такой глубокій знатокъ нашей старины, какъ г. Погодинъ, находитъ толковитость отличительнымъ качествомъ нашей администраціи и дѣлопроизводства. Не говоря уже о неясностяхъ и неточностяхъ въ родѣ, напримѣръ, такихъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о предоставленіи или ограниченіи какого нибудь права и лица, пользующіяся такимъ правомъ, или лѣта, на которыя это право дается, означаются не однимъ опредѣленнымъ числомъ, а нѣсколькими числами разомъ, не говоря о такихъ описяхъ городовъ, гдѣ, напримѣръ, поставлено общее число восемь башень, а далѣе пересчитывается только шесть (Врем. XIV, см. 16—17), много можно привести дѣловыхъ бумагъ, гдѣ въ одной и той же явныя противорѣчія, уничтожающія другъ друга; напримѣръ: въ уставной грамотѣ о кружечныхъ дворахъ 1652 года прежде сказано, чтобъ питухи не пили на кружечныхъ дворахъ, а ниже въ той же самой грамотѣ говорится, чтобъ на кружечномъ дворѣ питухи пили смирно и тихо. Въ той же грамотѣ говорится, чтобъ вина не давать подъ залогъ вещей, а ниже потомъ въ закладъ принимать не дозволено только церковныхъ вещей и татиной и разбойной рухляди (А. А. Э. IV, 96). Въ 1621 году въ указѣ о судопроизводствѣ въ Касимовѣ сначала говорится, что Касимовскому царю Араслану посадскихъ людей и татаръ вѣдати и судити, а воеводамъ ихъ не судити, а ниже говорится: «указали князей, мурзъ и татаръ царева двора и Сеитова полку судить Касимовскому воеводѣ» (Є. г. гр. III, 234). Въ грамотѣ царя Ивана Васильевича монастырю на Ладогѣ сказано, что митрополитъ игумена, черицовъ и священниковъ и всего причту церковнаго и слугъ монастырскихъ не судитъ ни въ чемъ, а ниже говорится, что судитъ мой богомолецъ митрополитъ Новгородскій (А. А. Э. III, 157). Такія недоумѣнія и противорѣчія встрѣчаются даже въ Судебникѣ. Поймите, сдѣлайте одолженіе, слѣдующее мѣсто: «А убіютъ котораго крестьянина на полѣ въ разбоѣ или въ иномъ которомъ въ лихомъ дѣлѣ, и дадутъ того крестьянина за государя

его за кѣмъ живетъ, или выручитъ его государь тотъ, за кѣмъ живетъ, и пойдетъ тотъ крестьянинъ изъ за него вонъ, ино его выпустити». Скажутъ противъ этого, что въ Актахъ Историческихъ, гдѣ напечатанъ Судебникъ, внизу указывается по другому списку, вмѣсто слова «убіютъ», слово «уловятъ». Но въ такомъ случаѣ можемъ и мы сказать, что списокъ указа Шуйскаго попался Татищеву подобный тому, какъ списокъ Судебника съ словомъ «убіютъ». А развѣ не противорѣчіе это: въ отрывкахъ о дѣлѣ еретика Матвѣя Башкина, гдѣ этотъ еретикъ признается отвергающимъ покаяніе (А. А. Э. I, стр. 250), приводится и показаніе попа Симеона, который говоритъ, что этотъ Башкинъ приходилъ къ нему *съ великими клятвами и моленіемъ умолилъ себя принять на исповѣдь въ великій постъ* (А. А. Э. I, 249). Какъ же согласить такое противорѣчіе: еретикъ отвергаетъ таинство покаянія и приходитъ къ священнику исповѣдываться, да еще съ великими клятвами и моленіемъ? Изъ одного противорѣчія въ тѣхъ же отрывкахъ слѣдуетъ и другое, и третье. Башкинъ осуждается какъ богопротивный и лукавый еретикъ, глаголавшій хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, называвшій честное и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа простымъ хлѣбомъ и виномъ, отвергающій церковь и всѣ ея преданія и признающій даже все божественное писаніе баснословіемъ (А. А. Э. I, 250). Если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ Башкинъ, то спрашивается: зачѣмъ онъ приходилъ на исповѣдь и говорилъ: «Христіянинъ де есмь, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистѣй Богородицы и великимъ чудотворцемъ, и всѣмъ святымъ на иконѣ написаннымъ; а тогды—говоритъ священникъ—великими клятвами и моленіями умолилъ на исповѣдь приняти и я его принялъ (А. А. Э. I, 248)». Вотъ еслибъ Башкинъ поймапъ былъ и заподозрѣнъ въ еретическихъ мнѣніяхъ, да говорилъ такъ, чтобъ укрыть свою вину, это было бы понятно; но для чего этотъ человѣкъ обратился къ религіи, которую отвергалъ, и къ священнику, котораго значенія не признавалъ, и притомъ выражался съ нимъ такимъ образомъ: «Бога ради, ползуй мя душевнѣ, надобеть де что написано въ Бесѣдѣхъ тѣхъ честь, да на слово не надѣятись, быти-бъ и дѣломъ свершитися; да все де начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою

начало показати да и насъ поучати» (А. Э. I, 248, и д.). Какъ согласить слова, сказанныя имъ священнику на исповѣди съ глазу на глазъ, съ обвиненіемъ, постигшимъ его? Но не станемъ болѣе утомлять читателей выписками изъ нашихъ старыхъ оффиціальныхъ бумагъ въ доказательство того, что въ нихъ можно встрѣтить и противорѣчія и безсмыслицы. Г. Погодинъ, находя, что наше старое дѣлопроизводство отличается толковитостію, далѣе въ своемъ изслѣдованіи встрѣтился съ неясностію выраженій въ указѣ 1601 года и не знаетъ, куда дѣть тѣхъ «которымъ срокъ возити», хотя и не отвергаетъ существованія указа 1601 года. Это темное мѣсто не дается, какъ видно, и самому Карамзину, на авторитетъ котораго ссылается вездѣ г. Погодинъ. Наконецъ, въ подтвержденіе возможности подлоговъ, г. Погодинъ говоритъ, будто въ старину ни въ какомъ Приказѣ не было настольнаго реестра, не было реестра входящихъ и исходящихъ бумагъ,—справиться было негдѣ. Какъ же согласить такую безалаберщину, способствующую подлогамъ, самому большому злу, какое можетъ быть въ сферѣ дѣлопроизводства, съ высокимъ мнѣніемъ о толковитости этого дѣлопроизводства и администраціи? Не кажется ли, что въ изслѣдованіи защищается толковитость нашей администраціи и дѣлопроизводства, когда эта толковитость нужна для подкрѣпленія любимой мысли, и черезъ нѣсколько страницъ, когда для подкрѣпленія той же мысли нужно, чтобъ эта администрація и дѣлопроизводство были безтолковы, они обвиняются въ такой безпорядочности, какой даже и не было на самомъ дѣлѣ. У насъ въ старину были настольные реестры—это описи дѣлъ, которыя во всѣхъ наказахъ воеводамъ приказывается принимать отъ прежнихъ воеводъ вмѣстѣ съ самыми дѣлами; у насъ были и книги исходящихъ бумагъ,—это перечни, гдѣ записывалось, что такая то грамота или память отослана такого то числа, туда то (Доп. къ А. И., V, 247). Слѣдовательно: 1) Противорѣчіе въ указѣ Шуйскаго не есть такая исключительность, какой нельзя найти въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени и по которой можно заключать о неподлинности акта. 2) Подлоги составлять дьякамъ вовсе не такъ было легко на тѣхъ основаніяхъ, какія привелъ г. Погодинъ. Да наконецъ, почему же именно отъ подлога, сдѣланнаго, какъ предполагаетъ г. Погодинъ, какимъ нибудь дьякомъ въ XVII вѣкѣ, можно

ожидать скорѣе противорѣчій и безтолковщины, чѣмъ отъ подлинной бумаги того же времени? Намъ даже кажется на оборотъ. Противорѣчіе и безсмыслица въ оффиціальномъ актѣ можетъ происходить всего скорѣе отъ небреженія и отъ неумѣнья выражаться. А кто составляетъ подлогъ, тотъ долженъ быть особенно остороженъ на этотъ разъ; тотъ старается, чтобъ его подлогъ, сколько возможно, казался подлинникомъ. Въ особенности трудно бы ожидать промаховъ въ подлогахъ, касающихся такого дѣла! Если тотъ, кто его составлялъ, былъ орудіемъ сильной партіи, желавшей обратить въ свою пользу государственное учрежденіе, то ужь, вѣроятно, такая партія поручила бы подобное дѣло человѣку искусному и смышленому; и этотъ искусный и смышленый человѣкъ, имѣя въ виду опредѣленную цѣль, долженъ былъ стараться, чтобъ эта цѣль бросалась каждому ясно въ глаза и ужь никакъ не могъ допускать двусмысленностей. И для чего было дьяку, составлявшему подложный указъ съ цѣлью узаконить и увѣковѣчить крѣпостное право, отзываться въ началѣ неблагопріятно о Борисѣ, котораго дѣйствія онъ напротивъ долженъ былъ одобрять? Равнымъ образомъ, отъ чего же дьякъ въ подлогѣ могъ надѣлать ошибокъ противъ обычныхъ дѣловыхъ формъ того времени и языка и вообще внѣшности указа, когда этому дьяку, безъ сомнѣнія, были извѣстны всѣ мелочныя формы и все касавшееся внѣшности оффиціальныхъ бумагъ, дьяку, который самъ составлялъ и оффиціальныя бумаги. Если дьякъ могъ принять несвойственный обычному порядку тонъ въ подлогѣ, то онъ могъ такимъ же тономъ написать и подлинный указъ.

Никто изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ нашей старины и даже самъ г. Погодинъ, за которымъ признаемъ въ ряду ихъ почетное мѣсто первенства, не въ силахъ, единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII в., отъ подлинной оффиціальной того же времени. Если въ наше время показать двѣ бумаги, составленныя, положимъ, въ—омъ Губернскомъ Правленіи: одна изъ нихъ подлинная, другая подложная, сочиненная секретаремъ того же Правленія. Есть ли возможность, единственно на основаніи слога, отличить одну отъ другой, когда и подлинная была составлена тѣмъ же секретаремъ, который написалъ подложную?

Видимая безсмыслица и противорѣчіе между предшествующею и послѣдующею рѣчью въ указѣ Шуйскаго не такъ еще ужасны и необъяснимы, какъ кажется съ перваго взгляда.

Указъ состоитъ изъ двухъ частей: доклада и постановленія. Въ докладѣ дѣйствительно говорится неблагосклонно о Борисѣ и о его запрещеніи перехода; въ постановленіи же крестьяне прикрѣпляются къ мѣсту жительства, слѣдовательно, дѣлается тоже, за что въ докладѣ порицается Борисъ. Что же? Докладчикъ могъ въ самомъ дѣлѣ быть инаго мнѣнія, то есть: въ пользу перехода, и изложилъ, даже быть можетъ возбудилъ вопросъ, думая, что его разрѣшатъ такъ, какъ ему хотѣлось; но приговоръ послѣдовалъ въ иномъ смыслѣ. Вникнемъ въ дальнѣйшій смыслъ доклада. Для чего онъ подается? Какая причина побуждаетъ къ этому? Причина эта высказывается въ концѣ доклада: «и нынѣ великія въ томъ учинились распри и насилія и многія раззоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшеся и содѣваются». Такимъ образомъ сущность дѣла состоитъ въ томъ, что начальствующіе помѣстной избой, замѣтивъ безпорядки, представили о нихъ государю съ объясненіемъ причинъ, давши этому объясненію тонъ, соотвѣтствовавшій ихъ собственному взгляду. Соборъ и сигклитъ, то есть духовные и свѣтскіе сановники, не раздѣляли этого взгляда: не удивительно, когда для нихъ было выгодно удерживать крестьянъ и притомъ тутъ были тѣ, которые и при избраніи Владислава становили ему въ условіе, чтобъ въ его царствованіе не было крестьянскаго выхода. Составилось постановленіе. Но докладъ остался, какъ былъ. Тогда не гонялись ни за соразмѣрностію и соотвѣтственностію частей въ оффиціальномъ актѣ, ни за ясностію и точностію выраженій, ни за отдѣлкою редакціи: тогда не думали, что для потомства указъ ихъ станетъ непонятенъ и будетъ заключать видимыя противорѣчія; для современниковъ этихъ противорѣчій въ немъ не было, да и безъ сомнѣнія для свѣдѣнія разсылались грамоты и памяти, въ которыхъ не было доклада; Татищеву на бѣду его достался списокъ съ докладомъ.

«Законъ Шуйскаго—по словамъ изслѣдователя—заключаетъ еще и другое противорѣчіе; въ немъ говорится, что крестьяне должны оставаться за тѣми помѣщиками, за которыми положены за

15 лѣтъ, то есть въ 7101 году. Тѣ, которые ушли съ 7101 года, слѣдовательно въ 7102, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, и оглашены, тѣ должны быть возвращаемы прежнимъ помѣщикамъ. Но въ указѣ 1601 года (7110) позволено было переходить. Спрашивается: какимъ же образомъ перешедшіе тогда по закону могутъ быть теперь возвращаемы?»

«Въ 1602 (7111) былъ еще общій переходъ, торжественно разрѣшенный. Въ боярскомъ приговорѣ 1605 года именно сказано, что бѣжавшіе въ 110, 111, 112 годахъ могутъ оставаться на новыхъ мѣстахъ, если докажутъ необходимость бѣгства». Спрашивается: какъ можетъ быть подобное противорѣчіе въ оффиціальныхъ актахъ, столь между собою близкихъ?»

Дѣло объясняется какъ нельзя проще. Здѣсь не только нѣтъ противорѣчія, но даже и той неточности выраженій, которая такъ не рѣдко заставляетъ задумываться при чтеніи старыхъ актовъ. Сила указовъ 1601-го и 1602 года не уничтожилась новымъ постановленіемъ; въ немъ говорится:

«Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 г. положены и тѣмъ быти за тѣми, за кѣмъ писаны, а буде тѣ крестьяне вышли за кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми животы ихъ за кѣмъ они писаны до сроку Рождества Христова 116 безъ пожилаго; а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію. А не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ, послѣ того срока, по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги за кѣмъ они нынѣ живутъ.»

Значеніе указовъ 1601 и 1602 годовъ могло сохраниться и послѣ этихъ строкъ. Здѣсь предѣломъ времени, съ котораго крестьяне могутъ считаться принадлежащими помѣщику, полагается 1592 годъ (именно тотъ годъ, въ который, какъ думаютъ, былъ изданъ первый указъ, воспрещающій переходъ въ юрьевъ день). Слѣдовательно только съ этого времени могли встрѣчаться случаи, дававшіе право помѣщику, руководствуясь указомъ Василія Шуйскаго, требовать возврата жившаго у него крестьянина. Но въ

теченіи этого пятнадцатилѣтняго періода были указы, позволявшіе крестьянамъ переходить отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ; само собою разумѣется, что владѣльцы, у которыхъ крестьяне могли переходить, теперь и не имѣли права требовать ихъ возврата, коль скоро крестьяне вышли отъ нихъ на основаніи дарованнаго имъ въ свое время позволенія. Постановленіе при Шуйскомъ не предоставляетъ имъ такого права. Оно дозволяетъ всѣмъ подавать челобитныя, назначаетъ для этого срокъ и приказываетъ разсматривать тѣ челобитныя, которыя уже поданы прежде по этому предмету. Отдавать крестьянъ можно только вслѣдствіе челобитныхъ и по справкѣ съ книгами, въ которыхъ будетъ значиться, что они записаны за челобитчиками. При такихъ условіяхъ еслибъ и случилось, что помѣщикъ началъ требовать возвращенія крестьянина, который у него сошелъ въ 1601 и 1602 годахъ законнымъ образомъ, то въ помѣстной избѣ ему бы указали, что его крестьянинъ сошелъ отъ него правильно и слѣдовательно онъ не имѣетъ на него права, точно также, какъ признали бы это право за тѣмъ изъ помѣщиковъ, который подалъ челобитную о крестьянинѣ, сошедшемъ отъ него не сообразно съ позволеніемъ въ 1601 и 1602 годахъ. Если въ указѣ есть неточность, то для нашего вѣка, а не для современниковъ: для нихъ тутъ не было ни неясности, ни противорѣчія. И теперь въ законодательствѣ встрѣчается и будетъ всегда встрѣчаться множество случаевъ, которые съ перваго взгляда совершенно подходятъ подъ извѣстную статью закона, но въ самомъ дѣлѣ не подлежатъ ей, потому что какое нибудь обстоятельство, означенное въ иной статьѣ, дѣлаетъ для этихъ случаевъ изъятіе. Что же касается до приговора 1605 года, то противорѣчитъ ли ему постановленіе Шуйскаго или не противорѣчитъ (кажется послѣднее)—мы не станемъ разбирать этого; нѣтъ никакого сомнѣнія, что этого приговора при Шуйскомъ не имѣли въ виду. Разстрига не считался царемъ, и всѣ постановленія его царствованія не сохранили дѣйствительности для послѣдующаго времени, и въ грамотахъ государей, подтверждавшихъ распоряженія предшественниковъ, нигдѣ не подтверждается какое-нибудь постановленіе государя, считавшагося лжецаремъ. Относительно же внѣшности и слога этого указа выше была высказана совершенная невозможность отыскивать въ немъ подлога, составленнаго дьякомъ въ XVII вѣкѣ.

Но г. Погодинъ не останавливается только на этомъ подозрѣніи, онъ склоняется также къ другому: что, быть можетъ, подлогъ этотъ образовался позже—иначе Татищевымъ. Желательно, чтобъ были указаны тѣ основанія, по которымъ мы должны искать въ слогѣ этого указа несообразностей съ принятыми въ XVII в. пріемами и формами, хотя это одно будетъ противорѣчить первому подозрѣнію на дьяковъ XVII вѣка. Г. Погодинъ указываетъ на выраженіе: «съ своимъ царскимъ сигклитомъ» и, слѣдуя Карамзину, отмѣчаетъ его курсивною печатью. Значитъ—оно въ числѣ несообразныхъ ни съ духомъ времени, ни съ языкомъ грамотъ. Но точно такое же выраженіе и притомъ съ такимъ же настроеніемъ рѣчи встрѣчается въ другомъ современномъ актѣ: именно, приговоръ 1604 года о высылкѣ на службу противъ Самозванца патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ: «царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ съ отцемъ своимъ святѣйшимъ Іовомъ, патріархомъ всея Русіи, и съ сыномъ своимъ, благороднымъ царевичемъ княземъ Ѳеодоромъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ митрополиты, и архіепископы, и архимандриты, и игумены и со всѣмъ своимъ царскимъ сигклитомъ» (С. г. гр. VI. 16). Изслѣдователь поставилъ одинъ вопросительный и одинъ восклицательный знакъ вслѣдъ за выраженіемъ: «сего ради приговорили есми и уложили по святымъ вселенскимъ соборамъ и по правиламъ св. отецъ». Конечно, эти знаки поставлены здѣсь не ради странности мудрецовъ XVII вѣка ссылаться на соборы и правила св. отецъ въ дѣлахъ мірскихъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ церковной администраціи и быту. Эти знаки указываютъ на несообразность выраженія съ принятыми въ XVII в. пріемами. Но при составленіи Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ точно также велѣно было принимать во вниманіе правила соборовъ и св. отецъ. (С. г. гр. III, 438). Это единственно подтверждаетъ всѣмъ давно извѣстное обстоятельство, что въ старой Руси думали все освящать согласіемъ съ Церковью. Пока не укажутъ и не докажутъ: въ чемъ именно слогъ указа обличаетъ подлогъ—едва ли можно на всѣхъ этихъ основаніяхъ подозрѣвать въ указѣ царя Василія Шуйскаго такое дурное качество, да наконецъ еслибъ въ немъ точно нашлось какое нибудь сомнительное выраженіе, то почему жъ приписывать его именно подлогу, а не ошибкамъ переписчиковъ, когда самый

указъ извѣстенъ только по спискамъ? Неужели признавать его подложнымъ единственно на основаніи недовѣрія къ Татищеву? Но вѣдь самые ярые враги Татищева должны сознаться, что если Татищевъ, по ихъ мнѣнію, лжетъ, то все таки иногда и правду скажетъ. По крайней мѣрѣ самъ г. Погодинъ убѣжденъ въ томъ, признавая, что указа 1601 г. Татищевъ не выдумалъ. Отчего же указъ Василія Шуйскаго выдуманъ?

И такъ нельзя признать основаній, приведенныхъ г. Погодинымъ, достаточными, чтобъ отвергать подлинность указа Шуйскаго; но не станемъ однако и опираться на него, изъ уваженія къ авторитету г. Погодина, въ надеждѣ, что онъ представитъ болѣе очевидныя доказательства его неподлинности. Быть можетъ и тѣхъ актовъ, въ подлинности которыхъ г. Погодинъ не сомнѣвается, будетъ довольно, чтобъ предпочесть старое мнѣніе новому, высказанному почтеннымъ изслѣдователемъ въ Русской Бесѣдѣ.

Въ указѣ 1597 года постановлено давать судъ и сыскивать крѣпко и по суду отдавать бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми тѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, за которыми они жили за пять лѣтъ тому назадъ. Г. Погодинъ находитъ, что этотъ указъ не говоритъ о переходѣ крестьянъ въ юрьевъ день, а касается только бѣглыхъ, что онъ подобенъ многимъ старшимъ и младшимъ указамъ о бѣглыхъ съ назначеніемъ для права на ихъ водвореніе въ прежнихъ мѣстахъ срочныхъ лѣтъ со дня побѣга. Дѣйствительно, такихъ указовъ впослѣдствіи было много; но г. Погодинъ говоритъ, что такіе указы существовали и прежде, *при Іоаннахъ*. Жаль, очень жаль, что г. Погодинъ не привелъ ни одного изъ извѣстныхъ ему въ этомъ родѣ. Кажется, до сихъ поръ ни одинъ не извѣстенъ, а это самое и заставляетъ многихъ искать чего то въ 1592 году. Вотъ если бы въ изслѣдованіи въ самомъ дѣлѣ приведенъ былъ такой указъ и притомъ именно съ назначеніемъ срочныхъ лѣтъ,—тогда иное дѣло; тогда указъ 1597 года не могъ бы самъ по себѣ служить исходнымъ источникомъ общепринятаго мнѣнія. Но въ изслѣдованіи въ доказательство существованія такихъ указовъ «при Іоаннахъ» не приведено ничего, кромѣ одного мѣста изъ первой новгородской лѣтописи, мѣста, относящагося къ времени гораздо древнѣйшему: «пріиде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ и вда свободу смердомъ на пять лѣтъ даней не платити, кто сбѣ-

жалъ на чюжю землю, а симъ повелѣ, кто сдѣ живетъ, како уставили передніи князи, тако платите дань». Это свидѣтельствуетъ не за г. Погодина, а противъ него. Здѣсь не преслѣдуются бѣглые, а напротивъ покровительствуются; бѣглымъ даются льготы, которыхъ лишены тѣ, которые сидятъ на одномъ мѣстѣ и не бѣгаютъ! Пока г. Погодинъ не отыщетъ или не укажетъ міру указа, подобнаго указу 1597 года, изданнаго при Іоаннахъ, какъ онъ говоритъ, до тѣхъ поръ мнѣніе Татищева и Карамзина, находившихъ, что за пять лѣтъ передъ 1597 годомъ надобно искать запрещенія перехода, имѣетъ полное основаніе и неудивительно, что всѣ почти ученые раздѣляютъ это мнѣніе, повторяютъ его, какъ говоритъ г. Погодинъ, безъ малѣйшаго разсужденія и оно сдѣлалось историческою аксіомою. Едвали принимаютъ это мнѣніе безъ малѣйшаго разсужденія; разсуждаютъ болѣе или менѣе такъ: когда указъ 1597 г. ставитъ предѣломъ отыскиванія бѣглыхъ 1592 годъ, то значитъ въ 1592 г. что-то произошло. Прежде такихъ указовъ, сколько извѣстно, не было. Отчегожь возникъ этотъ? По Судебнику позволялось крестьянамъ переходить въ юрьевъ день, а въ XVII вѣкѣ мы положительно знаемъ, что это постановленіе въ законодательствѣ не существовало и бояре, избиравшіе Владислава, уже ставили ему въ числѣ условій, чтобъ крестьяне не имѣли права выходить. Когда же это постановленіе отмѣнилось? Безъ сомнѣнія, или въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого отмѣненія должно необходимо быть преслѣдованіе бѣглыхъ, то есть не покорявшихся этому постановленію, конечно стѣснительному для многихъ. Дѣйствительно, въ тѣ времена когда, какъ намъ извѣстно, въ законодательствѣ уже не существовало постановленія о юрьевѣ днѣ, являются один за другимъ указы, имѣющіе цѣлью преслѣдованіе бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ. Но такихъ указовъ мы не встрѣчаемъ въ тѣ времена, когда, какъ намъ извѣстно вполнѣ и достовѣрно, постановленіе Судебника было въ силѣ. Слѣдовательно изданіе этихъ указовъ имѣетъ связь съ прекращеніемъ перехода. Къ какому же году относится первый по времени извѣстный намъ изъ этихъ указовъ? Къ 1597-му. Къ чему приводитъ насъ этотъ первый указъ? Къ 1592 году, ибо признаетъ крестьянъ, о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь, съ одними правами послѣ 1592 и съ другими предъ 1592 годомъ; слѣдова-

тельно — въ 1592 году должно было послѣдовать относительно крестьянъ важное распоряженіе, сдѣлавшееся виною указа 1597 и вслѣдъ за нимъ прочихъ указовъ, ему подобныхъ. Но такъ какъ 1) указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, въ своей постепенной послѣдовательности, идутъ въ законодательствѣ рядомъ съ прекращеніемъ перехода; 2) о переходѣ въ юрьевъ день нѣтъ въ законодательствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ являются въ немъ въ постепенной послѣдовательности указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, то это распоряженіе въ 1592 году должно необходимо касаться перехода въ юрьевъ день и непремѣнно въ духѣ прекращенія этого права, а ужь никакъ не расширенія. Предположеніе наше подтверждается указами 1601 и 1602 годовъ.

Смыслъ указа 1601 года указываетъ на запрещеніе, существовавшее до 1601 года и притомъ на совершенное запрещеніе. Слова: *велѣли крестьянамъ дати выходъ*, показываютъ, что законъ вновь даетъ право, котораго предъ тѣмъ не давалось. Запрещеніе возить крестьянъ въ имѣніяхъ значительныхъ владѣльцевъ и въ московскомъ уѣздѣ стоитъ послѣ позволенія и очевидно прибавлено въ видѣ исключенія изъ новаго правила, какъ обязанность оставаться при прежнемъ порядкѣ. Этого не можетъ отрицать и самъ г. Погодинъ, признавшій, что предъ этимъ указомъ было запрещеніе, а не позволеніе.

Г. Погодинъ при разборѣ этихъ указовъ, задавая себѣ вопросъ: что было предъ указомъ 1601 г., позволеніе или запрещеніе? отвѣчаетъ: «слѣдуетъ, кажется, предполагать запрещеніе». Если такъ, тогда и спорить нечего. Къ намъ является на помощь указъ 1597 года и ведетъ насъ прямо къ 1592 году. Но г. Погодинъ находитъ, что если и было запрещеніе, то временное, какія, быть можетъ, установлялись каждогодно. По мнѣнію его, «случались обстоятельства, когда правительство находило нужнымъ прерывать этотъ переходъ крестьянъ или ограничивать, можетъ быть, еще прежде Іоанновъ, точно такъ какъ при царѣ Ѳеодорѣ, Борисѣ, при Романовыхъ». Но далѣе г. Погодинъ оставляетъ въ тѣни запрещеніе предъ 1601 годомъ, а выставляетъ этотъ указъ какъ бы въ значеніи перваго важнаго ограниченія перехода, которое хотя было и временною мѣрою, но впослѣдствіи послужило владѣльцамъ поводомъ воспользоваться имъ для своихъ выгодъ и повело къ подло-

гамъ, узаконившимъ крѣпостное право на людей. Правительство, по мнѣнію г. Погодина, приказало въ 1601 г., чтобъ у значительныхъ помѣщиковъ, каковы были бояре и проч., крестьяне оставались безвыходно: правительство имѣло въ виду, что богатые могутъ прокормить крестьянъ, а чтобъ у мелкопомѣстныхъ открыть крестьянамъ средства прокормиться, имъ разрѣшено, по истеченіи срока, перевозить крестьянъ между собою по взаимному согласію. Это была мѣра правительственная временная, но она понравилась богатымъ, сильнымъ помѣщикамъ и они пожелали увѣковѣчить ее, удержавъ навсегда за собою прежнихъ крестьянъ по праву.

Далѣе и подъ конецъ своего сочиненія почтенный изслѣдователь рѣшительно противорѣчитъ себѣ, не допуская никакихъ законодательныхъ ограниченій свободы крестьянъ между установленіемъ юрьева дня и указами по поводу голода, то есть 1601 и 1602 года. «Законы долго молчали—говоритъ онъ—и начали ограничивать свободу переходить, *сперва* юрьевымъ днемъ во уваженіе обязанностей, наложенныхъ ими на помѣщиковъ, *потомъ*, вслѣдствіе случившихся голодовъ», и проч. Что въ изслѣдованіи не разумѣются никакія другія распоряженія по этому предмету по поводу голода, кромѣ упомянутыхъ указовъ, это доказываютъ слова, помѣщенныя назадъ три страницы (на 153): «голодные годы 1601, 1602, 1603 играютъ здѣсь кажется значительную роль; надо было правительству обезпечить сколько нибудь народное пропитаніе». Здѣсь не упоминается ни о какихъ другихъ голодныхъ годахъ, послужившихъ поводомъ къ ограниченію перехода. Такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ изслѣдованія допускаются временныя запрещенія, существовавшія до 1601, въ другомъ указы 1601 и 1602 годовъ выставляются какъ первыя распоряженія о запрещеніи, вызванныя временною необходимостію. Читатель остается въ недоумѣніи: какое мнѣніе ученаго изслѣдователя объ этомъ вопросѣ. Существовали ли запрещенія до 1601 или нѣтъ? Если г. Погодинъ признаетъ, что они существовали, то будемъ искать послѣдняго изъ нихъ: когда оно случилось, и указъ 1597 года наводитъ насъ прямо на 1592 годъ. А чтобъ увѣриться, что это ограниченіе перехода, которое должно было случиться въ 1592 году, было не первое и не выходило изъ колеи обычныхъ мѣръ, совмѣстимыхъ со всеобщимъ правомъ перехода въ юрьевъ день, пусть г. Погодинъ укажетъ намъ тѣ правитель-

ственныя распоряженія, которыя, какъ онъ полагаетъ, были еще *прежде Іоаннова* и равнымъ образомъ пояснитъ, какія постановленія ему извѣстны при царѣ Ѳеодорѣ.

Изслѣдователь останавливается надъ словами: «а которымъ нынѣ срокъ возити» и затрудняется: кого разумѣть подъ этими *которыми*. Кажется, тутъ ларчикъ просто открывается. Эти *которые*, какъ видно по ходу рѣчи, тѣ мелкопомѣстные, которые тогда получили дозволеніе и которымъ дѣйствительно приходился срокъ, т. е. юрьевъ день, ибо указъ написанъ въ ноябрѣ. Что касается до словъ: *а возити человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного никому не возити*, то едва ли можно успокоиться на мнѣніи г. Лешкова: законъ позволяетъ дворянамъ не по одному крестьянину перевозить другъ отъ друга, а поровну: берите одного или двухъ за одного, а не трехъ и не четырехъ. Не смотря на нѣкоторую темноту редакціи, обыкновенную въ то время въ нашей администраціи, не отличавшейся толковитостію, все таки не трудно здѣсь понять, что каждый владѣлецъ могъ изъ имѣнія другаго владѣльца брать къ себѣ не болѣе двухъ крестьянъ. Законодатель имѣлъ здѣсь, какъ видно, ту цѣль, чтобъ не допустить нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ большимъ количествомъ земли и предоставлявшихъ крестьянамъ льготы, переманивать къ себѣ крестьянъ отъ небогатыхъ сосѣдей до того, что у этихъ сосѣдей не осталось бы ни одного человѣка, и чтобъ послѣдніе, лишенные рукъ, не впали въ нищету и невозможность отправлять государственную службу, лежавшую на сословіи помѣщиковъ. При ограниченіи же, какое сдѣлано въ законѣ, богатый помѣщикъ не могъ взять у небогатаго болѣе двухъ человѣкъ и слѣдовательно лишенъ былъ возможности переманить къ себѣ всѣхъ его крестьянъ. Но это не значитъ, чтобъ крестьяне не имѣли юридической возможности оставлять своего владѣльца; они могли всѣ уйти отъ него, только не въ одно имѣніе. Естественно, что разойтись въ разныя стороны крестьянамъ было труднѣе, чѣмъ уйти всѣмъ въ одно новое мѣсто. Эта оговорка въ указѣ знакомитъ насъ вообще съ цѣлью, которую при прекращеніи перехода имѣло правительство. Оно хотѣло обезпечить для себя государственную службу помѣщиковъ и платежъ повинностей, а это требовало необходимо твердой осѣдлости земледѣльческаго класса.

Не трудно понять, почему у богатыхъ и сильныхъ міра сего переходъ остался запрещеннымъ: царь Борисъ нуждался для недавняго своего царствованія и своей юной династіи въ этой опорѣ и вѣроятно при Ѳеодорѣ приготовляя себѣ престолъ заранѣе устроивалъ свои дѣла на этотъ счетъ.

Указъ 1602 года есть отчасти повтореніе предыдущаго, но съ нѣкоторыми изъятіями. Въ немъ уже нѣтъ ограниченія перехода числомъ крестьянъ, которыхъ можно было одному помѣщику вывозить изъ имѣнія другаго. Въ исчисленіи родовъ помѣщиковъ, у которыхъ въ имѣніяхъ крестьянамъ дозволялся переходъ, есть нѣкоторыя перемѣны и именно: въ указѣ 1601 года позволяется возить крестьянъ «дворянамъ, которые служатъ изъ выбора, и жильцамъ, которые у государя царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича, и которые у государя царевича Ѳедора Борисовича, и дѣтемъ боярскимъ, дворовымъ и городовымъ приказчикамъ, всѣхъ же городовъ, иноземцемъ всякимъ и большого двора дворовымъ людямъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникомъ и подключникомъ, конюшеннаго приказа столповымъ приказчикомъ . . . и стряпчимъ, ловчего пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ, и сурначеемъ и государыни царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтемъ боярскимъ и всѣхъ приказовъ прединмъ подьячимъ, стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣлецкимъ и головамъ казачьимъ, посольскаго приказа переводчикомъ и толмачемъ, патріаршимъ и митрополичимъ и архіепископьимъ приказнымъ людемъ и дѣтемъ боярскимъ промежъ себя». Въ указѣ же 1602 г. говорится: «Указали есмя всего нашего московскаго царства дѣтемъ боярскимъ и иноземцемъ всякимъ и жилцомъ нашимъ и сына нашего царевича князя Ѳеодора Борисовича всеа Русіи жилцомъ же и нашимъ дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ и конюхомъ и охотникомъ и псаремъ, и кречетникомъ и соколникомъ и ястребникомъ и трубникомъ, и дѣтемъ боярскимъ нашея царицы и великія княгини Маріи Григорьевны всеа Русіи и всѣхъ приказовъ подьячимъ промежъ себя крестьянъ отказывати». Въ послѣднемъ дозволяется возить крестьянъ дѣтямъ боярскимъ, а о дворянахъ не говорится, хотя ниже того въ числѣ помѣщиковъ, у которыхъ выходъ воспрещенъ, показаны только

большіе дворяне, слѣдовательно можно предположить, что *у малыхъ* былъ онъ позволенъ. Нѣтъ также дѣтей боярскихъ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископьихъ. Если допустить, что этого рода дѣтей боярскихъ слѣдуетъ считать въ общемъ числѣ дѣтей боярскихъ всего московскаго царства, то противъ такого толкованія можно возразить, что царицыны дѣти боярскія поименованы особо и вѣроятно были бы поименованы и эти, еслибъ право выхода крестьянскаго распространялось на ихъ имѣнія. Можно толковать такъ и иначе. Это новый образчикъ толковитости нашей администраціи.

Сверхъ этихъ отличій въ указѣ 1602 г. отъ указа, изданнаго въ предшедствовавшемъ году, московскій уѣздъ не подпадаетъ уже изъятію отъ права крестьянскаго выхода, какъ въ указѣ 1601 года. Указъ 1602 г. выразительно говоритъ о способѣ переходовъ крестьянскихъ въ видѣ правоученія для тѣхъ, у которыхъ они жили. «А изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы безо всякія зацѣпки и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали, а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ, однолично бъ есте берегли того накрѣпко, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было». Мѣсто это чрезвычайно важно для насъ. Оно показываетъ, что общее желаніе помѣщиковъ было закрѣпить крестьянъ и удержать ихъ у себя. Нениньше того мы изъ него видимъ, что самый переходъ крестьянскій служилъ крестьянамъ и къ раззоренію и къ большому угнетенію. Мнѣніе, приведенное выше, что крѣпостное право, т. е. лишеніе полноправности крестьянъ, существовало и до Бориса, подтверждается этимъ мѣстомъ указа 1602 года. Если таковы были юрьевскіе переходы, то за что же и клеймить Бориса? Располагая богатыхъ владѣльцевъ и сильныхъ земли для своихъ личныхъ цѣлей, въ тоже время Борисъ, быть можетъ, хотѣлъ избавить народъ отъ печальныхъ картинъ, какія представляла жизнь этого народа въ короткіе дни предоставляемой ему разъ въ годъ свободы. Отрицая прикрѣпленіе крестьянъ при Борисѣ, г. Погодинъ признаетъ, что

прежній порядокъ перемѣны жительства крестьянъ существовалъ въ XVII в. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Онъ ссылается на г. Аксакова, который въ III томѣ Р. Бесѣды за 1858 годъ напечаталъ изслѣдованіе по поводу вышедшей въ свѣтъ писцовой книги временъ Михаила Ѳеодоровича, помѣщенной въ изданіи г. Елагина «Бѣлевская Библіотека». Г. Аксаковъ находитъ, что въ писцовой книгѣ о нѣкоторыхъ крестьянахъ, оставившихъ мѣста своихъ жительствъ, сказано: *сошли*, *вышли*, въ другихъ: *сбѣжали*. Это, по его мнѣнію, даетъ право признавать несомнѣннымъ существованіе перехода не только de facto, но и de jure. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Аксаковъ, руководствуясь порядными записьми, приходитъ къ такому заключенію: «Во времена до укрѣпленія переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ то и въ случаѣ несоблюденія сего условія крестьянинъ возвращалъ подмогу или платилъ пеню. Послѣ укрѣпленія, въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея могъ требовать назадъ самого крестьянина и заставить его работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано. Но это вошло не вдругъ: сперва въ рядныхъ послѣ укрѣпленія на неопредѣленный срокъ или на всю жизнь, видимъ мы, что тоже полагается въ случаѣ, если крестьянинъ будетъ рядиться на сторонѣ, выйдетъ за другаго—денежное взысканіе, потомъ въ такихъ рядныхъ дается право взять силою крестьянина отовсюду, куда бы онъ ни порядился. И такъ бѣглый крестьянинъ былъ крестьянинъ, неисполнившій условій перехода и ушедшій до срока. До укрѣпленія, заплатя пеню, онъ удерживалъ свою личную независимость и не былъ обязанъ выполнять условій обязаннаго; послѣ укрѣпленія, онъ не могъ отступиться отъ условій и обязанъ былъ выполнить весь договоръ—жить столько, сколько въ записи написано».

Первое мнѣніе—что переходъ существовалъ въ XVII вѣкѣ, г. Аксаковъ признаетъ несомнѣннымъ, второе—о значеніи укрѣпленія, онъ предлагаетъ какъ догадку, ибо дѣло само требуетъ большихъ изслѣдованій.

Посмотримъ на несомнѣнное.

Придется прежде всего сдѣлать вопросъ: точно ли выраженіе *вышли* имѣло смыслъ законнаго, дозволительнаго перехода въ отличіе отъ выраженія *сбѣжали?* Г. Аксаковъ находитъ, что эти выра-

женія всегда означаютъ различное, и что бѣжать можно было и при существованіи перехода: кто исполнилъ свои условія въ отношеніи своего владѣльца и удалился отъ него—значитъ, онъ *вышелъ*, или *сошелъ*; въ противномъ случаѣ онъ *сбѣжалъ*. Но въ поручной на крестьянство, приведенной г. Аксаковымъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, поручники отвѣчаютъ тогда, когда тѣ, за которыхъ они ручаются, «за волость выдутъ и тѣ свои жеребьи впустѣ покинутъ». Здѣсь слово *выдутъ* очевидно не въ смыслѣ законнаго правильнаго удаленія послѣ исполненія всѣхъ условій. Но если мы и допустимъ, что выраженія: *вышли, сошли* употреблялись въ смыслѣ, особомъ отъ выраженія *сбѣжали*, и тогда это не даетъ повода признавать несомнѣннымъ, чтобъ въ XVII вѣкѣ существовало для крестьянъ право сойти отъ землевладѣльца, покончивъ съ нимъ всѣ условія и сойти такъ, чтобъ землевладѣлецъ не имѣлъ права его удерживать. А если владѣлецъ его уволилъ? Вѣдь и въ наше время, при существованіи крѣпостнаго права въ томъ видѣ, какъ оно образовалось уже подъ условіемъ послѣ-петровскаго періода, владѣлецъ имѣетъ право уволить своего крестьянина и временно и навсегда, и еслибъ у насъ теперь существовали писцовыя книги, то писецъ, описывая какое нибудь господское село, не сдѣлалъ бы ошибки, еслибъ, напримѣръ, написалъ такъ: *дворъ пустъ крестьянина Свинорылова, перешелъ въ село Задуваевку,* разумѣя подъ этимъ отпущеннаго на волю крестьянина, поселившагося въ казенномъ селѣ; или же: «*дворъ пустъ Василія Недочосова, живетъ въ селѣ Расползухѣ дворникомъ у помѣщика Свистоносова*», разумѣя подъ этимъ отпущеннаго помѣщикомъ на оброкъ и содержащаго постоялый дворъ у сосѣдняго господина; или же: *крестьянинъ Михайло Прусенковъ вышелъ въ 1857 годъ и живетъ неизвѣстно гдѣ,* разумѣя крестьянина, отпущеннаго на заработки по билету и заплатившаго оброкъ помѣщику впередъ за два года. Изъ такихъ извѣстій потомки вывели бы, что въ наше время крестьяне по закону имѣли право отъ помѣщиковъ переходить въ казенные крестьяне, къ другимъ помѣщикамъ и наконецъ уходить, не давая никому отчета, куда уходятъ. А дѣло между тѣмъ было совсѣмъ не такъ: эти крестьяне по закону не смѣли и шагу сдѣлать безъ воли помѣщика, но только помѣщикъ могъ ихъ отпускать. Но вѣдь и указы при Борисѣ о запрещеніи выхода не говорятъ, чтобъ тѣ помѣ-

щики, у которыхъ выходъ былъ запрещенъ, сами лишались права отпускать своихъ крестьянъ. Если запрещалось отказывать и возить крестьянъ, то это слѣдуетъ понимать такъ, что помѣщики не могли съ крестьянами другихъ помѣщиковъ дѣлать взаимныя сдѣлки о переходѣ ихъ къ себѣ безъ воли тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне живутъ. Нельзя предположить, чтобъ помѣщикъ былъ внѣ всякой возможности законно избавиться отъ своего крестьянина, еслибъ захотѣлъ этого, когда и самого бѣглаго возвращали ему только тогда, когда онъ подавалъ объ этомъ челобитную, и притомъ съ срочными условіями, такъ что бывали частые случаи, когда помѣщикъ терялъ право на возвращеніе бѣглаго, еслибъ и нашелъ его. Ясно, что если помѣщикъ могъ не искать бѣглаго, не отвѣчая за это, и напротивъ за просрочку наказывался только потерею правъ на того, на кого не желалъ предъявлять свои права, то ужь конечно могъ отпускать своего крестьянина добровольно. Если отпускъ на волю холопей и вѣчныхъ и кабальныхъ не только дозволялся, но считался дѣломъ богоугоднымъ, то отчегожь въ отношеніи къ крестьянамъ могло быть изъятіе, когда крестьяне de jure были свободнѣе холопей? Сверхъ того надобно принять во вниманіе, что по общественнымъ понятіямъ тѣхъ временъ поселянинъ въ отношеніи власти былъ или тяглымъ или затяглымъ. Къ первымъ принадлежали хозяева, на которыхъ лежали отбываемыя повинности, а къ послѣднимъ сыновья, племянники и вообще родственники и домочадцы, не составлявшіе сами по себѣ единицъ, по которымъ разлагались повинности. Эти затяглые, пока не записывались въ свою очередь въ тягло на тягловые жеребьи, были гулящіе люди, имѣвшіе право, при болѣе или менѣе широкихъ условіяхъ, перемѣнять мѣста жительства. Ими то населялись Сибирь и южныя и юговосточныя степи Европейской Россіи. У помѣщиковъ, такъ точно, какъ въ посадахъ и въ черныхъ волостяхъ, были тяглые жеребьи, на которыхъ жили ихъ тяглые крестьяне (Ворон. Акты, III, 161). Въ множествѣ грамотъ о заселеніи новыхъ слободъ и селъ предписывается начальствующимъ лицамъ набирать въ пашенные крестьяне изъ вольныхъ гулящихъ людей: *изъ крестьянскихъ семей, братьевъ, дѣтей и племянниковъ, но только не тяглыхъ;* а какъ мы знаемъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ существовали тяглые жеребья, слѣдовательно были тяглые и затяглые крестьяне, то вѣ-

роятно, что въ числѣ лицъ изъ крестьянскихъ семей вообще разумѣлись также лица затяглыя и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Тяглые жеребья зависѣли отъ воли помѣщика и, вѣроятно, отпускъ затяглаго также зависѣлъ отъ его воли, потому что онъ могъ посадить его на тяглый жеребій, но въ какой степени—того нельзя опредѣлить положительно по недостатку свѣдѣній. Пока съ насъ довольно того, что если крестьянское населеніе, жившее въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не лишено было возможности оставлять мѣстъ своего жительства и переходить въ другія, то изъ этого нельзя еще заключить несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ существовало прежнее право перехода въ юрьевскіе сроки независимо отъ воли помѣщиковъ, такъ точно, какъ и до нашего времени крестьянинъ не лишенъ былъ возможности отойти отъ своего помѣщика, если послѣдній изъявлялъ желаніе. Разница въ томъ только, что въ наше время отпущенный помѣщикомъ крестьянинъ не можетъ сдѣлаться вновь крестьяниномъ другаго помѣщика, но это потому, что существуетъ законъ, по которому разъ пріобрѣвшій свободу не можетъ поступить въ крѣпостное состояніе, хотя бы на то было и его собственное согласіе. Закона такого не было въ XVII вѣкѣ: тогда отпущенному предоставлялось полное право сдѣлаться и холопомъ и крестьяниномъ другаго господина. Мы достовѣрно знаемъ, что въ XVII вѣкѣ уже не существовалъ старинный вывозъ крестьянъ, то есть право помѣщика, согласившись съ крестьяниномъ другаго помѣщика, принять его къ себѣ, хотя бы противъ воли того помѣщика, у котораго жилъ прежде крестьянинъ. Доказательствомъ могутъ служить дополнительныя статьи къ Судебнику, постановленныя въ 1641 году:

«А которые люди къ кому пріѣзжали и людей и крестьянъ вывезли за себя, или въ тое время отъ кого учинится смертное убійство и грабежъ и иное какое дурно, и Государь указалъ и бояре приговорили: про то сыскивать всякими сыски накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавати за пятнадцать лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по суду и по сыску отдавати, по прежнему Государеву указу, за десять лѣтъ.

« А которые всякихъ чиновъ люди, кто у кого насилствомъ крестьянъ вывезъ, а про то сыщется подлинно, и Государь указалъ и бояре приговорили: крестьянъ отдати со всѣми животы, да сверхъ

того крестьянского владѣнья за крестьянина въ указные лѣта взяти на годъ по пяти рублевъ.

«А которые люди учнутъ на комъ крестьянъ искать бѣглыхъ вывозными, а про то сыщется, что тѣ крестьяне не вывозные, бѣглые: и тотъ истецъ лишенъ крестьянина своего и крестьянскихъ животовъ и своего иску, ищи правдою и не называй бѣглаго крестьянина вывознымъ».

Такимъ образомъ здѣсь ясно отличаются вывозные крестьяне отъ бѣглыхъ; и тѣ и другіе равно возвращаются въ прежнія мѣста, и тѣ и другія—лица, по своимъ поступкамъ, подлежащія преслѣдованію закона, и притомъ законъ, въ отношеніи первыхъ, наблюдаетъ больше строгости, чѣмъ въ отношеніи къ послѣднимъ.

Что касается до рядныхъ записей, то онѣ не доказываютъ и не опровергаютъ мнѣнія, какое составилъ г. Аксаковъ о существованіи перехода, по очень простой причинѣ: въ нихъ не говорится нигдѣ ни о какомъ общемъ и обязательномъ способѣ отношеній всего крестьянскаго населенія ко всѣмъ владѣльцамъ.

И такъ остается признать, что мысль о томъ, будто Борисъ не прекращалъ юрьевскаго перехода и что это право существовало послѣ него и въ XVII вѣкѣ — не принимаетъ характера исторической истины послѣ доказательствъ гг. Погодина и Аксакова. Пока почтенные изслѣдователи, желающіе внести ее въ науку, не подтвердятъ своихъ положеній новыми, болѣе очевидными, свидѣтельствами того времени, общепринятое мнѣніе будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе доказательствъ. Главное — желательно было бы, чтобъ г. Погодинъ указалъ на извѣстныя ему распоряженія о бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ, изданныя ранѣе указа 1597 года: это прольетъ новый свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей допетровской исторіи.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

Практическое руководство къ русскому гражданскому судопроизводству, составленное Иваномъ Лапинскимъ, преподававшимъ Законовѣдѣніе въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній и состоявшимъ на службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. С.-Петерб. 1859. Стр. VIII и 181.

Вслѣдъ за изданіемъ Свода Законовъ возникло въ нашей литературѣ стремленіе къ разработкѣ догматическаго права; стремленіе это выразилось, особенно въ отношеніи къ судопроизводству гражданскому, въ учебникахъ и компиляціяхъ, изданныхъ частными лицами подъ именемъ различныхъ «Руководствъ и начертаній». Къ сожалѣнію, всѣ изданныя сочиненія этого рода отличаются одно отъ другаго только бо́льшею или меньшею полнотою и ясностію изложенія; всѣ представляютъ, съ небольшими разностями системы и взгляда, только видоизмѣненіе матеріала, собраннаго во 2-й части X тома Свода Законовъ Гражданскихъ, только внѣшнюю переработку догматической части права, а не внутреннюю разработку его содержанія. Иныя изъ этихъ сочиненій составлены преимущественно съ теоретической точки зрѣнія: при всей исключительности воззрѣнія и тѣснотѣ задачи такія сочиненія могутъ еще принести нѣкоторую пользу. Такова, напримѣръ, Учебная книга Гражданскаго Судопроизводства, изданная П. Дегаемъ: здѣсь цѣлью автора было нѣкоторымъ измѣненіемъ системы, сведеніемъ частныхъ правилъ къ общимъ и сопоставленіемъ разсѣянныхъ статей, уяснить для учащагося систему и содержаніе оффиціальнаго текста законовъ. Таковъ «Опытъ начертанія Гражданскаго Судопроизводства по Россійскимъ Законамъ, составленный Камбекомъ (Казань 1848)»: здѣсь авторъ съ точки зрѣнія римскаго права старался указать на главныя особенности русскаго гражданскаго процесса и связать главныя его правила съ общими началами теоріи.

Несравненно обширнѣе становится задача тѣхъ составителей, которые даютъ своимъ сочиненіямъ заглавіе «Практическаго руководства». Напрасно иные думаютъ, что, опредѣливъ свою задачу словомъ: *Практика*, они тѣмъ самымъ избавляются отъ необходимости близкаго знакомства съ теоріей. Одно слово: *Руководство*— указываетъ на необходимость взгляда, основаннаго на общихъ началахъ, потому что нѣтъ никакой возможности руководствовать другихъ тому, кто не пріобрѣлъ для себя самого цѣльнаго, полнаго, истиннаго вѣдѣнія о предметѣ, по которому желаетъ быть руководителемъ. А такое вѣдѣніе возможно только тогда, когда точное познаніе о каждой отдѣльной части предмета проникнуто идеей и неразрывно связано съ общею идеей цѣлаго: только такое познаніе можетъ быть названо *сознательнымъ*; а безъ сознательнаго вѣдѣнія самъ руководитель станетъ блуждать во тьмѣ вмѣстѣ съ руководимыми. Положимъ, что авторъ выбралъ себѣ задачею только собрать, въ возможной полнотѣ, указанія судебной практики, описать, какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣняется правило закона: и здѣсь невозможно ему обойтись безъ общихъ понятій, иначе самъ онъ непремѣнно запутается въ разнорѣчивыхъ примѣрахъ практики, которая, какъ извѣстно, отличается у насъ отсутствіемъ точныхъ правилъ, смѣшеніемъ началъ и преобладаніемъ случайнаго надъ постояннымъ. Наконецъ, безъ общихъ понятій, свѣдѣнія, пріобрѣтенныя даже тщательнымъ наблюденіемъ конкретныхъ случаевъ, будутъ только отрывочными свѣдѣніями; а изученіе одной буквы закона не приведетъ еще, само по себѣ, ни къ правильному разумѣнію учрежденія, ни къ правильному употребленію формы. У насъ юридическая практика находится большею частію въ разладѣ съ теоріей, и этотъ разладъ по необходимости долженъ отражаться въ сочиненіяхъ о судопроизводствѣ, назначаемыхъ авторами для практической цѣли. Этотъ разладъ тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ поспѣшнѣе берется авторъ за изданіе руководства и чѣмъ бѣднѣе собранный имъ запасъ практическихъ наблюденій. Къ сожалѣнію, книги этого разряда могутъ еще расчитывать у насъ на сбытъ въ публикѣ и даже на успѣхъ нѣкотораго рода. Одна изъ первыхъ потребностей какого бы то ни было общества, какого бы то ни было кружка, есть потребность въ авторитетѣ: она столь сильна, у насъ въ особенности, что за отсутствіемъ истиннаго,

дѣйствительнаго авторитета, мы нерѣдко съ жадностью привязываемся къ ложному и такъ же скоро готовы промѣнять его на новый авторитетъ, выступающій подъ знаменемъ истиннаго. Во всѣхъ областяхъ вѣдѣнія, во всѣхъ сферахъ практической дѣятельности повторяется у насъ тоже самое явленіе: только этою причиной, кажется, и можно объяснить непонятную безплодность стремленій и усилій нашихъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Въ сферѣ юридической дѣятельности едва ли не явственнѣе чѣмъ въ какой либо другой выказывается это безпокойное, нетерпѣливое исканіе авторитета. Въ этой сферѣ сосредоточены непосредственные, ближайшіе, необходимые, личные интересы каждаго гражданина, интересы имущества, чести и жизни: никому не чуждо желаніе знать—какъ онъ можетъ возстановить нарушенное право, какимъ путемъ защитить его отъ притязаній, какое дѣйствіе при этой защитѣ должно почитаться вѣрнымъ средствомъ, при какихъ условіяхъ можно расчитывать на успѣхъ въ дѣйствіи, на удовлетвореніе въ требованіи. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, существенныхъ для каждаго, никто не можетъ найти вѣрнаго указанія въ одномъ законѣ, потому что законъ, по существу своему, не обнимаетъ всѣхъ случаевъ и при исполненіи подлежитъ еще толкованію. На ряду съ закономъ и около него образуются еще обычаи, правила и формы юридической практики; обнять ихъ и выразить во всемъ разнообразіи никакой законъ не поставлялъ и не могъ поставить своею задачей. Если въ этой практикѣ утвердилось уже единство, если успѣлъ образоваться въ ней своего рода авторитетъ,—тогда всякій можетъ отыскать въ ней для себя тропинку по указаніямъ опыта; въ противномъ случаѣ указанія практики, сбивчивыя и противорѣчивыя, образуютъ изъ себя сѣть, изъ которой трудно выпутаться частному человѣку, теряющемуся въ неопредѣленности личныхъ и случайныхъ воззрѣній. Вотъ почему и у насъ публика ищетъ для себя практическихъ указаній повсюду, гдѣ только ожидаетъ найти ихъ; вотъ почему готова она съ полнымъ довѣріемъ встрѣтить каждую книгу, носящую названіе «*Практическаго руководства*».

Книга, которой заглавіе мы выписали, носитъ на себѣ именно такое названіе. Авторъ въ предисловіи къ ней выражаетъ надежду, что она можетъ быть настольною книгой и для посвятившихъ себя теоретическому изученію законовѣдѣнія, и для лицъ, нуждающихся

въ судебной защитѣ, и наконецъ для оффиціальныхъ лицъ, особенно для производителей слѣдствія. Но, при всемъ уваженіи къ этой задачѣ книги и къ труду ея составителя, мы должны сказать, что, по крайнему разумѣнію нашему, цѣль этой задачи не достигнута, результатъ этого труда не соотвѣтствуетъ избранной цѣли. Одна изъ главныхъ тому причинъ состоитъ въ неясности и невѣрности плана, избраннаго составителемъ руководства. Онъ дѣлитъ сочиненіе на двѣ книги, изъ коихъ только первая выпущена покуда въ свѣтъ. Ко второй, еще неизданной части, отнесено все производство дѣлъ спорныхъ въ общемъ апелляціонномъ порядкѣ, съ особенными видами судопроизводства. Въ первой же части книги авторъ не предполагаетъ вовсе говорить о судѣ, въ собственномъ смыслѣ слова. Въ составъ ея входитъ производство дѣлъ безспорныхъ. Сообразно понятію автора о безспорномъ производствѣ, книга эта, кромѣ введенія, заключаетъ въ себѣ пять раздѣловъ: 1) о производствѣ безспорныхъ дѣлъ въ судебномъ мѣстѣ; 2) о производствѣ тяжбъ и исковъ внѣ судебнаго мѣста—въ полиціи; 3) о гражданскомъ слѣдствіи; 4) о свойствахъ, дающихъ дѣламъ безспорнымъ характеръ спорный; 5) о частномъ производствѣ гражданскихъ дѣлъ.

Намъ кажется, что такъ называемыя дѣла безспорныя относятся къ исполнительному порядку и не должны были бы, въ строгомъ смыслѣ, входить въ систему судопроизводства, какъ нераздѣльная часть ея; по нашему мнѣнію, для начинающаго гораздо удобнѣе было бы переходить къ изученію системы безспорныхъ взысканій уже тогда, когда онъ усвоилъ себѣ понятія о судѣ. Однакожъ не въ томъ дѣло, тотъ или другой порядокъ выбранъ для начала: дѣла безспорныя и по системѣ нашего Свода отнесены къ Законамъ о Судопроизводствѣ и составляютъ вступительную часть этого отдѣла Гражданскихъ Законовъ. Но по руководству г. Лапинскаго значеніе дѣлъ безспорныхъ выходитъ несравненно обширнѣе, нежели по Своду. Правда, что первой книгѣ Законовъ о Судопроизводствѣ дано заглавіе: о производствѣ гражданскаго суда въ дѣлахъ безспорныхъ; но по всему содержанію этой книги видно, что Законъ строго отличаетъ дѣла безспорныя отъ суда и порядокъ исполнительный отъ судебнаго. Мѣсто полицейское или правительственное вообще вѣдаетъ дѣло о взысканіи лишь дотолѣ, доколѣ не объ-

явленъ споръ: это черта рѣзкая и рѣшительная: по сю сторону спора полиція, по ту сторону спора судъ. А въ изложеніи книги эта черта проведена неясно и неопредѣлительно; понятіе объ искѣ не отдѣлено строго отъ понятія о взысканіи, такъ что, по мнѣнію автора, *иски* могутъ быть безспорные и производиться безспорнымъ же порядкомъ въ судебныхъ мѣстахъ. Оттого происходитъ, что система безспорныхъ взысканій вышла у автора далеко за свои законные предѣлы: въ нее помѣщено множество предметовъ, которымъ не слѣдовало бы имѣть въ ней мѣсто, о которыхъ не слѣдовало бы даже и упоминать, говоря о безспорныхъ взысканіяхъ, для того, чтобъ не смѣшивались понятія у неопытнаго читателя и чтобы самому руководителю не приходилось два раза повторять одно и тоже въ двухъ частяхъ книги, сначала по поводу безспорныхъ взысканій, потомъ по поводу судопроизводства. А у г. Лапинскаго, по поводу взысканій безспорныхъ, излагаются, подъ названіемъ гражданскаго слѣдствія, всѣ принадлежности осмотра, повальнаго обыска и свидѣтельскихъ показаній: все это относится къ ученію о судебныхъ доказательствахъ. 4-й раздѣлъ книги имѣетъ слѣдующее заглавіе: о свойствахъ, дающихъ дѣлу безспорному характеръ спорный. Это предметъ весьма важный и съ практической точки зрѣнія, такъ какъ всякому претендателю желательно сдѣлать свое требованіе навсегда безспорнымъ, а всякому должнику желательно оспорить долгъ свой. Здѣсь слѣдовало бы показать, какія именно доказательства, по роду дѣла, могутъ сообщить спору видъ основательный и перевесть дѣло изъ полиціи въ судъ. Но авторъ, имѣя въ виду указать на средства для предупрежденія споровъ, излагаетъ здѣсь общія правила составленія, совершенія и явки актовъ, исчисляетъ правила Законовъ Гражданскихъ о поручительствѣ, запродажѣ, залогѣ, займѣ, и проч., тогда какъ все это относится существенно не къ охранительной, а къ положительной части Законовъ Гражданскихъ; авторъ, если будетъ послѣдователенъ, долженъ будетъ, при изложеніи правилъ судопроизводства, выписать въ разныхъ мѣстахъ всѣ положенія Гражданскихъ Законовъ, потому что на каждомъ положеніи основывается право, а каждое право можетъ быть подвержено спору. Допустить такое смѣшеніе предметовъ невозможно безъ ущерба для ясности изложенія; тогда по поводу всего

приходилось бы говорить обо всемъ. Такъ, напр., говоря объ актахъ, представляемыхъ въ полицію для взысканія, авторъ считаетъ нужнымъ распространяться о довѣренностяхъ и о лицахъ, которымъ онѣ могутъ быть выданы, по тому только поводу, что нѣкоторыя безспорныя дѣла начинаются въ полиціи просьбами не самихъ просителей, а ихъ повѣренныхъ. Здѣсь находимъ пространное изложеніе законовъ о вводѣ во владѣніе по завѣщаніямъ и дарственнымъ записямъ, хотя ни тѣ, ни другія по законамъ нашимъ не принадлежатъ къ числу актовъ, представляемыхъ ко взысканію безспорнымъ порядкомъ. Авторъ счелъ нужнымъ упомянуть объ нихъ потому только, что при вводѣ по нимъ во владѣніе можетъ быть объявленъ споръ. Но въ такомъ случаѣ, для чего же не упомянуть здѣсь же и о наслѣдствѣ и о всякомъ пріобрѣтеніи правъ: такимъ образомъ предѣлы всякаго разсужденія можно раздвинуть до безконечности; можно въ разсужденіе о способахъ защиты правъ на судѣ вмѣстить все ученіе о правахъ гражданскихъ. Этотъ узкій путь, избранный авторомъ, никакъ не приведетъ его къ цѣли: онъ все-таки въ изложеніи своемъ не можетъ исчерпать все содержаніе юридическихъ отношеній, опредѣляемыхъ актами пріобрѣтенія и договорами, не можетъ предвидѣть и уловить всѣ случаи возраженій противъ существа и законности такихъ актовъ. Тутъ же, по поводу безспорныхъ взысканій, потому только, что на полицію можетъ быть принесена жалоба суду, въ видѣ прошенія, авторъ излагаетъ всѣ законныя формы и принадлежности исковыхъ прошеній; слѣдовательно во второй части, когда будетъ онъ говорить о судѣ, ему придется или повторять тоже самое или отсылать читателя къ главѣ о полицейскомъ производствѣ за свѣдѣніями о томъ, что̀ составляетъ существенную принадлежность иска и суда.

Нельзя также объяснить себѣ на какомъ основаніи авторъ помѣстилъ такъ называемое частное судопроизводство въ тотъ же разрядъ, къ которому относятся безспорныя взысканія: такой порядокъ не согласенъ ни съ системою Свода, ни съ сущностію производства по частнымъ жалобамъ. Въ Сводѣ Законовъ о частныхъ жалобахъ говорится въ общей связи съ системою апелляціоннаго судопроизводства, потому что, дѣйствительно, частные вопросы и недоумѣнія, возникающіе во время судебнаго производства, примыка

ютъ къ нему какъ часть къ цѣлому, такъ что трудно уяснить себѣ идею о значеніи частной жалобы, не имѣя понятія о сущности апелляціи. Правда, что главнымъ предметомъ этого отдѣла служатъ частныя производства, возникающія въ судебныхъ мѣстахъ по дѣламъ, относящимся къ такъ называемому судебному управленію; но подробное изложеніе этого предмета, кажется, не должно было бы имѣть мѣста въ системѣ судопроизводства. Нѣсколько страницъ занято здѣсь исчисленіемъ видовъ частныхъ дѣлъ, возникающихъ какъ во время производства дѣлъ апелляціонныхъ, такъ и по окончаніи оныхъ. Такое исчисленіе никогда не можетъ быть полнымъ, не можетъ вмѣстить въ себѣ все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ; а для объясненія достаточно было бы нѣсколькихъ примѣровъ. Къ отдѣлу о частныхъ производствахъ авторъ относитъ предметы судебнаго управленія, въ томъ числѣ засвидѣтельствованіе разнаго рода актовъ въ присутственныхъ мѣстахъ; по этому поводу мы находимъ здѣсь собраніе правилъ о формѣ составленія, о порядкѣ явки духовныхъ завѣщаній и о предъявленіи споровъ противъ этихъ актовъ, потому что *духовныя завѣщанія подвергаются всего чаще спорамъ.* Но если авторъ счелъ возможнымъ говорить подробно объ этомъ предметѣ въ отдѣлѣ о частномъ судопроизводствѣ, то, оставаясь вѣрнымъ своему плану, могъ бы вмѣстить въ тотъ же отдѣлъ и правила составленія всѣхъ другихъ актовъ, такъ какъ и заемныя письма и свидѣтельства на залогъ имѣнія и закладныя—тоже могутъ быть оспорены. Очевидно, что планъ, принятый составителемъ руководства, несоразмѣрно обширенъ и понятіе его о предметахъ судопроизводства не отличается ясностью и опредѣленностью. Въ этомъ планѣ нашлось бы мѣсто для пространнаго изложенія всѣхъ предметовъ гражданскаго права. Оттого въ изложеніи руководства замѣтно смѣшеніе предметовъ, съ которымъ едва можетъ справиться самъ составитель книги: слѣдовательно и читателю книга эта не дастъ яснаго понятія.

Напротивъ, можно думать, что читателю, незнакомому съ предметомъ, руководство г. Лапинскаго дастъ о многомъ понятія неправильныя, отчасти вслѣдствіе неточныхъ выраженій, отчасти по неточности представленій самого автора о многихъ правилахъ и принадлежностяхъ судопроизводства. Такъ, напримѣръ, одно уже

названіе: *гражданское слѣдствіе*, принятое авторомъ, можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Слово *слѣдствіе* имѣетъ значеніе слишкомъ общее: авторъ усиливаетъ еще это значеніе, разумѣя гражданское слѣдствіе въ смыслѣ *розыска о событіи, составляющемъ предметъ тяжбы или иска;* по словамъ его, слѣдствіе это составляетъ *главное основаніе для дѣйствій суда*; *направленіе* и *окончаніе* тяжебъ и исковъ зависитъ не отъ судебной только, но и отъ полицейской власти (§ 39, 40); слѣдователь, по словамъ автора, *собираетъ* отъ тяжущихся разнаго рода письменныя доказательства (§ 109); такимъ образомъ къ существенному, исковому, обвинительному элементу гражданскаго дѣла авторъ примѣшиваетъ элементъ розыскной, слѣдственный, не заботясь строго отличить одно начало отъ другаго и объяснить взаимное ихъ отношеніе. По мнѣнію его, слѣдствіе, производимое о злоупотребленіяхъ чиновника, можетъ составлять часть исковаго гражданскаго дѣла (§ 40). По мнѣнію его, полиція можетъ производить, по предписанію высшаго суда, гражданское слѣдствіе во всемъ пространствѣ; и крѣпостной человѣкъ, желая доказать свободное происхожденіе, можетъ просто просить объ изслѣдованіи прямо Губернское Правленіе, и за тѣмъ произведенное слѣдствіе прямо поступаетъ въ судъ, что̀ совершенно противорѣчило бы коренному правилу закона (778 ст. X т. Зак. о Суд. Гр.). По мнѣнію автора, *искъ* объ убыткахъ можетъ быть начатъ въ полиціи, даже «принадлежитъ къ ея обязанностямъ»; а тяжбы начинаются будто бы всегда въ судебномъ мѣстѣ, потому что предметъ ихъ не убытки и не исполненіе обязательствъ, а вотчинное право (§ 4, 5, 18). По закону же выходитъ совсѣмъ противное: полиція пресѣкаетъ обиду и ущербъ, принимаетъ объявленія объ убыткахъ до судебнаго производства; но мѣра вознагражденія убытковъ, кромѣ самыхъ маловажныхъ дѣлъ, всегда опредѣляется судомъ; слѣдовательно въ полиціи не можетъ быть никакого *исковаго* требованія объ убыткахъ (ст. 4, 6, 22, 23, Зак. о Суд. Гражд.). Понятіе объ искѣ нераздѣльно съ понятіемъ о судѣ. Напротивъ въ вотчинномъ дѣлѣ первоначальное прошеніе о правѣ на имущество можетъ быть подано въ полицію и оттуда уже переслано въ судъ (672 ст. Зак. о Суд. Гр.). Вообще понятіе автора объ искѣ весьма не точно (§ 8). Онъ указываетъ на какой то особый разрядъ *безспорныхъ исковъ*, которые начинаются и производятся

въ судѣ, не подчиняясь формамъ и обрядамъ апелляцiи (§ 23); требованiе удовлетворенія по закладной онъ называетъ *исковымъ* (§ 9), тогда какъ по закону споръ на закладную разбирается вотчиннымъ порядкомъ (ст. 656, 745 Зак. о Суд. Гражд.). Убытки, происшедшiе отъ завладѣнiя, авторъ называетъ завладѣнными деньгами, хотя это названiе уже исключено изъ закона съ 1851 года, и утверждаетъ, что искъ объ нихъ долженъ быть начинаемъ по вѣдомству завладѣннаго имущества исковымъ порядкомъ. А по закону требованiе это начинается исковымъ порядкомъ тогда, когда не соединено было съ вотчиннымъ дѣломъ о завладѣнiи, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ общей подсудности по жительству отвѣтчика (758 ст. Зак. о Суд. Гражд.). Дѣла о подлогахъ и насилiи при бракахъ, о жестокомъ обращенiи между супругами, объ отыскиванiи свободы по проживательству у разночинцевъ, руководство причисляетъ къ *гражданскимъ тяжбамъ* (§ 10); а законъ предоставляетъ эти дѣла разсмотрѣнiю *свѣтскихъ уголовныхъ* судовъ (ст. 775, 806, Зак. о Суд. Гр.). Смѣшивая самостоятельную дѣятельность полицiи при возстановленiи нарушеннаго владѣнiя съ дѣятельностiю чиновника, производящаго изслѣдованiе или дознанiе по распоряженiю суда, авторъ утверждаетъ, что *слѣдователь*, при отвращенiи насилiя, можетъ принимать отъ сторонъ купчую крѣпость или вводный листъ, чтобъ судить *по этимъ актамъ*, кто дѣйствительный владѣлецъ отнятаго насилiемъ имущества (§ 54). По словамъ автора, дѣла о насильственномъ завладѣнiи *рѣшаются* въ полицiи *на основанiи* письменныхъ документовъ (§ 111). Отсюда видно, какъ сбивчиво понятiе автора о значенiи полицейской власти въ дѣлахъ этого рода. Дѣло полицiи состоитъ здѣсь въ томъ только, чтобъ удостовѣриться: кто былъ дѣйствительнымъ владѣльцемъ до учиненнаго насилiя; а дѣйствительное владѣнiе есть фактъ нисколько не зависящiй отъ крѣпостнаго акта или какого бъ то ни было документа. Лицо, за которымъ имѣнiе значится по крѣпости или по вводному листу, можетъ вовсе не быть дѣйствительнымъ его владѣльцемъ. Рѣшать дѣла о завладѣнiи на основанiи письменныхъ документовъ полицiя не можетъ, потому что вообще не можетъ входить въ сужденiе о правѣ собственности. Одна изъ существенныхъ принадлежностей *каждаго* акта состоитъ, по словамъ автора, въ томъ, чтобъ имущество, составляющее предметъ его, было свободно отъ запрещенiя

(§ 124), тогда какъ это правило относится только до крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имущества и никакъ не можетъ относиться напр. къ договорамъ о наймѣ. Руководство утверждаетъ, что полиція, получивъ указъ о вводѣ во владѣніе, не смотря на объявленный послѣ того споръ при самомъ вводѣ, не должна останавливаться вводомъ во владѣніе, пока почитающій себя въ правѣ не предъявилъ еще своего *иска*, гдѣ слѣдуетъ, установленнымъ порядкомъ и въ опредѣленный срокъ (§ 148); а законъ допускаетъ вводъ во владѣніе въ такомъ только случаѣ, когда при томъ не будетъ спора, и объявленіе спора имѣетъ при этомъ дѣйствіи ближайшею цѣлью—остановить вводъ (Зак. Гр. ст. 927 и 929).

Въ иныхъ случаяхъ авторъ установляетъ самъ собою положенія и правила, о которыхъ нѣтъ и помину въ законѣ, такъ что читатель, повѣривъ на слово существованію правила и разсчитывая на него, можетъ пропустить на судѣ срокъ или потерять дѣло. Такъ, напр., изъ руководства видно (§ 183), что по частнымъ дѣламъ *вызываются* къ чтенію записокъ тѣ изъ тяжущихся, которые о томъ просили. На этомъ основаніи иной проситель, подавъ просьбу о допущеніи къ рукоприкладству, станетъ спокойно ждать пока ему объявятъ, что записка готова. А по закону, въ частныхъ дѣлахъ вовсе нѣтъ никакого вызова къ рукоприкладству и самъ проситель обязанъ слѣдить въ присутственномъ мѣстѣ, по выставленному на доскѣ объявленію, за временемъ окончательнаго составленія записки. Въ 225 и 226 §§ руководства сказано, что рукоприкладчикамъ запрещается прилагать къ рукоприкладству какіе либо документы, но не запрещается подавать вмѣсто рукоприкладства особое прошеніе, къ которому *дозволено* будто бы прилагать и документы съ копіями. Но законъ нигдѣ не даетъ такого дозволенія, не упоминаетъ о прошеніяхъ, подаваемыхъ вмѣсто рукоприкладства и не дѣлаетъ различія, указаннаго авторомъ. Если и существуетъ оно, по обычаю, въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ, то этотъ обычай во всякомъ случаѣ произволенъ, ни на чемъ не основанъ и подлежитъ сомнѣнію: слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, отличить обычай отъ закона, чего почти нигдѣ не дѣлаетъ авторъ. При неточности изложенія, это можетъ не рѣдко ввесть въ важныя ошибки читателя, если онъ не приметъ на себя труда повѣрить руководство по Своду Законовъ.

Когда авторъ отъ своего лица установляетъ категоріи и раздѣленія, не опираясь на буквѣ закона, выводы его, не разъясняя ничего, ведутъ только къ смѣшенію понятій. Такъ напр., разсуждая о случаяхъ, въ коихъ частныя жалобы оставляются безъ уваженія (§ 234), онъ дѣлаетъ слѣдующее различіе: присутственное мѣсто разсматриваетъ или одно *существо* частной жалобы, или обсуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ правильность обжалованнаго рѣшенія. Къ первой категоріи авторъ относитъ тѣ случаи, когда жалоба за пропускомъ срока, или по цѣнѣ иска не подлежитъ вовсе разсмотрѣнію—это называетъ онъ *существомъ* ея! Такъ, разсуждая въ § 13 о правѣ на искъ, онъ раздѣляетъ его на *личное* и *вещественное*. *Личное* состоитъ, по мнѣнію автора, между прочимъ въ томъ, чтобъ не были пропущены сроки и чтобы повѣренный не былъ неспособенъ къ хожденію по дѣламъ; а *вещественное* право требуетъ, чтобъ искъ былъ основанъ на правдѣ и точныхъ доказательствахъ! Извѣстно, что сроки, установленные для частныхъ жалобъ на опредѣленія судебныя, не простираются на жалобы, приносимыя на *дѣйствія мѣстъ* уѣзднаго и губернскаго управленія и полиціи, кромѣ Губернскаго Правленія (496 ст. Зак. о Суд. Гражд.). Въ логическомъ смыслѣ этихъ словъ закона никто не сомнѣвался: очевидно, что исключеніе относится здѣсь къ мѣсту, а не къ сущности или значенію того или другаго дѣйствія. Но авторъ даетъ этому закону слѣдующее значеніе: «подъ уѣзднымъ и Губернскимъ Управленіемъ разумѣется *образъ и порядокъ устройства* присутственныхъ мѣстъ. Къ устройству присутственныхъ мѣстъ относятся: опредѣленіе состава оныхъ, порядокъ производства въ нихъ дѣлъ и степень предоставленной имъ въ разрѣшеніи дѣлъ власти. *Слѣдовательно*, къ дѣйствіямъ уѣзднаго и губернскаго управленія принадлежатъ такія дѣйствія, которыя истекаютъ прямо изъ существа учрежденій присутственныхъ мѣстъ, существа, опредѣляющаго права и обязанности ихъ... *Слѣдовательно*, на подачу частныхъ жалобъ на присутственныя мѣста за *нарушеніе ими обрядовъ порядка и формъ* установленныхъ закономъ для производства тяжебъ и исковъ, сроковъ не полагается, такъ какъ содержаніемъ такихъ жалобъ не есть обжалованіе неправильнаго рѣшенія, къ существу тяжбы или иска относящагося, а собственно ходатайство о возстановленіи нарушеннаго порядка въ производствѣ и рѣшеніи дѣла»

(§ 236, 237). Не говоримъ уже о логической неправильности такого вывода, но какъ же не удивляться его смѣлости? Авторъ вводитъ здѣсь новое, важнѣйшее по своему значенію, правило, на которое и намека нѣтъ въ законѣ, и распространяетъ его не только на правительственныя, но и на судебныя мѣства. По его мнѣнію, если судъ вошелъ въ разсмотрѣніе неподлежащаго дѣла, постановилъ опредѣленіе въ отмѣну прежняго, присудилъ просителю больше, чѣмъ онъ просилъ и т. п., то жалоба на такое опредѣленіе *не подлежитъ никакимъ срокамъ*! Бѣда будетъ просителю или стряпчему, который, повѣривъ на слово существованію подобнаго закона, станетъ откладывать на неопредѣленное время подачу своей жалобы!

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ дать понятіе о томъ, какимъ образомъ составлено Руководство г. Лапинскаго. Человѣкъ, знакомый со Сводомъ Законовъ, напрасно потратилъ бы свое время на чтеніе этой книги, а несвѣдущему и неопытному она не можетъ дать яснаго и правильнаго понятія о предметѣ; для послѣдняго будетъ даже не совсѣмъ безопасно такое руководство.

Юридическій словарь, практическій, гражданскаго права, преимущественно частнаго, т. е. объ отношеніяхъ семейственныхъ и по имуществамъ и договорамъ. Часть первая. Составилъ Леонидъ Демисъ. СПБ. 1859. VIII и 403 стр. Цѣна 2 р. 50 к.—

Составитель этой книги имѣлъ въ виду сдѣлать ее практическимъ сборникомъ, въ которомъ постановленія русскаго гражданскаго права были бы изложены для обыденныхъ надобностей общественной жизни. Сборнику этому дана форма словаря, какъ наиболѣе удобная для справокъ. Въ этой формѣ расположены по алфавиту статьи о предметахъ гражданскаго права и о нѣкоторыхъ предметахъ права государственнаго, торговаго и финансоваго, соприкасающихся съ правомъ гражданскимъ. Статьи эти состоятъ изъ выписокъ, извлеченій и указаній, основанныхъ на буквѣ Закона и систематически расположенныхъ: къ нимъ присоединяетъ

иногда составитель изложеніе собственныхъ взглядовъ и соображеній. Вышедшій нынѣ первый томъ Словаря содержитъ въ себѣ алфавитъ отъ буквы А до буквы Е включительно.

Каковы бы ни были неизбѣжные недостатки этого изданія, критика не можетъ относиться къ нему съ слишкомъ строгими требованіями. Не должно забывать, что изданіе г. Демиса у насъ первое въ своемъ родѣ со времени изданія Свода Законовъ. Мысль издателя—собрать къ одному мѣсту разсѣянныя по разнымъ частямъ Свода постановленія, относящіяся къ гражданскому праву, и расположить ихъ по главнымъ предметамъ — во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствія. Слѣдуетъ отдать ему полную справедливость въ томъ, что трудъ его—трудъ добросовѣстный, тѣмъ болѣе достойный уваженія, что составителю книги приходилось совершать его почти безъ сотрудниковъ. Немало нужно рѣшимости и трудолюбія для того, чтобы предпринять и исполнить такое дѣло: задача его, по обширности своей, по разнообразію входящихъ въ нее предметовъ, требовала совокупныхъ усилій многихъ лицъ и точнаго раздѣленія труда между ними. Поэтому весьма естественно, что первая попытка въ этомъ родѣ, сдѣланная однимъ лицомъ, можетъ имѣть только относительное достоинство и удовлетворитъ не вполнѣ той потребности, которая ее вызвала. Отдавая должную справедливость добросовѣстному труду г. Демиса, постараемся, для пользы новаго изданія, указать и на то, что, по нашему мнѣнію, можетъ быть названо его недостатками.

Во первыхъ, останавливаемся на словѣ: «*практическій*», которымъ характеризуется на заглавномъ листѣ качество новаго Словаря. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово? Если издатель хотѣлъ сказать имъ только то, что Словарь назначается для практическаго употребленія, какъ руководство къ познанію догматическаго русскаго права для людей, не принадлежащихъ къ числу юристовъ по призванію, какъ Указатель Законовъ для юриста - практика, — въ такомъ случаѣ названіе книги соотвѣтствуетъ ея содержанію. Назначеніе Юридическаго Словаря издатель полагаетъ между прочимъ въ «облегченіи справокъ для практиковъ и лицъ, которымъ трудно пользоваться книгами Законовъ.» Дѣйствительно книга эта, по преимуществу, имѣетъ значеніе указателя законовъ и въ этомъ качествѣ можетъ принести пользу.

Какъ руководство къ познанію законовъ, къ изученію дѣйствующаго права, она недостаточна, потому что излагаетъ гражданское право не въ цѣльной системѣ и, по сжатости своей, не можетъ дать цѣльнаго понятія объ отдѣльныхъ его предметахъ: обращая главное вниманіе на букву закона, не касаясь внутренняго значенія юридическихъ отношеній, — она представляетъ каждое учрежденіе въ томъ видѣ, въ какомъ слѣдитъ его по статьямъ Свода.

Но изъ предисловія къ книгѣ и изъ самаго ея содержанія видно, что издатель разумѣлъ слово: «практическій» въ болѣе обширномъ значеніи. Онъ желаетъ помѣстить въ Словарѣ своемъ «выводы права о предметахъ обыденной жизни» и къ изложенію законовъ присоединяетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «объясненія и примѣры изъ судебной практики». Но всѣ эти указанія имѣютъ такой отрывочный и неопредѣленный видъ, что невозможно объяснить себѣ, почему встрѣчаешь ихъ въ одномъ мѣстѣ и не встрѣчаешь въ другомъ. Приводится нѣсколько примѣровъ и случаевъ, съ тѣмъ, чтобы показать, какъ они разрѣшались; но читатель не видитъ ни разумнаго объясненія причинъ и соображеній, которыми оправдывается рѣшеніе, ни указанія на какой либо внѣшній авторитетъ, которымъ придавалась бы рѣшенію или взгляду руководящая сила. Самый выборъ примѣровъ отзывается какою то случайностью: почти ни одинъ изъ нихъ не ставитъ передъ нами юридическаго вопроса въ общихъ чертахъ его и не даетъ общихъ началъ къ его разрѣшенію. Въ иныхъ мѣстахъ приводятся разныя мнѣнія, возникшія по частному вопросу, безъ всякаго объясненія, такъ что въ умѣ читателя рождается недоумѣніе, а отвѣтить на него нечѣмъ. Въ другихъ мѣстахъ читаемъ: «при разрѣшеніи одного дѣла замѣчено» то-то; «по дѣлу Б. найдено то-то», и пр.; по кѣмъ сдѣлано такое замѣчаніе и почему именно заслуживаетъ вниманіе? На эти вопросы нѣтъ отвѣта. Примѣчаніе указываетъ, наприм., на актъ, совершенный съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ формы и говоритъ, что такой актъ *былъ уничтоженъ*, не прибавляя, какимъ мѣстомъ и при какихъ именно условіяхъ. Это не можетъ удовлетворить читателя, ищущаго для себя болѣе твердой опоры: извѣстно, что у насъ нерѣдко низшій судъ утверждаетъ и оправдываетъ дѣйствіе, которое высшимъ судомъ въ послѣдствіи уничтожается какъ незаконное, и наоборотъ. Читателю

хотѣлось бы имѣть возможность самому судить о предметѣ; но для этого надобно ему или имѣть передъ собою конкретный случай во всей полнотѣ его и со всею фактическою обстановкой, или ясное указаніе общихъ началъ, приложеніемъ коихъ разрѣшается последовательно вопросъ, поставленный въ общемъ видѣ; но отрывочныя указанія не уяснятъ дѣла и никому не принесутъ пользы. Нельзя не остановиться съ недоумѣніемъ напр. на слѣдующихъ словахъ: «Существованіе запрещенія на имѣніе *иногда* устраняетъ примѣненіе давности, *а иногда* давность примѣняется не смотря на запрещеніе»; «въ случаѣ отсутствія или несостоятельности нѣкоторыхъ изъ обвиненныхъ въ упущеніи лицъ взысканіе *иногда* распредѣляется на остальныхъ, *а иногда* не распредѣляется» и т. под. Очевидно, что въ данномъ случаѣ одно изъ двухъ мнѣній должно почитаться правильнымъ, а другое неправильнымъ; но примѣчаніе издателя, по своей неопредѣленности, лишаетъ читателя возможности судить о томъ, котораго изъ мнѣній, взаимно исключающихъ другъ друга въ примѣненіи къ дѣйствительному случаю, слѣдуетъ держаться. Ссылки, дѣлаемыя издателемъ въ подкрѣпленіе примѣчаній, бо̀льшею частію также не опредѣлительны и не приводятъ ни къ какому ясному авторитету. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ онъ ссылается на рѣшенія Сената по частнымъ дѣламъ,—и только. Въ остальныхъ случаяхъ мы принуждены довольствоваться слѣдующими указаніями: «въ сборникѣ М. К. Цеймерна N 471 приведено такое то замѣчаніе; въ сборникѣ Лакіера по дѣлу . . губ. замѣчено то-то; или въ видѣ ссылки приведенъ въ скобкахъ № бумаги, вѣроятно изъ подобныхъ же сборниковъ. Судя по нумерамъ, приводимымъ въ этихъ ссылкахъ, можно думать, что издатель имѣлъ подъ рукою довольно значительныя собранія судебныхъ рѣшеній, сдѣланныя частными лицами; въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что изъ этихъ сборниковъ взяты имъ только скудныя и отрывочныя указанія. Безъ сомнѣнія, сборники эти доставили бы множество любопытныхъ примѣровъ для поясненія Закона. Но подробныя извлеченія изъ нихъ потребовали бы значительнаго труда: конечно мы не въ правѣ ожидать его отъ издателя, которому и безъ того предстояло много кропотливаго занятія при выполненіи главной его задачи; впрочемъ въ такомъ случаѣ, кажется намъ, лучше бы поступилъ онъ, еслибъ ограничился тѣс-

ными ея предѣлами и не присоединялъ къ догматическому изложенію законовъ такихъ примѣчаній, которыя, по своей неопредѣлительности, могутъ только приводить читателя въ недоумѣніе. Еслибъ существовало у насъ свое право юристовъ, то, безъ сомнѣнія, важно было бы даже краткое указаніе на то, какъ разрѣшаетъ вопросъ какой нибудь Лабеонъ, Ульпіанъ, Потье, Порталисъ, какъ они думаютъ о значеніи того или другаго закона: въ такомъ случаѣ мы знали бы что сказалъ «*учитель*». Но такихъ авторитетовъ у насъ нѣтъ еще къ сожалѣнію, а въ ожиданіи ихъ всякое мнѣніе для того, чтобы имѣть значеніе, должно у насъ быть основано на твердыхъ началахъ, дѣйствовать на убѣжденіе извнутри себя, а не извнѣ, само въ себѣ содержать свое оправданіе. Не странно-ли поэтому встрѣчать въ книгѣ г. Демиса указаніе на то, что думаетъ или полагаетъ неизвѣстный г-нъ З, или г-нъ В? къ чему могутъ служить подобныя указанія, если вмѣстѣ съ тѣмъ не объясняется на чемъ основано мнѣніе неизвѣстнаго авторитета и при какихъ условіяхъ даннаго случая оно образовалось?

Излагая въ совокупности постановленія Закона о предметѣ гражданскаго права, Словарь, конечно для удобнѣйшаго разъясненія, раздѣляетъ ихъ иногда на роды и виды и подводитъ подъ свои категоріи, не выраженныя въ самомъ Законѣ. Намъ кажется, что такимъ средствомъ въ изложеніи должно пользоваться съ большою осмотрительностію. Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, постановленія о гражданскомъ правѣ во всей ихъ совокупности выражены не въ формѣ Уложенія, составленнаго въ духѣ единой и твердой системы и съ единой точки зрѣнія, а въ формѣ Свода, въ которомъ собраны систематически законы, состоявшіеся въ разное время, по различнымъ поводамъ и не всегда подъ вліяніемъ одинаковаго взгляда на сущность юридическихъ отношеній, тамъ всегда бываетъ затруднительно и не безопасно извлеченіе общихъ началъ и признаковъ юридическихъ отношеній съ тѣмъ, чтобъ раздѣлить ихъ на категоріи, роды и виды. Ошибки и недоразумѣнія тѣмъ болѣе возможны въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ менѣе подвергались положенія законодательства внутренней разработкѣ науки и практики. Такая разработка необходима для того, чтобы привесть въ сознаніе общія начала, на основаніи коихъ можетъ быть построена полная и твердая система права. У насъ такая разработка, относительно русскаго граждан-

скаго права, почти еще и не начиналась, и потому, кажется, составитель Словаря поступилъ бы осторожнѣе, еслибы въ расположенін своего юридическаго матеріала и въ раздѣленіи юридическихъ отношеній на роды и виды держался системы болѣе простой и близкой къ системѣ Свода, тѣмъ болѣе что въ составъ его задачи входило не самостоятельное изслѣдованіе о каждомъ отдѣльномъ предметѣ гражданскаго права, а возможно полное изложеніе всѣхъ постановленій, относящихся къ каждому предмету. Но при этомъ изложеніи, увлекаясь можетъ быть желаніемъ бо̀льшей полноты и ясности, онъ дѣлаетъ общія опредѣленія, не всегда согласныя съ законнымъ значеніемъ предмета и старается подвести подъ эти опредѣленія всѣ виды юридическихъ отношеній и фактовъ, которые подходятъ къ нимъ по его мнѣнію. Въ основаніе такого дѣленія беретъ онъ весьма часто не одни только внутренніе или законные формальные признаки отношеній, но признаки поверхностные, такъ что дѣленіе выходитъ иногда произвольное и неточное. Приведемъ примѣры. Извѣстно, что Законъ нашъ, придавая нѣкоторымъ дѣламъ о возстановленіи нарушеннаго права названіе *безспорныхъ*, разумѣетъ это слово не въ безусловномъ смыслѣ. Дѣйствительное владѣніе недвижимымъ имуществомъ, договоръ или обязательство почитаются безспорными лишь до тѣхъ поръ, пока не предъявленъ противъ нихъ споръ, слѣдовательно въ существѣ каждаго такъ называемаго *безспорнаго* дѣла заключается возможность спора. Существенное значеніе этихъ дѣлъ состоитъ въ томъ, что они производятся порядкомъ исполнительнымъ, нарушенное право возстановляется непосредственнымъ дѣйствіемъ такой власти, которая устроена для дѣлъ несторныхъ, не входитъ въ разбирательство ничего спорнаго и не стѣсняется обрядами, установленными для судебнаго производства. Въ строгомъ смыслѣ сюда относятся исключительно дѣла о прекращеніи насилія и самоуправства и о первоначальномъ взысканіи по обязательствамъ. Отъ дѣлъ этого рода слѣдуетъ отличать такъ называемыя дѣла судебнаго управленія и дѣла по исполненію судебныхъ рѣшеній: хотя въ первыхъ также по большей части нѣтъ спора, нѣтъ истца и отвѣтчика, а въ послѣднихъ споръ не всегда бываетъ; но въ основаніи производства такихъ дѣлъ лежитъ совсѣмъ иное начало. Въ Юридическомъ Словарѣ подъ словомъ: *безспорный*, читаемъ слѣдующее опредѣленіе: безспорными признаются *всѣ*

права *и дѣйствія*, *законность* которыхъ *не подлежитъ никакому спору*, сомнѣнію или противорѣчію. Очевидно, что такое опредѣленіе несравненно обширнѣе своего предмета. Если вѣрить ему, то ни одно заемное обязательство, законно совершенное, не можетъ быть оспорено, никакое взысканіе по подобному акту въ полиціи не можетъ быть остановлено; если вѣрить ему,—окажутся такія гражданскія права и требованія, противъ которыхъ невозможно спорить,—чего не допускаетъ коренное понятіе о правѣ въ смыслѣ объективномъ. Въ слѣдъ за этимъ опредѣленіемъ Словарь исчисляетъ права, признаваемыя безспорными, и относитъ сюда, кромѣ дѣлъ судебнаго управленія,—права и обязанности семейныя, хотя законъ вовсе не присвоиваетъ имъ значенія безспорныхъ въ вышеуказанномъ смыслѣ,—относитъ потому что власть мужа надъ женой, отца надъ сыномъ и соотвѣтствующія обязанности представляются въ нѣкоторомъ, весьма впрочемъ ограниченномъ, смыслѣ безусловными. Далѣе, сюда же причисляетъ Словарь право на пріобрѣтеніе имуществъ и распоряженіе ими *въ предѣлахъ, законами опредѣленныхъ*, и на всѣ клонящіяся къ тому дѣйствія, *когда ими не нарушаются права другихъ лицъ*. Этотъ пунктъ, можно сказать, ничего не выражаетъ: если я пользуюсь своимъ правомъ, не нарушая чужаго, то не можетъ быть и рѣчи о спорѣ, слѣдовательно и безспорности: право мое находится въ равновѣсіи. Далѣе: сюда же причисляются права владѣльца на все, что къ имуществу его принадлежитъ и на всѣ доходы онаго. На тѣхъ же основаніяхъ издатель могъ бы причислить къ правамъ безспорнымъ всѣ возможныя гражданскія права, и по опредѣленію его вышло бы, что всѣ эти права не подлежатъ *никакому* спору, сомнѣнію или противорѣчію. Другой примѣръ: въ статьѣ объ актахъ составитель Словаря предположилъ исчислить случаи, въ которыхъ требуются доказательства посредствомъ актовъ. Исчисленіе это могло бы имѣть практическую важность, еслибъ имѣлось въ виду показать, какія права необходимо и исключительно доказываются актами; но не объ этомъ идетъ рѣчь въ приведенномъ мѣстѣ. Словарь выражается неопредѣлительно: актами *надобно* доказывать..., и приводитъ между прочимъ такіе случаи, въ которыхъ наравнѣ съ актами допускаются другія доказательства и въ которыхъ предстоитъ

доказать не право непосредственно, а дѣйствительность событія. Въ такомъ смыслѣ можно говорить о случаяхъ, въ которыхъ *допускается* доказательство актами; а случаи эти невозможно перечислить, потому что они обнимаютъ всю область гражданскаго права. Если же составитель желалъ только привесть примѣры въ поясненіе, то, во первыхъ, примѣрамъ не предшествуетъ никакое положеніе, которому они могли бы служить изъясненіемъ; во вторыхъ, самые примѣры выбраны неудачно. По Словарю выходитъ, что актами *надобно* доказывать *безспорность владѣнія*; но это мнѣніе въ юридическомъ смыслѣ невозможно. Безспорность есть не право и не фактъ, а нормальное качество владѣнія, спокойное его состояніе. Безспорность есть *отсутствіе* спора. Съ идеей о доказательствѣ необходимо соединяется идея о *признакѣ* событія или права, которое слѣдуетъ доказать, но въ логическомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи о признакѣ отсутствія: можетъ быть признакъ присутствія, исключающій идею объ отсутствіи. Безспорность владѣнія *предполагается* Закономъ во всякомъ дѣйствительномъ владѣніи; дѣйствительный владѣлецъ утверждаетъ свое безспорное владѣніе, а на противной сторонѣ лежитъ обязанность доказать несправедливость этого показанія, то есть указать на признакъ бывшаго спора или на признакъ собственнаго владѣнія тѣмъ же самымъ имуществомъ. Таковъ смыслъ и 567 ст. X т. Св. Зак. Гр., на которую ссылается Словарь. Здѣсь сказано, что безспорное владѣніе имуществомъ не считается начавшимся когда *прежній* владѣлецъ можетъ доказать *актами*, что въ сіе самое время онъ еще распоряжалъ тѣмъ имуществомъ какъ собственностью.—Столь же неудачно утверждаетъ Словарь въ томъ же мѣстѣ, что актами *надобно* доказывать *давность*, тогда какъ преимущественнымъ доказательствомъ *давности владѣнія* служатъ обыкновенно свидѣтельскія показанія, допускаемыя и въ *вотчинныхъ* дѣлахъ, въ коихъ самое *право* требуетъ непремѣнно вотчинныхъ доказательствъ; актами же доказываетъ противная сторона существованіе событія, *нарушающаго* давность.

Опредѣленія вообще часто встрѣчаются въ Словарѣ и большею частію неудачны. Составить точное и правильное опредѣленіе о предметѣ права, которое требуетъ по преимуществу логической точности,—дѣло не только не легкое, но и очень трудное. У Рим-

лянъ не было, кажется, недостатка въ этой точности, но и они боялись опредѣленій. «Omnis definitio in jure civili periculosa est; rarum est enim ut subverti non possit.» Въ числѣ опредѣленій, оставленныхъ Римскими юристами, далеко не всѣ выдерживаютъ строгую критику. Тѣмъ болѣе намъ, по юности нашей науки, слѣдуетъ бояться собственнаго поползновенія къ опредѣленіямъ, тѣмъ болѣе, что опредѣленія вообще могутъ быть названы роскошью науки, а не существенною ея потребностью. Читателю неприготовленному опредѣленіе само по себѣ не объяснитъ сущности предмета, а читатель, знакомый съ дѣломъ, не удовлетворится немногимъ и неполнымъ. Кажется, разбираемая нами книга ничего не потеряла бы, даже выиграла бы, еслибъ въ ней было не такъ много опредѣленій, въ родѣ слѣдующихъ: возрастомъ лица называется *время*, протекшее отъ его рожденія; *степенью* называется *происхожденіе одного лица отъ другаго;* вѣдомствомъ называется все то, что составляетъ *предметъ обязанностей* к. н. присутств. мѣста; долговыми обязательствами называются акты, удостовѣряющіе право одного лица на полученіе отъ другихъ лицъ *какихъ либо суммъ;* доходомъ называется *выгода*, которую приноситъ какое либо занятіе или имущество; апелляціею называется *переносъ* дѣла въ высшую степень суда, и т. под. Склонность Словаря къ опредѣленіямъ доходитъ до излишества: въ немъ опредѣляются предметы, извѣстные всѣмъ и каждому; объясняется что такое *газеты*, что называется *дозволеніемъ*, и пр.

Для того, чтобъ Словарь могъ удовлетворять своей цѣли и принесть пользу въ употребленіи, недостаточно одной полноты: излишняя полнота частей въ иныхъ случаяхъ можетъ быть и вредною для цѣлаго. Необходимо, чтобы планъ его былъ строго обдуманъ, цѣлое соображено съ частями и всѣ части между собою; чтобы всѣ подробности и частности сведены были съ главнымъ предметомъ и не стояли особенно, чтобы въ выборѣ и распредѣленіи статей и соотвѣтствующихъ имъ заглавій алфавита не было смѣшенія и излишней дробности. Въ этомъ отношеніи также нужно сказать, что изданіе удовлетворительнаго словаря возможно въ той лишь мѣрѣ, въ какой успѣла развиться и утвердиться система науки, къ которой онъ относится. По этой причинѣ нельзя было и ожидать, чтобы первый юридическій словарь гражданскаго права въ Россіи въ

настоящее время былъ вполнѣ удовлетворителенъ, кѣмъ бы ни былъ составленъ: онъ можетъ имѣть лишь значеніе перваго опыта, болѣе или менѣе удачнаго. Словарю г. Демиса тѣмъ болѣе трудно было бы разрѣшить свою задачу вполнѣ, что онъ издается отдѣльными томами: весьма естественно, что при отпечатаніи слѣдующихъ томовъ и при соображеніи статей цѣлаго изданія, когда оно будетъ кончено, составитель самъ откроетъ въ томахъ прежде изданныхъ недосмотры, пропуски и противорѣчія, которые въ отдѣльности могли ускользнуть отъ его вниманія. Но на сколько можно судить по вышедшему тому о планѣ цѣлаго изданія, намъ кажется, что въ этомъ планѣ допущена существенная ошибка: онъ слишкомъ обремененъ подробностями. Номенклатура Словаря запутана множествомъ такихъ терминовъ, которыхъ, по нашему мнѣнію, вовсе не должно было бы допускать въ нее; иные вовсе не имѣютъ въ системѣ гражданскаго права существеннаго значенія; другіе, кажется, попали въ Словарь совершенно случайно; очень много такихъ, которые для ясности цѣлаго и для удобства въ употребленіи Словаря никакъ не слѣдовало бы ставить особыми статьями. Есть слова, которыя потому только нашли себѣ мѣсто въ Словарѣ, что употреблены въ той или другой статьѣ Свода, хотя законъ не употребляетъ ихъ въ смыслѣ особенномъ, строго опредѣленномъ и вовсе не присвоиваетъ имъ спеціальнаго значенія. Такъ напр. встрѣчаемъ въ заглавіи особыхъ статей, хотя и весьма краткихъ, слѣдующія слова: *безкорыстіе*, со ссылкою на статью, въ которой оно требуется отъ всѣхъ должностныхъ лицъ, *безмолвное* (исполненіе указа), *безопасность, безпрепятственно, безотлагательно, безуспѣшность, благо, благонравіе, благопристойность, вѣжливость, благоразуміе, близость, большее число, Богъ, будущее, брать, вѣра, главный*, и множество другихъ въ томъ же родѣ. Особою статьею поставлены слова: *грѣхъ*, потому что оно употреблено въ одной статьѣ Свода, и *Европейскій образъ жизни*, потому что объ немъ упоминается въ другой статьѣ, безъ всякаго впрочемъ отношенія къ гражданскому праву. На этомъ основаніи предметомъ особой статьи могло бы быть любое слово, взятое изъ статьи Свода Законовъ, и трудъ составленія Словаря сдѣлался бы невыносимъ и нескончаемъ, оставаясь въ тоже время безплоднымъ. Невольно спрашиваемъ: почему наравнѣ съ словами: безмолв-

ный, безопасный и пр., не помѣщены напримѣръ слова: безпечный, беззаконный, безпокойный и множество другихъ подобныхъ, которыя можно встрѣтить на страницахъ Свода Законовъ? За то не находимъ въ Словарѣ иныхъ словъ, которыя могли бы имѣть въ немъ мѣсто, наприм. *Бодмерея.* Въ иныхъ случаяхъ составитель, придавая термину какое то особое значеніе, какъ будто желаетъ, съ практическою цѣлью, исчислить всѣ случаи, въ которыхъ онъ употребляется въ законѣ; но такой механическій трудъ надъ буквою закона, такое подбираніе слова къ слову ничѣмъ не вознаграждается, и только возбуждаетъ въ читателѣ недоумѣніе о томъ, къ чему потрачено такъ много труда и времени.

Примѣчанія, сдѣланныя отъ лица редакціи и отпечатанныя курсивомъ, нерѣдко заключаютъ въ себѣ весьма важныя дополненія или ограниченія законнаго правила; но почти вездѣ имѣютъ видъ произвольныхъ, недоказанныхъ положеній, такъ что лучше было бы вовсе не помѣщать ихъ, чтобъ не вводить читателя въ сомнѣніе правиломъ, котораго нельзя принять на вѣру, безъ авторитета: не могутъ же замѣнить авторитета ссылки въ родѣ слѣдующихъ: *ср. 28 марта 1849 № III, Боч.*, и т. под. Такъ въ одномъ мѣстѣ напечатано курсивомъ: Коммерческій Судъ, принявъ объявленіе о переносѣ дѣла, останавливаетъ исполненіе и *обязанъ обезпечить присужденное взысканіе наложеніемъ запрещенія на имѣніе стороны обвиненной.* Это важное право и важная обязанность, но нигдѣ въ Законѣ прямо не упоминается объ ней, а Словарь ссылается на какой то неизвѣстный сборникъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Въ другихъ мѣстахъ говорится, будто бы личный арестъ предоставлено налагать полиціи для долговыхъ взысканій, въ другихъ же случаяхъ онъ можетъ имѣть мѣсто только по рѣшенію суда; будто возраженіе о безденежности обязательства можетъ дать дѣлу видъ спорный, *тогда когда* объ этомъ заявлено въ семидневный срокъ: обо всѣхъ этихъ важныхъ различіяхъ Законъ прямо не упоминаетъ, а на практикѣ составляютъ они предметъ постоянныхъ разногласій.

Не можемъ заключить своей рецензіи, не упомянувъ объ одной мысли, которую намъ странно было встрѣтить въ Словарѣ *юридическомъ.* Она выражена въ статьѣ: *безтяжебная жизнь.* Здѣсь между прочимъ сказано, что при осмотрительности и принятіи опредѣленныхъ законами мѣръ осторожности можно избѣгнуть

тяжебныхъ дѣлъ и поводовъ къ столкновенію. «Если бы за тѣмъ, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, встрѣтилась необходимость прибѣгнуть къ суду и къ властямъ, то и въ этомъ случаѣ соблюденіе правилъ при самомъ началѣ предпріятія можетъ устранить большую часть затрудненій. Когда наконецъ несчастіе случилось и тяжба неизбѣжна, то едва-ли не лучше пожертвовать нѣкоторыми своими правами, чтобы только миновать ее. Жизнь,—продолжаетъ Словарь, — имѣетъ цѣлью достиженіе извѣстнаго назначенія, а всякій процессъ, какъ трудная болѣзнь, пожаръ или другое неожиданное несчастіе, удаляютъ человѣка отъ его занятій, отъ его цѣли, и отравляютъ жизнь. Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что миръ дороже всякой цѣны и что отдавшій ризу несправедливо требующему (Матѳ. V, 40), легче и скорѣе вознаградитъ потерю въ слѣдствіе этой уступчивости и пріобрѣтетъ десять другихъ въ то горькое время, которое онъ потерялъ бы на отстаиваніе своей собственности. А *Судія* воздастъ каждому».

Высказанное здѣсь правило мы не можемъ не признать безусловно справедливымъ въ нравственномъ отношеніи; но позволимъ себѣ спросить: у мѣста-ли оно въ юридическомъ сборникѣ положительнаго гражданскаго права? Въ высшихъ сферахъ нравственнаго развитія человѣкъ можетъ дойти до той точки, съ которой все земное кажется ему ничтожнымъ передъ объемлющею душу идеей объ единой жизненной цѣли: тогда все, что принадлежитъ къ области имущественныхъ отношеній, не имѣетъ для него важности, и уступая свое право всѣмъ и каждому, онъ только удовлетворяетъ внутренней жаждѣ мира и совершенства, только устраняетъ отъ себя чуждое, тревожное, не дѣлая себѣ никакого насилія. Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ даже мысль объ уступкѣ права, потому что душа человѣка обитаетъ въ высшей созерцательной сферѣ, гдѣ матеріальное право утратило уже всякое значеніе, гдѣ ни о чемъ юридическомъ нѣтъ уже помину. Говорить здѣсь объ уступкѣ, какъ о правилѣ житейской мудрости, какъ о законѣ жизни, значило бы—вносить нѣчто чуждое, матеріальное въ сферу высшей духовной жизни.

Но предметъ разбираемой нами книги относится къ иной сферѣ, къ сферѣ жизни дѣйствительной и юридическихъ отношеній. Здѣсь человѣкъ стоитъ посреди внѣшняго міра, въ непрерывныхъ сно-

шеніяхъ и столкновеніяхъ съ людьми подобными ему. Для того, чтобъ могъ онъ поддержать съ ними постоянное общеніе, относиться къ нимъ не препятствуя, а споспѣшествуя взаимному развитію, для этого потребно сознаніе черты, въ границахъ коей свободно могла бы обращаться и дѣйствовать воля каждаго отдѣльнаго человѣка. Эту то черту мы находимъ въ правѣ: избави Боже ставить ее въ враждебной противоположности съ нравственнымъ закономъ, но странно было-бы сливать и смѣшивать первую съ послѣднимъ. Право служитъ нравственнымъ цѣлямъ, но не захватывая самостоятельной ихъ сферы и не совпадая съ нею; оно служитъ имъ тѣмъ, что обезпечиваетъ имъ свободное развитіе тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя свойственны волѣ каждаго отдѣльнаго человѣка и самостоятельно въ немъ дѣйствуютъ. Право имѣетъ свою самостоятельную область, и потому въ иныхъ случаяхъ возможно, естественно и совершенно понятно не совсѣмъ согласное съ *нравственностью* дѣйствіе и употребленіе существующаго *права*.

Въ этой области юридическихъ, имущественныхъ отношеній можно разсуждать объ уступкѣ или сдѣлкѣ, какъ о правилѣ житейской мудрости, но странно было бы возводить его на степень *безусловнаго* правила. Никуда не годенъ былъ бы адвокатъ, который для своего кліента, приходящаго за совѣтомъ и за помощью, держалъ бы всегда въ запасѣ одну и ту же рѣчь: уступи лучше, не проси, не жалуйся, не возражай. Не годна была-бъ и та наука, которая въ концѣ длиннаго курса о правахъ и о способахъ ихъ защиты созналась бы въ совершенной несостоятельности своихъ правилъ и законовъ для житейской цѣли и заключила бы общимъ правиломъ: никогда не прибѣгать ни къ одному изъ указанныхъ ею средствъ, потому что каждое, не помогая бѣдѣ, только умножаетъ ее. Наконецъ, скажемъ прямо—жалко было бы то гражданское общество, въ которомъ каждому гражданину предстояла бы печальная необходимость отказаться отъ защиты своего права, чтобъ не навлечь на себя еще большее зло начатіемъ и продолженіемъ процесса. Всякое право, исключая развѣ право сильнаго, было бы тогда тяжкимъ бременемъ: сильный, упорный и ловкій безусловно владычествовалъ бы надъ слабымъ, уклончивымъ и неопытнымъ; общественная власть утратила бы все свое значеніе и общество воротилось бы къ первобытному состоянію, въ ко-

торомъ всѣ права смѣшаны между собою и всѣмъ управляютъ дикіе инстинкты человѣческой природы. Бѣда обществу, въ которомъ правосудіе дошло до того, что для всякаго начинающаго тяжбу благоразумнѣйшимъ совѣтомъ было-бы—оставить ее.

Нѣтъ! не такія понятія должны господствовать въ обществѣ, называющемъ себя благоустроеннымъ. Нѣтъ! зло состоитъ не въ сущности процесса, а въ случайныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ развиваются и продолжаются тяжбы, въ неопредѣлительности и смѣшеніи понятій о правѣ, въ недостаткахъ правительственной и судебной организаціи. Процессъ самъ по себѣ есть явленіе гражданской жизни, и умноженіе процессовъ естественно слѣдуетъ за развитіемъ общественныхъ отношеній. Жизнь исполнена сомнѣній и вопросовъ; всѣ они требуютъ разрѣшенія и въ правѣ получить его, а всякій споръ гражданскій есть сомнѣніе, пререканіе о правѣ. Не нарушая правды, невозможно требовать и ожидать отъ каждаго, чтобъ онъ согласился уступить свое требованіе, оставить свое сомнѣніе неразрѣшеннымъ: зачѣмъ же предполагать, что начинающій процессъ или защищающійся противъ иска, не вполнѣ добросовѣстно почитаетъ себя *въ правѣ* на удовлетвореніе? Сомнѣніе, возникшее изъ разумнаго начала и укоренившееся въ убѣжденіи, можетъ удовлетвориться только разумнымъ разрѣшеніемъ: не всякій способенъ погасить его въ себѣ и отступиться отъ убѣжденія, не увѣрившись въ его неосновательности. Убѣжденіе въ правотѣ своей, если укоренилось въ душѣ, должно быть дорого для каждаго; тѣмъ тверже и упорнѣе будетъ оно держаться въ личномъ сознаніи, чѣмъ болѣе развито въ цѣломъ обществѣ понятіе о правѣ и чѣмъ крѣпче увѣренность въ правосудіи. Этимъ убѣжденіемъ пренебрегать не слѣдуетъ; скажемъ болѣе: оно драгоцѣнно, оно необходимо для общества. Правда, что одною стороною своею оно граничитъ съ эгоизмомъ и своекорыстіемъ, ослѣпляющимъ человѣка; но у него есть и другая, лицевая сторона: чистое сознаніе правды, которую нельзя не признать лучшимъ свойствомъ человѣка и гражданина.

Общій стряпчій или повѣренный, руководствующій къ познанію практическаго, гражданскаго дѣлопроизводства, содержащій въ себѣ образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, съ подробнымъ изложеніемъ правилъ, какъ и на какой бумагѣ слѣдуетъ писать и въ какія правительственныя или судебныя мѣста предъявлять и подавать разнаго рода исковыя, явочныя, мировыя и обыкновенныя прошенія, апелляціонныя и частныя жалобы, доношенія, закладныя, заемныя, домовыя и крѣпостныя письма, договоры и контракты какъ съ частными лицами, такъ и съ казенными мѣстами заключаемые, духовныя завѣщанія, вѣрющія, обязательныя, поступныя письма и векселя, дарственныя, купчія, рядныя, раздѣльныя, мѣновыя и другія записи, купчія крѣпости, ревизскія сказки, частные аттестаты, ярлыки, квитанціи, наставленія, объясненія, объявленія, описи, рапорты, свидѣтельства, счеты, экстракты изъ дѣлъ, купеческія книги, накладныя и всѣ домашніе и крѣпостные акты, документы и прочія дѣловыя бумаги, до которыхъ болѣе въ общежитіи бываетъ нужды, составленный съ приложеніемъ статей Свода Законовъ (изд. 1857 года), въ четырехъ частяхъ. Москва, 1859, стр. 90, 103, 79, VII и 96. Цѣна 3 р. съ пересылкою 3 р. 50 коп.

Это заглавіе обѣщаетъ болѣе, нежели можетъ дать самое содержаніе книги. «Общій стряпчій» никого не научитъ практическому гражданскому дѣлопроизводству: это не болѣе какъ сборникъ формъ, по которымъ могутъ быть писаны разнаго рода акты и дѣловыя бумаги: по мѣстамъ вставлены сюда перепечатанныя цѣликомъ статьи Свода Законовъ. Такіе сборники, безъ сомнѣнія, расходятся въ публикѣ: иначе не зачѣмъ было бы и печатать ихъ. Въ юридическомъ смыслѣ они не имѣютъ значенія, такъ какъ не имѣютъ значенія въ смыслѣ литературномъ изданія, извѣстныя подъ названіемъ «письмовниковъ», хотя и эти послѣднія отъ времени до времени повторяются, стало-быть находятъ читателей.

Извѣстно, что не мало есть людей вовсе незнакомыхъ ни съ законами, ни съ дѣлопроизводствомъ, людей, которымъ всякая дѣловая бумага кажется какимъ-то страннымъ таинствомъ и которые не знали бы какъ начать подобную бумагу, еслибъ привелось сочинять ее. Для такихъ людей книга, подобная «Общему стряпчему», можетъ служить до нѣкоторой степени первоначальнымъ руковод-

ствомъ; но оставшись при однихъ его совѣтахъ и указаніяхъ, они всетаки не составятъ бумаги какъ должно, покуда не обратятся за совѣтомъ къ подлинному, живому стряпчему или чиновнику присутственнаго мѣста.

Въ составѣ и расположеніи этой книги нѣтъ никакой системы и вовсе незамѣтно самостоятельнаго труда составителя. Въ печатномъ объявленіи объ ней сказано, что она состоитъ изъ четырехъ частей; но эти четыре части заключаются въ двухъ небольшихъ томикахъ по тринадцати печатныхъ листовъ въ каждомъ. Въ 1-й части помѣщено 45 формъ договоровъ между частными лицами; во 2-й—формы договоровъ съ казною, купчихъ, раздѣльныхъ, завѣщаній, билетовъ, вѣрющихъ писемъ, векселей, надписей, протестовъ, заемныхъ писемъ, разныхъ записей и ревизскихъ сказокъ (58 нумеровъ); въ 3-й—въ слѣдъ за статьями о дареніи, выдѣлѣ и завѣщаніяхъ помѣщены формы жалобъ, прошеній, объявленій, рапортовъ, росписокъ, свидѣтельствъ, счетовъ, доношеній, записокъ, подписокъ и рукоприкладствъ (всего 68); наконецъ четвертая часть содержитъ въ себѣ 56 дополнительныхъ формъ. Книга заключается выпискою статей Закона о гербовой бумагѣ.

Руководитель для неопытныхъ въ гражданскихъ законахъ и судопроизводствѣ, также въ составленіи форменныхъ бумагъ, безъ пособія стряпчаго, съ присовокупленіемъ узаконеній о Правительствующемъ Сенатѣ; о спеціальномъ полюбовномъ и судебномъ размежеваніи; объ актахъ состоянія; о власти помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми; о видахъ и билетахъ для прожитія; о земскихъ и рекрутскихъ повинностяхъ; объ Опекунскихъ Совѣтахъ; по векселямъ и торговой повѣренности; о юридическихъ срокахъ—на основаніи современно дѣйствующихъ узаконеній, заключающихся въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, изд. 1857 года, съ приложеніемъ: 1) болѣе 100 формъ и образцовъ записей, крѣпостей, духовныхъ завѣщаній, заемныхъ писемъ, векселей, довѣренностей, отпускныхъ, прошеній, жалобъ, объявленій и другихъ актовъ; 2) Указателей статей Свода Законовъ, изданія 1857 года. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ал-ръ Соколовъ.

Москва. 1859. Въ 1-й части 178, 75 и XXIV стр.; во 2-й—148, 83 и 9 стр. Цѣна 3 руб. сер., съ перес. 3 р. 75 коп.

Книга эта принадлежитъ къ одному разряду съ «Общимъ стряпчимъ». Объ этомъ можно судить уже и по длиннотѣ заглавія и по тому, что двѣ части, означенныя на оберткѣ, вмѣщаются въ одномъ томѣ. Оба изданія очевидно вызваны новымъ изданіемъ Свода Законовъ, и расчитываютъ на потребность тѣхъ читателей, которые, не имѣя возможности располагать Сводомъ Законовъ или, пугаясь его обширности, желаютъ имѣть подъ рукой въ замѣнъ его болѣе доступную справочную книгу. Впрочемъ слѣдуетъ сказать, что руководитель г. Соколова, хотя состоитъ также изъ выписокъ и формъ, гораздо полнѣе Общаго Стряпчаго и составленъ тщательнѣе. Изъ выписываемыхъ имъ статей можно получить свѣдѣнія обо всѣхъ главныхъ предметахъ законовъ гражданскихъ и судопроизводства, а также свѣдѣнія о правахъ сословій, о паспортахъ, повинностяхъ, о кредитныхъ установленіяхъ, о векселяхъ и торговой довѣренности. Въ послѣднемъ отдѣлѣ подробно указаны сроки, дѣйствующіе по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ.

Руководство при производствѣ уголовныхъ слѣдствій. Составлено по Своду Законовъ изд. 1857 года и по Первому его Продолженію. СПБ. 1859, стр. IV и 142.

Нѣтъ сомнѣнія, что руководства, излагающія правила для лицъ, посвятившихъ себя какой либо спеціальной дѣятельности, могутъ приносить пользу. Но чтобы подобныя изданія соотвѣтствовали вполнѣ своей цѣли, слѣдовало бы составителямъ ихъ, не ограничиваясь однимъ перепечатываніемъ статей Свода Законовъ, излагать въ нихъ общія основанія права и такія толкованія, которыми объясняется примѣненіе положительныхъ законовъ, что̀ самое содѣйствовало бы распространенію болѣе точныхъ юридическихъ свѣдѣній и укорененію общихъ понятій о законности. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сборники эти представляютъ лишь извлеченія изъ разныхъ частей законодательства, нельзя совершенно отрицать ихъ

пользу, если только полнотою и систематическимъ расположеніемъ содержанія они могутъ служить дѣйствительнымъ пособіемъ къ пріисканію постановленій закона, необходимыхъ для какого либо особаго рода занятій. Къ сожалѣнію однакожъ немногіе изъ появлявшихся сборниковъ такого рода дѣйствительно составлены съ знаніемъ дѣла и съ необходимою полнотою, безъ которой, не соотвѣтствуя назначенію, они представляютъ лишь неудачныя попытки.

Руководство, разсматриваемое нами, состоитъ, какъ и самое заглавіе его показываетъ, исключительно изъ статей Свода Законовъ, относящихся до производства уголовныхъ слѣдствій. Собственно автору принадлежитъ въ самомъ началѣ книги опредѣленіе различія между предварительнымъ и формальнымъ слѣдствіями, опредѣленіе весьма неточное и основанное на признакахъ совершенно случайныхъ. Авторъ все различіе этихъ двухъ видовъ слѣдствій находитъ въ одномъ отсутствіи формальности при производствѣ предварительнаго слѣдствія, между тѣмъ какъ въ основаніи различія лежитъ самая сущность и цѣль того и другаго. Слѣдствіемъ предварительнымъ собираются свѣдѣнія о дѣйствіи, предполагаемомъ преступнымъ или противнымъ законамъ, съ цѣлью удостовѣриться, существуютъ ли достаточныя основанія къ преданію подозрѣваемаго суду; формальное же заключается—въ повѣркѣ свѣдѣній, собраніи доказательствъ для опредѣленія вины или невинности обвиняемаго и степени его вины; такимъ образомъ, при предварительномъ слѣдствіи можетъ быть рѣчь только о подозрѣніи, а при формальномъ о самомъ обвиненіи.

Далѣе собственными словами автора изложенъ въ книгѣ § 140. Изложеніе это замѣчательно тѣмъ, что отсылаетъ къ тексту закона, перепечатанному въ Приложеніяхъ подъ № 29.

Наконецъ автору же принадлежатъ приложенныя въ концѣ руководства формы допросовъ, показаній, очныхъ ставокъ, журналовъ, и т. п. По нашему мнѣнію, было бы не лишнимъ въ допросныхъ пунктахъ (прилож. № 1 и 2), кромѣ употребленнаго авторомъ мѣстоименія *ты*, присоединить и *вы*, чтобы не дать повода незнающимъ изъ практики производства слѣдствій предполагать, что тонъ, сообщаемый допросу употребленіемъ мѣстоименія *ты*, обязателенъ для всякаго слѣдователя.

— —

Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по Исторіи древняго русскаго права. С. П. Б. 1859 г. стр. V и 428.

Нельзя не поблагодарить гг. Лазаревскаго и Утина за это изданіе. Хотя въ предисловіи они оговариваются, что предназначаютъ «свою книгу собственно для своихъ товарищей»; но нѣтъ сомнѣнія, что для справокъ, какъ настольная книга, она можетъ быть пригодна и спеціалистамъ. Впрочемъ, по недовѣрію этихъ послѣднихъ къ перепечаткамъ, мы думаемъ, что настоящій сборникъ будетъ имѣть для нихъ лишь одно такое значеніе—справочной книги. Гораздо важнѣе онъ для студентовъ, именно какъ пособіе при слушаніи лекцій Исторіи русскаго права. Извѣстно, что изданія, заключающія въ себѣ отечественные памятники историко-юридическаго содержанія, въ настоящее время уже весьма значительны по своему числу и потому, при другихъ занятіяхъ, недоступны по своему объему, а для бо́льшей части слушателей университетскихъ лекцій и по своей цѣнѣ; при незнакомствѣ же съ ними студентовъ на первомъ курсѣ, которымъ и читается Исторія русскаго права, они могутъ оставаться вовсе ими нетронутыми. Но признавая на этомъ основаніи настоящее изданіе весьма полезнымъ пособіемъ для первокурсныхъ слушателей, мы сомнѣваемся, чтобы студенты слѣдующихъ курсовъ ограничились употребленіемъ его одного съ предположенною составителями цѣлью, потому что при болѣе строгомъ и сознательномъ изученіи науки собраніе гг. Лазаревскаго и Утина, какъ мы замѣтили выше, не можетъ вполнѣ удовлетворить занимающагося.

Чтобы дать въ краткихъ словахъ отчетъ объ источникахъ права, здѣсь помѣщенныхъ, мы считаемъ неизлишнимъ изчислить ихъ съ указаніемъ на самыя изданія, откуда они заимствованы. Сюда принадлежатъ:

А. Памятники свѣтскаго права:

1) Договоры Руссовъ съ Греками — перепечатка изъ изданія г. Тобина.

2) Договоры Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами—оттуда же.

3) Грамота Смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича къ Рижскому епископу, 1284 г., и 4) договоръ Смоленскаго князя Ивана Алек-

сандровича съ Рижскимъ гермейстеромъ, 1330—1359 г.—изъ Собр. госуд. грам. и догов.

5) Уставъ о мостовыхъ, приписываемый Ярославу—изъ изданія г. Тобина.

6) Уставъ о земскихъ дѣлахъ, приписываемый Ярославу—изъ Указателя Максимовича.

7) Русская Правда, по спискамъ Академическому, Троицкому, Карамзинскому—изъ изданія г. Калачова «Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій».

8) Договоры удѣльныхъ князей съ великими и между собою (7 грамотъ)—изъ Собр. госуд. гр. и догов.

9) Договоры Новгорода съ князьями—изъ изданія г. Тобина и Актовъ Экспедиціи.

10) Четыре уставныя грамоты (1398 г., 1506, 1536 и 1548)—изъ Актовъ Экспедиціи.

11) Пять жалованныхъ—оттуда же.

12) Судебники—изъ Актовъ Историческихъ.

13) Дополнительныя статьи къ Судебнику Іоанна IV—оттуда же.

Б. Памятники церковнаго права:

1) Уставъ о церковныхъ судахъ: пространной редакціи—изъ Исторіи Русской Церкви преосв. Макарія; краткой редакціи—изъ Дневныхъ Записокъ путешествія Лепехина.

2) Уставъ о церковныхъ судахъ Ярослава I—изъ Исторіи Русской церкви преосв. Макарія, и западно-русской редакціи—изъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи.

3) Уставъ о церковныхъ судахъ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича—изъ Исторіи Русской церкви преосв. Макарія.

4) Уставная грамота того же князя, данная церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ—изъ Дополненій къ актамъ историческимъ.

5) Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископіи Смоленской—оттуда же.

6) Грамота великаго князя Василія Димитріевича митрополиту Кипріяну—изъ Актовъ Экспедиціи.

7) Четыре ярлыка, данныхъ Ханами Золотой Орды Русскому духовенству—изъ сочиненія Григорьева «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ» и изъ Собр. гос. гр. и догов.

Изъ этого перечня видно, что выборъ источниковъ довольно полонъ и составленъ съ знаніемъ дѣла.

Книга издана хорошо, дешева необыкновенно (цѣна ея 80 коп. сер.) и вѣроятно скоро разойдется. Имѣя это въ виду, мы позволимъ себѣ сдѣлать два, три замѣчанія, которыя, можетъ быть, окажутся пригодными для втораго изданія «Собранія».

Намъ кажется странною причина, почему издатели не включили въ свою книгу договоры Новгорода съ Готландомъ и Нѣмецкими городами и Новгородскія скры: они не сдѣлали этого на томъ основаніи, что означенные памятники «изданы недавно профессоромъ Андреевскимъ и доступны всякому» (*). Но нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ столь же доступны и нѣкоторыя другія изданія, которыми пользовались однако составители сборника, а въ провинціи книга г. Андреевскаго, о которой здѣсь говорится, конечно столь же рѣдка, какъ и всѣ другія ученыя изданія. Разсуждая такимъ образомъ, не слѣдовало бы по крайней мѣрѣ перепечатывать Русскую Правду: изданіе ея по четыремъ спискамъ, со снимками и указателемъ, г. Калачова, стоитъ всего 20 копѣекъ и конечно доступно каждому. Кстати замѣтимъ здѣсь, что напрасно составители сборника, перепечатавъ отсюда три редакціи текста Русской Правды, не сдѣлали указанія, что заимствовали ихъ изъ этого изданія г. Калачова.

Далѣе мы не можемъ одобрить перепечататку нѣкорыхъ памятниковъ изъ изданія г. Тобина. Нѣтъ сомнѣнія, что было бы несравненно лучше воспользоваться для этой цѣли первоначальными изданіями тѣхъ же памятниковъ, тѣмъ болѣе, что текстъ у г. Тобина не всегда исправенъ. Какъ видно, составители сборника предпочли его «Собраніе источниковъ» на томъ основаніи, что здѣсь сдѣлано сличеніе разныхъ документовъ, которое они перенесли въ свое изданіе. Но мы знаемъ по опыту, что трудъ издателей не былъ бы слишкомъ значителенъ, еслибъ они повторили его сами, признавъ полезнымъ такое сличеніе. Съ своей стороны мы считаемъ еще полезнѣе изданіе сличенныхъ и сводныхъ текстовъ грамотъ жалованныхъ, уставныхъ, губныхъ, и очень жалѣемъ, что составителямъ

(*) См. сочиненіе его: «О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ», 1855 г.

настоящаго собранія памятниковъ не пришла мысль воспользоваться столь удобнымъ случаемъ, чтобы включить въ свое изданіе такіе сличенія и своды, чѣмъ они оказали бы большую услугу и спеціалистамъ; а молодымъ любителямъ науки представили бы образецъ первоначальной работы надъ памятниками. Это было бы тѣмъ болѣе полезно, что у насъ еще не достаточно оцѣнена важность трудиться надъ источниками не съ цѣлью писать болѣе или менѣе длинные трактаты и составлять очерки историко-юридическаго содержанія, а для тѣхъ ближайшихъ выводовъ, которые должны ложиться въ основаніе всякаго дѣльнаго ученаго труда, какъ работа, называемая обыкновенно «черной,» но между тѣмъ рѣшительно необходимая. Не всякій назначенъ быть природою геніальнымъ зодчимъ; но если, увлекаясь надеждой сдѣлаться имъ современемъ, молодой ученый будетъ пренебрегать дѣломъ простаго каменщика, то конечно рискуетъ не принести вовсе какую либо пользу наукѣ. Но кажется, что сами составители сборника еще не сознавали потребности—работать непосредственно надъ источниками, иначе, признавъ полезнымъ для своей цѣли трудъ г. Тобина, они по крайней мѣрѣ представили бы своимъ товарищамъ, для примѣра, сводный текстъ губныхъ грамотъ, составленный г. Ерлыковымъ и напечатанный, какъ извѣстно, въ «Чтеніяхъ, издаваемыхъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей.»

Наконецъ замѣтимъ, что кромѣ исчисленныхъ нами выше памятниковъ, для полноты въ изданіи ихъ было бы, по нашему мнѣнію, необходимо присоединить къ нимъ нѣкоторыя статьи, встрѣчающіяся въ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго и Кормчихъ, нѣкоторыя статьи Стоглава, хотя одну таможенную грамоту, хотя одну изъ такъ называемыхъ жалованныхъ несудимыхъ грамотъ монастырямъ, уставную грамоту Бѣлозерскую 1488 г. и если не сводный текстъ губныхъ грамотъ, о которомъ мы упомянули выше, то по крайней мѣрѣ одну изъ нихъ: тогда настоящее собраніе было бы еще полезнѣе для товарищей гг. Лазаревскаго и Утина.

Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго аппелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ. Сочиненіе Ѳ. Дмитріева. Москва. 1859. Стр. 580.

Давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемое сочиненіе г. Дмитріева, котораго имя уже прежде сдѣлалось извѣстнымъ по добросовѣстнымъ рецензіяхъ историко-юридическихъ книгъ, наконецъ появилось въ свѣтъ. Считаемъ долгомъ извѣстить нашихъ читателей объ этомъ драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ наукой русскаго права, хотя мы еще не успѣли прочитать и изучить новое сочиненіе г. Дмитріева съ тѣмъ вниманіемъ и досугомъ, которыхъ оно вполнѣ заслуживаетъ. Отлагая поэтому подробное разсмотрѣніе настоящаго его труда до будущаго времени, мы ограничимся здѣсь указаніемъ на цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду при составленіи своей книги и на самое ея содержаніе.

«Мнѣ хотѣлось только—говоритъ авторъ въ своемъ введеніи—прослѣдить въ главныхъ чертахъ тѣ перемѣны, которыя происходили въ русскомъ процессѣ подъ вліяніемъ развитія Государства, и тѣмъ опредѣлить, хотя поверхностно, сходство ихъ или различіе съ исторіею судопроизводства на Западѣ.» И далѣе: «Желая объяснить, по возможности, постепенное образованіе нашего процесса, я обращалъ особенное вниманіе на историческую преемственность юридическихъ понятій, на причины ихъ появленія и наконецъ на ту сферу, въ которой они возникли....я старался собрать матеріалы для будущей исторіи аппелляціи.»

Такова цѣль, предположенная г. Дмитріевымъ: она высказана имъ съ тою скромностію, которая всего чаще служитъ признакомъ истинной учености.

Авторъ сожалѣетъ, что малое число памятниковъ областнаго суда не могло ему достаточно объяснить постепенность законодательныхъ мѣръ относительно обезпеченія справедливости суда. Можно посѣтовать вмѣстѣ съ г. Дмитріевымъ на эту скудость матеріаловъ не только въ отношеніи къ одному обезпеченію справедливости суда, но и относительно другихъ сторонъ древняго процесса. А между тѣмъ сколько судныхъ дѣлъ XVII и начала XVIII столѣтія заклю-

чаютъ въ себѣ пыльные столбцы нашихъ архивовъ! Изданіе этихъ дѣлъ во всей ихъ цѣлости, съ самыми незначительными отмѣтками, было бы дѣломъ величайшей важности и самаго живаго интереса. Вотъ почему нельзя не сочувствовать прекрасному намѣренію Археографической Коммиссіи изъ всѣхъ доселѣ неизданныхъ ею и хранящихся въ ея архивѣ древнихъ актовъ извлечь и напечатать отдѣльныя мѣста, наиболѣе замѣчательныя въ историко-юридическомъ отношеніи. Можно надѣяться, что такое изданіе хотя отчасти замѣнитъ намъ особое полное собраніе старинныхъ процессовъ, которое обошлось бы крайне дорого.

Сочиненіе свое г. Дмитріевъ раздѣлилъ на шесть главъ.

Въ главѣ первой онъ разсматриваетъ судоустройство въ эпоху Судебника Іоанна IV. Начавъ эту главу общимъ взглядомъ на сущность управленія и суда въ предшествующую эпоху и изложивъ исторію постепенныхъ ограниченій намѣстнической власти, авторъ говоритъ о паденіи системы кормленія и за тѣмъ переходитъ къ подробному изслѣдованію органовъ суда въ періодъ Судебника. Здѣсь съ особенною подробностію разсматриваетъ онъ значеніе *судныхъ мужей*. Далѣе обращается къ преобразованіямъ Іоанна IV и обозрѣваетъ въ исторической послѣдовательности губныхъ старостъ, земскихъ судей, воеводское управленіе, судебныя привилегіи духовенства и свѣтскихъ лицъ, центральное судоустройство, третейскій судъ, судей *данныхъ*. Глава оканчивается опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній различныхъ органовъ судебной власти и общимъ заключеніемъ о судебныхъ инстанціяхъ.

Во второй главѣ излагается судопроизводство въ эпоху Судебника. Въ ней разсматривается подробно право иска, отношеніе исковъ между собою, формы и порядокъ процесса, судебныя доказательства, судебныя рѣшенія, судопроизводство во второй инстанціи.

Глава третья, подъ названіемъ: судоустройство въ эпоху Уложенія, содержитъ въ себѣ розысканіе о воеводахъ и приказныхъ людяхъ и объ особенныхъ судахъ этой эпохи; за тѣмъ авторъ разсматриваетъ Приказы.

Глава четвертая имѣетъ своимъ предметомъ судопроизводство въ эпоху Уложенія; оно обозрѣвается по тѣмъ же рубрикамъ, какъ и судопроизводство въ эпоху Судебника.

Двѣ послѣднія главы посвящены преобразованіямъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ со времени Петра Великаго до Учрежденія о губерніяхъ.

Книга оканчивается очеркомъ развитія процесса въ Россіи паралельно съ развитіемъ его на Западѣ.

Заключаемъ нашъ обзоръ сочиненія г. Дмитріева повтореніемъ, что оно должно занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской юридической литературѣ.

СТАРИНА ВЪ ГОРОДѢ ЗАРАЙСКѢ И ЕГО УѢЗДѢ.

Зарайскъ до исторической извѣстности своей назывался Краснымъ городомъ (*); настоящее же имя онъ получилъ отъ геройскаго подвига Евпраксіи, супруги Князя Ѳеодора Юрьевича.

Лѣтописи XVI вѣка сохранили слѣдующее объ этомъ повѣствованіе.

Въ 1237 году грозный ханъ татарскій, Батый, вторгнулся въ южныя области княжества Рязанскаго. Великій князь Рязанскій, Юрій Игоревичъ спѣшилъ отразить непріятеля, но лишенный вспомогательнаго войска и не имѣя достаточно силъ былъ разбитъ наголову. Видя совершенную невозможность бороться долѣе съ Батыемъ, князь послалъ къ нему съ дарами сына своего Ѳеодора, бывшаго удѣльнымъ княземъ въ нынѣшнемъ Зарайскѣ (**). Батый, узнавъ, что супруга Ѳеодора, Евпраксія, необыкновенной красоты, потребовалъ ее къ себѣ на ложе. Ѳеодоръ съ презрѣніемъ отвергъ это требованіе и былъ казненъ неудовлетвореннымъ злодѣемъ. Батый, можетъ быть, еще надѣялся достигнуть гнусной цѣли своей въ послѣдствіи, но мужество христіанской княгини разрушило его надежды: Евпраксія, узнавъ о несчастной кончинѣ своего супруга и страшась замысловъ Батыя, бросилась съ терема вмѣстѣ съ груднымъ сыномъ Іоанномъ и *заразилась* (убилась) до смерти. Съ того времени мѣсто мученической кончины Евпраксіи стало называться *Заразомъ* (убоемъ) и впослѣдствіи сообщило свое имя самому городу, въ которомъ случилось это происшествіе. Надъ прахомъ князя

(*) Такъ названъ онъ въ рукописной повѣсти о перенесеніи сюда иконы Николая чудотворца Корсунскаго, въ 1224 году.

(*) Русск. Времен. I, 77.

Θеодора, супруги его Евпраксіи и сына Іоанна поставлены кресты, о которыхъ будетъ сказано далѣе.

За исключеніемъ описаннаго событія, Зарайскъ менѣе другихъ городовъ земли Рязанской подвергался раззореніямъ и грабежамъ въ грозное время нашествія иноплеменниковъ. Только въ 1531 г. приступалъ къ нему Крымскій Ханъ Саипъ-Гирей, а въ 1608 г. Польскій гетманъ Лисовскій; но первый былъ мужественно отраженъ храбрымъ воеводою Назаромъ Глѣбовымъ, а второй — воеводою Захаріемъ Ляпуновымъ.

Въ историческомъ отношеніи Зарайскъ достопамятенъ еще тѣмъ, что въ смутное время Самозванцевъ и междуцарствія въ немъ былъ воеводою князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ не только удержалъ Зарайскъ отъ измѣны Василію Іоанновичу Шуйскому, но и Коломну, которая готова была взять сторону Тушинскаго Самозванца, привелъ къ вѣрности законному царю. «Умру, но не измѣню,» отвѣчалъ онъ посланнымъ изъ Коломны и Каширы, призывавшимъ его къ Тушинскому Самозванцу. Этого мало: Димитрій Михайловичъ былъ однимъ изъ тѣхъ Ангеловъ-хранителей нашего отечества, которые спасли его отъ погибели.

При раздѣленіи Рязанской области, въ царствованіе Петра Великаго, Зарайскъ получилъ мѣсто уѣзднаго города въ Переславль-Рязанской провинціи. И по учрежденіи Рязанскаго намѣстничества онъ остался уѣзднымъ городомъ, при чемъ снабженъ былъ планомъ и гербомъ. Гербъ Зарайскій представляетъ: въ первой части щита, въ золотомъ полѣ, серебряный мечь и ножны, положенные накрестъ; надъ ними зеленая шапка, какова на князѣ Рязанскомъ въ губернскомъ гербѣ; во второй части щита, въ голубомъ полѣ, изображена старая городская башня, освѣщенная восходящимъ солнцемъ, означающимъ, что городъ новымъ учрежденіемъ возобновленъ.

Древности и достопримѣчательности Зарайска слѣдующія:

I. Крѣпость, состоящая изъ четвероугольной каменной стѣны съ зубцами и четырьмя башнями. Трое воротъ ея въ старину затворялись деревянными щитами, на которые опускались желѣзныя рѣшетки. Стѣны этой крѣпости 11-ти аршинъ вышиною, а въ окружности имѣютъ 150 саженъ. Среднія башни уже обрушились до половины. Крѣпость эта построена въ 1531 г. В. К. Московскимъ Ва-

силіемъ Іоанновичемъ, отцемъ Іоанна Грознаго для защиты города отъ нападенія Крымскихъ Татаръ.

Въ крѣпости находится соборный благолѣпный храмъ во имя святителя и чудотворца Николая, построенный на мѣстѣ древняго храма, въ 1681 году. Въ этомъ храмѣ одна изъ примѣчательнѣйшихъ святыней есть образъ святителя и чудотворца Николая, принесенный сюда изъ древняго Херсоня въ 1224 г., изъ той самой церкви, въ которой въ 988 г. св. Владиміръ принялъ крещеніе. Въ Русскомъ Времянникѣ объ этомъ произшествіи сохранился слѣдующій разсказъ:

«Въ 1224 г. святитель Николай явился во снѣ Херсонскому іерею Евстафію и сказалъ ему: возьми мой чудотворный образъ, жену свою Θеодосію и сына Евстафія и гряди въ землю Рязанскую. Іерей Евстафій не зналъ гдѣ сія земля и усумнился въ видѣніи. Св. Николай вторично явился ему, повелѣвая идти въ невѣдомую землю. Евстафій все еще сомнѣвался. Святитель Божій является ему въ третій разъ, толкаетъ въ бока, повелѣваетъ идти *яко на Востокъ* (т. е. на сѣверовостокъ), и самъ обѣщается быть ему путеводителемъ. Евстафій медлилъ, и—въ наказаніе ослѣпъ. Это явное наказаніе за ослушаніе привело Евстафія въ раскаяніе, и онъ рѣшился исполнить волю угодника Божія, предназначивъ себѣ путь въ Рязань чрезъ землю Половецкую. Святитель Николай, снова явившись во снѣ Евстафію, не велѣлъ ему идти чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладью въ устьѣ Днѣпра, и плыть до Варяжскаго (Балтійскаго) моря въ область Нѣмецкую, или Ригу; оттуда же ѣхать сухимъ путемъ чрезъ Новгородъ въ Рязань. Какъ сказалъ Святитель Божій, такъ и сдѣлалъ Евстафій. Прибывъ въ Новгородъ, жена его не хотѣла далѣе ѣхать, и за то поражена была жестокою болѣзнію; но по молитвамъ мужа, обратившагося съ вѣрою къ угоднику Божію св. Николаю, исцѣлена и продолжала путь въ Рязанскую землю. Зарайскій князь Θеодоръ Юрьевичъ, увѣдомленный въ сновидѣніи о шествіи образа угодника Божія, выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и съ изумленіемъ увидѣлъ лучезарное отъ него сіяніе. Отецъ Θеодоровъ, В. К. Рязанскій Юрій Игоревичъ, услышавъ, что къ сыну его принесена чудотворная икона угодника Божія, взялъ съ собою Рязанскаго епископа, Ефросинія Святогорца, и отправился въ Зарайскъ поклониться чудотворной иконѣ. Исполненные бла-

гоговѣйнаго почтенія къ образу угодника Божія, Юрій и Өеодоръ заложили въ Зарайскѣ церковь во имя святителя и чудотворца Николая...»

Въ 1608 г., повелѣніемъ великаго князя Московскаго Василія Іоанновича Шуйскаго, образъ этотъ облеченъ въ золотую ризу, украшенную дорогими каменьями; на ней изображена слѣдующая надпись:

«Повелѣніемъ благовѣрнаго великаго государя царя и великаго князя Василія Іоанновича всея Руси сдѣланъ сей окладъ на образъ великаго чудотворца Николы Зарайскаго во второе лѣто государства его, лѣта 7116 (1608)». Внизу: «просьбою и моленіемъ протопопа».

На поляхъ ризы изображены: 1) Василій Великій, вѣроятно во имя царскаго ангела; 2) Великомученикъ Димитрій,—во имя ангела Димитрія Михайловича Пожарскаго; 3) Архангелъ Михаилъ,—во имя ангела архистратига русскихъ силъ, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; 4) Преподобный Димитрій Прилуцкій—во имя поборника русскаго престола, Зарайскаго протопопа Димитрія, просьбою и моленіемъ котораго совершенъ окладъ; 5) Царевичъ Димитрій, чудотворецъ, въ то время только что прославленный русскою Церковью (Ист. Госуд. Рос. Карамз., т. XII, прим. 27), и пр.

Въ 1610 году Василій Іоанновичъ приложилъ къ образу Святителя золотую дщицу, вѣсомъ въ 1½ золотника. На ней изображена черныю слѣдующая надпись:

«Лѣта 7118 (1610) генваря въ 27 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичь всея Русіи приложилъ къ чудотворному образу великаго чудотворца Николы Зарайскаго, какъ Богъ освободилъ городъ его отъ воровскихъ людей его чудотворцевскою молитвою и добили челомъ Государю».

Особенно примѣчательна на этомъ образѣ золотая медаль, вѣсомъ въ 9½ золотниковъ. Съ лицевой стороны изображенъ на ней крестъ, съ латинскою надписью вокругъ: «симъ побѣждай»; на обратной же сторонѣ гербъ португальскій, съ круговою латинскою же надписью: «Еммануилъ Великій, Король Португальскій».

Еммануилъ Великій, упоминаемый въ этой надписи, есть тотъ самый король португальскій, при которомъ Васко-де-Гама открылъ

нуть въ Восточную Индію. Слѣдовательно медаль относится къ концу XV вѣка.

Сверхъ того въ соборномъ храмѣ примѣчательны по древности:

1) Серебряный вызолоченный лифляндскій потиръ, вѣроятно взятый въ какой нибудь нѣмецкой киркѣ, во время войны съ Лифляндцами. На немъ видны три надписи на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ можно прочитать одно только слово.

2) Два серебряныхъ блюда, лжица и копіе, принесенныя въ даръ этому храму княземъ Θеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ.

3) Два блюда серебряныя князя Ивана Михайловича Хворостинина, 1569 года.

4) Серебряный ковшъ Варлаама, епископа Коломенскаго и Каширскаго. Время его епископствованія относится къ половинѣ XV столѣтія.

5) Водосвятная серебряная чаша боярина Димитрія Ивановича Годунова, 1594 года.

6) Напрестольный серебряный крестъ, съ камнями, поновленный въ 1617 г. незабвеннымъ сподвижникомъ князя Д. М. Пожарскаго, Зарайскимъ протопопомъ Димитріемъ (*). Это видно изъ слѣдующей надписи:

«Сей животворящій крестъ Господень Николы Чудотворца Зарайскаго соборныя церкви починенъ при протопопѣ Димитріѣ съ братіею, лѣта 7125 (1617)».

7) Серебряный украшенный жемчугомъ крестъ,—приношеніе Рязанскаго архіепископа Антонія, 1623 года.

8) Евангеліе, напечатанное въ княженіе Василія Іоанновича Шуйскаго, 1606 года.

9) Икона Казанскія пресв. Богородицы, написанная по обѣщанію Зарайскаго воеводы, Матвѣя Θедотовича. Эта икона поставлена была надъ воротами Николаевской башни, служившей защитою городу въ 1673 г., іюня 2 дня.

10) Икона Θедоровской Божіей Матери, древней живописи. Она

(*) Онъ укрѣплялъ и ободрялъ Пожарскаго, осажденнаго въ крѣпости взбунтовавшимися жителями Зарайска и сообщниками Исаака Сумбулова, въ 1608 г. (См. лѣт. о мятежахъ изд. 2, стр. 185), и былъ въ числѣ пословъ отъ земскаго совѣта при избраніи Михаила Θеодоровича на царство (см. Собр. госуд. грам. и дог., ч. III, №№ 6 и 10).

изображена на доскѣ, 14-ти вершк. вышины и 12½ ширины; вѣнецъ и цата на ней серебряные, убрусъ украшенъ жемчугомъ. На полѣ иконы внизу слѣдующая надпись:

«Явися той святой чудотворный образъ благовѣрному и великому князю Василію Георгіевичу, рекомому Квашнѣ, сыну благовѣрнаго великаго князя Георгія, внуку Ярослава Владимірскаго, правнуку же Александра Невскаго. Сей святый чудотворный образъ писанъ съ чудотворнаго образа пресвятыя Богородицы Өедоровскія, иже на Костромѣ. Явленіе того цѣльбоноснаго образа бысть въ лѣто 6747 (1239) году, а празднованіе тому чудотворному образу и о явленіи въ Прологѣ предложено мѣсяца марта 14».

II. Подлѣ Никольскаго собора, подъ крышею, стоятъ три гробницы изъ стариннаго крупнаго кирпича, на которыхъ утверждены три каменные креста, съ слѣдующими надписями:

На первомъ крестѣ: «*Лѣта 173 (1665) іюня въ 10 день по ромотрѣнію* (т. е. *по разсмотрѣнію*) *лѣтописной книги*».

На второмъ: «*Поставилъ си кресты по обѣщанію стольникъ князь Никита Григорьевичь Гагаринъ*».

На третьемъ: «*На благовѣрныхъ князей Резанскихъ, которые побиты отъ беззаконнаго царя Батыя*».

Преданіе говоритъ, что подъ этими гробницами покоятся, какъ выше сказано, останки Зарайскаго князя Өеодора Юрьевича, убитаго Батыемъ, жены его Евираксіи и сына ихъ Іоанна. Извѣстно также, что на мѣстѣ погребенія этой княжеской фамиліи поставлены были кресты Игоремъ Ингваревичемъ, племянникомъ Өеодора, князя Зарайскаго, въ 1237 г.; но отъ времени или отъ руки непріятелей эти кресты, вѣроятно, истребились. Стольникъ Гагаринъ, нашедши по указанію лѣтописной книги мѣсто погребенія этой княжеской семьи, снова воздвигъ надъ прахомъ ихъ кресты, и сдѣлалъ на нихъ вышеупомянутыя надписи. Кресты эти изъ бѣлаго цѣльнаго камня, первый въ длину 1 арш. съ полувершк.; второй 1 арш. и двухъ вершковъ съ четвертью, третій одинаковой мѣры съ первымъ; ширина всѣхъ одинакова, именно шести съ половиною вершковъ. Съ лицевой стороны каждаго изъ нихъ изображенъ крестъ съ подножіемъ и титлою, по сторонамъ копье и трость; самая средина крестовъ рубчата; на всѣхъ трехъ крестахъ по краямъ обведена кайма.

Простая отдѣлка надписей, отличающаяся отъ грубой работы самыхъ крестовъ, даетъ поводъ съ достовѣрностію заключить, что эти кресты древнѣе 1665 года, въ который сдѣлана на нихъ надпись стольникомъ Гагаринымъ. Уважая память княжеской семьи, онъ вѣроятно только отыскалъ и возобновилъ прежніе кресты.

Въ 1789 г., вблизи описанныхъ крестовъ, во время дѣланія Троицкихъ воротъ, пробитыхъ на восточномъ фасадѣ крѣпости, и нивеллированія площади около собора, найдена желѣзная дверь, запертая замкомъ. Эта дверь, какъ можно думать, вела или въ подземный ходъ (тайникъ), въ древности находившійся подъ крѣпостью, или же въ склепъ, гдѣ покоится прахъ князя Ѳеодора съ супругою его и сыномъ. Передъ самою дверью, какъ увѣряютъ старожилы-очевидцы, находился какъ бы четырехъ-угольный подвалъ изъ бѣлаго камня. Но дверь не была отворена, и что было за нею осталось неизвѣстно: и подвалъ и дверь тогда же засыпаны землею. Въ настоящее время чрезъ это мѣсто пролегаетъ дорога.

III. Подлѣ Благовѣщенской церкви, вблизи большой Михайловской дороги, виденъ курганъ. Подъ этимъ курганомъ покоятся тѣла Зарайцевъ и Арзамасцевъ (жителей города Арзамаса, Нижегородской губерніи), павшихъ въ войнѣ съ Поляками, въ 1608 году. «Пріиде», говоритъ лѣтописецъ, «подъ Зарайской городъ полковникъ Лисовскій съ литовскими людьми и рускими воры, и градъ Зарайскъ взяли. Въ Переславлѣ же Рязанскомъ слышаше воеводы, что Зарайской городъ Литовскіе люди взяли, и послаша подъ Зарайской городъ ратныхъ людей; воевода съ ними былъ Захарій Ляпуновъ, и пріидоша подъ Зарайской городъ. Лисовской же, вышедъ изъ Зарайска, Московскихъ людей поби на голову и многихъ живыхъ пойма; единыхъ бо Арзамасцовъ убиша на томъ бою 300 человѣкъ. Трупы же ихъ Лисовской повелѣ похоронити въ одно мѣсто въ яму, и сдѣла ту надъ ними для своей славы курганъ велій и тотъ курганъ стоитъ доднесь» (*). Нѣкоторые изъ Зарайскихъ старожиловъ увѣряютъ, что вокругъ этого кургана былъ ровъ, наполненный водою. Они же разсказываютъ, по дошедшему до нихъ преданію, что жители Арзамаса въ старину пріѣзжали въ Зарайскъ служить пани-

(*) Лѣтоп. о мятежахъ, изд. 2, стр. 132 и 133.

хиды надъ тѣлами убитыхъ и погребенныхъ здѣсь своихъ сограждань. Лѣтъ пятьдесять назадъ, на этомъ курганѣ стоялъ деревянный крестъ.

IV. Зарайскаго уѣзда въ селѣ Дѣдиновомъ въ Богородице-Рождественской церкви хранятся два серебряные вызолоченные ковша. Въ первомъ ковшѣ вѣсу 2 ф. 6 золот.; внутри на плоскости дна изображенъ государственный гербъ, а снаружи слѣдующая надпись:

«Божіею милостію мы великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловали симъ ковшемъ села Дѣдинова таможеннаго и кабацкаго голову, Семена Иванова сына Миронина, за приборъ таможенныхъ пошлинъ и питейныя прибыли».

Во второмъ ковшѣ вѣсу 1 ф.; онъ пожалованъ тѣми же государями села Дѣдинова головѣ Степану Максимову сыну Суворову, тоже за приборъ таможенныхъ пошлинъ и питейныя прибыли.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ этомъ селѣ строились суда для Голштинскаго посольства въ Персію. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ здѣсь же построенъ Голландскими мастерами первый русскій корабль Орелъ, для плаванія по Каспійскому морю. Тутъ же при церкви св. Апостоловъ Петра и Павла, въ особомъ зданіи, хранится стругъ, данный Петромъ Великимъ Дѣдиновскимъ крестьянамъ въ образецъ для постройки рѣчныхъ судовъ. Преданіе и нѣкоторые старики, вопреки мнѣнію иностранцевъ, утверждаютъ, что въ Дѣдиновѣ построенъ и тотъ знаменитый ботикъ, который Петръ Великій назвалъ Дѣдушкою Русскаго флота.

V. Въ Бѣлоомутской Преображенской церкви хранится Евангеліе, древнѣйшей печати. За неимѣніемъ заглавнаго листа годъ печатанія его неизвѣстенъ; но несходство его текста съ изданіями, напечатанными послѣ исправленія книгъ, и подпись свидѣтельствуютъ, что это Евангеліе напечатано ранѣе 1628 года. Подпись на немъ по листамъ слѣдующая:

«Лѣта 7136 (1628) марта въ 4 день приложилъ сію книгу, Евангеліе напрестольное, государевъ казеннаго двора дьякъ Булгакъ Миловановъ въ Рязанскомъ уѣздѣ въ Перевицкомъ стану въ государево дворцовое село Бѣлоомутъ къ церкви Преображенія Спасова

при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи. А сіе Евангеліе дано попу тояжъ церкви Аѳонасію. А подписалъ сіе Евангеліе, по моему Булгакову велѣнью, тояжъ церкви попъ Аѳонасій Аѳонасьевъ сынъ.»

Село Бѣлоомутъ издревле славится множествомъ кладовъ въ своихъ лѣсистыхъ окрестностяхъ. Туземная молва приписываетъ ихъ Рязанскому удальцу разбойнику Веревкину, который здѣсь жилъ въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Преданіе гласитъ также, что здѣсь скрываются какія-то богатства, отнятыя у одного изъ Крымскихъ пословъ, тутъ же замученнаго до смерти пыткою. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что въ окрестностяхъ Бѣлоомутскихъ нерѣдко находили прежде клады. Еще недавно, въ 1839 г., одинъ крестьянинъ, копаясь около своего дома, про который издавна ходилъ слухъ, что подъ нимъ есть кладъ, нашелъ чрезвычайно любопытное по древности сокровище, состоящее изъ куфическихъ монетъ X вѣка, которое, благодаря умному распоряженію мѣстнаго священника, узнавшаго о находкѣ, досталось въ свѣдущія руки. Монеты эти, не смотря на ихъ незначительное количество, оказались весьма важною находкою для науки (*).

VI. Въ селѣ Протасовѣ, въ церкви Апостоловъ Петра и Павла замѣчательны:

1) Деревянный потиръ ветхій, съ двумя трещинами, изъ коихъ одна задѣлана узкою мѣдною полоскою. Онъ покрытъ красною краскою; по бокамъ видны изображенія пресв. Богородицы и Іоанна Предтечи, а въ срединѣ ихъ полинявшее изображеніе Христа Спасителя.

2) Евангеліе въ ¼ листа, напечатанное въ лѣто отъ созданія міра 7156 (1648 отъ Р. Хр.), въ 3-е лѣто державы царя Алексѣя Михайловича и въ 6-е лѣто патріаршества Іосифа, патріарха Московскаго.

VII. Городища, курганы и замѣчательныя урочища въ Зарайскомъ уѣздѣ слѣдующія:

(*) См. Описаніе куфич. монетъ X вѣка, найденныхъ въ Ряз. губ. въ 1839 г., изд. иждивеніемъ Одесск. Обществ. истор. и древностей, 1841 г.

1) Погостъ Ростиславль (въ простонародіи Роцисловъ, а на уѣздномъ Зарайскомъ планѣ Ростисловъ). Въ 180 саженяхъ отъ церкви, внизъ по берегу рѣки Оки, находятся здѣсь развалины древняго города Ростиславля, построеннаго Рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ въ 1152 г. (*). Здѣсь видны три вала, вѣроятно остатки бывшей крѣпости города; между ними прокопъ, можетъ быть, крѣпостныя ворота города. Саженяхъ во 100 отъ крѣпости возвышается большой курганъ. Князь Рязанскій Василій Іоанновичъ, въ 1483 г., отказалъ этотъ городъ большому сыну своему Іоанну, вмѣстѣ съ другими владѣніями.

2) Село Глѣбово Городище въ 30 верстахъ отъ Зарайска по направленію къ Рязани, на рѣкѣ Вожѣ. Тутъ видны остатки земляныхъ укрѣпленій бывшаго на этомъ мѣстѣ древняго города Глѣбова. Въ двухъ верстахъ отъ Городища находится урочище, называемое Драковскими воротами.

3) Деревня Тюнино Городище, верстахъ въ 25 отъ Зарайска.

4) Садки—группа кургановъ, состоящая изъ шести высокихъ насыпей, верстахъ въ 20 отъ Зарайска.

5) Село Кончаково въ 20 верстахъ отъ Зарайска. Здѣсь былъ лагерь Татарскаго Хана Кончака, отъ котораго и село получило свое имя.

6) Деревня Перевитскій Торжокъ. Она стоитъ на мѣстѣ древняго города Перевитска, о которомъ упоминается въ путевыхъ запискахъ въ Царьградъ Московскаго митрополита Пимена въ 1381 г. Зять великаго князя Московскаго, Іоанна III, Рязанскій князь Василій Іоанновичъ въ 1483 г. отказалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Старою Рязанью меньшому сыну своему Ѳеодору. Здѣсь еще видны остатки древнихъ укрѣпленій.

7) Въ 22 верстахъ отъ Зарайска, къ Коломнѣ, близь села Городни, при потокѣ Чисторoѣ, находится городокъ, обрытый валомъ и имѣющій одинъ только входъ съ восточной стороны. Еще недавно на этомъ мѣстѣ видны были столбы отъ воротъ, которыя вели въ крѣпость.

8) Сельцо Долгое Городище при впаденіи рѣки Полисъ въ р. Мечу. Здѣсь виденъ древній валъ.

(*) Истор. Татищ., кн. III, стр. 80; Больш. Чертежа стр. 189.

9) Сельцо Городище, при впаденіи безыменной рѣчки въ р. Воблю.

10) Село Городецъ, не далеко отъ села Дѣдинова.

VIII. *Древняя плащаница.* Нынѣшнимъ настоятелемъ Солодчинскаго монастыря, архимандритомъ Аѳонасіемъ, между ветхою монастырскою ризницею найдена древняя плащаница, устроенная въ 1512 г. Она вышита золотомъ, серебромъ и шелками,—средина по атласной красной, а оподолья по голубой камчатной матеріи. Шелковая матерія почти истлѣла, а крашенина голубаго цвѣта, подложенная подъ матерію, сохранилась въ совершенной цѣлости. и всѣ изображенія и буквы, вышитыя золотомъ, серебромъ и шелками по шелковой истлѣвшей матеріи и прошитыя сквозь крашенину, остались почти совершенно цѣлыми, что свидѣтельствуетъ о необыкновенной добротѣ тогдашнихъ матеріаловъ. Мѣрою она въ длину 2 арш. 11 верш., въ ширину 1 арш. 11 вершковъ. Вокругъ всей плащаницы вышита золотомъ по красной шелковой матеріи полууставными крупными четкими буквами слѣдующая надпись:

«Лѣта 7020 (1512) мѣсяца іулія вышитъ въздухъ сіи при благовѣрномъ и благородномъ и Богомъ хранимомъ и христолюбивомъ православномъ великомъ цари Василіи Ивановичи, господари и самодержьци всеа Рускіа земля, а замышленьемъ архимандрита Доснѳѣя Солодшинскаго, а семь сударей да престолъ все то шито златомъ и сребромъ при Доснѳѣиже архимандритѣ, икона большая мѣстная и иные иконы мѣстьныя обложены златомъ и сребромъ, а пелены бархатны и камчаты и запоны шивны, у Дѣйсуса вѣнци и сосудъ серебрены при Доснѳѣиже».

На срединѣ плащаницы вышито шелками и серебромъ пречистое тѣло Христово, положенное во гробѣ, надъ коимъ крестъ вышитъ золотомъ и два златокрылые Ангела. У главы Господа приникшая къ нему Богоматерь и три жены мироносицы. Надъ Богоматерью и Главою Господа вышиты золотомъ слова: «рыданіе нагробное Господа нашего Іисуса Христа». На правой сторонѣ нижней части гроба Господня изображены Іоаннъ Богословъ, Іосифъ и Никодимъ.

На оподольяхъ вокругъ всей плащаницы вышиты золотомъ,

серебромъ и шелками по голубой шелковой матеріи слѣдующія священныя изображенія съ золотыми надъ ними надписями:

1. Благовѣщеніе Св. Богородицы. 2. Рождество Христово. 3. Срѣтенье Господа нашего Іисуса Христа. 4. Крещенье Господа нашего Іисуса Христа. 5. Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа. 6. Воскресенье Лазарево. 7. Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа. 8. Вечерянье Господа нашего Іисуса Христа. 9. Умовенье ногъ. 10. Лобзанье Іюдино. 11. Іисусъ Христово приведеніе къ Пилату. 12. Руганье Христово. 13. Приведеніе ко кресту Господа нашего Іисуса Христа. 14. Възденье на крестъ Господа нашего Іисуса Христа. 15. Роспятье Христово. 16. Прошенье у Пилата тѣла Христова. 17. Снятье со креста. 18. Воскресеніе Христово. 19. Ѳомино испытаніе. 20. Ангелъ Господень явися святымъ женамъ мироносцамъ у гроба Господня. 21. Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа. 22. Сошествіе Святаго Духа.

Всѣ эти изображенія, состоящія изъ многихъ лицъ, вышиты довольно искусно и правильно, и хотя въ продолженіе 346 лѣтъ потерпѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденіе, впрочемъ большею частію сохранились въ цѣлости, и самый блескъ золота и серебра и цвѣтъ шелковъ не подверглись значительному измѣненію.

І. Диттель.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ Г. КАМЫШИНА.*

1692-го года отъ Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей казанскому губернатору, боярину и воеводѣ князю Михаилу Алексѣевичу Черкаскому, данъ былъ указъ—со всей казанской губерніи, изъ го-

(*) Помѣщаемый здѣсь матеріалъ полученъ мною отъ г. профессора Казанскаго университета В. Г. Варенцова въ спискѣ подъ заглавіемъ: «Дополнительныя свѣдѣнія къ исторіи града Камышина принадлежащія, отобранныя чрезъ преданія стариковъ, нынѣ въ градѣ живущихъ,» и съ поясненіемъ, что это дословный списокъ съ рукописи начала нынѣшняго столѣтія. Содержаніе его тѣмъ любопытнѣе, что подлинные акты, относившіеся до города Дмитріевска, которые хранились въ Камышинскомъ Окружномъ Судѣ, въ недавнее время сгорѣли. *Редакторъ.*

родовъ и уѣздовъ, собрать изъ станичныхъ полковъ и черносотенныхъ тысячу семей; по которому указу собрано съ рѣкъ: Волги, Камы, Вятки и Ветлуги,—въ уѣздахъ уржумскомъ, малмыжскомъ и другихъ, стрѣлецкихъ и черносотенныхъ погостовъ и жителей отъ семей тысячу душъ, кромѣ женъ и дѣтей, и часть изъ города. И въ то время пріѣхалъ изъ Москвы отъ Государя въ Казань въ губернаторы ближній бояринъ Петръ Самойловичь Салтыковъ и съ нимъ много московскихъ бояръ и стольниковъ, который губернаторъ осматривалъ новонабранный полкъ, который изъ стрѣлецкаго названъ коннымъ солдатскимъ Дмитріевскимъ полкомъ, потому что всѣ служилые люди просили казанскаго митрополита Тихона, архимандрита Геннадія, также губернатора и бояръ, чтобы прежнее полковое ихъ названіе осталося во имя святаго великомученика Димитрія Селунскаго, коего икона предпочтительно была уважаема, и, по взятіи Казани, оставлена съ хоругвею на оборону московскимъ людямъ отъ набѣговъ татарскихъ. Послѣ сего осмотру, перезимовавъ въ Казани и по другимъ селамъ и деревнямъ, а весною собравшись въ Казань, оный полкъ получилъ денежное жалованье, пищу и платье государево; позволено было оному лошадей, рухлядь, повозки продавать, а паче всего лошадей и всякій скотъ; въ то время во оный полкъ пожалованъ полковникомъ и воеводою изъ московскихъ бояръ Яковъ Бушъ, съ тѣмъ, чтобы ѣхалъ онъ съ нимъ на стругахъ внизъ по Волгѣ въ новопостроенный городъ Дмитріевскъ, который тогда такъ названъ былъ; потому дано оному пушекъ, ручнаго ружья, шпагъ, копьевъ, пороху, свинцу, ядеръ и всякаго запасу довольно; а воеводѣ и боярамъ даны отъ губернатора кортики, и пожалованы въ чины; митрополитъ же казанскій благословилъ въ путь съ нами попа Тимоѳѣя Никифорова съ причетомъ, при чемъ дано имъ три казенные колокола добраго звону, церковныя книги, св. иконы и денежное жалованье и кормомъ; а по слитіи большой на Волгѣ воды сказано имъ собираться на струга со всѣми семействами и животы и, кому гдѣ угодно будетъ, складываться въ общину по сотнямъ. И въ 1697-мъ году, на Ильинъ день, полковникъ и воевода Бушъ просилъ съ хорошими людьми (изъ коихъ были жители казанскіе съ Терентіемъ Калашниковымъ, Петромъ Остаховымъ съ товарищами, изъ Вятчанъ—Аѳанасіемъ Тонковымъ, Ѳедоромъ Мешиниковымъ, Яковомъ Костаревымъ и прочими) протопоповъ съ священниками отслужить

на стругахъ со св. иконами и съ честными крестами молебенъ Спасителю, Божіей Матери и Великомученику Димитрію, съ водосвятіемъ и благословеніемъ въ путь, равно чтобы, облекшись при томъ въ лучшія ризы, взяли бъ съ мощами честный крестъ и чудотворныя Казанскія Божія Матери образъ, коего однакожъ архимандритъ изъ церкви выносить возбранилъ, а вмѣсто онаго позволилъ взять мѣстную, со онаго списанную, икону, которая и нынѣ въ здѣшнемъ соборѣ хранится. По отпѣтіи молебна, духовныя особы позваны были въ судно подъ шатеръ выпить виноградного вина и отобѣдать; но обѣдѣ жъ начали ихъ поить. Между тѣмъ дали знать на всѣ струга:—когда выпалятъ изъ пушки, чтобы всѣ были готовы къ отплытію; въ другой разъ выстрѣлятъ, чтобы всѣхъ родныхъ, сродниковъ спущали на берегъ; а какъ въ третій разъ выстрѣлятъ изъ пушки, то бы подняли якорья и въ скорости плыли. Потомъ всѣ начали подъ шатромъ, большимъ, жалованнымъ воеводѣ бокаломъ, пить вино за здравіе Великаго Государя, губернатора, воеводы и прочихъ; а какъ далеко уже отплыли, то духовенство, которое о сей ихъ хитрости не знало, отвезли на берегъ, оставя всю церковную утварь на судахъ, говоря притомъ имъ, что «мы де не знаемъ и сами, куда ѣдемъ, а вы остаетеся дома и у васъ въ церквахъ ризницы богатыя». По прибытіи же къ городу Дмитріевску, который якобы начально по рѣчкѣ Камышенкѣ былъ также наименованъ Камышиномъ (говорятъ, якобы уже обрытъ валомъ въ сіе время, когда были шлюзы вверху Камышенки рыты для соединенія Иловли съ Волгою, а при Императорѣ Петрѣ І-мъ только были возобновлены, и по неудобности оставленъ и выстроенъ какимъ-то именуемымъ Посохою (*) служилыми людьми), 1697-го года сентября 26 дня, отслужа молебенъ, выбрались изъ струговъ въ новостроенный городъ, а потомъ поставили церковь (городъ же обрытъ уже былъ валомъ и вокругъ обнесенъ палисадомъ, а для выѣзда устроено было четверо воротъ); послѣ пріѣзда на третій годъ заложена во имя Казанскія Божія Матери каменная церковь, выстроена пониже окошекъ, коей знаки и по сіе время на томъ мѣстѣ видны; потомъ весною пріѣхалъ изъ Москвы бояринъ, какой-то генералъ (а какъ его звали—не упомнятъ) отъ Государя съ указомъ, чтобы воевода и на-

(*) Имѣя въ виду значеніе посохи въ древнихъ актахъ, мы сомнѣваемся, чтобы здѣсь подъ словомъ «посохою» слѣдовало разумѣть собственное имя. *Ред.*

большіе служилые люди при немъ обрили бороды и надѣли нѣмецкое платье, что и сдѣлали. По отбытіи сего генерала, приступили къ городу съ трехъ станицъ: бурлуцкой, неврюевской и черногаявской, казаки. Осадивъ оный за бритье бородъ и новые обряды, принятые воеводою Бушемъ и другими чиновниками, хотѣли въ конецъ раззорить, строеніе пожечь, а людей съ собою побрать; но какъ въ городъ попасть имъ было не можно, то стояли у онаго болѣе недѣли, и въ то время подговорили городскихъ воротниковъ, которые стояли на караулѣ у воротъ, ихъ пустить въ городъ; оныхъ же двѣнадцать человѣкъ, именно: Костарева и Поварова съ товарищи, обѣщались казаки взять съ собою, почему тѣ и пустили (ихъ) въ городъ въ ночное время. Тутъ казаки начали бунтовать—палить изъ ружьевъ, бить людей до смерти. Испугавшіеся же люди, всѣ жители, притаились, гдѣ кто могъ, а воевода уѣхалъ на островъ. Поутру оные казаки, собравъ всѣхъ жителей, спрашивали о воеводѣ; но какъ его не могли найти, то воеводшу посадили подъ караулъ на три дня, бритымъ людямъ головы рубили, а другимъ насыпали въ пазухи камни и бросали съ яру въ воду; иныхъ привязывали къ деревамъ, палили по нихъ изъ ружьевъ. Таковые буйственные поступки производили болѣе шести недѣль съ тѣмъ намѣреніемъ, покудова живущіе не приведутъ къ нимъ воеводу и не выйдутъ изъ города; когда же воевода былъ сысканъ и привезенъ съ острова, обросшій уже бородою, то хотѣли его казнить, но отъ того упросили казаковъ всѣ жители. Такимъ образомъ поступивъ съ ними, поселенцами, казаки сказали, чтобы впредь люди бородъ не брили, платья нѣмецкаго не носили, старой вѣры не перемѣняли и въ томъ Государя не слушали, а были бъ съ ними, казаками, заодно, въ чемъ и присягой насъ обязали всѣхъ; впрочемъ велѣли быть готовыми къ походу на Кубань; за симъ вышли изъ города, а съ ними и тѣ измѣнники ушли. Какъ же скоро оные казаки вышли вонъ, то граждане, заперши всѣ ворота, зарядили пушки и итти съ ними отказались; таковое укрѣпленіе Донскіе казаки видя и что уже обмануть города не возможно, отошли отъ онаго прочь. Послѣ того Саратовцы и Царицынцы узнали о семъ происшествіи, почему и писали Государю, что « новопостроеннаго города Дмитріевскаго служивые люди всѣ отъ тебя, Государь, отложились и согласились съ Донскими

казаками бѣжать на Кубань и тебя, Государь, ни въ чемъ не слушать.» По которому доносу изъ Астрахани судномъ пріѣхалъ князь Дмитрій Ивановичь Хованскій съ командою, и съ нимъ было три тысячи Калмыкъ; по пріѣздѣ же къ берегу города Дмитріевска далъ о пріѣздѣ своемъ знать, что онъ присланъ по указу Государеву, которымъ велѣно за измѣну весь городъ сжечь, вырубить и уничтожить, а имѣніе ихъ отдать въ добычю Калмыкамъ. Въ сіе время воевода со всѣми людьми, взявъ св. образа со крестами и сошедъ на берегъ, просили князя отъ нихъ выслушать вину, на что князь Хованскій и согласился; тогда всѣ пали на колѣна, а воевода началъ вину разсказывать слѣдующимъ образомъ: что мы отъ Государя не отказывались ни въ чемъ, ни измѣны не дѣлали, а когда Донскіе казаки забунтовали и пришли къ городу, то подговорили караульныхъ воротниковъ, кои отперли имъ ворота и тихонько въ городъ впустили въ ночное время, о чемъ изъ насъ никто не могъ знать; ворвавшись же въ городъ, они насъ рубили, грабили и прочія неистовства надъ нами чинили; отъ сего страха будучи не въ состояніи, принужденными нашлися дать по неволѣ имъ присягу, чтобы Государя ни въ чемъ не слушать, и прочее. Тогда князь приказалъ всѣмъ встать и пошелъ въ городъ осматривать крѣпость и казенныя вещи. Калмыки же со степи подошедъ къ городу въ множественномъ количествѣ, просили князя, чтобы онъ велѣлъ имъ взойти въ городъ, но князь имъ въ томъ отказалъ; на третій день послѣ сего князь объявилъ воеводѣ всѣмъ служивымъ людямъ милость, почему и простилъ ихъ отъ истребленія. Но поелику Калмыки кричали, чтобы городъ, за измѣну Государю, отдать имъ въ добычу, упрекая князя якобы полученными отъ гражданъ взятками, то и начали въ городъ стрѣлять стрѣлами и уязвлять народъ; (то) ко усмиренію ихъ приказалъ князь палить по нихъ изъ пушекъ изъ города, чѣмъ и отогналъ ихъ прочь. За тѣмъ, чтобы не нарушено было повелѣніе Государя о истребленіи онаго города, приказалъ князь Хованскій поселиться гражданамъ на другой сторонѣ рѣчки Камышенки, гдѣ и теперь оный (городъ) находится. Въ семъ мѣстѣ сначала было мѣсто болотное, камышемъ и густымъ лѣсомъ обросшее, въ которомъ мѣстѣ, надъ берегомъ рѣки Волги, неизвѣстно кѣмъ, сдѣлана деревянная

часовня и въ ней троекратно изъ стараго города изъ церкви, передъ бунтомъ, являлся полковый образъ Димитрія святаго великомученика, который съ молебствіемъ обратно переносимъ былъ въ церковь; въ старомъ же городѣ жительства имѣлося семь лѣтъ, потомъ переселилися на сіе мѣсто; сперва жили въ шалашахъ и землянкахъ, въ которое время многіе терпѣли татарскіе набѣги, раззоренія и увезены были ими люди; за симъ не только служилые, но ихъ жены и дѣти рыли около города ровъ й высыпали валъ съ полисадникомъ, и больгарками (фольверками) устроивали, а для пушекъ сдѣлали четверо воротъ, первыя, называемыя волскія, гдѣ была часовня и послѣ поставлена отъ той недалеко пятиглавая деревянная во имя святаго великомученика Димитрія церковь, которая почти со всѣмъ городомъ, въ бывшій, 1740-го года, такъ называемый двойниковъ пожаръ, сгорѣла въ новомъ городѣ, а вторая ревизія началась, вмѣстѣ когда зачалась строиться каменная соборная церковь въ крѣпости города къ устьямъ рѣчки Камышенки и названа Соборомъ; а деревянная церковь во имя Казанской Божія Матери перенесена на фурштатъ; вмѣсто же погорѣлой во имя св. Димитрія, въ 778-мъ году, сооружена каменная церковь на томъ же мѣстѣ казакомъ Ососомъ Савиновымъ. Сказавъ о первыхъ воротахъ, надлежитъ помянуть и о прочихъ; и такъ вторыя были на Камышенку, гдѣ теперь ввозъ и пристань лодкамъ; четвертыя, называемыя Петровскими — гдѣ живетъ купецъ Петръ Гончаровъ; такимъ образомъ укрѣпленъ былъ сей городъ. Въ одно время, когда еще городъ не былъ укрѣпленъ, великое число изъ-за Кубани татарскія орды къ городу приступило; то(гда) на другой день явился въ стану татарскомъ святый великомученикъ Димитрій въ видѣ воина на конѣ, говоря князьямъ и всѣмъ Татарамъ, для чего они пришли и нападаютъ на его градъ и полкъ, «я де вамъ въ обиду его не дамъ;» Кубанцы же сколько ни старались его схватить, но не могли, ибо были тотчасъ поражены слѣпотою, отчего сами себя вмѣсто Русскихъ кололи и рубили другъ друга; граждане же, видя такое надъ ними приключеніе, вышли изъ города и ихъ прогнали, кололи и въ плѣнъ живыхъ брали, и когда спросили взятыхъ въ плѣнъ Татаръ, отъ чего они сами себя рубили,—на что Татары отвѣчали имъ, что сказано было, когда хотѣли взять

городъ, то кругомъ объѣзжалъ городъ вашъ русскій Богъ Димитрій, какъ онъ самъ намъ сказалъ свое имя, и насъ всѣхъ ослѣпилъ. Притомъ распрашивали Татаръ, какого онъ виду, росту, волосами и лицемъ, то они отвѣчали, что онъ человѣкъ молодой, кудрявый и высокій ростомъ; за симъ показали имъ его икону,—которые точно утверждали, что дѣйствительно сей самый оное производилъ чудо. Болѣе сего чуда великомученика Димитрія въ разсужденіе града не происходило никакого явленія. Другія же происшествія, къ городу принадлежащія, суть слѣдующія: первая перепись была въ городѣ 1719 года, вообще всѣхъ граждапъ, между коими четыре души было купцовъ, именно Петръ Мотушкинъ, Андрей Булатовъ, Гордей Харчевниковъ съ сыномъ. Въ 1722 году ѣхалъ Государь Петръ Алексѣевичь въ Персію и взялъ съ собою изъ полка 40 человѣкъ въ гребцы своей шлюпки, изъ коихъ возвратилось только двое, Тоньковъ и Кока, а прочіе всѣ въ Персіи померли. Въ сіе же самое время Государь Петръ Первый объявилъ свой гнѣвъ на онаго князя Шаховскаго, спрашивая съ нимъ бывшихъ, для чего онъ перевелъ съ прежняго на сіе мѣсто городъ? И какъ ему всѣ граждане въ оправданіе сказали вышеупомянутую причину, то онъ спросилъ, живъ ли оный князь, а какъ донесли, что онъ померъ, то изволилъ сказать: «ежели бъ онъ былъ живъ, то велѣлъ бы его повѣсить на томъ мѣстѣ,» а притомъ изволилъ приказать для удобнѣйшаго сбереженія города полкъ Дмитріевскій раздѣлить на двое: одной части по прежнему солдатами быть неотлучно въ городѣ, а другой части быть казаками и чинить разъѣздъ. Въ 1736 году изъ сихъ служилыхъ людей по отставкѣ нѣкоторые поступили въ купцы, посадскіе и по мастерству въ цехи, числомъ всѣхъ 168 человѣкъ. Вторая же ревизія, называемая Гришичкина, началася съ 1740-го года и продолжалась до 1742-го года; третія ревизія 1769 г.; въ сихъ двухъ ревизіяхъ изъ разныхъ мѣстъ стекшихся людей приписали въ бобыли, а въ 1768 г. и 1769 г. полковникомъ и комендантомъ Касперомъ Мерлинымъ сдѣланы въ городѣ мостовыя, на Волгу взвозы, а въ Кремлѣ крѣпость съ батареями, полисадомъ, воротами и башнею, казенный домъ, канцелярія, каменный винный выходъ и гаубтвахта. Въ 1770 году, зимою, въ луговой сторонѣ бѣжали Калмыки и Волгу въ зимнее время переѣзжали льдомъ не болѣе трехъ недѣль, въ

коемъ году, въ городѣ, по осени былъ селиверстовъ пожаръ; въ 1771-мъ году и 1772 г. было моровое повѣтріе, карантины, и торгъ людямъ былъ внѣ города, и въ тожъ время чинены были поиски отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ, и въ осторожность за городомъ, въ особомъ мѣстѣ, сдѣланы были для пушекъ три раската и кругомъ рогатки въ виду крѣпости. Въ 1773-мъ году запрещено, по причинѣ заразы, при церквахъ хороненіе мертвыхъ тѣлъ, уничтоженъ убогій домъ и отведено подъ кладбище мѣсто, на коемъ выстроена во имя святаго Николая деревянная церковь; въ 1774 году августа 13 и 14 дня былъ Пугачевъ въ городѣ и убилъ коменданта Мерлина; въ 1795 году былъ кулкинъ пожаръ, набережный, а въ 1800 году былъ послѣдній пожаръ горбуновскій. (Разсказъ о) прочихъ случаяхъ, яко маловажныхъ, оставляется, чѣмъ и исторія, по изустному отъ стариковъ преданію, оканчивается.

ОФИЦІАЛЬНАЯ БУМАГА Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Олонецкому Намѣстническому Правленію отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Правителя Намѣстничества.

Предложеніе.

Въ Высочайшихъ о управленіи губерніи учрежденіяхъ въ статьѣ 102 предписано: во время отлучки изъ губерніи главнокомандующаго отправлять губернатору свою должность по даннымъ ему наказамъ; въ наставленіи 1764 года апрѣля 21 дня наименованъ губернаторъ главою, хозяиномъ и опекуномъ врученной ему губерніи; гдѣ между прочимъ возложено на него имѣть смотрѣніе за всѣми въ губерніи находящимися правительствами, чтобъ наблюдался во всѣхъ оныхъ законъ и правосудіе и чтобъ ни знатность вельможъ, ни сила богатствъ совѣсти и правды не помрачали и не притѣсняли бы бѣдность, и невинность разныхъ дѣлъ проволочками, привязками и нападками. Хотя нынѣшнее настоящее отсутствіе изъ

губернскаго города его высокопревосходительства правящаго должность генералъ-губернатора и не можетъ почитаться совершенною отлучкою его изъ губерніи, слѣдовательно и власть губернатора, въ сходствіе Высочайшаго учрежденія главы IV, въ присутствіи главнокомандующаго, принимая другой видъ хотя дѣйствуетъ съ неменшею прежняго силою, но чрезъ Намѣстническое Правленіе, по силѣ Высочайшихъ учрежденій главы V, при всемъ томъ однако, наипаче въ нечаянныхъ и скораго рѣшенія требующихъ случаяхъ, какъ-то и въ защищеніи притѣсненныхъ, съ просьбою къ губернатору прибѣгающихъ, не менѣе онъ долженъ находить себя обязаннымъ и собственнымъ своимъ лицомъ, яко хозяинъ ввѣренной ему губерніи, не отказывать никому помощи своей; а напротивъ того елико возможно удобнѣйшими средствами доставлять каждому законами дозволенное удовольствіе. На семъ основаніи расположенъ будучи управлять губерніею, въ сходствіе Генеральнаго Регламента главы XX, позволилъ я къ себѣ входъ во всякое время каждаго состоянія людямъ, не съ тѣмъ, чтобъ принимать ненужныя дѣла челобитчиковъ, но чтобъ ускорять по службѣ приказаніями и помощію утѣсненнымъ. По поводу такого открытаго и ревностнаго исполнить мой долгъ поведенія, минувшаго генваря въ послѣднихъ числахъ, пришедъ ко мнѣ Петрозаводскій мѣщанинъ Исай Стахіевъ сынъ Мартьяновъ съ огорченнымъ видомъ и слезами просилъ, чтобъ защитить его отъ угнетенія Петрозаводскаго Городоваго Магистрата, для того, что онъ ему въ нетерпящемъ времени случаѣ отъѣхать въ С.-Петербургъ по промысламъ своимъ безъ всякой законной причины не дозволяетъ и не даетъ пашпорта; чрезъ что, будучи обязаннымъ мраморною работою Исакіевской церкви, находится въ крайней опасности повергнуть въ неизбѣжный убытокъ свои и казенные интересы. Дабы повелѣніемъ подать писменное въ Намѣстническое Правленіе челобитье не промедлить доставить ему удовольствіе, побудился я послать въ реченной Магистратъ отъ себя секретаря и сказать тамошнимъ присутствующимъ, чтобъ сдѣлали просителю немедленное удовлетвореніе. Напротивъ чего, чрезъ того жъ секретаря получилъ отвѣтъ, что одинъ изъ судей будетъ ко мнѣ съ объясненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ пришелъ бургомистръ Каратяевъ. По многимъ возраженіямъ, что отпустить означеннаго мѣщанина не можно, по касающимся до него въ Магистратѣ

дѣламъ, наконецъ удостовѣрилъ меня, что по просьбѣ всѣхъ купеческихъ и мѣщанскихъ отцевъ, сдѣлано въ Магистратѣ опредѣленіе, дабы безъ письменныхъ отъ нихъ доношеній, изъявляющихъ на отпускъ дѣтей ихъ согласіе, никого никуда для промысловъ не отпускать, слѣдовательно его Мартьянова за тѣмъ опредѣленіемъ и отпустить способа не находитъ. Странны показались мнѣ таковыя узы для обращающихся въ коммерціи; но страннѣе бы съ моей стороны было то, ежели бы я чрезъ положеніе, присутственнымъ мѣстомъ учиненное, предпріялъ самовластно настоять объ отпускѣ просителя. А хотя увѣренія его и утверждали, что таковаго опредѣленія совсѣмъ нѣтъ, и чтобъ я послалъ кого сдѣлать тому свидѣтельство, однако, сохраняя во всей силѣ важность судейскаго голоса, избраннаго по особливой Монаршей щедротѣ своими собратіями, судить себѣ подобныхъ, охотно я повѣрилъ донесеніямъ бургомистра, не подозрѣвая въ лицѣ его пристрастія, или тѣмъ менѣе какого либо обмана. Въ слѣдствіе чего приказалъ я просителю, чтобъ онъ на отпускъ его предъявилъ Магистрату отца своего согласіе, тогда и будетъ отпущенъ. Къ удивленію моему чрезъ нѣсколько дней дошло до свѣдѣнія моего, что въ самомъ дѣлѣ реченнаго постановленія въ Магистратѣ нѣтъ и никогда дѣлано не бывало. Дабы обнаружить таковой дерзновенной поступокъ бургомистра, велѣлъ я ему, чтобъ онъ показалъ мнѣ объявленное имъ опредѣленіе. Во исполненіе чего 11 числа сего мѣсяца принесъ онъ ко мнѣ, вмѣсто опредѣленія, прилагаемую при семъ экономическаго крестьянина Степана Леонтьева челобитную и выписку изъ законовъ: 1) о нераздѣльныхъ съ отцами дѣтяхъ, чтобъ въ займѣ денегъ не вѣрить; 2) что въ похищенныхъ изъ казны деньгахъ нераздѣльныя дѣти отъ платежа не изъемлются: чѣмъ самымъ и чтился мнѣ паки доказать прежднее свое объ отпускѣ мѣщанина упорство. Разсмотря челобитную и нашедъ её по помѣтѣ поданную въ Магистратъ 1783 года февраля 28 дня подъ № 204, по которой что сдѣлано неизвѣстно, а только изъ нее видно, что реченный крестьянинъ просилъ, чтобъ сына его безъ согласія въ мѣщанство не записывать и не дѣлать ему въ займѣ денегъ довѣренности; а не то, чтобъ кто изъ купцовъ или мѣщанъ приносилъ просьбу о неувольненіи для купеческихъ промысловъ дѣтей безъ согласія отцовъ ихъ. Примѣтя же изъ сего очевидную къ угнете-

нію мѣщанина Мартьянова привязку, учиненную ему Магистратомъ напрасную волокиту, приказалъ я его, ежели какихъ другихъ въ Магистратѣ до него дѣлъ нѣтъ, отпустить. А Намѣстническому Правленію предлагаю: не разсудитъ ли оное за благо Петрозаводскому Городовому Магистрату предписать: 1) чтобъ онъ отъ таковыхъ недѣльныхъ лишающихъ удовольствія просителей препятствій всемѣрно остерегался; 2) на бургомистра Каратяева за его дерзостную поступку и ложное начальнику донесеніе наложить по законамъ пеню, которой хотя съ одной стороны и подходитъ подъ судъ по Генеральному Регламенту главы 50 пунктъ 2-й, но съ другой удобно извиняетъ новое вступленіе его въ должность, и что будучи никогда неупражденнымъ въ отправленіи судебныхъ должностей легко могъ не вѣдать тягость закона, претящаго приходить со лживыми рапортами къ своимъ начальникамъ и при томъ что дѣло сіе челобитчиково; 3) чтобъ впредь не притязалъ онъ, въ противность 1722 года апрѣля 17 дня указа и прочихъ узаконеній, такихъ въ выпискахъ законовъ, которые къ прямому существу дѣла нейдутъ, по единственному развѣ только уваженію, что ежели онъ ихъ не въ производство самаго дѣла употребилъ, а принесъ только къ увѣренію Губернатора, что якобы за силою оныхъ отпустить мѣщанина не можно, приказать шесть мѣсяцевъ въ каждый субботній день магистратскому стряпчему читать ему Высочайшія узаконенія и толковать оныя, дабы поученіе сіе могло ему послужить на предбудущее время въ спасительное средство избѣгать отъ вящщаго наказанія за преступленіе законовъ и утѣсненіе челобитчиковъ; 4) извѣстить о семъ происшествіи всѣ присутственныя мѣста губерніи на тотъ конецъ, дабы всѣ чины, отправляющіе какіе либо должности, вѣдали, что ихъ донесенія, относящіяся къ Высочайшей службѣ, въ партикулярныхъ письмахъ или словесно дошедшія, удобны иногда приниматься за формальныя, ибо хотя словесное донесеніе по существу своему въ случаѣ какихъ либо дальнѣйшихъ о дѣлѣ изслѣдованій и не можетъ служить яснымъ доказательствомъ; но избранные въ чины люди и честію судить другихъ удостоенные предполагаютъ уже довѣренностію, имъ законами сдѣланною, словамъ своимъ такую вѣроятность, на которой иногда основываясь начальство обязано принимать тѣ или другіе мѣры; почему при репортахъ своихъ всѣ чиновники наипаче пом-

нить должны свою присягу и ничего никогда не доносить несправедливаго; а напротивъ того: 5) дабы и мнѣ, яко управляющему губерніею, заслужить отъ всѣхъ чиновъ твердое надѣяніе, что доненія ихъ, хотя бы они были приказаніямъ моимъ противорѣчущія и изобличающія противъ Высочайшихъ законовъ и истинны мои какія либо поступки, то могутъ не токмо господа прокуроры и стряпчіе по ихъ обязанности и всякой проситель пріити ко мнѣ во всякое время и сказать безстрашно мои ошибки, что̀ ежели справедливо, то не токмо съ снисхожденіемъ и благодарностію принято будетъ, но елико можно исправлено, а чего уже исправить нельзя, то съ уничижительнымъ благоговѣніемъ не устыжусь я принести мое извиненіе поставленной надо мною вышней власти и впредь исправлюсь. 1785 года февраля 16 дня.

Гавріилъ Державинъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ОБЪ ИЗДАНІИ ЛѢТОПИСЕЙ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ *.

Извѣстіе Ваше о желаніи Юрьевскаго Общества Сельскаго хозяйства приступить къ изданію нашихъ лѣтописей для народнаго чтенія, и тѣмъ содѣйствовать скорѣйшему распространенію въ низшихъ классахъ грамотности — меня чрезвычайно обрадовало.

(*) Въ 1-й книгѣ «Архива» помѣщена была замѣтка подъ заглавіемъ: «Одна изъ мѣръ къ распространенію грамотности,» въ которой указано на мысль князя М. А. Оболенскаго объ изданіи лѣтописей для народнаго чтенія. Эта мысль нашла живое сочувствіе въ Юрьевскомъ Обществѣ Сельскаго хозяйства, котораго Президентъ отнесся ко мнѣ съ вопросомъ: какая изъ лѣтописей можетъ быть признана наиболѣе удобной для этой цѣли и о томъ какъ лучше привести ее въ исполненіе. Я почелъ долгомъ сообщить такое желаніе Общества князя М. А. Оболенскому и получилъ отъ него въ отвѣтъ помѣщаемое здѣсь письмо. Съ своей стороны, по его указанію, я предлагаю отчетъ о лѣтописныхъ сборникахъ съ картинами, находящихся въ настоящее время въ Археографической Коммисіи, съ означеніемъ какіе изъ нихъ были напечатаны. Обстоятельными свѣдѣніями въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ я обязанъ А. Ѳ. Бычкову. *Редакторъ.*

Мысль эта много занимала мой досугъ, и, признаюсь, видѣть ея исполненіе на дѣлѣ для меня дорого.

Что касается этого безспорно-важнаго и обще-полезнаго предпріятія, то, по моему мнѣнію, всего лучше начать его изданіемъ той лѣтописи, украшенной рисунками, которая, сколько припомню, была доставлена въ Археографическую Коммисію изъ Синодальной библіотеки и въ недостававшихъ своихъ частяхъ пополнена изъ другихъ древлехранилищъ. При знакомствѣ моемъ съ однимъ томомъ этой лѣтописи, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ, будучи ею заинтересованъ, я тогда же поручилъ изготовить для себя политипажъ съ одного ея рисунка. Означенный политипажъ прилагаю при семъ, думая, что по этому образцу не трудно будетъ Вамъ отыскать въ Археографической Коммисіи самую рукопись, съ которой онъ заимствованъ. Вѣроятно, Вы не излишнимъ сочтете приложить снимки съ этого политипажа при Вашемъ журналѣ съ необходимыми замѣчаніями объ означенномъ рукописномъ лѣтописцѣ и о важности издать его для народнаго чтенія. Простолюдинъ русскій любитъ, чтобы текстъ нагляднымъ образомъ пояснялся ему въ рисункахъ: таковы всѣ лубочныя изданія, столько любимыя народомъ и столько распространенныя въ его средѣ,—изданія, гдѣ съ текстомъ наряду находимъ и картинки, изображающія то, о чемъ повѣствуетъ самое сказаніе.

Примите увѣреніе, и проч.

К. М. Оболенскій.

Москва,
27 февраля 1859 г.

О ЛѢТОПИСНЫХЪ СБОРНИКАХЪ СЪ КАРТИНАМИ

въ Археографической Коммиссіи.

Въ числѣ рукописей, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстъ въ Археографическую Коммиссію для изданія ею лѣтописей, находятся слѣдующія пять, въ коихъ къ тексту присоединены разрисованныя красками картины, служащія поясненіемъ описываемыхъ въ немъ событій:

1) Рукопись, принадлежащая Императорской Публичной Библіотекѣ (см. рукоп. каталога этой библіотеки F, Отд. IV, № 233). Она писана полууставомъ XVII вѣка, въ листъ, на 1005 листахъ. Начинается 1116 (6624) годомъ; оканчивается 1251 (6759). Начало въ ней утрачено; въ срединѣ также недостаетъ многихъ листовъ. Принадлежала нѣкогда С.-Петербургскому купцу Ивану Лаптеву.—Не напечатана.

2) Рукопись, принадлежащая библіотекѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, подъ названіемъ Остермановской. Она писана полууставомъ XVII вѣка, въ листъ, въ 2 частяхъ, переплетенныхъ каждая отдѣльно; въ первой изъ нихъ 1583 листа, во второй 1767 листовъ. Начинается 1254 (6762) годомъ; оканчивается 1424-мъ (6932). Бывъ найдена въ комнатной библіотекѣ Императрицы Екатерины II, она напечатана, по Ея повелѣнію, въ С.-Петербургѣ, въ 1774 и 1775 годахъ, въ двухъ же частяхъ, въ 4-ку, подъ названіемъ «Древняго лѣтописца».

3) Рукопись, принадлежащая Московской Синодальной (бывшей Патріаршей) библіотекѣ. Она писана полууставомъ XVII вѣка, въ листъ, на 626 листахъ. Начинается 1535 (7043) годомъ; оканчивается 1567 (7075). Изъ этой рукописи (см. л. 21) заимствованъ прилагаемый при семъ снимокъ, сообщенный мнѣ княземъ М. А. Оболенскимъ: на немъ изображены великая княгиня Елена Глинская и малолѣтній Іоаннъ Грозный, выслушивающіе навѣты на Старицкаго князя Андрея. Подъ этой картиной помѣщенъ слѣдующій относящійся къ ней текстъ лѣтописи: Въ лѣто 7045-е (т. е. 1537), по дьяволю дѣйству и лихихъ людей возмущеніемъ, оучини-

ша великому князю замятню: начяша вадити великому князю и его матери великой княгинѣ на князя на Ондрѣя, что князь Ондрѣй на великаго князя и на его матерь на великую княгиню гнѣвъ держитъ, что ему вотчины не придали, а хочетъ бѣжати».—Не напечатана.

4) Рукопись, принадлежащая Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ (см. рукописнаго каталога этой библіотеки F. Отд. IV, N 225), куда поступила вмѣстѣ съ другими рукописями изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго, въ каталогѣ котораго значится Отдѣл. I подъ N 407. Она писана полууставомъ XVII-го вѣка, въ листъ, на 1035 листахъ. Начинается 1114 (6622) годомъ; оканчивается 1472-мъ (6980). Принадлежала нѣкогда Архангельской библіотекѣ князя А. Д. Голицына, какъ видно изъ находящейся на первомъ листѣ ея помѣты. Это та самая рукопись, которая была напечатана въ 1772 году, въ С.-Петербургѣ, княземъ Щербатовымъ подъ заглавіемъ: «Царственный лѣтописецъ», въ 4-ку, на 439 страницахъ.

5) Рукопись, принадлежащая Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ (см. рукописнаго каталога этой библіотеки F. Отд. IV, N 232), которой принесена въ даръ, въ 1814 году, Томскимъ купцемъ Меѳодіемъ Шумиловымъ. Она писана полууставомъ XVII вѣка, въ листъ, на 986 листахъ. Начинается 1472 (6980) годомъ; оканчивается 1533-мъ (7401).—Не напечатана.

6) Кромѣ этихъ рукописей извѣстенъ еще одинъ лѣтописный сборникъ, напечатанный княземъ Щербатовымъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1769 году (въ 4-ку, на 347 страницахъ) подъ названіемъ: «Царственная книга, то есть лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061, напечатанъ съ письменнаго, которой сысканъ въ Москвѣ въ Патріаршей библіотекѣ.» Слѣдовательно, въ немъ описана только часть событій царствованія Грознаго, начиная съ 1534 года по 1553-й.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ изчисленныхъ рукописей и печатныхъ изданій и сличенія ихъ между собою оказывается, что рукописи, приведенныя подъ NN 4 и 5 и напечатанная княземъ Щербатовымъ подъ названіемъ «Царственная книга» (N 6) составляютъ одинъ лѣтописный сборникъ, который начинается 1114 годомъ и окан-

чивается 1553. Изъ него напечатаны двѣ части, именно событія съ 1114-го по 1472 (см. выше N 4) и съ 1534-го по 1553-й годъ (см. выше N 6), а промежутокъ времени между 1472 годомъ и 1533 включительно, описанный въ Шумиловской рукописи Публичной библіотеки, еще не былъ изданъ. Синодальная рукопись, съ событіями 1535 года по 1567 (см. выше N 3) очень близко подходитъ къ послѣдней части этого сборника, напечатанной княземъ Щербатовымъ (см. N 6) и судя по его тексту содержитъ тѣ же самыя картины, но идетъ далѣе, именно до 1567 года; впрочемъ, отличается отчасти и редакціей. Другой сборникъ, имѣющій свою особенность и въ отношеніи къ картинамъ, составляютъ рукописи Остермановская (Академическая) и Лаптевская (Публ. библіот.) (см. NN 1 и 2). Этотъ сборникъ, начинаясь 1116 годомъ, простирается до 1424-го; но имѣетъ промежутокъ на два года (съ 1252-го по 1254-й), который, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Остермановской рукописи есть въ концѣ нѣсколько бѣлыхъ листовъ, которые могли быть въ свое время не дописаны. Какъ тотъ, такъ и другой сборникъ раздѣленъ на отдѣльныя части, потому что иначе, по ихъ громадности, ихъ было бы невозможно переплести (*).

Имѣя въ виду эти данныя, мы полагаемъ, что мысль князя М. А. Оболенскаго слѣдуетъ привести въ исполненіе изданіемъ каждаго сборника въ отдѣльности. Не смотря на то, что нѣкоторые года изъ того и другаго уже были изданы, необходимо напечатать ихъ вновь съ одной стороны на томъ основаніи, что въ прежнихъ изданіяхъ картины всюду опущены и замѣнены буквою К., слѣдоват. для публики, которую разумѣетъ князь Оболенскій, въ нихъ недостаетъ самаго существеннаго, а съ другой стороны потому, что нѣкоторые листы, невѣрно переплетенные въ подлинныхъ рукописяхъ, въ томъ же самомъ порядкѣ и напечатаны, отчего текстъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣшанъ и спутанъ; наконецъ самый шрифтъ прежнихъ изданій ни въ какомъ случаѣ не удо-

(*) Въ отношеніи къ тексту напечатанныхъ доселѣ лѣтописей съ картинами уже князь Щербатовъ и Шлецеръ полагали, что онъ составляетъ одно сочиненіе. Мнѣніе ихъ теперь оправдалось. Что касается до самой его редакціи, то, по свидѣтельству А. Ѳ. Бычкова, это текстъ Никоновской лѣтописи, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками и добавленіями.

влетворяетъ не только требованіямъ князя Оболенскаго (который, какъ извѣстно, признаетъ необходимымъ печатать лѣтописи для народнаго чтенія Кириловскими буквами), но и вообще тѣмъ условіямъ, какихъ необходимо держаться въ отношеніи къ книгамъ, назначаемымъ для простолюдиновъ. Столь же мало прежнія изданія соотвѣтствуютъ требованіямъ ученыхъ и спеціалистовъ, для которыхъ также присоединеніе къ тексту картинъ было бы неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ по той важности, какую они несомнѣнно представляютъ для изученія всей внѣшней обстановки нашихъ предковъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія XVII столѣтія, когда эти картины были составлены.

Н. КАЛАЧОВЪ.

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ,

ВОЗНИКАЮЩІЕ ПО ДУХОВНЫМЪ ЗАВѢЩАНІЯМЪ.

VII *.

Если завѣщатель составилъ одно послѣ другаго два завѣщанія, изъ коихъ вторымъ отмѣнилъ первое, то одна отмѣна или недѣйствительность послѣдняго завѣщанія сама по себѣ должна ли имѣть послѣдствіемъ возстановленіе силы перваго?

А составилъ въ 1830 году домашнее завѣщаніе на благопріобрѣтенное имѣніе въ пользу одного лица; потомъ въ 1842 году составилъ другое, которымъ тоже самое имѣніе назначилъ въ пользу другаго лица. По смерти завѣщателя оба завѣщанія представлены къ явкѣ отъ лицъ, въ рукахъ коихъ хранились. Послѣднее завѣщаніе, писанное чужою рукою на нѣсколькихъ листахъ, оказалось не скрѣпленнымъ по листамъ и потому не могло быть принято въ явку. Слѣдуетъ ли за тѣмъ принять въ явку первое завѣщаніе, составленное по формѣ?

Домашнее завѣщаніе можетъ быть уничтожено домашнимъ же порядкомъ, то есть или посредствомъ истребленія самаго акта, если онъ находится въ рукахъ завѣщателя, или посредствомъ составленія другаго домашняго завѣщанія. Если первое завѣщаніе не истреблено и существуетъ, то для того, чтобы признать его уничтоженнымъ по волѣ завѣщателя, необходимо имѣть въ виду другой актъ, имѣющій одинаковое значеніе съ первымъ, актъ, въ которомъ выражалась бы законнымъ порядкомъ эта отрицательная воля. Если такого акта нѣтъ, то предъ лицомъ закона останется дѣйствительнымъ наличное завѣщаніе. Въ приведенномъ случаѣ нѣтъ такого акта; второе завѣщаніе не можетъ имѣть законной си-

(*) Первыя шесть статей помѣщены въ приложеніи къ книгѣ 1, отд. 1.

лы, не можетъ служить законнымъ удостовѣреніемъ воли, потому что признается недѣйствительнымъ и не подлежитъ явкѣ по неформальности. Мѣсто, совершающее явку, имѣетъ передъ собою два акта, изъ коихъ одинъ не можетъ быть принятъ во вниманіе, а другой представляетъ всѣ качества законнаго завѣщанія: оно не въ правѣ сравнивать между собою оба акта по содержанію ихъ и по взаимному отношенію, не въ правѣ входить въ разсмотрѣніе того, *который изъ двухъ* долженъ получить исключительную силу: такое разсмотрѣніе есть уже дѣло суда, а не явки. При явкѣ каждый актъ разсматривается самъ по себѣ въ отдѣльности, и если составленъ по формѣ, если удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ закона, долженъ быть свидѣтельствуемъ безостановочно. На этомъ основаніи первое завѣщаніе А будетъ оставлено безъ удостовѣренія, а второе должно быть принято къ явкѣ.

Распоряженія, помѣщенныя во второмъ завѣщаніи А, безъ сомнѣнія, не могутъ получить ни въ какомъ случаѣ дѣйствительной силы: лица, въ пользу которыхъ оно было составлено, безвозвратно теряютъ права свои, на немъ основанныя. Но положимъ, что законный наслѣдникъ завѣщателя А, лишенный первымъ завѣщаніемъ всякаго права на благопріобрѣтенное имѣніе завѣщателя, желаетъ доказать недѣйствительность этого завѣщанія. Можетъ ли въ такомъ случаѣ второе завѣщаніе, не имѣющее никакой *завѣщательной* силы, быть принято на судѣ въ видѣ письменнаго доказательства о томъ, что завѣщатель отмѣнилъ первую свою волю, уничтожилъ свое распоряженіе о благопріобрѣтенномъ имѣніи? Не можетъ. 1) Для гласной отмѣны домашнихъ завѣщаній по закону существуетъ одинъ только способъ—составленіе новаго завѣщанія (1030 ст. Зак. Гр.), слѣдовательно доказательствомъ отмѣны наличнаго завѣщанія можетъ быть принято только другое *наличное же* завѣщаніе. Для завѣщательнаго распоряженія Законъ назначилъ опредѣленную форму, столь необходимо связанную съ содержаніемъ, что внѣ этой формы невозможно и представить себѣ *въ общемъ* законномъ смыслѣ (*) никакого завѣщательнаго дѣйствія. Этой формы не можетъ замѣнить никакое судебное доказательство, ни письменное, ни по-

(*) Говоримъ въ *общемъ* смыслѣ, потому что Законъ допускаетъ въ немногихъ случаяхъ исключеніе изъ общей формы завѣщаній (наприм. см. 1024 ст. Зак. Гражд.).

средствомъ свидѣтелей. Письмо или свидѣтельское показаніе можетъ удостовѣрить, что завѣщатель имѣлъ желаніе, выразилъ свое намѣреніе уничтожить свое завѣщаніе либо замѣнить его другимъ; но привелъ ли онъ это намѣреніе въ исполненіе, выразилъ ли онъ свою волю? положительный отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только актъ, облеченный въ законную форму завѣщанія. 2) Только то завѣщаніе можетъ почитаться подлиннымъ, которое явлено гдѣ слѣдуетъ и записано въ книгу; слѣдовательно второе завѣщаніе А, не принятое къ явкѣ, не должно почитаться *подлиннымъ* выраженіемъ его воли; а можетъ ли быть принятъ за доказательство такой актъ, въ которомъ недостаетъ существеннаго условія подлинности? 3) Еслибъ и возможно было доказать вторымъ завѣщаніемъ А несомнительную волю его уничтожить первое завѣщаніе, то уже вовсе нельзя было бы извратить смыслъ этой воли, толкуя ее на основаніи того же акта въ пользу законныхъ наслѣдниковъ. Уничтожить свое завѣщательное распоряженіе и замѣнить его другимъ вовсе не одно и тоже. Положительная воля совсѣмъ не то, что воля отрицательная. Сказать: «я не хочу этого» не значитъ еще сказать: «я хочу того или другаго.» Волю, изложенную во второмъ завѣщаніи, не возможно дѣлить на двѣ независимыя части: если здѣсь въ одномъ моментѣ выразилось намѣреніе уничтожить прежнюю волю не просто, *а съ тѣмъ, чтобы объявить новую*, то, отдѣливъ одно отъ другаго, мы тѣмъ самымъ произвольно истолковали бы цѣлое намѣреніе. Недѣйствительнымъ признано цѣлое завѣщаніе, слѣдовательно исчезаетъ цѣлое выраженіе воли завѣщателя, и одна часть ея отдѣльно отъ другой не можетъ быть возстановлена.

Другой случай:

А составилъ въ январѣ 1852 года домашнее завѣщаніе въ пользу младшаго сына. Въ сентябрѣ того же года онъ составилъ уже крѣпостнымъ порядкомъ второе завѣщаніе, которымъ *уничтожилъ* первое и назначилъ тоже самое имѣніе старшему сыну. Чрезъ мѣсяцъ, въ октябрѣ, А подалъ въ судъ просьбу объ уничтоженіи и сего послѣдняго завѣщанія, не объяснивъ дальнѣйшей своей воли. По этой просьбѣ судъ призналъ послѣднее завѣщаніе ничтожнымъ.

По смерти А представлено къ явкѣ первое домашнее его завѣщаніе. Оно оказалось составленнымъ по формѣ и принято къ свидѣтель-

ству. Но по спору законнаго наслѣдника А, при судебномъ разсмотрѣніи возникаетъ вопросъ: за отмѣною втораго, крѣпостнаго, завѣщанія А, коимъ было рѣшительно уничтожено первое, домашнее, его завѣщаніе, можетъ ли быть возстановлена сила этого перваго завѣщанія? Законный наслѣдникъ утверждаетъ, что во второмъ завѣщаніи прямо выражена воля завѣщателя—уничтожить первое; воля эта тѣмъ самымъ приведена уже въ исполненіе, что выражена въ актѣ, публично сознанномъ и засвидѣтельствованномъ въ судѣ, слѣдовательно воля эта совершилась, и первое завѣщаніе тогда же уничтожено безусловно и безвозвратно, такъ какъ бы его никогда не было. Оно исчезло, и на мѣсто его явился другой актъ, отдѣльный и независимый отъ перваго. Поэтому первое распоряженіе могло быть вновь вызвано, повторено только волею завѣщателя, столь же ясно вновь выраженною; но одно уничтоженіе втораго акта имѣло только отрицательную, разрушительную силу; вновь оно ничего не создало. Первое завѣщаніе не существуетъ, новаго распоряженія нѣтъ, слѣдовательно открывается законное наслѣдство.

Нельзя согласиться въ этомъ случаѣ съ наслѣдникомъ по тѣмъ же основаніямъ, которыя приведены въ предыдущемъ примѣрѣ. Крѣпостное завѣщаніе, также какъ и домашнее, не служитъ еще безвозвратнымъ выраженіемъ воли завѣщателя, пока онъ живъ. Можно назвать *актъ* совершившимся, когда онъ при жизни завѣщателя явленъ въ присутственномъ мѣстѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ *воля* завѣщателя еще не совершилась и завѣщаніе при жизни его не могло еще получить исполнительную силу. Ни одно распоряженіе, постановленное въ завѣщаніи, ни одно слово, помѣщенное въ немъ, не могло пріобрѣсть *дѣйствительнаго* значенія, не могло превратиться въ фактъ неоспоримый до тѣхъ поръ, пока живъ еще завѣщатель: до самой смерти онъ держитъ еще волю свою при себѣ и, какъ полный господинъ, можетъ перемѣнить ее. Здѣсь, также какъ въ прежнемъ примѣрѣ, завѣщатель не отдѣлилъ отрицательную свою волю отъ положительной, но ту и другую выразилъ въ одномъ актѣ, въ завѣщаніи. Онъ самъ при жизни своей разрушилъ этотъ актъ, слѣдовательно второе завѣщаніе въ цѣломъ составѣ своемъ исчезло, такъ какъ бы никогда его не было. Нечѣмъ доказать что А предоставляетъ имѣніе старшему сыну: нечѣмъ доказать и того, что первое домашнее завѣщаніе, составленное въ пользу младшаго сына, уничтожено. Если это завѣ-

щаніе оказалось въ наличности по смерти завѣщателя, если завѣщатель не истребилъ его, то весьма естественно предполагать, что А самъ желалъ возстановить первое свое завѣщаніе. Такое предположеніе вполнѣ согласуется и съ Закономъ (1030 ст. Зак. Гр.), въ которомъ сказано:«если крѣпостное завѣщаніе уничтожено самимъ завѣщателемъ при жизни его, то оставшееся по смерти его домашнее завѣщаніе, буде оно составлено правильно, остается въ своей силѣ». Здѣсь Законъ не различаетъ когда было составлено это домашнее завѣщаніе: прежде или послѣ крѣпостнаго, самимъ завѣщателемъ уничтоженнаго.

Иное дѣло, если воля завѣщателя объ уничтоженіи перваго завѣщанія и о замѣнѣ его новымъ распоряженіемъ выразилась въ двухъ отдѣльныхъ актахъ: тогда каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельное значеніе, одинъ служитъ доказательствомъ отрицательной, другой положительной воли. Напримѣръ: В составилъ крѣпостное завѣщаніе, потомъ подалъ просьбу объ уничтоженіи его и въ слѣдъ за тѣмъ составилъ новое завѣщаніе; но и его въ послѣдствіи уничтожилъ. Въ такомъ случаѣ первое завѣщаніе, хотя бы оказалось по смерти В въ наличности, должно почитаться безвозвратно уничтоженнымъ.

VIII.

А по домашнему завѣщанію 17 февраля 1848 года назначилъ наслѣдникомъ всего своего имѣнія младшаго брата своего Б съ тѣмъ, чтобъ онъ уплачивалъ госпожѣ В по смерть ея ежегодный доходъ по 2 тысячи рублей. Сверхъ того однимъ изъ пунктовъ завѣщанія, 2-мъ пунктомъ, постановлено:

«Независимо отъ сего ей же госпожѣ В предоставляю безвозвратно всѣ тѣ суммы, которыя могъ я заплатить за нее при покупкѣ ею деревни, по погашенію недоимки Опекунскому Совѣту за ея имѣнія и по разнымъ другимъ случаямъ, въ какія бы то ни было мѣста и какимъ бы то ни было лицамъ. Всѣ таковыя суммы наслѣдники мои не въ правѣ требовать отъ нея обратно».

Далѣе въ 3-мъ пунктѣ:

«Ей же г-жѣ В предоставляю, кромѣ всѣхъ претензій, которыя

къ ней самой могъ я простирать за деньги, мною за нее уплаченныя, и всѣ тѣ суммы, которыя по разнымъ случаямъ и по различнымъ обязательствамъ состоятъ мнѣ должными мать ея, мужъ ея и сыновья ея; въ слѣдствіе чего, по смерти моей, наслѣдники мои обязаны будутъ передать ей г-жѣ В въ полное распоряженіе всѣ акты, обязательства, документы и всякаго рода бумаги, какія только будутъ относиться до нея самой, матери, мужа и дѣтей ея и окажутся послѣ моей смерти въ числѣ принадлежащаго мнѣ имущества.»

Послѣ составленія этого завѣщанія завѣщатель живъ былъ до 1852 года. Въ теченіе сего времени дѣлалъ онъ за г-жу В новыя уплаты, именно:

во 1-хъ, въ 1849 году кредиторъ г-жи В получилъ отъ него 1,000 р. серебр. и выдалъ ему росписку, въ которой изъяснено, что: «1,000 р. сереб. г. А уплатилъ ему изъ собственныхъ своихъ денегъ для погашенія долговой его претензіи на г-жу В»;

во 2-хъ, въ 1850 году г-жа В сторговала имѣніе за 30,000 руб., но объ уплатѣ этой суммы возникъ между ею и продавцомъ споръ, по производству коего судебное мѣсто распорядилось, до окончательнаго разрѣшенія, потребовать отъ г-жи В означенную сумму въ обезпеченіе претензіи продавца, такъ какъ проданное имѣніе, поступившее уже къ ней во владѣніе, само по себѣ оказалось недостаточнымъ для обезпеченія. Какъ у нея не оказалось такой суммы, то завѣщатель А представилъ за нее 30,000 р. въ судъ. Спорное дѣло окончилось уже по смерти А рѣшеніемъ, которымъ присуждено было: деньги 30,000 руб. обратить на удовлетвореніе продавца.

А умеръ въ 1852 году.

По смерти его, наслѣдники его предъявили на г-жу В искъ о возвращеніи какъ первой суммы 1,000 р. уплаченной за нее завѣщателемъ ея кредитору, такъ и послѣдней 30,000 руб., внесенной имъ за нее въ судъ.

Наслѣдники доказываютъ: 1) что воля завѣщателя, выраженная во 2-мъ пунктѣ завѣщанія, объемлетъ тѣ только уплаты, которыя по день составленія завѣщанія, то есть по 17-е февраля 1848 года, были сдѣланы имъ за г-жу В. Завѣщатель, освобождая ее отъ отвѣтственности за уплаты, имѣлъ въ виду только прошед-

щее время: еслибъ онъ желалъ распространить это освобожденіе и на будущее время, то конечно выразилъ бы это явственно, или дополнилъ бы въ послѣдствіи свое завѣщаніе, чего сдѣлано не было. 2) Если и допустить такое распространеніе смысла завѣщанія, то 30,000 р., внесенныя завѣщателемъ въ судъ за г-жу В ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ уплатамъ, за нее сдѣланнымъ; 2-й пунктъ завѣщанія имѣетъ предметомъ *освободить* ее отъ отвѣтственности, но не содержитъ вовсе распоряженія о выдачѣ въ пользу ея какихъ либо суммъ изъ массы наслѣдства: таковыя выдачи опредѣлены исключительно въ 1-мъ пунктѣ завѣщанія. Но предоставленіе г-жѣ В наличныхъ денегъ, принадлежавшихъ завѣщателю и хранившихся въ судѣ, имѣло бы смыслъ именно подобной выдачи.

По 1-му предмету, не ограничиваясь исключительно буквою 2-го пункта завѣщанія, надо стараться выяснить волю завѣщателя посредствомъ соображенія всѣхъ частей завѣщанія, ибо между всѣми ими можетъ быть связь и цѣлое завѣщаніе можетъ имѣть единую общую идею.

Намъ кажется, что завѣщатель, освобождая г-жу В отъ возвращенія суммъ, за нее уплаченныхъ, не намѣренъ былъ ограничить это свое распоряженіе временемъ составленія завѣщанія и имѣлъ въ виду не этотъ срокъ. Желая прекратить навсегда въ пользу г-жи В юридическія отношенія свои къ ней по всѣмъ обязательствамъ, которыя могли между ними возникнуть, онъ имѣлъ въ виду тотъ моментъ, въ который вмѣстѣ съ личными отношеніями прекращалась дальнѣйшая возможность всѣхъ подобныхъ обязательствъ, т. е. смерть свою. Такое предположеніе всего естественнѣе принять во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ завѣщатель, выражаясь общими терминами, не разсудилъ ограничить свою волю положительно (expressis verbis). Но въ настоящемъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что такова была именно воля завѣщателя: въ этомъ убѣждаетъ 3-й пунктъ, служащій необходимымъ дополненіемъ первому. Въ 3-мъ пунктѣ прямо поставляется въ обязанность наслѣдникамъ передать въ распоряженіе г-жи В *всѣ акты и бумаги*, которыя могутъ *до нея касаться*, равно какъ и до ея родственниковъ. Въ числѣ сихъ бумагъ должна быть включена и росписка въ 1,000 руб. серебр., хотя она составлена послѣ составленія завѣщанія.

Что же касается до втораго предмета, то нельзя не сознаться, что юридическое отношеніе, возникшее между завѣщателемъ и г-жею В въ слѣдствіе представленнаго имъ за нее обезпеченія, не можетъ быть причислено къ тѣмъ, которыя по волѣ завѣщателя должны были со смертію его прекратиться. Завѣщаніе говоритъ о деньгахъ, уплаченныхъ за г-жу В. Но обезпеченіе не есть уплата. Уплаченныя деньги поступаютъ въ собственность того, кто получилъ ихъ, переставая принадлежать тому, кто ихъ отдалъ. Но деньги, обезпечивающія искъ, не перестаютъ быть собственностью того, отъ кого представлены, покуда судъ не постановилъ рѣшенія по спорному предмету; слѣдовательно представленіе обезпеченія дѣлается совершенно не на томъ основаніи, на которомъ производится уплата; въ томъ и другомъ случаѣ возникающія между сторонами юридическія отношенія совсѣмъ не одинаковы. Завѣщатель предоставлялъ въ пользу г-жи В долговое свое имущество, то-есть тѣ претензіи, которыя онъ могъ имѣть къ ней за уплаченныя по долгамъ ея суммы. Но спорное дѣло г-жи В объ имѣніи не было еще окончено при жизни завѣщателя, въ минуту смерти его деньги, внесенныя имъ за нее въ судъ, сохраняли свойство обезпеченія, слѣдовательно должны были почитаться еще *наличнымъ* имуществомъ завѣщателя, такъ какъ неизвѣстно было, въ чью пользу состоится рѣшеніе. Только по смерти завѣщателя судъ положилъ обратить эти деньги на удовлетвореніе взысканія, присужденнаго съ г-жи В, и не прежде этого времени могло возникнуть со стороны владѣльца денегъ требованіе о вознагражденіи за ущербъ; а владѣльцемъ этихъ денегъ былъ тогда уже не завѣщатель, а законный его наслѣдникъ.

IX.

А завѣщалъ имѣніе въ пользу Б, лица посторонняго, не родственнаго. Б умеръ прежде А, не воспользовавшись завѣщаннымъ имѣніемъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и А, не измѣнивъ своего завѣщанія. Могутъ ли въ такомъ случаѣ наслѣдники Б воспользоваться тѣмъ имѣніемъ, которое было ему завѣщано?

Наслѣдство по закону есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго (ст. 1104 Зак. Гр.): оно открывается въ минуту смерти владѣльца (ст. 1222). Посему къ наслѣднику могутъ перейти только тѣ права, которыя *имѣлъ* владѣлецъ во время своей смерти; чего онъ самъ не имѣлъ, того не могутъ получить и его наслѣдники.

Б въ минуту смерти своей не могъ имѣть никакихъ правъ на завѣщанное имущество, потому что самъ завѣщатель былъ еще живъ.

Завѣщаніе получаетъ дѣйствительную силу только со смертію завѣщателя: лишь съ этого времени оно можетъ почитаться основаніемъ чьихъ либо правъ или обязанностей; прежде этого времени ничье право, признанное въ завѣщаніи, не можетъ почитаться въ силу его возникшимъ и дѣйствительно существующимъ, не можетъ почитаться принадлежностію того лица, въ пользу коего признано завѣщателемъ. Завѣщатель, покуда живъ, можетъ по своему произволу измѣнить или уничтожить завѣщаніе. Изъ этого слѣдуетъ, что къ составу наслѣдства, оставшагося послѣ Б, ни въ какомъ случаѣ не могло быть причислено право, основанное на завѣщаніи, которое еще не совершилось смертію завѣщателя.

Завѣщатель умираетъ, не измѣнивъ своего завѣщанія. Со смертію его это завѣщаніе получаетъ значеніе акта окончательно совершеннаго. Не могутъ ли наслѣдники Б съ этой минуты пріобрѣсть права иска объ имѣніи ему завѣщанномъ?

Наслѣдники Б не могутъ получать такого права, какого не имѣлъ самъ умершій вотчинникъ, послѣ котораго они наслѣдуютъ: онъ не имѣлъ при жизни своей никакого права на завѣщанное имущество, слѣдовательно не могъ и передать его своимъ наслѣдникамъ.

Въ наслѣдствѣ законномъ со смертію владѣльца всѣ права его по имуществу, силою закона, немедленно переходятъ къ тому, кто представляетъ личность его,—къ наслѣднику, ктобъ онъ ни былъ, и отъ умершаго, не минуя его, безъ всякаго перерыва, переносятся на живаго по праву представленія. Напротивъ, въ завѣщаніи право переходитъ непремѣнно отъ умершаго *къ опредѣленному живому лицу*, не силою *самаго закона*, а силою особаго завѣщательнаго акта, въ которомъ это лицо означено: для того, чтобы завѣщательное право осуществилось, сдѣлалось *правомъ* изъ простой воли завѣщателя, нужно, чтобъ эта воля приразилась именно къ тому лицу, къ кото-

рому была направлена. Завѣщательное право не допускаетъ представленія.

Лица, которымъ завѣщаются имущества, должны быть точно означены въ завѣщаніи (1026 ст. Зак. Гражд.) и никакая непосредственная замѣна одного лица другимъ не допускается. По смерти А право на имѣніе его, завѣщанное въ пользу Б, уже несуществующаго, не находитъ своего субъекта, не имѣетъ къ чему приразиться, и по необходимости возвращается къ своему источнику—къ личности завѣщателя, то есть входитъ въ составъ наслѣдственнаго имѣнія. Прямо къ наслѣдникамъ Б оно перейти не можетъ, потому что объ наслѣдникахъ его завѣщатель не упомянулъ.

Но если Б пережилъ завѣщателя А хотя однимъ днемъ или однимъ часомъ, то онъ пріобрѣлъ уже *право* на завѣщанное имущество. Воля умершаго завѣщателя имѣла время воспріять *завѣщательную* силу, имѣла время приразиться къ живому лицу, къ которому была направлена. Въ такомъ случаѣ наслѣдники Б, вступая во всѣ права его, получаютъ несомнѣнное право на завѣщанное имѣніе. Допустимъ, что въ минуту смерти Б завѣщаніе не было еще засвидѣтельствовано, не получило еще *исполнительной* силы, что самъ Б не получилъ еще завѣщательнаго имѣнія въ свое владѣніе. Явкою удостовѣряется подлинность завѣщанія, явка есть формальность, необходимая для присвоенія завѣщанію исполнительной силы; но основаніемъ права служитъ не явка, а самый актъ, которымъ это право установлено. Право на завѣщанное имѣніе не *осуществилось* еще для Б при его жизни; но онъ пріобрѣлъ уже *законную власть требовать* этого осуществленія, просить о засвидѣтельствованіи завѣщанія, домогаться ввода во владѣніе. Если же Б самъ получилъ такое право, то и наслѣдники Б не могутъ быть лишены его, хотя бы въ день смерти Б завѣщаніе А не было еще явлено и оглашено законнымъ порядкомъ.

Если бы прежде явки завѣщанія и ввода во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ Б заблагоразсудилъ передать другому свое право на это имѣніе, посредствомъ духовнаго завѣщанія, то и въ такомъ дѣйствіи не было бы ничего противозаконнаго. Каждый въ правѣ завѣщать то, что относится къ его *имуществу* (1010 ст. Зак. Гр.). Къ составу имуществъ принадлежатъ не только самыя вещи въ физическомъ ихъ видѣ, но и права на вещи, права на дѣйствія лицъ,

права, еще не осуществленныя, но только оглашенныя и состоящія въ спорѣ (417—419 ст. Зак. Гр.). Законъ требуетъ, чтобы самъ завѣщатель имѣлъ то право, которое желаетъ передать, и то лицо, которому оно передается, имѣло бы законную способность принять его. Кто получилъ самую вещь въ дѣйствительное свое владѣніе, тотъ завѣщаетъ эту вещь и всѣ права, соединенныя съ владѣніемъ; кто имѣетъ только право на вещь, можетъ завѣщать это право, и тогда преемникъ, ставъ на мѣсто завѣщателя, получаетъ возможность ходатайствовать объ осуществленіи этого права на судѣ. Такъ въ настоящемъ случаѣ Б со смертію А получилъ право на вещь, завѣщанную симъ послѣднимъ. Еще не исполнены всѣ формальности, нужныя для утвержденія за Б этой вещи, самая вещь не поступила еще въ его владѣніе, но право на нее уже возникло на основаніи акта: право это, ничѣмъ еще неопровергнутое, существуетъ, слѣдовательно составляетъ часть имущества Б и можетъ быть имъ завѣщано, какъ имущество благопріобрѣтенное.

X.

А, имѣя роднаго брата Б и сына сестры, малолѣтняго племянника В, завѣщалъ послѣднему благопріобрѣтенное свое имѣніе, на слѣдующихъ условіяхъ: «По смерти моей, если таковая послѣдуетъ во время малолѣтства племянника моего В, сей послѣдній, въ лицѣ опредѣленныхъ къ нему опекуновъ, будетъ имѣть право пользоваться доходами со всего благопріобрѣтеннаго имущества; но полное право собственности на сіе имущество будетъ принадлежать ему не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія, то есть 21-го года отъ рожденія, и не прежде какъ съ этого времени распоряженіе мое о предоставленіи ему сего имущества должно получить окончательную силу; если же племянникъ мой В, не достигнувъ совершеннолѣтія, умретъ, то право на сіе имущество должно обратиться въ родъ мой, къ законнымъ послѣ меня наслѣдникамъ, т. е. къ брату моему Б и его дѣтямъ.»

По смерти завѣщателя племянникъ его В остался 3-хъ лѣтъ отъ рожденія. Братъ завѣщателя Б немедленно предъявилъ споръ на

завѣщаніе, доказывая, что распоряженіе завѣщателя незаконно. По силѣ примѣч. къ 1011 ст. Зак. Гр. владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ свободно и неограниченно, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу; но по смерти избраннаго имъ наслѣдника, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оно ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ. Въ нарушеніе этого закона завѣщатель опредѣлилъ дальнѣйшій переходъ завѣщаннаго имѣнія на случай смерти того лица, которому оно было завѣщано. Право предоставляется В, но это имѣніе не можетъ быть названо пожизненнымъ, потому что не ограничивается безусловно его смертью: оно имѣетъ всѣ качества полной собственности, потому что и до совершеннолѣтія В, имѣніе, по смыслу завѣщанія, ему исключительно принадлежитъ. Такія условія владѣнія не дозволяютъ разумѣть его иначе какъ въ смыслѣ собственности: въ противномъ случаѣ, кому кромѣ В принадлежало бы право собственности на имѣніе? Если законнымъ наслѣдникамъ, то по какому праву могъ бы завѣщатель обязать ихъ къ передачѣ другому лицу имѣнія, которое уже сдѣлалось ихъ собственностью? Конечно порядокъ обращенія сего имѣнія къ законнымъ наслѣдникамъ завѣщателя опредѣленъ подъ условіемъ, но условіе заключается въ смерти В, назначеннаго по завѣщанію владѣльца, а въ этомъ именно обстоятельствѣ и состоитъ нарушеніе закона, постановляющаго, что послѣ смерти того лица, которому завѣщано имѣніе, оно обращается въ разрядъ наслѣдственныхъ и не подлежитъ произволу перваго вотчинника, бывшаго завѣщателемъ.

Но при внимательномъ разсмотрѣніи спорнаго завѣщанія, въ немъ не оказывается противузаконной наслѣдственной подставы. Законъ имѣетъ въ виду тотъ случай, когда воля завѣщателя простирается далѣе законныхъ границъ своихъ и, установивъ для наслѣдника полную собственность на имѣніе, въ то же время стѣсняетъ его въ правахъ, нераздѣльныхъ съ понятіемъ о полной собственности, какъ бы налагая на него обязанности сохранить завѣщанное имѣніе до своей смерти и потомъ передать его лицу, заранѣе указанному. Таковъ былъ бы случай, еслибъ А, завѣщавъ племяннику имѣніе свое безусловно, опредѣлилъ дальнѣйшій переходъ

имѣнія послѣ его смерти, или постановилъ бы, къ кому должно перейти имѣніе, когда В умретъ уже по достиженіи совершеннаго возраста. Ничего подобнаго спорное завѣщаніе не предполагаетъ. А имѣлъ полное право завѣщать благопріобрѣтенное имѣніе свое условно и постановилъ, что оно переходитъ въ собственность В не прежде, какъ по истеченіи опредѣленнаго времени, а не въ минуту смерти завѣщателя: въ такомъ условіи нѣтъ ничего противузаконнаго. Когда умеръ завѣщатель, В ни въ какомъ случаѣ не могъ еще почитаться полнымъ владѣльцемъ имѣнія, и можетъ еще вовсе не получить его, если умретъ прежде своего совершеннолѣтія; поэтому нельзя ни въ какомъ случаѣ предположить, что В обязывается сохранить это имѣніе до своей смерти и передать его затѣмъ законнымъ наслѣдникамъ завѣщателя. Смерть В по завѣщанію разумѣется не въ смыслѣ необходимаго событія, коимъ открывается послѣ В законное наслѣдство, а въ смыслѣ случайности, которая можетъ послѣдовать прежде, чѣмъ В успѣетъ на предположенныхъ условіяхъ получить завѣщанное имущество, и которая дѣлаетъ исполненіе первоначальнаго предположенія невозможнымъ. Нѣтъ никакой нужды входить въ розысканіе о томъ, кому до совершеннолѣтія В должно принадлежать полное, безусловное право собственности на завѣщанное ему имущество, потому что до наступленія означеннаго срока самъ завѣщатель сдѣлалъ это право неполнымъ и условнымъ: доходы съ имѣнія принадлежатъ В, а кому самое имѣніе достанется, еще неизвѣстно: покуда оно составляетъ часть наслѣдственной массы. Достигнетъ В совершеннолѣтія—имѣніе утвердится за нимъ; умретъ онъ прежде этого срока—имѣніе переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ завѣщателя; но прежде того или другаго событія завѣщанное имѣніе должно считаться въ составѣ наслѣдства, открывшагося смертію завѣщателя. Право собственности на завѣщанное имѣніе не можетъ до того времени почитаться даже временною принадлежностью законныхъ наслѣдниковъ А. Завѣщатель не постановилъ этого, и не могъ постановить, потому что право собственности по существу своему (ст. 420, 432 Зак. Гр.) не можетъ быть временнымъ.

Воля завѣщателя очевидна: покуда неизвѣстно еще, успѣетъ ли племянникъ его В при жизни воспользоваться завѣщаннымъ имуществомъ, до тѣхъ поръ наслѣдники завѣщателя не получаютъ на

нос никакого права; слѣдовательно наслѣдники не въ правѣ основывать на завѣщаніи А никакихъ претензій въ свою пользу. Если же они требуютъ уничтоженія всего завѣщаннаго распоряженія, то и въ этомъ успѣть не могутъ. Допустимъ, что доказательство ихъ основательно, что А дѣйствительно завѣщалъ имѣніе въ полную собственность племянника и что дальнѣйшее распоряженіе его на случай смерти племянника дѣйствительно имѣетъ видъ противозаконной подставы. Въ такомъ случаѣ эта вторая часть распоряженія подлежала бы уничтоженію не въ пользу наслѣдниковъ, а въ пользу самаго В и развѣ по его только просьбѣ; первая часть распоряженія относительно предоставленія имѣнія въ полную собственность В оставалась бы неприкосновенною.

XI.

Въ чемъ долженъ состоять обрядъ явки при Россійской миссіи или консульствѣ завѣщаній, составляемыхъ русскими подданными за границей?

Явка сія во всѣхъ ли случаяхъ должна почитаться обязательною?

Для присвоенія такимъ завѣщаніямъ силы крѣпостныхъ, должна ли явка сія сопровождаться обрядами, подобными тѣмъ, которые соблюдаются при совершеніи завѣщаній въ Россіи крѣпостнымъ порядкомъ?

По статьѣ 1077 Законовъ Гражданскихъ Россійскій подданный за границею можетъ совершать *домашнее* духовное завѣщаніе по обряду той страны, гдѣ оно будетъ писано, съ *надлежащею* явкою онаго при Россійской миссіи или консульствѣ. Слѣдующею статьею постановлено, что явка въ Россійской миссіи или консульствѣ духовныхъ завѣщаній, совершаемыхъ за границею, замѣняетъ совершеніе духовныхъ завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ и сіи завѣщанія, если они установленнымъ порядкомъ явлены въ миссіи или консульствѣ, признаются въ силѣ крѣпостныхъ актовъ.

Обѣ эти статьи взяты не изъ одного положенія. Правило первой взято изъ положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 1831 года. Послѣ-

дняя извлечена изъ мнѣнія Госуд. Совѣта, состоявшагося въ 1838 году по особому вопросу. Обѣ онѣ относятся не къ одному и томуже случаю. Первая статья говоритъ исключительно *о домашнихъ* завѣщаніяхъ, разумѣя это слово не въ томъ формальномъ смыслѣ, какой присвоивается ему Русскими Гражданскими законами, а въ смыслѣ общемъ. Здѣсь домашнимъ завѣщаніемъ называется вообще завѣщаніе, составляемое на дому, безъ всякаго участія публичной власти, безъ всякаго оглашенія передъ публичнымъ чиновникомъ или присутственнымъ мѣстомъ (*). Эта статья необходимо предполагаетъ въ законодательствѣ той страны, по обряду коей составлено завѣщаніе, существованіе формы домашняго завѣщанія. Гдѣ подобная форма допускается,—тамъ русскій подданный можетъ воспользоваться ею; но для того, чтобы придать сему домашнему завѣщанію силу акта, признаваемаго русскимъ закономъ, обязанъ явить его въ русскомъ консульствѣ. Напротивъ, тамъ, гдѣ мѣстное законодательство не допускаетъ составленія домашнихъ завѣщаній, а требуетъ, чтобы каждое выраженіе воли на случай смерти облекалось въ форму публичнаго акта, составляемаго при участіи публичнаго лица или присутственнаго мѣста, — примѣненіе приведенной статьи можетъ не имѣть мѣста, ибо въ ней упоминается только о домашнихъ завѣщаніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ завѣщаніе, оглашенное публично по обряду той страны, гдѣ совершено, должно почитаться уже по сей одной причинѣ достовѣрнымъ въ подлинности и явка его въ Россійской миссіи или консульствѣ, по буквальному смыслу закона, можетъ не считаться обязательною.—Завѣщаніе публичное, неявленное за границей у консула, по сей только причинѣ не можетъ почитаться недѣйствительнымъ *какъ завѣщаніе.*

(*) 1077 статья предоставляетъ Русскому подданному за границей совершать домашнее завѣщаніе по обряду страны, гдѣ оно будетъ писано. Но будетъ ли дѣйствительно въ Россіи такое домашнее завѣщаніе, которое составлено русскимъ подданнымъ за границей по русскому обряду. Въ правѣ ли будетъ Гражданская Палата въ Россіи приступить къ явкѣ такого акта по смерти завѣщателя? Отвѣчаемъ на эти вопросы отрицательно. Этого требуютъ—и буква закона и коренное правило (locus regit actum), служащее ему основаніемъ, и очевидная невозможность соблюсти полный обрядъ явки и допроса свидѣтелей по такимъ завѣщаніямъ.

Не должно ли оно почитаться недѣйствительнымъ по несоблюденію правила, установленнаго не для завѣщаній въ особенности, но вообще для актовъ, совершаемыхъ русскими подданными за границей? По силѣ 914 ст. X т. Зак. Гражд. акты лицъ, за границею пребывающихъ, утверждаются скрѣпою и печатью Россійскихъ консуловъ, со взысканіемъ въ пользу ихъ сбора. Изъ соображенія статей (911—916) той главы, изъ коей извлечена приведенная 914 статья, слѣдуетъ, что ими установлены правила *самостоятельной*, а не *дополнительной* явки актовъ, совершаемыхъ россійскими подданными за границей и долженствующихъ получить законную силу въ Россіи: здѣсь учреждается обрядъ самостоятельный, а не въ дополненіе къ обряду, установленному законами той страны, гдѣ актъ совершенъ. Относящееся къ сему предмету правило консульскаго устава 1820 года (2036 ст. Уст. Торг.) говоритъ объ утвержденіи консуломъ всѣхъ документовъ, коммерческихъ свидѣтельствъ, вѣрющихъ писемъ и другихъ бумагъ, *выдаваемыхъ* въ пристаняхъ его округа (*), слѣдовательно разумѣетъ акты обоюдные, выдаваемые однимъ лицомъ другому при жизни, а не на случай смерти совершаемые. «Въ отношеніи къ духовнымъ завѣщаніямъ, — прибавляетъ приведенная статья,—постановлены особыя правила въ Законахъ Гражданскихъ»; посему эти правила должны въ настоящемъ случаѣ служить исключительнымъ руководствомъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, явка у консула завѣщаній, составленныхъ русскими подданными въ видѣ домашнихъ актовъ, по обряду той страны, гдѣ они находятся,—обязательна безусловно, и такое завѣщаніе, если оно не было явлено у консула, должно почитаться неудостовѣреннымъ въ подлинности, слѣдовательно недѣйствительнымъ. Напротивъ, завѣщаніе совершенное за границей по мѣстному обряду, въ видѣ публичнаго акта, никакъ не должно лишаться своей силы въ Россіи потому только, что не было явлено у кон-

---

(*) Въ новомъ уставѣ 1858 года (§ 2) правило это выражено слѣдующими словами: «Консулъ удостовѣряетъ законность всѣхъ актовъ, совершаемыхъ россійскими подданными въ его округѣ.» Далѣе (§ 16) сказано: «Консулъ утверждаетъ своею скрѣпою и печатью Консульства *документы*, которые будутъ совершаемы въ его округѣ или ему предъявляемы и которые должны получить законную силу въ Россіи, какъ-то: свидѣтельства, вѣрющія письма, завѣщанія, и проч.

суда. Если оно простирается на недвижимое имѣніе, находящееся въ Россіи, то, подобно всѣмъ актамъ этого рода, подлежитъ непремѣнной явкѣ въ Россійской Гражданской Палатѣ или Уѣздномъ Судѣ,—по присылкѣ въ Россію въ теченіе полугодичнаго срока (ст. 915 Зак. Гражд.).

Но такое завѣщаніе, хотя по законамъ чужестраннымъ почитается публичнымъ актомъ, въ Россіи будетъ имѣть силу *домашняго*, а не крѣпостнаго завѣщанія, и должно почитаться недѣйствительнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ Россійскіе законы требуютъ, чтобъ выраженіе послѣдней воли было облечено въ форму крѣпостную, напр. въ случаѣ завѣщательнаго распоряженія о родовомъ имѣніи, дѣлаемаго бездѣтнымъ владѣльцемъ (ст. 1068 т. X Зак. Гражд.). Къ подобнымъ случаямъ относится въ особенности 1078 ст. Зак. Гражд. По силѣ этого закона завѣщаніе русскаго подданнаго за границей въ такомъ только случаѣ признается въ Россіи за крѣпостное, если было явлено въ миссіи или консульствѣ.

Вышеизложенныя соображенія и самый обрядъ явки могутъ быть объяснены слѣдующими примѣрами:

1.—Русскій подданный Петръ П., жившій въ Ахенѣ, составилъ завѣщаніе въ пользу роднаго брата на недвижимое имѣніе въ Россіи. Это завѣщаніе написалъ онъ все своей рукою, безъ свидѣтелей, но при нотаріусѣ, и утвердилъ своимъ рукоприкладствомъ. На завѣщаніи сдѣланы четыре надписи: первая—Прусскимъ нотаріусомъ, въ удостовѣреніе личности завѣщателя и подлинности акта; вторая—президентомъ Ахенскаго ландсгерихта, въ удостовѣреніе подписи нотаріуса; третья—Прусскимъ резидентомъ во Франкфуртѣ, съ удостовѣреніемъ подписи президента; и четвертая—Русскою миссіею во Франкфуртѣ—во свидѣтельство подлинности скрѣпы Прусскаго посольства. Въ такомъ видѣ завѣщаніе, по смерти завѣщателя, представлено было къ явкѣ въ Россію, въ Гражданскую Палату. Сюда же представлено оффиціальное удостовѣреніе прокурора, состоящаго при Ахенскомъ ландсгерихтѣ, о томъ, что завѣщаніе по формѣ своей вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ въ Ахенѣ законамъ. Въ Палатѣ, со стороны другаго брата завѣщателя предъявленъ споръ противъ акта. Спорщикъ доказываетъ, *во первыхъ*, что завѣщаніе составлено несогласно съ правилами Французскаго гражданскаго кодекса, дѣйствующими въ Прусскихъ Рейн-

скихъ провинціяхъ. Оно не домашнее, потому что составлено при нотаріусѣ, но въ немъ не соблюденъ обрядъ для публичныхъ завѣщаній, которыя должны быть составляемы въ присутствіи двухъ нотаріусовъ съ двумя, или одного нотаріуса съ четырьмя свидѣтелями; *во вторыхъ*, если и признать завѣщаніе согласнымъ съ Французскими законами, то слѣдовало завѣщателю сдѣлать явку его въ Русской миссіи лично, для того, чтобы оно могло получить въ Россіи силу крѣпостнаго, а онъ прислалъ завѣщаніе для явки въ миссію заочно. Законъ требуетъ, чтобъ явка завѣщанія въ миссіи была совершена *установленнымъ* порядкомъ, послѣ чего присвоивается ему сила крѣпостнаго. Законъ не объясняетъ, въ чемъ состоитъ порядокъ явки, но если принять во вниманіе, что миссіи наши и консульства, при явкѣ заграничныхъ завѣщаній, замѣняютъ указанныя въ 1013 ст. Зак. Гражд. судебныя мѣста, въ коихъ являются крѣпостныя завѣщанія въ Россіи, то слѣдуетъ, что при сей явкѣ консульствами и миссіями долженъ быть соблюдаемъ тотъ-же порядокъ, какой установленъ вообще для крѣпостныхъ завѣщаній 1036—1041 статьями Зак. Гражд.

Первое возраженіе, за удостовѣреніемъ подлежащей Прусской власти,—не можетъ имѣть никакой силы. Завѣщаніе Петра Н. по формѣ своей относится къ разряду олографическихъ и, по силѣ 970 ст. Французскаго гражданскаго кодекса, могло быть составлено вовсе безъ свидѣтелей и нотаріуса, если отъ начала до конца писано самимъ завѣщателемъ и собственноручно имъ подписано. Подпись же нотаріуса служитъ еще большимъ удостовѣреніемъ въ подлинности подписи завѣщателя.

Второе возраженіе, хотя на первый взглядъ и могло бы ввести въ сомнѣніе неопытнаго судью, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого основанія. Законъ не означаетъ дѣйствительно, какимъ порядкомъ и способомъ должна быть производима явка у консуловъ завѣщаній, долженствующихъ имѣть силу крѣпостныхъ. Очевидно однакоже, что онъ не требуетъ, и по цѣли своей не могъ требовать, чтобы явка эта сопровождалась у консуловъ тѣми же обрядами, которые соблюдаются въ Россіи при явкѣ крѣпостныхъ завѣщаній. Требованіемъ подобныхъ обрядовъ явно нарушилось бы правило о составленіи завѣщаній по законамъ той страны, гдѣ они пишутся и при русскихъ миссіяхъ и консульствахъ предполагалось бы та-

кое же установленіе крѣпостныхъ дѣлъ, какое въ Россіи существуетъ при Гражданскихъ Палатахъ: еслибъ надлежало завѣщателю являться лично въ консульство и подтверждать подлинность завѣщанія допросомъ, — то къ чему послужило бы облегчительное дозволеніе руководствоваться мѣстнымъ обрядомъ? Завѣщатель, еслибъ по болѣзни или по другимъ причинамъ не могъ лично явиться въ то мѣсто, гдѣ находится русская миссія, не имѣлъ бы вовсе возможности присвоить законную силу своему завѣщанію. Въ чемъ же долженъ состоять обрядъ явки заграничныхъ завѣщаній въ миссіи или консульствѣ? очевидно не въ исполненіи всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя установлены для явки завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ въ Имперіи, а въ удостовѣреніи скрѣпою и печатью подписи завѣщателя или тѣхъ мѣстныхъ начальствъ, которыми эта подпись прежде того уже удостовѣрена, и въ запискѣ въ книгу подлинникомъ отъ слова до слова подлинныхъ завѣщаній, а также пакетовъ съ запечатанными завѣщаніями. При семъ могутъ быть составляемы консулами особые протоколы (См. Консульскій Уставъ 1858 года §§ 10, 12). Изъ новаго Консульскаго Устава видно положительно, что завѣщанія могутъ быть доставлены къ консулу и не лично, ибо въ приведенномъ § сказано, что при запискѣ въ книгу обозначается въ точности и «порядокъ, какимъ завѣщанія были предъявлены, т. е. лично, или присланы, отъ кого именно, когда, какимъ путемъ, и проч.». Если же признать, какъ мы полагаемъ, что явка завѣщаній у консуловъ должна быть разумѣема въ общемъ смыслѣ слова и не подчиняется тѣмъ обрядамъ и формальностямъ, какія установлены для явки завѣщаній въ Россіи у крѣпостныхъ дѣлъ, то изъ сего слѣдуетъ, что завѣщаніе можетъ быть явлено у консула и по смерти завѣщателя, лишь бы при семъ не было сомнѣнія въ подлинности его, и въ такомъ случаѣ также получаетъ полную силу крѣпостнаго, хотя по русскимъ законамъ явка крѣпостнаго завѣщанія можетъ быть совершена только при жизни завѣщателя и должна быть сдѣлана имъ лично.

2.—Русскій подданный Иванъ П., жившій въ Пиреѣ, составилъ по греческому обряду завѣщаніе, которымъ назначилъ на устройство училища въ Ѳессаліи, своей родинѣ, капиталъ, хранившійся въ одномъ изъ московскихъ торговыхъ домовъ; исполненіе этого

*

распоряженія поручилъ онъ избранному душеприкащику. Завѣщаніе это написано, со словъ завѣщателя, нотаріусомъ, мирнымъ судьею пирейскимъ, за его печатью, подписано завѣщателемъ и свидѣтелями и оставлено въ храненіи у нотаріуса, запечатанное. По смерти завѣщателя оно было представлено нотаріусомъ въ Аѳинскій Судъ, гдѣ распечатано, прочтено въ полномъ присутствіи во время публичнаго засѣданія и отослано обратно къ нотаріусу для храненія въ архивѣ. Копія же съ него, удостовѣренная мирнымъ судьей—нотаріусомъ, съ засвидѣтельствованіемъ подписи его председателемъ Аѳинскаго Суда, выдана душеприкащику, который внесъ ее въ канцелярію Россійскаго консульства, а другую копію съ завѣщанія Консульство, подтвердивъ, выдало ему обратно. Вслѣдъ за тѣмъ племянникъ завѣщателя Георгій П. предъявилъ въ Аѳинскомъ Судѣ первой степени споръ противъ завѣщанія, но споръ сей, относительно формальности акта, окончательно отвергнутъ Аѳинскимъ аппеляціоннымъ судомъ. Тогда Гергій П. обратился къ Россійскимъ присутственнымъ мѣстамъ съ доказательствами незаконности акта. Когда душеприкащикъ, на основаніи копіи съ завѣщанія, обратился къ кому слѣдуетъ въ Россіи съ требованіемъ выдачи капитала, Георгій П. предъявилъ противъ сего требованія споръ, доказывая, что завѣщаніе дяди его недѣйствительно и по Греческимъ законамъ и по Россійскимъ. Еслибы,—такъ разсуждалъ истецъ,—оно и соотвѣтствовало вполнѣ всѣмъ правиламъ Греческаго обряда, то по русскому закону непремѣнно слѣдовало самому завѣщателю еще при жизни предъявить его въ русскомъ консульствѣ подлинникомъ и притомъ съ соблюденіемъ того же обряда, который установленъ для явки крѣпостныхъ завѣщаній. Въ настоящемъ же своемъ видѣ оно не можетъ почитаться явленнымъ, такъ какъ подлинное завѣщаніе вовсе и не было въ консульствѣ и подлинность его осталась незасвидѣтельствована подлежащею властью: душеприкащикъ уже по смерти завѣщателя предъявилъ консульству только копію, которая въ отсутствіи подлиннаго акта никакъ не можетъ замѣнить его и не должна имѣть никакого дѣйствія въ Россіи. Нѣтъ подлиннаго завѣщанія, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго; слѣдовательно не можетъ быть и исполненія по завѣщанію.

Россійское судебное мѣсто не можетъ конечно принять на себя разрѣшенія вопроса о томъ, правильно ли составлено завѣщаніе

Ивана П. по Греческимъ законамъ: вопросъ этотъ уже разрѣшенъ окончательно Аѳинскимъ Судомъ, и потому не предстоитъ никакого сомнѣнія въ томъ, что форма оспариваемаго завѣщанія вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію Греческаго закона. Но, по обстоятельствамъ дѣла и Русскому суду, для правильнаго обсужденія аргументовъ спорщика, необходимо знать значеніе формальностей, требуемыхъ греческимъ обрядомъ отъ завѣщанія, необходимо опредѣлить: въ какомъ значеніи разумѣетъ Греческій законъ копію съ духовнаго завѣщанія и можно ли было требовать явки этого акта въ консульствѣ подлинникомъ.

По греческому обряду оффиціальное участіе въ составленіи духовныхъ завѣщаній принадлежитъ нотаріусу. Для этого является онъ, по приглашенію, въ домъ завѣщателя или принимаетъ его у себя въ Мирномъ Судѣ (такъ какъ въ Греціи званіе нотаріуса соединяется большею частью съ должностью мирнаго судьи), составляетъ и пишетъ завѣщаніе, излагая въ немъ подробно мѣсто, гдѣ, и обстоятельства, при коихъ оно составлено, положеніе, въ которомъ засталъ завѣщателя, и все, что завѣщатель объявилъ ему самъ собою и на распросы его о послѣдней своей волѣ. Самъ нотаріусъ свидѣтельствуетъ о здравомъ умѣ завѣщателя; удостовѣреніе же свидѣтелей о семъ предметѣ не обязательно: они только присутствуютъ при объявленіи послѣдней воли, обязываясь передъ тѣмъ присягою, что сохранятъ въ тайнѣ все, что услышатъ отъ завѣщателя. Написанное завѣщаніе подписывается завѣщателемъ, нотаріусомъ и свидѣтелями, потомъ нотаріусъ запечатываетъ его въ особый конвертъ королевскою печатью и вноситъ въ такомъ видѣ на сохраненіе къ себѣ въ архивъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ архивомъ Мирнаго Суда. Здѣсь остается оно *навсегда* и никому не должно быть выдаваемо изъ архива въ подлинникѣ. Получивъ извѣщеніе о смерти завѣщателя, нотаріусъ представляетъ, пакетъ съ завѣщаніемъ въ Судъ, гдѣ оно публично распечатывается, прочитывается и возвращается къ нотаріусу съ приказаніемъ оставить подлинникъ у себя въ архивѣ, а интересованнымъ лицамъ выдавать за своей скрѣпою копіи, которыя должны служить совершенной замѣною подлинника.

Такимъ образомъ душеприкащикъ, представивъ въ русское консульство копію съ завѣщанія Ивана П., поступилъ вполнѣ согласно съ необходимыми условіями мѣстнаго закона. При этихъ усло-

віяхъ невозможно было бы ставить ему въ обязанность представленіе подлинника, который долженъ на вѣчныя времена храниться въ маклерскомъ архивѣ; несправедливо было бы ставить ему въ вину упущеніе такого дѣйствія, которое вовсе не зависѣло отъ его воли и нѣтъ законнаго повода лишить въ предѣлахъ Россіи законной силы такой актъ, который въ Греческомъ королевствѣ имѣетъ значеніе несомнительнаго оффиціальнаго акта и въ общемъ порядкѣ былъ принятъ къ запискѣ въ россійскомъ консульствѣ. Возраженіе спорщика о томъ, что явка эта происходила несогласно съ Россійскими законами,—вовсе неосновательно. Формы и принадлежности явки не опредѣляются 1077 статьей Зак. Гражд. Правило этой статьи относится въ особенности къ домашнимъ завѣщаніямъ русскихъ подданныхъ и предоставляетъ имъ возможность—акту домашнему, въ самомъ чужеземномъ государствѣ, присвоить силу крѣпостнаго. Завѣщаніе Ивана П. не можетъ быть названо актомъ домашнимъ, въ томъ смыслѣ, какой присвоивается этому слову Россійскими законами (917, 921—923 Зак. Гражд.), такъ какъ въ составленіи его участвовало, кромѣ частныхъ лицъ, публичное лицо—нотаріусъ и мирный судья, въ торжественномъ обрядѣ, и въ присутствіи свидѣтелей. По написаніи взято оно нотаріусомъ къ себѣ для храненія и по смерти завѣщателя объявлено въ присутствіи судебнаго мѣста: слѣдовательно *при жизни завѣщателя* завѣщаніе это *не подлежало* явкѣ въ россійскомъ консульствѣ и даже вовсе не могло быть туда представлено, потому что хранилось по составленіи не въ рукахъ завѣщателя, а у нотаріуса, и никому не могло быть выдано.

К. Побѣдоносцевъ.

ОБЪ ОТДѢЛЕНІИ ВОПРОСОВЪ О ДѢЛѢ И ПРАВѢ ВЪ РѢШЕНІЯХЪ СУДЕБНЫХЪ МѢСТЪ.

Въ Учрежденіи Сената (Свода Зак. т. I), 3 п. ст. 122-й о постановленіи вопросовъ между прочимъ сказано:

«Вопросы о существѣ дѣла должны съ одной стороны обнять всѣ главныя обстоятельства, раскрывающія его сущность, а съ другой опредѣлить, какое должно быть сдѣлано примѣненіе къ онымъ законовъ.»

Это важное правило должно служить вообще предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ главнымъ руководствомъ при постановленіи вопросовъ для разрѣшенія существа дѣла. Нарушеніе онаго всегда приводитъ къ ложному выводу.

Въ уголовныхъ дѣлахъ раздѣленіе вопросовъ о дѣлѣ и правѣ сознано уже всѣми и не представляетъ, по осязательности своей, никакихъ затрудненій въ исполненіи; но въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ, по самому ихъ свойству, это раздѣленіе бываетъ затруднительно, а иногда даже и невозможно. Тѣмъ не менѣе правила о постановленіи вопросовъ, составляющія важное ограниченіе произвола судьи, могутъ быть съ удобствомъ примѣняемы въ большей части случаевъ и въ дѣлахъ гражданскихъ и должны быть примѣняемы во всѣхъ случаяхъ, когда это возможно.

Одна изъ главныхъ причинъ неправильности рѣшеній мѣстъ судебныхъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, произвольное смѣшеніе въ рѣшеніи суда предметовъ, требующихъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, и происходящее отсюда произвольное постановленіе вопросовъ.

Способность написать неправильное рѣшеніе зависитъ отъ умѣнья обойти вопросъ, какъ выражаются мнимые дѣльцы, и можно сказать, что, при несоблюденіи общаго правила, выраженнаго въ 3 п. ст. 122-й Учр. Пр. Сената, правильное разрѣшеніе дѣла зависитъ исключительно отъ произвола судьи, постановляющаго вопросы.

Главныя начала для постановленія вопросовъ, прямо истекающія изъ означеннаго правила, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Вопросы должны быть выводимы не иначе какъ изъ требованій тяжущихся, а не по усмотрѣнію судьи.

2) Спорныя обстоятельства должны быть отдѣлены отъ безспорныхъ.

3) Вопросы о спорныхъ обстоятельствахъ должны быть разрѣшены предварительно и отдѣльно отъ вопросовъ о примѣненіи къ нимъ закона.

Необходимость каждаго изъ сихъ трехъ условій истекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

1) Судья имѣетъ право самъ возбуждать вопросы безъ указанія тяжущихся только *въ слѣдственномъ процессѣ,* но сущность состязательнаго процесса состоитъ въ томъ, что судья не имѣетъ никакого права ни дополнять дѣло новыми доказательствами, ни возбуждать такихъ вопросовъ, о коихъ тяжущіеся не просятъ.

2) Отдѣленіе спорныхъ обстоятельствъ отъ безспорныхъ очищаетъ заключеніе суда, облегчаетъ обязанности судебныхъ мѣстъ и уясняетъ сущность дѣла.

3) Условіе объ отдѣленіи вопросовъ о спорныхъ обстоятельствахъ отъ вопросовъ о примѣненія къ нимъ закона требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Если предсѣдатель суда будетъ имѣть право или отдѣлить эти вопросы, или же соединить ихъ въ одномъ вопросѣ: *заслуживаетъ ли уваженія прошеніе истца,* то отъ его произвола будетъ зависѣть положительный и отрицательный отвѣтъ всего присутствія.

Это легко объяснить примѣрами:

Первый примѣръ:

Въ дѣлѣ о пожизненной записи на недвижимое имѣніе отвѣтчикъ ограждаетъ свое право силою закона о давности, а истецъ опровергаетъ отвѣтчика по двумъ основаніямъ:

1) Что отвѣтчикъ не владѣлъ имѣніемъ въ теченіи десяти лѣтъ.

2) Что законъ о давности не примѣняется къ дѣламъ о пожизненномъ владѣніи.

Изъ означенныхъ взаимныхъ требованій и возраженій тяжущихся возникаютъ два вопроса:

Первый—о спорномъ обстоятельствѣ: владѣлъ-ли отвѣтчикъ имѣніемъ въ теченіи десяти лѣтъ?

Второй—о примѣненіи закона: примѣняется ли законъ о давности къ пожизненному владѣнію?

Можно предложить эти *два вопроса отдѣльно* или же соединить ихъ *въ одномъ вопросѣ: заслуживаетъ-ли уваженія просьба истца?*

Первый случай.

Предсѣдатель предлагаетъ эти вопросы отдѣльно присутствію, состоящему изъ 3-хъ судей.

По первому вопросу, о спорномъ обстоятельствѣ—

Первый судья говоритъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ десять лѣтъ.

Второй судья отрицаетъ это обстоятельство.

Третій судья соглашается съ первымъ.

Вопросъ о спорномъ обстоятельствѣ разрѣшается въ пользу отвѣтчика большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного (перваго и третьяго судей противъ втораго).

По второму вопросу, о примѣненіи закона—

Первый судья утверждаетъ, что законъ о давности не примѣняется къ дѣлу.

Второй судья напротивъ того полагаетъ, что законъ о давности ограждаетъ права отвѣтчика.

Третій судья соглашается съ мнѣніемъ втораго судьи.

Вопросъ о примѣненіи закона разрѣшается, также какъ и первый вопросъ, въ пользу отвѣтчика большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного (втораго и третьяго судей противъ перваго).

Слѣдовательно дѣло разрѣшено въ пользу отвѣтчика по большинству голосовъ.

Второй случай.

Предсѣдатель вмѣсто того, чтобы предложить эти два вопроса отдѣльно, соединяетъ ихъ въ одномъ вопросѣ: *заслуживаетъ ли уваженія прошеніе истца.*

Тѣже самые судьи, оставаясь при тѣхъ же мнѣніяхъ, разрѣшаютъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ;

Первый судья, хотя и полагаетъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ 10-ть лѣтъ, но считаетъ, что законъ о давности не примѣняется къ дѣлу и потому признаетъ, что прошеніе истца заслуживаетъ уваженія.

Второй судья, хотя и признаетъ, что законъ о давности ограждаетъ права отвѣтчика, но находитъ, что онъ не владѣлъ имѣніемъ въ теченіи десяти лѣтъ и потому, согласно съ первымъ судьею, хотя и по совершенно другимъ основаніямъ, признаетъ, что прошеніе истца заслуживаетъ уваженія.

Наконецъ третій судья признаетъ, что отвѣтчикъ владѣлъ имѣніемъ 10 лѣтъ и что законъ о давности ограждаетъ его права, и *одинъ рѣшаетъ дѣло въ пользу отвѣтчика,* признавая, что прошеніе истца не заслуживаетъ уваженія.

Слѣдовательно дѣло, при общемъ вопросѣ, разрѣшено въ пользу истца по большинству голосовъ тѣхъ самыхъ судей, которые, при отдѣльныхъ вопросахъ, разрѣшили опое въ пользу отвѣтчика.

Примѣръ этотъ можно разъяснить слѣдующею таблицею.

Вопросы.	Судьи.			Результаты.	
	первый.	второй.	третій.		
первый вопросъ.	+	—	+	+	+ два противъ одного.
второй вопросъ.	—	+	+	+	
общій вопросъ.	—	—	+	—	— два противъ одного.

Знакъ + означаетъ, что вопросъ рѣшается въ пользу отвѣтчика, а знакъ —, что онъ рѣшается въ пользу истца.

Результатъ по общему вопросу въ совершенномъ противорѣчіи съ результатами по отдѣльнымъ вопросамъ.

Второй примѣръ.

Истецъ опровергаетъ завѣщаніе по формѣ и по существу.

По формѣ онъ доказываетъ неточность подписи завѣщателя;

или недостатокъ свидѣтелей, или неполноту свидѣтельскихъ подписей.

По существу онъ доказываетъ, что завѣщатель не имѣлъ права распоряжать имѣніемъ, напримѣръ родовымъ:

Первый случай.

Предсѣдатель предлагаетъ вопросы по формѣ и по существу отдѣльно.

Вопросъ по формѣ.

Первый судья признаетъ, что завѣщеніе по формѣ правильно.

Второй судья находитъ завѣщаніе не формальнымъ.

Третій судья соглашается съ первымъ.

Слѣдовательно завѣщаніе по формѣ утверждено большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Вопросъ по существу.

Первый судья находитъ, что завѣщатель не имѣлъ по закону права распоряжать имѣніемъ и отвергаетъ завѣщаніе.

Второй судья напротивъ того полагаетъ, что завѣщаніе по содержанію удовлетворяетъ требованіямъ закона.

Третій судья соглашается со вторымъ.

Завѣщаніе по существу утверждается, также какъ и по формѣ, большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Слѣдовательно дѣло рѣшено въ пользу отвѣтчика и завѣщаніе утверждено по большинству голосовъ.

Второй случай.

Предсѣдатель вмѣсто того, чтобы предложить отдѣльно вопросы по формѣ и по существу предлагаетъ одинъ вопросъ: слѣдуетъ-ли утвердить завѣщаніе.

Первый судья хотя и находитъ, что оно должно быть утверждено по формѣ, но отвергаетъ оное по существу, и потому разрѣшаетъ общій вопросъ отрицательно.

Второй судья, хотя и находитъ, что завѣщаніе по существу слѣдовало бы утвердить, но признаетъ его недѣйствительнымъ по формѣ и потому, также какъ первый судья, хотя совершенно по другимъ основаніямъ, разрѣшаетъ общій вопросъ отрицательно.

Наконецъ третій судья полагаетъ утвердить завѣщаніе и по формѣ и по существу и потому разрѣшаетъ общій вопросъ положительно.

Завѣщаніе отвергнуто большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного.

Слѣдовательно при общемъ вопросѣ завѣщаніе отвергнуто по большинству голосовъ тѣхъ самыхъ судей, которые при отдѣльныхъ вопросахъ по формѣ и по существу полагали утвердить оное.

Примѣръ этотъ объясняется слѣдующею таблицею.

Вопросы.	Судьи.			Результаты.
	Первый судья.	Второй судья	Третій судья	
1-й вопросъ по формѣ.	Завѣщаніе по формѣ утвердить.	отвергнуть	утвердить	утвердить, 2 противъ одного.
2-й вопросъ по существу.	Завѣщаніе по существу отвергнуть.	утвердить	утвердить	утвердить, 2 противъ одного.
Общій вопросъ.	Отвергнуть.	отвергнуть	утвердить	отвергн., 2 противъ одного.

Результатъ по общему вопросу въ совершенномъ противорѣчіи съ результатами по отдѣльнымъ вопросамъ (*).

(*) По первоначальнымъ правиламъ алгебры *корень четной степени изъ отрицательнаго количества есть мнимый, или невозможный.* При нарушеніи сего правила можно безъ всякаго затрудненія придти къ результату 2=3.

Это легко доказать слѣдующею выкладкою:

$$4-10=9-15,$$

$$\text{т. е. } 2^2-2.5=3^2-3.5$$

Прибавляя къ уравненію количество $\left(\frac{5}{2}\right)^2$, получимъ:

$$2^2-2.5+\left(\frac{5}{2}\right)^2=3^2-3.5+\left(\frac{5}{2}\right)^2, \text{т. е. } \left(2-\frac{5}{2}\right)^2=\left(3-\frac{5}{2}\right)^2.$$

Извлекая *корень четной степени изъ отрицательнаго количества*, получимъ:

$$2-\frac{5}{2}=3-\frac{5}{2}, \text{т. е. } 2=3.$$

Выводъ очевидно нелѣпый, показывающій, что въ наукахъ положительныхъ всякое нарушеніе основнаго правила приводитъ къ нелѣпому результату.

Примѣры эти доказываютъ, что при несоблюденіи правила объ отдѣленіи вопросовъ о спорныхъ обстоятельствахъ отъ вопросовъ о примѣненіи закона, положительное или отрицательное разрѣшеніе дѣла всегда зависитъ отъ произвола проницательнаго предсѣдателя, понимающаго истинный смыслъ произвольнаго постановленія вопросовъ.

Необходимость отдѣленія вопросовъ о спорныхъ обстоятельствахъ отъ вопросовъ о примѣненіи закона, независимо отъ означенныхъ практическихъ доводовъ, явствуетъ изъ самаго значенія рѣшенія дѣла.

Рѣшеніе дѣла есть ничто иное какъ примѣненіе закона къ *извѣстнымъ* обстоятельствамъ. Это ничто иное какъ силлогизмъ, *первая* часть коего есть *событіе*, *вторая* часть *законъ*, а *результатъ* есть самое *положеніе* суда. Слѣдовательно прежде всего надобно опредѣлить *первую* часть этого силлогизма, т. е. прежде примѣненія закона привести обстоятельства дѣла въ *извѣстность*, отдѣлить спорныя отъ безспорныхъ и разрѣшить вопросъ о спорныхъ обстоятельствахъ, независимо отъ примѣненія закона.

Понятно, что судьи, прежде примѣненія закона, должны быть согласны по вопросу, къ какимъ именно обстоятельствамъ законъ долженъ быть примѣненъ.

Если судьи не согласны по вопросу о событіяхъ и не разлагая дѣла на существенныя его части, требующія отдѣльнаго разсмотрѣнія, остановятся лишь на общемъ вопросѣ: заслуживаетъ ли прошеніе уваженія, то они приходятъ весьма часто къ результату прямо противному мнѣнію большинства, что доказываютъ два вышеприведенные примѣра.

Конечно въ гражданскихъ дѣлахъ вопросы объ обстоятельствахъ бываютъ иногда такъ тѣсно связаны съ вопросами о примѣненіи закона, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ выше замѣчено уже, раздѣленіе вопросовъ можетъ быть затруднительно и даже невозможно. Кромѣ того бываютъ случаи, когда вовсе нѣтъ спорныхъ обстоятельствъ, когда тяжущіеся по всѣмъ вопросамъ объ обстоятельствахъ дѣла между собою согласны и спорятъ только о примѣненіи закона. Въ такихъ случаяхъ конечно отдѣленіе вопросовъ не можетъ имѣть мѣста.

Посему неисполненіе сихъ правилъ не должно имѣть безуслов-

нымъ послѣдствіемъ недѣйствительность рѣшеній, но оно могло бы служить основаніемъ къ уничтоженію рѣшенія въ такихъ только случаяхъ, когда тяжущіеся докажутъ:

во 1-хъ, что раздѣленіе вопросовъ было возможно по свойству дѣла,

во 2-хъ, что смѣшеніе вопросовъ имѣло послѣдствіемъ неправильное разрѣшеніе дѣла.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что обязанность судьи отдѣлить вопросы о спорныхъ обстоятельствахъ отъ вопросовъ о примѣненіи закона заставитъ его вникнуть внимательнѣе въ дѣло, разложить его на составныя части, разъяснить спорныя обстоятельства и не дозволитъ ему обойти вопроса, т. е. преградитъ возможность достиженія самой обыкновенной уловки несправедливаго судьи.

Однимъ словомъ правило о раздѣленіи вопросовъ о дѣлѣ и правѣ есть, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ законныхъ условій къ ограниченію произвола судьи въ рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ.

С. ЗАРУДНЫЙ.

ОЧНАЯ СТАВКА И ОЧНОЙ СВОДЪ.

Термины не суть конечно предметъ исключительной важности въ юриспруденціи; но тѣмъ не менѣе удачный выборъ ихъ можетъ способствовать къ уясненію существа дѣла. Означеніе нѣсколькихъ понятій, нѣсколькихъ юридическихъ учрежденій однимъ и тѣмъ-же словомъ иногда оказывается неудобнымъ: примѣромъ этого можетъ служить усвоенный нашими законами терминъ: *очная ставка*.

Разсматривая существо очной ставки по русскому законодательству, находимъ, что она имѣетъ двоякое значеніе: 1) какъ доказательство (¹) и 2) какъ судопроизводственный обрядъ, предшеству-

(¹) Очная ставка составляетъ доказательство какъ по дѣламъ уголовнымъ (т. XV, кн. 2, ст. 197), такъ и по дѣламъ гражданскимъ, хотя Сводъ Законовъ,

юццій свидѣтельскому показанію. Очныя ставки, какъ сказано въ Сводѣ Законовъ (1), даются для объясненія противурѣчій и для взаимнаго уличенія подсудимыхъ, доносителя, свидѣтелей и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ; а также для того, дабы удостовѣриться, что извѣтчики и свидѣтели знаютъ тѣхъ, которыхъ они заочно обвиняютъ. Въ этихъ словахъ вкратцѣ указанъ весь объемъ очной ставки, т. е. какъ доказательства и какъ судопроизводственнаго обряда.

Далѣе въ Сводѣ Законовъ объясняется, что свидѣтелю, когда онъ находится на лицѣ, надлежитъ всегда прежде допроса: 1) дать очную ставку, 2) привести его къ присягѣ (2); на очной ставкѣ спрашивать: 1) свидѣтеля,—обвиняемый тотъ ли самый человѣкъ, о которомъ онъ будетъ показывать; 2) обвиняемаго, не имѣетъ-ли онъ на свидѣтеля какого подозрѣнія (3); на очной ставкѣ тяжущійся объявляетъ—отводитъ ли онъ свидѣтеля или нѣтъ; тяжущійся можетъ о подозрѣніи своемъ объявить и при самомъ учиненіи противною стороною ссылки на свидѣтеля (4); если оговоренный отзовется, что преступникъ, его оговорившій, даже и не знакомъ ему, то надлежитъ приводить его на очную ставку съ другими дабы увидѣть, узнаетъ ли его оговорившій или нѣтъ (5). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, относящихся отчасти къ гражданскому, отчасти къ уголовному судопроизводству, отчасти къ тому и другому вмѣстѣ, очная ставка является не доказательствомъ, а только судопроизводственнымъ обрядомъ, предварительною мѣрою, предшествующею отобранію показанія, подобно тому какъ не составляетъ доказательства священническое увѣщаніе передъ присягою, или отводъ свидѣтеля отъ свидѣтельства подъ присягою. Такого рода дѣйствія, не составляя сами по себѣ доказательствъ, могутъ только, смотря по свойству ихъ, увеличивать или уменьшать силу доказательствъ. И хотя само законодательство объ очныхъ ставкахъ въ означенномъ смыслѣ и о присягѣ свидѣтелей трактуетъ подъ рубрикою «о пока-

---

при перечисленіи доказательствъ по дѣламъ гражданскимъ, умалчиваетъ объ очной ставкѣ (т. X ч. II ст. 314), безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что очная ставка не есть собственно отдѣльное доказательство, а входитъ въ составъ свидѣтельскаго показанія.—(1) XV т., кн. 2-й ст. 271.—(2) Тамъ же, ст. 229; Т. X, ч. II, ст. 376.—(3) XV т. кн. 2, ст. 230.—(4) Т. X, ч. II, ст. 377.—(5) Т. XV, кн. 2, ст. 276.

занія свидѣтелей», но тѣмъ не менѣе оно очную ставку не принимаетъ здѣсь за доказательство ([1]).

«Если свидѣтели противорѣчатъ между собою, то надлежитъ чрезъ очныя ставки и другія доказательства изслѣдовать, чье показаніе справедливо», сказано въ ст. 395-й Зак. о Судопр. Гражд. ([2]). Здѣсь очная ставка уже положительно названа доказательствомъ, и дѣйствительно въ этомъ смыслѣ она есть доказательство, помощію котораго разнорѣчивыя показанія свидѣтелей приводятся къ одному знаменателю, объясняются недоразумѣнія, подтверждается или отвергается достовѣрность заявленій свидѣтелей ([3]).

Изъ всего этого можно заключить, что наше законодательство между очною ставкою въ смыслѣ доказательства и очною ставкою въ смыслѣ судопроизводственнаго обряда не дѣлаетъ никакого различія, въ слѣдствіе чего понятія сталкиваются и являются неопредѣленными. Прибавимъ къ этому, что въ законахъ не упоминается даже о силѣ очной ставки; но разумѣется, что такъ какъ она, въ качествѣ доказательства, есть ничто иное какъ особый видъ допроса, то и сила ея должна опредѣляться на основаніи правилъ о показаніяхъ вообще лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу.

Тотъ же взглядъ на очныя ставки, какой встрѣчаемъ въ Сводѣ Законовъ, господствуетъ и въ сочиненіяхъ нашихъ юристовъ; обыкновенно слѣдуя въ изложеніи системѣ Свода, списывая большею частію голословно изложенныя въ немъ постановленія, они только мимоходомъ говорятъ объ очной ставкѣ и двоякомъ значеніи ея ([4]);

([1]) Быть можетъ законодательство сочло нужнымъ въ заглавіяхъ передъ ст. 230-й 2 кн. XV т. Св. Зак. и ст. 377-й 2 части т. X «объ очной ставкѣ при свидѣтельствѣ» къ термину «очная ставка» прибавить слово «при свидѣтельствѣ» съ тою цѣлію, чтобы показать, что очная ставка имѣетъ двойственное значеніе.—([2]) Ср. 251 ст. 2-й кн. XV т.—([3]) Ср. ст. 417 и 418 X т. 2-й части; ст. 268, 272, 273, 274, 278 2-й кн. XV т.—([4]) Такъ, напримѣръ, г. Стояновскій въ своемъ, извѣстномъ съ хорошей стороны, «Практическомъ руководствѣ къ русскому уголовному судопроизводству (С. П. Б., 1852 г.)», въ статьѣ о доказательствахъ, говоритъ между прочимъ и объ очной ставкѣ (стр. 49, § 85). Вотъ его слова: «очная ставка есть противопоставленіе другъ другу двухъ (?) лицъ или для объясненія противорѣчія въ показаніяхъ ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ, или для убѣжденія въ томъ, что они знаютъ другъ друга. Кромѣ того, на очную ставку обвиняемый сводится съ свидѣтелемъ для того, чтобы первый объявилъ не имѣетъ ли онъ на послѣдняго

Этому, конечно, много способствуетъ то обстоятельство, что употребляется одинъ и тотъ же терминъ—«очная ставка»—для обозначенія доказательства и судопроизводственнаго обряда; употребленіе же одного термина произошло, по всей вѣроятности, отъ того, что въ обоихъ случаяхъ дѣйствующія лица ставятся съ очей на очи, въ обоихъ случаяхъ, по видимому, происходитъ одно и тоже, между-тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ два юридическія дѣйствія, только соприкасающіяся другъ съ другомъ, но по существу своему различныя.

Какъ бы сознавая то неудобство, какое происходитъ отъ употребленія одного термина для выраженія двухъ различныхъ по содержанію дѣйствій, наша юридическая практика уклоняется отъ терминологіи, указанной Сводомъ Законовъ. По крайней-мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, въ Пермской губерніи практическіе юристы предѣлы понятія очной ставки стѣсняютъ, именно названіе это придаютъ очной ставкѣ только въ смыслѣ доказательства. Что же касается до судопроизводственныхъ дѣйствій, предшествующихъ свидѣтельскому показанію въ обширномъ смыслѣ, то ихъ называютъ *очнымъ сводомъ*. Конечно, не всегда, но очень часто въ слѣдственныхъ дѣлахъ въ обширномъ смыслѣ, встрѣчается это различіе (*).

При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на этимологическое происхожденіе обоихъ терминовъ. Очная ставка и очной сводъ суть синонимы; ставить съ очей на очи и сводить одно лицо съ другимъ—выраженія однозначущія. И вотъ практика воспользовалась этими синонимами для того, чтобы выразить ими два отдѣльныя юридическія дѣйствія, между которыми, впрочемъ, существуетъ сходство.

подозрѣнія». Только въ примѣчаніи г. Стояновскій указываетъ, хотя не прямо, что очная ставка имѣетъ двоякое значеніе.

(*) Такъ, напримѣръ, слѣдователи въ своихъ постановленіяхъ нерѣдко выражаются такимъ образомъ: «на основаніи 229 и 230 статей Свода Зак. т. XV кн. 2, или ст. 376 и 377 т. X ч. 2 (смотря по существу дѣла) тогда то, такимъ-то лицамъ данъ *очной сводъ*; а на очномъ сводѣ свидѣтель говоритъ, знаетъ онъ или нѣтъ поставленнаго съ нимъ на очи, можетъ или нѣтъ свидѣтельствовать противъ него подъ присягою; обвиняемый же объявляетъ, отводитъ онъ свидѣтеля или нѣтъ и если отводитъ, то по какимъ причинамъ». Или: «на основаніи статьи 251 т. XV кн. 2, или ст. 395 т. X, ч. 2, тогда то, такимъ-то лицамъ, въ слѣдствіе разнорѣчивыхъ ихъ показаній о такомъ то обстоятельствѣ, дана очная ставка».

Это практическое различіе между очнымъ сводомъ и очною ставкою замѣчательно еще тѣмъ, что оно напоминаетъ намъ одно изъ древнѣйшихъ доказательствъ, называемое сводомъ или изводомъ (*). Такъ по Русской Правдѣ, въ случаѣ опознанія вещи, нужно было законность пріобрѣтенія ея доказывать сводомъ или изводомъ, т. е. вести къ тому лицу, отъ кого куплена вещь; такъ по уставной Двинской грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича, 1398 года (**), въ искахъ о воровствѣ, отысканіе вещи въ чужомъ владѣніи считалось достаточнымъ доказательствомъ покражи и, въ опроверженіе этого, тотъ, у кого вещь найдена, для оправданія, долженъ былъ сводить съ себя воровство до десяти изводовъ (***). Но между древнѣйшимъ сводомъ или изводомъ и нынѣшнимъ очнымъ сводомъ большая разница: первый является самостоятельнымъ доказательствомъ, послѣдній только судопроизводственнымъ обрядомъ, предшествующимъ свидѣтельскому показанію; въ первомъ случаѣ сводъ служитъ доказательствомъ законности пріобрѣтенія вещи чрезъ указаніе на тѣхъ лицъ, отъ которыхъ вещь получена; во второмъ онъ есть сопоставленіе лицъ, долженствующихъ свидѣтельствовать, съ лицомъ обвиняемымъ, съ тою цѣлію, чтобы они объяснили, первые знаютъ ли обвиняемаго и могутъ ли свидѣтельствовать противъ него подъ присягою, послѣдній-же—отводитъ ли онъ свидѣтелей или нѣтъ и въ случаѣ подтвержденія отвода—по какимъ причинамъ.

П. МУЛЛОВЪ.

(*) Независимо отъ общеупотребительныхъ значеній слова сводъ (сводъ небесный, сводъ въ зданіи и пр.), оно въ русскомъ юридическомъ языкѣ имѣетъ въ настоящее время еще два другія значенія. Подъ именемъ свода разумѣется бракъ (сводный бракъ), который установляется не по правиламъ, предписаннымъ Церковью, а самовольно, безъ благословенія духовнаго лица; такіе браки существуютъ въ раскольническихъ сектахъ. Что касается до другаго значенія слова сводъ, то оно всѣмъ извѣстно: стоитъ только указать на Сводъ Законовъ, Сводъ постановленій, и т. п.

(**) См. А. Арх. Э., т. I, N 13 ст. 8—10, и Карамз. И. Г. Р. т. V прим. 244.

(***) См. Пахмана, «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву». М. 1851 г., стр. 42.

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ВЪ ДѢЛАХЪ УГОЛОВНЫХЪ*.

Въ V-й главѣ 2-й книги XV-го т. Свода Закон. Уголовн. говорится «О пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.» Къ этимъ средствамъ отнесены: 1) содержаніе въ тюрьмѣ и при полиціи, 2) домашній арестъ и полицейскій надзоръ и 3) *отдача на поруки.*

Содержаніе обвиняемыхъ въ тюрьмѣ и при полиціи допускается только въ случаѣ важныхъ преступленій. Въ тюрьмѣ содержатся обвиняемые въ такихъ преступленіяхъ, за которыя опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же потеря всѣхъ особенныхъ какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или въ рабочій домъ, особенно, когда подсудимые уже осуждены въ первой степени суда (ст. 134). А кто долженъ быть содержимъ при полиціи—законодательство не объясняетъ, почему въ практикѣ по этому случаю возникаютъ нерѣдко сомнѣнія, разногласія.

«Въ домашнемъ арестѣ и въ полицейскомъ надзорѣ (на основаніи ст. 135) надлежитъ содержать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, за которыя они подлежали бы заключенію въ крѣпости, смирительномъ домѣ или тюрьмѣ».

«*Отдача на поруки* (ст. 137 того же тома) допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые представятъ надежное поручительство въ томъ, что не будутъ скрываться и станутъ являться въ судъ, когда имъ приказано будетъ, и по такимъ преступленіямъ, по которымъ они на основаніи законовъ могутъ подлежать наказаніямъ, менѣе, противъ означенныхъ въ статьѣ 134, строгимъ».

137-я статья 2-й книги XV тома есть единственная общая статья (**)

(*) Благодаря искренно г. Муллова за эту статью, мы полагаемъ, что наше законодательство могло бы много выиграть, еслибъ юристы-практики представляли по болѣе такихъ замѣтокъ. *Ред.*

(**) Хотя и слѣдующая за нею 138 статья также касается отдачи на поруки, но въ ней рѣчь идетъ только о крестьянахъ удѣльнаго вѣдомства.

въ нашемъ законодательствѣ, въ которой говорится объ отдачѣ на поруки, какъ о способѣ пресѣченія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Но она не вполнѣ уясняетъ намъ значеніе учрежденія поручительства въ дѣлахъ уголовныхъ; нѣкоторыя стороны этого учрежденія остаются для насъ темными. Изъ означенной статьи мы видимъ только, въ какихъ случаяхъ допускается отдача обвиняемыхъ на поруки, а именно, когда совершенное ими преступленіе не влечетъ за собою заключеніе въ крѣпости, смирительномъ домѣ или тюрьмѣ; далѣе видимъ, какого свойства должно быть самое поручительство (—надежное—) и, наконецъ, въ чемъ заключается цѣль его (что обвиняемый не будетъ скрываться и станетъ являться въ судъ, когда ему будетъ приказано—). Болѣе не представляется отсюда никакого вывода. Можно поэтому предполагать, что законодательство, давая такое опредѣленіе относительно отдачи на поруки обвиняемыхъ, имѣло въ виду только нормальный ходъ дѣла. Этотъ нормальный ходъ дѣла, по нашему мнѣнію, долженъ быть таковъ: обвиняемый въ преступленіи или самъ добровольно или по требованію должностнаго лица или присутственнаго мѣста представляетъ (или же другія лица за него представляютъ) поручительство въ томъ, что онъ не будетъ скрываться и будетъ являться въ судъ, когда ему будетъ приказано; представленное поручительство признается достаточнымъ, *надежнымъ*, и онъ отдается на поруки; во все время производства дѣла обвиняемый не скрывается и, по приказанію, является въ судъ; наконецъ, самое дѣло оканчивается, а съ окончаніемъ дѣла прекращается и поручительство; однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ поручительство оказалось вполнѣ надежнымъ: порука оправдала свое слово предъ отдавшимъ ей на руки обвиняемаго, а съ другой стороны отдавшій обвиняемаго на поруки не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, признавъ поручительство надежнымъ. И на этотъ разъ постановленнаго законодательствомъ опредѣленія совершенно достаточно для насъ, ибо оно вполнѣ соотвѣтствуетъ данному случаю. Но, какъ само собою разумѣется, въ дѣйствительности представляются различныя уклоненія отъ той нормы, какую имѣетъ въ виду законодательство. Случаи уклоненія легко могутъ быть сведены къ двумъ пунктамъ: 1) обвиняемый не представилъ, отказался представить за себя порукъ, или представленное имъ поручительство не признано удовлетворительнымъ;

надежнымъ; 2) обвиняемый отданъ на поруки, но въ послѣдствіи поручительство почему-либо оказалось ненадежнымъ.

Положимъ что встрѣтился первый случай, т. е. что обвиняемый не представилъ поручительства или представленное имъ поручительство не признано надежнымъ (*). Спрашивается: что же дѣлать теперь съ обвиняемымъ? какой избрать способъ пресѣченія ему уклоняться отъ слѣдствія и суда? Такъ какъ отдача на поруки считается мѣрою самою слабою, крайнею, то необходимость заставляетъ обратиться къ мѣрѣ болѣе строгой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшей, непосредственно слѣдующей за поручительствомъ; такою мѣрою должно считать, разумѣется, домашній арестъ или полицейскій надзоръ. Между тѣмъ законодательство постановляетъ, что обвиняемый, въ случаѣ непредставленія за себя порукъ, *подвергается содержанію въ тюрьмѣ* (ст. 134-я кн. 2-й XV т.). Такая мѣра имѣетъ свое основаніе въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя сами виновны въ непредставленіи надежнаго поручительства (напр. по дурному поведенію), ибо если они терпятъ въ такомъ случаѣ бòльшее стѣсненіе противъ обыкновеннаго, то терпятъ отчасти по своей винѣ. Но если лицо должно быть подвергнуто бòльшему ограниченію его свободы не по собственной его винѣ, а по другимъ, независящимъ отъ него обстоятельствомъ; напримѣръ, если незадолго до обвиненія въ преступленіи оно перемѣнило мѣсто жительства и единственно потому не можетъ представить поручителей, что никто еще не знаетъ его хорошо: въ такомъ случаѣ незаслуженное ограниченіе его свободы можетъ быть оправдано только необходимостію, а не строгою справедливостію.

(*) По всей вѣроятности такіе случаи бываютъ довольно рѣдко. И дѣйствительно, нужно слишкомъ уже низко пасть въ общемъ мнѣніи, слишкомъ дурную репутацію, дурную славу о себѣ составить, чтобы не найти надежнаго поручительства, тѣмъ болѣе, что отдача на поруки допускается только по преступленіямъ незначительнымъ, маловажнымъ. Но нельзя отвергать, чтобы такіе случаи были невозможны. Они могутъ быть даже независимо отъ хорошей или дурной славы объ обвиняемомъ. Да и само законодательство не считаетъ ихъ невозможными, что видно изъ словъ 137-й ст. «отдача на поруки *допускается* въ тѣхъ случаяхъ, *когда* обвиняемые *представятъ* надежное поручительство»; это выраженіе условное: законодательство только допускаетъ отдачу на поруки, подъ условіемъ надежности, а не говоритъ утвердительно, что порука должна быть представлена.

Напротивъ, обвиняемаго сажаютъ иногда въ тюрьму за такое преступленіе, за которое, даже въ случаѣ его совершенія, законъ налагаетъ меньшее наказаніе? Отчего же бы не допустить здѣсь меньшее стѣсненіе свободы, наприм. полицейскій надзоръ или домашній арестъ? Или почему бы даже въ подобныхъ случаяхъ не отдавать обвиняемыхъ подъ надзоръ частныхъ лицъ?

Обратимся теперь къ тому случаю, когда обвиняемый отданъ на поруки, но поручительство оказалось ненадежнымъ. Что касается самого обвиняемаго, не оправдавшаго даннаго за него обѣщанія поручителемъ, то объ немъ мы можемъ замѣтить, что если бы онъ сталъ скрываться и не являться по призыву въ судъ, съ нимъ должно быть поступлено точно также, какъ съ лицемъ вовсе не представившимъ надежнаго поручительства, т. е. онъ долженъ быть подвергнутъ заключенію. Но оставимъ въ сторонѣ обвиняемаго и обратимся къ поручителю.

Само собою разумѣется, что съ отдачею на поруки соединяется понятіе объ обязанностяхъ и отвѣтственности поручителя. Въ чемъ же заключаются эти обязанности и отвѣтственность поручителя? На этотъ вопросъ законодательство не даетъ намъ отвѣта. А какъ практикѣ нерѣдко приходится сталкиваться съ этимъ вопросомъ, то неудивительно нисколько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нее образовался свой собственный взглядъ на этотъ предметъ.

Ненадежность поручительства можетъ быть двоякаго рода: 1) когда обвиняемый обманываетъ ожиданія *поручителя* честнаго, *надежнаго*; 2) когда и *самъ поручитель* оказывается *ненадежнымъ*, когда между обвиняемымъ и поручителемъ существуетъ соглашеніе—воспользоваться поручительствомъ, какъ удобнѣйшимъ средствомъ избѣжать не только заключенія, но и уклоняться отъ слѣдствія и суда и даже скрыться. Въ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности не представляетъ особеннаго затрудненія, такъ-какъ тутъ является самостоятельное преступленіе, за которое и долженъ быть порука подвергнутъ наказанію. Законъ объ укрывателяхъ легко можетъ быть примѣненъ и къ такимъ лживымъ поручителямъ.

Иное дѣло первый случай. Поручитель не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности за отданное ему на поруки лице, если только съ его стороны исполнены добросовѣстно обязанности поручитель-

ства. Не находя въ законодательствѣ опредѣленій объ обязанностяхъ и отвѣтственности поручителя, практика сама разрѣшаетъ этотъ вопросъ. По ея мнѣнію обязанности поручителя заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: поручитель долженъ имѣть постоянное, неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы обвиняемый самовольно не отлучался никуда изъ мѣста жительства своего, имѣть строгій надзоръ за его поведеніемъ; убѣдившись личнымъ наблюденіемъ или узнавъ изъ другихъ какихъ-либо источниковъ о неблагонадежности обвиняемаго (напр. объ уклончивости его отъ слѣдствія или суда, о намѣреніи скрыться, учинить побѣгъ, о зазорномъ поведеніи, о покушеніи на новое преступленіе, или о совершеніи новаго преступленія и т. п.) поручитель обязанъ *немедленно* довести объ этомъ до свѣдѣнія подлежащаго начальства, при чемъ имѣетъ полное право просить о снятіи съ него поручительства, тѣмъ болѣе, что уже вслѣдствіе такого заявленія само по себѣ поручительство теряетъ свой характеръ и при дальнѣйшемъ существованіи (если это допущено будетъ) принимаетъ видъ простаго надзора за обвиняемымъ; узнавъ о неизвѣстной отлучкѣ обвиняемаго, о побѣгѣ его, поручитель также увѣдомляетъ объ этомъ подлежащее мѣсто или лице. Если всѣ эти обязанности добросовѣстно исполнены поручителемъ, если, сверхъ-того, представлено имъ удостовѣреніе въ томъ,—практика освобождаетъ его отъ всякой отвѣтственности по поручительству. Этотъ взглядъ практики намъ кажется справедливымъ.

Число поручителей закономъ также не опредѣляется: практика обыкновенно требуетъ двухъ, иногда и болѣе и очень рѣдко довольствуется однимъ; въ опредѣленіи числа поручителей, разумѣется, имѣетъ важное вліяніе личность поручителей, положеніе ихъ, значеніе въ обществѣ.

Мы сказали уже, что 137 статья 2-й книги XV тома есть единственная общая, въ которой говорится объ отдачѣ на поруки. Въ частности законодательство постановляетъ еще объ удѣльныхъ крестьянахъ, а именно: управляющимъ удѣльными конторами и удѣльнымъ приказамъ дается право, брать на свое поручительство содержащихся подъ стражею удѣльныхъ крестьянъ, долговременно отлучаемыхъ отъ ихъ домовъ и неподлежащихъ тяжкому наказанію, съ обязанностію представить ихъ на судъ по востребованію (ст. 138).

Никакихъ другихъ опредѣленій по этому предмету не даетъ наше законодательство. Между-тѣмъ этотъ предметъ, только по видимому кажущійся мелкимъ, ничтожнымъ, съ юридической точки зрѣнія представляется весьма важнымъ. Свобода человѣка—столь драгоцѣнное благо, что требуетъ тщательнаго обсужденія, опредѣленныхъ постановленій, ограничить ли ее въ извѣстныхъ случаяхъ и въ какой именно мѣрѣ. Между тюремнымъ заключеніемъ и отдачею на поруки—разница громадная. Тутъ дѣло идетъ не о простой какой-либо формальности: оно касается часто добраго имени, чести лица, его моральнаго и матеріальнаго благосостоянія; нарушеніе ихъ есть нарушеніе святости, неприкосновенности человѣческой личности. Вотъ почему мы обратили вниманіе на этотъ предметъ, по видимому неважный. Тутъ, за недостаткомъ законодательныхъ опредѣленій, часто господствуетъ произволъ, тѣмъ болѣе неотрадный, что въ нашемъ служебномъ мірѣ онъ принимаетъ иногда видъ корыстнаго расчета.

Г. МУЛЛОВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ ГГ. ВЛАСОВСКАГО И ПОКОРСКАГО - ЖОРАВКО.

Въ статьяхъ по крестьянскому вопросу, появляющихся въ нашихъ журналахъ, нерѣдко дѣлаются ссылки на наши законы о крѣпостномъ состояніи и высказывается то или другое ихъ пониманіе. Весьма часто убѣжденія, обнаруживаемыя въ этихъ статьяхъ и будто бы основанныя на постановленіяхъ дѣйствующаго русскаго права, нисколько съ нимъ несогласны. Мы думаемъ, что для правильнаго разрѣшенія вопроса о крестьянахъ, необходимо, чтобы все, сколько нибудь къ нему соприкасающееся, не было оставлено безъ вниманія, но разъяснено самымъ полнымъ и отчетливымъ образомъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно законовъ, на которыхъ утверждается крѣпостное право, такъ какъ въ нихъ помѣщики могутъ находить опору тѣмъ или другимъ своимъ требованіямъ. По такимъ побужденіямъ, мы рѣшаемся разобрать

образъ пониманія нѣкоторыхъ статей Свода Законовъ гг. Власовскимъ и Покорскимъ - Жоравко (*).

Г. Власовскій въ своемъ отвѣтѣ г. Славинскому утверждаетъ, что у насъ законъ смѣшиваетъ помѣщичьяго крестьянина со всякою другою частною собственностію, и что помѣщичій крестьянинъ не имѣетъ никакихъ гражданскихъ правъ, а г. Покорскій - Жоравко думаетъ, что крѣпостные люди лишены права жаловаться на своего владѣльца. Разберемъ всѣ эти мнѣнія.

1) *Помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика.*

Статья 995-я т. IX Свода Законовъ, говоритъ г. Власовскій, опредѣляетъ, что крѣпостной человѣкъ есть лицо, отданное потомственно въ *частную власть* и *обладаніе*, и заключаетъ изъ этого, придавая какое то особое значеніе слову *обладаніе*, что крестьянинъ принадлежитъ помѣщику также точно, какъ и земля (**). Скажемъ на это, что слово обладаніе есть одно и то же, что и слово *владѣніе* и что въ немъ еще не содержится непремѣнно понятія о собственности. Можно обладать, т. е. владѣть человѣкомъ безъ всякаго права считать его своимъ имуществомъ. Прежде слѣдуетъ доказать на основаніи другихъ нашихъ постановленій, что крестьянинъ дѣйствительно есть собственность помѣщика, и тогда уже опираться и на слово *обладаніе*. Какія же другія статьи Свода приводитъ г. Власовскій въ подтвержденіе своего мнѣнія? Онъ приводитъ двѣ статьи IX т. Св. Зак.: 208 и 1068-ю. Первая говоритъ: «потом-

---

(*) См. Рус. Вѣстн. 1858 г. №№ 22 и 23. Принявъ за правило давать въ нашемъ журналѣ мѣсто всѣмъ статьямъ, составленнымъ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, мы считаемъ однако долгомъ замѣтить, что если авторъ настоящей статьи правъ, имѣя на своей сторонѣ силу законовъ, то и статьи его противниковъ имѣютъ свое основаніе въ силѣ обычая и практическаго значенія крѣпостнаго права, которые не только ограничивали, но и извращали настоящій смыслъ законовъ въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ въ данныхъ случаяхъ; неудивительно поэтому если они съ своей точки зрѣнія добросовѣстно видѣли въ нихъ не то, что слѣдуетъ. *Ред.*

(**) Большая разница, говоритъ г. Власовскій, имѣть надъ человѣкомъ власть или имѣть его законно въ своемъ обладаніи. Населенныя *имѣнія* и *крестьяне* принадлежатъ помѣщикамъ дѣйствительно, оттого они продаютъ ихъ и въ купчихъ крѣпостяхъ писали: продалъ я село такое-то съ крестьянами, или крестьянина Ивана.

нія между лицами разныхъ половъ. Онъ не отступаетъ ни на единый шагъ передъ самымъ кровосмѣшеніемъ. Говоря объ общеніи имуществъ, авторъ съумѣлъ опошлить Платоновскую идею собственною своею обработкой. Вопросъ о внутреннемъ побужденіи къ труду, составляющій самую замысловатую загадку въ этомъ ученіи, авторъ старается разрѣшить тѣмъ, что предполагаетъ у всѣхъ гражданъ доблестное рвеніе къ усердному труду на пользу общую. Съ помощію такихъ дешевыхъ средствъ, удается ему изрѣзать свой сказочно - прекрасный островъ дорогами, каналами и плотинами во всевозможныхъ направленіяхъ, обстроить его самыми изящными домами и населить жителями, которые сообща и горячо трудятся надъ обработкою земли, снабжая необходимыми продуктами не только самихъ себя, но и всѣхъ своихъ сосѣдей. Очень мало уяснится взлядъ нашъ на возможность и дѣйствительность такого порядка вещей, когда мы узнаемъ отъ автора, что обитатели его счастливыхъ странъ не ѣдятъ мяса; что они никогда не совершаютъ ни преступленій, ни проступковъ, такъ какъ жизнь ихъ преисполнена довольства и счастія; что первенство между гражданами принадлежитъ *de jure* тому, кто сдѣлаетъ какое либо общеполезное открытіе; что наконецъ Верховный Правитель избирается всегда изъ того семейства, которымъ основано было государство, и мн. др. Искренность и серьозность подобныхъ идей доказаны были авторомъ нѣсколько лѣтъ позже (1755 году), когда изданъ имъ позорный «*Кодексъ Природы*» ([1]) съ тою цѣлью, чтобы отстаивать прежнія свои воззрѣнія. Здѣсь онъ догматически поучаетъ тому, что природа человѣческая добра, но испорчена превратными ученіями и вредными установленіями въ обществѣ; что исправить такое состояніе можно не иначе, какъ изгнавъ мораль и начало собственности изъ человѣческой жизни. Изъ этихъ главныхъ положеній выведено имъ ученіе объ общеніи имуществъ, объ организаціи труда, о воспитаніи и о полномъ равенствѣ всѣхъ членовъ общества между собою. Выводы эти представляютъ мало оригинальности, но замѣчательны въ томъ отношеніи, что, по видимому, были ближайшимъ источникомъ, изъ котораго черпали но-

---

([1]) *«Code de la nature, ou le véritable esprit des lois, de tout temps négligé ou méconnu.*

вѣйшіе французскіе коммунисты. Здѣсь замѣтны даже нѣкоторые слѣды «*Du travail attrayant*» Фурье.

Не столько по внутреннему содержанію, сколько по отсутствію оригинальности и ясной идеи, навлекаетъ на себя порицанія книга: «*Исторія Ажаойцевъ или философское государство*», авторомъ которой, вѣроятно несправедливо, считаютъ Фонтенелля (¹). По формѣ своей, сочиненіе это есть повѣствованіе о кораблекрушеніи у мнимаго острова *Ажао* на Японскомъ морѣ, причемъ предлагается описаніе всѣхъ существующихъ тамъ учрежденій. Но содержаніе его представляетъ не что иное, какъ неудачную стряпню изъ кусковъ, оторванныхъ отъ «Утопіи» Мора и отъ «Исторіи Севарамбовъ» Вэрасса. Мы видимъ здѣсь: небольшую общину, составленную изъ 20 семействъ; избраніе старшинъ на всѣхъ ступеняхъ соціальной организаціи, слѣдовательно представительную демократію; общеніе имуществъ; обработку земли посредствомъ лицъ, избранныхъ для этой цѣли старшинами; сбереженіе всѣхъ продуктовъ въ общественныхъ магазинахъ, выдача ихъ гражданамъ по мѣрѣ надобности, и такъ далѣе. Въ утопіи этой оригинальны только нѣкоторыя вопіющія глупости, какъ то: обязательность брака для всѣхъ безъ исключенія гражданъ, на 20-мъ году ихъ жизни, когда молодые мужчины должны непремѣнно въ одинъ и тотъ же день вступать въ бракъ съ двумя женщинами; къ числу подобныхъ же предложеній можно отнести мысль объ уничтоженіи всякаго, даже формальнаго, предсѣдательства въ высшей правительственной инстанціи изъ 24 членовъ. Безсмысліе сочиненія простирается до того, что въ одно и тоже время идетъ рѣчь о мѣновой торговлѣ внутри государства и о сдачѣ гражданами всѣхъ вещей, находящихся въ ихъ распоряженіи, въ общественные магазины, для храненія. Наконецъ въ цѣлой книгѣ не обрѣтается ни единаго отвѣтнаго слова на вопросъ о томъ, какимъ образомъ побудить къ прилежанію и къ безгрѣшной отдачѣ продуктовъ собственнаго труда тѣхъ, кому противъ воли ихъ навязаны различныя назначенія въ жизни, и кто ни въ какомъ случаѣ не можетъ работать на себя?—Описаніе естественныхъ богатствъ страны, ея недоступности, всеобщей

(¹) La république des philosophes ou histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. de Fontenelle. G., 1768.

дворенныхъ на земляхъ казенныхъ; 2) на водворенныхъ на земляхъ удѣльныхъ; 3) на водворенныхъ на земляхъ дворцовыхъ; 4) на водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, и 5) на водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (ст. 613). Въ разрядъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, входятъ и *крѣпостные люди*. И такъ, что же доказываетъ это общее обозрѣніе IX тома Свода Законовъ? То, что у насъ нѣтъ ни одного состоянія, которое не имѣло бы какихъ либо гражданскихъ правъ, что помѣщичьи крестьяне составляютъ только одинъ изъ видовъ сельскихъ обывателей, что этимъ послѣднимъ во всей ихъ совокупности, безъ всякихъ изъятій, присвоены права состоянія (ст. 3), и что слѣдовательно ихъ имѣютъ и крѣпостные люди. На чемъ же однако основываетъ свое мнѣніе г. Власовскій? «Мы безпрекословно, говоритъ онъ, признаемъ *нравственно* крестьянскою собственностію всю ихъ движимость и недвижимость; но *законъ* не признаетъ этого; онъ защищаетъ крѣпостнаго въ случаѣ неправильнаго присвоенія крестьянской движимости отъ лица посторонняго, *но не отъ помѣщика* (ст. 1030 п. 4)». Отрицая за симъ у крестьянъ права на собственность, г. Власовскій непосредственно переходитъ къ заключенію, что у нихъ нѣтъ вовсе гражданскихъ правъ. Замѣтимъ на это, что статья 1030-й IX тома не заключаетъ въ себѣ того смысла, какой ей навязываетъ г. Власовскій. Во-первыхъ, подъ означенною статьею нѣтъ ссылки ни на одинъ указъ; значеніе же подобныхъ статей въ оффиціальномъ обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, изданномъ въ 1833 году, объясняется слѣдующими словами: «подъ каждою статьею означены *источники* (*), изъ коихъ она почерпнута. Однѣ только статьи, такъ сказать, переходныя поставлены безъ указаній, но онѣ сами по себѣ и *не суть законъ*, а содержатъ только необходимую связь статей между собою» (стр. 165). Во вторыхъ, закона, который бы не запрещалъ помѣщикамъ отнимать имущество у своихъ крестьянъ нѣтъ въ русскомъ правѣ, и 4 п. 1030-й ст. заключаетъ въ себѣ только тотъ смыслъ, что крестьяне, въ случаѣ неправильнаго присвоенія ихъ движимаго имущества отъ лица посторонняго, подлежатъ *общей под-*

(*) Подъ источниками Обозрѣніе разумѣетъ ссылки на акты Полнаго Собранія Законовъ (стр. 154—156).

судности и защитъ; но если имущество крестьянъ неправильно присвоено ихъ помѣщикомъ, то они не подлежатъ этой *общей подсудности и защитъ.* Однакожъ изъятіе въ этомъ случаѣ изъ общаго порядка судебной защиты нисколько не доказываетъ, что помѣщикъ можетъ безнаказанно отнимать имущество у своихъ крестьянъ. Есть защита *особенная*, установленная закономъ вообще для случаевъ *злоупотребленія* помѣщиками своей *власти*, и на этотъ-то *особенный порядокъ защиты* и сдѣланъ намекъ въ 4 п. 1030 ст. IX т. Свода Законовъ. Дѣла же о злоупотребленіи помѣщиками своей власти, по выраженію самого закона, составляютъ судебно-уголовныя дѣла *особой важности*, и на нихъ обращено преимущественное вниманіе правительства (ст. 429 XV т. Зак. о суд. по дѣл. о прест.). Но предположимъ, что г. Власовскій понимаетъ 1030 ст. совершенно правильно, и будемъ возражать ему ставъ на его собственную точку зрѣнія. Скажемъ сначала, что гражданскія права раздѣляются у насъ на общія и особенныя. Къ общимъ относятся: 1) право собственности и 2) права супружескія и семейныя. Къ особеннымъ причисляются между прочимъ: 1) право вступать въ государственную службу; 2) право вступать въ общественную службу; 3) право производить торговлю; 4) право быть свидѣтелемъ при совершеніи какихъ либо актовъ и давать свидѣтельскія показанія по суднымъ дѣламъ. Г. Власовскій отрицаетъ у помѣщичьихъ крестьянъ самое существенное право каждаго — имѣть свою собственность. Но какой бы смыслъ кто не давалъ 4 п. 1030 ст., изъ него никакъ нельзя дѣлать подобнаго заключенія. Въ этомъ пунктѣ говорится, что помѣщичьи крестьяне пользуются защитою закона въ случаѣ неправильнаго присвоенія ихъ движимаго имущества не отъ помѣщика, но отъ лица посторонняго. Значитъ ли это, что они, пользуясь такою защитою хотя и не всестороннею, не имѣютъ вовсе правъ собственности? Очевидно нѣтъ. Положимъ, что помѣщикъ можетъ отнимать безнаказанно ихъ движимость, но вѣдь крестьянамъ дозволяется владѣть еще недвижимымъ имуществомъ, относительно отнятія которой помѣщикомъ 4 п. 1030 ст. умалчиваетъ. Притомъ, отъ власти отнять чью либо собственность нельзя дѣлать заключенія, что обиженный по самому закону не долженъ владѣть никакимъ имуществомъ. Въ нашихъ законахъ разрѣшается даже случай, когда крѣпостнымъ дойдетъ *по наслѣдству* недвижимое населенное имѣ-

ніе (ст. 1139-я IX т. Свода Зак.). Какъ же послѣ этого можно сказать, что у нихъ нѣтъ права на собственность (*)? Права супружескія и семейныя тоже принадлежатъ и крѣпостнымъ людямъ. Намъ скажутъ, что крестьянинъ можетъ жениться только съ согласія своего владѣльца. Но вѣдь въ случаѣ женитьбы безъ его согласія бракъ не расторгается. Кромѣ того, не пользоваться своимъ правомъ въ слѣдствіе *недозволенія* не значитъ еще не имѣть этого права по закону. Изъ особенныхъ правъ, помѣщичьи крестьяне имѣютъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, право вступать въ общественную службу по избранію общества (Св. Зак. т. III Уст. о служб. по выб. ст. 561 — 569,), могутъ съ дозволенія владѣльца вести торговлю по торговымъ свидѣтельствамъ, не лишены права давать свидѣтельскія показанія по дѣламъ суднымъ. Объ этомъ послѣднемъ ихъ правѣ упоминается въ 3 п. той же 1030 ст., на которую ссылается г. Власовскій. Безъ сомнѣнія, всякій знаетъ, что при крѣпостномъ состояніи человѣкъ стѣсненъ въ пользованіи своими правами, и что они весьма часто могутъ быть безнаказанно нарушаемы, и потому то крѣпостное право должно быть уничтожено, но полагать, что самый законъ лишаетъ помѣщичьихъ крестьянъ *всѣхъ гражданскихъ правъ* — несправедливо. Крѣпостные люди только не полноправны, а не безправны. Ко всему нами сказанному присовокупимъ, что всякій, кому случалось читать судебные приговоры о помѣщичьихъ крестьянахъ, не только судовъ первыхъ двухъ степеней, но Прав. Сената и даже Государственнаго Совѣта, знаетъ очень хорошо, что въ этихъ приговорахъ о важныхъ преступникахъ изъ крѣпостныхъ людей постоянно говорится: лишивъ ихъ всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ—наказать такъ то. Если всѣ безъ изъятія органы судебной власти въ Россіи и Государственный Совѣтъ, въ своихъ Высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ, лишаютъ помѣщичьихъ крестьянъ за преступленія *правъ состоянія*, то изъ этого слѣдуетъ, что законъ и прави-

---

(*) Въ Алфавитномъ указателѣ къ Своду Законовъ, изд. 1842 года, подъ словами: *крѣпостные люди*, цитуются всѣ статьи Свода Законовъ, относящіяся къ крестьянской собственности, подъ заглавіемъ: *права крѣпостныхъ людей по владѣнію имуществомъ* (стр. 483).

тельство постоянно считали и считаютъ этихъ крестьянъ имѣющими *гражданскія права.*

5) Помѣщичьи крестьяне лишены права жаловаться на своего владѣльца.

Эта мысль высказана въ статьѣ г. Покорскаго-Жоравко. Мы ничего не можемъ сказать противъ общаго значенія его статьи, но невольно остановились на его взглядѣ относительно жалобъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ. Безъ сомнѣнія, г. Покорскій-Жоравко, упоминая объ этомъ въ своей статьѣ только вскользь, и занятый въ ней разрѣшеніемъ совершенно другаго вопроса, не считалъ и нужнымъ обратить особенное вниманіе на приведенный имъ законъ; но пусть онъ не сочтетъ насъ придирчивыми, если мы, не соглашаясь съ высказанною имъ мыслію, постараемся подробнѣе вникнуть въ смыслъ упомянутаго закона. Въ ст. 1033-й IX т. сказано: «ежели крѣпостной человѣкъ, отложась отъ должнаго помѣщику своему послушанія, подастъ на него *недозволенную жалобу*, и въ особенности если отважится подать *таковую* непосредственно Императорскому Величеству, то челобитчикъ и сочинитель жалобы подвергаются наказанію по Уложенію». Въ Уложеніи же о наказаніяхъ говорится: крѣпостные люди за подачу на помѣщиковъ своихъ *воспрещенной закономъ жалобы* подвергаются наказанію розгами до пятидесяти ударовъ (ст. 1985).—Можно ли на основаніи этихъ законовъ дѣлать заключеніе, что помѣщичьимъ крестьянамъ рѣшительно запрещена *всякая жалоба* на своего владѣльца? Всякій знаетъ, что крѣпостной человѣкъ можетъ жаловаться на неправильное укрѣпленіе его, или на незаконное имъ владѣніе, и начать искъ о свободѣ. Извѣстно также, что преслѣдованіе за нѣкоторыя преступленія начинаются не иначе, какъ если просятъ о томъ сами обиженные, или ихъ родственники. Поэтому, если бы помѣщикъ изнасиловалъ свою крестьянку, то она имѣетъ полное право принести на него жалобу. И такъ, приведеннымъ статьямъ закона нельзя давать того значенія, будто крестьянамъ запрещена всякая жалоба на помѣщика. Напротивъ, въ нихъ говорится только о *недозволенной*, *воспрещенной закономъ жалобѣ.* Какая же именно жалоба воспрещена закономъ для крѣпостныхъ людей? Сколько бы кто не рылся въ Сводѣ Законовъ, онъ не найдетъ въ немъ другаго запрещенія въ этомъ отношеніи, кромѣ запрещенія дво-

ровымъ людямъ и крестьянамъ приносить жалобу на нанесеніе имъ *безчестія* со стороны помѣщика (ст. 603-я кн. 2-й XV т. Св Зак.). Такимъ образомъ законъ не лишаетъ крѣпостныхъ людей права жаловаться на своего владѣльца, исключая жалобъ на безчестіе.

Мы бы не стали разбирать мнѣнія г. Власовскаго о совершенной безправности помѣщичьихъ крестьянъ, если бы не видѣли цѣли, съ какою оно высказано. Доказывая, что крестьянинъ есть такая же собственность помѣщика, какъ и его земля, г. Власовскій проводитъ ту мысль, что за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, за ихъ полноправность, слѣдуетъ также заплатить помѣщику, какъ и за землю. Это то же требованіе *выкупа личности* крестьянъ, хотя г. Власовскій и не любитъ этого выраженія, а употребляетъ другое болѣе мягкое: *вознагражденіе за крѣпостное право*. Но за что же именно давать такое вознагражденіе, за какую именно сторону крѣпостнаго права? Крѣпостное право заключаетъ въ себѣ двѣ составныя части: 1) *судебно-полицейскую* власть помѣщика, т. е. право производить судъ и расправу надъ крестьянами; 2) *экономическую*, т. е. право требовать отъ крестьянъ работъ за землю, которую даетъ помѣщикъ въ ихъ пользованіе. Никто не станетъ спорить, что полицейскую, чиновничью власть помѣщика правительство имѣетъ полное право устранить во всякое время, также точно, какъ и отъ всякаго другаго чиновника, и было бы смѣшно говорить о вознагражденіи за потерю этой власти. Остается экономическая сторона крѣпостнаго права. Но вѣдь помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянъ работъ только за уступку имъ въ пользованіе своей земли; слѣдовательно, если земля не будетъ принадлежать помѣщикамъ, будетъ отъ нихъ выкуплена, или крестьяне не станутъ ею пользоваться, то разумѣется вмѣстѣ съ этимъ прекратится и всякое право помѣщика на трудъ крестьянина. За что же въ такомъ случаѣ платить?...

Н. ЛАНГЕ.

ОБЪ ИДЕАЛЬНЫХЪ ВОЗЗРѢНІЯХЪ НА ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО.*

(Посвящается Д. П. Каченовскому).

Цеховая наука вообще весьма скупо даритъ своимъ вниманіемъ многочисленныя попытки облекать строгую доктрину въ легкую форму разсказа. Изрѣдка и какъ бы по случаю упоминается въ какомъ нибудь историко-литературномъ перечнѣ о трудахъ подобнаго рода; но содержаніе ихъ остается чѣмъ то неорганическимъ, нисколько не обогащая собою догмы науки, не сообщая движенія и жизни критикѣ.

Тоже самое повторяется и въ наукахъ политическихъ. Есть здѣсь немалое число сочиненій, которыя рѣшаютъ вопросъ о лучшей и правильнѣйшей организаціи общества и государства, прибѣгая къ идеалу, созданному фантазіею. Но за исключеніемъ утопіи канцлера Мора, которой почему то удалось не подпасть гнету об-

---

(*) Предлагаемая здѣсь статья составляетъ извлеченіе изъ *«Исторіи и литературы политическихъ наукъ»* Роберта Моля—того самаго, котораго *Велькеръ* назвалъ недавно *превосходнымъ Молемъ* (der treffliche Mohl) (см. послѣднее изданіе Staats-lexicon'а). Здѣсь заключается вполнѣ образцовая критика цѣлаго отдѣла наименѣе извѣстныхъ нашей публикѣ произведеній, которымъ можно дать названіе *политическихъ утопій.* Извлекая эту статью, я держался системы вольнаго перевода, находя для себя рѣшительно невозможнымъ близко слѣдить за неподражаемымъ по силѣ, сжатости и образцовой отдѣлкѣ складомъ рѣчи великаго писателя. Желая однако предупредить возможныя въ этомъ случаѣ нападки и замѣчанія, считаю долгомъ предувѣдомить читателя, что всѣми силами старался сохранить и по возможности ясно передать каждый оттѣнокъ мысли знаменитаго германскаго публициста нашего времени. *А. Стояновъ.*

щаго правила, лишь изрѣдка заводится рѣчь о подобныхъ произведеніяхъ, часто безъ малѣйшихъ признаковъ знакомства съ ихъ содержаніемъ, не говоря уже о глубокомъ пониманіи цѣли и духа, что̀ вѣроятно принимается за безполезную роскошь знанія почтенными учеными. Нѣтъ надобности доказывать, что одобрять этого невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто скажетъ, чтобы разумно было оставлять безъ вниманія какую нибудь мысль, единственно потому, что она выражена наглядно, пластически, помимо школьныхъ пріемовъ развитія и доказательства. Неужели зло заключается здѣсь въ томъ, что заманчивая сила фантазіи даетъ плоть и кровь часто сухому и непривлекательному ученію, уясняя его смыслъ и указывая живую силу и стремленія? Нельзя, конечно, отрицать того, что приложеніе такихъ теорій къ дѣйствительной жизни требуетъ величайшей осторожности и самаго строгаго обсужденія. Но затрудненія эти составляютъ вѣчную принадлежность всѣхъ идеализацій вообще, будутъ ли онѣ выдержаны въ строго-догматическомъ тонѣ или облечены покровомъ вымысла и фантазіи.

Кромѣ того, утопическія воззрѣнія на общество и государство представляютъ еще нѣкоторыя особенныя стороны для наблюденія. По самой сущности своей, всѣ онѣ отмѣчены печатью реформы и оппозиціи. Въ самомъ дѣлѣ, опоэтизированный образъ государства тогда только будетъ имѣть значеніе, когда въ немъ, по возможности полно и наглядно, выступитъ разладъ между дѣйствительнымъ міромъ и идеальнымъ его представленіемъ. Но идея такого противорѣчія можетъ быть проведена различнымъ образомъ. Иногда поэтъ-политикъ создаетъ свой идеалъ, опираясь на дѣйствительность. Онъ не разрываетъ съ нею всѣхъ связей; онъ только очищаетъ ее отъ недостатковъ и такимъ путемъ, по его мнѣнію, возводитъ ее на степень высокаго внутренняго и внѣшняго совершенства. Но не всегда дѣйствуетъ онъ такимъ образомъ: чаще, и притомъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, воздвигаетъ онъ новое зданіе, въ которомъ нѣтъ мѣста ничему старому, ничему фактически-существующему. Все прошедшее, все историческое уносится энергическимъ потокомъ фантазіи, постройка идетъ изъ чисто идеальныхъ матеріаловъ, безъ всякой примѣси начала конкретнаго, существующаго въ данномъ пространствѣ и времени. Такая работа дешевле обходится утописту, не смотря на страшный размахъ свой: нѣтъ

ничего труднѣе примиренія, гармоническаго сліянія двухъ противоположныхъ началъ безъ взаимнаго ихъ уничтоженія... На такіе случаи можно бы составить правило по образцу извѣстной юридической пословицы древняго Рима, что «omnis compositio periculosa est». Вопросъ о «juste milieu» и здѣсь оказывается однимъ изъ труднѣйшихъ для разрѣшенія. Обобщая понятіе утопій, нельзя не признать, что всѣ онѣ, какъ проэкты общественныхъ перестроекъ, заслуживаютъ самаго серьезнаго разсмотрѣнія. Какова бы ни была идея, лежащая въ ихъ основаніи, какъ бы ни мало заключалось въ нихъ здравыхъ и практическихъ началъ, дѣйствительно способныхъ совершить полезныя измѣненія, съ ними во всякомъ случаѣ сопряжена польза косвенная. Присущая имъ идея контраста ведетъ къ точному и ясному уразумѣнію законовъ дѣйствительной жизни.

При этомъ нужно замѣтить, что утопіи не держатся исключительно одной сферы государственной. Въ большей части случаевъ онѣ имѣютъ въ виду реформу соціальную. Послѣдняя даетъ безспорно болѣе поэтическаго матеріала, чѣмъ всѣ возможные эдикты органическіе. Сверхъ того люди съ пылкимъ воображеніемъ, разъ увлекшись стремленіемъ исправлять несовершенства человѣческія, легче всего обращаются къ врачеванію соціальныхъ ранъ, которыя, по ихъ мнѣнію, преобладаютъ надъ здоровыми мѣстами въ организмѣ общественномъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ нужно искать причины и объясненія по преимуществу соціальному направленію большинства утопій.

Можно впрочемъ утвердительно сказать, что такое именно направленіе придаетъ утопіямъ особенное значеніе для настоящаго времени. Въ большей части ихъ, общественныя институціи брака, собственности, семейства и воспитанія устраиваются на иныхъ совершенно основаніяхъ, чѣмъ видимъ мы это въ теперешнемъ нашемъ обществѣ. Но, какъ извѣстно, тою же самою мыслію реформы проникнутъ и движется весь современный намъ міръ. Нельзя сказать, чтобы движеніе это производили однѣ фаланги слабоголовыхъ или слишкомъ мечтательныхъ людей, собственнымъ горемъ наведенныхъ на безпощадный анализъ общечеловѣческихъ бѣдствій. Ряды ихъ составлены не изъ однихъ грубыхъ коммунистовъ, которые стремятся, подъ вліяніемъ зависти и гнета нищенской жизни,

*

подвести все существующее къ одному низкому, общему съ ними уровню. Нѣтъ, повсюду распространилось неясное сознаніе о томъ, что *«гніетъ нѣчто въ Даніи»*, какъ говоритъ Гамлетъ Горацію,— что основанія современнаго общества и цивилизаціи заключаютъ въ себѣ если не самобытный, такъ извнѣ принятый элементъ нескончаемаго зла; что принципъ этого зла живетъ и развивается рука объ руку со многими прекрасными и благотворными началами; что, наконецъ, пособить этому горю можно только радикальнымъ обновленіемъ общества.

Не подлежитъ сомнѣнію, что меньшинство, давимое общимъ болѣзненнымъ чувствомъ вѣка и мрачными опасеніями за будущее, низходитъ до увлеченія различными теоріями соціялистовъ. Но съ другой стороны едвали возможно для развитаго и мыслящаго человѣка вообще задушить въ себѣ стремленіе—доискаться разгадки множеству нерѣшенныхъ еще задачъ, ни разу не подумать объ устраненіи великихъ золъ, все грознѣе и грознѣе сдвигающихся надъ бѣднымъ человѣчествомъ; не высказать наконецъ сомнѣніе касательно того: неужели теперешній *status quo* составляетъ единственно-возможный и лучшій порядокъ вещей на землѣ? Въ такомъ случаѣ весьма важнымъ становится знать, что думалось и говорилось по поводу великихъ, доселѣ еще не рѣшенныхъ задачъ, въ иную, раннюю пору жизни человѣчества. Притомъ же тягостное сознаніе безсилія своего въ отысканіи рѣшительныхъ и практически осуществимыхъ отвѣтовъ на заданные вопросы, пробуждаетъ въ умахъ стремленіе повсюду искать совѣта и помощи. Относительная новость многихъ подходящихъ сюда утопій нисколько не парализируетъ ихъ значенія. Основаніе и гарантія общества человѣческаго лежатъ въ неизмѣнныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ нашей природы. Время и неизбѣжный законъ развитія отчасти только касаются ихъ, не измѣняя сущность того, что составляетъ вѣчные интересы для человѣчества. Оттого-то такъ трудно бываетъ обветшать или совсѣмъ отжить разрѣшенію какого либо соціальнаго вопроса; оттого-то случалось нерѣдко, что мысль, долго прозябавшая безъ малѣйшаго отзыва и распространенія, вдругъ, какъ миѳическій фениксъ, возникала во всемъ своемъ аппаратѣ силы, блеска и величія, именно потому, что сливалась съ токомъ современныхъ потребностей и стремленій.

Еще менѣе могутъ вредить утопіямъ часто встрѣчающіяся въ нихъ блѣдность поэтическаго вымысла и несовершенства въ изложеніи. Уголовный судъ за такія преступленія можетъ держать, если того желаетъ, эстетика; но науки политическія руководствуются иными видами въ этомъ отношеніи.

Таковы соображенія, оправдывающія попытку возможно полнѣе обработать утопіи съ историко-литературной точки зрѣнія. Задачу настоящаго труда составитъ разсмотрѣніе каждой отдѣльной утопіи со стороны ея содержанія, цѣли и внѣшнихъ достоинствъ въ изложеніи.

I.

Изображенія чисто-вымышленнаго состоянія общества и государства.

Громкое имя Платона бросается въ глаза читателю на первой страницѣ любаго сочиненія объ утопіяхъ; но это можетъ быть допущено только условно и съ ограниченіями. Для установленія истинной точки опоры во времени, историкъ-эмбріологъ долженъ еще глубже войдти въ древній міръ и обратиться къ Сократу (1). Хотя взглядъ этотъ не раздѣляется у насъ спеціалистами и можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ со стороны профана въ антикварной наукѣ; но тѣмъ не менѣе пытливый взоръ наблюдателя невольно

(1) Аристотель (Polit. II, 8) упоминаетъ объ одномъ болѣе древнемъ философѣ, *Гипподамѣ Милетскомъ*, который, по словамъ его, жилъ въ эпоху Перикла и былъ творцемъ перваго политическаго идеала. Но сочиненіе *Гипподама*, которое не дошло до насъ въ подлинномъ видѣ, вовсе не подходитъ къ понятію утопіи sensu stricto. Лучше всего подтверждаютъ это собственныя слова Аристотеля, когда онъ подробно разсматриваетъ воззрѣніе Гипподама на Государство. *Гипподамъ* былъ архитекторъ и просто на просто приложилъ свой взглядъ на гармонію и симметрію формъ къ построенной имъ модели Государства. По его плану численность народа не должна превосходить 10 тысячъ человѣкъ, раздѣленныхъ на 3 сословія. Тройственность въ видахъ поземельной собственности и въ законахъ, соотвѣтственно различію сословій, наконецъ установленіе высшаго судилища въ государствѣ—представляютъ полную характеристику учредительнаго проекта Гипподама.

останавливается на томъ, что два ученика Сократа—Ксенофонтъ и Платонъ почти единовременно обратились къ созданію государственнаго идеала. Явленіе это не только не случайно, но даже, напротивъ, опирается на твердомъ основаніи, имѣетъ характеръ логической необходимости.

Въ основѣ философіи Сократа лежитъ направленіе критическое,—цѣль ея составляетъ осуществленіе разумно-нравственнаго начала въ жизни человѣческой. Духъ подобнаго ученія не могъ пассивно пронестись надъ міромъ, не подвергнувъ своему анализу существующихъ институцій въ обществѣ и государствѣ. Строгій разборъ не могъ не выставить многихъ слабыхъ сторонъ въ организаціи гелленскаго государства; еще менѣе могла прикрыть свои недостатки Аѳинская демократія. Не смотря на религіозное повиновеніе дѣйствующимъ законамъ, которое доказалъ Сократъ своею смертію, ученіе его—на сколько оно извѣстно современному міру—должно было неизбѣжно привести къ мысли объ улучшеніи существовавшаго порядка вещей. Все дѣло стояло на вопросѣ: *quo modo?* на томъ: какой путь избрать для такого подвига послѣдователямъ великаго учителя?

Передъ ними было два направленія: одно вело къ цѣли непосредственно и заключалось въ открытомъ осужденіи и перемѣнѣ того, что существовало на практикѣ. Другое было непрямое шествіе къ тому же результату и состояло въ построеніи идеальнаго образа государства. Послѣдняя дорога болѣе первой подходила къ мягкой и эстетической природѣ геллена.

Какъ бы то ни было, оба великіе ученика великаго учителя начертали, каждый порознь, идеальные планы общества и государства. Внутреннее несходство ихъ геніевъ, отсутствіе всякой связи ихъ другъ съ другомъ не могли стать препятствіемъ къ выполненію однороднаго предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый авторъ внесъ много индивидуальнаго начала въ свое твореніе: такъ Платонъ видитъ единственное спасеніе міру въ господствѣ умственной аристократіи; такъ Ксенофонтъ ожидаетъ всего отъ идеально-совершеннаго регента въ государствѣ. Но не смотря на это различіе, созданія двухъ геніальныхъ Грековъ съ одинаковой силой коренятся на почвѣ Сократовской, въ равной степени питаются обильными ея соками. Потому то, съ одной стороны, было бы противно исторіи закончить

Платономъ восходящую линію представителей идеализма въ политикѣ, и съ другой стороны несправедливо, говоря объ этомъ предметѣ, оставить Ксенофонта безъ вниманія. Послѣднее было бы вдвойнѣ несправедливо въ исторіи политическихъ утопій, вѣрнѣйшую модель которыхъ представляетъ *Киропедія* Ксенофонта, тогда какъ творенія Платона вовсе не подходятъ къ этой категоріи.

Послѣ этого нельзя не позволить себѣ еще одного замѣчанія касательно того, въ какой степени можно считать Платона родоначальникомъ политической утопіи. Мнѣніе, будто онъ былъ первымъ авторомъ политической утопіи, совершенно несправедливо. Въ обоихъ твореніяхъ Платона заключаются *догматическія правила*, нормы для идеальнаго государства; но въ нихъ не видно *поэтическаго творчества*—необходимой характеристики утопій. Въ десяти книгахъ De Republica» нѣтъ и тѣни намѣренія установить ясный и опредѣленный образъ вымышленнаго государства. Геній міроваго философа направленъ здѣсь къ болѣе простой цѣли и стремится показать, какія именно общественныя и государственныя учрежденія кажутся ему совершеннѣйшими. Въ сочиненіи «О законахъ» представляется намъ тщательно обдѣланный проектъ о государственномъ устройствѣ и управленіи въ несуществующей республикѣ. Но и здѣсь также не видно поэтическаго творчества, а проглядываетъ тонъ доктринера законодателя.

При всемъ этомъ обойти Платона въ изложеніи политическихъ утопій есть дѣло невозможное. Живая связь его твореній съ политическими утопіями вообще не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но отношеніе это есть *чисто матеріяльное* и выражаетъ сродство между тѣми и другими по одному содержанію. Самъ Платонъ не написалъ политической утопіи, но богатый запасъ идей въ *догматическихъ* его сочиненіяхъ сдѣлался источникомъ, изъ котораго часто и воочію черпали позднѣйшіе утописты *pur sang*. Извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что и въ наше время живутъ еще не совсѣмъ то чистые взгляды Платона на бракъ, на семейную жизнь и на право собственности. Канва не измѣнилась; только узоръ принялъ нѣсколько новыхъ оттѣнковъ, подъ вліяніемъ различій во времени и въ другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Изъ всего этого сама собою сказывается невозможность опредѣлить степень творческой самостоятельности въ поли-

тическихъ утопіяхъ, не уяснивъ себѣ предварительно идей, высказанныхъ Платономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ значительная разница между воззрѣніемъ на государство въ каждомъ изъ сочиненій Платона въ отдѣльности. Высокій идеалъ, начертанный имъ въ «*Республикѣ*», оказался неприложимымъ къ жизни дѣйствительной, и потому то низведенъ онъ съ пьедестала своего въ позднѣйшемъ и пространнѣйшемъ твореніи «*о законахъ*». Много усилій потрачено было на то, чтобы примирить оба взгляда, какъ между собою, такъ и съ цѣлою системою платоновскаго ученія. Для нашей цѣли вопросъ этотъ оказывается совершенно безразличнымъ: намъ достаточно только знать, что тотъ и другой взглядъ вышли изъ сферы Платона, что оба они имѣли извѣстное вліяніе на позднѣйшую дѣятельность ума человѣческаго. Также незначителенъ для насъ споръ о томъ, кому *именно* принадлежатъ книги «*о законахъ*»: самому Платону или одному изъ учениковъ его? И въ этомъ случаѣ можно сказать, что объективное значеніе сочиненія должно имѣть перевѣсъ надъ чисто-личнымъ отношеніемъ автора къ произведенію. Кому бы ни принадлежало послѣднее, для насъ несравненно важнѣе узнать живое вліяніе его идей на времена послѣдующія, чѣмъ сдѣлать точное и непогрѣшительное опредѣленіе самоличности автора.

Въ «Государствѣ» своемъ Платонъ проводитъ мысль, что оно должно быть вѣрнымъ отраженіемъ нравственнаго совершенства или добродѣтели въ человѣкѣ вообще. Но подъ добродѣтелью разумѣетъ онъ полную гармонію всѣхъ свойствъ и элементовъ духа: отсюда вытекаетъ мысль, что идеалъ государства заключается въ строгомъ единствѣ всѣхъ составныхъ его частей;—здѣсь-же коренится необходимость для каждаго отдѣльнаго лица безусловно подчинить себя волѣ, цѣли и благу общества *in corpore*. Такое благо должно быть началомъ и концемъ всей жизни и дѣятельности для каждаго гражданина. Для достиженія подобной высоты въ развитіи духа общественнаго, Платонъ предлагаетъ главнымъ образомъ три учрежденія: 1) верховное владычество мудрыхъ (философовъ); 2) право однихъ способныхъ занимать должности въ государствѣ. Здѣсь то установляетъ Платонъ классъ *полныхъ гражданъ* (избирателей) въ отличіе отъ другихъ низшихъ сословій *земледѣльцевъ* и *ремесленниковъ*. Общественное воспитаніе должно приготовлять къ государ-

ственной дѣятельности всѣхъ способныхъ гражданъ не только мужескаго, но и женскаго пола. 3) *Общность женъ, дѣтей и имуществъ* представляетъ послѣднюю крупную черту въ идеальномъ проектѣ. Организація подобнаго порядка должна быть такова, чтобы «каждый могъ быть *исключительнымъ* владѣльцемъ только собственнаго своего тѣла». Чрезъ это будутъ устранены всѣ тяжбы и несогласія между гражданами, удалятся всякія заботы о воспитаніи дѣтей, изгнаны будутъ лесть и униженіе передъ знатностію и богатствомъ въ обществѣ. Кромѣ того Платонъ установилъ точные сроки возраста для дозволеннаго рожденія дѣтей; всѣ уроды и незаконнорожденные вмѣстѣ составляютъ одну категорію. Постановленія касательно веденія войны не имѣютъ особенной важности. Вообще Платонъ не входитъ здѣсь въ излишнія подробности объ устройствѣ и управленіи государственномъ; онъ трудится главнымъ образомъ надъ художественной отдѣлкой и философскимъ развитіемъ общихъ началъ и положеній. Онъ не хлопочетъ нисколько о примѣненіи, о вопросахъ практическихъ, говоря, что дѣло это устроится само собою, лишь только получитъ осуществленіе господство мудрыхъ въ государствѣ.

Совсѣмъ иная метода видится въ сочиненіи «*о законахъ*». Основная мысль развита здѣсь до тончайшихъ частностей; система государственнаго устройства и управленія возникаетъ во всей полнотѣ своей. Наконецъ самая основная мысль новаго творенія представляетъ многія и существенныя различія отъ перваго. Полная общность женъ, дѣтей и собственности объявляется недостижимымъ идеаломъ, возможнымъ для боговъ, но не для человѣческихъ поколѣній. Равенство въ сферѣ точно-установленнаго законнаго порядка представляетъ *maximum* того блага, которое доступно для людей, живущихъ въ государствѣ.

За этимъ слѣдуетъ точное опредѣленіе количества гражданъ числомъ 5040 человѣкъ, соотвѣтственно которому раздѣлены дома и поземельные участки, равноцѣнные по внутреннему ихъ достоинству. Каждый семейный участокъ объявленъ недѣлимымъ и неотчуждаемымъ. Младшіе сыновья могутъ, добровольно или по распоряженію правительства, причислиться къ бездѣтнымъ семействамъ, въ крайнихъ же случаяхъ имъ угрожаетъ совершенное выселеніе изъ предѣловъ государства. Дочери не получаютъ приданаго кромѣ

тѣхъ случаевъ, когда къ нимъ переходитъ право наслѣдованія въ поземельномъ участкѣ фамиліи, по отсутствію дѣтей мужескаго пола. Въ такомъ случаѣ для дочерей обязателенъ бракъ съ однимъ изъ членовъ своего рода. Постановленія о завѣщаніяхъ очень подробны и направлены къ удержанію недвижимой собственности въ одномъ родѣ. Вымершія семейства должны быть пополняемы переселенцами изъ иностранныхъ государствъ.

Чтобъ отвратить нарушенія равенства въ имуществѣ опредѣлены *maximum* и *minimum* движимой собственности для каждаго гражданина въ государствѣ. Денежные капиталы не должны быть ниже и не могутъ быть болѣе чѣмъ въ четыре раза выше цѣны участку недвижимой собственности. Кромѣ того, пріобрѣтеніе движимыхъ вещей намѣренно соединено съ многочисленными препятствіями. Полные граждане не имѣютъ права заниматься ремеслами и торговлею (особенно продажею и покупкою скота.) Денежные займы не запрещаются; но возвращеніе долга предоставлено доброй волѣ и усмотрѣнію должника. Капиталы могутъ быть составляемы изъ одной ходячей монеты въ государствѣ; собраніе значительныхъ фондовъ предоставлено одному правительству для военныхъ цѣлей и для путешествій гражданъ, которымъ отпускаются на это изъ государственнаго казначейства денежныя вспомоществованія. Съ такою же цѣлью—устранить возможное нарушеніе равенства въ имуществѣ, всѣ граждане раздѣлены на четыре податныя сословія, изъ которыхъ каждое пользуется различною степенью участія въ государственномъ управленіи. Нищіе не только не терпимы, но даже обречены изгнанію изъ предѣловъ государственной территоріи.

Платонъ весьма усердно заботится о томъ, чтобъ образовать честныхъ, способныхъ и патріотическихъ гражданъ для своего государства. Подъ вліяніемъ такой цѣли опредѣлены у него правила касательно брачныхъ союзовъ. Законнымъ временемъ для вступленія въ супружество назначается: мужчинамъ отъ 25 до 30 лѣтъ, женщинамъ—срокъ отъ 16-ти до 20-ти лѣтняго возраста (1); малѣйшая проволочка влечетъ за собою безчестіе. Бездѣтныя супруже-

---

(1) Сочиненіе *о законахъ* представляетъ значительную разницу съ тѣми постановленіями, которыя опредѣляютъ сроки для браковъ въ десяти книгахъ о *Государствѣ.* Законный возрастъ для вступленія въ бракъ назначается здѣсь: мужескому полу отъ 25—55 лѣтъ, женскому отъ 20—40 лѣтъ.

ства подлежатъ расторженію по прошествіи десяти лѣтъ отъ ихъ заключенія; но въ продолженіе означеннаго времени правительство возлагаетъ на пожилыхъ и опытныхъ женщинъ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы устраняемы были всѣ препятствія къ рожденію здоровыхъ и красивыхъ дѣтей. Строптивые супруги обвиняются передъ народнымъ собраніемъ и навлекаютъ на себя безчестіе. За нарушеніе супружеской вѣрности опредѣлены строгія наказанія. Граждане должны обѣдать всѣ вмѣстѣ, какъ холостые, такъ и семейные. Воспитаніе дѣтей общественное; музыка и гимнастика составляютъ главные предметы изученія, но не исключаются совершенно и прочія отрасли знанія; даже дѣвушки учатся владѣть оружіемъ. Юношество вообще подчинено строжайшему надзору; право и обязанность наказанія принадлежатъ каждому гражданину. Всякая грубая работа, ремесла и мелочная торговля признаются унизительными для гражданъ, на которыхъ возложены болѣе благородныя заботы о дѣлахъ государственныхъ. Имъ позволена только продажа сельскихъ произведеній съ тѣхъ участковъ земли, которые находятся въ ихъ обладаніи. Отправленіе грубыхъ и домашнихъ работъ есть дѣло рабовъ; ремесла и мелочная торговля предоставлены иностранцамъ и вольноотпущеннымъ. Иностранцы принимаются въ государство только на 20 лѣтъ, по прошествіи которыхъ могутъ быть терпимы до самой смерти своей вмѣстѣ съ дѣтьми мужескаго пола, имѣющими не ниже 15 лѣтъ отъ роду. Иностранецъ, который долженъ быть отнесенъ къ 3-му классу гражданъ по своему имуществу, безжалостно изгоняется изъ предѣловъ государственныхъ. Отъѣздъ въ чужія земли соединенъ съ большими затрудненіями для гражданъ: до 40-лѣтняго возраста вовсе запрещается имъ путешествовать; по истеченіи же этого срока выѣздъ дозволенъ только по дипломатическимъ порученіямъ или для участія въ общественныхъ празднествахъ галленовъ. Съ путешествіемъ перваго рода сопряжена обязанность давать о немъ полный и подробный отчетъ передъ народнымъ собраніемъ. Иноземцы допускаются внутрь страны не иначе, какъ въ видахъ торговли и дипломатическихъ сношеній, также для изученія искусствъ и дѣйствующихъ законовъ въ государствѣ. Послѣдній разрядъ путешествующихъ иностранцевъ пользуется особеннымъ почетомъ и уваженіемъ; но всѣ они, безъ различія цѣли ихъ пріѣзда, могутъ жить

только въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ города. Предписаны также многочисленныя и строгія правила, имѣющія цѣлью предохранить отъ грубости въ правахъ и тѣхъ злоупотребленій собственности, которыя могли бы возникнуть въ слѣдствіе произвола въ гражданскомъ оборотѣ. Потому то безусловно запрещенъ ввозъ предметовъ роскоши и вывозъ жизненныхъ припасовъ изъ предѣловъ государства. Но всѣ прочіе виды товаровъ не только изъяты отъ запрещенія, но даже не облагаются ни ввозными, ни вывозными пошлинами. Разъ въ мѣсяцъ собираются особенные рынки для продажи и покупки каждаго вида жизненныхъ потребностей, которыми должны здѣсь запасаться всѣ граждане. Купцамъ вмѣняется въ обязанность не запрашивать за товары цѣнъ, которыя были бы выше настоящихъ; всякія сбавки и уступки строго запрещаются, и товаръ свозится съ рынка обратно на домъ къ купцу, если послѣдній не продалъ его по цѣнѣ, первоначально имъ объявленной. Поддѣльные товары немедленно конфискуются, а купцы подвергаются за это тѣлесному наказанію: одному удару розгами за каждую драхму той цѣны, которая назначена ими за фальшивые товары. Гражданинъ, знавшій о поддѣлкѣ и не донесшій о ней кому слѣдуетъ, объявляется безчестнымъ. За расхваливаніе товаровъ также назначено тѣлесное наказаніе, которое можетъ произвести надъ виновнымъ, flagrante delicto, всякій гражданинъ, достигшій 30 лѣтняго возраста. Сельскія произведенія распредѣляются въ равныхъ доляхъ (по ⅓ части) между сословіями свободныхъ гражданъ, рабовъ и иностранцевъ, причемъ для первыхъ двухъ категорій установлено поголовное дѣленіе, сообразно нуждамъ и потребностямъ каждаго отдѣльнаго лица. Мелочная торговля допускается; но обставлена на каждомъ шагу безчисленными затрудненіями въ родѣ слѣдующихъ: цѣны на товары, разъ опредѣленныя, не могутъ быть подвергаемы ни малѣйшему измѣненію, барыши дозволяются въ самой скромной пропорціи. Ни одинъ ремесленникъ (слѣдовательно иностранецъ, живущій въ предѣлахъ государства, такъ какъ ремесла объявлены спеціальнымъ занятіемъ этого класса людей) не можетъ взять на себя двухъ различныхъ производствъ въ одно и тоже время. Промыслъ земледѣльческій опредѣляется многочисленными и подробными правилами. Налоги взимаются частію пропорціонально цѣнности имущества, частію же пропорціонально доходу съ поземельнаго

участка каждаго отдѣльнаго владѣльца. Для точнаго опредѣленія того, въ какомъ отношеніи состоитъ ежегодный доходъ къ цѣнности имѣнія, должны быть производимы также ежегодныя повѣрки и исчисленія. Особенный разрядъ чиновниковъ, именуемыхъ *полевыми надсмотрщиками*, обязанъ отчетностію о состояніи урожая по прошествіи каждой уборки хлѣба. Государственное устройство и управленіе представляютъ мало оригинальнаго, потому что всѣ главныя гелленскія учрежденія удержаны Платономъ безъ всякаго измѣненія ихъ сущности. Такимъ образомъ замѣчаемъ мы у него установленія, болѣе или менѣе общія всѣмъ Греческимъ государствамъ, а именно: 1) *высшую контролирующую инстанцію*, которая соотвѣтствуетъ ареопагу; личный составъ ея опредѣляется числомъ 33 пожилыхъ гражданъ, имѣющихъ отъ 50 до 70 лѣтъ отъ роду (ἀρχαί). 2) *Совѣтъ* (βουλή) изъ 360 членовъ, каждая четвертая доля которыхъ принадлежитъ одному изъ четырехъ классовъ гражданъ въ государствѣ. Постоянное собраніе состоитъ изъ $^1/_{12}$ доли цѣлаго числа членовъ, такъ что въ теченіи года каждый изъ нихъ долженъ присутствовать въ Совѣтѣ *непремѣнно* одинъ мѣсяцъ сряду, послѣ чего очередь переходитъ къ другой двѣнадцатой долѣ членовъ. 3) *Народное Собраніе* (ἐκκλησία) съ тѣми же правами, которыя присвоены этому учрежденію въ историческихъ государствахъ древнихъ Грековъ. Кромѣ того, установлены еще особенные чиновники по разнымъ родамъ службы, подъ названіями: *Городскихъ и Рыночныхъ Смотрителей*, *Стратеговъ*, *Жрецовъ* и мн. др. Назначеніе въ должности производится частію по жребію, частію же посредствомъ выборовъ; о наслѣдственности и привилегіяхъ при занятіи общественныхъ должностей не встрѣчается у Платона ни единаго слова.

Такова сущность знаменитыхъ твореній Платона объ устройствѣ гражданскаго общества и Государства. Все сказанное доселѣ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что сочиненія Платона не имѣютъ формальной связи съ политическими утопіями въ тѣсномъ значеніи этого слова. За то сущность государственной философіи Платона сдѣлалась исходнымъ пунктомъ и руководящимъ началомъ для всѣхъ позднѣйшимъ греческихъ твореній въ этомъ родѣ, въ особенности того разряда ихъ, который имѣетъ строго идеальный характеръ, безъ всякой связи съ міромъ дѣйствительнымъ.

Все это какъ нельзя болѣе понятно въ народѣ, одаренномъ блестящими свойствами ума и фантазіи. Возбудивъ общій интересъ, заслуживъ полное одобреніе со стороны большинства, новое ученіе о государствѣ не указало однакоже никакихъ средствъ къ практическому осуществленію своихъ положеній. Врядъ ли кто могъ поэтому ласкать себя надеждою когда нибудь увидѣть приложеніе идей Платона къ дѣйствительности! Легче было созерцать идеалъ на недоступной и поэтической высотѣ его,—и многіе дѣйствительно нашли себѣ въ этомъ отраду и успокоеніе.

Можно съ вѣроятіемъ предположить, что литература политическихъ утопій началась около времени Александра Македонскаго. Весьма естественно, что новорожденная мысль о политической утопіи представляетъ нѣкоторое разнообразіе въ формахъ своего проявленія, по закону общему для всего юнаго въ жизни. До насъ дошли имена по крайней мѣрѣ четырехъ писателей, мысли которыхъ сохранились въ небольшихъ отрывкахъ, разбросанныхъ по сочиненіямъ знаменитыхъ авторовъ древности. Такая бѣдность матеріаловъ заставляетъ насъ ограничиться одними бѣглыми замѣчаніями касательно упомянутыхъ сочиненій. Изъ нихъ у *Гекатея Абдеритянина* (¹) встрѣчается описаніе невиннаго и счастливаго народа Гипербореевъ, живущихъ въ плодоноснѣйшей изъ странъ земнаго шара. Небо у нихъ вѣчно ясно, климатъ мягокъ и безвреденъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обитатели такой земли, не имѣя заботъ и войны, должны наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Современникъ Гекатея, *Ямбулъ*, о которомъ встрѣчается единственное и краткое извѣстіе у Діодора Сицилійскаго, говоритъ о какомъ то островѣ Гигантовъ на Эѳіопскомъ морѣ, который будто бы удаленъ отъ материка на четыре дня плаванія. Обитатели острова живутъ при такой же счастливой обстановкѣ касательно климата, плодородія земли и другихъ условій, какъ и Гипербореи. Лучшимъ доказательствомъ такого блажества служитъ долговѣчность Гигантовъ, которые живутъ по 150 лѣтъ.

Нѣкто *Эвгемеръ* (²) описываетъ съ религіозно-политическою

(¹) См. Fragmenta hist. graec., изд. *Мюллера*, Paris, Didot, 1841—51, т. II. стр. 336 и слѣд.

(²) См. *Плутарха*: De Is. et Osir., гл. 23; *Евсевія*: Praepar. Evangelica, *Шелля*: Histoire de la littérature grecque, т. III, стр. 242 и слѣд.

цѣлью подобный же островъ *Панхаію* на отдаленномъ Востокѣ. Наконецъ самъ серіозный *Теопомъ* ([1]), историкъ Филиппа Македонскаго, не задумываясь, передаетъ разсказы о какихъ то фантастическихъ государствахъ. Одна изъ этихъ сказокъ дошла къ намъ чрезъ Теопома въ формѣ разговора между Мидасомъ и Силеномъ. По словамъ ихъ, есть гдѣ то на свѣтѣ два государства: одно, населенное святыми и мудрыми людьми, другое свирѣпыми воинами. Окруженные всевозможными благами природы, мирные обитатели перваго государства наслаждаются полнѣйшимъ счастіемъ. Совсѣмъ иначе сложилась жизнь во второмъ: здѣсь люди имѣютъ дѣло съ суровою природою, пагубное вліяніе которой удвояетъ тяжесть иныхъ бѣдствій—постоянныхъ распрей и кровавой вражды между членами общества. Послѣдніе, всѣ безъ исключенія, гибнутъ насильственною смертію. Скудость отрывковъ не даетъ намъ средствъ для произнесенія обстоятельнаго сужденія о содержаніи и значеніи приведенныхъ утопій. По частицамъ, которыми владѣемъ мы теперь, нельзя судить о томъ, чѣмъ должно было быть цѣлое, еслибы оно дошло къ намъ въ полномъ своемъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія черты этихъ утопій поражаютъ наблюдателя натянутостью своей обрисовки и тѣмъ наносятъ сильный ударъ правдоподобности цѣлаго идеальнаго начертанія. Сюда относятся постоянно-блестящія условія климата и всей внѣшней природы, среди которой обитаютъ счастливцы, описываемые въ утопіяхъ. Но на этомъ основаніи нельзя еще дѣлать смѣлыхъ заключеній о томъ, чтобы не было другихъ, болѣе серьозныхъ сторонъ въ идеальныхъ картинахъ, въ ту пору, когда онѣ существовали безъ всякаго искаженія отъ времени и другихъ обстоятельствъ. Неловкій вымыселъ могъ быть соединенъ здѣсь съ такими чертами, которыми поэтическій инстинктъ обозначилъ государственныя и общественныя учрежденія, далеко не безразличныя для потомства. Не смотря на краткость и разбросанность отрывковъ, многіе изъ нихъ носятъ явные слѣды сродства съ идеями Платона.

Позднѣйшая обработка политическихъ утопій у Грековъ остается для насъ совершенно неизвѣстною. У Римлянъ замѣчается положительное отсутствіе сочиненій этого рода. Идея политической утопіи словно замираетъ на все продолженіе Среднихъ вѣковъ—стран-

([1]) Fragm. histor. graec., т. I, стр. 289 и слѣд.

ное явленіе при общемъ мистическомъ настроеніи въ умахъ и при поэтической дѣятельности того времени! Непослѣдовательность эта можетъ быть объяснена только тѣмъ, что для людей той эпохи не настала еще пора—сознать раздвоеніе между идеальными и существующими формами жизни. При такихъ условіяхъ едвали могло развиться стремленіе исправлять дурное въ дѣйствительномъ мірѣ, создавая вымышленныя картины государственнаго и общественнаго быта. Правда, средневѣковая пора не прошла безплодно и безмятежно для человѣчества. Напротивъ, въ самомъ началѣ своемъ видѣла она какъ свершилась окончательная побѣда христіанства надъ язычествомъ,—присутствовала на торжественныхъ и кровавыхъ похоронахъ классическаго міра въ лицѣ юныхъ, варварскихъ народовъ. Но великія событія эти пронеслись надъ міромъ, наполнивъ бѣдствіями и треволненіями жизнь многихъ и многихъ поколѣній, и все таки не вызвали ни одного поэтическаго плана о перестройкахъ въ обществѣ. Мысль и фантазія словно задавлены были массою дѣйствія и страданія, выпавшихъ на долю людей современной эпохи. Сподвижники христіанства явились мучениками, а не поэтами. Варварскіе народы разбили все старое, начали создавать нѣчто новое; но, сгубивъ древній міръ, сгубили они вмѣстѣ съ нимъ его искусства, науку и письменность . . . . . Исчезли такимъ образомъ средства выражать полетъ мысли и фантазіи, если бы даже послѣднимъ и вздумалось попробовать свои силы надъ идеальнымъ творчествомъ! Были также въ средніе вѣка цѣлыя массы людей, которымъ трудно было видѣть идеальное совершенство въ окружавшей ихъ дѣйствительности: стоитъ только припомнить, каково было положеніе бѣдняковъ, стоявшихъ внѣ сословныхъ привилегій въ феодальномъ мірѣ. Нѣтъ спора въ томъ, что мало отраднаго представлялось въ ихъ жалкой сферѣ, что казалось бы трудно было не подумать о чемъ нибудь лучшемъ для угнетенной природы человѣка. Но спрашивается: кто и какимъ образомъ взялъ бы на себя трудъ вызвать изъ глубины духа своего поэтическія тѣни лучшаго порядка вещей въ обществѣ? Кто замолвилъ бы слово за касту отверженныхъ? Странно было бы ожидать здѣсь зачина со стороны барона-угнетателя! А между тѣмъ у него только и могли найдтись какія нибудь средства къ выполненію подобнаго героическаго дѣйствія; у него только могло

развиться гуманное чувство вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ зла, господствовавшаго въ жизни; ему одному доступно было тогда *образованіе*, чистый свѣтъ котораго не проходилъ до дна общества, гдѣ прозябала слѣпая масса, сдавленная внѣшнею силою.

Такъ шли дѣла, пока *Jacquerie* и *Bauernkrieg* не разразились надъ феодалами. Гроза забушевала въ одинъ мигъ: ея не прокричали заранѣе, какъ зловѣщія бурныя птицы, политическія утопіи.

Совсѣмъ иначе устроилась жизнь въ ту пору, когда возникло новое время, мало по малу сложившись изъ элементовъ, перебродившихъ въ средніе вѣка. Неумѣренное развитіе личности, строго-сословныя права уступили мѣсто иному строю общественному, когда проявилась идея о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, когда точнѣе опредѣлились права всѣхъ членовъ союза государственнаго.

Переворотъ въ экономическихъ условіяхъ быта народовъ, который былъ вызванъ различными, единовременно дѣйствовавшими причинами,—идея реформы, обратившаяся на первыхъ порахъ къ міру церковному: всѣ эти черты закончили собою физіономію новаго періода въ Европейской Исторіи. Здѣсь начало тому жизненному процессу, который длится еще до нашихъ временъ и который не пришелъ еще, до послѣднихъ дней, къ выводу всѣхъ возможныхъ для него результатовъ. Можно даже сказать, что процессъ этотъ, проходя различныя ступени въ своемъ развитіи, не разъ вызывалъ наружу такія явленія, которыя были одинаково далеки отъ политическихъ идеаловъ и отъ искомыхъ улучшеній.

Поэтому-то XVI-е столѣтіе есть начальный моментъ для политическихъ утопій, которыя идутъ отсюда, безъ перерывовъ, до послѣднихъ дней современной намъ эпохи. Начало гуманности созрѣло, и подъ вліяніемъ его стали обращаться къ «божественному» Платону поэтически или желчно-настроенные умы, отыскивая въ твореніяхъ его лекарства отъ бѣдъ, угрожавшихъ современному человѣчеству.

Въ 1515 году написалъ двѣ книги объ островѣ *Утопіи Томасъ Моръ*, знаменитый канцлеръ Генриха VIII Англійскаго (¹). Рѣдкій

(¹) Полное заглавіе сочиненія Мора есть слѣдующее: *De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia, libri duo.*

писатель можетъ похвалиться равною съ нимъ удачею: *Утопія* Мора, съ жадностію прочтенная большинствомъ публики, превознесена была до небесъ первоклассными учеными своего вѣка. Но тріумфъ писателя не ограничился одновременною съ нимъ эпохою: до позднѣйшихъ годовъ настоящаго столѣтія дѣлались изданія труда его на всѣхъ европейскихъ языкахъ, блистательно доказывая то, какъ проченъ былъ интересъ, возбужденный сочиненіемъ [1]. *Утопія* сдѣлалась родовымъ понятіемъ для недостижимаго идеала въ устройствѣ государственномъ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Послѣднее обстоятельство бросаетъ нѣкоторую тѣнь на репутацію Мора, какъ практическаго государственнаго человѣка и канцлера въ одной изъ первыхъ державъ Европейскихъ; но книгѣ его, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ патентъ на титулъ образцоваго произведенія въ цѣломъ отдѣлѣ политической литературы.

На первомъ планѣ у Мора высказывается необходимость установить полную, гармоническую связь между всѣми составными элементами общества, основаніемъ которому долженъ служить бракъ въ формѣ моногаміи.

Счастливыя супружества стоятъ въ ряду важнѣйшихъ заботъ идеалиста-организатора, который указываетъ для достиженія этого различныя средства, какъ напримѣръ, строгій надзоръ за нравственнымъ и тѣлеснымъ здоровьемъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ бракъ, суровыя наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности и т. п. На первый разъ виновной сторонѣ грозитъ только обращеніе въ рабство; но за рецидивомъ преступленія непремѣнно слѣдуетъ смертная казнь. Брачная чета не остается изолированною въ обществѣ, но входитъ въ составъ другаго, болѣе многочисленнаго союза, число членовъ котораго можетъ содержать въ себѣ отъ 10 до 16 лицъ обоего пола, способныхъ къ дѣторожденію. Такая ассоціація составляетъ первую общественную единицу у Мора, который называетъ ее *семействомъ*. Во главѣ послѣдняго стоятъ особенныя лица, именуемыя *хозяиномъ* и *хозяйкою*, изъ которыхъ каждое имѣетъ право надзора за порядкомъ и обязанность руководителя касательно членовъ небольшаго союза. Всякій разъ, когда

---

(1) Одно изъ послѣднихъ изданій сдѣлано было въ 1833 году, на нѣмецкомъ языкѣ, во Франкфуртѣ.

численность его превзойдетъ однажды установленную норму, допускается размѣщать *лишнихъ членовъ* по другимъ семействамъ; въ крайнихъ же случаяхъ разрѣшено производить эмиграціи для образованія колоній въ чужихъ государствахъ.

Каждыя 30 семействъ составляютъ вторую общественную единицу въ Утопіи и называются у Мора *обществомъ, союзомъ sensu stricto.* Такими соединеніями людей управляютъ, избранные для этой цѣли членами союзовъ, старѣйшины. Цѣль союзовъ двоякая: общій трудъ и такое же пользованіе жизненными благами для всѣхъ ихъ членовъ. Поэтому каждое отдѣльное общество имѣетъ собственныя свои поваренныя и столовыя комнаты, которыя впрочемъ не закрыты безусловно для тѣхъ, кто принадлежитъ къ другимъ союзамъ. Есть также у каждаго изъ нихъ общественныя залы для воспитанія дѣтей, для игръ и рекреаціонныхъ забавъ. На каждой улицѣ находится общественный садъ, примыкающій къ жилищамъ; онъ служитъ поприщемъ, на которомъ члены союзовъ соперничаютъ другъ съ другомъ въ разведеніи цвѣтовъ. Наконецъ извѣстное число обществъ должно составлять *городъ*, которому отводится опредѣленное количество земли для занятій земледѣліемъ. Въ городѣ должны находиться, между жителями его, ремесленники всѣхъ видовъ, съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ собственными силами и средствами удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ и потребностямъ.

Большіе магазины для храненія съѣстныхъ припасовъ и публичныя зданія, устроенныя на подобіе дворцовъ, съ цѣлью призрѣнія людей, которые не могутъ добывать себѣ пропитаніе собственными силами, дополняютъ характеристику городовъ на островѣ Утопіи. Изъ союза городовъ, число которыхъ не должно восходить выше 54, образуется *Государство.*

Съ особенною подробностію изложены въ Утопіи постановленія, предметъ которыхъ составляетъ организація труда въ обществѣ. На первомъ планѣ является здѣсь то общее правило, что никто не имѣетъ права предаваться праздности въ государствѣ. Изъятіе отъ тѣлесныхъ работъ сдѣлано только въ пользу тѣхъ, которыхъ Моръ называетъ *парнасцами.* Въ послѣднюю категорію занесены всѣ тѣ лица, которыя опредѣлены къ постояннымъ и исключительнымъ занятіямъ науками. Такое назначеніе зависитъ отъ старѣйшинъ отдѣльныхъ обществъ, которые выбираютъ *парнасцевъ* посредствомъ

тайной подачи голосовъ. *Maximum* рабочаго времени составляетъ шесть часовъ въ день. Для производства унизительныхъ или слишкомъ грубыхъ и тяжкихъ работъ определяются частію приговоренные къ смерти преступники, частію же нанятые иностранцы. Между ремесленнымъ и земледѣльческимъ трудомъ не положено никакого различія: поля должны быть воздѣлываемы всѣми жителями острова, не исключая отсюда самыхъ горожанъ. Съ этою цѣлью послѣдніе назначаютъ изъ среды своей работниковъ отъ каждаго отдѣльнаго семейства. Работа этого рода обязательна для каждаго отдѣльнаго лица только въ теченіи двухъ лѣтъ. Половинное число землехозяевъ ежегодно перемѣняется, за исключеніемъ тѣхъ, которые сами пожелаютъ долѣе и даже навсегда остаться на опредѣленныхъ участкахъ земли.

Ремесленный трудъ въ городахъ организуется и производится подъ надзоромъ семейныхъ старшинъ. Общественное благо должно быть единственнымъ мотивомъ и постоянною цѣлью для дѣятельности всѣхъ членовъ государства; Утопія совершенно отвергаетъ принципъ отдѣльной собственности. Поэтому какъ сельскія, такъ и ремесленныя произведенія собираются для храненія въ общественныхъ магазинахъ; и изъ нихъ уже въ послѣдствіи отпускается *gratis* все то, что будетъ необходимо для отдѣльныхъ лицъ или для обществъ въ государствѣ. Въ случаѣ нужды, города обязаны помогать другъ другу безъ всякаго за то возмездія; продавать за границею можно только тѣ внутреннія произведенія, въ которыхъ совершенно не нуждается никто изъ обитателей острова.

Деньги являются вполнѣ лишнею вещью при такомъ порядкѣ въ обществѣ, въ слѣдствіе чего и видимъ мы, что онѣ вовсе исключены изъ гражданскаго оборота на островѣ Утопіи. Золоту и серебру даются самыя унизительныя и грязныя назначенія съ тою цѣлью, чтобы уронить ихъ внутреннее достоинство. Изъ дорогихъ металловъ выдѣлывается вся грубая домашняя утварь и выковываются цѣпи для преступниковъ; но желѣзо пользуется чрезвычайнымъ почетомъ и уваженіемъ. Результатомъ такого порядка вещей, по мнѣнію Мора, должны быть полнѣйшее счастіе для всѣхъ гражданъ и отсутствіе угнетенныхъ и недовольныхъ классовъ людей въ обществѣ.

Правила касательно устройства и управленія государственнаго изложены не съ такою подробностію, какъ предыдущій отдѣлъ Уто-

ніи. Администрація ввѣрена іерархіи должностныхъ лицъ, которыя всѣ безъ исключенія выбираются народомъ и ежегодно должны быть замѣняемы другими. Каждыя 30 семействъ управляются *филархомъ;* во главѣ 10 филарховъ стоитъ протофилархъ, который, вмѣстѣ съ другими, равными ему, сановниками, выбираетъ на общихъ собраніяхъ пожизненнаго *князя* для управленія городомъ. Общія дѣла государственныя обсуживаются въ особыхъ собраніяхъ, для составленія которыхъ всѣ города посылаютъ отъ себя непремѣнно трехъ пожилыхъ людей. За разсужденія о дѣлахъ государственныхъ внѣ опредѣленныхъ закономъ мѣста и времени объявляется смертная казнь. Законы здѣсь весьма немногочисленны, и всѣ дѣла производятся и рѣшаются словесно, не прибѣгая къ письменному производству. Адвокаты не терпимы на островѣ Утопіи. Вести войну можно только съ наемными солдатами, когда представится необходимость защищать отъ враговъ самихъ себя или своихъ союзниковъ. Кромѣ этихъ случаевъ, война дозволяется только для освобожденія такого народа, который страдаетъ подъ гнетомъ иноземнаго деспотизма.

Въ заключеніе нужно упомянуть объ условіяхъ для умственной и духовной жизни на островѣ Утопіи. У всѣхъ гражданъ такъ много свободнаго времени, что они непремѣнно должны обратиться къ ученой дѣятельности. Потому то всѣ искусства и науки въ Утопіи достигаютъ высочайшей степени своего развитія. Свобода совѣсти примѣняется во всей своей полнотѣ, безъ стѣснительныхъ ограниченій. Но вѣра въ существованіе души и въ жизнь загробную составляетъ *conditio sine qua non* для каждаго лица, желающаго поступить въ государственную службу. Духовныя власти избираются народомъ, также какъ и свѣтскія. Вліяніе церковной іерархіи чрезвычайно ограничено; впрочемъ безнравственное поведеніе со стороны гражданина влечетъ за собою церковное отлученіе, которое считается здѣсь очень важнымъ и строгимъ наказаніемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что соціальное значеніе Утопіи Мора несравненно важнѣе политическаго. Организація государственныхъ учрежденій смѣшиваетъ древнее начало выбора въ общественныя должности съ представительною системою новой демократіи. Но не смотря на это, государственное устройство въ Утопіи замѣчательно въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: прежде всего

представляется въ немъ наблюдателю *преобладаніе равенства*—этого красугольнаго камня всѣхъ новыхъ политическихъ построеній. Въ силу этого, управленіе государствомъ носитъ на себѣ несомнѣнные признаки того, что называютъ теперь *«la souverainetè du peuple, de la majorité»*. Здѣсь Моръ явился истиннымъ пророкомъ и сдѣлалъ такой гигантскій шагъ впередъ отъ своего времени, что даже и теперь Висконсинъ и Іова далеко отстали отъ политическаго его плана.

Во вторыхъ, по отношенію къ личному взгляду автора, нельзя не замѣтить того, какъ мало удалось ему примирить ненависть свою къ началу привилегіи съ дѣйствительнымъ уваженіемъ къ интересамъ и мнѣнію большинства въ государствѣ. Послѣднему предоставлено одно голое право избранія; обсужденіе общественныхъ дѣлъ запрещено подъ страхомъ тяжкаго наказанія! Моръ не только не преклоняется передъ общественнымъ мнѣніемъ, этимъ божкомъ нашей современности, но даже высказываетъ въ отношеніи къ нему самое положительное безвѣріе. *«Liberté de la presse, droit d'association* и тому подобное вычеркнуты изъ его идеальнаго плана однимъ энергическимъ взмахомъ пера. Здѣсь Моръ споткнулся на одномъ и томъ же камнѣ съ новѣйшими политическими организаторами. Послѣдніе въ одинаковой степени выказали неумѣнье свое органически связать идею равенства съ уваженіемъ къ общественному мнѣнію въ государствѣ. Впрочемъ Моръ съумѣлъ сгладить этотъ разладъ въ своемъ твореніи и прибѣгнулъ къ такому средству, отъ котораго, по видимому, отрекаются современные новаторы...Не нужно забывать однакоже того, что канцлеръ Англіи въ эпоху Генриха VIII-го не могъ ожидать никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ высказаннаго имъ убѣжденія.

Еще глубже врѣзываются въ жизнь и несравненно сильнѣе враждуютъ съ дѣйствительнымъ устройствомъ общества всѣхъ вѣковъ и народовъ соціальныя предложенія Мора въ Утопіи. Совершенно несправедливо смотрѣли на нее иногда, какъ на одно поэтическое развитіе Платонова ученія. Нѣтъ спора въ томъ, что многое заимствовано было Моромъ у Платона, и въ томъ числѣ общеніе имуществъ; но никто и ни въ какомъ случаѣ не назоветъ перваго рабскимъ подражателемъ послѣдняго. Въ Утопіи высказанъ новый, современный намъ взглядъ на общество. Уравненіе земледѣльческаго и ремесленнаго промысловъ, уничтоженіе различій между гражда-

нами по сословіямъ и личнымъ способностямъ, наконецъ свобода совѣсти—едва ли могутъ быть признаны родственными Платону идеями. Совершенно оригинальный характеръ имѣетъ попытка Мора соединить учрежденіе отдѣльнаго брака съ началомъ общенія въ имуществѣ, между тѣмъ какъ у Платона нѣтъ такого примиренія двухъ противуположныхъ по духу своему институцій, и допускается или полное общеніе женъ и имуществъ, или отдѣльный бракъ съ правомъ частной собственности. Не менѣе самостоятельна у Мора группировка членовъ государства въ союзахъ семейномъ и общественномъ.

Правильное уразумѣніе Утопіи возможно только тогда, когда, при обсужденіи ея, не будетъ потеряно изъ вида живое отношеніе идеальнаго творенія къ обществу и всей цивилизаціи своего времени. Здѣсь только станетъ для насъ яснымъ то, какою смѣлою рукою ударилъ Моръ по больнымъ мѣстамъ въ организмѣ тогдашней Европы. Онъ знать ничего не хочетъ ни о сословныхъ различіяхъ, ни о наслѣдственныхъ правахъ аристократовъ по рожденію. Поэтому-то нѣтъ мѣста въ его Утопіи ни сильнымъ прелатамъ, утопающимъ въ роскоши, ни богатымъ и надменнымъ рыцарямъ съ ихъ буйными и праздными свитами; поэтому-то не видно здѣсь ни замкнутаго въ себѣ городскаго сословія, ни затоптанной въ грязи толпы деревенскаго населенія. Всѣ они замѣняются у него самодѣятельными, образованными, одною семьею живущими гражданами. Онъ не признаетъ господствующей церкви, открыто отвергаетъ всякое религіозное преслѣдованіе и—мимоходомъ сказать—требуетъ избранія духовныхъ лицъ посредствомъ народа. Въ силу этихъ требованій, сама собою рушится не только необозримая масса бѣдствій и насилій, подъ которыми стонало тогда угнетенное большинство, но и падаетъ цѣлый лѣсъ подмостокъ, на которыхъ держались общество, государство и церковь того времени.

Въ настоящій моментъ сильнѣе всего поражаетъ насъ въ Утопіи восхваляемое здѣсь уничтоженіе частной собственности съ результатомъ его—организаціей труда въ обществѣ. Мы ратуемъ теперь противъ того и другаго начала, взявъ въ руки оружіе политико-экономической науки и критики. Но въ эпоху, когда впервые явилась книга Мора, всеобщее уравненіе правъ, свобода совѣсти и безусловное уничтоженіе церковной іерархіи казались еще страшнѣе и

изумительнѣе для современниковъ, и потому-то легко было въ ту пору примириться, безъ дальнѣйшихъ затрудненій, съ принципомъ общенія въ имуществѣ. Замѣчательно также, какъ оригинальная черта своего времени, то обстоятельство, что подобныя революціонныя мысли не только высказаны во всеуслышаніе, но даже весьма подробно развиты канцлеромъ Англіи, однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи служитъ лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени вѣрно сознавалъ Моръ разладъ между искомымъ и существующимъ порядкомъ вещей въ современномъ ему обществѣ. Бо̀льшей хвалы не можетъ быть для книги, все содержаніе которой предназначено для будущаго.

Но можно ли сказать послѣ всего этого, чтобы твореніе Мора возбуждало во всѣхъ частяхъ своихъ однѣ безусловныя похвалы? Есть ли какое основаніе предполагать, что идеи, въ родѣ общенія имуществъ и неразрывной съ нимъ организаціи труда въ обществѣ, осуществятся когда нибудь въ дѣйствительности, не смотря на то, что были далеки отъ этого до послѣдняго времени? Однимъ словомъ: имѣетъ ли право Утопія Мора разсчитывать въ настоящую эпоху на какое либо практическое значеніе? И то и другое положительно невозможно.

Самая первая и очевидная погрѣшность заключается въ томъ, что Моръ не съумѣлъ построить идеальнаго своего государства, не прибѣгнувъ къ установленію рабства. Правда, въ послѣднемъ нашелъ онъ дешевое средство для рѣшенія труднаго вопроса о томъ, какъ организовать отправленіе многихъ тяжкихъ и унизительныхъ работъ въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ члены на перечётъ счастливѣйшіе и образованнѣйшіе люди. Но подобное рѣшеніе и несправедливо и безнравственно. Также хорошо, если не лучше, можно было вывернуться изъ бѣды съ теперешними нашими поденщиками. Нисколько не выше стои̇тъ идея очереднаго сельскаго хозяйства. Богъ одинъ вѣдаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ могла бы привести подобная система. Говорить о мелкихъ недостаткахъ нѣтъ никакой надобности.

Во вторыхъ, что касается общенія имуществъ, то коммунисты съ увѣренностію ожидаютъ осуществленія его въ будущемъ. Дальнѣйшее изложеніе предмета дастъ намъ случай показать до какой степени позаимствовалась въ этомъ отношеніи отъ Утопіи Мора собственная ихъ Утопія, то есть путешествіе *Кабе* въ Икарію. Но съ другой стороны не замѣтно и слабыхъ признаковъ вѣры въ подоб-

ное будущее у всѣхъ тѣхъ людей, которые признаютъ общеніе имуществъ положительно невозможнымъ и вмѣстѣ видятъ въ немъ гибель всей цивилизаціи, всѣхъ стремленій и средствъ къ высшему развитію человѣчества. Тѣже люди смотрятъ на организацію общихъ работъ въ государствѣ какъ на поводъ къ безграничной анархіи, какъ на лучшій способъ обращать націи въ состояніе черныхъ невольниковъ. Таковъ голосъ несчетнаго большинства истинно разумныхъ и образованныхъ людей. Всѣ они могутъ общимъ хоромъ пристать къ тому приговору, который давно уже произнесенъ надъ Утопіею цѣлымъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ повторить, что эта сторона въ твореніи Мора неудачна по идеѣ, слаба по обработкѣ и совершенно невозможна для выполненія. Здѣсь нѣтъ ни предсказанія, ни предчувствія будущихъ переворотовъ, а господствуетъ одно полнѣйшее заблужденіе. Но если это и справедливо, если въ твореніи Мора на самомъ дѣлѣ найдутся такіе рѣшительные недостатки, что безпристрастному судьѣ нельзя будетъ отважиться на безусловное одобреніе: во всякомъ случаѣ трудно было бы отойти отъ этой книги безъ уваженія къ глубинѣ взгляда и къ таланту государственнаго человѣка и писателя. Только ограниченность и невѣжество способны объявить Мора дѣтскимъ мечтателемъ, сочинителемъ литературной шутки, недостойной ни имени, ни высокаго положенія автора въ обществѣ.

Сто лѣтъ не находилось ни подражаній, ни критики для творенія Мора, которое во все это время было единственнымъ представителемъ цѣлаго отдѣла политической литературы. Только съ начала XVII-го столѣтія быстрымъ шагомъ пошли другъ за другомъ политическія Утопіи (1).

(1) Слова эти могутъ найти себѣ противорѣчіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ 1552 году вышла книга какого то *Дони* подъ заглавіемъ: *I mondi celesti, terrestri e infernali degli academici Pellegrini»* по видимому утопическаго содержанія. О ней говоритъ *Тониссель* на 247-й страницѣ I тома своего сочиненія: *Le socialisme*. Изъ его словъ видно, что книга *Дони* есть скорѣе догматическое сочиненіе въ формѣ разговора, чѣмъ политическая утопія, и что авторъ проповѣдуетъ здѣсь самый грубый коммунизмъ. Отсутствіе частной собственности, брака и семейства, вмѣстѣ съ самымъ анархическимъ состояніемъ общества во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ главныя черты этого сочиненія. Оно имѣетъ болѣе значенія для исторіи коммунизма, чѣмъ для политической утопіи.

Во главѣ ихъ стоитъ Калабрійскій монахъ доминиканскаго ордена, *Томасъ Кампанелла.* Нѣтъ надобности объяснять, что у него совсѣмъ иная точка зрѣнія, чѣмъ у государственнаго мужа Англіи; только борьба съ окружающимъ порядкомъ вещей одинаково-ясно обозначается у того и у другаго писателя.

Послѣ изумительныхъ скачковъ и противорѣчій на поприщѣ ученой, церковной и государственной жизни, послѣ неоднократной пытки и 27-лѣтняго томленія въ тюрьмѣ, вслѣдствіе политическаго заговора въ Неаполѣ, послѣ всѣхъ этихъ житейскихъ бѣдъ и треволненій, темный и пламенный монахъ думалъ найти помощь отъ безпорядковъ и угнетеній на землѣ въ преобладаніи духовнаго начала въ обществѣ. Воспоминанія о Платонѣ и сила собственной фантазіи, распаленной заточеніемъ въ темницѣ, закончили картину того желаннаго для Кампанеллы состоянія, которое изобразилъ онъ передъ потомствомъ въ своемъ «*Солнечномъ государствѣ*» (¹).

Не довольствуясь одними планами политическихъ реформъ, Кампанелла подвергаетъ одинаково радикальнымъ перемѣнамъ устройство цѣлаго общества, и начинаетъ ихъ съ уничтоженія брака и частной собственности. Но это не ведетъ къ безграничному произволу во взаимныхъ отношеніяхъ лицъ обоего пола: напротивъ, здѣсь мы видимъ систему такихъ государственныхъ установленій, которымъ дано высшею властію право—строго смотрѣть за всѣмъ тѣмъ, что касается дѣторожденія, не предоставляя ничего случаю или личной наклонности отдѣльныхъ лицъ. Ближайшія подробности въ этомъ отношеніи можно найти въ самомъ сочиненіи чувственнаго монаха. Общеніе имуществъ сопровождается здѣсь обычными своими послѣдствіями. Съ одной стороны граждане обязаны нести извѣстныя службы на государство, подъ строгимъ присмотромъ надзирателей и надзирательницъ, которымъ присвоено право тѣлеснаго наказанія; съ другой стороны граждане снабжаются всѣми необходимыми для нихъ вещами отъ государства, не знаютъ употребленія денегъ и находятся въ полномъ общеніи между собою касательно пищи и жилья. Работы для мужчинъ и для женщинъ

(¹) Подробное заглавіе сочиненія Кампанеллы слѣдующее: Civitas solis vel de reipublicae idea dialogus poëticus. Interlocutores: Hospitalarius Magnus et nautarum gubernator Genuensis hospes.

совершенно одинаковы, но изъ нихъ слабому полу предоставляются обыкновенно наиболѣе легчайшія. Чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ выше она цѣнится; болѣе всего облагороживаютъ труженика самыя унизительныя службы и отправленія. Торговля дозволяется однимъ иностранцамъ, не иначе какъ въ видѣ мѣны товаровъ на товары. Для города составленъ у Кампанеллы тщательно отдѣланный планъ, на которомъ изображаются семь сопредѣльныхъ четыреугольниковъ (кварталовъ) изъ великолѣпныхъ зданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ *«Солнечномъ государствѣ»* принято общественное воспитаніе дѣтей, которыя получаютъ дальнѣйшее назначеніе соотвѣтственно способностямъ каждаго отдѣльнаго лица. Слава гражданъ заключается въ наибольшемъ развитіи тѣлесной ловкости и въ распространеніи между ними умственныхъ знаній. Всѣ они воодушевлены самою пылкою любовью къ *общности;* между ними нѣтъ мѣста эгоистическимъ стремленіямъ и наклонностямъ. Здѣсь не существуетъ юридическихъ преступленій и проступковъ, а есть только нравственныя нарушенія, которыя караются лишеніемъ общественныхъ обѣдовъ, половыхъ наслажденій и наказаніями, наносящими безчестье.

Что касается государственныхъ учрежденій въ «Солнечномъ государствѣ», то сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ. Супрематъ въ духовномъ и свѣтскомъ отношеніяхъ принадлежитъ *верховному жрецу* или *великому метафизику.* Онъ получаетъ власть по избранію, подъ условіемъ самыхъ полныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Непосредственно за нимъ слѣдуютъ три его помощника, которые носятъ имена и служатъ представителями трехъ началъ: *силы, мудрости* и *любви.* Изъ нихъ первый помощникъ (Сила) завѣдываетъ всѣмъ тѣмъ, что касается военнаго дѣла вообще; второму (Мудрости) принадлежитъ управленіе ученою и учебною частями; третьему (Любви) предоставлены: дѣторожденіе, медицина и государственное хозяйство.

Каждому изъ трехъ помощниковъ подчинены чиновники для исполненія ихъ распоряженій: такъ въ непосредственной зависимости отъ втораго помощника (т. е. Мудрости) состоятъ астрологъ, космографъ и многія другія должностныя лица. Всѣ они назначаются великимъ жрецомъ или его помощниками и профессорами тѣхъ искусствъ, къ которымъ имѣетъ отношеніе предстоящая имъ

служба; но самое назначеніе производится изъ числа лицъ, признанныхъ способными цѣлымъ народнымъ собраніемъ. Если кто либо окажется болѣе достойнымъ къ занятію должности, прежде назначенный чиновникъ подвергается немедленному удаленію, за исключеніемъ верховнаго жреца и его помощниковъ, для которыхъ обязательно добровольное отреченіе, всякій разъ когда они увидятъ, что какое нибудь лицо стоитъ выше ихъ въ умственномъ отношеніи. Участіе народа въ дѣлахъ государственныхъ ограничивается однимъ собраніемъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, которые сходятся черезъ каждые 14 дней для обсужденія общественныхъ мѣръ и для назначенія кандидатовъ на должности.

Въ обществѣ господствуетъ строгое повиновеніе предержащимъ властямъ. Въ заключеніе Кампанелла чрезвычайно пространно и ясно толкуетъ объ астрологіи и религіи въ «Солнечномъ государствѣ.» Очевидно, что страхъ передъ Церковью помѣшалъ автору дать полное выраженіе своей мысли. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что есть много отталкивающаго въ этомъ произведеніи. Нравственный инстинктъ оскорбляется грубо животнымъ и лишеннымъ чистаго человѣческаго чувства воззрѣніемъ на отношенія двухъ половъ. Распредѣленіе общественныхъ и государственныхъ дѣлъ непрактично до нелѣпости. Для монаха-революціонера не видится ни малѣйшей необходимости составить себѣ ясное понятіе объ организаціи труда въ обществѣ. Наконецъ весьма значительная часть идей въ сочиненіи слишкомъ явно позаимствована у Платона и Мора, подвергаясь иногда превратнымъ и каррикатурнымъ передѣлкамъ.

Но не смотря на это, *Солнечное государство* представляетъ въ себѣ не мало такого, что достойно замѣчанія и не лишено важности для исторіи науки. Можетъ статься, что многіе не дадутъ большой цѣны проекту Кампанеллы—составить изъ однихъ общественныхъ зданій поселенія гражданъ въ государствѣ, не смотря на то, что проэктъ этотъ играетъ не маловажную роль въ позднѣйшихъ политическихъ утопіяхъ и въ новѣйшихъ системахъ соціалистовъ. За то мысль—передать неограниченное управленіе государствомъ въ руки высоко-образованной теократіи и принять за точку опоры *знаніе*, а не *религію*—совершенно самостоятельна: она не связана по происхожденію ни съ однимъ историческимъ примѣромъ, ни съ однимъ предшественникомъ въ сферѣ политической утопіи.

Правда, трудно было бы утверждать, что гдѣ нибудь посчастливилось практически доказать возможность такого управленія государствомъ; правда и то, что великій метафизикъ Кампанеллы есть умственное чудовище въ полномъ смыслѣ слова. Во всякомъ случаѣ, нельзя не оцѣнить стремленія — поставить *наибольшую* вмѣсто *наименьшей мудрости* во главѣ управленія міромъ. Едва ли возможно также оставить безъ вниманія устройство администраціи на основаніи систематическаго раздѣленія государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно, чтобы кто нибудь до Кампанеллы высказывалъ эту мысль, которая теперь въ такомъ ходу и на которой опирается политическое устройство многихъ государствъ въ настоящее время.

Кто припомнитъ себѣ государственный порядокъ той эпохи, построенный совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, кто не забудетъ пестраго смѣшенія самыхъ разнородныхъ явленій въ обществѣ того времени: тотъ скажетъ, что мысль о строго-логическомъ порядкѣ вещей ничуть не была близка къ *statu quo* дѣйствительной жизни. Вообще, не смотря на неблагопріятное вліяніе своего вѣка, своей судьбы и собственной личности, Кампанелла выступилъ остроумнымъ и глубокомысленнымъ человѣкомъ въ своей политической утопіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое смѣшеніе грубыхъ недостатковъ съ достоинствами побудило честнаго протестантскаго богослова, *Іоганна Валентина Андреэ* (I. V. Andreae) переработать и очистить вымыселъ италіянскаго монаха. Будучи самъ поэтомъ, онъ весьма хорошо понималъ, какъ опасно бываетъ распространеніе сладкой отравы, и потому рѣшился замѣнить ее столь же пріятнымъ, но менѣе опаснымъ приношеніемъ для своихъ земляковъ и единовѣрцевъ. Уже въ 1619 году появилось описаніе *«Христіанопольскаго государства»* (1), которое въ формальномъ отношеніи имѣетъ большое сходство съ твореніемъ Кампанеллы, но замѣняетъ его гниловатую мораль благочестивымъ и ортодокснымъ ученіемъ протестантизма.

---

(1) I. V. Andreae: «Reipublicae christianopolitanae descriptio». Argent. 1619. Переводъ ея вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Эсслингенѣ, 1741 года. Не нужно смѣшивать съ этою утопіею пошлой поэмы того же автора, которая издана *Грюнейзеномъ* въ Лейпцигѣ, 1836 года. Она аллегорически представляетъ борьбу и побѣду Христіанства надъ языческимъ міромъ и носитъ названіе: *Die Christenburg*, allegorisch-epische Darstellung.

Мысль—положить въ основаніе идеальнаго государства строго христіанскую мораль протестантскаго оттѣнка—весьма плодовита сама по себѣ и, при остроумномъ развитіи, могла бы привести къ замѣчательнымъ результатамъ. Человѣчеству не удавалось еще построить на нравственномъ законѣ дѣйствительное государство: до сихъ поръ довольствовались въ этомъ отношеніи исключительно однимъ правомъ. Поэтому-то было бы чрезвычайно любопытно провѣрить на искусно-вымышленномъ образѣ всѣ послѣдствія подобнаго строенія въ идеальномъ государствѣ, чтобы имѣть возможность судить о примѣнимости или непримѣнимости его въ дѣйствительной жизни. Послѣдняя представляетъ такъ много превратныхъ сторонъ и несовершенствъ съ исключительно-религіозной и нравственной точки зрѣнія, что разладъ этотъ могъ бы послужить самымъ счастливымъ мотивомъ для политической утопіи.

Къ сожалѣнію, почтенный вюртембергскій діаконъ не съумѣлъ ловко и остроумно обработать эту мысль. Онъ полагалъ, что вполнѣ сдѣлалъ свое дѣло, замѣнивъ благочестивыми размышленіями нравственную распущенность Калабрійца, передѣлавъ его вымышленную религію и многія возмутительныя установленія въ прозаическую дѣйствительность ортодокснаго протестантскаго государства. Воображеніе его не имѣло творческой силы на столько, чтобы въ живыхъ образахъ воплотить его ученіе. Такимъ образомъ, за исключеніемъ молитвенныхъ часовъ, которые Андреэ учреждаетъ вновь, и христіанскаго семейнаго права, которому онъ предоставляетъ *statum quo* въ своемъ политическомъ идеалѣ, во всемъ остальномъ здѣсь видно рабское подражаніе «Солнечному государству». И у него также встрѣчаются громадныя общественныя зданія, впрочемъ съ особенными жилыми покоями и съ отдѣльными обѣдами для каждаго семейства; и онъ составляетъ для своего города такой же странный планъ изъ нѣсколькихъ четыреугольниковъ; требуетъ для дѣтей общественнаго воспитанія отъ 6-ти лѣтняго ихъ возраста; признаетъ одну общественную собственность съ ея послѣдствіями, то есть *съ организаціею* общественнаго труда подъ руководствомъ надсмотрщиковъ, и *съ надѣленіемъ* гражданъ всѣми необходимыми для нихъ вещами изъ запасныхъ государственныхъ магазиновъ. Деньги и здѣсь обречены на изгнаніе; физическій трудъ опредѣленъ въ весьма малыхъ доляхъ времени, бо́льшая

часть котораго посвящается религіозному, нравственному и умственному развитію гражданъ. Подъ конецъ Андреэ пускается въ многорѣчивыя и ребяческія описанія различныхъ общественныхъ собраній, въ изображенія отдѣльныхъ лицъ мужескаго и женскаго пола. Даже въ формѣ правленія нисколько не уклоняется онъ отъ Кампанеллы. Правда онъ устраняетъ теократическаго монарха; но за то удерживаетъ трехъ его помощниковъ, изъ которыхъ одного называетъ *священникомъ*, другаго *судьею*, а третьяго *блюстителемъ образованія*. Вся оригинальность его заключается въ томъ, что онъ командируетъ къ каждому изъ этихъ сановниковъ по одному *адъюнкту* (вице-статсъ-секретарю), называя перваго адъюнкта, какъ и слѣдуетъ доброму Вюртембергцу, *діакономъ*, то есть помощникомъ! Въ заключеніе Андреэ аллегорически соединяетъ бракомъ своихъ высшихъ сановниковъ слѣдующимъ образомъ: онъ женитъ священника на *совѣсти*, судью на *разумѣ*, а блюстителя образованія на *истинѣ*.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Андреэ въ значительной степени достигнулъ своей цѣли: по крайней мѣрѣ передѣланное имъ *солнечное государство* до сихъ поръ остается малоизвѣстною книгою, тогда какъ съ оригиналомъ его, до послѣдняго времени, повторяются новые переводы и изданія.

За Кампанеллой и Андреэ непосредственно слѣдуютъ политическія утопіи нѣсколькихъ Англичанъ сряду. Не одна случайность заставила людей этой націи взяться за перо, чтобы представить своему времени контрастъ и вмѣстѣ образецъ для самопознанія и соревнованія въ дѣлѣ политическаго развитія. Свободная государственная жизнь Англіи должна была, скорѣе чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Европы, навести образованныхъ и практическихъ людей на стремленіе—разрѣшить глубокія и важныя задачи современной жизни. Потому-то, прежде другихъ, никто иной какъ самъ знаменитый *Францискъ Бэконъ* предпринялъ разрѣшеніе загадки въ той формѣ, которая была уже прославлена товарищемъ его по должности, то есть канцлеромъ Англіи Томасомъ Моромъ. Къ сожалѣнію, мы должны довольствоваться здѣсь почти что однимъ намѣреніемъ Бэкона, такъ какъ между сочиненіями его отыскался только краткій отрывокъ изъ «*Новой Атлантиды*». Нельзя не пожалѣть объ этомъ грустномъ обстоятельствѣ, тѣмъ болѣе, что

намъ извѣстно намѣреніе геніальнаго человѣка — вполнѣ высказать взлядъ свой на политическое и соціальное устройство въ названномъ нами сочиненіи. Важность творенія Бэкона была бы вдвойнѣ значительнѣе, если бы онъ выдержалъ его въ томъ полемическомъ духѣ противъ Утопіи Мора, какъ это можно заключить по нѣкоторымъ мѣстамъ, дошедшимъ до нашего времени. Въ отрывкахъ изъ новой Атлантиды замѣчательнѣе всего описаніе ученыхъ установленій на счастливомъ островѣ не столько само по себѣ, сколько потому, что служитъ мѣркою и выраженіемъ высшихъ требованій того вѣка. Объ истинномъ планѣ Бэкона можно высказывать одни предположенія. Кажется, что авторъ имѣлъ въ виду основать благо общества на самомъ высокомъ научномъ развитіи всѣхъ его членовъ. Онъ ожидалъ, что такое развитіе дастъ наибольшую способность къ управленію высшимъ лицамъ въ государствѣ и обезпечитъ нравственный и общественный порядокъ въ остальной массѣ народа. Не обладая достаточнымъ количествомъ частностей, трудно рѣшиться произнести строго-точное сужденіе о цѣломъ произведеніи и потому-то политическая утопія Бэкона упоминается здѣсь только ради полноты въ изложеніи и личнаго значенія великаго ея автора.

Нѣтъ ничего рѣзче того внутренняго и внѣшняго различія, которое существуетъ между всѣми названными сочиненіями и между слѣдующею за ними въ хронологическомъ порядкѣ утопіею, а именно—*Океаніею Іакова Гаррингтона* (¹). Кроткій духомъ, но въ тоже время горячо преданный республиканской формѣ правленія, авторъ былъ въ числѣ недовольныхъ Кромвеллемъ, и потому возымѣлъ намѣреніе убѣдить въ превосходствѣ представительной демократіи, съ кратковременнымъ отправленіемъ государственныхъ должностей по избранію, не только народъ, но и самого протектора. Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію этой цѣли показалось ему—начертать обширный и тщательно обдѣланный планъ государственнаго устройства на вымышленномъ островѣ Океаніи. Неодобреніе существующаго порядка вещей нейдетъ у Гаррингтона слишкомъ далеко въ глубь, ни мало не касается основаній цѣлаго общества: извѣстная форма государственнаго устройства составляетъ крайній предѣлъ, за который не переходятъ его желанія. Поэтому-то сочи-

(¹) Oceana, I. Harrington. London, 1656.

ненie его разнится отъ предыдущихъ утопій въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: прежде всего не видно въ немъ ни единаго слѣда стремленій — подвергнуть перестройкѣ все тогдашнее общество. Бракъ, собственность, отдѣльное воспитаніе дѣтей и неограниченное развитіе гражданскаго оборота остаются неприкосновенными; даже десятинный налогъ (Tithes) и приходскіе сборы духовенства (Iura stolae, Stolgebüren) не встрѣчаютъ у него никакихъ противорѣчій. Нѣсколько преобразовательный характеръ имѣетъ здѣсь одно робкое предложеніе объ уменьшеніи маіоратовъ. (Никому не дозволяется исключительное наслѣдованіе недвижимой собственности, цѣнность которой превышаетъ 2,000 фунтовъ стерл., если живы еще прочіе братья и сестры въ семействѣ; приданое дочерей не можетъ переходить за цифру 1,500 фунтовъ стерл. Впрочемъ постановленія эти не обязательны для вдовъ, единственныхъ дѣтей и наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ). Но съ другой стороны у Гаррингтона до пошлости подробно развиты тѣ стороны, которыхъ весьма кратко и только въ общихъ чертахъ касаются прочія политическія утопіи. Для лучшаго уразумѣнія дѣла приложены здѣсь планы и эстампы. Сила фантазіи, которая оказалась весьма слабою у почтеннаго автора въ другихъ отношеніяхъ,—становится вдругъ необычайно плодовитою, когда дѣло идетъ объ устройствѣ выборовъ, о способѣ подачи голосовъ и о другихъ неважныхъ формальностяхъ. Вопросы въ родѣ слѣдующихъ: гдѣ именно нужно сходить со скамьи для подачи голоса? или—какую форму долженъ имѣть аппаратъ для складки избирательныхъ шаровъ?—такіе вопросы получаютъ у нашего автора характеръ необычайной важности.

Слѣдующія замѣчанія болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы уразумѣть духъ цѣлаго сочиненія. Во главѣ Государства находятся: *лордъ стратегъ*, *лордъ ораторъ*, два *цензора* ежегоднаго избранія, три *коммиссара большой печати* и такое же число *коммиссаровъ государственнаго казначейства*, которые избираются въ должности на трехлѣтній періодъ времени. Кромѣ того учреждается здѣсь извѣстное число *коллегіальныхъ установленій* съ перемѣннымъ составомъ членовъ, для отправленія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ. Въ случаяхъ крайней необходимости допускается диктатура *военнаго совѣта* изъ опредѣленнаго числа чрезвычайныхъ чле-

новъ. Законодательная власть присвоена *Парламенту*, въ составъ котораго входитъ *Сенатъ* изъ 300 и *Прерогатива* изъ 1050 членовъ. Парламентскіе члены выбираются на три года, но не имѣютъ права быть вторично избранными въ теченіе трехъ лѣтъ по выходѣ своемъ изъ Парламента; послѣдній подвергается ежегодному обновленію третьей части личнаго своего состава. Сенату принадлежитъ обсужденіе дѣлъ; Прерогативѣ—окончательное ихъ разрѣшеніе по предложеніямъ сенаторовъ. Парламентскіе выборы производятся 50-ю трибами, на которыя раздѣлена вся область государственная. Каждыя 20 сотенъ составляютъ 1 трибу; 10 приходовъ образуютъ изъ себя одну *сотню*. Избирательная способность опредѣляется имущественнымъ цензомъ. Свободные (не служащіе) граждане раздѣляются на *пѣшеходовъ* и *всадниковъ*, смотря потому, есть ли у нихъ доходъ выше 100 фунтовъ стерл. Изъ *всадниковъ* составляется сословіе *рыцарей*, изъ *пѣшеходовъ* образуется категорія *депутатовъ*. Выборы происходятъ такимъ образомъ, что изъ *15* рыцарей каждой трибы—*6* человѣкъ поступаютъ въ Сенатъ (50×6=300), а 9 — въ Прерогативу, куда идутъ также по 12 депутатовъ изъ категоріи пѣшеходовъ отъ каждой трибы (50×9=450; 50×12=600.—600+450=1,050). Лица, избранныя каждою трибою порознь, всѣ вмѣстѣ получаютъ названіе *Галаксіи* (*Galaxy*, по англійски: млечный путь). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Гаррингтонъ принадлежитъ къ той категоріи тупыхъ, педантическихъ и лишенныхъ практическаго смысла политическихъ мудрецовъ, для которыхъ хитросплетеніе запутанныхъ формъ составляетъ лучшую гарантію прочнаго порядка вещей въ обществѣ. Такіе люди видятъ свободу въ стѣсненіи власти должностныхъ лицъ, необходимой для государства; въ опредѣленіи мелочей ищутъ они твердости политическаго устройства и называютъ порядкомъ чисто-механическій процессъ раздѣленія и соединенія. Гаррингтонъ ни разу не подумалъ объ удовлетвореніи болѣе глубокихъ потребностей соціальнаго человѣка, вовсе не коснулся изслѣдованія о томъ: можетъ ли быть признано истиннымъ идеаломъ представительное устройство новаго европейскаго государства? Политическій status quo того времени казался для него не только удовлетворительнымъ, но даже единственно возможнымъ и лучшимъ порядкомъ вещей на землѣ. Нельзя не пожалѣть о политической утопіи, если ея непри-

нужденная форма, ся широкая умственная сфера отданы будутъ на служеніе такимъ жалкимъ мелочамъ!

Гораздо смѣлѣе воспользовался выгодами поэтической формы въ утопіи *Д. Вэрассъ (D. Vairasse)*, авторъ «*Исторіи народа Севарамбовъ*» (Histoire des Sevarambes), которая вышла въ свѣтъ нѣсколькими годами позже гаррингтоновой Океаніи. Основаніе такого приговора заключается не въ одномъ томъ, что у Вэрасса замѣтно болѣе движенія и силы фантазіи при обработкѣ матеріала, причемъ авторъ переходитъ иногда за предѣлы своей цѣли—правдоподобія въ вымыслѣ. Но онъ особенно сильно чувствуетъ, что не въ одномъ несовершенствѣ политической организаціи заключается источникъ страданій человѣческихъ, но что много сомнѣній навѣваетъ также внутренняя сущность соціальныхъ нашихъ учрежденій. Потому то проэктируетъ онъ дать иную форму общественной жизни, надѣясь по возможности устранить чрезъ это несовершенства въ устройствѣ дѣлъ на землѣ. Если мысль эта сама по себѣ не нова, за то во многомъ оригинальны средства, предложенныя авторомъ. Узнать ихъ тѣмъ интереснѣе, что здѣсь, по видимому, заключается тотъ сокровенный источникъ, изъ котораго много разъ черпали потомъ Фурье и Кабе въ новѣйшее и близкое къ намъ время. Существенное содержаніе творенія Верасса слѣдующее: народъ Севарамбовъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о наслѣдственныхъ сословіяхъ; однѣ личныя заслуги и дарованія ведутъ къ почету и отличію въ обществѣ. Постановленія касательно семейной жизни изложены съ особенною точностію. Бракъ здѣсь существуетъ, хотя не имѣетъ формы строгой моногаміи. Простымъ гражданамъ дозволяется имѣть одну законную жену и не болѣе одной рабы-наложницы, если первая окажется бездѣтною; но число тѣхъ и другихъ увеличивается пропорціонально возвышенію въ общественномъ положеніи каждаго лица, такъ что главѣ государства присвоено право на двѣнадцать законныхъ женъ. Мѣна женъ не запрещается.—До 16 и 18-ти лѣтняго возраста существуетъ строгое раздѣленіе между двумя полами, но потомъ молодые люди могутъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, короче знакомиться другъ съ другомъ. При ежегодномъ отправленіи общихъ свадебныхъ праздниствъ, дѣвицы дѣлаютъ брачныя предложенія, а молодымъ людямъ присвоено право отказаться или изъявить свое согласіе на вступленіе въ супружество; при чемъ тѣ дѣвицы, которымъ

не посчастливится заключить брачный союзъ, могутъ избрать себѣ въ мужья одного изъ высшихъ сановниковъ въ государствѣ. Устарѣвшія женщины осуждаются на изгнаніе въ колоніи. Въ законахъ содержатся подробныя постановленія касательно того, чтобъ новобрачные не причиняли вреда ни самимъ себѣ, ни потомству въ слѣдствіе неумѣренныхъ наслажденій въ первые годы супружеской жизни. Дѣти остаются при родителяхъ только до шести лѣтняго возраста, но потомъ всѣ они должны получать воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ. Надлежащее устройство жилищъ составляетъ главное средство къ сохраненію порядка и къ распространенію счастія и довольства въ обществѣ. Потому то всѣ поселенія въ этой странѣ состоятъ изъ большаго или меньшаго числа однообразныхъ общественныхъ зданій, которыя называются *осмазіями* и могутъ вмѣщать въ себѣ болѣе чѣмъ 1,000 человѣкъ жильцовъ. Зданія эти имѣютъ 50 квадратныхъ геометрическихъ шаговъ и поднимаются на четыре этажа въ вышину; внутренность ихъ украшена зимними садами и каскадами; крышамъ дана плоская форма для прогулокъ обитателей. Лѣтомъ улицы городовъ охлаждаются палатками; повсюду устроены крытыя галлереи и переходы. Для общественныхъ удовольствій предназначены великолѣпные покои частію въ самыхъ осмазіяхъ, частію въ особенныхъ зданіяхъ. Завтракъ и обѣдъ должны быть непремѣнно общими, но ужинать дозволяется каждому отдѣльному лицу порознь. Что касается организаціи труда въ обществѣ, то у Севарамбовъ нѣтъ частной собственности, но каждый гражданинъ повиненъ нести опредѣленную работу на государство, за что послѣднее снабжаетъ его всѣми необходимыми для жизни припасами. Каждое отдѣльное производство имѣетъ своихъ старшинъ, которые управляютъ работами и сдаютъ добытые трудомъ продукты въ государственные запасные магазины. Такія же депо имѣются въ каждой отдѣльной осмазіи. День раздѣляется на три равныя части для труда, отдохновенія и удовольствій; урочное время работъ возвѣщается звономъ колокола.—Чтобы имѣть для каждаго вида работъ соотвѣтственное число производителей,—даровитыхъ дѣтей опредѣляютъ къ изученію наукъ и высшихъ искусствъ въ общественныхъ заведеніяхъ; всѣ же прочія дѣти, отъ 11 до 14 лѣтъ, занимаются исключительно земледѣліемъ, и потомъ уже отъ нихъ требуется выбора между различными родами промысловъ. Форма правленія представляетъ смѣшеніе

избирательнаго демократическаго начала съ неограниченною властію верховнаго правителя въ государствѣ. Всѣ низшія власти до старшинъ осмазіи, или осмазіонтовъ, включительно, избираются народомъ, но могутъ быть удаляемы отъ должности по волѣ верховной власти. Изъ осмазіонтовъ составляется Большой Совѣтъ, которому присвоена законодательная власть. Изъ $1/_{8}$ части членовъ этого Совѣта образуется другой, Малый Совѣтъ *(бросмазіонтовъ)*, въ которомъ 24 старшихъ члена имѣютъ титулъ сенаторовъ (sevarobasten у Вэрасса) и получаютъ отправленіе важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. Большой Совѣтъ выбираетъ четырехъ кандидатовъ на мѣсто верховнаго правителя; но окончательное рѣшеніе этого дѣла предоставляется жребію. Право быть избраннымъ принадлежитъ только тѣмъ лицамъ, которыя начали съ низшихъ ступеней свою службу обществу и государству. Верховный правитель называется *Намѣстникомъ Солнца* и пользуется пожизненно неограниченною властію въ государствѣ; но въ случаѣ дурнаго управленія онъ можетъ быть подвергнутъ опекѣ и даже заключенъ въ сумасшедшій домъ по приговору Большаго Совѣта. Жалованье чиновникамъ за службу замѣнено увеличеніемъ удобствъ при надѣленіи ихъ жилищемъ, одеждою, пищею и другими потребностями, соотвѣтственно достоинству каждаго отдѣльнаго лица, кромѣ привилегіи на расширеніе штата женъ и наложницъ, о чемъ было уже говорено выше. Судопроизводство отличается необычайною простотою: гражданскія тяжбы совершенно неизвѣстны; за уголовныя преступленія и проступки присуждаются: тюремное заключеніе, въ рѣдкихъ случаяхъ смерть и чаще всего тѣлесныя наказанія. Военную службу несутъ всѣ граждане, не исключая женщинъ до 49-лѣтняго возраста; на каждые три мѣсяца въ году требуется постоянное вооруженіе $1/_{12}$ доли всѣхъ, годныхъ для службы, жителей въ государствѣ.

Само собою разумѣется, что въ этомъ соціальномъ и политическомъ проэктѣ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, что въ немъ не видно ни особеннаго глубокомыслія, ни дѣльнаго обсужденія всѣхъ практическихъ затрудненій. То, что говорится здѣсь объ отношеніяхъ двухъ различныхъ половъ, должно быть отброшено частію по грубости, частію же по безнравственности содержанія; общеніе имуществъ есть самая прямая дорога къ варварству для всего человѣчества; наконецъ, нельзя не признать того, что основныя мысли въ

сочиненіи заимствованы изъ Утопіи Мора и изъ Солнечнаго государства Кампанеллы. Но не смотря на это, мы не можемъ отказать себѣ въ произнесеніи сужденія надъ книгою Вэрасса. Прежде всего замѣчательно въ ней неоспоримое присутствіе теплаго и дружескаго участія къ страданіямъ большинства. Чувство это во всякомъ случаѣ достойно уваженія въ авторѣ, еслибы даже средства, предложенныя имъ къ искорененію зла, и не могли устоять передъ критикою. Цѣнность его удвоятся, если оно высказано въ то время, когда всякія гуманныя стремленія находили себѣ такой слабый отзывъ, какъ это было въ эпоху Людовика XIV-го. Сочиненіе съ такимъ направленіемъ есть истинно доброе и хорошее дѣло. Притомъ многія отдѣльныя предложенія гораздо проще и выполнимѣе здѣсь, нежели въ Утопіи Томаса Мора; человѣческой личности гражданъ оказано несравненно большее уваженіе. Потому-то *исторія Севарамбовъ* имѣетъ право назваться однимъ изъ лучшихъ явленій въ литературѣ политическихъ утопій: понятно, почему она такъ долго пользовалась одобреніемъ въ читающимъ мірѣ (¹). Послѣ этого сочиненія открывается и длится почти до нашего времени періодъ совершеннаго безплодія въ сферѣ политическихъ утопій, не по числу, но по содержанію относящихся сюда произведеній.

Почти въ одно время съ исторіею Севарамбовъ появилась сходная съ нею по формѣ, но различная по содержанію и довольно плохая книга, подъ названіемъ «*Приключенія Іакова Садёра*» (²). Авторъ этого сочиненія—перешедшій къ протестантизму французскій монахъ, *Габріэль Фуаньи* (Gabriel Foigny), изображаетъ состояніе вымышленнаго народа на Южномъ морѣ. Полнѣйшее отсутствіе частной собственности составляетъ основаніе его общества; повсемѣстная гармонія и задушевность во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ является необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей. Каждый членъ общества пользуется всѣмъ, что ему необходимо; скупость и расточительность одинаково имъ неизвѣстны. Семейная и брачная жизнь здѣсь не существуетъ, потому что страна

(¹) Исторія Севарамбовъ издана въ первый разъ въ 1677 году; изданіе повторилось въ 1702 и 1716 годахъ. Есть также нѣмецкій переводъ этого сочиненія.

(²) Les aventures de J. Sadeur dans la découverte des terres australes. Перв. изд. въ Женевѣ, 1676 года.

эта населена людьми, соединяющими въ себѣ мужескую натуру съ женскою. Имъ вовсе неизвѣстно употребленіе одеждъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, здѣсь нѣтъ также государственныхъ учрежденій. Всѣ люди совершенно равны между собою по рожденію и навсегда остаются вполнѣ свободными. Въ обществѣ этомъ не существуетъ повелѣвающей власти, даже армія остается безъ дисциплины и предводителя, представляя собою образецъ самаго совершеннаго порядка и стройности.

Не зачѣмъ доказывать, что подобныя глупости не нуждаются въ судѣ и приговорѣ: самая сильная кара ихъ заключается въ нихъ самихъ! Если—независимо отъ всего другаго—измѣненіе физической природы въ человѣкѣ поставлено въ ряду первыхъ условій для осуществленія лучшаго порядка вещей: трудно понять, поведетъ ли къ какой нибудь цѣли изображеніе чистой невозможности. Подобная попытка представитъ самую уродливую и безсмысленную каррикатуру идеи политической утопіи.

Нѣсколько, но только *нѣсколько* лучшимъ можетъ быть названо слѣдующее за этимъ англійское сочиненіе—книга, которая издана католическимъ священникомъ, *Симономъ Берингтономъ*, подъ названіемъ: «*Записки Гауденціо Лукскаго* (¹)».

Авторъ дѣлаетъ привлекательное, хотя немного сладенькое и растянутое описаніе *Меццораніевъ* — народа, который будто бы обитаетъ во внутренней части Африки. Идеальная сторона сочиненія заключается въ томъ, что къ числу средствъ для достиженія желаннаго и лучшаго состоянія, кромѣ преобразованій въ современномъ обществѣ и въ цѣломъ организмѣ человѣческой жизни, относится также нравственное возвышеніе всего народа. Изъ разсказа о Меццораніяхъ видно, что они живутъ подъ строго-патріархальнымъ управленіемъ. Глава государства, называемый *Пофаромъ* (Pophar), есть отецъ своего народа, и всѣ граждане носятъ наименованіе его дѣтей. Каждый подданный въ государствѣ получаетъ особенное занятіе, оставляя его, какъ только послѣдуетъ на то приказаніе со стороны лицъ, начальствующихъ

(¹) Автору этой статьи извѣстенъ только французскій переводъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Mémoires de Gaudence de Lucques.» Amsterdam, 1753. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальная редакція его сдѣлана была на англійскомъ языкѣ.

въ обществѣ. Вообще, младшіе возрастомъ обязаны служить и повиноваться старшимъ; но между собою считаются они братьями и членами одного семейства. Частная собственность не столько уничтожена въ принципѣ, сколько лишена значенія на практикѣ. Жители обмѣниваются, какъ братья, взаимными потребностями; каждый изъ нихъ можетъ, если захочетъ, пользоваться чужимъ домомъ, какъ своимъ собственнымъ; всѣ они господа и слуги въ одно и тоже время. Форма брака — моногамія. Дѣтямъ дается общественное воспитаніе. Однѣ заслуги и личныя способности опредѣляютъ и устроиваютъ жизненное поприще гражданъ. У автора, какъ видно, гораздо яснѣе взглядъ на *возможное* и *необходимое* вообще, чѣмъ у многихъ изъ его братьевъ по идеямъ, то есть коммунистовъ новѣйшаго времени. Во первыхъ, онъ говоритъ, что порядокъ и счастіе между людьми не осуществимы до тѣхъ поръ, пока не будетъ твердой и благоустроенной власти въ обществѣ. Во вторыхъ, у него ясно высказывается мысль, что эгоизмъ въ имущественныхъ отношеніяхъ и въ цѣломъ гражданскомъ оборотѣ не можетъ быть изгнанъ въ силу одного уничтоженія всѣхъ существующихъ правъ, что подобной цѣли нельзя достигнуть какими либо принудительными мѣрами, но что лучше всего приведетъ къ ней возвышеніе нравственнаго уровня въ обществѣ. Къ сожалѣнію, правильный взглядъ этотъ мало облегчаетъ осуществленіе утопическаго блаженства потому, что едва ли гдѣ можетъ быть такое полное, всеобщее и совершенное господство нравственнаго начала въ обществѣ. Притомъ же самъ авторъ не только не указываетъ никакихъ разумныхъ и практически-возможныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли, но каждый разъ словно заранѣе предполагаетъ осуществленіе желаемаго. Самая большая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ не затемняетъ умовъ и не ведетъ людей, путемъ безсмыслицы и разрушеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, къ пріобрѣтенію блага въ будущемъ.

Весьма сомнительно, можетъ ли быть отнесено къ политическимъ утопіямъ «*Подземное путешествіе Николая Климма,*» которое написано извѣстнымъ датскимъ поэтомъ *Гольбергомъ* (Holberg) (¹). Книга эта очень много читалась въ свое время; но она пред-

---

(¹) Nicolai Klimii iter subterraneum, etc., 1741 г.

ставляетъ собою скорѣе сатиру всей нашей европейской жизни, въ родѣ Свифтова Гулливера, чѣмъ проэктъ политическихъ улучшеній. О ней можно упомянуть мимоходомъ, такъ какъ она случайно и по своему касается общественныхъ учрежденій. Но о пользѣ этого сочиненія въ какомъ бы то ни было отношеніи не можетъ быть и рѣчи, потому что въ утомительномъ перечнѣ чудесныхъ приключеній ни одному предмету не дано точнаго и обстоятельнаго развитія. Въ настоящее время никто не станетъ отрицать того, что въ цѣлой книгѣ Гольберга замѣтно болѣе остроумія, чѣмъ изящнаго вкуса и яснаго сознанія цѣли. Тѣми же самыми недостатками страдаетъ *«Крушеніе плавающихъ острововъ»* Морелли (¹). У писателя этого нѣтъ ни внутренней потребности, ни таланта для того, чтобы создать опредѣленную идею и потомъ позаботиться о точномъ ея проведеніи. Сатирическое изображеніе состоянія народовъ въ настоящей порѣ ихъ цивилизаціи не лишено смѣлости и остроумія. Различіе между бѣдняками и богатыми людьми въ обществѣ выставлено съ замѣчательною горечью. Также мало пріятнаго замѣтно въ изображеніи коронованныхъ особъ, дворовъ и войны. Изъ всего сказаннаго видно, что здѣсь нѣтъ бѣдности въ оппозиціонномъ элементѣ—этой основѣ всякой дѣльной политической утопіи. Но авторъ большею частію держится обще - сатирическаго тона или забавляется пошлымъ аппаратомъ сказочной формы, не заботясь о томъ, чтобы выразить свой настоящій взглядъ въ ясно обрисованномъ очеркѣ. Весьма немногое узнаемъ мы о политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ на счастливыхъ островахъ его, да и эта скромная доля рѣдко составляетъ собственность автора, но большею частію взята изъ Платонова государства, съ неизбѣжнымъ искаженіемъ въ тривіальномъ и пошломъ тонѣ. Послѣднее особенно замѣтно въ изображеніи отношеній между двумя полами, причемъ авторъ вполнѣ отдается тому развратному направленію, которое такъ часто встрѣчается у французскихъ *«усовершителей»* общества и государства. Въ соблазнительныхъ картинахъ своихъ хвастаетъ онъ тѣмъ, что уничтожилъ бракъ и поставилъ на его мѣсто самыя свободныя отноше-

(¹) *Maurelly*, Naufrages des îles flottantes, ou la Basiliade de Bilpai. Messine, 1753.

нія между лицами разныхъ половъ. Онъ не отступаетъ ни на единый шагъ передъ самымъ кровосмѣшеніемъ. Говоря объ общеніи имуществъ, авторъ съумѣлъ опошлить Платоновскую идею собственною своею обработкой. Вопросъ о внутреннемъ побужденіи къ труду, составляющій самую замысловатую загадку въ этомъ ученіи, авторъ старается разрѣшить тѣмъ, что предполагаетъ у всѣхъ гражданъ доблестное рвеніе къ усердному труду на пользу общую. Съ помощію такихъ дешевыхъ средствъ, удается ему изрѣзать свой сказочно - прекрасный островъ дорогами, каналами и плотинами во всевозможныхъ направленіяхъ, обстроить его самыми изящными домами и населить жителями, которые сообща и горячо трудятся надъ обработкою земли, снабжая необходимыми продуктами не только самихъ себя, но и всѣхъ своихъ сосѣдей. Очень мало уяснится взлядъ нашъ на возможность и дѣйствительность такого порядка вещей, когда мы узнаемъ отъ автора, что обитатели его счастливыхъ странъ не ѣдятъ мяса; что они никогда не совершаютъ ни преступленій, ни проступковъ, такъ какъ жизнь ихъ преисполнена довольства и счастія; что первенство между гражданами принадлежитъ *de jure* тому, кто сдѣлаетъ какое либо общеполезное открытіе; что наконецъ Верховный Правитель избирается всегда изъ того семейства, которымъ основано было государство, и мн. др. Искренность и серьозность подобныхъ идей доказаны были авторомъ нѣсколько лѣтъ позже (1755 году), когда изданъ имъ позорный «*Кодексъ Природы*» (1) съ тою цѣлью, чтобы отстаивать прежнія свои воззрѣнія. Здѣсь онъ догматически поучаетъ тому, что природа человѣческая добра, но испорчена превратными ученіями и вредными установленіями въ обществѣ; что исправить такое состояніе можно не иначе, какъ изгнавъ мораль и начало собственности изъ человѣческой жизни. Изъ этихъ главныхъ положеній выведено имъ ученіе объ общеніи имуществъ, объ организаціи труда, о воспитаніи и о полномъ равенствѣ всѣхъ членовъ общества между собою. Выводы эти представляютъ мало оригинальности, но замѣчательны въ томъ отношеніи, что, по видимому, были ближайшимъ источникомъ, изъ котораго черпали по-

---

(1) *«Code de la nature, ou le véritable esprit des lois, de tout temps négligé ou méconnu.*

вѣйшіе французскіе коммунисты. Здѣсь замѣтны даже нѣкоторые слѣды «*Du travail attrayant*» Фурье.

Не столько по внутреннему содержанію, сколько по отсутствію оригинальности и ясной идеи, навлекаетъ на себя порицанія книга: «*Исторія Ажаойцевъ или философское государство*», авторомъ которой, вѣроятно несправедливо, считаютъ Фонтенелля (1). По формѣ своей, сочиненіе это есть повѣствованіе о кораблекрушеніи у мнимаго острова *Ажао* на Японскомъ морѣ, причемъ предлагается описаніе всѣхъ существующихъ тамъ учрежденій. Но содержаніе его представляетъ не что иное, какъ неудачную стряпню изъ кусковъ, оторванныхъ отъ «Утопіи» Мора и отъ «Исторіи Севарамбовъ» Вэрасса. Мы видимъ здѣсь: небольшую общину, составленную изъ 20 семействъ; избраніе старшинъ на всѣхъ ступеняхъ соціальной организаціи, слѣдовательно представительную демократію; общеніе имуществъ; обработку земли посредствомъ лицъ, избранныхъ для этой цѣли старшинами; сбереженіе всѣхъ продуктовъ въ общественныхъ магазинахъ, выдача ихъ гражданамъ по мѣрѣ надобности, и такъ далѣе. Въ утопіи этой оригинальны только нѣкоторыя вопіющія глупости, какъ то: обязательность брака для всѣхъ безъ исключенія гражданъ, на 20-мъ году ихъ жизни, когда молодые мужчины должны непремѣнно въ одинъ и тотъ же день вступать въ бракъ съ двумя женщинами; къ числу подобныхъ же предложеній можно отнести мысль объ уничтоженіи всякаго, даже формальнаго, предсѣдательства въ высшей правительственной инстанціи изъ 24 членовъ. Безсмысліе сочиненія простирается до того, что въ одно и тоже время идетъ рѣчь о мѣновой торговлѣ внутри государства и о сдачѣ гражданами всѣхъ вещей, находящихся въ ихъ распоряженіи, въ общественные магазины, для храненія. Наконецъ въ цѣлой книгѣ не обрѣтается ни единаго отвѣтнаго слова на вопросъ о томъ, какимъ образомъ побудить къ прилежанію и къ безгрѣшной отдачѣ продуктовъ собственнаго труда тѣхъ, кому противъ воли ихъ навязаны различныя назначенія въ жизни, и кто ни въ какомъ случаѣ не можетъ работать на себя?—Описаніе естественныхъ богатствъ страны, ея недоступности, всеобщей

---

(1) La république des philosophes ou histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. de Fontenelle. G., 1768.

добродѣтели гражданъ и многихъ другихъ прелестей нисколько не закрашиваетъ ничтожества цѣлаго произведенія. На описанномъ островѣ, какъ въ истой землѣ философовъ, не должно существовать, по французскому воззрѣнію, никакой положительной религіи. Однимъ словомъ, вся эта книга есть истинно-жалкое произведеніе.

Но почетный титулъ сумасброднаго творенія по всѣмъ правамъ принадлежитъ *«Открытіямъ на Южномъ океанѣ» Ретифа Делабретонъ* (Rétif de la Bretonne) (¹). Съ какою то любовною исторіею соединяется въ нихъ зоологическое описаніе цѣлаго ряда фантастическихъ животно-человѣковъ, какъ то: людей-слоновъ, людей-львовъ, людей - лягушекъ и многихъ другихъ, которые живутъ отдѣльными группами на различныхъ островахъ Южнаго моря. Есть здѣсь также космогонія и въ заключеніе—описаніе умнѣйшаго и превосходнѣйшаго народа *Мега-Патагоновъ* (Megapatagonen) со всѣми ихъ учрежденіями. Всѣ эти небылицы связаны въ одно цѣлое разсказомъ о какомъ - то семействѣ, обладающемъ летательнымъ искусствомъ породы мухъ. Изъ всей этой безумной и вмѣстѣ безнравственной болтовни къ нашему дѣлу идетъ одна политическая сторона разсказа. Что касается послѣдней, то здѣсь опять мы встрѣчаемся съ ходячими идеями политическихъ утопій касательно общественнаго воспитанія и труда, касательно частной собственности и устройства администраціи въ государствѣ. Всѣ эти мысли, будучи голымъ подражаніемъ, не имѣютъ никакихъ правъ на подробное ихъ изложеніе; еще менѣе достойны его немногіе *оригинальные взгляды* въ этой утопіи. Сюда относится, напримѣръ, то, что на описываемыхъ островахъ государственныя награды (то есть пенсіоны и другія денежныя вспомоществованія служащимъ лицамъ) присуждаются по расчету на вымышленный возрастъ награждаемыхъ лицъ, и что мнимымъ послѣдствіемъ такихъ превосходныхъ учрежденій является удвоеніе жизненности, роста и силъ у всѣхъ гражданъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить того обстоятельства, что въ одномъ отношеніи авторъ оказался гораздо смѣтливѣе прочихъ своихъ собратій-утопистовъ, потому что признаетъ необходимымъ переходное состояніе до полнаго

(¹) Rétif de la Bretonne. La découverte australe par un homme volant. Издано въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

осуществленія своего идеала. До поры до времени у него оставлены обычныя занятія гражданъ въ обществѣ, не вполнѣ уничтожена собственность и сохраняются отдѣльныя жилища для обитателей страны. На первый разъ всѣ улучшенія ограничиваются здѣсь тѣмъ, что рабочіе люди получаютъ заработную плату пропорціонально числу членовъ ихъ семействъ. Средства эти могутъ показаться неразумными и невозможными; но въ нихъ во всякомъ случаѣ проглядываетъ рѣдкое между утопистами уваженіе къ природѣ человѣческой въ томъ отношеніи, что отвергается внезапный переломъ во всѣхъ привычкахъ и обычаяхъ жизни людей въ обществѣ. Истину эту понялъ самъ Кабе, за что вѣроятно и отвергли его «*Les égalitaires babouvistes*».

Нельзя также сказать, чтобы вполнѣ удовлетворительно рѣшила свою задачу подробная политическая утопія, которая явилась въ свѣтъ подъ именемъ «*Государства Фелиціевъ*,» въ концѣ XVIII столѣтія. Кромѣ неодолимой растянутости разсказа, главный недостатокъ этого сочиненія составляетъ отсутствіе таланта въ авторѣ. Когда подумаешь, что книжка эта вышла на свѣтъ Божій въ самый разгаръ французской революціи: невольно ждешь отъ нея болѣе глубокаго взгляда на причины общаго недовольства между народными массами, разсчитываешь на большее обиліе предложеній касательно различныхъ общественныхъ установленій. Но вмѣсто всего этого мы видимъ, что, по мнѣнію автора, общее довольство можетъ быть достигнуто путемъ однѣхъ странныхъ комбинацій и ничтожныхъ измѣненій формъ въ политической сферѣ!

Касательно семейства, собственности и труда здѣсь нѣтъ почти ничего новаго, кромѣ аграрнаго закона, которымъ запрещается владѣть одному лицу болѣе чѣмъ 1500 десятинъ земли, за исключеніемъ дворянъ (Sideristen). Политико-экономическій элементъ въ утопіи незначителенъ до ничтожества; хлѣбная полиція—безмысленна.

Хотя авторъ видимо приписываетъ высокое значеніе своему подробному изложенію государственнаго устройства; но умъ читателя невольно напрашивается на сомнѣніе касательно здравости многихъ отдѣльныхъ идей и правильности цѣлой, по правдѣ сказать, запутанной системы въ сочиненіи. Стоитъ подумать о томъ, что здѣсь предложено учрежденіе не больше не меньше какъ 5 различныхъ

сословій въ народѣ: плебеевъ, дѣйствительныхъ гражданъ, нотаблей, выслуженнаго и наслѣдственнаго дворянства.

Государство состоитъ подъ владычествомъ короля, которому принадлежитъ власть исполнительная, но на самомъ дѣлѣ управленіе предоставлено множеству различныхъ народныхъ собраній, начиная отъ Парламента до Общинныхъ Совѣтовъ. Изъ всего сказаннаго видно, что книга эта справедливо наказана тѣмъ забвеніемъ, которое, по видимому, давно уже тяготѣетъ надъ нею.

Такимъ то медленнымъ шагомъ нужно было проходить черезъ всю эту безотрадную грязь, чтобы столкнуться наконецъ съ писателемъ, который сознаетъ свою цѣль и вполнѣ владѣетъ средствами, находящимися въ его распоряженіи. Таковъ извѣстный коммунистъ *Кабе*, который задалъ себѣ нелегкую задачу—представить въ книгѣ «*Путешествіе въ Икарію*» (1), взгляды своей партіи въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ передъ богатыми и образованными людьми въ обществѣ. И потому-то, съ одной стороны, въ утопіи его заключается требованіе самаго рѣшительнаго переворота—осуществленія начала равенства въ современномъ обществѣ; здѣсь же высказываются горькія жалобы и укоры въ несправедливости и тягости настоящаго порядка вещей. За то, съ другой стороны, общеніе имуществъ и участіе всѣхъ гражданъ въ отправленіи работъ на все государство раскрашены у него самыми привлекательными цвѣтами фантазіи. Тогда какъ въ другихъ политическихъ утопіяхъ только одни капитаны кораблей восхищаются своими новооткрытыми островами со всѣми ихъ учрежденіями: роль такихъ счастливцевъ и обращенныхъ на путь истины выпадаетъ, благодаря Кабе, на долю англійскаго лорда, дочерей министра и тому подобныхъ аристократическихъ особъ. Всѣ изобрѣтенія и наслажденія современной роскоши, вмѣстѣ съ самымъ изысканнымъ комфортомъ, щедрою рукою разсыпаются передъ всѣми членами общества безъ исключенія. Объ общеніи женъ говорится мало уже потому, что черезъ все сочиненіе проведенъ разсказъ о самой нѣжной сердечной исторіи. Однимъ словомъ аристократіи всѣхъ видовъ: ученой и умственной, сословной и имущественной—внушается здѣсь то убѣжденіе, что осуществленіе крайнихъ коммунистическихъ воззрѣній не потребуетъ отъ нея иныхъ жертвъ, кромѣ высокомѣрія и тщеславія,

(1) Voyage en Icarie. Paris. 1842.

что сама аристократія ни мало не сходитъ съ настоящей высоты своей, но что только всѣ другіе элементы общества восходятъ до одного съ нею уровня.

Весьма любопытно узнать, какія средства намѣренъ предложить авторъ для достиженія такого труднаго результата, и потому то будетъ здѣсь совершенно умѣстно болѣе подробное извлеченіе изъ описанія Икаріи.

Сущность семейнаго и супружескаго союзовъ сохраняется въ утопіи Кабе безъ всякаго измѣненія, только предписано общественное воспитаніе дѣтей съ шестилѣтняго ихъ возраста по особо-составленному плану. Въ устроеніи удобствъ и наслажденій матеріальной жизни высказывается не только заботливость, но даже положительная роскошь. Такъ напримѣръ, жилища для всѣхъ гражданъ устраиваются въ большихъ и правильныхъ зданіяхъ, снабженныхъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть дано утонченнымъ архитектурнымъ и садоводнымъ искусствомъ, причемъ каждое семейство получаетъ для себя отдѣльные покои въ домѣ. Граждане обѣдаютъ частію въ общественныхъ отеляхъ, частію же—по вечерамъ и по воскреснымъ днямъ—отдѣльно и семейнымъ образомъ. Но въ обоихъ случаяхъ всѣ необходимые жизненные припасы должны быть ежедневно выдаваемы изъ большихъ запасныхъ магазиновъ. Улицамъ городовъ дано такое устройство, которое представляетъ наиболѣе удобствъ для безпрепятственныхъ сообщеній между жителями: для пѣшеходовъ назначены крытые переходы; усталые и путешественники могутъ пользоваться даровыми омнибусами, пароходами и желѣзными дорогами. Великолѣпныя зданія и монументы ласкаютъ повсюду взоръ зрителя; ничто неизящное не терпится въ государствѣ. Правительство содержитъ 60,000 верховыхъ лошадей для жителей въ столицѣ и по 1,000 въ каждомъ провинціальномъ городѣ. Театры должны быть попремѣнно открыты для всѣхъ и каждаго. Бѣлье и платье отпускаются отъ государства; форма платья должна быть однообразна, и свобода выбора дозволяется только касательно цвѣта одежды. Изъ того, что сказано, можно сдѣлать заключеніе объ имущественной системѣ и объ организаціи труда въ Икаріи. Здѣсь допускается общеніе собственности, или, другими словами, всѣ вещи принадлежатъ здѣсь одному государству, которое, съ своей стороны, въ одинаковой мѣрѣ снабжаетъ всѣмъ

необходимымъ каждое отдѣльное лицо, пріобрѣтая за то право—требовать отъ всѣхъ граждапъ труда на общество. Молодые люди изучаютъ обыкновенно до 18-лѣтняго возраста одно какое нибудь ремесло, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые посвящаютъ себя занятіямъ наукой. Въ случаѣ неумѣренной конкурренціи по какому нибудь роду занятіи, дѣло между соискателями рѣшается посредствомъ испытаніи; получившіе отказъ избираютъ себѣ какую либо другую профессію. Государство заранѣе опредѣляетъ количество того, что должно быть выработано въ теченіе цѣлаго года и выполненію этой задачи обязаны содѣйствовать всѣ граждане: мужчины до 65, а женщины до 50-лѣтняго возраста включительно. Отпуски дозволяются только съ согласія товарищей. Чтобы болѣзнь не могла служить иногда предлогомъ къ лѣни, каждый больной непремѣнно помѣщается въ одномъ изъ общественныхъ госпиталей. Для отправленія тяжелыхъ и унизительныхъ работъ устраиваются машины; домашнія службы производятся женщинами и дѣтьми, которыя должны вставать для этого въ 5 часовъ утра. Лѣтомъ работаютъ 7, зимою 5 часовъ въ сутки; 4 часа времени составляютъ *minimum* женскаго труда. Всѣ работы прекращаются ровно въ часъ по полудни. Торговля не существуетъ и не можетъ существовать внутри государства. Только незначительные излишки продуктовъ вывозятся за границу, гдѣ они продаются не въ частныя руки, а другимъ иностраннымъ правительствамъ, отъ лица государства. Деньги не имѣютъ никакого значенія въ предѣлахъ Икаріи.

Нѣтъ спора въ томъ, что, по мнѣнію Кабе, духовныя, матеріальныя и нравственныя послѣдствія такого порядка вещей, не могутъ не быть утѣшительными въ самой высокой степени. Бѣдность, низшее сословіе и частная служба—неизвѣстныя здѣсь явленія. Повсюду видны утонченное образованіе, полнѣйшая тишина, довольство и спокойствіе. Вездѣ господствуютъ добродѣтель и цѣломудріе, потому что этого требуетъ голосъ общественнаго мнѣнія. Самые воры, которые, до введенія такого блаженнаго состоянія, были запираемы въ тюрьмахъ «*аристократами*», обращаются теперь въ тихихъ, полезныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ превосходныхъ гражданъ. Но литература держится здѣсь подъ строгимъ присмотромъ. Каждый можетъ сочинять книги въ часы досуга, но печатаніе ихъ разрѣшается только въ слѣдствіе особеннаго закона.

Газеты пишутся особо-назначенными для того чиновниками и содержатъ въ себѣ одно изложеніе фактовъ и протоколовъ судебныхъ инстанцій, не дозволяя себѣ никакихъ разсужденій. Каждая община, каждая отдѣльная провинція и наконецъ все государство *in corpore* имѣютъ право издавать *одну* собственную газету. Конституція имѣетъ характеръ представительно демократическій. Все государство состоитъ изъ *1,000 общинъ;* каждыя десять общинъ образуютъ изъ себя *одну провинцію.* Для изданія мѣстныхъ постановленій учреждается въ каждой общинѣ особенное *собраніе,* которое сзывается по три раза въ недѣлю. Отъ каждой провинціи наряжаются 120 человѣкъ *депутатовъ,* которые съѣзжаются четыре раза въ годъ съ тою цѣлью, чтобы способствовать своими постановленіями исполненію общихъ законовъ. Для цѣлаго государства составляется *національное собраніе* изъ двухъ депутатовъ отъ каждой общины, такъ, что каждый изъ нихъ можетъ быть избирателемъ и избираемымъ въ одно и тоже время. Національное собраніе въ полномъ своемъ составѣ засѣдаетъ только въ теченіе 9 мѣсяцевъ; въ остальные три мѣсяца года мѣсто его заступаетъ особенный *Комитетъ.* Національному собранію предоставлена власть законодательная. Чрезъ всѣ ступени этого организма, до послѣдней общины въ государствѣ, проходитъ раздѣленіе на 15 комитетовъ, изъ которыхъ каждый вѣдаетъ какой либо отдѣльный предметъ общиннаго и государственнаго управленія, напримѣръ: дѣла по снабженію народа одеждою, дѣла по общественному продовольствію, и т. под. Между этими комитетами распредѣляются всѣ члены каждаго отдѣльнаго установленія въ государствѣ. Исполнительная власть осуществляется избираемыми и перемѣнными чиновниками, подъ руководствомъ законодательныхъ собраній. Во главѣ государства стоитъ Президентъ съ 15 министрами; по тому же образцу организуется исполнительная власть въ каждой отдѣльной общинѣ и провинціи. Уголовная юрисдикція въ Икаріи присвоена каждому отдѣльному союзу и каждой корпораціи лицъ въ опредѣленныхъ границахъ своей сферы. Такимъ образомъ школа наказываетъ за нарушеніе школьныхъ законовъ; семейства, общины и мастерскія собственною властію караютъ преступленія своихъ членовъ; наконецъ, нарушеніе общественнаго блага подлежитъ суду цѣлаго государства.

Такова картина коммунистическаго блаженства. Само собою

разумѣется, что авторъ не достигъ своей ближайшей цѣли, то есть привлеченія умовъ и примиренія ихъ со своею доктриною. Въ самомъ дѣлѣ трудно было ожидать, чтобы вымышленное изображеніе идеальнаго быта могло пересоздать то омерзеніе, которое питаетъ къ кровавому коммунизму весь аристократическій, богатый и образованный міръ, въ нѣжную и внезапную страсть къ его всеспасительной кротости и гуманности. Нельзя было также автору убѣдить всѣхъ дамъ въ томъ, будто уборка комнатъ, кухонная стряпня и портняжество составляютъ болѣе приличное занятіе, чѣмъ обычное ихъ *dolce far niente* при теперешнемъ устройствѣ общества. Не легко было бы и любому юношѣ отказаться отъ своего скакуна для того, чтобы каждые десять дней производить на общественномъ конѣ гигіеническіе моціоны. Не захочетъ также какой нибудь ученый мужъ съ одушевленіемъ разматывать по утрамъ пряди хлопчатой бумаги и потомъ, съ безкорыстною преданностію, ожидать, пока сепаратный законъ дозволитъ напечатать его, отдыха-ради послѣ обѣда написанное сочиненіе.

Впрочемъ въ этихъ словахъ нѣтъ еще рѣшительнаго приговора надъ достоинствомъ цѣлаго произведенія, которое, говоря откровенно, далеко не маловажно. Кромѣ того, что книга написана занимательно, отношеніе ея къ жизни и страданіямъ современнаго міра придаетъ ей въ глазахъ нашихъ особенное значеніе. Хотя существенныя и основныя мысли въ сочиненіи заимствованы авторомъ у Платона, Мора и Вэрасса—его предшественниковъ; но развитіе этихъ идей, вполнѣ соотвѣтствующее формамъ и средствамъ современной жизни, всегда будетъ имѣть за собою то неоцѣненное достоинство, что въ силу его самъ-собою рисуется образъ идеальнаго общества—помимо исключительныхъ вліяній исторіи и силы фантазіи. Черезъ это становится легче сужденіе о томъ, какое дѣйствіе имѣло бы на насъ подобное состояніе общества. Но въ то же самое время уясняется передъ нами та страшная для коммунизма истина, что общеніе имуществъ — этотъ краеугольный камень всѣхъ его диковинныхъ построеній— вѣчно останется или чистою невозможностію, или самою вѣрною и прямою дорогою къ рабству.

II.

Идеализации существующихъ учрежденій.

Вполнѣ отличаются отъ всѣхъ вышеисчисленныхъ соціальныхъ и политическихъ утопій тѣ произведенія, которыя также имѣютъ въ виду, создавая фантазіею идеально совершенное состояніе, обнаружить недостатки въ настоящемъ порядкѣ вещей, но признаютъ лучшимъ средствомъ для этого не чистый вымыселъ, а идеализацію дѣйствительно существующихъ лицъ и учрежденій. Они не творятъ, силою своего воображенія, совершенно новыхъ формъ и основаній для человѣческой жизни: они очищаютъ только существующія отношенія отъ всѣхъ ихъ практическихъ недостатковъ, надѣляя ихъ, съ своей стороны, всевозможными добрыми качествами и достоинствами. Разыгрывать роль такого воплощеннаго совершенства большею частію приходится на долю какого нибудь историческаго или вымышленнаго лица, а также иногда какого либо несуществующаго идеальнаго государства. Не смотря на это, и здѣсь есть зародышъ оппозиціонной идеи: отъ ясности созданнаго идеала рѣзче проступаетъ мутный осадокъ дѣйствительности! За то здѣсь не видно никакихъ слѣдовъ полнаго отчаянія касательно настоящаго порядка вещей. Напротивъ, сущность того, что представляетъ дѣйствительность, признается удовлетворительною, и порицаніе направлено только противъ *внѣшняго проявленія* внутренняго матеріала человѣческой жизни. На каждомъ шагу видится надежда хотя косвенно подѣйствовать на волю и разсудокъ въ стремленіи ихъ къ лучшему.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что самая сущность этого вида политическихъ утопій представляется коренною причиною того отсутствія энергіи идей, той безцвѣтности реформаціонныхъ предложеній, наконецъ той слабости вообще, которыя замѣтны въ цѣломъ отдѣлѣ этого рода сочиненій. Факты говорятъ здѣсь сами за себя, не допуская никакихъ сомнѣній. Но съ другой стороны ясно, что не здѣсь скрывается причина, почему большинство идеа-

*

лизаціи дѣйствительнаго порядка вещей избираетъ своимъ предметомъ власть правителей въ государствѣ. И прочіе виды политическихъ установленій могутъ получать такую же обработку, съ тѣми же самыми промахами и недостатками, исправленіе которыхъ необходимо въ обозрѣваемой нами категоріи сочиненій. Впрочемъ число такихъ идеализирующихъ политическихъ утопій въ цѣлости оказывается весьма незначительнымъ.

Выше еще представлены были возраженія касательно того, чтобы можно было причислять творенія Платона къ поэтическимъ изображеніямъ вымышленныхъ государственныхъ формъ, хотя многіе весьма часто желали представить ихъ въ такомъ именно свѣтѣ. Характеръ чистой утопіи, правда въ особенномъ ея направленіи, вполнѣ заслуженно принадлежитъ второму творенію Сократовской школы, которому иногда приписывали совсѣмъ иное, т. е. историческое значеніе. Такова *Киропедія Ксенофонта*, гдѣ авторъ имѣетъ въ виду—мягко и безъ нападокъ высказать нѣсколько возраженій противъ демократіи своего отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что особенное свойство избраннаго имъ рода сочиненій заставило его въ историческихъ фактахъ искать опоры своему разсказу; но тѣмъ не менѣе Киропедія есть чистая политическая утопія, имѣющая цѣлью изобразить превосходство неограниченной власти способнаго правителя въ государствѣ. Образцомъ такого идеальнаго совершенства избираетъ Ксенофонтъ Старшаго Кира, такъ что весь разсказъ обращается въ исторію жизни и государственнаго управленія этого монарха.

Такъ какъ существенное содержаніе образцоваго творенія Ксенофонта пользуется общею извѣстностью, то для нашей цѣли будетъ вполнѣ достаточно привести нѣсколько слѣдующихъ замѣчаній. Мы знаемъ, что Ксенофонтъ былъ военный человѣкъ и вполнѣ раздѣлялъ такъ называемыя «благородныя страсти» знатныхъ и богатыхъ людей, т. е. коннозаводство, охоту и наѣздничество. Съ этой точки зрѣнія рисуетъ онъ образъ Верховнаго Правителя и всѣхъ другихъ учрежденій въ государствѣ. Киръ является передъ нами въ качествѣ организатора арміи, завоевателя и полководца, такъ что большая часть цѣлаго повѣствованія посвящается изображенію одной этой стороны политическихъ его дѣяній. Все то, что говорится здѣсь о воспитаніи юношества, объ избраніи себѣ слугъ и довѣренныхъ лицъ

монархомъ — относится главнымъ образомъ къ военно-аристократической жизни. О внутреннемъ управленіи государствомъ упоминается только вскользь; о реформахъ соціальной стороны общества господствуетъ совершенное молчаніе. При такихъ условіяхъ никто не назоветъ несправедливымъ того мнѣнія, что Киропедія Ксенофонта принадлежитъ къ одностороннимъ, неудачнымъ и неполнымъ политическимъ вымысламъ. Чтобы совершенно наглядно изобразить превосходство монархическихъ учрежденій въ государствѣ, нужно было коснуться многихъ другихъ сторонъ общественной жизни. Ясно, что точка зрѣнія Ксенофонта оказывается несостоятельною даже въ дѣлѣ чистаго вымысла. Нѣтъ надобности договаривать, что это строгое порицаніе ограничено тѣсными предѣлами одной политической сферы, нисколько не касаясь какихъ либо другихъ, напр. историческихъ достоинствъ этого изящнаго произведенія.

Прошло 2,600 лѣтъ, пока явилось подражаніе Киропедіи. Нельзя только не пожалѣть, что такое долгое ожиданіе не привело ни къ какому доброму результату. Весьма плачевенъ видъ первыхъ опытовъ въ этомъ родѣ, къ которымъ относятся: *Скидромедія картезіанца Антонія ле-Грана (Scydromedia.* Anton Le Grand. *1680,)* и *Королевство Офиръ (Das Königreich Ophir, 1699)* неизвѣстнаго нѣмецкаго автора. Скидромедія есть маленькая книжечка, чрезвычайно неискусно выдержанная въ тонѣ вымысла. Строго говоря, это есть учебникъ политики, въ которомъ догматическая форма замѣнена описаніемъ различныхъ учрежденій на какомъ-то островѣ Атлантическаго океана, безъ всякой пластичности, безъ малѣйшихъ признаковъ силы фантазіи. Въ нѣсколькихъ главахъ, расположенныхъ по порядку предметовъ, бѣгло и кратко говорится о томъ, что за лицо Король Скидромедіи, какова сфера дѣятельности его Совѣта и т. п. Врядъ ли что можетъ быть тупѣе и безцѣльнѣе этого сочиненія.

За то въ высокой степени занимателенъ по невѣроятному педантизму и безвкусію нѣмецкій идеалъ монархіи, который воплощенъ авторомъ въ изображеніи Офирскаго Королевства. Здѣсь приходится приносить жалобы не на бѣдность въ подробностяхъ, а на положительное отсутствіе всякой свѣжести идей и художественности въ формѣ. Въ цѣломъ сочиненіи господствуетъ совершенно-объективная обработка предмета, въ видѣ дюжаго статистическаго описанія, безъ

всякаго олицетворенія, безъ малѣйшаго отношенія къ героямъ вымышленнаго разсказа. Начало его заключается въ многознаменательномъ описаніи высокаго положенія и предметовъ вѣдомства могущественнаго Консисторіума (das Consistorium). За симъ слѣдуетъ подробное перечисленіе правъ короля и объясненіе образа дѣйствій его супруги, кронпринца и т. п. Изображеніе идеальнаго совершенства въ лицѣ короля преисполнено высочайшаго комизма въ слѣдствіе вялаго, безжизненнаго переложенія догмъ лютеранскаго катехизиса и постановленій полицейскаго эдикта на мнимыя событія, представленныя безъ всякихъ частностей, безъ малѣйшаго желанія сколько нибудь оживить вымыселъ. Такимъ образомъ авторъ, безъ дальнихъ околичностей, *тако славословитъ* Короля Офирскаго: «Den schändlichen Liebes-Reitzungen hänget Er nicht nach, sondern so wie Er seine Gemahlin mit herzinniglichen Caressen bedienet, also lässt Er auch keine unzüchtige Neben-Liebe einnehmen, in Erwägung, dass........etc» (1)

Трудно рѣшить вообще, чего ради параграфы нѣмецкаго компендіума замѣнены здѣсь формою политической утопіи, при положительномъ отсутствіи поэтическаго настроенія и одушевленности въ изложеніи у автора. Впрочемъ безсмысленная эта книга приноситъ такую пользу, о которой конечно не имѣлось и тѣни представленія въ головѣ почтеннаго сочинителя. Она важна по своему историческому значенію въ томъ отношеніи, что служитъ самымъ лучшимъ и яснымъ выраженіемъ той неумѣренной страсти къ полицейскому вмѣшательству, того равнодушія къ отсутствію гражданской свободы, наконецъ той беззаботности касательно гарантіи правъ и интересовъ гражданъ, которые были господствующимъ явленіемъ въ германскомъ государствѣ XVII-го столѣтія. Въ цѣломъ сочиненіи нѣтъ ни единаго слова ни о правахъ подданныхъ, ни о собраніяхъ государственныхъ чиновъ, ни о системѣ *self-governement* въ государствѣ: Единственнымъ признакомъ реформаціонныхъ стремленій автора служитъ робко высказываемый имъ проектъ о замѣнѣ *наслѣдственнаго* дворянства *личнымъ*, т. е. пріобрѣтеннымъ заслугами.

---

(1) Комическая оригинальность этого отрывка заставила меня привести его въ подлинникѣ и отказаться отъ передачи на русскій языкъ тупой и аляповатой морали почтеннаго германскаго автора.

Такимъ образомъ, если бездарному автору было не по силамъ создать, подобно *Мору* и *Кампанеллѣ*, планъ о преобразованіи соціальныхъ и государственныхъ учрежденій, за то онъ представилъ намъ поучительную картину невымышленнаго и по истинѣ жалкаго порядка вещей въ современномъ ему обществѣ.

Такое тупоуміе и безвкусіе придаетъ видъ истинно-образцоваго произведенія слѣдующей теперь по порядку времени книгѣ, хотя она сама по себѣ не имѣетъ много правъ на похвалу и страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ свободнаго воззрѣнія на человѣческія и гражданскія права людей въ обществѣ. Книга эта есть *Телемакъ* Фенелона (первое изданіе 1700 г.). Весьма ошибочно было бы вообще причислять это произведеніе къ категоріи политическихъ утопій. Существенное содержаніе и цѣль Телемака заключаются не въ томъ, чтобы представить въ поэтической формѣ идеалъ государства: предназначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы внушить молодому французскому принцу ясное сознаніе своихъ обязанностей во всѣхъ отношеніяхъ его высокаго положенія и жизни. Впрочемъ, въ цѣломъ твореніи есть нѣсколько отдѣловъ, которые заслуживаютъ упоминанія и обсужденія, потому-что касаются нашего предмета; такова 22-я книга, гдѣ излагаются государственныя реформы Ментора въ *Салентѣ*. Не въ первый разъ уже высказывается мнѣніе о томъ, что авторъ Телемака, жившій въ цвѣтущую эпоху французскаго образованія, вполнѣ обладаетъ изящною формою рѣчи и неизмѣримо далекъ отъ педантизма кабинетнаго нѣмецкаго ученаго. Фенелонъ не только человѣкъ со вкусомъ, но у него есть несомнѣнное поэтическое дарованіе. Но допуская всѣ эти качества, нельзя не сдѣлать нѣсколько оговорокъ и замѣчаній касательно политической стороны сочиненія. Небольшое число безсвязныхъ и иногда болѣе чѣмъ простоватыхъ мѣръ, которыя предложены, въ видахъ улучшенія политическаго состоянія, авторомъ, не даетъ возможности заключить о томъ, чтобы у почтеннаго воспитателя наслѣдника французскаго престола было хотя слабое инстинктивное сознаніе потребностей всѣхъ націй въ XVII-мъ стол. вообще и французскаго народа въ особенности. А между тѣмъ всему свѣту извѣстно то состояніе, къ которому привели эту націю расточительность, завоевательныя стремленія королей и своекорыстная гордость дворянства. Такъ, напримѣръ, Фенелонъ разсказываетъ,

что городъ Салентъ, срытый до основанія, въ короткое время вызванъ былъ къ жизни мѣрами слѣдующаго содержанія: прежде всего посредствомъ аристократическаго раздѣленія народа на *семь* классовъ, съ дворянскимъ сословіемъ во главѣ, такимъ образомъ, чтобы послѣднее самою одеждою своею отличалось отъ прочихъ гражданъ въ государствѣ; во вторыхъ, чрезъ ограниченіе роскоши съ помощію запретительныхъ законовъ, до такой степени строгихъ, что предметы роскоши не могутъ быть изготовляемы въ предѣлахъ государства подъ страхомъ насильственнаго обращенія производителей въ земледѣльческое сословіе, не говоря уже о возможности привоза изъ за-границы. Даже пища, жилье и всѣ общественныя удовольствія опредѣляются строгими и точными правилами. Третье мѣсто въ системѣ этихъ благодѣтельныхъ реформъ занимаетъ покровительство земледѣлію и внѣшней торговлѣ. Послѣдняя цѣль должна быть достигаема частію уничтоженіемъ всѣхъ пошлинъ, частію-же строгимъ преслѣдованіемъ банкротствъ, а также тѣмъ, что купцы имѣютъ право пускать на рискъ только ½ собственныхъ, но никакимъ образомъ и ни въ какой мѣрѣ чужихъ товаровъ. Къ четвертой категоріи государственныхъ мѣръ Фенелона принадлежитъ покровительство искусствамъ посредствомъ учрежденія особенныхъ академій. Никто не можетъ отказать себѣ въ чувствѣ удивленія къ добродѣтели и тому духу, который много разъ высказывалъ въ Телемакѣ благородный архіепископъ Камбрейскій. Но не смотря на это, никто не дастъ ему право занять мѣсто въ ряду остроумныхъ и глубокомысленныхъ политическихъ писателей. Въ смыслѣ утопіи Телемакъ Фенелона весьма близокъ къ твореніямъ Мора и Платона.

Привлекательность внѣшней формы и мода—эта всемогущая сила во Франціи—были причиною того, что слабое по внутреннему достоинству произведеніе нашло для себя не только одобреніе, но и попытки къ подражанію. Личный другъ Фенелона, эмигрировавшій Шотландецъ *Рамсей* (Ramsay) написалъ «*Путешествіе Кира*» (1727 г.), а немного времени спустя, аббатъ *Террассонъ* (Terrasson) описалъ похожденія Египетскаго принца крови—*Сеѳоса* (Sethos), будто-бы жившаго до временъ войны Троянцевъ съ Греками. Лучшимъ масштабомъ для этихъ произведеній можетъ служить то мнѣніе, что оба они несравнено ниже Телемака по внутреннему досто-

нству. Кромѣ того, что какъ тотъ, такъ и другой писатель впадаетъ въ самое грубое нарушеніе вкуса, соединяя ученыя трактаціи объ исторіи и религіи въ древности съ изложеніемъ мѣръ государственнаго порядка: у обоихъ необыкновенно слаба сторона вымысла и политической логики. *Рамсей* не возвышается надъ дюжиннымъ изображеніемъ устройства нѣкоторыхъ греческихъ государствъ и проявляетъ оригинальность свою въ томъ отношеніи, что устраиваетъ для Кира, во время вымышленнаго его путешествія, встрѣчи и длинныя бесѣды съ Зороастромъ, Ликургомъ, Солономъ, Пизистратомъ и Даніиломъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *Террасоновскій Сеѳосъ* гораздо болѣе говоритъ въ пользу ума и воображенія своего автора, и что разсказы послѣдняго о долголѣтнихъ походахъ, геройскихъ дѣяніяхъ и иныхъ сверхъ человѣческихъ доблестяхъ египетскаго принца, въ свое время, не безъ удовольствія прочитывались публикою. Но съ другой стороны и здѣсь видна таже бѣдность политическаго матеріала, какая замѣчается въ вышеприведенномъ сочиненіи. Для него не остается мѣста изъ за чрезмѣрнаго обилія разсказовъ о безчисленныхъ кавалерственныхъ подвигахъ и о египетскихъ мистеріяхъ,—да и самъ авторъ значительно не доросъ до уровня политической задачи. Интересные вопросы объ основаніи колоній и о пріобщеніи дикарей къ составу цивилизованнаго государства обработаны у него истинно-ребяческимъ образомъ: невѣроятности и самая плоская посредственность безпрерывно соперничаютъ другъ съ другомъ. *Царство Атлантовъ*—идеалъ государства у Террассона — построено на двухъ нелѣпостяхъ: во первыхъ—на учрежденіи избирательной и въ тоже время абсолютной монархіи; во вторыхъ на оригинальномъ постановленіи касательно торговли съ иностранцами. Ни одинъ купецъ не только не смѣетъ продавать послѣднимъ товаровъ своихъ за цѣну, опредѣленную деньгами; но даже обязанъ доставлять даромъ все, что ни потребуется иностранцами, съ вознагражденіемъ за это изъ суммъ государственнаго казначейства. Но съ другой стороны иностранцы, уѣзжая изъ предѣловъ государства, могутъ представлять въ общественную кассу всякіе рѣдкіе и дорогіе подарки. Говоря объ этихъ жалкихъ нелѣпостяхъ, нельзя не указать на одно обстоятельство, не чуждое всѣмъ европейскимъ государствамъ того времени во-

обще и Франціи въ особенности. Для нравственной и раціональной стороны въ политической жизни насталъ моментъ того глубокаго паденія, когда рѣчь о самыхъ простыхъ положеніяхъ права и здраваго разума потеряла характеръ внутренней потребности и даже сдѣлалась отважнымъ и рискованнымъ актомъ для мыслящихъ современниковъ. Разлагающійся деспотизмъ могъ принимать впечатлѣнія отъ однихъ каррикатурныхъ изображеній добродѣтели.

Нѣсколько лучшимъ и болѣе замѣчательнымъ не по одному имени автора представляется небольшое сочиненіе, которое написалъ Польскій король *Станиславъ Лещинскій*, во время своего *quasi*-царствованія въ Лотарингіи (1). По большому числу изданій, по длиннымъ опроверженіямъ критическихъ замѣчаній и приговоровъ надъ сочиненіемъ, можно заключить о томъ, что царственный авторъ придавалъ великое значеніе своему творенію. И дѣйствительно, оно бросаетъ много свѣтлыхъ взглядовъ на важнѣйшіе предметы государственнаго управленія, далеко опережая свой вѣкъ въ этомъ отношеніи. Но само собою разумѣется, что здѣсь нечего говорить о великомъ литературномъ и политическомъ значеніи произведенія. Нельзя не замѣтить однакожъ того, что *Лещинскій* предлагаетъ замѣнить постоянныя арміи всеобщимъ земскимъ вооруженіемъ въ формѣ прусскаго ландвера; что онъ говоритъ объ особенной системѣ общественныхъ учебныхъ заведеній, открывающихъ дорогу къ занятію различныхъ службъ и проффессій всѣмъ гражданамъ въ государствѣ, не обращая вниманіе на ихъ происхожденіе. Касательно судебнаго опредѣленія требуетъ онъ уничтоженія продажи судейскихъ должностей (какъ это бывало въ ту пору во Франціи) и—замѣщенія такихъ мѣстъ по конкурснымъ испытаніямъ. Наконецъ въ административномъ отношеніи мы видимъ у него планъ систематическаго устройства различныхъ установленій, на основаніи точнаго распредѣленія между ними отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства. Напротивъ, все то, что касается финансоваго управленія и учрежденій, имѣющихъ въ виду предотвращать непомѣрное колебаніе цѣнъ, по справедливости можно назвать ребячествомъ. Поверхностную болтовню о естественной религіи и о превосходствѣ *честной*, *открытой истинности* *надъ*

(1) Entretien d'un Européen avec un Insulaire du royaume de Dimocalu, par sa Majesté le Roi de Pologne. Paris, 1756.

коварною политикою нужно приписать вліянію современнаго французскаго образованія. Что касается внѣшней формы этого произведенія, то въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, такъ какъ здѣсь повторяется обычная исторія о мнимомъ кораблекрушеніи у неизвѣстнаго острова, на которомъ единственный уцѣлѣвшій отъ гибели человѣкъ, къ крайнему своему изумленію и вмѣстѣ назиданію, находитъ самыя превосходныя учрежденія.

Гораздо болѣе интереса, не столько по новизнѣ идей, сколько по оригинальности формы и по дѣйствительному исполненію многихъ высказанныхъ здѣсь предположеній, заключается въ сочиненіи, гдѣ желаннымъ реформамъ данъ видъ картины будущаго, отдаленнаго по времени состоянія. Такова книга, которая извѣстна подъ именемъ «2,440-й годъ» (1). Авторъ изображаетъ здѣсь то, въ какомъ видѣ будутъ находиться управленіе, нравственное и матеріальное благосостояніе Франціи въ 2,440 году, и пользуется этимъ вымысломъ для устраненія недостатковъ въ организаціи современнаго ему порядка вещей. Нельзя однакоже сказать, чтобы авторъ былъ государственнымъ человѣкомъ въ обширномъ смыслѣ слова: многіе проекты его, которые касаются политическихъ и соціальныхъ улучшеній, или незначительны по внутреннему существу своему, или же не могутъ быть приведены въ исполненіе. Кромѣ того, всѣ они нейдутъ далѣе собранія государственныхъ чиновъ, кодификаціи и воспитанія наслѣднаго принца въ семействѣ простаго гражданина въ государствѣ. Но здѣсь невольно поражаетъ то обстоятельство, что авторомъ весьма вѣрно предугаданы многія улучшенія, которыя были дѣйствительно выполнены во Франціи и особенно въ Парижѣ за послѣднія 18 лѣтъ истекшаго столѣтія. Сюда относятся: освобожденіе городскихъ мостовъ отъ построенныхъ на нихъ домовъ, полная доступность публичныхъ гульбищъ для гражданъ всѣхъ сословій безъ исключенія, чистота и опрятность улицъ, устройство памятниковъ въ честь великихъ людей, соединеніе Лувра съ Тюльери и мн. др. Далѣе, чрезвычайно любопытно также читать въ газетѣ за 2,440-й годъ описаніе такихъ устройствъ и учрежденій въ различныхъ частяхъ свѣта, которыя чрезвычайно близко подходятъ къ современному ходу міровыхъ

(1) Вышла въ 1771-мъ году.

дѣлъ и событій, напр. утвержденіе полной независимости Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, колонизація Австраліи, завязка торговыхъ сношеній съ Японіею и наконецъ уничтоженіе обряда сожиганія вдовъ въ Индіи. Нѣтъ спора въ томъ, что многія предсказанія автора не только не сбылись до настоящаго времени, но даже никогда не сбудутся въ послѣдствіи; можно наконецъ допустить, что для многихъ его пророчествъ не стоитъ и желать этого, но тѣмъ не менѣе вся книга производитъ самое сильное и отрадное впечатлѣніе въ цѣлости. Въ самомъ дѣлѣ, остроумному, наблюдательному, но ничуть не геніальному человѣку удалось предугадать многія важныя улучшенія въ окружающемъ его порядкѣ вещей и ошибиться только въ томъ отношеніи, что осуществленіе ихъ наступило ранѣе срока, предположеннаго прорицателемъ. И потому то, если какое либо идеальное произведеніе хотя въ малой мѣрѣ можетъ содѣйствовать введенію лучшаго порядка вещей въ будущемъ: такой трудъ всегда составитъ положительную заслугу предъ человѣчествомъ, и изученіе его никогда не будетъ тратою времени для читателя.

Всѣ остальныя политическія утопіи втораго разряда принадлежатъ одному и тому же писателю. Если бы одно имя автора могло служить лучшимъ ручательствомъ за достоинство всѣхъ его твореній, то мы были бы навѣрное блистательно награждены за блѣдность всѣхъ предыдущихъ произведеній знаменитымъ Галлеромъ, который выступилъ въ свѣтъ съ трилогіею политическихъ утопій (1). Но даже пламенные почитатели этого ученаго мужа не будутъ въ силахъ признать такого великаго значенія за его твореніями. На кого бы ни падала здѣсь отвѣтственность—на слабость вѣка или на сущность этого рода сочиненій, передъ нами стоитъ на лицо тотъ фактъ, что всѣ три книги Галлера—слабыя и тупыя произведенія. Главная погрѣшность ихъ со стороны формы заключается въ томъ, что разговорный и резонирующій тонъ преобладаетъ здѣсь надъ разсказомъ и описаніемъ, которые болѣе свойственны изложенію различныхъ устройствъ и разнообразныхъ событій. Но не смотря на это, не слѣдуетъ также уменьшать настоящаго значенія этихъ

---

(1) *Usong*, восточная исторія, 1771. *Alfred*, король англосакс. 1774 г.; *Fabius und Cato*, отрывокъ изъ Римской исторіи, 1774.

сочиненій. Заслуга *Узонга* заключается въ томъ, что здѣсь сдѣлана попытка разсмотрѣть ту форму политическаго быта, относительно которой обыкновенно отрицали возможность теоретическаго поученія съ одной стороны и практическихъ улучшеній съ другой, не смотря на то, что она многія тысячелѣтія преобладаетъ въ значительнѣйшей части земнаго шара. Здѣсь разумѣется деспотическая форма правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное воззрѣніе ошибочно съ точки зрѣнія дѣйствительной жизни и науки. Справедливо, что сущность деспотизма есть безграничный произволъ, въ силу котораго никто, кромѣ Верховнаго Властителя, не имѣетъ никакого значенія и правъ въ организмѣ государства. Но не смотря на это, нельзя сказать, чтобы деспотизмъ уничтожалъ всякую возможность такихъ учрежденій въ государствѣ, которыя, будучи признаны полезными и въ силу этого дѣйствительно организованы верховною властію, обезпечиваютъ относительное благосостояніе подданныхъ. Хотя деспотизмъ въ строгомъ смыслѣ этого слова исключаетъ понятіе государственнаго права; за то *политика деспотизма* не только возможна, но даже необходима и полезна.

Совсѣмъ инымъ представляется вопросъ объ удовлетворительности, практичности и разумности мѣръ, предложенныхъ Галлеромъ. Въ его Узонгѣ замѣчаемъ мы слѣдующее: строгое отдѣленіе военной власти отъ гражданской въ государствѣ; удержаніе высшихъ вождей при дворѣ и разсылка подчиненныхъ лицъ для командованія въ провинціяхъ; учрежденіе ландвера; отдѣленіе судопроизводства отъ администраціи и уменьшеніе поземельныхъ налоговъ вмѣстѣ съ пошлинами на привозные товары. Кромѣ того, авторъ возлагаетъ самыя высокія надежды на личныя качества верховнаго правителя въ государствѣ.

Гораздо менѣе значенія имѣютъ другія его сочиненія: *Альфредъ и Фабій и Катонъ*. Цѣль перваго составляетъ желаніе показать превосходство представительной монархіи надъ неограниченною; второе сочиненіе доказываетъ тоже самое для аристократической формы правленія сравнительно съ чистою демократіею. Представительная система въ первомъ сочиненіи построена съ точки зрѣнія строгаго раздѣленія трехъ властей, преобладавшаго между публицистами въ эпоху Галлера. Трудно только понять, зачѣмъ именно избрана пластическая форма для выраженія того принципа,

который пользовался всеобщимъ одобреніемъ. Здѣсь сама собою уничтожается заманчивость скрытой и ловкой оппозиціи.

Въ заключеніе этого обозрѣнія нельзя не предложить вопроса о томъ: какая польза для міра вытекаетъ изъ цѣлаго длиннаго ряда этихъ многочисленныхъ произведеній? Другими словами: въ чемъ заключается истинное отношеніе ихъ къ наукѣ и къ дѣйствительной жизни? Ясно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о непосредственной пользѣ для жизни: не было еще примѣра, чтобы какое нибудь государство взяло для себя за образецъ учрежденія, описываемыя въ политическихъ утопіяхъ. Трудно также, чтобы это могло когда либо случиться въ будущемъ. Уже одна форма, въ которую облечены идеи политической утопіи, представляетъ нѣчто антипатичное для практическаго государственнаго человѣка, всякій разъ, когда взоръ его обращается къ этимъ легкимъ и воздушнымъ образамъ. Притомъ же большинство предлагаемыхъ здѣсь проектовъ, какъ то: общеніе имуществъ, организація труда, почти совершенное уничтоженіе брака и семейства—едва ли могутъ привлечь къ себѣ вниманіе и участіе человѣка, не лишеннаго яснаго взгляда на основанія общественной жизни. Но вмѣстѣ съ этимъ никто не рѣшится сказать, что политическія утопіи лишены всякаго, даже *непрямаго* вліянія на жизнь человѣческую. Напротивъ, у нихъ нельзя отнимать довольно сильнаго, хотя нѣсколько неуловимаго значенія для общества. Нѣкоторыя творенія этого рода много читались образованными людьми всѣхъ европейскихъ націй. Неизбѣжнымъ результатомъ этого чтенія должно было явиться то убѣжденіе, что дѣйствительно-существующія учрежденія не только не составляютъ единственно-возможнаго и лучшаго порядка вещей; но что большинство ихъ допускаетъ, если не самостоятельно производитъ, многія грустныя явленія на землѣ. Всѣ политическія утопіи непремѣнно должны обратить вниманіе на печальное положеніе низшихъ слоевъ общества, привлечь къ этому предмету чувство и фантазію всѣхъ сострадательныхъ людей. Вмѣстѣ съ этимъ у многихъ лицъ не можетъ не пробудиться желанія и горячаго стремленія къ оказанію помощи; и если идеалы несуществующаго блаженства оставлены были въ сторонѣ, за то, при случаѣ, не разъ совершалось

подъ ихъ вліяніемъ многое, дѣйствительно полезное для человѣчества. Если бы даже политическія утопіи ограничились однимъ тѣмъ, что внушили различнымъ школамъ соціалистовъ большую часть ихъ идей и проектовъ: и въ такомъ случаѣ невозможно было бы отвергать значительнаго, хотя непрямаго вліянія ихъ на жизнь человѣчества. Если теперь нѣтъ, да и не можетъ быть рѣчи объ устройствѣ *фаланстеръ* и объ организаціи двухчасоваго перемѣннаго труда въ обществѣ, за то въ ученіи соціалистовъ коренится общее всему современному міру стремленіе—отыскать средства и пособія противъ той страшной язвы, которую называютъ теперь на западѣ *пауперизмомъ*. Что касается ученаго значенія политическихъ утопій, то въ этомъ отношеніи нужно различать въ нихъ явную или сокрытую *критику* существующихъ политическихъ принциповъ и ученій отъ *положительныхъ проектовъ* касательно реформы государственныхъ соціальныхъ учрежденій.

Говоря серьезно, нельзя не давать высокой цѣны этой критикѣ, особенно когда извѣстно, что такое происходитъ въ сферѣ философіи права и политики. Не подлежитъ сомнѣнію, что науки эти, опираясь на общую, твердо установленную точку зрѣнія, должны вырабатывать самостоятельный и безпристрастный взглядъ на юридическую природу общественной жизни и касаться средствъ къ наилучшей ея организаціи, не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ случайнымъ, не подходящимъ подъ общіе и высшіе законы существованія. Безспорно также и то, что онѣ должны указывать на промахи и несправедливости въ существующихъ учрежденіяхъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что свободная наука черезъ чуръ легко подчиняется вліянію конкретнаго матеріала. Сроднившись съ нимъ, она находитъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ разумнымъ требованіямъ, и такимъ то образомъ систематизируются и получаютъ законность промахи и несправедливости, вмѣсто того, чтобы подвергаться порицанію и исключенію изъ области науки. Изъ всего этого само собою вытекаетъ внутреннее достоинство такой критики, которая стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, и представляетъ намъ образъ другаго порядка вещей, непохожаго на дѣйствительность. Если подобная заслуга встрѣчаетъ мало привѣта и сочувствія, вина на это падаетъ не на писателя въ сферѣ политической утопіи.

Гораздо менѣе значенія должно приписывать *положительнымъ проектамъ* въ политическихъ утопіяхъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ въ виду однѣ перемѣны политическихъ формъ, не касаясь преобразованій въ составѣ цѣлаго общества. Что касается первыхъ, то въ этомъ отношеніи политическія утопіи до сихъ поръ еще не произвели рѣшительно ничего новаго. Въ цѣломъ длинномъ ряду этихъ сочиненій нѣтъ ни одного, которое бы поражало и привлекало блескомъ, непогрѣшительностію и оригинальностію идей въ пріисканіи новыхъ формъ политической жизни. Все вращается около ультра-демократической системы выборовъ, значеніе которой такъ хорошо изучено теперь путемъ собственныхъ опытовъ, или же около избранія въ юныхъ лѣтахъ будущаго правителя въ государствѣ. Утопіи Галлера и Ксенофонта, не подходящія подъ обѣ эти категоріи, частію служатъ только вѣрнымъ отраженіемъ простой дѣйствительности, частію же заранѣе предполагаютъ въ своихъ герояхъ самыя блестящія личныя качества. Пользуясь ими, авторы легко приходятъ ко всѣмъ желаннымъ результатамъ; но мы знаемъ, какъ рѣдко такое счастливое сочетаніе благопріятныхъ условій въ дѣйствительности, и потому то существуетъ всегда потребностъ въ организаціи замѣняющихъ и пополняющихъ эти качества учрежденій. Такая неудача не есть дѣло неблагопріятнаго случая или же личной неспособности писателей: основаніе ея коренится въ сущности самаго предмета. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы форма поэтическаго вымысла могла быть съ пользою примѣнена къ изложенію проектовъ о реформѣ государственныхъ учрежденій. Нѣкоторая степень пластичности можетъ быть допущена въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ вымышленнымъ, но живымъ лицамъ утопіи, какъ напримѣръ—говоря о воспитаніи принцевъ царствующаго дома, о высшихъ сановникахъ въ государствѣ, и т. п. Но формальная сторона учрежденій и мелкія частности отдѣльныхъ вѣтвей государственнаго устройства и управленія — рѣшительно не ладятъ съ поэтическими формами. Вымышленный учредительный эдиктъ съ подробнымъ опредѣленіемъ предметовъ вѣдомства и постепенности аппелляціонныхъ инстанцій и такой же подробный уставъ о выборахъ были бы несносно длинны и нелѣпы въ одно и тоже время. Примѣръ и подтвержденіе этому видѣли мы

въ утопіи Гаррингтона. Поэзія и гербовый бланкъ указа никакъ не вяжутся другъ съ другомъ! Не входя въ мелкія частности, нельзя судить ни о внутреннемъ достоинствѣ проекта, ни о степени его выполнимости. Совсѣмъ иначе поставленъ въ утопіяхъ вопросъ о реформахъ общественныхъ. Послѣднія представляютъ собою болѣе гибкій и благодарный матеріалъ для силы изобрѣтенія и фантазіи у автора. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что естественные выводы изъ какой либо основной мысли, въ родѣ общенія имуществъ, обозначаются гораздо яснѣе, когда облечены въ поэтическую форму, чѣмъ при одномъ логическомъ ихъ развитіи. Такимъ образомъ соціальная сторона политическихъ утопій составляетъ далеко не безсильный элементъ броженія для самой науки въ строгомъ ея значеніи, если только имъ удастся отвѣтить на нерѣшенный или спорный вопросъ яснымъ и живымъ изображеніемъ какого-либо опредѣленнаго состоянія. Нельзя не пожалѣть о томъ, что до послѣдней поры эта положительная сторона политическихъ утопій можетъ представить въ свою пользу весьма малое число удавшихся результатовъ.

Болѣе всего подвергались реформамъ въ политическихъ утопіяхъ три главныя учрежденія, или, лучше сказать, коренныя опоры нашего общества: свобода труда, бракъ и начало частной собственности. Ни мѣсто, ни сущность самаго дѣла не требуютъ подробныхъ теоретическихъ доказательствъ слабости проектированныхъ измѣненій. Уничтоженіе моногамическаго брака въ его христіанско-германской формѣ было-бы рѣшительнымъ шагомъ назадъ къ варварству и одичалости для всего человѣчества. Въ вопросѣ частной собственности главную задачу составляетъ устроеніе общаго довольства всѣхъ гражданъ, но никакъ не легализація грабежа въ обширныхъ размѣрахъ, какъ полагаютъ это радикалы-коммунисты. Вновь предложенная организація труда тождественна съ рабствомъ и уничтоженіемъ личности гражданъ, слѣдовательно составляетъ вопіющее нарушеніе правъ и всей природы человѣческой. Уничтоженіе начала семейнаго воспитанія и опредѣленіе женщинъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ безъ исключенія только усиливаютъ собою безнравственность вышеприведенныхъ предложеній.

Совершенно противно логикѣ было бы теперь выводить изъ всѣхъ этихъ промаховъ то заключеніе, будто политическія утопіи вообще лишены всякаго значенія для жизни и теоріи. Вся вина заключается въ неправильности идей, не ставшихъ въ прямое и надлежащее отношеніе къ цѣлой задачѣ. Если бы какой нибудь даровитый писатель схватилъ живую и вѣрную сторону этой послѣдней; если бы онъ изобразилъ тонкими чертами картину лучшаго и совершеннѣйшаго состоянія общества, въ контрастъ съ политическимъ и соціальнымъ устройствомъ его въ дѣйствительности; если бы кто либо указалъ на судьбу бѣднѣйшихъ и угнетенныхъ классовъ людей въ обществѣ, и предложилъ лучшую организацію труда, подтвердивъ при этомъ ту истину, что народу незачѣмъ отказываться отъ цивилизаціи и убивать личность своихъ гражданъ для упроченія вещественнаго благосостоянія массъ; если бы кто нибудь доказалъ, что существуетъ на самомъ дѣлѣ возможность примиренія и сближенія между верхнимъ и низшимъ слоемъ общества; когда бы кто замѣнилъ неестественное коммунистическое варварство такимъ порядкомъ вещей, котораго желаетъ и домогается все человѣчество: тогда только можно было бы смѣло сказать, что политическая утопія найдетъ себѣ полное одобреніе и получитъ дѣйствительное значеніе для жизни человѣка, и что наука непремѣнно занесетъ такое произведеніе въ категорію своихъ сокровищъ.

Андрей Стояновъ.

ЛОНДОНСКІЕ ПОЛИЦЕЙСКІЕ СУДЫ.

Англійская полиція выставляется обыкновенно, какъ образцовая во всей Европѣ, и она по справедливости заслуживаетъ такого отзыва и подражанія со стороны другихъ государствъ. Съ характеромъ преимущественно предупредительнымъ или охранительнымъ англійскій полисменъ знаетъ наперечетъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ своего квартала. Ночью и днемъ на всякомъ мѣстѣ, на каждомъ углѣ и перекресткѣ стоитъ джентльменъ самой благородной наружности, одѣтый очень чисто, въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ лакированной шляпѣ, и хотите ли справиться куда и какъ пройти, пожаловаться, если васъ обидѣли и т. д., этотъ джентльменъ къ вашимъ услугамъ. Ему стóитъ войти въ самую шумную таверну и увидѣвъ за кружкою пива какого нибудь Джона, котораго обвиняютъ въ воровствѣ, ударитъ его легонько палочкою, инвеститурою его власти, и Джонъ обращается въ самое послушное существо, оставляетъ товарищей и идетъ рука объ руку съ полисменомъ, съ которымъ мирно о чемъ то разговариваетъ.

Лондонская полиція, исполняя важную обязанность оберегать городъ и его жителей, гнушается всякихъ противныхъ ея чести шпіонскихъ порученій, и извѣстенъ протестъ Лондонскихъ полисменовъ противъ распоряженія, чтобы они слѣдили за сношеніями, перепискою и поступками поселившихся въ Лондонѣ политическихъ преступниковъ. «Назначеніе наше другое,» говорили полисмены, «и если изъ насъ хотятъ сдѣлать шпіоновъ, то мы всѣ выйдемъ въ отставку!» Разумѣется, приказаніе отмѣнили, полисмены остались на своихъ мѣстахъ; но фактъ тѣмъ не менѣе остается замѣчательнымъ, и только составъ полиціи, воззрѣніе на нее Англичанъ могутъ объяснить уваженіе, которое сами къ себѣ питаютъ полисмены и которымъ пользуются со стороны другихъ.

Нынѣ существующая полиція введена въ Лондонѣ всего съ 1829 г. по настояніямъ и представленіямъ сэра Роберта-Пиля, а до того улицы Лондона охранялись сторожами, по большей части инвалидами, стариками, которыхъ народъ по просту называлъ *Карлуша-*

ми (Charlics). Теперь, на оборотъ, служащіе въ полиціи—народъ молодой, проворный, ловкій; опытъ доказалъ, сколько можетъ городъ разсчитывать на нихъ въ случаѣ возстаній, смутъ и безпорядковъ, и по статистическимъ даннымъ, собраннымъ для Лондона, оказывается, что съ 1844 по 1848 годъ было взято подъ стражу разнаго рода людей 374,710 человѣкъ.

Въ административномъ отношеніи Лондонъ, какъ извѣстно, дѣлится на двѣ совершенно различныя части: одна изъ нихъ торговая —Сити, другая аристократическая—метрополія. Въ обѣихъ частяхъ полиція устроена на одинаковыхъ основаніяхъ, и въ одной метрополіи считалось въ 1855 году 5735 полисменовъ. Жалованье имъ производится, круглымъ числомъ, по 18 шиллинговъ (т. е. 5 р. 50 коп. сер.) въ недѣлю и кромѣ того дается верхняя одежда и по 40 фунтовъ каменнаго угля на недѣлю, женатымъ круглый годъ, а холостымъ въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, а въ прочіе мѣсяцы по 20 фунтовъ. За это значительное содержаніе констебль обязанъ ходить круглый день по ввѣренной его надзору части города, и вычислено, что онъ дѣлаетъ въ день отъ 20 до 25 миль. Съ 9 часовъ вечера до 6 часовъ утра вступаютъ въ должность ночные полисмены, которые съ потайнымъ фонарикомъ дѣлаютъ тоже, что и денные.

Огромныя издержки, необходимыя на Лондонскую полицію, покрываются главнымъ образомъ изъ приходскихъ сборовъ (по восьми пенсовъ съ каждаго фунта стерл. сбора), а недостающее пополняется казною. Такимъ образомъ для всѣхъ тягость эта нечувствительна, а между тѣмъ дана возможность имѣть на службѣ порядочныхъ людей, въ честность которыхъ вѣрятъ и которые оправдываютъ довѣріе къ себѣ общества.

Но не это одно заставляетъ хвалить Лондонскую полицію. Если Англичанинъ безмолвно повинуется, въ лицѣ полисмена, власти королевы, онъ знаетъ, что арестомъ и ограничивается власть надъ нимъ полиціи и за тѣмъ оканчиваются всякія произвольныя ея дѣйствія. Подчиняясь полисмену, Англичанинъ знаетъ, что онъ гарантированъ отъ всякаго насилія, несправедливой строгости и что чрезъ 24 часа онъ узнаетъ, во 1-хъ, за что онъ обвиненъ, и во 2-хъ предстанетъ предъ судью, который объявитъ ему объ ожидающей его судьбѣ. Полицейскіе суды, разсѣянные по всему Лондону, т. наз.

Police stations или *police courts* служатъ въ этомъ случаѣ лучшимъ охраненіемъ для личности и имущества гражданина, и это учрежденіе пользуется такимъ значеніемъ, что перенесено англійскими переселенцами и въ Новый Свѣтъ и тамъ осталось до настоящаго времени безъ измѣненія.

Составъ полицейскихъ судовъ различенъ въ обѣихъ частяхъ Лондона: въ метрополіи они находятся подъ высшимъ надзоромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ (the secretary of state for the home department), который и опредѣляетъ въ председатели такихъ судовъ адвокатовъ, состоящихъ на практикѣ по крайней мѣрѣ семь лѣтъ. Въ Сити такое устройство было бы не у мѣста: въ немъ все управленіе ввѣрено самимъ гражданамъ и избраннымъ ими лицамъ, а правительство королевы вовсе не вмѣшивается въ администрацію Сити и отправленіе въ немъ дѣлъ. Лордъ-Мерь въ ратушѣ (Mansion-House), одѣтый въ пурпурный плащъ, съ своимъ мечемъ и жезломъ, такой же здѣсь король, какъ тотъ, кто правитъ всею Англіею изъ Букингемскаго или С. Джемскаго дворца. Съ Лордомъ-Меромъ власть дѣлятъ т. наз. старшины (aldermen), числомъ 26, и председателемъ полицейскихъ судовъ въ Сити—одинъ изъ нихъ. Иногда кресло председателя занимаетъ и самъ Лордъ-Меръ.

Часу въ 10-мъ утра по множеству полисменовъ, которые стекаются въ полицейскіе суды частей Лондона въ качествѣ обвинителей или свидѣтелей, по толпѣ народа, которую интересуетъ разборъ дѣлъ товарищей, родственниковъ, знакомыхъ, легко догадаться, что это помѣщеніе суда. Двери открыты для всѣхъ, но такъ какъ комната присутствія невелика; то въ случаѣ большаго стеченія обвиняемыхъ, пускаются только тѣ, которые почему нибудь прикосновенны къ дѣлу. При населеніи въ 2½ милліона трудно предположить недостатокъ въ полицейскихъ проступкахъ, и дни, когда судьѣ нечего разбирать, выдаются очень рѣдко; но еслибы это случилось, то по издавна существующему въ Сити обычаю засѣдающій альдерменъ имѣетъ право требовать отъ своихъ согражданъ пары бѣлыхъ оленьихъ перчатокъ.

Въ залѣ засѣданій величайшая простота. Въ нее ведетъ дверь чуть не съ самой улицы, отъ которой отдѣляется небольшою переднею, гдѣ толпятся полисмены. На мѣстѣ, обыкновенно противуположномъ входу, за небольшимъ возвышеніемъ, въ родѣ кафедры,

сидитъ полицейскій судья (the magistrate), которому придаютъ титулъ: «Your Worship», въ родѣ «Ваше Благородіе!» Подлѣ него столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ книги, бумаги, протоколы. За этимъ же столомъ сидитъ секретарь (clerk). Тутъ же гдѣ нибудь дверь во внутреннюю комнату. По стѣнамъ тянутся лавки для слушателей, корреспондентовъ газетъ, адвокатовъ, и за тѣмъ на противуположномъ концѣ комнаты нѣсколько возвышенное мѣсто для обвинителя и свидѣтелей, которые говорятъ обращаясь къ судьѣ и слѣд. показанія ихъ слышны для всѣхъ. Наконецъ рядомъ съ этимъ возвышеніемъ другое—для обвиняемыхъ, которые выводятся сюда обыкновенно изъ комнаты въ нижнемъ этажѣ, служащей арестантскою.

Мы описали внѣшній видъ полицейскаго суда для того, чтобы показать, что при крайней простотѣ помѣщенія, все въ немъ придумано и устроено чрезвычайно практически, нѣтъ ничего лишняго, но нельзя сказать, чтобы чего нибудь недоставало. Здѣсь даже опущены тѣ форменныя одежды (черныя мантіи и сѣдые парики), которыя въ другихъ судахъ составляютъ необходимую принадлежность судей и адвокатовъ. Только, какъ бы въ память о древнемъ обычаѣ творить судъ гдѣ нибудь въ открытомъ мѣстѣ, въ полѣ, подъ дубомъ, судья сидитъ въ обыкновенной круглой шляпѣ, всѣ же прочіе непокрыты.

Такъ же просто и безъискуственно все производство въ полицейскихъ судахъ, а потому оно быстро, словесно и только въ рѣдкихъ случаяхъ, по волѣ обвиняемаго, ведется адвокатами; но обыкновенно дѣло обходится безъ нихъ. Въ сущности, это тоже производство, какое предъ мирнымъ судьею, и имѣетъ главнымъ образомъ въ виду опредѣлить виновность того, кто нарушилъ общественный миръ, подвергнуть его пени, денежному штрафу, аресту, или, если рѣшеніе дѣла превосходитъ мѣру виновности, которой обсужденіе предоставлено мирному судьѣ, отослать обвиняемаго къ формальному суду (for trial).

Отличительная черта Англійскаго уголовнаго судопроизводства, т. е. что оно не начинается безъ обвинителя, сохраняется во всей силѣ и въ полицейскихъ судахъ. Обвинителями здѣсь являются по большей части сами полисмены, которые поймали вора, мошенника, бродягу, пьяницу, и съ вечера привели ихъ въ арестантскую, или вводятъ прямо съ улицы въ судъ. Если же обвиняется отсутствующій частнымъ лицомъ, которое обижено, судья даетъ приказаніе полис-

мену привести обвиняемаго, что почти всегда и дѣлается немедленно, такъ какъ суды раздѣлены по округамъ города, гдѣ они учреждены, и слѣд. мѣсто жительства обвиняемаго не можетъ быть очень отдалено. Какъ скоро стороны на лице, начинается разбирательство дѣла. Другое отличіе полицейскаго суда вытекаетъ изъ неотъемлемаго права каждаго подданнаго Англійской Короны на примѣненіе къ нему т. наз. habeas corpus,—акта, котораго неприкосновенность всегда и всѣми мѣрами отстаивали и отстаиваютъ Англичане. Извѣстно, что на основаніи его никто не можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію безъ суда и содержаться въ арестѣ долѣе 24 часовъ, не узнавъ за какую вину его подвергнули задержанію и какой приговоръ ожидаетъ его. Разборъ дѣла въ полицейскомъ судѣ есть не болѣе, какъ предварительное слѣдствіе (examination) во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло не можетъ быть рѣшено въ самомъ police court; въ обыкновенныхъ же случаяхъ дѣло оканчивается въ одинъ день, такъ что обвиняемый узнаетъ и вину свою и то, освобождается-ли онъ отъ дальнѣйшаго суда или, наоборотъ, подвергается ему.

Обвинитель (prosecutor), послѣ обѣщанія «говорить одну правду и ничего кромѣ правды» и послѣ цѣлованія поднесенной ему клеркомъ книги Новаго Завѣта, излагаетъ обстоятельства дѣла; судья или адвокатъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ есть) предлагаетъ ему вопросы, которые найдетъ необходимыми; за тѣмъ обвиняемый задаетъ свои вопросы (crossexamine), на которые онъ обязанъ отвѣчать, а если обвиняемый молчитъ, судья спрашиваетъ его, виноватъ ли онъ или нѣтъ, и получаетъ отвѣтъ или что не виноватъ, не знаетъ вовсе, въ чемъ его обвиняютъ, и т. д. или, наоборотъ, виноватъ, и по своему излагаетъ обстоятельства дѣла. Съ своей стороны обвинитель опровергаетъ показаніе противника, и выслушиваются свидѣтели, на которыхъ сдѣлана ссылка. Уловки, къ которымъ прибѣгаютъ стороны, могутъ быть сейчасъ выведены на чистую воду, обнаружены и состязаніе это продолжается до тѣхъ поръ, пока не истощатся всѣ доводы, которыми онѣ обладаютъ.

Оффиціальнаго обвинителя, который бы съ перваго раза громилъ виновность того, кто попалъ на мѣсто обвиняемаго, въ Англіи нѣтъ,—всякій считается невиннымъ, пока, какъ говорили Римскіе юристы, противное не будетъ доказано (donec contrarium probatur). Обвинитель—частное лице, и не болѣе какъ свидѣтель; мнѣніе судьи

не приготовлено вовсе къ обвиненію, онъ ex officio защитникъ обвиняемаго, посредникъ, ждущій, до чего состязаніе доведетъ стороны, и записываетъ обстоятельства дѣла, дабы имѣть на что опереться при окончательномъ приговорѣ. Въ реестрѣ, въ который внесены случаи, подлежащіе разбору, кратко отмѣчается содержаніе каждаго изъ нихъ, свидѣтельскія показанія, и за тѣмъ рѣшенія, которыя могутъ быть или окончательными, или, на оборотъ, когда полицейское производство было только слѣдствіемъ, предварительными.

Полицейскій судья по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, или находитъ обвиненіе неправильнымъ (dismisses the case) и освобождаетъ обвиняемаго отъ преслѣдованія (discharges), чего иногда достигаетъ тѣмъ, что убѣждаетъ обвинителя отказаться отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, показавъ ему его неосновательность и шаткость, или, если проступокъ имѣетъ слѣдствіемъ какія нибудь убытки, миритъ стороны, избравъ въ посредники третье лицо.—Если же, наоборотъ, обвиняемый будетъ найденъ виновнымъ въ полицейскомъ проступкѣ (convicted), который на него взведенъ, то судья приговариваетъ его къ пени или штрафу, кратковременному тюремному заключенію, или ограничивается увѣщаніемъ, что не взыскивается вина по молодости, неопытности обвиняемаго, или другимъ причинамъ, и кромѣ того съ него берется обязательство (recognizance) съ поручительствомъ, что онъ не будетъ нарушать общественнаго мира и станетъ вести себя хорошо въ отношеніи къ Королевѣ, ея властямъ и особенно обвинителю.

Такимъ образомъ, т. е. окончательнымъ оправданіемъ или приговоромъ къ одному изъ означенныхъ наказаній оканчивается большая часть дѣлъ, подлежащихъ полицейскимъ судамъ. Изъ таблицъ, издаваемыхъ ежегодно Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о числѣ рѣшеній полицейскихъ судовъ метрополіи (The tables showing the number of charges heard at the police in the Metropolis) оказывается, что окончательно рѣшено въ одинъ изъ недавно минувшихъ годовъ, 44,439 случаевъ, въ которыхъ замѣшано было 48,742 человѣка; изъ нихъ оправдано 20,697, обвинено 28,045 человѣкъ, и изъ этихъ послѣднихъ подверглись денежному штрафу 15,876, а прочіе тюремному заключенію, и всего болѣе на короткіе сроки; а именно: болѣе 6 мѣсяцевъ—15 человѣкъ, отъ 6 до 5—22, отъ 5 до 4—ни

одинъ, отъ 4 до 3 мѣсяцевъ—12, отъ 3 до 2—859, до одного мѣсяца—1942, отъ одного мѣсяца до 14 дней—5045, отъ двухъ до одной недѣли—2916, на недѣлю и менѣе—1311.

Что касается до производства другаго рода дѣлъ, хотя начинающихся въ тѣхъ же полицейскихъ мѣстахъ, но переходящихъ для окончательнаго рѣшенія въ уголовные суды, то число ихъ значительно менѣе, и полицейскій судья, въ качествѣ слѣдователя, подробнѣе, чѣмъ въ дѣлахъ о проступкахъ, излагаетъ въ реестрѣ показанія обвинителя, свидѣтелей и т. д., и когда обстоятельства дѣла уяснены и окажется необходимость предать виновнаго по роду или тяжести обвиненія уголовному суду, то обвиняемый или отдается на поруки, что явится на судъ въ ближайшій срокъ засѣданія судей (bail for trial) или заключается въ тюрьму за недостаткомъ поручительства (committed for want of sureties), но какъ извѣстно и это предварительное слѣдствіе считается недостаточнымъ для преданія человѣка уголовному суду. На основаніи данныхъ, которыя обнаружатся слѣдствіемъ, судятъ т. наз. большіе присяжные, а о самой виновности рѣшаютъ малые присяжные (grand and petty jury).

Изъ сказаннаго о полицейскихъ судахъ Лондона выводъ ясенъ: рѣшая дѣла о проступкахъ противъ порядка или общественнаго мира (напр. въ случаяхъ маловажныхъ оскорбленій, убытковъ, нарушенія правилъ о трезвости, уваженія къ праздникамъ и т. д.), скоро и безъ большихъ издержекъ, судъ не отвлекаетъ человѣка отъ его обычныхъ занятій, но въ тоже время возстановляетъ справедливость, нарушенную частнымъ лицемъ. Цѣль слѣд. достигнута, человѣкъ наказывается не свыше мѣры, а полицейскіе суды пользуются заслуженнымъ уваженіемъ и къ нимъ прибѣгаютъ безъ страха и боязни.

АЛ. ЛАКІЕРЪ.